

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Пашкова Татьяна Владимировна

**НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА КАРЕЛОВ XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА:
ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук,
старший научный сотрудник
Винокурова Ирина Юрьевна

Петрозаводск – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО КАРЕЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ.....	27
§ 1.1. Карелы: основные параметры этноса, история и природопользование.....	27
§ 1.2. История изучения народной медицины карелов.....	41
§ 1.3. Источниковая база по карельской этномедицине.....	52
ГЛАВА 2. НАРОДНОЕ ВРАЧЕВАНИЕ В КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ: ЗНАХАРИ, СРЕДСТВА И МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ.....	74
§ 2.1. Статус знахарей в карельской деревне: определение номинаций и функций.....	74
§ 2.2. Религиозно-магические способы воздействия на заболевания.....	88
§ 2.2.1. Лечебная магия: типы обрядов.....	88
§ 2.2.2. Лечебные заговоры: словесные портреты болезней, структура и семантика текстов по изгнанию заболеваний.....	90
§ 2.2.3. Профилактическая магия как комплекс для предотвращения заболеваний в карельской народной медицине.....	100
§ 2.3. Рациональные средства и способы лечения в народной медицине карелов.....	102
§ 2.3.1. Карельская народная фармакология и ее локальные отличия.....	103
§ 2.3.2. Средства животного происхождения в карельских лечебных обрядах: ареальная характеристика.....	108
§ 2.3.3. Особенности использования минеральных средств в карельском врачевании.....	114

§ 2.3.4. Физиотерапевтические методы лечения как традиционные элементы народной медицины карелов.....	118
§ 2.3.5. Карельская народная хирургия и травматология.....	126
§ 2.4. Роль государственного здравоохранения в лечении населения карельских деревень в конце XIX – начале XX века.....	129
ГЛАВА 3. МИФОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ КАРЕЛОВ.....	139
§ 3.1. Одухотворенный мир как источник болезней.....	139
§ 3.2. Прогностика заболеваний в религиозно-мифологических воззрениях карелов.....	144
§ 3.3. Народные представления о болезнях по данным карельского языка.....	148
ГЛАВА 4. НАРОДНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ БОЛЕЗНЕЙ У КАРЕЛОВ.....	163
§ 4.1. Проблема классификации болезней в карельской народной медицине.....	163
§ 4.2. Этиология и способы лечения заболеваний, объясняемых религиозно-мифологическим происхождением.....	170
§ 4.3. Наименования, причины возникновения и способы врачевания заболеваний естественного происхождения.....	282
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	407
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	422
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	428
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	465

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Народная медицина¹ – неотъемлемая часть традиционной культуры этноса. Сфера народной медицины – богатейший источник информации, в котором отражены представления о религиозно-мифологической картине мира этноса, народные знания, некоторые сферы жизнеобеспечения, фольклор. Народная медицина – явление универсальное, она существовала во все периоды истории человечества, у всех народов мира. Ее опыт умножался с тысячелетиями, передавался из поколения в поколение. В этом плане особый исследовательский интерес представляет собой понимание народной медицины как феномена, в котором содержатся механизмы и модели адаптации этноса к окружающей природной среде, что выразилось, например, в широко применяемых средствах лечения растительного, животного и минерального происхождения регионального характера. Важным является также изучение народной медицины в этногенетическом аспекте, включающем выявление этнокультурных связей в традиционной системе сохранения здоровья, влияние на нее официальной религии. Эти проблемы, как и необходимость изучения положительного народного опыта борьбы с болезнями, объясняют высокий рейтинг данной темы в отечественной этнографической наукометрии, иллюстрацией которого может быть большое количество обобщающих работ по народной медицине народов Европейского Севера, Восточной Сибири, Поволжья и Дальнего Востока, опубликованных в конце XX – начале XXI в.²

---

¹ Под термином «народная медицина» в исследовании подразумевается сфера традиционной крестьянской культуры, представляющая собой комплекс устных медицинских знаний, бытующий во всем многообразии компонентов: лексика, фольклор, фразеологизмы, народная симптоматика, народная этиология болезней, представления о болезненных состояниях, включающий как рациональные, так и иррациональные элементы (Харитонов В. И. Народные магико-медицинские практики, традиция и современность: Опыт комплексного системно-феноменологического исследования: автореф. дисс. ... докт. истор. наук. М., 2000. С. 10).

² См., например, Ильина И. В. Народная медицина коми. Сыктывкар, 2008; Мазалова Н. Е. (Грыськ) Народная медицина в современной севернорусской деревне // Этнографическая наука и этнокультурные процессы. Способы взаимодействия. СПб., 1993. С. 99–112; Никонова Л. И. Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения. Рузаевка, 2000; Никонова Л. И., Кандрина И. А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск, 2005; Панина Т. И. Слово и ритуал в народной медицине удмуртов. Ижевск, 2014.

При таком крупномасштабном исследовательском всплеске народная медицина карелов, до сих пор не ставшая предметом специального изучения, выглядит белым пятном на фоне медицинских традиций многих российских народов. Между тем, сложная этническая история карелов, приведшая к широкому расселению этого этноса на территории Европейской России, разделению народа на два огромных массива, проживающих в Республике Карелия (в прошлом – Олонецкой и Архангельской губ.) и Тверской обл. (Тверской губ.), образованию небольших этнолокальных и этноконфессиональных групп (валдайские, тихвинские карелы и др.) в окружении русского населения, диктует актуальные исследовательские проблемы в области карельского народного врачевания. Разработка одной из них позволит ответить на ключевой вопрос: что представляла собой традиционная система сохранения здоровья в карельском культурном наследии и, соответственно, каковы ее взаимосвязи «с прочими компонентами традиционно-бытовой культуры и обыденного сознания (материальной культурой, фольклором, верованиями и пр.)»³. Актуальным представляется также изучение влияния на карельскую народную медицину различных природно-географических условий местности, социально-экономических факторов, локальных групп русского народа. Оно позволит выявить, с одной стороны, преемственность ряда явлений общекарельской медицинской традиции и, по возможности, объяснить их устойчивость во времени, а с другой, – ее изменения и причины, послужившие этим изменениям. Таким образом, данное исследование затрагивает общетеоретические вопросы этнологии, связанные с традиционным мировоззрением и знаниями, локальными группами этноса и вариативностью их традиций в результате адаптации к новым условиям жизни.

Объект исследования – карелы, проживающие в пределах России.

Предмет исследования – народная медицина карелов как комплекс мировоззренческих установок и лечебно-профилактических практик, направленных на поддержание здоровья этноса.

---

³ Бромлей Ю. В., Воронов А. А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // Советская этнография. 1976. № 5. С. 3.

Хронологические рамки работы охватывают период с XIX до начала XXI вв. Такой выбор связан с состоянием источниковой базы. Наиболее ранними источниками, содержащими сведения о карельской народной медицине, являются различные этнографические описания и краеведческие работы, относящиеся к началу XIX в. Верхний хронологический рубеж исследования определяется степенью сохранения, хотя и неполного, медицинской традиции карелов в виде воспоминаний информантов и реального функционирования, которую автору удалось зафиксировать с помощью сбора полевых материалов в начале XXI в.

Территориальные рамки диссертации. География исследования охватывает ареалы традиционного проживания карелов в современных административных границах: Республика Карелия, Ленинградская обл. (Тихвинский р-н), Тверская обл. (Бежецкий, Весьегонский, Зубцовский, Калининский, Лихославльский, Максатихинский, Спировский р-ны).

Степень разработанности проблемы. Исследование народной медицины не является новой для отечественной этнографии в целом, разработка этой темы, по сути дела, началась еще в конце XIX – начале XX в. В этот период в поле зрения ученых попадала, как правило, народная медицина русских⁴.

Последующий, советский историографический период (середина 1950-х – конец 1991 г.) характеризуется изучением истории медицины⁵ и прикладных аспектов народного врачевания⁶. Некоторые работы советского периода были направлены на разоблачение знахарства и колдовства, исследователи негативно

---

⁴ См., например, Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники. Собр. медицинских рукописей XVI и XVII ст. Казань, 1879 г., Его же. Домашняя медицина: Лечебник для народного употребления... Казань, 1880, 1883; Демич В. Ф. Хирургия русского народа. СПб, 1911, Его же. Заразные болезни и их лечение у народа. СПб, 1914; Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903; Виноградов Г. С. К изучению народной медицины у русского населения Сибири: Инструкция и программа. Иркутск, 1923 и др.

⁵ См., например, Богоявленский Н. А. Медицина у первоселов русского севера: Очерки из истории санитарного быта и народного врачевания X–XVII вв. Л., 1966; Громыко М. М. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII - XIX веков // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII - начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 71–109 и др.

⁶ См., например, Гаммерман А. Ф., Невский В. А. Библиография по лекарственным растениям. М.; Л., 1957; Муравьева Д. А., Гаммерман А. Ф. Тропические и субтропические лекарственные растения. М., 1974 и др.

оценивают деятельность повитух⁷. В период с 1970-х гг. до середины 1990-х гг. в трудах этнографов прослеживается стремление дать анализ народной медицины как явлению культуры в соответствии с установками этнографической науки⁸. Так, например, к средствам народного врачевания в севернорусской деревне в конце XX в. обращена статья Н. Е. Мазаловой «Народная медицина в современной севернорусской деревне»⁹. Автор характеризует особенности использования средств животного происхождения, лечебных трав, минеральных средств и т. д. при лечении различных заболеваний.

Начиная с 1960-х гг., появляются публикации, в которых уделяется внимание народной медицине определенного региона¹⁰. В работах И. Ю. Винокуровой, посвященных традиционному мировоззрению вепского народа, неоднократно затронута тема лечебных обрядов, мифологических представлений вепсов о болезнях и здоровье, а также знахарства¹¹. К вопросам вепской народной медицины обращались и другие исследователи¹². Помимо общих

⁷ См., например, Минько Л. И. Знахарство. Минск, 1971; Его же. Народная медицина Белоруссии (краткий исторический очерк). Минск, 1969.

⁸ Харитоновна В. И. Заговорно-заклинательный акт в народной культуре восточных славян // Этнографическое обозрение. 1993. № 4. С. 91–106; Его же. «Избранники духов», «преемники колдунов», «посвященные учителям»: обретение магико-мистических свойств, знаний, навыков // Этнографическое обозрение. 1997. № 5. С. 116–120; Криничная Н. А. Травное зелье, дивии корни (из мифологических представлений о растительных атрибутах ведунов) // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 51–62; Торэн М. Русская народная медицина и психотерапия. СПб, 1996; Ylinen H. Miten kansa paransi. Joensuu, 1990. 104 s. и др.

⁹ Мазалова Н. Е. (Грысык) Народная медицина в современной севернорусской деревне // Этнографическая наука и этнокультурные процессы. Способы взаимодействия. СПб., 1993. С. 99–112.

¹⁰ Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. О карельской народной медицине: рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 103–121; Ильина И. В. Обычаи и обряды, связанные с рождением и охраной здоровья ребенка у коми // Традиции и новации в народной культуре коми. Сыктывкар, 1983. С. 14–24; Его же. Колдун – профессия древняя // Родники Пармы. Вып. 3. Сыктывкар, 1993. С. 54–58; Никонова Л. И. Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения. Рузаевка, 2000; Никонова Л. И. Народная (традиционная) медицина – один из источников изучения природных ресурсов Урало-Поволжского региона (по полевым материалам 1991–2000 гг.) // Источники по истории изучения природных ресурсов бассейна реки Волги: материалы научной конференции. М., 2001. С. 116–127 и др.

¹¹ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015; Его же Религиозно-мифологические представления о происхождении болезней в народной медицине вепсов // Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования. Петрозаводск, 2016. С. 205–206.

¹² Семакова И. Б. Материалы по традиционной медицине вепсов (мифологический аспект) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 302–314; Большакова А. В. Участие вепских женщин в развитии традиционной медицины народности в конце XIX – начале XX вв. // Финно-угорский мир. 2011. № 2/3. С. 50–53.

работ по народной медицине финно-угорских народов, отдельного рассмотрения у исследователей удостоилась баня: о роли бани в народной медицине пермских и волжских финнов рассказывается в научной статье Ю. П. Шабаяева¹³. Проведению лечебных ритуалов в бане у финнов Финляндии в XIX – XX вв. посвящена статья П. Хакамиес¹⁴. Изучению бани в традиционной материальной и духовной культуре финно-угорских и тюрских народов в системе их жизнеобеспечения посвящена совместная монография Л. И. Никоновой и И. А. Кандринной «Баня в системе жизнеобеспечения народов Поволжья и Приуралья»¹⁵. Одному из способов физиотерапии, кровопусканию, посвящены научные статьи Х. Страндберга¹⁶ и О. Хяннинена¹⁷. В Финляндии кровопускание упоминалось уже в XVII в. в протокольных книгах суда. Кровопусканием лечили большинство болезней: зубная, головная боль, сумасшествие, нарывы и т. д. Исследователи отмечали, что кровопускатели не использовали магические слова, заговоры, поэтому финны считали кровопускателей настоящими лекарями, как врачей. Авторы приходят к выводу, что искусство кровопускания до настоящих дней передается из поколения в поколение и остается популярным способом врачевания среди финнов (особенно сельского населения) и сейчас.

В 70–80-х гг. XX в. были изданы научные труды, которые определили теоретическое обоснование исследования¹⁸. С упомянутого периода публикуются научные статьи и монографии, в которых с использованием историко-этнографических и этнолингвистических подходов исследуется определенное заболевание. Исследовательница А. Вейдемманн обращалась к традициям врачевания эстонцев¹⁹. Автор рассматривает этиологию заболевания, народные названия рожки в эстонском языке, способы лечения и ареал распространения этой кожной бо-

¹³ Шабаяев Ю. П., Мальцев Г. И. Баня в народной медицине пермских и волжских финнов // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 53–66.

¹⁴ Hakamies P. Sauna ja kansanomainen terveydenhoito // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 275–280.

¹⁵ Никонова Л. И., Кандринна И. А. Баня и север: к истории вопроса и традициям культуры // Арктика и Север. 2011. № 4. С. 1–25.

¹⁶ Strandberg H. Kuppari ja kuppaaminen // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 281–290.

¹⁷ Hänninen O. Kuppaus, elävää kansanparannustaitoa // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 298–303.

¹⁸ См., например, Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973; Брехман И. И. Народная медицина в свете теории информации // Этнографические аспекты изучения народной медицины. Л., 1975. С. 4–7 и др.

¹⁹ Veidemann A. Ruusutaudin hoitokeinot Virossa // Kansa parantaa. Helsinki: SKS, 1983. S. 203–216.

лезни в Эстонии в разные периоды. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу, что еще в конце XIX – начале XX в. заболевание «рожистое воспаление» и представления о нем были очень распространены среди эстонского населения. В наименованиях болезней и способах лечения наблюдается влияние соседних народов. В другой статье А. Вейдемана затрагивается вопрос о верованиях эстонцев в существование «подземных» (эст. *maa-alused*) болезней, под которыми подразумевались кожные, ревматические и глазные недуги. Данные верования были распространены у эстонцев. Исследовательница связывает это с сильно развитым земледелием²⁰. Исследованию этиологии зубной боли у финнов и эстонцев посвящена монография А. Пеккола «Hammasta särkee» («Зуб болит»)²¹. Автор сопоставляет культуру двух представителей прибалтийско-финских народов на примере одного заболевания – зубная боль. Вначале представлены религиозно-мифологические представления о причинах возникновения зубной боли. Отчасти они сходны с карельскими верованиями: зубная боль могла быть Божьим наказанием, наслана покойником или пристать от могилы/кладбища, пристать от земли (*maanvihhat* – букв. ‘земли+зло’), наслана злым человеком (сглаз), быть причиной испуга или зубного червя (*hammasmato* – букв. ‘зуб+червь’). Если зубная боль скрывалась в этих причинах, то лечение происходило магическими способами, которые были распространены у большинства финно-угорских и славянских народов: заговоры, прикладывание к больному зубу предметов с того места, откуда пристала болезнь (земля с кладбища, ковыряние десны щепкой от гроба и т. д.). Интересен способ, который назывался «*taakseen ei saa katsoa*» – ‘назад нельзя смотреть’, который встречался и у карелов. Финнами и эстонцами строго определялось время лечения зубной боли (это было свойственно и для карельской народной медицины): «*ennen käen kukkumaan*» – букв. ‘до кукования кукушки’ (ср. у карелов – услышанное кукование кукушки на голодный желудок, могло стать причиной долгой болезни или смерти). Используемая часто в лечебной практике

²⁰ Вейдемана А. Об устойчивости некоторых представлений о болезнях в Эстонской народной медицине // VI Международный конгресс финно-угроведов. Сыктывкар, 1985. С. 67–68.

²¹ Pekkola A. Hammasta särkee. Helsinki, 2016.

большинства народов нумерология, имеет отличительные черты у эстонцев: число «девять» – по их мнению, зубная боль бывает девяти видов и лечили ее лечебной травой, в названии которой скрывалась цифра девять. Далее автор обращается к фитотерапии, средствам животного происхождения, которые были характерны для территории Финляндии и Эстонии. В заключение исследователь приходит к выводу, который может быть применим для большинства заболеваний рассматриваемого периода XIX–XX вв.: неразвитая официальная медицина вынуждала обращаться людей к средствам народной медицины. Применяемые финнами и эстонцами средства народной медицины чаще всего только снимали болезненные ощущения, а воспалительные процессы сохранялись, что вызывало в дальнейшем необходимость удалять зуб. Причины возникновения и способы лечения зубной боли были схожи у рассматриваемых в исследовании представителей прибалтийско-финских народов, что подтверждает генетическое происхождение или тесное контактирование.

Народная медицина карелов ранее не являлась предметом специального исследования отечественных этнографов, сведения по данной проблематике носят лишь фрагментарный характер (см. подробнее: Глава 1. Исследования и источники по карельской народной медицине). С середины XIX в. появляются первые сведения о традиционном врачевании карелов²². В современных работах исследователи обращались к вопросу знахарства, физиотерапии, заговорной традиции, государственного здравоохранения²³. Однако, несмотря на большое количество опубликованных трудов по исследуемой нами проблематике, до сих пор не существует комплексного исследования по народной медицине карелов, которая несомненно является неотъемлемым элементом традиционной народной культуры.

---

²² См., например: Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 183–189; N. N. Народные суеверия и предрассудки, знахари и колдуны (в Мяндусельгской волости, Повенецкого уезда) // Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 80. С. 893–894 и др.

²³ Лавонен Н. А. Заговоры в кругу религиозно-магических представлений карел (по материалам экспедиций 1975–1984 гг.) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 130–139; Иванова Л. И. Лесной нос: архаические представления карелов о болезни и магические локусы ритуала исцеления // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Гуманитарные исследования. Вып. 4. Петрозаводск, 2012. С. 68–73; Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М., 2016 и др.

Целью диссертационного исследования является всестороннее изучение карельской народной медицины, включающей в себя религиозно-мифологические и рациональные представления карелов о болезнях, методы и средства борьбы с ними, а также оздоровительные ритуалы, которые на протяжении столетий передавались из поколения в поколение, адаптировались к окружающей природной и социокультурной среде и до сих пор в трансформированном виде сохраняются в жизни карельского, главным образом, сельского населения.

Обозначенная цель предполагает решение следующих конкретных исследовательских **задач**:

- 1) воссоздать народную классификацию болезней у карелов, а также определить основные критерии ее систематизации;
- 2) проанализировать народные представления карелов о причинах заболеваний;
- 3) определить и сгруппировать лекарственные средства растительного, животного и минерального происхождения, проследить их зависимость от местной флоры и фауны, традиционных занятий и этнокультурных контактов у карельских этнолокальных групп;
- 4) дать характеристику карельской народной физиотерапии и ее региональных особенностей;
- 5) выявить и представить типологию хирургических приемов лечения у карелов;
- 6) систематизировать магические методы и средства лечения заболеваний, используемые карелами;
- 7) охарактеризовать категории народных целителей, особенности их медицинской практики, правила и способы передачи лечебных навыков;
- 8) выявить карельские народные названия болезней, собранные из различных источников, определить их семантику; установить происхождение и географию бытования;

9) определить схожие и отличительные признаки в методах и средствах лечения, в названиях заболеваний и причинах их возникновения у всех групп карелов, проживающих как в пределах современной Республики Карелия (северные карелы (собственно-карельское наречие), ливвиковские карелы, людиковские карелы), так и вне этой территории (тихвинские карелы, тверские карелы).

Задачи рассматриваются в многоплановой исторической ретроспективе (этнокультурной, социально-хозяйственной, межэтнической), поскольку в течение многовекового существования народная медицина подвергалась различным трансформациям.

Источниковая база исследования. В ходе изучения был привлечен широкий круг источников, которые можно разделить на две группы: опубликованные (этнографические, лингвистические, фольклорные) и неопубликованные (архивные и полевые материалы автора) (см. подробнее: Глава 1. Исследования и источники по карельской народной медицине).

К опубликованным работам (дискриптивно-этнографического характера) относятся, в первую очередь, наблюдения дореволюционных краеведов, исследователей, путешественников, священников, которые представлены в периодической печати, дневниках или путевых заметках²⁴. Эти источники содержат наиболее ранние сведения по теме исследования, часто включенные в описания различных сфер карельского народного быта и основанные на наблюдениях авторов.

В состав лингвистических источников входят образцы карельской речи и словари карельского языка²⁵, материалы для которых собирались в ходе научных экспедиций от носителей карельского языка и культуры. В этих источниках представлен богатейший материал, ставший надежной основой для реконструкции

²⁴ См., например: Лесков Н. Отчет о поездке к Олонецким Корелам летом 1893 г. // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1894. С. 19–36; Цейтлин Г. Знахарства и поверья в Поморье (Очерк из быта поморов) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 1, 4. С. 8–16, 156–165; Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги: Путевые очерки с многими рисунками. Гельсингфорс, 1917. и др.

²⁵ См., например: Образцы карельской речи: Калининские говоры. М., Л., 1963; Слушаю карельский говор: Образцы речи держанских и валдайских карел / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 2001; Näyteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. и др.

народной классификации болезней у карелов. Кроме того, в них содержатся подробные данные по карельским способам врачевания.

Фольклорные источники представляют собой произведения карельского народного творчества, записанные фольклористами от сказителей, носителей традиций, и в дальнейшем вошедшие в сборники фольклорных текстов²⁶.

К неопубликованным источникам следует отнести архивные (расшифрованные записи из фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН) и полевые (собранные на протяжении 2003–2015 г. на территории Р. Карелия²⁷) материалы автора.

Научная новизна. Диссертация является первым комплексным историко-этнографическим и этнолингвистическим исследованием проблем карельской народной медицины, охватывающим все этнолокальные группы карелов, подготовленным на основе широкого междисциплинарного обобщения опубликованных данных, в том числе мало доступных российскому читателю работ финляндских исследователей (этнологов, лингвистов, фольклористов), и введения в научный оборот полевых материалов.

Впервые на основе всех возможных источников проведено воссоздание, систематизация и анализ системы карельского народного врачевания и его основных частей (этиология, фармакогнозия, физиотерапия, хирургия), представлены их локальные особенности. В научный оборот введен большой пласт ранее неизученной лексики, а также фольклорно-этнографических материалов. В диссертационном исследовании впервые представлена народная классификация болезней у карелов, сформированная на основе опубликованных и неопубликованных источников. Разработка концепции заключается в том, что в народной медицине карелов выявлены две группы заболеваний естественного и религиозно-мифологического происхождения, рациональные и иррациональные границы между которыми подвижны. Изменение границ с постепенным вытеснением ми-

---

²⁶ См., например: Песенный фольклор кестеньгских карел / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989; Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск, 2000; Suomen kansan vanhat runot: Vienan läänin runot. Osa I (4). Helsinki, 1921; Mull on kourat kontiolta. Loitsuja ja taikoja / Koonnut P. Sihvo. Helsinki, 1986.

²⁷ См.: Приложение 4.

фологической составляющей происходит под влиянием различных факторов: внедрение государственной медицины, распространение христианства и др.

Работа отличается новизной привлеченного материала: введен в оборот обширный полевой материал, что позволило сделать обоснованные оценки и выводы. Кроме того, к научному исследованию впервые привлечены 24 карельских текстов лечебных заговоров, которые переведены автором с собственно-карельского и ливвиковского наречий²⁸. Заговоры собраны из образцов карельской речи, опубликованных в России и Финляндии.

Содержание диссертации соответствует пунктам 1. Этногенез; 4. Этнологическое регионоведение, 6. Этнокультуроведение (в том числе этнофольклористика, этнофилология, этномузееведение), 7. Этнодемография и этноэкология, 12. Методы и техника этнологических исследований Паспорта научной специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки ВАК при Минобрнауки России).

Теоретическая и практическая значимость. Опыт изучения народной медицины карелов может применяться как в современном финно-угроведении, так и в изучении общих проблем традиционного мировоззрения и народных знаний, истории народного врачевания. Исследования по лечебным заговорам, которые имеют глубокие исторические корни, органичны в рамках курса по карельскому устно-поэтическому творчеству. Анализ народных карельских названий болезней, сравниваемых с наименованиями в других близкородственных языках, дает в целом возможность углубить знания о лексическом составе карельского языка. Материалы диссертации могут использоваться для подготовки востребованных в настоящее время словарей карельского языка. Результаты исследования будут полезны в университетских курсах преподавания карельского языка (лексикологии, истории языка и диалектологии), а также в преподавании истории, краеведения и этнографии в школах и вузах. Фактический материал исследования будет востребован в научной работе. Кроме того, у содержащегося в работе материала имеется

---

²⁸ В тексте диссертации после перевода заговора в скобках указано - Перевод автора.

прикладное значение, так как он является сборником данных о народных способах лечения.

Методология и методы исследования. Для реконструкции народной медицины карелов применялся комплексный подход к исследованию. Это означает, что она проводилась с помощью привлечения совокупности данных по гуманитарным и естественным наукам, а также системы методов, посредством которых делалась попытка охватить максимально возможное число значимых параметров изучаемой реальности.

Методы, применяемые в диссертации, делились на три группы, соответствующие разным исследовательским уровням. Первый уровень – источниковый – заключался в сборе этнографических фактов по теме исследования. Одним из способов сбора фактологического материала были полевые исследования, которые проводились лично автором работы в течение многих лет (начиная с 2003 г.) с помощью методов непосредственного наблюдения и интервью по специально подготовленному вопроснику. В качестве основы для составления вопросника нами использовался сборник Л. И. Никоновой и Ю. Н. Мокшиной²⁹ «Историко-этнографическое исследование региона: план-проспект, вопросы и анкеты», ставший «ключом» к сбору большого пласта ранее неизвестного, но значительного материала по теме исследования среди локальных групп карелов.

Круг источников, помимо полевых материалов, включал данные других наук, в первую очередь лингвистики и фольклористики. По возможности, в работе выявлены все диалектные варианты каждого наименования болезни. Для этого использовались все известные издания образцов карельской речи и диалектных словарей, опубликованные в России и за рубежом. Также материалом для сбора явились фольклорно-этнографические тексты, содержащие упоминания о народной медицине карелов.

Следующий уровень применяемых методов касался упорядочивания фактов. Для этой цели использовались: дескриптивный метод, описывающий болезни

---

²⁹ Никонова Л. И., Мокшина Ю. Н. Историко-этнографическое исследование региона: план-проспект, вопросы и анкеты. Саранск, 2003.

и методы их лечения; классификационный метод, с помощью которого удалось выявить группы заболеваний и критерии их выделения. Большую помощь в систематизации разнородного материала и его последующего анализа оказала методика составления таблиц, представленных в приложении³⁰.

Третий уровень методов – аналитический. В связи с поставленными задачами для анализа собранного материала применялись этнолингвистический, типологический и сравнительно-исторический методы.

Используемый в исследовании этнолингвистический метод предполагал рассмотрение комплекса народно-медицинских представлений в неразрывной связи с языковым материалом.

Типологический метод исследования применялся для выявления различных типов (болезней, обрядов, рациональных практик лечения) в эмпирическом многообразии явлений народной медицинской культуры карелов.

С помощью сравнительно-исторического метода карельские народные представления о болезнях и способы их лечения рассматривались на протяжении большого отрезка времени и в сравнении, как между этнолокальными группами карельского народа, так и с традициями различных групп народов, преимущественно финно-угорских, славянских.

Сравнительно-сопоставительный метод, как одна из процедур сравнительно-исторического метода, использовался также для анализа языкового материала. Для определения происхождения карельских наименований учитывались данные родственных (прибалтийско-финских) и славянских языков.

Методологической основой диссертации послужили научные труды отечественных, а также зарубежных этнологов, в которых рассматриваются общетеоретические проблемы по исследуемой тематике. Общеметодологическая база данного исследования определяется подходами, разработанными отечественной этнографической наукой в середине 70-х гг. XX в. В данной работе широко использо-

---

³⁰ См. Приложение 3.

вались теоретические подходы, представленные в трудах Ю. В. Бромлея и И. И. Брехмана³¹.

Традиционный опыт народов в области медицины является объектом исследования во многих странах. Значительный интерес к изучению народной медицины проявляется и в России. Внимание к прикладным аспектам народной медицины определяется насущностью потребностей человека к лечению заболеваний и сохранению здоровья.

Народная медицина представляет собой неотъемлимую часть культуры каждого народа. Отличаясь устойчивостью и массовостью, народные медицинские знания относятся к традиционно-бытовому слою культуры. Рассматривая народную медицину как предмет специального этнографического изучения, важно представить суть этого явления. Народная медицина в узком смысле слова может именоваться традиционно-устной в отличие от традиционно-письменной медицины. Собственно народная или традиционно-устная медицина, как и фольклор, частью которого она является, продукт коллективного народного творчества, комплекс сложившихся в определенном районе рецептов и приемов лечения, передаваемых устно из поколения в поколение³². Традиционно-письменная медицина находила отражение в травниках, трактатах и других письменных источниках. В некоторых источниках³³ выделяется еще один уровень народной медицины: знахарская медицина, т. е. лечение проводится специальными людьми (знахари, шаманы, колдуны и др.). Очевидна связь между всеми тремя упомянутыми уровнями: собственно народная медицина, знахарская медицина, письменнотрадиционная медицина³⁴.

---

³¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. 283 с.; Его же. Современные проблемы этнографии. М., 1981; Брехман И. И. Народная медицина в свете теории информации // Этнографические аспекты изучения народной медицины. Л., 1975. С. 4–7.

³² Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 212–213.

³³ См. подробнее об этом, Свод этнографических понятий и терминов: Народные знания. Фольклор. Народное искусство. М., 1991.

³⁴ Дмитриев В. А., Дмитриев С. В., Трубников С. Г. Медицина народная // Свод этнографических понятий и терминов: Народные знания. Фольклор. Народное искусство / Под ред. Ю. В. Бромлея, Г. Штробаха. Вып. 4. М., 1991. С. 71.

Российский ученый-фармаколог, доктор медицинских наук И. И. Брехман представил народную медицину, как удивительный пример тысячелетнего сохранения информации без центра ее хранения. С позиции вещественного закрепления он выделил три вида медицины: народную (незакрепленную), традиционную (относительно закрепленную) и научную. При этом народная медицина была им охарактеризована как незакрепленная народная медицина – это такая медицина, для которой свойственна устная (отчасти, и зрительная) передача медицинских знаний. Следовательно, народная медицина может именоваться как традиционно-устная³⁵. Карельскую народную медицину возможно охарактеризовать именно как незакрепленную: передача медицинских знаний происходила устным путем из поколения в поколение.

Становление собственно научной медицины знаменуется быстрым развитием экспериментального подхода (в отличие от стихийного опыта традиционной медицины), взаимодействием с другими параллельно развивающимися областями естественных наук, а также с процессом институализации и интернационализации медицинских знаний. Научная медицина и сейчас впитывает опыт традиционной народной медицины разных историко-этнографических регионов³⁶.

Исследованию народной медицины русских посвящены научные труды Г. И. Попова³⁷ (1903 г.) и М. Д. Торэн³⁸ (1954 г.). Исследователи вычленяют группы заболеваний, основанные на симптоматике и причинах возникновения болезней. Кроме того, выделяются недуги, связанные с религиозно-мифологическими представлениями русских.

К знахарству в севернорусской деревне обращается в своих научных трудах исследовательница Н. Е. Мазалова. В 2011 г. была опубликована ее монография «Этнографические аспекты изучения личности «знающего» (XIX – начало

---

³⁵ Брехман И. И. Народная медицина в свете теории информации // Этнографические аспекты изучения народной медицины. Л., 1975. С. 5.

³⁶ Бромлей Ю. В., Воронов А. А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // Советская этнография. 1976. № 5. С. 8.

³⁷ Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб., 1903.

³⁸ Торэн М. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.

XX в.)», в которой автор исследует фигуры «знающих», подразумевая под этим термином знахарей, колдунов и ведьм³⁹. В исследовании рассматриваются гендерные и возрастные черты знающих, их социальный и социокультурный статус, а также роль эмоций и особенности психофизиологического состояния во время проведения свадебных обрядов и лечебных ритуалов и т. д.

Народную медицину финно-угорских народов изучали И. В. Ильина, Л. И. Никонова и др. В качестве методологии при исследовании мы опирались на научные работы И. В. Ильиной, посвященные народной медицине коми и других народов. В ряде трудов ученого представлены сведения о народных врачевателях и способах передачи медицинских знаний. Главной целью данных исследований являлось этнографическое изучение медицинской культуры коми в конце XIX – первой трети XX в., выявление особенностей народных медицинских знаний, их взаимосвязи с другими элементами традиционно-бытовой культуры этого народа. В статье «Народные врачеватели коми» (1986), основанной на полевых и литературных источниках, И. В. Ильина выделяет два слоя традиционной медицинской культуры коми и дает общую характеристику различных категорий народных врачевателей, рассматривает механизмы закрепления и передачи знаний в знахарской среде. Работа И. В. Ильиной «Колдун – профессия древняя» посвящена основным хранителям эмпирических медицинских знаний – народным врачевателям. Автор условно разделяет их на две группы. К первой группе относятся повитухи, костоправы и травницы, которые занимались оказанием конкретной медицинской помощи. Ко второй – колдуны и знахари, сочетавшие функции исполнителей обрядов, врачевателей и гадателей. К ним обращались в случае болезней, вызванных по народным верованиям сверхъестественными силами⁴⁰. Монография И. В. Ильиной «Традиционная медицинская культура народов Европейского Северо-Востока» является первой обобщающей работой по традиционной медицине коренных этносов Европейского Северо-Востока – коми, северных рус-

---

³⁹ Мазалова Н. Е. Этнографические аспекты изучения личности «знающего» (XIX – начало XXI в.). СПб., 2011.

⁴⁰ Ильина И. В. Колдун – профессия древняя // Родники Пармы. Вып. 3. Сыктывкар, 1993. С. 54–58.

ских, ненцев. Автор выделяет сходства и различия в медицинской культуре рассматриваемых этносов, поднимает проблему адаптации к экологическим условиям⁴¹. Сделанные в монографии выводы важны для исследования, т. к. подобные тенденции прослеживаются и у карелов: природно-климатические и географические особенности расселения карельского этноса и их адаптация отразились на используемых средствах и методах народной медицины.

Научные труды Л. И. Никоновой, посвященные мордве, также легли в основу теоретико-методологической базы исследования. В одной из статей, обращаясь к понятию «народная медицина», исследовательница отмечает, что для его уточнения используют также термин «традиционная», т. е. «передаваемая из поколения в поколение наряду с другими обычаями, которые складываются среди этого этноса»⁴². Кроме того, Л. И. Никонова выделяет два уровня традиционной медицины: бытовой (то, что используется в каждой семье) и профессиональный (используемое знахарями, колдунами, костоправами и др.). В монографии Л. И. Никоновой «Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения» (2000) впервые представлен опыт обобщения тюркской народной медицины Приуралья и Поволжья. Раскрывая социально-экономическую природу практической значимости традиционной медицины тюрков данного региона, автор анализирует методы и средства, применяемые татарами, башкирами и чувашами для профилактики и лечения различных заболеваний (фито-, физио-, и психотерапия, средства животного и минерального происхождения, народная травматология и хирургия). Совместная монография Л. И. Никоновой и И. А. Кандринной представляет собой систематизированные знания по традиционной народной медицине финно-угорских и тюркских народов – коми, мордвы, марийцев, удмуртов, башкир, татар и чувашей. Авторы обращаются к знахарству, причинам и профилактике заболеваний, способам лече-

---

⁴¹ Ильина И. В. Народная медицина коми. Сыктывкар, 2008.

⁴² Никонова Л. И. Народная (традиционная) медицина – один из источников изучения природных ресурсов Урало-Поволжского региона (по полевым материалам 1991-2000 гг.) // Источники по истории изучения природных ресурсов бассейна реки Волги: материалы научной конференции. М., 2001. С. 116–127.

ния недугов и т. д.⁴³ В другом совместном труде Л. И. Никоновой, И. А. Кандриной, Л. Н. Щанкиной «Традиционная культура сохранения здоровья народов, проживающих в Республике Мордовия: историко-этнографический аспект» впервые представлен историко-этнографический материал, раскрывающий традиционную материальную и духовную культуру (поселения, жилище, одежда, питание, труд и отдых, семейные обряды и праздники, методы и средства народной медицины) через призму традиционных способов сохранения здоровья народов (русских, мордвы, татар), проживающих в Республике Мордовия⁴⁴. Исследование основано на полевых этнографических материалах, собранных авторами в 2002–2009 гг. в некоторых русских, мордовских и татарских населенных пунктах Республики Мордовия, а также с использованием разных по характеру и назначению источников (архивные, статистические) и литературы. В книге исследователей Л. И. Никоновой, И. А. Кандриной, М. Н. Романовой «Народная медицина мордвы: простая и загадочная... (по результатам этнографических экспедиций 1990–2010 гг.)» впервые представлен историко-этнографический материал, раскрывающий народную медицину (травы, средства животного и минерального происхождения, народная хирургия, заговоры и пр.) мордвы⁴⁵. Исследование основано на полевых этнографических материалах, собранных авторами с 1991 по 2010 гг. в некоторых населенных пунктах Республики Мордовия, а также в Пензенской и Самарской обл., Сибири и Дальнем Востоке с использованием разных по характеру и назначению источников (архивные, статистические) и др. Анализу некоторых традиционных способов сохранения здоровья мордвы посвящена работа Л. И. Никоновой «Будь крепким как дуб, нежным как береза... Традиционные способы сохранения здоровья у мордвы (историко-этнографический аспект)»⁴⁶. В книге предпринята попытка показать, что семья и труд – хранители и созидате-

---

⁴³ Никонова Л. И., Кандрина И. А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск, 2005.

⁴⁴ Никонова Л. И., Кандрина И. А., Щанкина Л. Н. Традиционная культура сохранения здоровья народов, проживающих в Республике Мордовия: историко-этнографический аспект: монография. Саранск; Пенза, 2010.

⁴⁵ Никонова Л. И., Кандрина И. А., Романова М. Н. Народная медицина мордвы: такая простая и загадочная. Саранск, 2011.

⁴⁶ Никонова Л. И. «Будь крепким как дуб, нежным как береза»: традиционные способы сохранения здоровья у мордвы (историко-этнографический аспект). Saarbrücken, 2012.

ли традиционных способов сохранения здоровья. Материальная культура существует не сама по себе, а является основой здорового образа жизни; этномедицина занимает определенное место в системе жизнеобеспечения мордвы, она помогла, в некоторой степени, сохраниться этносу.

Народная медицина прибалтийско-финских народов исследовалась в трудах финских и эстонских исследователей. В 1970-е гг. финляндские этнографы начали отходить от дескриптивного метода, прежде преобладавшего в финской науке, и стали широко использовать новые методы исследования народной культуры – картографирование, количественные и структурные анализы и др. Примером этому является монография «Религия Марины Такало» Ю. Пентикяйнена⁴⁷. Автор рассматривает семейные обряды Беломорских карелов наряду с прочими проявлениями духовной культуры. В упомянутом «религиозно-антропологическом исследовании» (именно так определен подзаголовок монографии) представляют интерес данные о народной медицине оулангских карелов, собранные автором от жительницы д. Оуланга карельской староверки Марины Такало. В работе представлена народная классификация болезней, основанная на религиозно-мифологических воззрениях карелов XIX – XX вв.: болезнь от плохого человека, «приставшие болезни», разные повреждения, травмы и болезни от Бога. Изложенные в исследовании методы и средства лечения обусловлены природным ландшафтом, особенностями климата, хозяйственно-промысловой деятельностью и этнокультурными контактами жителей д. Оуланга, описание которых автор представляет в первых главах. Верования оулангских карелов в духов-хозяев, персонификация природных объектов отразились на способах врачевания заболеваний, имеющих религиозно-мифологическую составляющую. Все это делает монографию Ю. Пентикяйнена ценным теоретико-методологическим источником для данного исследования.

В монографии исследовательницы финских народных традиций Уллы Пие-ла «Kansanparannuksen kerrotut merkitykset Pohjois-Karjalassa 1800–1900-luvuilla»

---

⁴⁷ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki, 1971.

(‘О значениях народной медицины из рассказов людей в Северной Карелии в XIX–XX в.’) рассказывается о способах народного врачевания в XIX–XX вв. у финнов, проживающих на территории провинции Северная Карелия⁴⁸. Автор уделяет внимание устной традиции (лечебные заговоры калевальской метрики), способам лечения и привлекает автобиографические рассказы местных жителей. Кроме того, У. Пиела обращается к терминам ‘здоровье’ и ‘болезнь’, рассматривая их в контексте двух когнитивных категорий – реальный и противоположный миры, а также прослеживает, как менялись эти два понятия на протяжении двух столетий. В итоге автор приходит к выводам, что, несмотря на изменения способов врачевания, состояния медицинского обслуживания и развитие медицины, термины ‘здоровье’ и ‘болезнь’ не утратили своего первоначального значения. К началу XX в. магические способы лечения практически перестали использоваться среди местного населения, утратили бытность и лечебные заговоры. Это связано, в первую очередь, с активным развитием государственной медицины. Исследуемые в монографии проблемы актуальны для данного исследования и рассматриваются в работе на карельском материале.

Положения, выносимые на защиту:

1. Карелы систематизировали и классифицировали мир болезней, который представлялся им враждебным и одухотворенным. Карельская народная классификация болезней, пусть и в размытом виде, дожила до нашего времени. В ней выделяются две основные группы болезней: заболевания религиозно-мифологического происхождения и естественного происхождения. Граница между ними достаточно подвижна и отражает процесс движения народного познания мира от иррациональных представлений к рациональному знанию. В основе выделяемых внутри этих групп подгрупп заболеваний лежат два критерия – источник/причина происхождения болезни и ее анатомическая или симптоматическая топография.

---

⁴⁸ Piela U. Kansanparannuksen kerrotut merkitykset Pohjois-Karjalassa 1800-1900-luvuilla. Joensuu, 2010.

2. В диалектах карельского языка содержатся народные названия болезней различного происхождения, в том числе относящихся к основному словарному фонду прибалтийско-финской лексики, древним балтийским, германским, древнеславянским и русским заимствованиям, отражающим историю карельского народа. Несмотря на переселения по территории России, карелам удалось сохранить многие наименования прибалтийско-финского и собственного происхождения, а также частично заменить их или дополнить названиями местного русского происхождения.

3. Карельская народная медицина является своеобразным показателем уровня приспособленности этноса к окружающей среде и быту. Своеобразие на территории проживания карелов (природные комплексы, особенности ландшафта и др.) обуславливали определенный набор заготавливаемых лекарственных средств и сырья. На этот медицинский запас также оказывали влияние особенности моделей природоиспользования населения. Особенности хозяйственных специализаций естественным образом накладывали отпечаток на компоненты народной медицины.

4. Под воздействием контактов с профессиональной медициной и изменением социально-экономических условий происходит процесс трансформации народной медицины.

5. Народная медицина карелов включала, с одной стороны, рациональные приемы лечения, с другой – религиозно-магические, сформированные под влиянием мифологических представлений этноса о мире. В рациональных методах преобладала фитотерапия. В иррациональных способах лечения отразились черты религиозного синкретизма, сосуществование мощного пласта внехристианских верований карелов с элементами православного происхождения. В то же время рациональные методы лечения использовались как самостоятельно, так и в комплексе с магическими.

6. Карелы обладали навыками физиотерапии и владели простейшими приемами хирургического вмешательства (кровопускание). Основным местом прове-

дения данных видов терапии с давних пор являлась баня. В народном сознании вера в лечебную силу бани закрепилась у карелов настолько глубоко, что она бытует до сих пор. В зоне расселения тихвинских карелов, где была распространена и печная гигиеническая традиция, физиотерапевтическое лечение часто проводилось в печах. У беломорских карелов массаж был одним из самых распространенных рациональных способов лечения.

7. Центральной фигурой в народной медицине карелов является знахарь. В местах проживания северных, тверских, ливвиковских и людиковских карелов между колдунами и знахарями существовало незначительное отличие, что отображается в наименованиях. Разделение деятельности знахарей и колдунов на положительное и отрицательное было недостаточно четким. У тихвинских карелов, напротив, под влиянием старообрядчества эти фигуры довольно резко противостояли друг другу: знахари, будучи верующими, делали добро, а колдуны общались с нечистой силой и были вне Бога.

8. Одним из основных принципов лечения заболеваний религиозно-мифологической группы была магическая передача недуга обратно источнику появления, что наиболее ярко проявлялось в текстах карельских заговоров. Известны особые типы заговоров, отличающиеся специфической структурой, включающей обращение к носителю болезни, которое характеризовалось либо задабривающими эпитетами, либо негативными определениями; просьбу о прощении и просьбу забрать болезнь обратно.

9. Карельская народная медицина сохранила до нашего времени архаичные черты, исчезнувшие у соседних народов (русских, вепсов). В народной этиологии заболеваний имеется большое количество болезней религиозно-мифологического происхождения – от персонифицированных железа, дерева, камня, холода, непогоды, ногтя, которые у многих народов объяснялись рациональными причинами. В народной прогностике заболеваний значительное место занимали знахарские гадания. Лечебная магия включала заговоры, большинство из которых унаследовали стихотворный размер калевальской метрики.

10. В народной медицине карелов, наряду с общими чертами, прослеживаются некоторые локальные особенности. Тихвинские карелы, будучи строгими приверженцами старообрядчества, тем не менее при лечении болезней обращались к религиозно-магическим способам врачевания, перенесенными ими при переселении с Карельского перешейка. При этом у них абсолютно четко выделялись заимствованные от русских элементы народной медицины, отразившиеся и в лексике, и способах врачевания.

11. Длительное сохранение архаичных черт свойственно для тверских и северных карелов, что прослеживается в текстах заговоров и, например, длительном персонифицировании мороза и его воздействия – обморожения. На лексику и способы врачевания ливвиковских и людиковских карелов сильное влияние оказали культура и язык русского населения (например, болезни *веснуха*, *икота*).

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается комплексным использованием междисциплинарных данных, применением системы современных общенаучных и конкретных методов исследования и полевых записей автора.

Результаты диссертационной работы апробированы в монографии (объем 10,0 п.л.), 17 статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, научных статьях, докладах на научных конференциях международного, всероссийского и регионального масштаба. Всего по теме диссертации опубликованы работы общим объемом 24,7 п.л.

Диссертационное исследование обсуждалось на объединенном заседании кафедр отечественной истории и прибалтийско-финской филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Петрозаводский государственный университет» и рекомендовано к защите.

Структура исследования. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и условных обозначений, приложений.

ГЛАВА 1. ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО КАРЕЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ

Народная медицина – многосоставное явление, тесно связанное с природопользованием и социальными процессами, включающее религиозно-мифологические представления этноса, народные знания, комплекс разнообразных лечебных и профилактических обрядов, рациональных практик, совершаемых различными категориями врачей, устные и рукописные заговорно-заклинательные тексты. Сложность этого явления обусловила выбор комплексного подхода, который использовался нами для формирования теоретико-методологической и источниковой базы исследования.

§ 1.1. Карелы: основные параметры этноса, история и природопользование

Карелы – третий по численности прибалтийско-финский народ, основная масса которого проживает в России. По данным последней переписи 2010 г., в России насчитывается 60 815 карелов⁴⁹. Расселение карелов за пределами России – явление позднее, относящееся к середине XX в., связанное, главным образом, с Великой Отечественной войной, организациями в бывшем Советском Союзе социалистических строек и освоением целины.

Карелы сами себя называют *karjala* (ед.ч.) – *karjalat* (мн.ч.), *karjalaine* (ед.ч.) – *karjalažet* (мн.ч.). В русских летописях они упоминаются как *корела*. В XIX в., русские пользовались термином *кореляки*, сейчас повсеместно употребляется название карелы. В Тверской обл. известен экзоэтноним *корелянин, корелянка*.

Российские карелы, как по языку, так и по другим формам своей культуры, представляют собой весьма неоднородную этническую группу. Язык карелов относится к прибалтийско-финской группе финно-угорской языковой семьи. Ка-

---

⁴⁹ См. подробнее об этом: Клементьев Е. И. Карелы: Этнографический очерк. Петрозаводск, 1991. С. 6.

рельский язык делится на три основных наречия: собственно-карельское, ливвиковское и людиковское. Становление этнических групп ливвиков и людиков связано с движением карелов, начатым в XIII в., за пределы своей прародины на Олонецкий перешеек, который в это время был вепсской территорией. В ливвиковском наречии прослеживается вепсский субстрат с подавляющим карельским компонентом. Наречие карелов-людиков представляет собой синтез карельских и вепсских компонентов с преобладанием вепсского⁵⁰. Возникновение собственно-карельского наречия связывают с племенем корела, проживавшем в I – II в. на побережье Ладожского озера. Говоры тверских карелов, переселившихся в Россию в XVII в. из северо-западного Приладожья в период русско-шведских войн, по фонетическим, морфологическим и лексическим особенностям относятся к собственно-карельскому наречию. К нему же относится и говор локальной группы тихвинских карелов юго-восточной части Ленинградской обл. (первые карельские переселенцы появились на землях Тихвинского монастыря еще в XVI в.)⁵¹. Собственно-карельское наречие подразделяется на северные и южные диалекты (см. Приложение 1, Рисунок 1, 2, 3)⁵².

При изучении такой довольно широкой сферы народной жизни как медицинская культура чрезвычайно важно хотя бы в общих чертах охарактеризовать хозяйственные занятия этнолокальных групп карельского народа, которые варьировали под влиянием различных природных условий, и, с одной стороны, могли быть источниками ряда заболеваний, а с другой, – поставщиками лечебных средств.

⁵⁰ Genets A. Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä. Helsinki, 1880. S. 3; Его же. Tutkimus Aunuksen kielestä. Helsinki, 1885. S. 4–5.

⁵¹ Клементьев Е. И. Карелы: Этнографический очерк. Петрозаводск, 1991. С. 6.

⁵² См. подробнее об этом: Булкин А. А. Географическая разобщенность и субэтносы карел: автореф. дисс. ... канд. географ. наук. СПб, 2005; Бубрих Д. В. Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных // Известия Карело-Финской научно-исторической базы АН СССР. Петрозаводск, 1948. Вып. 3; Зайков П. М. Глагол в карельском языке (грамматические категории лица, числа, времени и наклонения). Петрозаводск, 2000; Муллонен И. И. Формирование диалектной карты карельского языка // Истоки Карелии: время, территория, народы. Междисциплинарные исследования. Петрозаводск, 2015; Степанова Ю. В., Савинова А. И. Тверские карелы в XVIII в.: территориально-демографическая характеристика // Carelica. 2014. № 2 (12).

В XIX – начале XX в. у карелов повсеместно существовал комплексный тип хозяйства. Наряду с земледелием и тесно связанным с ним животноводством, их постоянными занятиями были рыболовство, охота, сбор ягод и грибов, а также домашние и отхожие промыслы (лесные разработки, сплав леса, железоделательный промысел и др.). Соотношение хозяйственных занятий в разных районах расселения народа было различным⁵³. Комплексное хозяйство было характерно для карелов уже в древности. Сведения о комплексном характере традиционных занятий карелов содержатся в карельских эпических песнях. Кузнец Илмаринен в зависимости от времени года занимался земледелием, изготавливал лодки, ловил рыбу, ковал железные орудия труда.

Уже с XI – XIII вв. выделился набор сельскохозяйственных культур, возделывавшихся в Карелии и в дальнейшем. На севере сеяли преимущественно ячмень, т. к. он успевал созреть за короткий срок даже в холодное лето. В с. Подужемье (Кемский у.), например, сеяли только ячмень, который неприхотлив, а технологией обработки каменистой почвы подужемские крестьяне не владели⁵⁴. В средней и южной Карелии сеяли рожь, ячмень, овес, в меньшей степени – пшеницу. У тихвинских карелов также была известна гречиха⁵⁵. Верхневолжские карелы для занятия земледелием обладали более благоприятными условиями; они возделывали пшеницу, рожь, ячмень, овес, а из технических культур – лен и коноплю. Население занималось и огородничеством⁵⁶. Почти повсюду (кроме крайнего севера) карелы выращивали технические культуры: лен-долгунец (моченец), коноплю, репу, редьку, лук, горох⁵⁷.

Во второй половине XIX в. произошли значительные изменения в ассортименте возделываемых культур у карелов. Это было связано с развитием торговых отношений. Так, например, у верхневолжских карелов наряду с расширением

⁵³ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). М., 1965. С. 23.

⁵⁴ Каменев А. А. На семужьем промысле (Из быта подужемья Кемского уезда) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 22. С. 32.

⁵⁵ Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977. С. 116.

⁵⁶ Народы Европейской части СССР / Под ред. В. Н. Белицер, Н. И. Воробьева // Народы мира. Этнографические очерки. М., 1964. Т. II. С. 337.

⁵⁷ Никольская Р. Ф. Карелы (очерк) // В краю Калевалы. М., 1989. С. 24.

производства зерновых культур распространяется выращивание картофеля, расширяются посевы льна⁵⁸. В южной Карелии картофель получил распространение лишь в 40-х гг. XIX в. К концу XIX – началу XX в. его посадки значительно увеличились. Тем не менее товарного значения производство картофеля в Карелии еще не имело. В начале XX в. в южной Карелии начали сеять морковь, брюкву, капусту.

У карелов издавна были распространены местные породы скота: низкорослые породы коров, малорослые, легкие на ходу лошади, грубошерстные овцы. При этом ветеринарной помощи практически не существовало, корма для скота не хватало. Почти ежегодно повторяющиеся эпизоотии принимали большие масштабы, нанося большой урон хозяйству⁵⁹. Из шкур домашних животных выделывали кожи. Делали это зачастую небрежно, не соблюдая предосторожности: устраивались в сараях, подпольях, около хранилищ с водой, чем содействовали распространению в этих местностях сибирской язвы⁶⁰.

Скотоводство в различных районах Карелии развивалось по-разному и имело свои особенности. Известно, например, что в 1850-х гг. XIX в. в районах проживания сегозерских и ругозерских карелов скотоводством занимались только богатые крестьяне. Свиной держали только в южной и средней Карелии, причем мясо не употребляли в пищу, а использовали лишь щетину, которая годилась для изготовления щеток для чесания льна⁶¹. Конину также не ели. В число пищевых запретов входило и петушиное мясо. В северной Карелии до 40-х гг. XX в. сохранялось заимствованное от саамов оленеводство. Оленей содержали для езды, транспортировки сена и получения мяса, которым питались сами и продавали в Финляндию⁶². Оленеводство было распространено западнее поморских селений, бли-

⁵⁸ Андреева Л. Ю. Верхневолжские карелы: формирование и историческое развитие в условиях Российской Империи (XVIII – начало XX вв.): автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2011. С. 21.

⁵⁹ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). М., 1965. С. 30.

⁶⁰ М. Г. Салменижская волость // Олонецкие губернские ведомости. 1866. № 21. С. 357.

⁶¹ Никольская Р. Ф. Карелы (очерк) // В краю Калевалы. М., 1989. С. 25; N. Почему у нас мелкий скот // Олонецкая неделя. 1913. № 34. С. 13.

⁶² Зеленин Д. К. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР // Советская этнография. 1941. № 5. С. 117; 3-ский Н. Оленеводство в Тихтозерской волости Кемского уезда // Архангельские губернские ведомости. 1910. № 263. С. 3.

же к границе с Финляндией. Число оленей в хозяйствах карелов было невелико – от одного до пяти, и только у зажиточной части населения насчитывалось до 50–80 голов. Возможно, приобщение карелов к оленеводству происходило не только в период их проживания на крайнем севере Карелии, а значительно раньше. Езда на оленях известна уже героям рун «Калевалы»⁶³.

Птицеводство в Олонецкой губ. было развито слабо. Коренное население местами держало кур, а с разведением гусей и уток в Олонецком крае совсем не было знакомо (гусей и уток разводили только в Петрозаводске). Кур держали из-за яиц. Тихвинские карелы разводили кур и петухов⁶⁴. В конце XIX – начале XX в. в некоторых местностях (например, Центральная Карелия) кур вообще не знали. Одна из причин слабого развития куроводства была связана с неблагоприятными климатическими условиями⁶⁵. Другая причина ограниченного содержания кур заключалась в дорогой цене на куриный корм⁶⁶. В отличие от карелов Карелии, у верхневолжских карелов птицеводство было широко развито. Разводили кур, гусей и уток⁶⁷.

Вплоть до конца XVIII – начала XIX в. карелы Повенецкого у. Олонецкой губ. занимались сбором дикого меда⁶⁸. У верхневолжских карелов было развито домашнее разведение пчел⁶⁹. Мед в качестве мазей карелы использовали очень часто. Это видно из содержания лечебных заговоров, в которых карелы просят пчелу принести мед, например, «*Mehiläini on meijän lintu, hörhöläini hiijen lintu, kannu mettä met't'olašta...*» – ‘Пчела, наша птица, шершень, птица Хийси, носи мед из лесной стороны’⁷⁰.

⁶³ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). М., 1965. С. 34–35.

⁶⁴ Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягоев. Л., 1980. С. 150.

⁶⁵ Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006. С. 349.

⁶⁶ Б. Г. Сельско-хозяйственное птицеводство // Олонецкая неделя. 1913. № 32. С. 11.

⁶⁷ Народы Европейской части СССР // Народы мира. Этнографические очерки. М., 1964. Т. II. С. 337.

⁶⁸ Чернякова И. А. Карельские волости и их обитатели как объект добрых намерений имперского правительства в XIX веке // Carelica: научный электронный журнал. 2013. № 1(10). С. 78.

⁶⁹ Народы Европейской части СССР / Под ред. В. Н. Белицер, Н. И. Воробьева // Народы мира. Этнографические очерки. М., 1964. Т. II. С. 337.

⁷⁰ Песенный фольклор кестеньгских карел / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989. С. 133.

В условиях слабо развитого земледелия и животноводства большим подспорьем в жизни карелов были рыболовство и охота. О значительной роли этих промыслов в жизни и хозяйстве древних обитателей края сообщают многочисленные археологические находки и письменные источники более позднего времени⁷¹.

Каждая карельская семья из поколения в поколение охотилась на одной и той же территории. Исследователи отмечают, что в XIX в. охота у карелов носила хищнический характер. В этот период промысловыми животными были лисица, куница, горностай, белка, дикий олень, лось. Поэтому к XX в. численность некоторых зверей снизилась (например, горностай, куница), и карелы охотились, в основном, на белку, лисицу, зайца, медведя⁷². Занимались карелы и охотой на птиц: глухаря, рябчика, тетерева и утку.

Медведь являлся почитаемым животным у карелов, особенно долго культ медведя сохранялся в среде беломорских карелов⁷³. Когти и зубы медведя использовались в качестве оберегов, медвежья лапа – в народном врачевании. При лечении нарывов особенно ценным был медвежий жир, взятый из сердца⁷⁴. Повсеместно среди карелов бытовали пищевые запреты на мясо некоторых птиц и животных, которые следует учитывать и при изучении народной медицины. Так, например, в северной Карелии не ели медвежатину и зайчатину, полагая, что это мясо «нечистое»⁷⁵. Тверские карелы объясняли эти запреты следующим образом: медведь является человеческим оборотнем, а лапы зайца – собачьими. Такие запреты особенно характерны для старообрядцев.

⁷¹ См. подробнее об этом: Кочкуркина С. И. История и культура народов Карелии и их соседей (средние века). Петрозаводск, 2011. С. 15; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 57–59; Клементьев Е. И., Рягоев В. Д. Некоторые особенности этнокультурного развития карельского народа (до начала XX в.) // Этнография Карелии. Петрозаводск, 1976. С. 59.

⁷² Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). М., 1965. С. 40.

⁷³ Прим. автора: карелы, проживавшие и проживающие в северной части Республики Карелия, представлены в работе по этноязыковым группам: беломорские карелы (оулангские, кестеньгские, тихтозерские, ухтинские или калевальские – совр., вокнаволоцкие, панозерские, юшкозерские, тунгудские, ругозерские), карелы центральной Карелии (паданские, медвежьегорские, поросозерские, мяндусельские, сегозерские, ребольские).

⁷⁴ Никольская Р. Ф. Карелы (очерк) // В краю Калевалы. М., 1989. С. 29.

⁷⁵ Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 2003. С. 227.

У карелов повсеместно запрещалось убивать лебедя и есть лебединое мясо. Тверские карелы считали лебедя превращенной женщиной⁷⁶, они также не употребляли в пищу яйца лесных птиц, диких уток и гусей.

Рыболовство, распространенное на всей территории проживания карелов, было, главным образом, речное и озерное и лишь частично морское (по побережью Белого моря). Карелы ловили разную рыбу в зависимости от того, где производился лов: в лесных озерах (ламбушках) попадались окунь, язь, подъязык, щука, плотва; в больших проточных озерах и реках – налим, судак, лосось, сиг, лещ, ряпушка, ерш, окунь, щука, плотва, язь⁷⁷. Ряпушка – самая распространенная для улова рыба в Карелии. Ее вылавливали в больших количествах почти во всех озерах⁷⁸. Щуку также ловили повсеместно, главным образом, весной во время нереста. Заготавливали ее впрок: солили, вялили на солнце, сушили в печи. Частично для продажи вылавливали ерша, леща, плотву и окуня.

Основным промыслом карелов Кемского у. (с. Тунгуда, Подужемье) вплоть до начала XX в. также было рыболовство. Тунгудская волость богата озерами, где водилились крупносортовые сизи весом до полупуда⁷⁹. В с. Подужемье карельские крестьяне все свои силы тратили на рыбный промысел семги⁸⁰.

Из рыб карелами особо почитались щука и налим. Щучью челюсть вплоть до недавнего времени можно было увидеть в качестве оберега во многих карельских домах. Щучью желчь и жир налима использовали при лечении глазных заболеваний. Если во время рыбалки попадалось много щук или налимов, это считали плохим признаком, и половину выпускали. Зловещим предзнаменованием было заскакивание щуки в лодку: верили, что сидящий в лодке скоро умрет⁸¹.

⁷⁶ Головкин А. Н. История Тверской Карелии. Карелы: от язычества к православию. Тверь, 2008. С. 39.

⁷⁷ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). М., 1965. С. 36.

⁷⁸ Зеленин Д. К. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР // Советская этнография. 1941. № 5. С. 118.

⁷⁹ Каменев А. А. Тунгудская волость, Кемского у. // Архангельские губернские ведомости. 1911. № 47. С. 3.

⁸⁰ Каменев А. А. На семужьем промысле (Из быта подужемьян Кемского уезда) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 22. С. 32.

⁸¹ Никольская Р. Ф. Карелы (очерк) // В краю Калевалы. М., 1989. С. 28.

В пище карелов большое место занимали грибы и ягоды. До появления картофеля грибы называли вторым хлебом⁸². Каждая карельская семья в большом количестве заготавливала на зиму бруснику и клюкву. Сушеную чернику и малину обычно применяли в лечебных целях. Голубику раньше не собирали, считая ее «нечистой» ягодой, от употребления которой болит голова. Морошка произрастала большей частью в северной части Карелии. Хранили ее в моченом виде⁸³.

К числу старинных кустарных промыслов карелов относятся следующие: дегтярный промысел, смолокурение, заготовка дубильного сырья.

Вплоть до конца XVIII – начала XIX в. в осеннее, свободное от полевых работ время, карелы Повенецкого у. Олонецкой губ. (Римское, Шуньга, Поросозеро, Мяндусельга, Данилово, Петровский Ям, Богоявленское, Реболы, Ругозеро), Верхневолжья и Тихвинщины занимались производством дегтя. Для получения дегтя в яму закладывались сосновые пни с берестой, сверху яма накрывалась дерном. Затем эту яму соединяли с соседней глиняным желобом. Под воздействием небольшого огня из сырья выгонялся деготь и оседал на дно. Оттуда по желобу деготь стекал в соседнюю яму, где под него подставляли тару.

Одним из старинных, издавна бытовавших видов деревообработки среди карелов было смолокурение⁸⁴. Выкурка смолы в крае производилась преимущественно с помощью простейших устройств ямного типа. Однако встречались и установки печного типа, строившиеся из кирпича или камня. Активные работы на смолокурнях велись в течение 1–2-х месяцев в году ранней весной, до начала полевых работ⁸⁵.

⁸² Головкин А. Н. История Тверской Карелии. Карелы: от язычества к православию. Тверь, 2008. С. 40.

⁸³ Клементьев Е. И. Карелы: Историко-этнографический очерк. Петрозаводск 2008. С. 146.

⁸⁴ Народы Европейской части СССР / Под ред. В. Н. Белицер, Н. И. Воробьева // Народы мира. Этнографические очерки / Под общей ред. С. П. Толстова. М., 1964. Т. II. С. 340; Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977. С. 252; Чернякова И. А. Карельские волости и их обитатели как объект добрых намерений имперского правительства в XIX веке // Carelica: научный электронный журнал. 2013. № 1(10). С. 78.

⁸⁵ Кораблев Н. А. Традиционные кустарные промыслы и ремесла Карелии: вторая половина XIX – начало XX в. Петрозаводск, 2009. С. 28.

Путем перегонки дегтя и смолы получали другие ценные продукты: скипидар, канифоль, вар⁸⁶, которые карелы помимо хозяйственных надобностей употребляли и в лечении болезней⁸⁷. Например, тихвинские карелы Бокситогорского р-на Ленинградской обл. при признаках простуды у взрослого человека парились в бане, обмазавшись дегтем⁸⁸.

С дореформенных десятилетий XIX в. в Петрозаводском, Олонецком и Пудожском уездах существовала заготовка ивовой коры для собственных нужд и на продажу, которая в качестве дубильного сырья использовалась для кожевенно-овчинного производства. Сезон заготовки ограничивался 3–4 неделями в мае–июне, когда содержание дубильных веществ в ивовой коре было максимальным⁸⁹.

Среди карелов также были развиты отхожие промыслы, в числе которых, в первую очередь, стоит отметить коробейничество, солеварение, лесные промыслы (рубка, сплав леса, заготовка дров) и железоделательный промысел.

Считается, что карельское население пришло в Поморье на смену саамам. Недаром территорию вдоль Побережья Белого моря от Кеми до границы Карелии и Мурманской обл. сейчас называют Карельским берегом. Фактором, привлекавшим новых жителей на побережье Белого моря и прилегающие к нему территории, были, скорее всего, не только рыболовный промысел и охота на морского зверя, но и солеварение⁹⁰. Промысел солеварения начал развиваться у карелов еще в XVI в. Во второй половине столетия число варниц в Карелии достигало 180, а производство соли – 18 тысяч тонн в год.

Выплавкой железа из болотных руд и изготовлением из него различных изделий карельские крестьяне занимались издавна и повсеместно. О наличии металлообрабатывающего производства еще в древности свидетельствует обилие же-

⁸⁶ Головкин А. Н. История Тверской Карелии. Карелы: от язычества к православию. Тверь, 2008. С. 38; Рягов В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977. С. 252.

⁸⁷ Клементьев Е. И. Карелы... С. 12.

⁸⁸ Юрчак О. Баня в быту и обрядах тихвинских карел (по материалам полевых исследований 2002 г.) [Электронный ресурс] // Сайт Олонец.ру: олонецкий городской портал URL: www.olonec.ru/banya.php.

⁸⁹ Кораблев Н. А. Традиционные кустарные промыслы и ремесла Карелии: вторая половина XIX – начало XX в. Петрозаводск, 2009. С. 29.

⁹⁰ Кузьмин Д. В. К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: материалы науч. симп. / Сост. И. И. Муллонен. Петрозаводск, 2007. С. 21.

лезных поделок местного изготовления, найденных в курганах и могильниках. Активное развитие железоделательный промысел получил в XVI в., особенно в средней и южной Карелии, а также Лопском погосте. Карельские кузнецы из добытой и выплавленной руды изготавливали необходимые для хозяйства предметы. В это время изделия из железа пользовались большим спросом на русском рынке. Мастерство карельских кузнецов воспевается в сюжетах эпических песен карелов. В рунах карелов часто упоминается, что «в болоте под землею распростерлося железо». Кузнечное дело считалось почетным. Кузнец Илмаринен, герой эпоса «Калевала», был наделен чудодейственными качествами⁹¹. В этот период большая часть железа из Лопских погостов доставлялась в Поморье для изготовления железных сковород-цренов для соляных варниц. С конца XVIII в., в связи с постройкой Александровского и ряда частных металлургических заводов, железоделательный промысел начинает угасать. В XIX в. крестьянская металлургия существовала только в отдельных деревнях Кемского у. В начале XX в. кузнечное ремесло пришло в упадок.

Основным доходным промыслом у карелов в XIX в. был лесной: рубка и сплав леса, заготовка дров и т. д. Например, жители с. Видлицы, одного из самых значительных селений Олонецкого у., с середины XIX в. практически не занимались хлебопашеством. Рыбная ловля, вырубка и вывоз леса на заводы, сгонка дров составляли их основную деятельность⁹². Жили лесорубы в скверных условиях: спали на нарах, устланных хвойными лапами. Вплоть до начала XX в. лесорубы рубили лес топорами, хотя механизированные машины появились уже в 60-е гг. XIX в. Такой изнурительный труд изматывал организм крестьянина. На XII съезде лесовладельцев состоялось выступление врача, обозначившего критическую ситуацию, сложившуюся с состоянием здоровья сплавщиков и заготовщиков леса:

⁹¹ Карелы Карельской АССР / Ин-т яз., лит. и истории Карел. филиала АН СССР. Петрозаводск, 1983. С. 112–113; Народы Европейской части СССР / Под ред. В. Н. Белицер, Н. И. Воробьева // Народы мира. Этнографические очерки / Под общей ред. С. П. Толстова. М., 1964. Т. II. С. 340.

⁹² Из Видлиц // Олонецкие губернные ведомости. 1865. № 10. С. 153.

они страдали ревматизмом, раковыми опухолями, заболеваниями желудочного тракта, грыжей, харкали кровью⁹³.

В северных районах Карелии (западная часть Кемского у.) вплоть до Октябрьской социалистической революции большое значение имело коробейничество. Чаще всего торговали платками, украшениями, тканями, мылом. Важнейшим районом торговли для карельских коробейников стала северная часть Финляндии⁹⁴. Для хозяйственных и лечебных целей торговали керосином, солью, мылом и т. д.

На территории расселения российских карелов исследователи выделяют несколько историко-природно хозяйственных районов. Приведем их характеристики, которые необходимы для изучения локального природопользования карелов, отразившегося в виде сложения разнообразных карельских народно-медицинских комплексов. С. Б. Потахин выделил на территории расселения карелов в Карелии четыре историко-природно-хозяйственных района⁹⁵:

1) Беломорско-Карельский историко-природно-хозяйственный р-н. Расположен в Куусамском, Западно-Карельском, Пяозерско-Топозерском, Тунгудозерском северотаежных ландшафтных р-нах. Для территории характерно господство сосновых лесов (из лиственных деревьев чаще всего встречается осина), густая озерно-речная сеть и преобладание малоплодородных подзолов. В качестве природоиспользования характерны рыболовство и охота. Наряду с разведением мелкого и крупного рогатого скота животноводство было представлено и оленеводством. Исторически эта территория носит название Беломорская Карелия. Мир фауны представлен такими животными как медведь, лиса, куница, заяц, выдра, горноста́й, белка, россомаха, ондатра, олень, лось, барсук, рысь, ласка⁹⁶. Среди ди-

⁹³ Никольская Р. Ф. Карелы (очерк) // В краю Калевалы: сборник. М., 1989. – С. 31.

⁹⁴ Народы Европейской части СССР / Под ред. В. Н. Белицер, Н. И. Воробьева // Народы мира. Этнографические очерки / Под общей ред. С. П. Толстова. М., 1964. Т. II. С. 340.

⁹⁵ Потахин С. Б. Историко-природно-хозяйственное районирование территории Карелии (XIX – начало XX в.) // Истоки Карелии: время, территория, народы. Междисциплинарные исследования. Петрозаводск, 2015. С. 204–216.

⁹⁶ Ивантер Э. В. Млекопитающие Карелии. Петрозаводск, 2008.

ких птиц распространены тетерев, рябчик, куропатка, лебедь, гусь, утка⁹⁷. В водоемах водятся щука, лосось, окунь, ряпушка, сиг, плотва, семга, кумжа, белуха, нерпа, тюлень⁹⁸.

2) Сегозерский (собственно-карелы: паданские и поросозерские) историко-природно-хозяйственный р-н расположен в северной тайге на южной окраине, в средней зоне Карелии. Сосновые леса и большое количество рек и озер обусловили доминирование охоты и рыболовства, а также занятие земледелием. Поселения представляли собой малодворные деревни, расположенные, как правило, по берегам озер. Мир фауны представлен такими животными, как волк, медведь, лось, заяц, лиса, норка, бобр, белка, ондатра⁹⁹. Среди диких птиц распространены тетерев, рябчик, глухарь, утка¹⁰⁰. В водоемах водятся плотва, язь, лещ, судак, окунь, ерш, налим, корюшка, щука¹⁰¹.

3) Ливвико-Людиковский историко-природно-хозяйственный р-н располагается в южной части Карелии, в которой происходит плавный переход с севера от северотаежных ландшафтов к средне-таежным. Этот район отличается развитой сельскохозяйственной деятельностью. Здесь преобладают песчаные и супесчаные почвы. Для местности характерны хвойные и лиственные леса. Распространены ель, береза, осина, можжевельник, липа (массово растет на юге и в средней полосе, севернее редееет и затем постепенно совсем исчезает), ива и др.¹⁰². В районе проживают южные группы карелов: ливвики и людики. Основными направлениями природопользования являются рыболовство и земледелие (подсечно-огневое и пашенное). Мир фауны представлен такими животными как белка, ондатра, лиса, куница, норка, горностай, медведь¹⁰³. Среди диких птиц распро-

⁹⁷ Ивантер Э. В., Зимин В. Б. Птицы. Петрозаводск, 2002.

⁹⁸ Ивантер Э. В., Рыжков Л. П. Рыбы. Петрозаводск, 2004.

⁹⁹ Ивантер Э. В. Млекопитающие Карелии. Петрозаводск, 2008.

¹⁰⁰ Ивантер Э. В., Зимин В. Б. Птицы. Петрозаводск, 2002.

¹⁰¹ Ивантер Э. В., Рыжков Л. П. Рыбы. Петрозаводск, 2004.

¹⁰² Деревья и кустарники СССР: в 6-ти томах / ред. С. Я. Соколов. М., Л., 1951. Т. 2.

¹⁰³ Ивантер Э. В. Млекопитающие Карелии. Петрозаводск, 2008.

странены тетерев, рябчик, куропатка, лебедь, гусь, утка¹⁰⁴. В водоемах водятся корюшка, лещ, щука, окунь, судак, налим¹⁰⁵.

4) Ладожско-Карельский историко-природно-хозяйственный р-н занимает Северо-Приладожский и частично Сайменский и Южный Западно-Карельский среднетаежные ландшафтные р-ны. Для местности характерны еловые и лиственные леса. Благоприятные климатические условия способствовали развитию сельскохозяйственной деятельности (включая садоводство), наличие гранитов и мраморов – горнопромышленному производству¹⁰⁶. Мир фауны представлен такими животными, как медведь, лиса, заяц, выдра, белка, россомаха, ондатра, лось, бобр, нерпа¹⁰⁷. Среди диких птиц распространены тетерев, рябчик, глухарь, лебедь, гусь, утка¹⁰⁸. В водоемах водятся щука, лосось, судак, окунь, форель, корюшка, сом, налим, плотва¹⁰⁹.

В Ленинградской обл. выделяется тихвинский историко-природно-хозяйственный р-н.¹¹⁰ Для ландшафта на востоке характерен слабый дренаж, обилие заболоченных и болотных почв. Доминантными урочищами являются волнистые озерно-ледниковые равнины с сосняками бруснично-чернично-зеленомошными, разнотравно-ягельными на подзолистых почвах. Урочища межхолмовых понижений заняты елово-сосновыми чернично-зеленомошными и долгомошными лесами на подзолистых со следами оглеения почвами¹¹¹. В западной части района преобладают сильноподзолистые и дерново-подзолистые почвы. В районе произрастают преимущественно коренные леса, причём в западной части еловые со средним уровнем лесистости, а в восточной – сосновые с высоким

¹⁰⁴ Ивантер Э. В., Зимин В. Б. Птицы. Петрозаводск, 2002.

¹⁰⁵ Ивантер Э. В., Рыжков Л. П. Рыбы. Петрозаводск, 2004.

¹⁰⁶ Потахин С. Б. Историко-природно-хозяйственное районирование территории Карелии (XIX начало XX в.) // Истоки Карелии: время, территория, народы. Междисциплинарные исследования. Петрозаводск, 2015. С. 204-216.

¹⁰⁷ Ивантер Э. В. Млекопитающие Карелии. Петрозаводск, 2008. 296 с.

¹⁰⁸ Ивантер Э. В., Зимин В. Б. Птицы. Петрозаводск, 2002. 288 с.

¹⁰⁹ Ивантер Э. В., Рыжков Л. П. Рыбы. Петрозаводск, 2004. 176 с.

¹¹⁰ Фишман О. М. Факторы формирования природно-хозяйственного пространства микролокальной группы (тихвинские карелы) // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2011. № 1 (114). С. 18.

¹¹¹ Нестерова Л. А. Морфологическое строение ландшафтов востока Ленинградской области // Тихвинская водная система: 300 лет идеи создания, 200 лет от начала эксплуатации: материалы межрегиональной научной конференции 10–12 октября 2011 г. (г. Тихвин). СПб; Тихвин, 2011. – С. 12.

уровнем лесистости. На территории района имеются месторождения бокситов, известняков, доломитов, торфа. Из млекопитающих обитают волк, лисица, медведь, из птиц – куропатка, тетерев, рябчик, глухарь¹¹².

В целом регион расселения тверских карелов находится в лесной зоне, в подзоне южной тайги, переходящей в широколиственные леса на северо-западе и массивы сосновых лесов в северной и юго-западной частях¹¹³.

Таким образом, на карельскую традиционно-бытовую культуру, в том числе народную медицину, оказывали влияние природно-климатические условия, исторические традиции и хозяйственная деятельность. Немаловажную роль в развитии национальной культуры карелов играло контактирование с соседними народами (вепсами, русскими, финнами). Издавна установлены тесные культурные связи карельской и северно-русской культур. Однако, несмотря на сильное влияние русского населения, карельская культура не потеряла своих национальных, самобытных особенностей.

К концу XIX – началу XX в. большинство традиционных видов бытовой культуры, включая и народную медицину, вследствие социально-экономических и политических преобразований подверглись трансформации. Развитие этнической культуры карелов в XX в. определялось спецификой советского периода. В этот период начинают развиваться и усиливаться контакты с другими народами, происходят социально-экономические изменения, профессиональная медицина становится более доступной. Все это приводит к утрате некоторых компонентов культуры, включая и народную медицину.

В конце XX – начале XXI в. произошел новый этап развития в социокультурной сфере России, который повлек изменения в мировоззрении этноса в связи с переходом на новый информационный этап. Возрос интерес к традиционной культуре этносов, в том числе и к народной медицине, который подкреплялся до-

---

¹¹² Ивантер Э. В., Зимин В. Б. Птицы. Петрозаводск, 2002. 288 с.; Ивантер Э. В. Млекопитающие Карелии. Петрозаводск, 2008. 296 с.

¹¹³ См. подробнее об этом Чалая И. П., Веденин Ю. А. Культурно-ландшафтное районирование Тверской области. М., 1997. С. 44, 140.

ступными информационными материалами в этой области. Начинает происходить взаимопроникновение и взаимообмен «официальной» и народной медицины.

§ 1.2. История изучения народной медицины карелов

Изучением разнообразных аспектов, затрагивающих медицинскую культуру карелов, занимались представители различных гуманитарных дисциплин (этнографы, историки, фольклористы, лингвисты).

Научные труды отечественных этнографов о культуре, быте и традициях карелов, включая народную медицину, стали появляться только в 1940-х гг. Первоначально они содержали общие сведения и статистику, а проблемы государственного здравоохранения и народной медицины затрагивали лишь фрагментарно. В 1941 г. в журнале «Советская этнография» была опубликована статья известного ученого-археолога и этнографа А. М. Линевского¹¹⁴. Статья носит ознакомительный характер о карельском народе в целом и его культуре. Автор не оставляет без внимания и вопросы, касающиеся медицины и гигиены карелов. В этом же году увидела свет статья Д. К. Зеленина, посвященная быту карелов Медвежьегорского р-на КФССР, в которой автор использует данные рукописей Ученого архива Географического общества¹¹⁵. Среди приводимых этнографических сведений есть упоминания о народном врачевании паданских карелов.

В 1964 г. выходит коллективная монография «Верхний Олонец – поселок лесорубов», представляющая собой первую попытку этнографического изучения рабочего класса Карелии, централизованно поставленную перед учеными ИЯЛИ¹¹⁶. Этот лесопункт существовал на протяжении нескольких лет (с 1950–1960 гг.). Наравне с изучением семейного быта, материальной и духовной культуры, авторы сконцентрировали внимание и на медицинском обслуживании

---

¹¹⁴ Линевский А. М. Карелы // Советская этнография. 1941. № 5. С. 89–109.

¹¹⁵ Зеленин Д. К. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР // Советская этнография. 1941. № 5. С. 110–125.

¹¹⁶ Верхний Олонец – поселок лесорубов (опыт этнографического описания) / Отв. ред. К. В. Чистов. М., Л., 1964.

рабочих лесопункта, степени сохранения у них карельских традиций, связанных со здоровьем и болезнями.

Коллективный труд сотрудников ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР «Карелы Карельской АССР» представляет собой комплексное исследование, посвященное проблемам этнической и социально-экономической истории и культуры карелов¹¹⁷. Книга содержит раздел (автор – Р. Ф. Никольская) о семейном укладе и быте карельской семьи, где затронуты вопросы народной медицины (лечение травами, знахарство, обереги новорожденного).

В исследовании Ю. Ю. Сурхаско, посвященном семейным традициям и верованиям карелов в конце XIX – начале XX в., рассматриваются вопросы о родильной обрядности и детских болезнях¹¹⁸. В следующей своей работе автор обращается к проблеме феномена двоеверия и его влиянию на народную медицину карельского народа¹¹⁹.

Научная статья «Карельские колдуны» посвящена вопросу знахарства и оберегательной магии среди карельского населения¹²⁰. Автор приходит к выводу, что активность бытования знахарей в карельской среде (вплоть до недавнего времени), вероятно, обусловлена тем, что одаренные карельские колдуны не ограничивались только кругом необходимых заговоров и заклинаний, они являлись знаатоками и хранителями всей народной мудрости, народного рационального опыта и традиционной культуры.

О личном опыте некоторых студентов карельской национальности по использованию средств карельской народной медицины и своих взглядах на знахарство повествуется в статье преподавателя Карельского педагогического института В. П. Ершова¹²¹. Автор предлагает разделить народную медицину и знахарство,

---

¹¹⁷ Карелы Карельской АССР / Ин-т яз., лит. и истории Карел. филиала АН СССР. Петрозаводск, 1983.

¹¹⁸ Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел: Конец XIX – начало XX в. Л., 1985.

¹¹⁹ Сурхаско Ю. Ю. Проявления двоеверия в традиционной семейной обрядности карел // Православие в Карелии: история и современность: Атеистические очерки. Петрозаводск, 1987. С. 46–61.

¹²⁰ Сурхаско Ю. Ю. Карельские колдуны // Учащимся о религии и атеизме. Петрозаводск, 1989. С. 93–101.

¹²¹ Ершов В. П. От знахарки до научной лаборатории / В. П. Ершов // Учащимся о религии и атеизме. Петрозаводск, 1989. С. 102–116.

вопреки общепринятому мнению, что народная медицина включает в себя, как рациональные способы лечения, так и магические обряды.

В народном календаре всегда выделялись периоды, наиболее благоприятные для совершения оздоровительных обрядов. У карелов таким периодом был *viändöi*, который соответствует летним святкам у славянских народов. В статье А. П. Конкка рассказано об этом важном календарном периоде¹²². Автор статьи подробно исследует каждый из карельских обрядов, включая и лечебные.

Важное физиотерапевтическое значение в жизни карелов занимала баня. Статья Р. Ф. Никольской и Ю. Ю. Сурхаско посвящена традициям банной культуры у карелов. Наряду с вопросами, связанными с конструкцией бани, ее внутренним убранством, традициями топки и т. д., исследователи обращаются и к ее оздоровительной функции¹²³. Другая совместная статья Р. Ф. Никольской и Ю. Ю. Сурхаско непосредственно обращена к такой проблеме традиционной медицины карелов, как соотношение в ней рационального и иррационального¹²⁴. Авторы подробно описывают процесс сбора лекарственных трав и их заготовки, способы лечения болезней с помощью различных средств народной медицины.

Данные о народной медицине тихвинских и тверских групп карелов и разные аспекты ее анализа содержатся в ряде работ О. М. Фишман. К изучению группового сознания тихвинских карелов-старообрядцев автор обращается в научной статье¹²⁵, а затем и монографии¹²⁶. В исследованиях рассматриваются структура общины федосеевцев и особенности жизненного уклада в ней, роль духовного наставника в общине и его учения, контакты «знающих» с «чужими» и т. д., которые оказывают влияние на народное врачевание. Сюжет полевой автобиографии, посвящен знахарской лечебной практике трех поколений одной семьи,

¹²² Конкка А. П. *Viändöi* – время летнего «поворота» в календарной обрядности карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 28–46.

¹²³ Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. Баня в семейном быту карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 68–86.

¹²⁴ Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. О карельской народной медицине: рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 103–121.

¹²⁵ Фишман О. М. «Отче» и колдуны: образы жизни карельской старообрядческой общины // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 132–143.

¹²⁶ Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003.

проживающей в карельской деревне Никифариха (Тверская обл.)¹²⁷. Автор описывает процесс передачи знаний из поколения в поколение, касается вопросов динамики магической практики и степени сохранения у этой группы карелов карелоязычных названий болезней и заговоров.

В двух работах Н. А. Лавонен, посвященных символике стола и скатерти в карельской культуре, затрагивается вопрос о защитных и лечебных функциях этих предметов¹²⁸. Побывавшим в церкви или на свадебном столе скатертям, придавалось особое целительное свойство, в связи с чем их использовали при лечении детской оспы и родимчика. Стол играл важную роль в ритуалах избавления от болезней.

Персонажам карельской мифологии – «духу-хозяину» дома, «хозяину бани», «хозяину хлева» и т. д., их взаимоотношениям с людьми – помощи, запретам, наказаниям и, главное, – болезням насланным за различные провинности, – посвящена статья Л. И. Ивановой «К вопросу о бытовании карельской мифологической прозы и некоторых ее персонажах»¹²⁹. В 2012 г. появились еще две работы этой исследовательницы, касающиеся архаичных представлений карелов о болезнях *mešännenä* 'лесной нос', *viennenä* 'нос от воды' и ритуалов исцеления от этих недугов¹³⁰. Причины возникновения заболеваний с основой *nenä* 'нос', по мнению автора, кроются в нарушении баланса между человеческим и иным миром. Для исследования эти труды являются очень важными, так как Л. И. Иванова вводит в оборот около четырехста текстов быличек, хранящихся в архиве ИЯЛИ КарНЦ РАН. В 2016 г. увидело свет комплексное исследование Л. И. Ивановой, посвя-

¹²⁷ Фишман О. М. Знающая – больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Сборник статей памяти Ю. Ю. Сурхаско. Гуманитарные исследования. Вып. 2 Петрозаводск, 2009. С. 135–172.

¹²⁸ Лавонен Н. А. Карельская скатерть: ее функции в народном быту и традиционных обрядах // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 82–102; Его же. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000.

¹²⁹ Иванова Л. И. К вопросу о бытовании карельской мифологической прозы и некоторых ее персонажах // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1995. С. 30–52.

¹³⁰ Его же. Лесной нос: архаические представления карелов о болезни и магические локусы ритуала исцеления // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Гуманитарные исследования. Вып. 4. Петрозаводск, 2012. С. 68–73; Его же. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. Часть первая. М., 2012.

ценное карельской бане¹³¹. Основное внимание автор уделит ритуалам, проводящимся в бане, и верованиям, которые бытовали у карелов в XIX–XX вв. Исследователь обращается к рассмотрению обрядов жизненного цикла, проводимых в бане, и мифологическим представлениям, на которых базируется народная медицина.

К становлению медицинского дела в Олонце, начиная с конца XVIII – середины XX в., обращена статья И. В. Павловой¹³². Стоит отметить важность приведенной здесь статистики заболеваний у взрослых и детской смертности в начале XX в.

О верованиях карелов в заболевание *kalma* ‘болезнь, которая по поверью приставала от кладбища или покойника’ упоминается в научной статье «Древние обряды, обычаи и поверья карелов»¹³³.

В 2002 г. отделом Северо-Запада и Поволжья Российского Этнографического музея была проведена экспедиция в Бокситогорский район Ленинградской области в места проживания тихвинских карелов. Целью поездки являлась фиксация материала о банных постройках и роли бани в традиционной культуре тихвинских карелов конца XIX – начала XX в. Полученный материал изложен в статье О. Юрчак¹³⁴. В ходе исследования автор приходит к выводу, что баня играла важную роль на всех этапах жизненного цикла: родильном, погребально-поминальном, обряде крещения и др. Не были исключением и лечебные обряды, проводимые в бане у тихвинских карелов, упоминаемые в статье.

Знахарству у ливвиковских карелов посвящено исследование М. А. Титовой, в котором представлены наименования, черты внешнего вида, особенности

¹³¹ Его же. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. – М., 2016.

¹³² Павлова И. В. Из истории становления медицинского дела в Олонце // Аланго – Алоньсь – Олоньсь – Олонец: сборник научных статей. В. 1. Олонец, 1999. С. 26–32.

¹³³ Даншова О. Н. Древние обряды, обычаи и поверья карелов // Аланго – Алоньсь – Олоньсь – Олонец: сборник научных статей. В. 1. Олонец, 1999. С. 39–50.

¹³⁴ Юрчак О. Баня в быту и обрядах тихвинских карел (по материалам полевых исследований 2002 г.) [Электронный ресурс] // Сайт Олонец.ru: олонецкий городской портал URL: www.olonec.ru/banya.php.

жизненного уклада и приемы врачевания деревенских лекарей – знахарей¹³⁵. Исследовательница утверждает, что в карельской среде существовали «хорошие» и «плохие» ведуны.

С 2000 г. ученые ИЯЛИ и ПетрГУ занимались многолетним междисциплинарным исследованием культуры Сямозерья. В сборе материала им помогали юные исследователи Петрозаводского Дворца творчества детей и юношества. В сборнике конференции «Сямозерские чтения» представлены доклады и материалы, касающиеся истории, экономики и традиционной культуры сямозерских карелов-ливвиков. Два доклада школьников посвящены лечебным обрядам карелов¹³⁶. Эти исследования представляют большой интерес и потому, что они написаны целиком на новом полевом материале, собранном в деревнях Иванисто, Сямозеро, Сяргилахта, Эссойла. В коллективной монографии «История и культура Сямозерья» один из разделов посвящен семейной обрядности северных ливвиков¹³⁷, в котором К. К. Логинов обращается к родильной обрядности и болезням детей первого года жизни у ливвиковских карелов.

В 2007 г. увидела свет монография О. П. Илюха, в которой затрагиваются проблемы детства в контексте политических, экономических и социально-культурных процессов¹³⁸. В разделах, посвященных детскому отходничеству, школе, социальной защите детей и этнокультурному развитию карельской деревни, автор обращается к проблемам детской смертности, детских болезней и их профилактики. В других статьях этого автора, в том числе и в соавторстве с

---

¹³⁵ Титова М. А. Карельский ведун «tiedoiniekku»: социально-психологический портрет (на южно-карельском материале) // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 2005. С. 288–297.

¹³⁶ Бусарова В. П. Структура обряда лечения (на примере сямозерских карел) // Сямозерские чтения: доклады и материалы первой и второй научно-практических конференций. Петрозаводск, 2006. С. 104–110; Скачков А. Приметы и суеверия о ноже (по материалам этнографических экспедиций) // Сямозерские чтения: доклады и материалы первой и второй научно-практических конференций. Петрозаводск, 2006. С. 119–122.

¹³⁷ Логинов К. К. Родильная обрядность и способы лечения младенческих недугов // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 247–254.

¹³⁸ Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб., 2007.

Ю. В. Литвин, наряду с вопросами о быте, традициях, воспитании детей в карельской семье, уделяется внимание и проблемам медицинской практики карелов¹³⁹.

Статья Ю. Г. Шикалова знакомит со сложившейся ситуацией профессионального медицинского обслуживания в Кемском у. в конце XIX – начале XX в.¹⁴⁰ Автор статьи приходит к выводу, что в этот период профессиональная медицинская помощь в Кемском у. находилась в зачаточном состоянии.

Монография А. Конкка посвящена феномену карсикко (деревьям-знакам) у прибалтийско-финских народов¹⁴¹. Некоторые способы избавления от болезней включали использование деревьев-карсикко в лечебных ритуалах, на что обращает внимание автор этого издания, приводя несколько примеров. Другая его статья – о грехах и запретах в карельском быту карелов¹⁴². Автор отмечает, что грехи и запреты в народной культуре сходны по функциям, и те и другие определяли поведение человека. Нарушение некоторых запретов приводило к возникновению заболеваний у людей.

Важную часть народной медицины составляют заговоры и заклинания. В период с 1960 г. по 1990-е гг. появляются работы фольклористов, затрагивающих тему лечебных заговоров. Исследователь карельского фольклора В. Я. Евсеев в работе «Карельский фольклор в историческом освещении» обращается к проблеме отражения исторических событий в жизни карельского народа через устное народное творчество¹⁴³. Автор не обходит стороной и лечебную закликательную поэзию. В статье Н. А. Лавонен «Заговоры в кругу религиозно-магических пред-

¹³⁹ Илюха О. П. Представления о болезнях и способах лечения детей в карельской традиционной культуре (по данным конца XIX – начала XX в.) // Вопросы воспитания: научно-практический журнал. 2011. № 1 (6). С. 41–51; Илюха О. П., Литвин Ю. В. Забота о здоровье матери и ребенка в карельской деревне конца XIX – начала XX вв.: семейные традиции и профессиональная медицина // Общество: философия, история, культура. 2012. № 3. С. 33–41.

¹⁴⁰ Шикалов Ю. Г. Здравсохранение в Кемском уезде в конце XIX – начале XX века // Народ, разделенный границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.: эволюция национального самосознания, религии и языка. Joensuu, Петрозаводск, 2011. С. 97–115.

¹⁴¹ Конкка А. П. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск, 2013.

¹⁴² Конкка А. П. Грехи и запреты в повседневном и обрядовом поведении как часть традиционной картины мира у карелов // Культура повседневной карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.). Исследования. Материалы. Документы. Петрозаводск, 2014. С. 320–333.

¹⁴³ Евсеев В. Я. Карельский фольклор в историческом освещении. Л., 1968.

ставлений карел» затрагивается проблема карельской заклинательной поэзии: структура, особенности хранения и передачи, правила исполнения заговоров¹⁴⁴.

Построение и содержание карельских лечебных заговоров исследует в своих статьях С. В. Туюнен¹⁴⁵. Автор затрагивает проблему влияния христианства на заговорную поэзию и уделяет внимание образам персонажей заговоров и их функциям.

Народная медицина карелов привлекала внимание не только российских исследователей, но и зарубежных ученых, главным образом, из Финляндии и Эстонии. Существенный вклад в карельскую этнографию внес С. Паулахарью, исследовательская деятельность которого относится к первым десятилетиям XX в. Он собрал обширные и разносторонние полевые материалы о верованиях и обрядах северных карелов, часть которых опубликована. Большой интерес вызывает его труд «Рождение, детство, смерть»¹⁴⁶. Данная работа посвящена карельским родильным и погребальным обрядам, в ней также содержатся и сведения о народной медицине карелов: автором выделены группы болезней – от Бога и от плохих людей, способы лечения заболеваний (оспа, боль в ухе у ребенка, рахит, болезнь *kalma* ‘смерть’ и т. д.). Полнота и детальность изложения, введение карельской терминологии по народной медицине, подробное описание обрядов – все это делает данную монографию ценнейшим источником. Не менее важным и интересным источником является книга С. Паулахарью «Карельская баня», в которой автор знакомит читателя с особенностями строения бани, топки и мытья и т. д.¹⁴⁷. Важны приводимые им сведения об исцеляющих свойствах бани, включающие правильный выбор дров для лечебной бани и виды заболеваний, которые в ней лечили.

¹⁴⁴Лавонен Н. А. Заговоры в кругу религиозно-магических представлений карел (по материалам экспедиций 1975–1984 гг.) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 130–139.

¹⁴⁵Туюнен С. В. К вопросу о влиянии христианства на фольклор (христианские элементы в карельских заговорах) // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 132–141; Его же. Помощники заговаривающего // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1998. С. 59–74.

¹⁴⁶Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo, 1924.

¹⁴⁷Его же. Karjalainen sauna. Helsinki, 1982.

Финляндский ученый А. Руотсалайнен обращается к народным способам лечения ушных заболеваний¹⁴⁸. В основном, автор уделяет внимание финской лечебной практике, но есть упоминания и о карельской народной медицине. Детской болезни «щетинка» посвящена другая статья А. Руотсалайнена¹⁴⁹. Помимо финских наименований этого заболевания, причин появления щетинки в финских верованиях, способов лечения в народной медицине у финнов, в исследовании затронуты аналогичные традиции других прибалтийско-финских народов, включая карелов.

В статье эстонского исследователя П. Норвика «О карельской народной медицине держанских карелов»¹⁵⁰ рассмотрены лечебные традиции группы карелов, проживающих в Калининской обл. (бывшая Тверская губ.) в д. Семеновское и Новое. Автор описывает традиционные способы лечения (фитотерапия, средства животного и растительного происхождения), магию, включающую заговоры, знахарство, предметы врачевания.

П. Виртаранта совершал неоднократные поездки к тверским карелам, в результате которых им было опубликовано издание «Прежняя жизнь тверских карелов», подготовленное на основе полевых материалов автора, собранных в 1957–1958 гг., в местах проживания карелов в Тверской обл.¹⁵¹. В одном из разделов автор уделяет внимание способам лечения таких заболеваний как, например, болезнь, приставшая от ногтей, ячмень и др.

В другой научной работе П. Виртаранта «Лечебные знания тверских карелов» представлены полевые материалы автора, собранные в Лихославльском р-не Тверской обл. (д. Прудово, Толмачи)¹⁵². Статья содержит данные о способах лечения болезней как у людей, так и у скота, приводятся заговоры, сопровождаю-

¹⁴⁸ Ruotsalainen A. Pikkulasten «harjakset» // Kalevalaseuran vuosikirja. № 31. Helsinki, 1951. S. 179–199.

¹⁴⁹ Его же. Korvatautien kansanomaiainen lääkintä // Kalevalaseuran vuosikirja. № 32. Helsinki, 1952. S. 155–177.

¹⁵⁰ Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 225–230.

¹⁵¹ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo, Helsinki, 1961.

¹⁵² Его же. Tverinkarjalasta parannustietoa // Kansa parantaa Helsinki, 1983. S. 231–241.

щие лечебные ритуалы. Более широко этот материал содержится в изданной в 1986 г. монографии «Kauas läksit karjalainen» ('Далеко пошел карел')¹⁵³.

Об истории, военном времени, быте и хозяйственных занятиях Салминского уезда написано в монографии А. Вильянто «Салми: воспоминания из Салминского уезда»¹⁵⁴. В одной из частей упоминаются верования карелов в различных духов (леший, водяной, баенник) и насланные ими болезни.

Отечественными, финляндскими и эстонскими языковедами были опубликованы научные труды, в которых они обращаются к вопросу происхождения различных лексем в карельском языке и близкородственных карельскому языкам.

В статье И. Маннинен представлена этимология, названия и способы лечения грыжи¹⁵⁵. Автор рассматривает как финские, так и карельские (в основном, Калевальского и Прионежского р-нов) наименования этого заболевания и традиции народного врачевания грыжи у этих двух народов.

Я. Калима исследует этимологию лексемы *rikki* в диалектах финского языка¹⁵⁶. Кроме того, языковед анализирует происхождение данного наименования в ливвиковском наречии (Неккульский диалект) карельского языка. Позднее Я. Калима обратился к изучению диалектных форм лексемы *rokkotauti* 'оспа' как в финском, так и в других прибалтийско-финских языках (включая карельский язык)¹⁵⁷.

В статье А. Тюнни рассматривается история происхождения сочетаний согласных *ns~sn* в наименованиях *känsä~käsniä* 'бородавка'¹⁵⁸.

Семантический анализ наименований *toppa* 'соринка в глазу', *čakka, rietta* 'нагноение глаз', *rikki* 'нагноение глаз', *čeärä* 'насморк' в финском, карельском и прочих прибалтийско-финских и финно-угорских языках проводится языковедом

¹⁵³ Его же. Kauas läksit karjalainen: matkamuistelmia tverinkarjalaisista kylistä. Söderström, 1986.

¹⁵⁴ Viljanto A. Salmi: Salmin pitäjän muistojulkasu. Jyväskylä, 1991.

¹⁵⁵ Manninen I. Kansanomaisen tautiopin alalta // Kalevalaseuran vuosikirja. № 13. Porvoo; Helsinki, 1933. S. 141-152.

¹⁵⁶ Kalima J. Suomen rikki sanasta // Kalevalaseuran vuosikirja. № 14. Porvoo; Helsinki, 1934. S. 68-70.

¹⁵⁷ Kalima J. Eräistä rokkotaudin nimestä // Kalevalaseuran vuosikirja. № 29. Porvoo; Helsinki, 1949. S. 41-44.

¹⁵⁸ Tynni A. Känsä~käsniä sana suomen murteissa // Virittäjä. 1934. № 38. S. 267-269.

Р. Е. Нирви¹⁵⁹. Словарные статьи направлены на раскрытие происхождения и значений конкретной лексемы (включая компоненты сложных слов) в наречиях карельского языка, в диалектах эстонского и финского языков, в коми и саамском языках и др.

Мифологии и способам лечения болезни *nenä* у финнов, карелов и вепсов посвящена статья К. Астед¹⁶⁰. Автор анализирует наименования тех мифологических заболеваний, основой которых является лексема *nenä* ‘нос; мифологическое заболевание’ (например, *mečännenä* ‘хворь от леса’, *tuulennenä* ‘хворь от ветра’, *kalmannenä* ‘болезнь смерть’ и др.). Исследователь приходит к выводу, что по ареальному распространению в диалектах финского и карельского языков доминируют названия с определениями *metsän-*, *tuulen-*, *veden-*, *maan-* ‘хворь от леса, ветра, воды, земли’.

М.-Л. Хейкинмяки в одном из своих трудов рассматривает происхождение карельских и финских названий кожных заболеваний цыпки и веснушки с позиции «народной этимологии» (верований людей)¹⁶¹.

М. Лянсимяки дает характеристику всем вариантам финских названий болезни ‘эпилепсия’ (отглагольные существительные, сложные слова, словосочетания, заимствования), например, *lankeavatauti*, *virtatauti*, *pyörtyvätauti*, *kaatumatauti*, *pahanlyötävä tauti*, *epilepsia* и др.¹⁶² В карельском языке используются подобные по звучанию, а также и по происхождению наименования (например, *langiejutaudi*, *pahataudi*). Проведенный исследователем анализ содержит важные для данного исследования данные, которые были нами учтены.

Подводя итоги сделанному историографическому обзору, можно заключить, что в опубликованных работах содержится, в основном, фрагментарное описание мифологических представлений о происхождении некоторых болезней, знахар-

¹⁵⁹ Nirvi R. E. Eräistä likaa ja rikkaa merkitsevien sanojen käyttötavoista // Virittäjä 1950. № 54. S. 398–424.

¹⁶⁰ Astedt K. Mytologisista nenä – yhdynnäisistä // Kalevalaseuran vuosikirja. № 40. Porvoo; Helsinki, 1960. S. 307–322.

¹⁶¹ Heikinmäki M.-L. Varissaappaat ja teerenpilkut (Muuttolintujen pilauksesta) // Virittäjä. 1976. № 5. S. 459–479.

¹⁶² Länsimäki M. Kun paha pieksää ja ihminen kuoleskelee (epilepsian kansanomaiset nimitykset) // Kielen kannoilla. Helsinki, 1996. S. 202–212.

ства и лечебных обрядов, физиотерапии, затрагиваются вопросы государственного здравоохранения.

§ 1.3. Источниковая база по карельской этномедицине

Среди опубликованных источников по карельской народной медицине выделяются следующие: этнографические, лингвистические, фольклорные. К неопубликованным следует отнести архивные и полевые материалы автора.

Этнографические источники.

К этнографическим источникам относятся путевые заметки, дневники и очерки дореволюционных краеведов, исследователей, путешественников и т. д.

В первой половине XIX в. появились первые историко-этнографические описания Карелии. Одно из таких исследований посвящено Олонецкой губ.¹⁶³. Автор подробно рассказывает о местоположении, быте, культуре и традициях карелов, проживающих в Петрозаводском, Лодейнопольском и Повенецком уездах. В одном из разделов исследователь затрагивает вопрос о медицинском обслуживании и болезнях местного населения.

Многочисленные сведения по этнографии Карелии собраны в неофициальной части газеты «Олонецкие губернские ведомости», которая выходила с 1838 по 1917 г. В разделе «Этнографические материалы» опубликованы данные о жизни и быте, хозяйственных занятиях, обычаях и обрядах различных локальных групп карелов – повенецких, олонецких, паданских и т. д. Многие выпуски содержат данные о состоянии медицинского обслуживания карельских уездов и народной медицине карелов¹⁶⁴.

В первом томе работы, посвященной всестороннему обзору Архангельской губ., написанной А. Пошманом, опубликованы краткие справки об уездных

¹⁶³ Бергштрессер К. Опыт описания Олонецкой губернии. СПб., 1838.

¹⁶⁴ Из быта и верований корел Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 74, 75, 76. С. 779–780, 788–789, 797–798; Из Видлиц // Олонецкие губернские ведомости. 1865. № 10. С. 153; М. Г. Салменижская волость // Олонецкие губернские ведомости. 1866. № 21, 25. С. 356–359, 448–450; Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 183–189 и др.

городах и уездах этой административной территории, составленные автором в 1802 г.¹⁶⁵ Этнографические наблюдения данного издания очень любопытны. Среди прочей информации можно встретить данные о состоянии здоровья местных жителей.

В статье, опубликованной в Олонецком сборнике А. Соборновым, затрагивается проблема неправильного питания карелов Олонецкого края, приводившего к проблемам со здоровьем¹⁶⁶.

Большой интерес представляет работа В. Майнова, в которой описываются хозяйственные занятия (рыболовство, охота, заготовка и сплав леса), а также обычаи и обряды паданских карелов¹⁶⁷. Этнограф не оставляет без внимания и народную медицину.

Журнал «Живая старина», выходивший в России с 1891 по 1916 гг. публиковал отчеты об этнографических экспедициях, программы сбора этнографических сведений, в которых, в числе прочего, содержался обширный материал по народной медицине¹⁶⁸.

Архангельское общество изучения Русского Севера было открыто 14 декабря 1908 г. с целью исследования истории, природных условий, экономики, культуры, быта населения Севера. С 1909 по 1919 гг. общество издавало журнал «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», который являлся первым научным изданием Архангельской губ. В этом журнале были опубликованы статьи, посвященные знахарству, заговорам и поверьям карелов¹⁶⁹.

¹⁶⁵ Пошман А. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философском, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении...составленное в 1802 году. Архангельск, 1866. Т.1.

¹⁶⁶ Соборнов А. К истории культуры Олонецкой Корелы // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 1. 1875–1876. С. 123–138.

¹⁶⁷ Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. Спб, 1877.

¹⁶⁸ Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилото населения Сибири // Живая старина. Вып. 4. СПб., 1915. С. 325–432; Лесков Н. Отчет о поездке к Олонецким Корелам летом 1893 г. // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1894. С. 19–36 и др.

¹⁶⁹ Бубновский М. Заговоры карел // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1919. № 10, 11, 12. С. 221–223; Каменев А. А. На семужем промысле // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 22. С. 32–33; Цейтлин Г. Знахарства и поверья в Поморье // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 1, 4 С. 8–16, 156–165.

Ситуацию, сложившуюся с медицинским обслуживанием, и физическое состояние ухтинских карелов описывает священник, образованного в 1846 г. Ухтинского прихода Иван Чирков¹⁷⁰.

В труде педагога, краеведа и публициста И. В. Оленева представлены зарисовки быта крестьян-карелов, в том числе, описание состояния профессиональной медицинской помощи в Беломорской Карелии в период с 1895 по 1900 гг.¹⁷¹

Следующие работы, освещающие различные стороны исследуемой темы, относятся уже к советскому периоду. Довольно информативной работой является статья Т. М. Алимова «Знахарство в Карелии»¹⁷². Статья написана в духе времени, ее целью было разоблачение знахарства и всех нелепостей колдунов и деревенских лекарей. Автор, опираясь на данные анкетирования, проведенного Наркомздравом КАССР в 1926 г. среди медперсонала, учителей и трудящихся других учреждений, приводит множество народных способов лечения самых различных заболеваний среди населения Кемского, Петрозаводского, Паданского, Повенецкого, Олонецкого и Пудожского у. В конце статьи Т. М. Алимов подводит итоги, говоря о том, что знахарство, колдовство и суеверия карельской деревни представляют не только краеведческо-этнографический, но и санитарно-гигиенический интерес. Кроме того, автор призывает изучать и далее обряды и верования Карелии.

В начале 90-х гг. XX в. началось возрождение карельской письменности на основе собственно-карельского и ливвиковского наречий. Карельский язык преподают в карельских школах, вузах, а позднее и в детских садах. Опираясь на ухтинский, вокнаволоцкий и кестеньгский диалекты, начали печатать словари, буквари, художественную литературу. В газете «Ома Муа» (Oma tua) до 2000 г. публиковались материалы как на ливвиковском, так и на северно-карельском наречии карельского языка. Начиная с 2000 г., у северных карелов появилась своя газета –

¹⁷⁰ Чирков И. Ухтинский приход в религиозно-нравственном и бытовом отношении // Архангельские губернские ведомости. 1908. № 88. С. 2–3.

¹⁷¹ Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917.

¹⁷² Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 17–28.

«Виенан Карьяла» (Vienan Karjala). Это было время, когда авторы, писавшие в газету, были носителями языка. С 2014 г. эти две газеты снова объединили в единую с прежним названием «Oma mua». В ней читателям предлагаются статьи о прошлом и настоящем карелов, а также очерки о жизни и творчестве известных деятелей и простых людей, рассказы для молодежи и сказки для детей. Для исследования были полезными материалы о традиционных обрядах и верованиях карелов, связанных с болезнями и их лечением¹⁷³.

Финляндские исследователи совершали полевые экспедиции в места проживания карелов с целью сбора фольклорного, лингвистического и этнографического материала.

Журнал «Karjalan Heimo» («Карельское племя») был основан в Финляндии в 1906 г., его учредителем является «Karjalan Sivistysseura» («Карельское просветительское общество»), которое ведет деятельность, направленную на развитие карельского языка и культуры, уже более 100 лет. На страницах этого издания публикуется много материалов, рассказывающих о языке, культуре, традициях и известных людях Карелии. Среди этого многообразия встречаются статьи, включающие в себя информацию о народной медицине карелов¹⁷⁴.

В 1894 г. Инто Конрад Инха совершил поездку по северной Карелии, результаты которой были изложены в опубликованном в 1911 г. труде «В песенном краю Калевалы: по следам Э. Леннрота в Северной Карелии»¹⁷⁵. Книга представляет собой путевые заметки из дневника автора о народном быте и культуре карелов Калевальского р-на. В одном из разделов представлено несколько способов лечения недугов (боль в животе, головная боль, зубная боль, ячмень).

Итоги собственных полевых экспедиций к вепсам, олонецким и людиковским карелам и вепсам летом 1957 г. и 1958 г. изложены финским языковедом

¹⁷³ Fedotova O. Lapsensuanduperindöt // Oma mua. 2000. № 29 (504). S. 4; Gorškova E. Karjalazien perindöt da tavat // Oma mua. 2000. № 33 (507), 35 (509). S. 3; Kudel'nikov I. Dubinan Semoi umbičole // Oma mua. 1993. № 2 (109). S. 4 и др.

¹⁷⁴ Patrakka M. Ida Ivanovan kodin kieli ja uskonto // Karjalan heimo. 2005. № 9–10. S. 124–126.

¹⁷⁵ Inha I. K. Kalevalan laulumailta: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa. Helsinki, 1999.

П. Виртаранта в «Очерке одной научной экспедиции»¹⁷⁶. Среди прочего этнографического материала им приводятся поверья карелов-людиков, проживающих в д. Святозере, связанные с причинами возникновения болезней.

В переведенных на русский язык путевых заметках и дневниковых записях Элиаса Леннрота содержится богатый фольклорный материал, описывается быт и занятия местного населения, нравы и традиции, в том числе и медицинские¹⁷⁷. Самые интересные страницы из записок посвящены Беломорской Карелии, которая на тот момент входила в состав Архангельской губ.

В период финской оккупации в 1941 – 1944 гг. финская учительница Сиина Тауламо преподавала в школе в д. Большие Горы Олонецкого р-на. После войны ее попросили описать быт жителей этой деревни. В опубликованных воспоминаниях содержится небольшой материал о знахарстве, заговорах и болезнях¹⁷⁸.

Лингвистические источники.

Лингвистические источники представлены такими материалами, как словари карельского языка и образцы карельской речи.

Словари. Большой значимостью при изучении народных представлений о болезнях и их лечении обладают данные языкознания. Важнейшими лингвистическими источниками по теме исследования являются словари карельского языка. Словари отражают этнолокальные различия в карельской лексике, связанные с народной медициной, что, в свою очередь, передает неоднородность влияния разных факторов на сложение карельского народа и его медицинскую культуру.

Людиковское наречие. Для сбора лексем людиковского наречия использовался «Словарь людиковских диалектов»¹⁷⁹, который является единственным словарем по людиковскому наречию карельского языка, изданному более 60 лет назад. Из данного словаря было извлечено более 20 лексем, среди которых,

¹⁷⁶ Virtaranta P. Erään tutkimusmatkan kuvaus. Teoksessa Kentältä kentälle: juhlaKirja Erkki Alakönnin 70-vuotispäiväksi 2.2.1981. Tampere, 1981. S. 139–174.

¹⁷⁷ Путешествия Элиаса Леннрота: Путевые заметки, дневники, письма 1828–1842 гг. Петрозаводск, 1985.

¹⁷⁸ Taulamo S. Vie sinne mun kaihoni: Aunuksen Karjalassa 1941–1944. Helsinki, 1985.

¹⁷⁹ Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944.

например, *raippaiduz* ‘радикулит, прострел’, *mečän'n'en'ä* ‘хворь, приставшая от леса’, *pasktaud* ‘понос’, *ribitez* ‘царапина’, *bul'k* ‘прыщ’ и др.

Ливвиковское наречие. Лексические особенности ливвиковского наречия нашли отражение в целом ряде словарей, включая «Словарь салминского говора»¹⁸⁰. В нем приводится лексика по теме исследования.

Результатом многолетнего труда исследователя ливвиковского наречия Г. Н. Макарова стал словарь карельского языка ливвиковского диалекта¹⁸¹. В основу словаря положена лексика коткозерского говора, охватывающего более двадцати деревень. Словарь содержит около 20 тысяч словарных статей, в которых представлен богатый лексический материал, отражающий духовную и материальную культуру карелов.

Начиная с 1996 г. начинают публиковать словари новописьменного карельского языка. В этот год вышел в свет «Карельско-русский словарь», включающий около 8 тысяч словарных статей¹⁸². Основой словаря является ливвиковское наречие карельского языка. Помимо слов, словарь содержит широко распространенные словосочетания и речевые обороты, связанные с медицинской культурой ливвиков.

Сравнительно недавно в сети Интернет появился Карельско-русско-финский словарь ливвиковского наречия¹⁸³. Он содержит исключительно лексический материал и насчитывает около 11 тысяч лексем.

Последними изданиями среди словарей по ливвиковскому наречию являются «Большой русско-карельский словарь»¹⁸⁴ и его дополненная версия¹⁸⁵. Это самые крупные лексикографические издания, посвященные новописьменному карельскому языку. Оба словаря содержат по 20 тысяч слов. В них вошли часто

¹⁸⁰ Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950.

¹⁸¹ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

¹⁸² Маркианова Л., Бойко Т. Карельско-русский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1996.

¹⁸³ Карело-русско-финский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://sanakniigu.onego.ru>.

¹⁸⁴ Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие) / Т. П. Бойко, Л. Ф. Маркианова. Петрозаводск, 2011.

¹⁸⁵ Его же. Большой русско-карельский.... 2016.

употребляемые лексемы и фразеологизмы современного русского языка и их карельские соответствия.

Собственно-карельское наречие. Словарь, созданный на основе северно-карельских диалектов, был издан в 1999 г.¹⁸⁶ Упомянутые диалекты издавна функционируют в пределах Калевальского и Лоухского р-нов, а также в Вокнаволоке, Костомукше и отчасти Мурманской обл. В словарь включено около 9 тысяч слов, отражающих наиболее характерные стороны карельского быта.

В 2009 г. увидел свет «Словарь собственно-карельских говоров Карелии», который максимально полно охватывает основную лексику и ее говорные варианты в собственно-карельском наречии (около 22 тыс. лексем), зафиксированные на территории Калевальского, Лоухского, Беломорского, Кемского, Медвежьегорского, Муезерского и Суоярвского р-нов Республики Карелия¹⁸⁷. Данное издание составлено на основе расшифровок магнитофонных записей, сделанных сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН во второй половине XX в. В словаре приводятся примеры из народных песен, причитаний, заговоров, заклинаний и т. д. Вышеупомянутое лексикографическое пособие содержит материал по изучаемой тематике.

Первый русско-карельский словарь севернокарельских диалектов вышел из печати в 2015 г.¹⁸⁸ Словарь построен на основе севернокарельских диалектов, функционирующих на территории современного Калевальского и Лоухского р-нов Республики Карелия. Словарь содержит широкий спектр традиционной лексики карельского языка, а также современную терминологию. Авторы не обошли стороной как лексику народной, так и современной научной медицины.

Тверской говор. В словаре тверских говоров карельского языка представлен словарный материал (около 17 тысяч лексем) на двух наиболее обширных по территории распространения и числу говорящих говорах – толмачевском и весьегон-

¹⁸⁶ Зайков П. М., Ругоева Л. И. Карельско-русский словарь. Петрозаводск, 1999.

¹⁸⁷ Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009.

¹⁸⁸ Русско-карельский словарь / Сост. Зайков П.М. [и др.]. Петрозаводск, 2015.

ском¹⁸⁹. Основная часть материала для словаря собиралась А. В. Пунжиной. По содержанию словарь отражает различные стороны быта тверских карелов.

Разные наречия. В Финляндии карельская лексика собиралась и систематизировалась более 100 лет. В результате этого труда появился шеститомный словарь карельского языка. Уникальность и значимость этого словаря состоит в содержании огромного количества разноплановой лексики, включая более 500 вариантов народных наименований болезней, охватывая все говоры ливвиковского и собственно-карельского наречий¹⁹⁰.

Во «Фразеологический словарь карельского языка» включено около 4 000 фразеологизмов на ливвиковском, собственно-карельском и людиковском наречиях карельского языка¹⁹¹. В исследование отображены фразеологизмы, которые содержат лексемы *ailas* ‘колика’, *rubi/rupi* ‘оспа, струп’, *pahku/pahka* ‘шишка’, *talma/talmu* ‘мозоль’, *rygie/rykie/rygidä* ‘кашлять’.

В «Сопоставительно-ономасиологическом словаре диалектов карельского, вепсского и саамского языков» содержатся диалектные наименования (около 1 500 понятий) на карельских, вепсских и саамских диалектах¹⁹². Словарь отображает лексическое многообразие названий и понятий и их фонетических вариантов по диалектам и говорам, а также показывает сходства и различия сопоставляемых языков. Весь материал для словаря собирался в экспедициях 1979–1981 гг. и, таким образом, отражает состояние диалектов и говоров карельского, вепсского и саамского языков на тот период. Вся представленная в словаре лексика разбита на три тематических блока: «Вселенная», «Человек», «Человек и вселенная». Внутри каждого блока есть множество подтем. Одна из них, «Здоровье, болезни», содержит необходимую для исследования терминологию.

В «Лингвистическом атласе прибалтийско-финских языков» содержатся карты, которые составлены с использованием методов лингвистической геогра-

¹⁸⁹ Словарь карельского языка / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.

¹⁹⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, 1968. I., 1974. II., 1983. III., 1993. IV., 1997. V., 2005. VI.

¹⁹¹ Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000.

¹⁹² Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков / Под общей ред. Ю. С. Елисеева, Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007.

фии и снабжены комментариями исторического, этимологического и синхронного характера¹⁹³. Некоторые карты и словарные статьи имеют отношение к теме исследования. К таковым относятся, например, лексемы оспа, кашель, насморк.

Одной из задач исследования является этимологизация наименований заболеваний, при достижении которой возникли определенные трудности, связанные с небольшим количеством этимологических исследований по карельскому языку. Нами были сделаны выводы о происхождении некоторых карельских лексем с учетом данных содержащихся в этимологических словарях финского языка¹⁹⁴. В упомянутых словарях содержится обширная информация о происхождении лексем, варианты ее звучания в прибалтийско-финских языках, включая наречия карельского языка.

Образцы карельской речи. Несомненно, мы обращались и к собранным лингвистами образцам карельской речи, содержащим богатейший материал о быте и культуре карельского народа.

Люди́ковское наречие. Тексты на люди́ковском наречии были записаны П. Виртарантой от Степана Годарева из д. Галлезеро и опубликованы в шеститомном издании «*Lyudiläisiä tekstejä*» («Люди́ковские тексты»), которое содержит очень ценный информативный материал и бытовую и фольклорную лексику. В данной работе привлечено три тома¹⁹⁵, содержащие рассказы информанта о способах излечения таких заболеваний, например, как хворь, приставшая от воды, лишай, заболевание «жаба», цыпки и т. д., а также поверья, связанные с происхождением некоторых болезней и их предвестниками.

¹⁹³ Atlas Linguarum Fennicarum = Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков. II часть. Helsinki, 2007.

¹⁹⁴ Meri V. Sanojen synty. Jyväskylä, 2002.; Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1978, 1980, 1962, 1979, 1975, 1978; Suomen sanojen alkuperä. Helsinki, 1992. I., 1995. II., 2000. III. 503 s.

¹⁹⁵ Virtaranta P. Lyudiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963; Его же. Lyudiläisiä tekstejä. Osa III. Helsinki, 1964; Его же. Lyudiläisiä tekstejä. Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä. Osa VI. Helsinki, 1994.

В сборнике текстов А. П. Баранцева «Образцы людиковской речи» есть сведения о грыже, тифе, туберкулезе. Информант упоминает эти заболевания, рассказывая о жизни деревенских жителей¹⁹⁶.

В 2011 г. были изданы образцы людиковской речи, в которых представлен говор с. Михайловское Олонецкого р-на¹⁹⁷. В нескольких текстах рассказывается о знахарстве.

Ливвиковское наречие. Тексты говоривших ливвиковского диалекта, распространенного в южных районах Карелии и Лодейнопольском р-не Ленинградской обл., собраны в сборнике Г. Н. Макарова, В. Д. Рягоева «Образцы карельской речи»¹⁹⁸. Одним из текстов, важным для исследования, является «Монолог больной женщины», записанный в д. Коткозеро Олонецкого р-на.

В образцах речи ливвиковских карелов д. Импилахти, записанных Пунттила, имеются тексты, рассказывающие о верованиях, промыслах, занятиях карелов¹⁹⁹. Не остались без внимания и способы лечения карелов-ливвиков.

Собственно-карельское наречие. Образцы речи беломорских карелов содержатся в двух работах П. Виртаранта «Беломорские карелы вспоминают»²⁰⁰ и «По деревням Беломорской Карелии»²⁰¹. С 1950 г. финский исследователь П. Виртаранта ездил в северную Карелию с целью сбора лексического, фольклорного и этнографического материалов. В книгах содержатся материалы о быте карелов, их обрядах, верованиях и прочих традициях. Автор уделяет большое внимание карельской народной медицине: заговорам, знахарству, лечению травами и др., приводятся карельские варианты наименований болезней, например, *sukahat* 'щетка', *silmiriena* 'букв. глазная сера', *variks'ensuappuat* 'цыпки', *toppa* 'насморк, кашель', *kriis'i* 'грыжа'. В 1966 г. отдельным изданием были опубликованы образцы речи под названием «*Mari Kuyrönen*» 'Мари Кююрёнен'²⁰². Они яв-

¹⁹⁶ Баранцев А. П. Образцы людиковской речи. Петрозаводск, 1978.

¹⁹⁷ Pahomov M. Kuujärven luudiläistekstejä. Helsinki, 2011.

¹⁹⁸ Образцы карельской речи / Сост. Г. Н. Макаров, В. Д. Рягоев. Л., 1969.

¹⁹⁹ Punttila M. Impilahden Karjalaa. Helsinki, 1992.

²⁰⁰ Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Porvoo; Helsinki, 1958.

²⁰¹ Его же. Vienan kylä kiertämässä. Porvoo; Helsinki, 1978.

²⁰² Его же. Mari Kuyrönen // Eripainos Kalevalaseuran Vuosikirjasta. № 46, 1966. S. 113–132.

ляются дополнением к разделу «*Taudit*» ('Болезни') из ранее изданных образцов речи «Беломорские карелы вспоминают». Мари Кююрениен – носительница вонволоцкого диалекта собственно-карельского наречия карельского языка. В данной публикации содержатся расшифровки магнитофонных записей, которые П. Виртаранта сделал в 1964 г. Все тексты касаются народных способов лечения болезней (оспа, бородавка, ночница, лишай и т. д.).

В 2003 г. была издана коллективная монография, посвященная комплексному исследованию северно-карельской деревни Панозеро. Книга включает разделы об упомянутой деревне и ее жителях, народной культуре, устно-поэтическом творчестве Беломорской Карелии и др. В приложении к изданию содержатся образцы речи д. Панозеро, среди которых есть посвященные карельской народной медицине, например, детским недугам, ночнице, сглазу, родимчику, знахарству.²⁰³

Тверской говор. Образцы речи тверского говора карельского языка представлены в сборнике, составленном Г. Н. Макаровым²⁰⁴. В данном издании приводится перечень болезней, записанных от разных информантов в д. Пасынки Спировского р-на (тверские карелы).

Эстонский языковед Ян Ёспу с 1970 по 1988 гг. совершил экспедиции к держанским карелам, проживающим вдоль реки Держа (д. Васильевское, Матюгино, Веденское, Ивановское и др.) Зубцовского р-на Тверской обл., для сбора материала. В 1990 г. весь расшифрованный материал был издан в сборнике образцов речи «Тексты держанских карелов»²⁰⁵.

В научной статье И. П. Новак представлен перевод образцов речи тверских карелов, записанных А. В. Пунжиной²⁰⁶, которые ранее не публиковались. Данные материалы расширяют представления о традиционном быте крестьян, в том числе и о народной медицине карелов, проживающих в д. Пальцево Тверской Карелии.

²⁰³ Конкка А. П. Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик. Народная медицина. Знахарство и колдовство // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 386–414.

²⁰⁴ Образцы карельской речи: Калининские говоры / Сост. Г. Н. Макаров. М., Л., 1963.

²⁰⁵ Õispuu J. Džorža Karjala tekstid. Tallinn, 1990.

²⁰⁶ Новак И. П. Полевые аудиозаписи А. В. Пунжиной как источник информации о повседневной жизни тверской карельской семьи конца XIX – начала XX в. // Культура повседневной карельской семьи. Петрозаводск, 2014. С. 69–84.

Информант рассказывает о лечении таких недугов как понос, простуда, грыжа, опрелость и т. д.

Тихвинский говор. В течение многих лет сбором языкового материала у тихвинских карелов занимался В. Д. Рягоев. В монографии «Тихвинский говор карельского языка», он обобщил и изложил в очерковой форме свои наблюдения над языком тихвинских карелов²⁰⁷. В приложении приводятся образцы речи тихвинских карелов, которые включают записи из 14 карельских деревень. В одном из текстов рассказывается о способах лечения простуды, кашля, расстройства желудка. Кроме того, издание содержит раздел с тематическими группами слов, среди которых есть названия, обозначающие болезни и физиологические проявления человека. Большинство лексем этой группы являются русскими заимствованиями. Автор приходит к выводу, что русские заимствования большей частью охватывают названия болезней, которые у старшего поколения выступают весьма в искаженном виде, например, *katarak* ‘катаракта’, *pendicit* ‘аппендицит’ и др.

В 1980 г. вышел из печати сборник «Образцы карельской речи»²⁰⁸, подготовленный В. Д. Ряговым, в котором представлены тексты тихвинского говора собственно-карельского наречия карельского языка. Все тексты разбиты по темам. Для работы представляют большой интерес тексты, относящиеся к темам «Заговоры, поверья и знахарство» и «Народная медицина, ветеринария».

Разные наречия. Образцы говоров карельского языка отражены в трехтомном издании Э. Лескинена. В первом томе представлены тексты на тверском и новгородском говорах, среди которых есть заговоры от укуса змеи, сглаза, родимца (Бежецкий р-н, Весьегонский у.)²⁰⁹. Образцы северно-карельских и среднекарельских говоров карельского языка отражены в третьем томе этого издания²¹⁰. В нескольких текстах, собранных в д. Мяндусельга Медвежьегорского р-на Республики Карелия, рассказывается о способах лечения простуды, вывиха и т. д.

²⁰⁷ Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977.

²⁰⁸ Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягоев. Л., 1980.

²⁰⁹ Karjalan kielen näytteitä / Julk. E. Leskinen. Helsinki, 1932.

²¹⁰ Karjalan kielen näytteitä / Julk. E. Leskinen. Helsinki, 1936.

В 1968 г. академик Пертти Виртаранта опубликовал некоторые из записанных им текстов на диалектах собственно-карельского, ливвиковского наречий и тверских говорах²¹¹. Образцы речи включают как рассказы об охоте, праздниках, свадебной обрядности, так и о знахарстве. Кроме того, приводятся примеры фольклорных произведений.

Тематика текстов «Образцы карельской речи», составленных П. М. Зайковым, В. Д. Ряговым и др., охватывает различные стороны быта сельского жителя²¹². В сборник включены тексты на всех наречиях карельского языка о способах лечения различных болезней (обморожение, боль в животе, бородавки, шишка, жар, запор, мозоль, грыжа, синяк, щетинка, лишай, радикулит).

Сборник текстов А. В. Пунжиной «Слушаю карельский говор» содержит тексты расшифровок магнитофонных записей, собранных автором у двух групп карелов: держанских в Тверской обл. и валдайских в Новгородской обл.²¹³. В нем представлен важный лексико-этнографический материал, в том числе и по теме исследования.

Фольклорные источники.

К фольклорным источникам относятся сборники карельского устного народного творчества, содержащие поверья, приметы, пословицы, фразеологизмы, в которых отражены рациональные и иррациональные представления народа, а также тексты заговоров.

Несомненно, наиболее ранним, всем известным источником по карельской народной медицине является «Калевала». Во время шести поездок в Карелию (1832–1841 гг.) почетный академик Элиас Леннрот записал от А. Перттунена, А. Малинена, В. Киелевяйнена и других знаменитых карельских рунопевцев северной Карелии древние карельские руны, которые в дальнейшем были им литературно переработаны. В 1849 г. вышло в свет полное издание «Калевалы», которое является древней энциклопедией по этнографии карелов, в том числе и

²¹¹ Virtaranta P. Karjalan tekstejä. Helsinki, 1968.

²¹² Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994.

²¹³ Слушаю карельский говор = Kuundelen Karielasta paginatahua: Образцы речи держанских и валдайских карел / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 2001.

народной медицине. Руны-заговоры часто связаны с именем Вяйнямейнена, который с помощью заклинаний создавал многие предметы и явления мира, а также останавливал кровотечение.

Все эпические сюжеты в их многочисленных вариантах, собранные в Карелии и Финляндии, вошли в 34-томную серию «Suomen kansan vanhat runot» ('Древние руны финского народа'), изданную в Финляндии (1908–1948 гг.)²¹⁴ Для исследования представляют интерес первый, второй и четвертый тома издания. В первом томе опубликованы руны, записанные до начала XX в., относящиеся к локальной традиции Ладвозера и Каменного озера Беломорской Карелии. Во втором томе представлены руны олонецких, тверских и новгородских карелов. Среди этих рун есть тексты заговоров от различных заболеваний, ряд из них сопровождается и подробными комментариями об обряде лечения. В четвертом томе собраны только заговоры от болезней.

Тексты рун калевальской метрики, записанные от представителей разных поколений самого известного рода рунопевцев Перттуненов включены в издание «Рода нашего напевы»²¹⁵. Один из разделов отведен заговорам-заклинаниям, среди которых есть и лечебные (от обморожения, ушиба деревом, кровотечения).

Посмертная работа М. В. Михайловской содержит тексты карельских заговоров, примет и заплачек²¹⁶. Все тексты имеют подстрочный перевод на русский язык. Материалы записаны на тверском говоре карельского языка. Для нас представляют интерес заговоры от болезней, способы лечения заболеваний и приметы, связанные с возможностью возникновения недугов.

В сборник «Карельские народные загадки», составленный Н. А. Лавонен, вошло 1 600 произведений этого жанра из научного архива Карельского филиала АН СССР и Фонограммархива ИЯЛИ, Общества финской литературы и «Словаря

²¹⁴ Suomen kansan vanhat runot: Vienan läänin runot. Osa I (4). Helsinki, 1921. S. 417–816; Suomen kansan vanhat runot: Aunuksen, Tverin ja Novgorodin Karjalan Runot. Osa II. Helsinki, 1927; Suomen kansan vanhat runot: Raja- ja Pohjois-Karjalan Runot. Osa IV. Helsinki, 1933.

²¹⁵ Рода нашего напевы: Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов / Сост. Э. С. Киуру, Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1985.

²¹⁶ Михайловская М. В. Карельские заговоры, приметы и заплачки // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Вып. 2. Л., 1925. Т. V. С. 611–630.

карельского языка»²¹⁷. Среди представленных загадок есть и те, которые касаются болезней. В 2016 г. увидело свет 2-е издание вышеупомянутого сборника карельских загадок²¹⁸. В издание вошли тексты на двух наречиях (ливвиковском и собственно-карельском) карельского языка. Сборник содержит загадки о болезнях.

Исследователь людиковского наречия карельского языка А. П. Баранцев опубликовал тексты людиковских заговоров с переводом на русский язык и их подробным анализом²¹⁹. Все представленные в статье тексты, взяты из старинного рукописного памятника начала XVII в. – сборника заговоров, который был найден преподавателем Петрозаводской духовной семинарии Львом Малиновским в одной из деревень Заонежского полуострова. В 1876 г. он опубликовал русские заговоры, тексты на карельском языке он не смог расшифровать, так как не владел этим языком. Позднее финские языковеды В. Мансикка и Э. Сетяля просматривали карелоязычные тексты и предположили, что они написаны на вепском языке²²⁰. Спустя время с этим памятником работали В. В. Пименов и А. П. Баранцев, в результате чего они пришли к выводу, что финноязычные тексты записаны на людиковской территории (в р-не Логмозера – Ялгубы) и являются, скорее всего, людиковскими. Предположительно, рукопись составляли два человека, проживавших в южной Карелии в начале XVII в., которые были знатоками народных способов врачевания²²¹. В статье А. П. Баранцева приводятся тексты нескольких лечебных заговоров (от укуса змеи, боли в животе, детской грыжи и т. д.), дается их перевод и анализ, что делает упомянутую публикацию ценным источником.

В составленном Н. А. Лавонен сборнике «Песенный фольклор кестеньгских карел», отражено фольклорное наследие карельского населения, проживающего в Лоухском р-не Карелии²²². В нем содержатся песенные жанры (заклинания, эпи-

²¹⁷ Карельские народные загадки / Изд. подготовила Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1982. Петрозаводск, 2016.

²¹⁸ Карельские народные загадки. Петрозаводск, 2016.

²¹⁹ Баранцев А. П. Людиковские заговоры начала XVII века: тексты, чтение // Советское финно-угроведение. 1987. № 4. С. 285–295.

²²⁰ Его же. О людиковском языковом памятнике начала XVII века // Советское финно-угроведение. 1984. № 4. С. 298–299.

²²¹ Там же. С. 301.

²²² Песенный фольклор кестеньгских карел / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989.

ческие, детские песни, свадебные, причитания), бытовавшие в прошлом в Кестеньге. В разделе «Заговоры, заклинания» даны тексты, которые произносили от ушибов, укусов, растяжений, обморожений и т. д. В исследовательском разделе работы рассматривается история функционирования фольклорных жанров в традиционном крестьянском быту в прошлом и на современном этапе. Среди прочих жанров, автор описывает структуру и особенности использования заговоров среди кестеньгских карелов. Кроме того, исследовательница уделяет внимание образу знахаря, который в своей магической практике использовал, в первую очередь, именно заговоры. В другом издании «Карельский фольклор», также подготовленном Н. А. Лавонен, представлены все жанры карельского устного народного творчества: песенные, прозаические, детский фольклор и т. д.²²³ Каждый раздел предваряет статья, дающая краткие сведения о том или ином жанре. Один из разделов посвящен заговорам и заклинаниям, что имеет непосредственное отношение к теме исследования.

Устной поэзии тунгудских карелов посвящена статья А. С. Степановой²²⁴. Автор не обходит стороной и традицию заговоров и заклинаний, приводя пример лечения ожога. В другой статье этой исследовательницы «Тунгудские карелы» рассказывается о собирании заговоров в д. Тунгуда, в том числе и лечебных²²⁵. В издании, опубликованном в 2000 г., впервые представлены примеры всех жанров устной поэтической традиции карелов, проживающих в Беломорском р-не Карелии²²⁶. Тексты лечебных заговоров и образцы карельской речи включают термины народной медицины (*muahini* ‘экзема’, *šuuodelus* ‘сглаз’ и др.) и информацию о способах лечения недугов.

²²³ Карельский фольклор / Изд. подготовила Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1992.

²²⁴ Stepanova A. Tunkuan karjalaisten kansanrunous // Kolme on Kovaa Sanaa: kirjoituksia kansanperinteestä. Helsinki, 1991. S. 251–256.

²²⁵ Его же. Тунгудские карелы // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 156–164.

²²⁶ Его же. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск, 2000.

Сказки, лечебные заговоры, пословицы и поверья карелов д. Вуокинсалми (Калевальский р-н Кемский у.) собраны в сборнике Л. Люютинен²²⁷. Интересен представленный в нем заговор для изгнания плохого самочувствия из избы.

Изучение локальных фольклорных традиций и публикации сборников фольклорных произведений было продолжено в последние 2000-е гг. Образцы всех жанров фольклора карелов Ведлозерья собраны в научном издании В. П. Мироновой «Фольклорные традиции Ведлозерья»²²⁸. Во вступительной статье к разделу «Заговоры» освещены особенности этого жанра у ливвиковских карелов, приведены примеры полевых материалов автора и архивные данные о знахарстве. Далее даны карельские тексты нескольких лечебных заговоров с переводом на русский язык, в некоторых случаях указываются и действия, которые выполнялись до, после или во время произнесения магических слов.

В научно-популярном сборнике «Праздники и будни» представлены карельские приметы, пословицы, поговорки, а также поверья карелов, связанные с календарными обрядами и праздниками²²⁹. Некоторые из них касаются здоровья людей, что относится к теме исследования.

Неопубликованные источники. Архивные и полевые материалы автора.

Обзор литературных источников показал, что народные медицинские традиции карелов в настоящий момент изучены недостаточно полно и неравномерно по регионам расселения. Имеющиеся данные по исследуемой проблематике разрознены. В связи с этим возникла необходимость в привлечении архивных данных и в систематическом сборе полевого материала в карельских поселениях.

Богатые материалы по традиционной культуре карелов и языковые данные хранятся, например, в архиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (ИЯЛИ КарНЦ РАН) В диссертационном исследовании используются сведения, полученные в результате проделанной работы в данном архиве.

²²⁷ Lyytinen L. Priusan kolkkaiaiset. Kalevala; Uhtua, 1996.

²²⁸ Миронова В. П. Фольклорные традиции Ведлозерья. Петрозаводск, 2013.

²²⁹ Огнева О., Конкка А. Праздники и будни: карельский народный календарь. Петрозаводск, 2013.

Исследователи карельского языка ИЯЛИ КарНЦ РАН совершали множество полевых экспедиций в места поселения карелов. Собранные ими данные в большом объеме хранятся в фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН. В работе используются записи, сделанные в 1948-1988 гг. В. Я. Евсеевым, Х. Б. Кабановым, А. С. Степановой, А. П. Баранцевым и др. в местах проживания людиковских карелов (д. Верхние Важены, Виданы, Михайловское, Святозеро, Спасская губа, Сюрьга). Большой акцент делался на материалах карелов-людиков, что обусловлено небольшим количеством публикаций по языковому и этнографическому материалу упомянутой группы карелов. Так, например, в самом крупном издании по диалектам карельского языка «*Karjalan kielen sanakirja*» ('Словарь карельского языка')²³⁰, состоящим из шести томов и более 4 000 страниц, содержатся данные только по ливвиковскому и собственно-карельскому наречию. Людиковское наречие остается, к сожалению, за пределами данного издания. Это связано с тем, что финляндские исследователи не относят людиковское наречие к карельскому языку, считая его отдельным языком людиков²³¹. Отобранные сведения из фонограммархива представлены языковыми данными (лексика и фразеология) и бытовыми рассказами, зарисовками о верованиях, знахарстве, народной медицине людиковских карелов²³².

Полевой материал собирался автором в период с 2003 по 2015 гг. в различных районах Республики Карелия: Пряжинский, Олонецкий, Суоярвский, Кемский, Калевальский, Лоухский р-ны, Костомукшский городской округ. Всего было опрошено более 100 носителей карельских традиции 1926–1982 года рождения. В число информантов входили пожилые люди, родившиеся в первой трети XX в., среди них были подлинны знатоки и практики народного врачевания. От информантов конца 1960-х – 1970-х годов рождения была записана информация по народной медицине, которую они унаследовали от представителей старшего поколения (родственников или односельчан). Опрос информантов широкого воз-

²³⁰ См.: *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki. Osa I-VI.

²³¹ См., например: Turunen A. *Lyudiläismurteiden äännehistoria I*. Helsinki, 1946.

²³² В ссылках на фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН, например, ФА ИЯЛИ 2421/2 (первая цифра обозначает номер кассеты, вторая – номер записи на кассете).

растного диапазона помог нам сделать выводы о динамике традиции народных способов врачевания и ее степени сохранности в современных условиях жизни.

Опрос информантов проводился с использованием словника (сбор лексического материала) и анкеты-опросника (сбор этнографического материала). В основу словника входил материал, собранный автором из словарей карельского языка и образцов карельской речи. Всего более 300 наименований на трех наречиях карельского языка (ливвиковском, людиковском и собственно-карельском), рядом эти же лексемы дублировались на русском языке. Отдельно были представлены русские варианты названий заболеваний, информацию о которых удалось зафиксировать в источниках по карельской народной медицине, но, к сожалению, карельский вариант названия данной болезни не был указан или же упоминался только один из трех вариантов наречий карельского языка. К таковым следует отнести, например, цинга, грипп, ангина и др. Изначально информантам предлагалось перевести русское название болезни на соответствующее наречие карельского языка, носителем которого они являлись. Если возникали трудности, то из составленного словника озвучивался карельский вариант. В этом случае информанты подтверждали, вспомнив данное название, или отрицали, говоря, что не слышали такого. Часто возникали ситуации, что, услышав карельское название болезни, люди вспоминали его различные варианты (синтаксические конструкции, сложные слова, словосочетания и др.). Некоторые отвечали: «Я не знаю такой болезни, в нашей деревне таким не болели» или «Нет, я таким не болела». В процессе сбора лексического материала, автором были записаны данные по карельской народной медицине. Чаще всего, люди рассказывали о жителях этой же деревни или о своих знакомых, о себе говорили неохотно, несколькими словами.

Материалы по карельской народной медицине собирались на основе вопросника, для составления которого в качестве основы использовался сборник «Историко-этнографическое исследование региона: план-проспект, вопросы и анкеты», составленный Л. И. Никоновой²³³. Это пособие предназначено для сбора истори-

---

²³³ Никонова Л. И., Мокшина Ю. Н. Историко-этнографическое исследование региона: план-проспект, вопросы и анкеты. Саранск, 2003.

ко-этнографического материала по изучению традиционной материальной и духовной культуры народов, в том числе и народной медицины. В сборнике описывается методика проведения этнографических экспедиций (план-проспект, вопросы и анкеты). Составленный вопросник направлен на сбор тех данных, которые были необходимы для заполнения пробелов в собранном материале из опубликованных источников (например, о верованиях карелов, связанных с заболеванием *jumalanviga* 'недуги от Божьей кары', классификация знахарей на плохих и хороших, мифологические представления карелов о болезнях и т. д.). Кроме того, собранный полевой материал помог проследить трансформацию народной медицины, т. е. вопросы были построены в сравнительном ключе прошлого и современности, например: Какими заболеваниями чаще всего болели в Вашей семье? Какими болеют сейчас? Какие средства народной медицины применяли раньше в Вашей семье (А) лечебные травы; Б) средства животного происхождения (молоко, мед, жир и т. д.); В) физиотерапевтические методы (массаж, прогревание и т. д.); Г) хирургические методы; Д) заговоры; Е) другие варианты)? Какие применяют сейчас? Запасали ли Вы раньше травы для лечения? Какие? Запасаете ли сейчас? Какие? и др. По полученным сведениям автором сделаны подробные выводы в данном исследовании.

Необходимо отметить, что при сборе лексического материала информанты более общительны и сами начинали рассказывать о способах врачевания. Во время сбора этнографического материала были трудности, связанные в большей мере с мифологической составляющей: заговорами, знахарством, мифологией (представления о болезнях как наказании) и т. д. Кроме того, представители поколения, начиная с 1950 г.р., более открыты к общению на сакральные темы. Пожилое поколение сразу не предоставляет такую информацию, не задумываясь отвечает: «Ой, что ты, милая, я и не помню такого...» или «Об этом не могу говорить. Это личное». Некоторые информанты предпочитали сами письменно отвечать на вопросы. Собранный полевой материал хранится в личном архиве автора.

Итак, для проведения исследования использовался комплекс источников, опубликованных как в России, так и за рубежом (Финляндия, Эстония), в которых в разной степени отражены элементы, входящие в состав народной медицины карелов. Сведения, полученные автором из архивных источников и в ходе экспедиций внесли значительный вклад в исследование по народной медицине среди локальных групп карельского этноса.

Выводы по главе

Таким образом, на карельскую народную медицину оказывали большое влияние особенности расселения карелов, хозяйственно-бытовой уклад, природные и климатические условия, контактирование с соседними этносами, традиции и социально-политические факторы. Территориальное расположение карелов, их хозяйственно-бытовые занятия и исторически сложившиеся контакты с русскими, вепсами и финнами достаточно полно отражены в трудах исследователей, что нельзя сказать о таком большом пласте культуры, как карельская народная медицина.

Обзор литературы, опубликованных источников и неопубликованных материалов отображает степень изученности народной медицины карелов, а также направления и объем ее дальнейшего исследования. Народная медицина карелов как предмет исследования привлекала внимание не только отечественных, но и зарубежных (финляндских, эстонских) этнографов, историков, фольклористов, языковедов. Научные труды отечественных этнографов о культуре, быте и традициях карелов, включая народную медицину, стали появляться только в 1940-х гг. Исследовательская деятельность финляндских ученых началась в первые десятилетия XX в. Именно в этот период увидела свет первая монография, посвященная народной медицине северных карелов, в которой была предпринята попытка классификации заболеваний. Однако, эти исследования отличаются недостаточной степенью детализации, неточностью датировок и локализации, разноречивостью методик, что при сопоставлении материалов с целью выявления общей спе-

цифики народной медицины карелов, ее отличительных черт и трансформации вызывает большие затруднения. Спорными являются и некоторые выводы, сделанные учеными.

Все упомянутые исследования и опубликованные источники по существу ограничивались лишь описанием лечебных ритуалов у карелов, народная медицина рассматривалась вне исторической обусловленности, хозяйственно-бытовой деятельности, природных условий. Весьма слабо осмыслена эволюция карельской народной медицины во всех ее проявлениях: рациональные и иррациональные способы лечения, наименования болезней, верования, представления о причинах возникновения заболеваний и т. д. До настоящего времени не проводились аналитические работы во взаимосвязи языкового и этнографического материалов по карельской народной медицине.

Для данного исследования использовался комплекс источников, из которых был выявлен богатый этнографический, лингвистический (лексический, этимологический), фольклорный материал, необходимый для решения поставленных задач. Несомненно большой научной новизной обладают привлеченные ранее не опубликованные архивные и полевые источники, собранные автором.

Итак, в опубликованных трудах представлена достаточно богатая информация по карельской народной медицине XIX – начала XXI в., однако, она не систематизирована, требует весьма строгого критического отбора и дополнительного корректирования. Многие сведения недостаточно точны с позиции хронологии и географической локализации. В некоторых аспектах карельской народной медицины имеются ощутимые пробелы, к таковым следует отнести классификацию болезней, которая до настоящего времени оставалась вне поля зрения исследователей, а предпринятые попытки некоторых из них носят лишь фрагментарный характер, неподкрепленный языковыми и этнографическими данными.

Таким образом, до сих пор не существует обобщающей работы по народной медицине карелов, которая несомненно является неотъемлемым элементом традиционной народной культуры.

ГЛАВА 2. НАРОДНОЕ ВРАЧЕВАНИЕ В КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ: ЗНАХАРИ, СРЕДСТВА И МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ

Народная медицина карельского народа формировалась под влиянием природного ландшафта, климата, хозяйственно-промысловой деятельности и этнокультурных контактов карелов с соседними этносами. Флора и фауна территории проживания карельского народа оказала влияние на арсенал лекарственных средств, используемых в лечебной практике. В ней широко представлены средства для лечения простудных заболеваний, травматических, болезней желудочно-кишечного тракта, возрастных болезней т. д. Многие из них приготавливались из растений, органов животных, природных минералов.

Отсутствие доступности профессиональной медицинской помощи и недоверие крестьян опытным врачам привело к тому, что практически до сер. XX в. медицина в местах проживания карелов оставалась на уровне индивидуальной с архаическими формами организации: лечение на дому, передача медицинских знаний из поколения в поколение, обращение к знахарям. Область лечебной магии являлась очень обширной. При этом грань между рациональным и иррациональным была размыта.

§ 2.1. Статус знахарей в карельской деревне: определение номинаций и функций

Согласно данным этнолингвистического словаря «Славянские древности», знахарем, знахаркой называли человека, который обладал магическими, сверхъестественными знаниями и использовал их для исцеления людей или скота, прорицания судьбы и т. д. К знахарству было двойственное отношение. Считалось, что они могли действовать от имени Бога или, как колдуны, от нечистой силы (в этом случае отличие от колдунов было в том, что знахарь не отрекался от Бога), т. е. в славянской традиции знахарь может делать добро и зло. Двойственность об-

раза знахаря отразилась и в славянских наименованиях этого персонажа²³⁴. Современное религоведение относит знахарство к древнейшим формам религии, сложившимся в первобытно-родовом обществе. В знахарстве налицо все важнейшие элементы древних форм религий: пантеон духов; исполнители культа – знахари, колдуны, знахарницы; культовые действия, знахарская магия (манипуляции с веником, волосами, ногтями, протаскивание больного через хомут и т. д.)²³⁵

Карельская лексика весьма разнообразна для обозначения термина знахарь/колдун. Понятие *tiedäjä, tietäjä* (ск., тв.г., тихв.г.), *tiedäi* (люд., ливв.,) букв. ‘знающий’ использовалось на всей территории проживания карелов. Данные наименования являются формами первого активного причастия от словообразовательной основы глагола *tietyä→tietä-* (ск.), *tiediä→tiedä-* (ливв., люд.) ‘знать’. В собственно-карельском, ливвиковском и людиковском наречиях было также распространено название (ск.) *tiedoniekka*, (ливв.) *tiedoiniekku*, (люд.) *tiedoiniekka, tiedoinik*²³⁶, образованное от основ вышеупомянутых глаголов с присоединением русского по происхождению суффикса *-niekka/-niekk(u)*, имеющего значение рода занятий, специальности, профессии, положения²³⁷.

В этом же значении ‘знахарь/колдун’ ливвиковские карелы использовали лексему *orpii*²³⁸ (форма первого активного причастия от словообразовательной основы глагола *orpie→orpi-* ‘пытаться, пробовать, ворожить, заговаривать’), букв. ‘заговаривающий’.

Проанализировав комплекс значений карельских терминов *orpii* и *tietäjä* можно предположить, что собственно-карелы и карелы-ливвики не делали резкого различия между колдунами и знахарями. Такие же данные зафиксированы в

²³⁴ Левкиевская Е. Е. Знахарь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 347–350.

²³⁵ Ершов В. П. От знахарки до научной лаборатории // Учащимся о религии и атеизме. Петрозаводск, 1989. С. 104–105.

²³⁶ ФА ИЯЛИ 3024/75.

²³⁷ Зайков П. М. Грамматика карельского языка: фонетика и морфология. Петрозаводск, 1999. С. 103.

²³⁸ Словарь карельского языка / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. С. 244.

вепсском языке, близкородственном карельскому, бытующем с ним на одной территории (ср. *noid*, *tedai*, *kōdun* ‘колдун, знахарь’) ²³⁹.

Необходимо обратить внимание на то, что в исключительно отрицательном смысле бытовало русское заимствование *jeretniekka* (ск.), *jeretniekku* (ливв.) ‘заклинатель/колдун’ ²⁴⁰: в говорах русского языка еретик используется также и как ругательство со значением ‘дьявол, черт’ ²⁴¹ (ср. в языке коми – еретник). По мнению И. В. Ильиной, лексема «еретник» использовалась под влиянием негативного осмысления христианской церковью деятельности знахарей ²⁴². В отрицательном значении бытовало и наименование *koldun/kolduna* ‘колдун’ у тихвинских и ливвиковских карелов ²⁴³ (> русс. *колдун ‘заклинатель’). Наряду с терминами *koldun/kolduna* ‘колдун’, *jeretniekka/jeretniekku* ‘заклинатель/колдун’ среди собственно-карелов использовали наименование *pahoittaja* ‘порчельник’ – букв. ‘делающий плохое’ (от слов. осн. глаг. *pahoittua* → *pahoitta-* ‘приносить зло, делать плохое’, в форме первого активного причастия). Согласно данным середины XIX века ребольские карелы (Муезерский р-н) при бессилии знахаря перед каким-либо заболеванием обращались за помощью к колдуну, считая, что колдун – более важное лицо по сравнению со знахарем, т. к. у него существует связь с нечистыми силами ²⁴⁴.

Еще в 20-е гг. XX в. тихвинские карелы-старообрядцы в своей общине различали три группы: *mirskoit* ‘мирские’, *vierolaset* ‘верующие’, *nožonat* ‘ножонат’. *Vierolaset* объединяли в своей группе две категории лиц – дети и старики. Эти группы были наиболее четко выражены с точки зрения старообрядчества, возраста и пола. Среди них в соответствии с религиозными и социальными функциями выделялись еще четыре «общности», формальные и неформальные, а именно,

²³⁹ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 57.

²⁴⁰ Полевой материал автора – 1; *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki. 1968. I. S. 491.

²⁴¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2. С. 24.

²⁴² Ильина И. В. Народные врачеватели коми // Традиционное и современное в культуре сельского населения Коми АССР / Труды НИИЯЛИ Коми филиала АНССР. Сыктывкар, 1986. Вып. 37. С. 71.

²⁴³ Полевой материал автора – 2; Фишман О. М. «Отче» и колдуны: образы жизни карельской старообрядческой общины // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 125.

²⁴⁴ Повенецкие корелы. Их домашний и общественный быт, поверья и предания // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 14. С. 50.

t'iedäjät ‘знающие’, *knižnikkat* ‘книжницы’, *pakkuajat* ‘милостяшки, нищие Христа ради’, *jumalankumardel'ijat* ‘богомолки’. Вне общины были колдуны (кар. *koldunat*), т. к. их считали владельцами чертей (букв. люди вне Бога и без креста). В преклонном возрасте некоторые из них становились милостяшками. Способностью излечивать людей от болезней в тихвинской общине обладали знахари – *t'iedäjät*. Колдуны (*koldunat*) могли снимать с людей порчу. В этом проявлялась некая двойственность по отношению к ним: с одной стороны они обладали дурным/плохим глазом, с другой – сами же излечивали от сглаза/порчи.

Таким образом, исходя из рассмотренного лексического материала, в местах проживания северных, тверских, ливвиковских и людиковских карелов между группами колдунов и знахарей существовало незначительное отличие. Однако, понятия *tietäjä/tiedäjä*, *tiedoiniekku* и *oppii* использовали в качестве синонимов, обозначая ими как «колдуна», так и «знахаря». К наименованиям с негативным оттенком относятся лексемы *koldun/kolduna*, *jeretniekkal/jeretniekku* и *pahoittaja*. У тихвинских карелов под влиянием старообрядчества, напротив, наблюдается довольно резкое различие между ними. В терминологии восточных славян в лексемах «знахарь» и «колдун» происходит смешение понятий. Однако, в их деятельности наблюдается принципиальное отличие: знахарь приносит людям добро и пользу, колдун – зло и вред²⁴⁵.

Обращаясь к вопросу о дифференциации знахарей с позиции их деятельности, в карельских деревнях существовало деление на две основные группы: «*hyvät tiedoiniekat*» ‘хорошие, делающие добро знахари’ и «*pahat tiedoiniekat*» ‘плохие, злые, наносящие вред знахари’²⁴⁶. Данное предположение подтверждается полевыми материалами, собранными автором в Калевальском, Костомукшском, Олонецком, Пряжинском, Суоярвском р-нах Республики Карелия. При опросе ин-

²⁴⁵ Мазалова Н. Е. «Знающие» Кенозера: магическая сила и «тайное» знание // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2014. № 6. С. 25–26; Поповкина Г. С. Посвящение как этап становления знахаря у восточных славян // Россия и АТР. 2003. № 3. С. 101.

²⁴⁶ Титова М. А. Карельский ведун «*tiedoiniekku*»: социально-психологический портрет (на южно-карельском материале) // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 2005. С. 289.

формантов, карельские жители характеризовали людей, занимающихся лечением, следующим образом (стиль сохранен – прим. автора):

1) «В основном были хорошие знахари. И колдуны были, которые на кого-нибудь наговаривали, но к исходу жизни все плохое, сделанное ими, возвращалось к ним» (Калевальский р-н, д. Войница²⁴⁷). Различие четкое на знахарей и колдунов.

2) «Были плохие знахари и хорошие. Хорошие всегда применяли свои способности только в благих, хороших целях, ну, а плохие вред человеку могли принести» (Калевальский р-н, п. Калевала). Есть противопоставления: знахарь мог сделать плохое и хорошее.

3) «*Ei ole hyvijä ta pahoja. Vois olla, jotta ihmini itse oli viärä, eika tietäjä*» – ‘Нет хороших и плохих. Возможно, что человек сам был виновник, а не знахарь’ (Калевальский р-н, п. Калевала). Нет различия.

4) «Хорошие знахари избавляли от сглаза, порчи. Плохие же до смерти: в выпечку добавляли землицы могильной, могильный камень клали под порог» (Костомукшский городской округ, д. Толлорека)²⁴⁸. Есть противопоставления.

5) «Его знахарь называли, он мог быть двух видов. Они делали как хорошее, так и плохое. Если он на человека рассердится или плохое захочет ему сделать, то он может сидеть, колдовать... они – колдовщики.» (Олонецкий р-н, с. Видлица)²⁴⁹. Есть противопоставления.

6) «Ну вот, хорошие которые, их *tiedoiniekku* называют, а *koldovšiekat* могли и плохого сделать. *Tiedoiniekat*, они могли лечить, к ним ходили за помощью, они и лечили» (Олонецкий р-н, д. Гавриловка). Различие четкое.

7) «У хороших знахарей человек быстро поправлялся, а у плохих заговор не действовал» (Олонецкий р-н, д. Кинерма, д. Матчезеро). Есть противопоставления.

8) «Плохие знахари вредили, а хорошие помогали» (Олонецкий р-н, д. Тукса). Есть противопоставления.

²⁴⁷ Список пунктов сбора материала и их административную привязку см. в Приложении 5.

²⁴⁸ Полевой материал автора – 3, 4, 5, 6.

²⁴⁹ Полевой материал автора – 2.

9) «К хорошим знахарям обращались, если какую-нибудь болезнь хотели вылечить, ну, а, к плохим, когда на кого-нибудь порчу желали навести» (Пряжинский р-н, с. Михайловское). Есть противопоставления.

10) «Хорошие знахари добро делали. Плохие использовали темные силы для лечения» (Суоярвский р-н, п. Поросозеро). Есть противопоставления.

11) «Были знахари, так называемые, черные и белые. Белые, значит безвредные, а черные, плохие, могли причинить зло, вред» (Суоярвский р-н, д. Вехкусельга)²⁵⁰. Есть противопоставления.

Полученные сведения от информантов, проживающих на территории Карелии, позволяют сделать заключение о делении деревенских знающих на «добрых и злых» или «плохих и хороших», знахарь мог вылечить человека, а мог нанести и вред. К. К. Логинов выделяет у сямозерских карелов две группы: знахарь и колдун²⁵¹.

Однако, по данным полевых экспедиций, собранных фольклористом В. П. Мироновой, в традиции ведлозерских карелов (д. Габозеро, Ламбисельга, Савиново, Хлевनावолок, Щеккила, Юргилица) не было деления среди знахарей: «люди, владеющие знаниями, направляли свои силы на избавление от болезни»²⁵².

Как правило, к знахарям относились простые крестьяне – хорошие психологи, которые обладали даром внушения, безупречной наблюдательностью и памятью²⁵³.

В деревнях об известных знахарях говорили с уважением. Это свидетельствует о том, что у них был высокий нравственный статус. У тихвинских карелов роль «знающих» и их положение в старообрядческой общине были близки к положению «богомолок». Предписания, необходимые при совершении лечебных

²⁵⁰ Полевой материал автора. – 7, 8, 9, 10, 11, 12.

²⁵¹ Логинов К. К. Великие «тиедяд» Сямозерья на закате древней традиции // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 277–288.

²⁵² Миронова В. П. Фольклорные традиции Ведлозерья. Петрозаводск, 2013. С. 109.

²⁵³ Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 146; Pahomov M. Kuujärven lyydiläistekstejä. Helsinki, 2011. S. 92, 184.

ритуалов, предполагали максимально полное выполнение ритуальных функций: грыжу следовало лечить натошак, воду и соль заговаривать в одиночестве и др.²⁵⁴ Стоит отметить, что карельские колдуны ни по жизненному укладу, ни по социальному статусу не отличались от деревенских жителей. Они были обычными крестьянами, занимались рыболовством или охотой, в качестве дополнительного промысла. Занятия колдовством они не превращали в профессию. Как правило, известные колдуны были уже пожилыми людьми, имеющие большой жизненный опыт, усвоившие от предыдущих поколений наблюдения над человеческой психикой и явлениями природы. Многие из них обладали даром внушения. Их мировоззрение и внутренний мир складывались под воздействием традиционных представлений народа об обществе и природе, взаимоотношениях людей, а также жизни и смерти²⁵⁵.

Считалось, что знахаря можно было узнать по некоторым особенностям его одежды или по другим атрибутам (см. Приложение 2, Рисунок 5). Например, карельский знахарь всегда ходил с палкой, сделанной из рябины или ольхи. На палке было много шишек, чем больше их было, тем значительнее была его сила. Знахарь надевал шапку на глаза, потому что своим взглядом мог свалить человека с ног. Существует поверье, что настоящий заклинатель силой слова «выпевал» зубы из черепа, не притрагиваясь к нему руками. Таким высшим проявлением заклинательной силы славился известный рунопевец Онтрей Малинен из севернокарельской деревни Войница. По словам его внучки А. Лехтонен, Онтрей мог «пением удалить зубы из пасти медведя и вставить их опять на место»²⁵⁶. Один из жителей д. Аконлахти (= Бабыя Губа) рассказывал, что у знахаря всегда был повязан пояс, который он никогда не менял. По некоторым данным, пояс не снимали, иначе знахарь мог оказаться беспомощными перед злыми духами и нечистой силой (ср. русс. ‘беспоясность’ – знак принадлежности к иному, ‘чужому’ миру²⁵⁷).

²⁵⁴ Фишман О. М. «Отче» и колдуны: образы жизни карельской старообрядческой общины // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 136.

²⁵⁵ Сурхаско Ю. Ю. Карельские колдуны // Учащимся о религии и атеизме. Петрозаводск, 1989. С. 96.

²⁵⁶ Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 45.

²⁵⁷ Левкиевская Е. Е. Пояс // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2009. Т. 4. С. 230.

Он переодевал всю одежду, кроме пояса, на который был прикреплен кожаный или холщовый мешочек с обязательными знахарскими принадлежностями (см. Приложение 2, Рисунок 7). Если знахарь был «божественный человек», то у него в мешочке были крест и икона, иногда он держал там еще и нож. У тех знахарей, которые лечили с помощью сил черта, в мешочке были кости мертвых, земля с могилы, ногти, волосы мертвых, кусочек дерева, сожженного грозой, зубы медведя, т. е., как правило, такие вещи, которых боялся человек. Этот мешочек и его содержимое держали в строгом секрете. Когда знахарь старел и заканчивал свою лечебную деятельность, он уничтожал этот мешочек, чтобы он не попал ни к кому в руки. Известен рассказ, что один знахарь, умирая, приказал своей дочери бросить его магический мешочек в прорубь и запретил ей смотреть, что в нем. Но любопытная дочка все-таки посмотрела и из-за этого ослепла²⁵⁸. Большим подспорьем в религиозно-магических действиях карельских колдунов считалось умение использовать в качестве помощников части тела различных животных (медведь, белка-летяга, змея), растения (рябина, ольха, зерна ячменя), предметы неживой природы (камень), огонь и воду. Обычно для этой цели изготавливались специальные амулеты. Набор таких амулетов, которым приписывались определенные магические свойства, был особым у каждого колдуна. Особенно часто использовались в качестве магических амулетов такие металлические орудия труда, как топор, коса-горбуша, нож, ножницы, иглы; предметы животного происхождения – когти и зубы медведя, куски меха, щучьи зубы и т. д.²⁵⁹ (см. Приложение 2, Рисунок 6, 8). Вплоть до XIX в. обязательным атрибутом карельского знахаря-заклинателя был ритуальный пояс, в который зашивали змею. Представления о змее в архаических верованиях многих народов связаны с потусторонним миром. При посещении загробного мира Вяйнямейнен выскользнул из сетей, преграждавших реку Туонела, приняв облик змеи. Считалось, что душа впадавшего в транс шамана, отделившись от тела, принимает облик змеи, и чем сильнее шаман,

²⁵⁸ Ylinen H. Miten kansa paransi. Joensuu, 1990. S. 22–23.

²⁵⁹ Сурхаско Ю. Ю. Карельские колдуны // Учащимся о религии и атеизме. Петрозаводск, 1989. С. 98.

тем длиннее змея²⁶⁰. Некоторые знахари получали дополнительную силу для лечения людей от леса. Для этого они специально ходили и общались с хозяевами леса посредством заговорных текстов.

Знающий обладал силой, которая зависела от установок и личного опыта человека, обращающегося к знахарю, а также степени его веры в силу знахаря. Карелы (равно как и русские) верили в богоугодность знахарства. Сами знахари были убеждены, что их способности даны им Богом. Именно поэтому, совершая ритуалы, они не снимали кресты с шеи.

Известно, что люди обращались к знахарям с просьбами определить, откуда у больного появилась болезнь, и исцелить недуг. Для лечения знахари избирали самые различные места и способы. Наряду с использованием сил леса, поля, воды и земли, болезнь отпускали по ветру на все стороны света, кланялись на все четыре стороны света, которые в этот момент играли роль перекрестка (в колдовской практике перекресток известен как место призывания бесов для призыва на помощь). Также в знахарской лечебной практике в качестве мест врачевания избирались некоторые части дома: «божий угол» (или красный угол), печь, порог, пол, половица, подпол. Например, использование во время лечения половицы с пятью сучками, вокруг которых знахарка обводит ножом, указывает на уподобление больного тела (кожа) и срубленного дерева (половица) с сучками. Перенос болезни с тела человека на деревянную половицу с нечетным числом сучков подтверждает факт переноса болезни с живого человека на мертвое дерево. След, оставшийся от выпавшего сучка, имеет весьма распространенное применение при лечении людей у карелов. Порог дома, будучи выходом из замкнутого, защищенного пространства, играл важную роль в лечебных обрядах. С помощью заговоров порог, как и перекресток, использовался в ходе лечения для изгнания болезней.

Из магических приемов среди знахарей можно отметить такие как замыкание в круг больных точек на теле, отсекание их путем обведения сучком, сплевывание, удары. При этом магическое воздействие на болезнь осуществлялось через

---

²⁶⁰ Рода нашего напевы: Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов / Сост. Э. С. Киуру, Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1985. С. 255.

самые важные биологически активные точки тела: с ног до макушки. У карелов повсеместно ноги были связаны с представлениями о смерти: нагнувшись между ног можно увидеть нечистую силу. Поэтому при данном виде лечения (магии) знахарь касался ножом стоп, пяток и нескольких точек на ступне, через которые болезнь изгоняется в землю, а затем – голеней, колен, локтей и плеч, которые рассматриваются в народной медицине как входы в тело болезней. Помимо манипуляций с ножом (в данном случае, нож воспринимался как средство для отсечения болезней), на важные жизненные точки воздействовали, сплевывая на голову, плечи, колени, ступни, а также слегка ударяли веником по макушке и плечам. Все это указывает на то, что макушка у карелов воспринималась как место сосредоточения болезней. Удары и сплевывания в знахарской практике способствовали изгнанию болезней.

В ходе лечения знахари широко использовали и магию левизны: перешагивали через порог с левой ноги, поворачивались на пороге дома через левое плечо. Безымянный палец использовался для вступления в контакт с представителями чужого мира, например, при заговаривании соли. Магия нечетности (3, 5, 9), указывающая на принадлежность происходящего миру иному, отражена троекратной и утраиваемой формулой обрядовой структуры: слова заговора произносили трижды, девять узелков завязывали на нитке, лечение проводили три дня подряд²⁶¹.

Считалось, что для успешного исхода лечения нужно, чтобы у целителя и больного «крови подходили»: «*veret yhtyttih*» – букв. ‘крови соединились’. Во многих карельских заговорах встречаются слова *mustinverizet* – букв. ‘темнокровные, чернокровные’, *valgeiverizet* – букв. ‘светлокровные, белокровные’, что, предположительно, говорит о совпадении внешних признаков: светловолосые и светлоглазые, темноволосые и темноглазые²⁶².

²⁶¹ Фишман О. М. Знающая – больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Петрозаводск, 2009 Вып. 2. С. 149-151.

²⁶² Титова М. А. Карельский ведун «*tiedoiniekku*»: социально-психологический портрет (на южно-карельском материале) // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии: Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2005. С. 295.

Знахарь никогда не требовал определенную плату за лечение, но существовал негласный деревенский закон принесения любого дара за помощь, иначе его чары не будут иметь силы. Кто-то давал им хлеб, кто-то молоко. Обычно замечали, в чем знахарь нуждался, то ему и старались дать. Этот закон отразился в следующем правиле: «...*pit'i antoa vaikka rikka moasta...*» – ‘...надо было дать хоть соринку с земли...’, иначе его силы не помогали²⁶³. Больше всего знахарь ценил устную благодарность, надо было сказать: «Дай Бог здоровья!»²⁶⁴.

Если обращались за помощью для излечения к колдуну, то он всегда приходил к больному в сумерках. Один из способов лечения был описан у повенецких карелов: колдун осматривал больного и спрашивал о симптомах болезни, затем трижды обходил вокруг заболевшего и шел к соседнему озеру. Постояв некоторое время на берегу, колдун начинал громким голосом призывать нечистую силу, с которой у него всегда была близкая связь. Около полуночи колдун отправлялся на кладбище, где спрашивал мертвых о болезни своего пациента. Слова и заклятья, которыми он призывал нечистую силу и покойников, считались у колдунов величайшей тайной, они никогда не передавались посторонним. Возвратившись к больному, колдун наговаривал на кислую воду, дул и плевал в нее трижды, прибавлял немного соли, взбалтывал все это своим черным посохом и, отправляясь домой, строго наказывал давать эту воду пить больному понемногу и смачивать ею голову²⁶⁵.

В старости же знахари теряли свою магическую силу, это, как правило, связано с утратой тех физических признаков, которые обеспечивают «крепость» и «твердость»: с выпадением зубов, волос и т. д. Считалось, что дряхляющие колдуны и знахари теряют магические способности. Беззубый колдун не представлялся опасным, а знахарка уже не могла лечить заговорами. Потерявшую силу знахарки иногда компенсировали отсутствие зубов металлическими предметами:

²⁶³ Virtaranta P. Vienen kansa muistele. Porvoo; Helsinki, 1958. S. 53.

²⁶⁴ Фишман О. М. «Отче» и колдуны: образы жизни карельской старообрядческой общины // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 135.

²⁶⁵ Повенецкие корелы. Их домашний и общественный быт, поверья и предания // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 14. С. 50.

держали во рту нож, ножницы или монету, чтобы придать себе недостающую твердость. В карельской среде стойко сохранялись представления, что в старости перед смертью знахарь должен был передать кому-либо свои знания. Они были характерны и для соседних народов. Н. Е. Мазалова такие представления у русских объясняла следующим образом: это связано с тем, что магическая сила, полученная от природы, имеет вечный характер, и, считалось, что она должна оставаться на земле. Знахарь или колдун являются ее носителями только на протяжении жизни. Если магическая сила не передавалась знахарем своему помощнику/ученику, то она будет поддерживать жизнь в теле похороненного колдуна и тогда «...на том свете покоя не даст...колдун превращается в живой труп»²⁶⁶.

Силу и знания знахаря можно было приобрести при соблюдении определенного ритуала. У карелов передача знаний от знахаря к ученику должна была происходить в какие-нибудь значимые дни, например, в Новый год, Иванов день или Троицу²⁶⁷. В 1889 г. И. Коуталайнен рассказывал о передаче таинства знахаря: «Кто хотел стать знахарем должен был стоять три четверга подряд после захода солнца до полуночи на перекрестке трех дорог лицом к лицу на стопах ног знахаря. В такой позе знахарь передавал свои знания. При этом обязательным условием был обмен деньгами: «ученик» давал «учителю» деньги меньшего достоинства, учитель – большего. После этого совершали обмен головными уборами, обучающемуся надо было три ночи подряд спать в шапке заклинателя. Это объяснялось тем, что в шапку зашивалась шкура белки-летяги, носитель такой шапки «получал большую силу», был сильнее других заклинателей. К третьему четвергу все знания должны были быть переданы и освоены. Ребенок тоже мог получить колдовскую силу и вырасти знахарем, если его мать этого хотела. Тогда его голову и грудь три четверга подряд мыли пеной из трех водопадов. Первый раз это делали, когда ребенку было только три ночи²⁶⁸. В Карелии верили, что если ребенок ро-

²⁶⁶ Мазалова Н. Е. Этнографические аспекты изучения личности «знающего» (XIX – начало XXI в.). СПб., 2011. С. 22.

²⁶⁷ Ylinen H. Miten kansa paransi. Joensuu, 1990. S. 6–7.

²⁶⁸ Лавонен Н. А. Заговоры в кругу религиозно-магических представлений карел (по материалам экспедиций 1975–1984 гг.) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 137–138.

дился с зубом, он непременно будет обладать магической силой, сможет стать знахарем-заклинателем²⁶⁹. У славян рождение ребенка в сорочке свидетельствовало о том, что новорожденный – колдун²⁷⁰. Вообще, о передаче знахарем перед смертью своих знаний существуют разные мнения. Например, О. М. Фишман в статье «Отче и колдуны: образы жизни карельской старообрядческой общины» пишет, что у тихвинских карелов акт передачи не был обязательным. По народным представлениям, – «это ведь не черти, что обязательно их передавать»²⁷¹. А. С. Степанова указывает, что знахарю перед смертью надо было обязательно отдать свое дарование кому-нибудь другому, иначе ему грешно умирать будет, мучаться долго будет²⁷².

По мнению жителей карельских деревень, знахари могли разделяться по силе. Было выявлено, например, что олонецкие знахари по сравнению с севернокарельскими считаются наиболее «сильными». Им приписывалась остановка крови, излечение от укуса змеи, избавление младенца от ночницы или сглаза и т. д.²⁷³

Начиная с XIX в., знахарская лечебная практика подвергалась частой и резкой критике врачей. Были известны случаи, когда лечение болезней магическими приемами заканчивались трагически. Однако, при оценке деятельности таких врачей необходимо учитывать и позитивные моменты, способствующие сохранению знахарства до наших дней. Зная особенности характера и разбираясь в психологии своих односельчан, знахари воздействовали на психику человека, используя внушение и гипноз. Таким образом они часто помогали больным вылечиться от их болезней. Положительный исцеляющий эффект достигался и благодаря тому, что больной безраздельно верил в могущество знахаря и его магические лечебные обряды. В этом случае можно говорить о положительном психотерапевтическом эффекте, который оказывал благоприятное лечебное воздействие.

²⁶⁹ Его же. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 131.

²⁷⁰ Грысык Н. Е., Разумова И. А. Фольклорный герой: жизненный цикл и жизненная сила // Фольклористика Карелии. – Петрозаводск: Изд-во Карел. НЦ РАН, 1993. – С. 70.

²⁷¹ Фишман О. М. «Отче» и колдуны: образы жизни карельской старообрядческой общины // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 135.

²⁷² Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск: Периодика, 2000. С. 283.

²⁷³ Миронова В. П. Фольклорные традиции Ведлозерья. Петрозаводск, 2013. С. 110.

Кроме того, к магическому обряду добавлялись традиционные народные средства лечения, выявленные и проверенные в повседневной жизни на протяжении многих веков. Знахари лучше остальных деревенских жителей были знакомы с этими средствами и методами лечения. Э. Леннрот дает три объяснения, способствующие возникновению различных верований о знахарях:

1) кто-то, притворяясь больным, позволяет знахарю излечить себя, таким образом укрепляя веру в его силу слова и действия;

2) кто-то действительно больной обращается за помощью к знахарю и выздоравливает;

3) знахари сами придумывают рассказы о своей силе в исцелении больных и рассказывают об этом окружающим, привлекая внимание к своей персоне²⁷⁴.

Таким образом, в местах проживания карелов знахарь был значимой фигурой. К нему обращались для излечения самых тяжелых недугов. В наши дни в карельских деревнях вера в знахарей и колдунов, эффективность их деятельности исчезает. Образованное пожилое население дает критическую характеристику их деятельности, а также верованиям, которые связаны с колдовством. Рассказы о знахарях и колдунах уже бытуют только на уровне быличек или преданий. Однако в постперестроечный период в России стал возрастать интерес лечебной практике знахарей, среди которых есть представители и знатоки народной медицины. В настоящее время именно они относятся к носителям традиционной медицинской культуры, обладающих знаниями о народных методах и средствах лечения²⁷⁵.

²⁷⁴ Путешествия Элиаса Леннрота: Путевые заметки, дневники, письма 1828–1842 гг. / Пер. с фин. В. И. Кийранен, Р. П. Ремшуевой. Петрозаводск., 1985. С. 31–32.

²⁷⁵ Ильина И. В. Народные врачеватели коми // Традиционное и современное в культуре сельского населения Коми АССР. Сыктывкар, 1986. Вып. 37. С. 71.

§ 2.2. Религиозно-магические способы воздействия на заболевания

Народная медицина является одним из древнейших видов человеческой деятельности, сочетающей рациональный опыт врачевания с магической практикой. Карельская народная медицина на протяжении веков эмпирическим путем вырабатывала эффективные средства лечения различных заболеваний, приспособленные к местным природно-климатическим условиям. При этом карелами, как и другими народами мира, накоплен огромный опыт в области фармакогнозии и фармакотерапии (поиски и употребление лекарственных трав, лечебных средств животного и минерального происхождения).

§ 2.2.1. Лечебная магия: типы обрядов

Большая часть древних народных методов лечения связана с магией и колдовством, т. е. иррациональным. Элиас Леннрот в своей диссертации «*Om finnarnas magiska medicin*» (1832 г.) сделал попытку объяснить магическую составляющую народной медицины. Он считал, что знания человека развиваются в двух направлениях: вверх («на солнечную/светлую сторону» знаний) и вниз («на темную сторону» знаний). Вместе эти стороны образуют целостное знание. В случае, если одна из сторон находится вне человеческого внимания, то начинает доминировать другая. «К темной стороне» знаний относятся предчувствия, предсказания, внезапные мысли, «вещие» сны, видения и т. д., основанные на иррациональных представлениях. «Светлая сторона» знаний основывается на здравом уме и понимании. С течением времени эта сторона знаний укреплялась среди людей и постепенно вытесняла «темную сторону»²⁷⁶.

В практике карельских знахарей (колдунов) значительное место занимали религиозно-магические обряды. Их совершали в случае заболеваний, вызванных действием сверхъестественных сил или трудно поддающихся лечению.

²⁷⁶ Rautavaara T. Miten luonto parantaa. Kansanparannuskeinoja ja luontaislääketiedettä. Helsinki, 1980. S. 12.

В основе лечения религиозно-мифологических заболеваний лежали древние воззрения, в соответствии с которыми болезнь воспринималась как некое живое существо. Она приходила, если ее насылали колдуны, или человек прогневал духов-хозяев. Другими словами, истоки болезни, согласно верованиям карелов, лежали не столько в физической, сколько в духовной сфере. Следовательно, знахарям необходимо было заговорить недуг, отправить больного просить прощения у разгневанных духов, пригласить более сильных мифологических существ и с их помощью изгнать его²⁷⁷. На успех лечения влияли многие факторы: время (день недели, часть суток, дата и т. д.), место (выбирались преимущественно пограничные локусы), участники ритуала. Средства и приемы зависели от источников или причин болезней.

Главный принцип лечения заключался в изгнании или удалении недуга из тела больного²⁷⁸. Для этого практиковались различные приемы и способы, среди них можно выделить наиболее распространенные:

- «выбрасывание» болезни (например, волосы, ногти, веник после рубки радикулита и т.д. выбрасывали в воду, огонь, на дорогу);
- «закапывание» болезни (например, для избавления от бородавок, закапывали в подполье или землю нитку, на которой завязывали количество узлов равное числу бородавок);
- «отпугивание» болезни (например, втыкали в балки, двери, порог острые предметы или внезапно пугали больного; стреляли из ружья);
- «очерчивание» болезни (например, «рисовали» круги на земле, вокруг больного места). Круг считается универсальной формой оберега. Здесь была важна замкнутость. Обереговый смысл имели также круглые предметы. Круг понимался как символ совершенства, образ мира и Бога²⁷⁹;

²⁷⁷ Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М., 2016. С. 175.

²⁷⁸ Харузин Н. Этнография: лекции, читанные в Императорском Московском Университете. СПб., 1905. Вып. 4. С. 192.

²⁷⁹ Пивоев В. М. Культура Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 27.

- «передача» болезни (например, болезни передавали животному, дереву, предмету, другому человеку);
- «пускание» болезни по воде (например, отправляли по течению в деревянной лодочке);
- «рубка» болезни (рубили или имитировали разрубание на пороге);
- «сжигание» болезни (например, сжигали одежду больного, солому после протирания ею бородавок, ногти и т. д.);
- «смывание» болезни (например, окатывали больного водой с произнесением заговора).

В народе говорили: «*Mimmoine on tulomine, semmoine on mänömine*» – ‘Как придет, так и уйдет’. Если, например, болезнь «пришла» от воды, значит, и источник излечения искали в ней же²⁸⁰.

§ 2.2.2. Лечебные заговоры: словесные портреты болезней, структура и семантика текстов по изгнанию заболеваний

В карельской знахарской практике важную роль играла вербальная магия, в основе которой была заклинательная поэзия: заклинания и заговоры.

Заговоры выступают в качестве самостоятельного поэтического жанра, а также входят в состав эпических песен, поскольку в карельском фольклоре не произошло полной жанровой дифференциации. Типичным примером эпической песни с элементами заклинания является сюжет «Ранение (колена) Вяйнемейнена». Такие заклинания развернуты, повествуют о происхождении предметов, явлений мира, начале вещей – «первородных началах». Лечебные заговоры произносятся при попытке избавиться от недуга, сглаза и т. д.²⁸¹

Содержание карельских заговоров и заклинаний отражает длительную эволюцию религиозных представлений народа. В сравнительно простых заговорах – таких как рассказ о сооружении железной изгороди вокруг оберегаемых участни-

²⁸⁰ Virtaranta P. *Luuydiläisiä tekstejä*. Helsinki, 1994. Osa VI. S. 94.

²⁸¹ Песенный фольклор кестеньских карел / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989. С. 40–41.

ков обряда – в сущности, отсутствует вера в чудодейственные сверхъестественные силы. Убежденность в эффективности заговора основывалась на представлении, что слово само по себе обладает магической силой, и поэтому сооружаемая на словах изгородь воспринималась как невидимая, но вполне реальная ограда. Если в простых заговорах исполнитель обряда выступал обычно сам в качестве воображаемого действующего лица, то в большинстве более сложных заклинаний он обращался за помощью к различным сверхъестественным силам и существам. Таковыми могли быть языческие, а нередко и христианские божества, различные духи (особенно духи предков), некоторые животные и даже природные стихии²⁸². Обращаясь в заклинаниях к камню, железу или дереву, человек говорил:

<i>Kivi kova, raud on teräs,</i>	Камень твердый, сталь, железо,
<i>Otas kivut kiirehesti</i>	Больними скорей из раны
<i>Kiukujat kiven perästä...</i>	Убери-ка в печь за камнем...

В тексте этого заклинания появляется прямая взаимосвязь в основах слов *kive-* ‘камень’ и *kivu-* ‘боль’, не случайно сказывающаяся даже в их созвучии. Человеческое представление о боли впервые могло появиться, в частности, при нанесении раны каменным орудием. Одновременно с заклинаниями против ранений каменными и деревянными орудиями труда у предков карелов начали возникать заклинания против разных болезней и недугов²⁸³

Адресация заговора происходила в зависимости от того, от кого, от чего или откуда пристала к человеку болезнь. Соответственно, чаще всего, знахарь или сам больной обращался к духам-хозяевам воды, леса, земли или к самому природному объекту, предмету, который нанес вред: при ожоге – к огню, после укуса – к змее, собаке или насекомому, после пореза – к железу, после ушиба – к камню. В заговорных рунах, как правило, излагаются «первородные причины» происхождения

²⁸² Сурхаско Ю. Ю. Проявления двоеверия в традиционной семейной обрядности карел // Православие в Карелии: история и современность: Атеистические очерки. Петрозаводск, 1987. С. 59.

²⁸³ Евсеев В. Я. Карельский фольклор в историческом освещении. Л., 1968. С. 17–18.

источника болезни, так как согласно верованиям народа, знающий первопричину появления «обидчика», может обезвредить его и управлять им²⁸⁴.

В большинстве случаев лечебные заговоры наследовали стихотворный размер калевальской метрики. По композиции тексты делятся на две части. В первой части этих заговоров называется имя предмета, причинившего зло, и раскрывается тайна его рождения. Например, «*Tulen vihat*» ‘Заклинание огня’ (п. Кестеньга):

<i>Miepä tiijän tulen šynnyn.</i>	Я знаю огня происхождение.
<i>Tulta tuuvitettih kätkyveššä</i>	Огонь в люльке качали,
<i>Yhekšäššä taivahašša</i>	на девяти небесах
<i>kultasešša kätkyveššä,</i>	в золотой люльке,
<i>hiihnoissa hopiaisissa.</i>	на серебрянных подвесках.
<i>Lankesi tuli punani,</i>	Выпал огонь красный,
<i>tuli kuihkui kuušen latvašša,</i>	померцал на вершине ели,
<i>lankesi Laatokan järveh,</i>	упал в Ладожское озеро,
<i>mäni läpi muašta,</i>	прошел сквозь землю,
<i>läpi manašta,</i>	сквозь царство мертвых,
<i>läpi kirvehen hamarašta,</i>	через обух топора,
<i>läpi nieklašta šilmättömäštä....</i>	через иглу без ушка.... ²⁸⁵

Во второй части заговора заговаривающий обращается за помощью к пчеле или Маленькой Святой девушке Марии/Муарии с просьбой обезболить, исправить содеянное²⁸⁶. Так, например, в одном из заговоров (п. Кестеньга) от ожога обращаются к пчеле, а в другом – к Муарии:

<i>Mehiläini on meijän lintu,</i>	Пчела, наша птица,
<i>hörhöläini hiijen lintu,</i>	Шершень, птица Хийси,
<i>kanna mettä met't'olašta</i>	носи мед из лесной стороны

²⁸⁴ Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. О карельской народной медицине: рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 115.

²⁸⁵ Песенный фольклор кестеньгских карел / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989. С. 132.

²⁸⁶ Туунен С. В. К вопросу о влиянии христианства на фольклор (христианские элементы в карельских заговорах) // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 136.

peukaloisen mäntävällä
yli yhekšän meren,
poikki puolen kymmenettä

kipehillä voitehiksi,
vammahilla valantehiksi.
Alta kuulumattomaksi,

piältä tuntumattomaksi,
keškeltä kivuttomaksi.

Muarie matala neiti,
pyhä piika pikkaraini,
tule tänne tarvitessa,
käy tänne kutsuvešša,
tule tule vihoja ottamah,
tulen lientä lievittämäh,
tulen pahoja parentamah,
tulen šekoja šelvittämäh.

маленьким котелком,
 вместимостью с большой палец,
 через девять морей
 пересекая половину десятого
 моря,
 болячки обмазать,
 раны облить.
 (чтобы) стали снизу нечувстви-
 тельными,
 сверху незаметными,
 с середины безболезненными.

Муарие, низенькая дева,
 святая маленькая дева,
 иди сюда, в тебе нуждаются,
 иди сюда по зову,
 приходи-приходи боль унять,
 страдания от ожога облегчить,
 огнем содеянное (зло) исцелить,
 исправить (то, что) сотворил
 огонь²⁸⁷.

О. М. Фишман указывает на то, что по композиции и содержанию лечебные заговоры делятся на четыре части, а не на две (как считает С. В. Туюнэн): 1) обращение к тому, кто наслал болезнь: к хозяину (например, *närien mužikka* – ‘еловый мужик’, *mečän ižän’d’a* – ‘хозяин леса’ и др.), к духу болезни (например, *šuidelukšešta*, *kačahukšešta*, *šilmäukšešta*, *tulen n’en’ä* – ‘золотая золотуха, заря-заряница’); 2) извинения перед ними и одновременно просьба о помощи в излечении; 3) повеления болезни удалиться в какое-либо место или туда, откуда она

²⁸⁷ Песенный фольклор кестеньских карел / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989. С. 132.

пришла; 4) обращение к Господу Богу, Иисусу Христу и Богородице с просьбой о заступничестве²⁸⁸.

На наш взгляд, в структуре карельских лечебных заговорах три части: 1) обращение (позитивное или негативное); 2) задабривание; 3) просьба забрать недуг.

При детальном анализе лечебных заговоров С. В. Туюнён обращает внимание на оставившие след христианские элементы в карельских лечебных заговорах. Она делит их на три группы:

1) В первую группу вошли элементы молитв: «*Hospoti, plahoslovi*» – ‘Господи, благослови’, «*Hospoti, prossi, prossi*» – ‘Господи, прости, прости’;

2) Вторую группу составили устойчивые выражения, с помощью которых заговаривающий надеется усилить действие произнесенного заговора и показывает свою принадлежность к хорошим силам: «*Puhun šuulla puhtahalla, herran henkellä hyvällä*» – ‘Говорю ртом чистым, божьим дыханием хорошим’. В эту же группу включены упоминания имени Христа, Создателя, Бога, как указания на безвредную, полезную сущность предмета: «*...laštu on luojan lohkasema, veša on Jiešuksen vetämä...*» – ‘...щепка, создателем отколота, побег, Иисусом пророченный...’²⁸⁹.

3) К третьей группе отнесены упоминания о Марии, святой маленькой деве, к которой обращаются за помощью исправить зло, вылечить рану, унять боль: «*Marija, matala neiti.....tiälä on šuonet šolmittavat, verikošket šalvattavat*» – ‘Мария, низенькая дева.....здесь нужно сосуды перевязать, водопады из крови перекрыть’.

В западно-финских заговорах с просьбой исцелить, сойти с небес и намазать ушибленное место мазью, остановить кровь обращаются к Деве Марии. В карельских же текстах в роли активной целительницы выступает Мария, низенькая дева, святая маленькая дева. На ее принадлежность к святой указывает эпитет *pyhä*

²⁸⁸ Фишман О. М. Знающая – больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Сборник статей памяти Ю. Ю. Сурхаско. Гуманитарные исследования. Вып. 2. Петрозаводск, 2009. С. 150.

²⁸⁹ Песенный фольклор кестеньгских карел / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989. С. 131, 135, 140.

‘святой’. Но в отличие от всех Святых, в том числе и Девы Марии, наша *Muarie/Marija* ‘Мария’ очень уж тяготеет к земле – то, что она – маленького роста подчеркивается дважды: «*No Marija, matala neiti, pyhä piika pikkaraini...*» – ‘Мария, низенькая дева, святая маленькая дева...’²⁹⁰.

Еще одно доказательство в пользу того, что наша Мария находится в некотором родстве с языческими божествами из низших слоев обитаемого пространства в том, что в мировом фольклоре существа, живущие под землей (гномы, цверги, карлики и т. д.), были маленького роста. Образ Марии в карельском фольклоре – сложный и противоречивый. В нем смешались и переплелись языческие и христианские представления о добре и зле. В карельских лечебных заговорах Мария, выступая в роли помощника, ни разу не попала в один текст с пчелой, шершнем злого духа Хийси. Через пчелу заговаривающий обращается к злому Духу, чтобы победить еще большее зло/болезнь, а через Марию – за помощью к доброму началу. Данное подразделение на доброе и злое тоже можно отнести к последствиям влияния христианства²⁹¹.

Помимо обращения к деве Марии, маленькой, низенькой, и пчелы, заговаривающий призывал на помощь Деву льда и мороза, Деву сырости, Деву боли и печали. У этих персонажей в заговорах были определенные функции.

Дева льда и мороза – это персонаж, без которого не обходится ни один заговор от ожога. По мнению исследовательницы карельских заговоров С. В. Туунен, заговоры от ожогов – самые распространенные.

<i>Hyinen tytti, jäinen neiti</i>	Дева льда, дева мороза,
<i>Huistä kelkoa vetäävi,</i>	тащит санки со стужей,
<i>Jäistä talloa taluovi,</i>	повозку со льдом везет,
<i>Jäärekeä reotuoovi,</i>	сани груженные льдом,
<i>Tulen suuta sulkeissa.</i>	чтобы рот огню заткнуть.

²⁹⁰ Песенный фольклор кестеньгских карел / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989. С. 130-135.

²⁹¹ Туунен С. В. К вопросу о влиянии христианства на фольклор (христианские элементы в карельских заговорах) // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 139.

*Panun päättä painaessa
Tuos huutä Pohjolasta,
Jäätä ilman ikkunalta,
Jolla tulta turmentelen,
Valkiaista varventelen.*

Чтоб пригнуть огня головку,
привези-ка льда из Похьелы,
стужи с воздуха окошка,
которым я огонь потушу,
обуздаю пламя.

В данном заговоре обращаются к Деве льда и мороза, так как эти слова являются своеобразной анестезией холодом от чувства жжения. Это связано с тем, что раньше, равно как и сейчас, при лечении ожогов на рану прикладывали лед²⁹².

Еще один персонаж, к которому обращаются в карельских лечебных заговорах, например, от ожогов, это Дева сырости. В большинстве вариантов заговоров она приносит прохладной воды, чтобы снять жар с раны, смыть водой боль:

*Nouse sie norošta, neiti,
Himmetär, märästä moalta,
Tulen šuuta šulkomahe,
Panyn peätä polkomahe.*

Поднимись, дева, из низины,
Химметар, с сырой земли,
Огню рот закрой,
Голову пламенем пригни.

В некоторых вариантах заговоров с просьбой принести воды обращаются к Хозяйке Воды:

*Nouse veestä, veen emäntä,
Rapakosta, rautahammas,
Tuoppas lampi tullesasi,
Jolla tulta tuimentelen.*

Поднимись из воды, Воды Хозяйка,
Из лужи, железный зуб,
Принеси с собой ламбу,
Которой огонь усмирим.

Причинами появления такого персонажа заговоров как Дева Болей считались сбор и хранение болей:

*Kipu tyttö, neitti kiire,
Eläs kiirehe kipuja,
Kuin tuskat turmentelen*

Быстрая дева, Дева Боли,
Не ускоряй боли,
Когда страдания усмирю,

²⁹² Туюнен С. В. К вопросу о влиянии христианства на фольклор (христианские элементы в карельских заговорах) // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 60-63 140-142.

Varventelen suuret vaivat.

Обуздаю большие боли²⁹³.

Как правило, в лечебных заговорах боль или болезнь, поселившиеся в человеке, пытаются усмирить, а затем их или смывают, или отсылают куда-нибудь, или бросают в воду, или собирают в рукавицу, чтобы затем отправить в то место, откуда она больше не придет. Мотив изоляции боли и болезней, а не полное их уничтожение, свойственен для карельских заговоров, чем они и отличаются от славянских и индоевропейских.

Далее остановимся подробнее на тех объектах, куда, как правило, отсылались и где прятались боли и болезни в древних карельских лечебных заговорах:

Похъела и река. Похъела – это земля на севере, которую считают родиной темноты, холода и болезней. Часто ее отождествляют со страной мертвых Маналой или Туонелой. Границей Похъелы считают реку, которая играет роль разделителя между миром живых и миром мертвых. Поток, несущий свои воды в Маналу, отличается тем, что попавшим в него нет обратного пути. Боли безвозвратно относились в мир смерти, где находились во власти Девы Болей: «...*Vie kivut Kivuttarella, Vaiva vamma neitosella! Kiputytti, kivun neiti...*» – ‘Отнеси хозяйке болей, Дочери отдай недугов! Дева болей, дочь недугов...’.

Камень. В лечебных заговорах камень называется последним пристанищем болей: «...*Kivut kivien al... Ota, kivi, kivut...*» – ‘Боли пусть уйдут под камни...Камень, боли забери...’. В карельских заговорах боли не просто замуровывают в камень, а топят этот камень в море или реке. Как известно, камень неподвластен воде, поэтому боли, помещенные внутрь гранита, никогда не вырвутся наружу и не принесут вреда.

Рукавица. В рукавицу боли складываются для того, чтобы отнести их к камню, на место первичной изоляции болей от живого мира: «...*Keräi kivut kintahah, Vaivat vanttunuh nenäh...*» – ‘...Боли в варежку загнал, В рукавицу – злые муки...’²⁹⁴.

²⁹³ Туюнен С. В. Помощники заговаривающего // Фольклористика Карелии / Отв. ред. Э. С. Киуру. Петрозаводск, 1998. С. 60–63.

²⁹⁴ Карельский фольклор: хрестоматия / Изд. подготовила Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1992. С. 84, 90.

Финский фольклорист М. Кууси пишет, что в Финляндии в эпоху средневековья «заклинатель и священник начали борьбу», которая закончилась поражением обоих. В Карелии, в силу специфических условий распространения христианства, особой борьбы, очевидно, не происходило, вернее, она была менее острой. Священник и заклинатель (христианство и язычество) сравнительно мирно уживались. Здесь дохристианские верования с их древними заклинаниями были ближе, понятнее, нужнее, чем церковная служба на непонятном языке, поэтому в Карелии эти древние поэтические формы сравнительно долго сохранялись. Исследователи отмечают, что ни у одного народа нет таких «богатых и красивых» заклинаний, как в Карелии и Финляндии²⁹⁵.

От других поэтических жанров заговоры отличаются тем, что они долгое время сохраняли связь с магической практикой. Они построены на вере в силу слова: «*Ihmisen šanua pitäy uškuo, vanhua šanua*» – ‘В слово человека надо верить, в старое слово’. По народным представлениям, произнесение заговоров не является самостоятельным актом, а только как бы дополнением к совершаемым действиям, при которых больного парят в бане, «кусают» железо, нанесшее рану, завязывают три раза по девять узлов от вывиха, очерчивают окружности, бросают железные предметы (топор, косу) через голову и т. д. Заговоры являются частью обрядовых действий. Рассказывая об этих действиях, способах лечения, информанты добавляют: «*Oli siinä vielä i šanoja*» – ‘Были там еще и слова’. Произнесение лечебного заговора совместно с магическими действиями называется *ottua vihat* – ‘снять враждебную силу, зло, воспаление’. Снимают *vihat* от железа, дерева, земли, воды, огня, от укуса змеи. Исходя из этого, заговоры имеют народные названия: *rauvan-*, *puun-*, *tiaan-*, *vejen-*, *tulen-*, *mavonvihat* – ‘железа, дерева, земли, воды, огня, змеи зло’²⁹⁶.

Многие фольклорные жанры требовали аудитории, были рассчитаны на слушателей, заговоры же в этом ряду составляют исключение. Их произносили

²⁹⁵ Песенный фольклор кестеньгских карел / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989. С. 41–42.

²⁹⁶ Лавонен Н. А. Заговоры в кругу религиозно-магических представлений карел (по материалам экспедиций 1975–1984 гг.) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 133.

без свидетелей. Знание заговоров держалось в тайне. Они передавались только после того, как знахарка переставала заниматься лечебно-магической деятельностью. О заговорах старались не говорить, о них особо не принято было рассказывать. В одних случаях их произносили тихо: «*Luvettih hil'l'akkaisin, jott' ei ni ken kuulis*» – ‘Произносили тихо, чтобы никто не слышал’; «*Ei niitä luvettu kaikkien kuullešša niitä šanoja*» – ‘Их произносили не при всех, эти слова’; «*Ei še pie huutua, šitä mitä tiijät*» – ‘Не надо кричать, о чем знаешь’. И в тоже время заговоры нужно было произносить четко, уверенно, быстро, громко, с напряжением. При этом скрипели зубами (поэтому у знахаря обязательно должны были быть крепкие и здоровые зубы), «кусали» железный предмет, который нанес рану и т. д.²⁹⁷ Чтобы они были более действенны, их полагалось произносить трижды²⁹⁸. У информантов разное отношение к заговорам: у одних – серьезное и трепетное, а некоторые ругали себя за то, что «отдавали» заговоры. Связано это с древними поверьями, что заговоры после «отдачи» теряют свою силу у прежнего владельца. Традиция требовала, чтобы заговоры произносились дословно, «слово в слово», иначе они не будут действенны²⁹⁹.

Необходимо отметить, что вербальная магия тверских карельских староверов по сравнению с православными карелами Карелии отличается утратой значительного числа собственно карельских текстов и заменой их русскими, общим сокращением корпуса текстов и их характера: упрощением, отсутствием развернутых текстов, преобладанием коротких заговоров, а в некоторых случаях заменой на приговорки; использованием одних и тех же текстов для лечения разных болезней. Вся словесная часть знаний обнаруживает явное русское влияние и сильную вербальную проницаемость карельских текстов, которые при этом настолько глубоки, что русская терминология болезней и русские заговорные тексты зачастую воспринимаются как собственно карельские. При этом некоторые образы, мотивы и сюжеты заговоров остаются достаточно устойчивы, обстоятельны и в

²⁹⁷ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki, 1971. S. 239.

²⁹⁸ Virtaranta P. Tverinkarjalasta parannustietoa // Kansa parantaa / Toim. P. Laaksonen, U. Piela. Helsinki, 1983. S. 234.

²⁹⁹ Песенный фольклор кестеньгских карел / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989. С. 43–44.

целом соответствуют традиционной карельской картине сверхъестественного мира, в котором ведущее место отводится силам леса³⁰⁰.

§ 2.2.3. Профилактическая магия как комплекс для предотвращения заболеваний в карельской народной медицине

В карельской народной медицине выделялись не только лечебные, но и профилактические обычаи и обряды, важное место в которых занимали предметы-обереги.

Одним из основных компонентов религиозно-магической обрядности считались средства, которым приписывались те или иные сверхъестественные свойства и при помощи которых исполнители обрядов надеялись достичь своих целей. Их арсенал еще в начале XX в. был достаточно разнообразен. В него входило, например, использование различных предметов неживой природы (камни, металлы, вода, огонь), предметов растительного и животного происхождения (веник, лен, хлеб, зерна, мех, зубы, когти), орудий труда и предметов быта (коса, топор, нож, ножницы). Сюда же относились атрибуты христианского культа (иконы, кресты, ладан и т. д.)³⁰¹.

Для защиты от негативного влияния духов-хозяев природных стихий и разных несчастий или невезения народы Карелии использовали обереги и амулеты. Например, зубы и когти медведя использовались часто не столько для лечения, сколько, гораздо больше, – для магического оберегания: от порчи (например, на свадьбах) или от других плохих болезней. Важное место в магической профилактике занимали щучьи зубы: «*ka hauvvin hambahat pandii... Ka veräjän piäl'l'ä....ei mi bol'ezn'ie pahoi tul'iz...*» – ‘...да, щучьи зубы клали... Над дверью...чтобы не пришли плохие болезни...’ (д. Лазарево)³⁰². Карелы применяли обереги от сглаза

³⁰⁰ Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003. С. 307.

³⁰¹ Сурхаско Ю. Ю. Проявления двоеверия в традиционной семейной обрядности карел // Православие в Карелии: история и современность: Атеистические очерки. Петрозаводск, 1987. С. 58.

³⁰² Гришина И. Е., Логинов К. К., Орфинский В. П. Крестьянская усадьба. Сегозерцы говорят // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 175.

и болезней, начиная с самого рождения ребенка. Главными повседневными оберегами карелов, как и вепсов и русских Карелии, в XIX – начале XX вв. был нательный крест или пояс. Крест на младенца надевался часто еще при родах, чтобы в случае смертельного исхода ребенок не умер некрещеным³⁰³.

Карелы Олонецкого и Петрозаводского у. вешали на шею младенца (вместе с медным крестиком) зашитую в холщевую тряпочку ртуть (по мнению карелов, ртуть защищала от кожных высыпаний), цветки ржи (они привлекали к ребенку симпатию окружающих), медвежий коготь (он делал ребенка смелым и бойким), кусочек кожи с вырезанной на нем пятиконечной звездой (это считалось защитой от воздействия «*раһа*» ‘нечистого, злого’) и, наконец, высушенную мошонку кастрированного кота (это предохраняло ребенка от грыжи)³⁰⁴. Кроме этого, и местом расположения оберегов была колыбель. Южные карелы в люльку, под изголовье ребенка, клали комель от того веника, которым парилась мать новорожденного в первые три дня после родов, с привязанным к нему конопляной ниткой кусочком обожженного камня. В некоторых семьях над ребенком еще привешивали медвежий коготь. Все это оберегало от сглаза. Если малыша забирали из колыбели, то в нее клали сапог матери или веник, иначе считали, что *раһа* устроит какую-нибудь пакость: сам в люльку заберется или подложит в нее свое паршивое дитя³⁰⁵.

Чтобы сглаз или другое зло не вошли в дом, где есть новорожденный, в д. Сяргилахта над входом в сени устанавливали щипцы для углей. Этот способ основывался на вере в очищающую магию огня и связанных с ним предметов. Оберегательной силой обладали и другие атрибуты, имеющие отношения к печи (кочерга, камни), а также продукты горения и сгорания (зола, дым, угли). Например, отправляясь на кладбище, близкие родственники покойного для защиты от *kalma* ‘болезнь, которая по поверью приставала от кладбища или покойника’ в качестве индивидуальных обере-

³⁰³ Логинов К. К. Колдовство, культы, обереги на территории Карелии // Сайт Воттоваара: Портал Людей Знания. URL: <http://www.vottovaara.ru/koldovstvo-kulti-oberegi-na-territorii-karelii.html>

³⁰⁴ Nämäläinen-Forslund P. Maammon marjat. Entisaikain lasten elämää. Porvoo; Helsinki; Juva, 1987. S. 66.

³⁰⁵ Лесков Н. Отчет о поездке к Олонецким Корелам летом 1893 г. // Живая старина. СПб., 1894. Вып. 1. С. 27.

гов завязывали в концы головного или шейного платка мелкие камешки, найденные в печи. Вернувшись домой, эти камешки бросали под печь³⁰⁶. Кроме того, чтобы избежать сглаза, после захода солнца в дом не заносили воду с улицы³⁰⁷.

Карелы Петрозаводского у. считали, что камень-дресвяник («версливый камень»), который от жары рассыпался в песок, имеет большое значение в оберегательной магии, спасает человека от злых духов, сглаза и т. д.³⁰⁸; ср. у вепсов – *čurkivi* ‘камень-дресвяник’³⁰⁹.

Таким образом, магические обряды основывались на верованиях людей в сверхъестественное воздействие на заболевшего словом, предметами, движениями. Чаще всего магические обряды совершали знахари, т. к. именно в их силу слова и действия карелы верили сильнее всего. Профилактическая магия использовалась повсеместно среди карелов практически в каждой семье.

§ 2.3. Рациональные средства и способы лечения в народной медицине карелов

Просветительное действие народной школы оказало немалое влияние, если не на уничтожение иррациональных представлений о здоровье и болезнях у молодого поколения, то, по крайней мере, поселило сомнение в них. С другой стороны, деревенский житель был вынужден прибегать к суеверным обычаям. Например, заболел человек, ему нужна помощь немедленно – к кому он обращался? При всем своем желании к доктору или фельдшеру он не имел возможности обратиться, т. к. вблизи большинства поселений их не было. Поэтому поневоле приходилось людям пользоваться народными средствами лечения болезней (лечебные травы, знахари, массажи и т. д.)³¹⁰

³⁰⁶ Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел: Конец XIX – начало XX в. Л., 1985. С. 83.

³⁰⁷ Логинов К. К. Родильная обрядность и способы лечения младенческих недугов // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 252.

³⁰⁸ Суеверия и предрассудки в простом народе // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 74. С. 657.

³⁰⁹ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 103.

³¹⁰ Присловья, приметы, обычаи, заговоры и верования простаго народа въ Вытегорском уезде (Воспоминания изъ поездки на родину) // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 38. С. 399.

§ 2.3.1. Карельская народная фармакология и ее локальные отличия

Использование растений для лечения болезней и укрепления здоровья началось в глубокой древности. Сведения о целебных свойствах растений передавались из поколения в поколение. О том, как использовались эти растения людьми, свидетельствуют упоминания в древних мифах, легендах, сказаниях. С появлением письменности сведения о полезных растениях стали фиксироваться, что значительно расширило их практическое использование³¹¹. Карелы в конце XIX – начале XX в. широко использовали свои традиционные способы врачевания и довольно большой арсенал самых разнообразных лекарств животного, минерального и растительного происхождения.

Фитотерапия занимала одно из ведущих мест среди рациональных способов народной медицины карелов. Карелы обладали накопленным, проверенным тысячелетиями опытом сбора, заготовки и употребления лечебных трав. Арсенал лекарственных трав зависел от местной флоры, условий жизни населения и видов болезней. Познание людьми целительных свойств растений давало возможность использовать их в качестве лекарств для лечения различных заболеваний.

В растительном покрове Карелии представлено около 1 200 видов цветковых и сосудистых споровых, 402 разновидности мхов, множество лишайников и водорослей. Из них порядка 350 видов имеют лекарственное значение³¹². Согласно собранному нами материалу, можно констатировать то, что карелы использовали в лечебных и профилактических целях порядка 70 видов лекарственных трав. Приоритет среди всех групп карелов принадлежал березе. Ведущая роль березы обнаруживается и в медицинской традиции вепсов. В мифологическом сознании вепсов береза воспринималась как дерево, обладающее максимальной жизненной силой, спасающее человека от бед и дающее исцеление и здоровье. Шимозерские вепсы в случае недуга обращались именно к березе и просили ее

³¹¹ Склярский Л. Я., Губанов И. А. Лекарственные растения в быту. М., 1968. С. 7.

³¹² Карельская АССР: Природа, хозяйство / Карел. филиал АН СССР. Петрозаводск, 1986. С. 60.

забрать боль и корнями ее спрятать. Данные представления отчасти объясняются самым ранним распусканием ее листьев относительно других деревьев, а также реальными лечебными свойствами³¹³.

Заготовка лекарственных растений у карелов была сакрализована. Считалось, что были такие периоды в году, когда некоторые травы обладали особой наивысшей целительной силой. У карелов таким периодом считались летние святки кар. *viändöi/veäntöi/veändöi/viändei* ‘летние святки’ – с Иванова дня (24.06/7.07) до Петрова дня (29.06/12.07). Во время летних святок природные объекты и предметы приобретали магические свойства, используя которые человек мог, например, успешно лечить болезни или в целом повлиять на ход жизни. В старину, по словам стариков, время *viändöi* считалось святым, а потому наполненным различными запретами: нельзя было мыть полы, замачивать веники, стирать белье, мазать дегтем сапоги и ходить в баню. Затыкали даже колокола, привязываемые на шею коровам: «...зато и хлеба давал Бог людям, когда все исполнялось точно...»³¹⁴. Общеизвестно, что именно период летних святок – время наивысшего расцвета природы и интенсивного сбора целебных трав, использующихся в течение всего последующего года³¹⁵. Кроме того, по карельским поверьям, в этот период можно успешно бороться со всякими видами нечисти, например, кровососущими насекомыми. Карелы Калевальского района (д. Войница) считали достаточным разбросать вдоль стен избы листья березы, и все кровососущие исчезали. Ребольские карелы насекомых в домах уничтожали с помощью вереска или крапивы. Собранные после *viändöi* травы уже не имели целебного свойства.

Каждая карельская семья запасала на зиму лекарственные травы. Заготовкой обычно занимались пожилые женщины, нередко привлекающий к этому занятию наиболее наблюдательных и сообразительных детей. Им показывали, где лекарственные растения растут, когда и как их необходимо собирать. Н. Лескову во

³¹³ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 182.

³¹⁴ Лесков Н. Viändöi // Живая старина. СПб., 1894. Вып. 3–4. С. 514.

³¹⁵ Конкка А. П. Viändöi – время летнего «поворота» в календарной обрядности карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 40.

время путешествий по Карелии удалось записать названия некоторых трав, которые обязательно собирали в период летних святок, и их применение в лечебных целях:

- *урчуйой хейнэ* – ‘вероника лекарственная’, букв. ‘урочная трава’: употребляется при боли в желудке (траву заваривают в кипятке и пьют натошак). Используют также для излечения от призора или *урока*, что и отразилось в названии, имеющем русское происхождение: траву бросают на огонь и дымом окуриваются³¹⁶. В севернорусских деревнях эта трава носила название *урочная трава*, т. е. ею лечили от уроков (*урок* – вид сглаза, нервного заболевания). Первоначальное значение слова *урок* – ‘болезнь, нанесенная словом’³¹⁷;

- *равдь бобайнэ* – ‘тысячелистник’, букв. ‘железная игрушечка’. Эту траву используют как кровоостанавливающее средство при порезах: прикладывают к ране, и кровь моментально останавливается;

- *куувзэнь лехти* – ‘еловая хвоя’, букв. ‘листок ели’, *койран-ватюой* – ‘щавель’: заваривают в кипятке, мажут кожу при чесотке;

- *айлазь-хейнэ* – ‘герань’, букв. ‘колотья-трава’: пьют от колотья;

- *клевер*: используют от призора;

- *туулэн кобру* – ‘ведьмина метла’, букв. ‘горсть ветра’.

Собранные травы сушили втайне от остальных членов семьи, а хранили в темном укромном месте. Перед употреблением лекарственные травы варили в вине, молоке, меде или воде, а иногда просто выпаривали. Принимали, как правило, натошак. Иногда высушенную траву прикладывали к больному месту, завязывали тряпкой и так ходили. Некоторые травы привязывали к нательному кресту, подвешивали в доме или во дворе, зашивали в подушку больного³¹⁸.

С целью придания собранным лекарственным травам более сильного положительного воздействия людиковские карелы (д. Ялгуба) произносили заговор,

³¹⁶ Лесков Н. Виандюйды // Живая старина. СПб., 1894. Вып. 3–4. С. 515.

³¹⁷ Мазалова Н. Е. (Грысык) Народная медицина в современной севернорусской деревне // Этнографическая наука и этнокультурные процессы. Способы взаимодействия. СПб., 1993. С. 105.

³¹⁸ Самолечение простого народа по травникам // Олонецкие губернские ведомости. 1884. № 41. С. 395.

обращаясь к святой богородице: «...*Люга юмалдемя рухнас, тя силеиже геинь*» – ‘...Святая госпожа богородица, здесь тебе трава’³¹⁹.

На всей территории проживания карелов лекарственные травы использовали в следующих видах (см. Приложение 3, таблица 1):

Отвары. Карелы для изготовления отваров выпаривали в чугунках в печи свежую или высушенную траву. По сведениям информантов Пряжинского р-на, отвары были самым распространенным способом употребления лечебных трав: от головной боли пили отвар из цветков душиманки (д. Метчелица); от кашля – выпаренные чашелистики или цветки картошки (д. Ведлозеро), цветки липы (д. Метчелица). Употребление отвара из шиповника, ромашки или березового капа, который пили вместо чая, было распространено на всей территории проживания карелов³²⁰. Такой рецепт известен многим народам³²¹. В д. Войница от костных наростов на суставах рук или ног (кар. *elitta*) пытались избавиться с помощью обливания или натирания больных мест отваром из березовых листьев. Кроме этого, привязывали к суставам выпаренные березовые листья³²².

Компрессы. В качестве компрессов карелы использовали свежие листья или кашицу из растений. Например, для снятия головной боли считалось эффективным привязать к голове листья лопуха, хрена или капусты. Высушенными листьями мать-и-мачехи, вымоченными в теплой воде, лечили фурункулы, а свежие листья прикладывали к ранам³²³.

Пластыри. Повсеместно карелы для лечения фурункулов или нарывов варили пластырь. Для изготовления пластыря смешивали живицу, воск, постное масло и полученную массу кипятили. Полученной тягучей смесью смазывали фурункул (нарыв) и забинтовывали³²⁴.

³¹⁹ Баранцев А. П. Людииковские заговоры начала XVII века: тексты, чтение // Советское финно-угроведение. 1987. № 4. С. 292–293.

³²⁰ Полевой материал автора – 13, 14.

³²¹ Никонова Л. И. Традиционная медицина народов Севера и Камчатки в межкультурном пространстве России: к актуализации изучения народной культуры // Рябининские чтения. Петрозаводск, 2007. С. 249.

³²² Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan taroja ja uskomuksia. Porvoo, 1924. S. 52.

³²³ Полевой материал автора – 15.

³²⁴ Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. О карельской народной медицине: рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 107;

Мази. Мазь делали из мелко нарезанных или толченых листьев, ягод или корней растений, в которые добавляли мед или масло.

Настойки. Более позднее средство лечения, связанное с развитием торговли и покупательной возможностью карельского крестьянства приобретать спиртное за деньги. Согласно сведениям информантов и собранному из источников материалу, настойки готовили настаиванием водки/вина на различных травах, корнях (калгана или подорожника), плодах (листьях или почках) березы около 7–12 суток. Весной собирали ароматные липкие почки березы, до начала их того распускания, настаивали их в течение одного или двух месяцев на вине. Цветущий калган собирали на пожнях во время сенокосных работ, выкапывали растение с корнем, мыли, а затем засушивали и хранили в темном, сухом месте. Лечение настойкой порезов, фурункулов, болей в суставах, кашля, расстройства желудка было характерно для всех групп карелов.

Полезными считались чай, приготовленные из лечебных трав. Этот способ фитотерапии распространен и в настоящее время. Тихвинские карелы Бокситогорского р-на Ленинградской обл. заваривали чай из осины от закупорки вен³²⁵. Среди держанских карелов (д. Александровка, Васильевское, Матюгино, Новое, Семеновское) ценился чай, приготовленный из побегов травы зверобой. Такой чай считался лекарством от многих внутренних болезней и нервных расстройств³²⁶.

Для исцеления карелы использовали травы и в свежем виде. Так, после укуса змеи ливвиковские (д. Сямозеро) и людиковские карелы (д. Сюрьга) посыпали рану черемухой или табаком³²⁷. Тихвинские карелы (д. Коргорка) натирали табаком опухшее после укуса место³²⁸. По сведениям информантов Пряжинского р-на

Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягоев. Л., 1980. С. 302–303; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, I. 1968. S. 27.

³²⁵ Юрчак О. Баня в быту и обрядах тихвинских карел (по материалам полевых исследований 2002 г.) // Сайт Олонек.ru: олонекский городской портал URL: www.olonec.ru/banya.php.

³²⁶ Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 226.

³²⁷ ФА ИЯЛИ 3131/10; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, III. 1983. S. 285.

³²⁸ Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягоев. Л., 1980. С. 328.

карелы для уменьшения зубной опухоли завязывали на шею кору дуба (д. Корби-наволоок, Лахта)³²⁹.

Большое количество витаминов содержалось в ягодах. Карелы употребляли их в свежем виде, а также выдавливали из них сок: головную боль и щитовидную железу лечили соком из свежих ягод черной смородины (д. Ведлозеро, Эссойла) или калины (д. Эссойла); от кашля употребляли сок клюквы (д. Ведлозеро), березы, клена, брусники (д. Метчелица) или подорожника (д. Эссойла)³³⁰. Сок собирали и из деревьев. Например, карелы Олонецкого района (с. Видлица) весной собирали березовый сок, которым умывались для выведения веснушек³³¹.

Таким образом, фитотерапия была распространена повсеместно среди карелов. Можно отметить следующие локальные особенности. Использование листьев капусты в качестве компрессов (например, при мастите) встречалось только у ливвиковских карелов. Это связано, в первую очередь, с климатом. На севере Карелии капуста не успевала дозреть. У олонецких карелов это была поздняя культура. Конопля выращивалась на всей территории проживания северных и южных карелов, но в качестве лекарственного средства в виде отжатого масла (смазывание обморожений, ожогов), обжаренных семян (посыпание ожогов), мази с добавлением соли и сливок (обработка ожогов) была знакома только северным карелам. Только у тверских карелов использовались в лечебных целях конский щавель, ячмень, мухомор и можжевельник. Возможно это было заимствовано от соседнего русского населения.

§ 2.3.2. Средства животного происхождения в карельских лечебных обрядах: ареальная характеристика

Известно, что окружающая нас естественно-географическая среда – это постоянный фактор материальной жизни человека и необходимое условие для раз-

³²⁹ Полевой материал автора – 26.

³³⁰ Полевой материал автора – 16, 41.

³³¹ Mihailova M. Luondon avuttajat // Oma mua. 1996. № 23 (285) S. 4.

вития полного комплекса традиционных народных знаний. Значительное место в арсенале лечебных средств у карелов принадлежит средствам животного происхождения.

Применение лекарственных средств, изготовленных из птиц, животных, насекомых, змей, червей или продуктов их жизнедеятельности, можно объяснить двояко. Очевидно, что эти средства оказывали широкий реальный спектр лечебного воздействия на весь организм человека. Но есть и другое объяснение, имеющее прямое отношение к мифологическим представлениям о болезнях и их этиологии: заболевание олицетворялось в виде животного. Соответственно и способы лечения, которые направлялись на реальное или ритуальное уничтожение недуга³³².

Использование в лечебных обрядах средств животного происхождения в целом ряде случаев основано на принципе «подобное лечится подобным», когда для изгнания болезни используются реальные представители животного мира или средства животного происхождения. Архаическая концепция тождества человека и животного подтверждается идентичными представлениями о частях животного и человеческого организмов в лечебной практике. Н. Е. Мазалова отмечает: «Некоторые части тела человека и животных наделяют магической силой, им приписывают лечебные свойства»³³³.

Развитие карельской народной медицины происходило с учетом особенностей как растительного, так и животного мира традиционных мест проживания карелов. Мир фауны Карелии составлял богатый резерв лекарственных средств и продуктов животного происхождения, которые занимали важное место в народной медицине. На территории Карелии обитает приблизительно 61 вид млекопитающих, 261 вид птиц и 65 видов рыб³³⁴. Карелы для избавления от недугов ис-

---

³³² Семенцов М. В. Использование средств и продуктов животного происхождения в народной медицине кубанских казаков // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2002 год. Краснодар, 2003. С. 75.

³³³ Мазалова Н. Е. (Грысык) Народная медицина в современной севернорусской деревне // Этнографическая наука и этнокультурные процессы. Способы взаимодействия (сб. статей). СПб., 1993. С. 106.

³³⁴ Карельская АССР: Природа, хозяйство / Карел. филиал АН СССР. Петрозаводск, 1986. С. 74–78.

пользовали мясо, кровь, шерсть, молоко, желудок, рога, слюну, кожу, половые железы, жир, кости и помет различных животных³³⁵.

Наиболее используемым в народной лечебной практике карелов был жир птиц, млекопитающих и рыб. Так, например, ревматизм карелы лечили рыбьим жиром, натирая и прогревая больные суставы. Во время потрошения рыбы (самыми подходящими для этого считались судак, плотва или лещ) из нее вынимали рыбий жир (белые кусочки), растапливали в печи или на медленном огне и переливали в банку. Затем этот жир втирали в суставы³³⁶. У тверских карелов лучшим средством от трахомы считали жир налима. Для его получения вылавливали налима, подвешивали на улице на стену. На солнце рыба начинала вялиться, с нее стекал жир в заранее подложенную посудину. При необходимости этот жир закапывали в глаза³³⁷.

Среди жира животных самым эффективным считался медвежий. В Северной Карелии медвежьим жиром лечили нарывы. Наиболее полезным был жир, который брали из медвежьего сердца. Также медвежьим жиром смазывали ссадины, грыжу, ожоги и др. Карелы д. Ругозеро использовали медвежий жир для изготовления мази: брали 80–90 ягод волчьего лыка, толкли в посудине на трех порогах, добавляли вино (вино можно было заменить грудным молоком) и жир медведя. Затем переливали в бутылку, настаивали месяц и смазывали пуп ребенка для лечения грыжи³³⁸. Помимо вышеупомянутых животных, карелы использовали в лечебных целях коровий и барсучий жир, как и вепсы. У вепсов барсук был одним из самых важных промысловых зверей, издавна применяемых в медицинских целях³³⁹.

В народном врачевании карелов известны также жиры диких и домашних птиц (см. Приложение 3, таблица 3). Их применение имеет региональные особенности, сложившиеся под влиянием определенных климатических условий, осо-

³³⁵ Карелы Карельской АССР / Ин-т яз., лит. и истории Карел. филиала АН СССР. Петрозаводск, 1983. С. 146.

³³⁶ Полевой материал автора – 19.

³³⁷ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki, 1961. S. 206.

³³⁸ Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Porvoo; Helsinki, 1958. S. 154.

³³⁹ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 299.

бенностей хозяйственных занятий и промыслов разных групп населения. Так, жир от убитых севернокарельскими и олонецкими охотниками гусей, использовался при обморожениях, частых на территории Карелии. Собственно-карелы мазали обморожения жиром черной утки (например, д. Костомукша)³⁴⁰.

На Тверских землях климатические условия позволяли заниматься птицеводством. Тверские карелы использовали жир домашних гусей при ожогах. Развитие куроводства позволяло использовать не только яйца, как в южной Карелии, но и жир. Куриный жир тверские карелы тоже использовали для смазки ожогов.

У ливвиков применялась собачья шерсть. Ее привязывали к больному месту или ввязывали, например, в носки или варежки. Среди беломорских карелов было обнаружено широкое использование в лечении овечьей шерсти черного цвета: ее клали в ухо при отите, обвязывали при опрелости между пальцами ног, прикладывали к грыже. Жители д. Сало при начальных симптомах *sugahat* 'щетки' натирали младенца намыленной шерстью.

На воспаленные места или раны ливвики прикладывали заячью шкуру или кожу бобра. Тихвинские карелы шкуру зайца привязывали при нарывах и фурункулах (см. Приложение 3, таблица 3). Считали, что кожа животных обладает целительной силой. Карелы д. Аконлахти обвязывали собачий укус змеиной кожей, т. к. считали именно змею виновником появившихся после укуса ран и воспалений.

Карелы готовили мази из шершней и дождевых червей, которые затем втирали в больные места. Изготовление таких мазей было известно у всех групп карелов. Южные карелы готовили мазь из дождевых червей: собирали их в бутылку, затем держали ее в темном месте, пока содержимое не становилось единой массой, которой смазывали больное место³⁴¹. В севернокарельской традиции считалось эффективным смазывание больных мест мазью, которую изготавливали из шершней. Для этого живых шершней складывали в бутылку, засыпали сверху со-

³⁴⁰ Virtaranta P. Vienan kyliä kiertämässä. Porvoo; Helsinki, 1978. S. 248.

³⁴¹ Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. О карельской народной медицине: рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 108.

лю, спустя несколько дней тщательно перемешивали, и мазь была готова (д. Аконлахти)³⁴².

По сведениям южнокарельских информантов (д. Корбинаволоок, Лахта), как и у вепсов³⁴³, суставы лечили муравьиной кислотой. В бутылку наливали сладкий густой сироп и ставили в муравейник. Когда в бутылку набиралось много муравьев, ее закрывали, заворачивали в тесто и запекали в печи. Затем полученной массой мазали больные суставы³⁴⁴. Тихвинские карелы деревни Коргорка натирали суставы муравьиным маслом (кар. тихвинский говор *kudžahikon voi* – букв. ‘муравьиное масло’), изготовленным следующим способом: собранных в мешок муравьев, парили в печи, затем тисками отжимали, полученную жидкость переливали в бутылку³⁴⁵.

Карелы наделяли мочу и помет животных целебными свойствами. Уже с давних пор карелы-ливвики считали заячью мочу лучшим средством для лечения многих заболеваний. Зимой собирали заячью мочу вместе со снегом (в тех местах, где помочился заяц, снег становился красным) или, подстрелив зайца, вырезали у него мочевого пузыря. С помощью заячьей мочи карелы лечили отит (закапывание), нагноение глаз (промывание), нарывы (примочки) и др. Подобные способы лечения прослеживаются у финнов³⁴⁶. Воспаленные места смазывали коровьим пометом или лошадиным навозом, а обожженные лечили примочками с бараньим пометом. Особенно распространенными эти традиции были у беломорских карелов.

По мнению карелов, лечебными свойствами обладала кровь животных и птиц. Карелы д. Мярьяваара Калевальского р-на для лечения вздувшегося пупка использовали собачью кровь. У собаки надрезали ухо и кровью смазывали боль-

³⁴² Virtaranta P. Vienen kansa muistele. Porvoo; Helsinki, 1958. S. 149.

³⁴³ Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006. С. 234.

³⁴⁴ Полевой материал автора – 20.

³⁴⁵ Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягоев. Л., 1980. С. 321.

³⁴⁶ Полевой материал автора – 20; Ruotsalainen A. Pikkulasten «harjakset» // Kalevalaseuran vuosikirja. № 31. Helsinki, 1951. S. 182.

ной пупок ежедневно после захода солнца. Отмечалось быстрое выздоровление³⁴⁷. Повсеместно среди карелов Карелии, Тверской и Ленинградской обл. использовали кровь сороки для лечения обморожений.

Лечебными свойствами, по мнению карелов, обладали внутренности рыб и животных. Если во время золотухи раны не заживали и становились язвами, то к ним привязывали внутренности животных³⁴⁸. Тихвинские карелы из д. Коргорка использовали желудок забитой коровы: мыли его, сушили и хранили на печи. Для вытягивания гноя из нарывов было необходимо отрезать кусочек желудка, вымочить его в горячей воде и приложить к воспалению. Таким же способом заготавливали прямую кишки. При появлении воспаления отрезали кусочек, выпаривали в кипятке, прикладывали к нарыву, сверху клали заячью шкурку и перевязывали красной фланелью. Молóками окуня лечили цыпки (д. Суднозеро)³⁴⁹. Для усиления целебного свойства используемых средств перед началом лечебного обряда на них нашептывали заговор или молитву.

Хорошим лечебным средством у всех народов считались молоко, сметана, простокваша, масло. К рациональным способам лечения огневицы у тверских карелов можно отнести мазание болячек, появившихся на губах, сывороткой и сметаной³⁵⁰. Собрав полевой материал, мы пришли к выводу, что эти продукты животного происхождения широко применимы и в настоящее время. Их использовали и продолжают использовать при лечении ожогов, нарывов и т. д.

Значительное место в народной медицине карелов занимали человечья моча, слюна, сера из ушей и т. д. Например, тихвинские карелы Бокситогорского р-на Ленинградской обл. змеиный укус обмывали той же водой, которой женщина смывала менструальную кровь³⁵¹ (см. Приложение 3, таблица 5).

³⁴⁷ Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994. S. 152.

³⁴⁸ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 20.

³⁴⁹ Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Helsinki, 1958. S. 147.

³⁵⁰ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 307.

³⁵¹ Карелы Карельской АССР / Ин-т яз., лит. и истории Карел. филиала АН СССР. Петрозаводск, 1983. С. 146; Юрчак О. Бани в быту и обрядах тихвинских карел (по материалам полевых исследований 2002 г.) // Сайт Олонец.ru: олонецкий городской портал URL: www.olonec.ru/banya.php.

Итак, среди средств животного происхождения карелами чаще всего использовались жир, сало, помет, шерсть/кожа. Для этого подходили как дикие, так и домашние животные. В большей мере карелы использовали средства, полученные от диких животных, рыб, земноводных и некоторых насекомых. Это было связано с тем, что охота и рыбная ловля были самыми древними промыслами карелов и добытые от диких животных и птиц средства животного происхождения стали раньше апробироваться в качестве лечебных средств, чем от домашних. Животноводство и птицеводство развивались очень медленно. Локальные особенности более выражены в использовании средств животного происхождения, полученные от домашних животных и птиц. Так, например, свиной пяточок и подстилку использовали в лечебных целях только ливвиковские карелы, т. к. свиноводство было распространено на территории проживания южных и средних карелов. Черная шерсть овцы, а также овечий и бараний помет считались эффективным лечебным средством только у беломорских карелов. Возможно, это связано с тем, что в районах проживания собственно-карелов овцу и барана более ценили, считая лучшим средством жертвоприношения в праздники святых³⁵². Только в традиции тверских карелов использовали жир налима при некоторых глазных болезнях, а жука-плавунца пускали на пупок для прокусывания грыжи. К одному из отличий народной медицины тихвинских карелов относится использование высушенного или выпаренного желудка или прямой кишки коровы при кожных заболеваниях. Выделяемые человеком пот, слюна и моча также широко использовались в лечебных обрядах всех групп карелов.

§ 2.3.3. Особенности использования минеральных средств в карельском врачевании

Из минеральных средств в лечебных целях карелами чаще всего использовались соль, глина, земля, камень.

---

³⁵² подробнее Конкка А. П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел (материалы к описанию обряда) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С.1–12.

Соль служила оберегом от болезней. Завернутую в тряпочку соль карелы вешали на шею от зубной боли. Жители д. Салми три года подряд в Великий четверг клали соль в зольную дверцу печи и вечером того же дня вынимали оттуда. Каждый год это проделывают с той же самой солью. Далее ею излечивали любые болезни у людей³⁵³.

Часто целительную силу соли придавали с помощью следующего магического ритуала, который проводили до восхода солнца. Во время ритуала колдун обращался к Богу, затем произносил в печную трубу определенные слова, предназначенные чертям, так, чтобы никто не слышал. После этого он брал столовым ножом немного золы и смешивал с заговоренной солью, плевал в сторону, повторяя все это три раза. Эту смесь трижды частями клали в рот больному, снова вели его в баню, где опять трижды давали ему соль. После каждого раза больной и колдун плевали. Потом больного ставили под открытой трубой, окатывали холодной водой. Больной уходил домой, не оглядываясь. В случае выздоровления колдун вешал этому человеку узелок с солью на шею. Если больной не выздоровел, то его пробовал вылечить другой. При неудачном повторном лечении, больному не разрешали обращаться к врачу: «Ежели уж колдун не помог, то где уж доктору справиться»³⁵⁴.

При целом ряде заболеваний: ушибах, нарывах, опухолях, головных и зубных болях и др. карельские крестьяне или знахари использовали особые примочки и полоскания, главным компонентом которых была соль (см. Приложение 3, таблица 4). От нагноения в глазах соль закладывали в конъюнктивальные мешки. Беломорские и тверские карелы, а также карелы-ливвики избавлялись солью от сглаза и боли в зубах. Горячую соленую воду с добавлением молодых листьев деревьев использовали для избавления от болезни *elitta* ‘наросты на ножках и запястьях ребенка’: больные места прогревали (также можно было делать прогревание

³⁵³ Огнева О., Конкка А. П. Праздники и будни: карельский народный календарь. Петрозаводск, 2013. С. 158.

³⁵⁴ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 27.

в горячем песке) (д. Аконлахти)³⁵⁵. Также считалось эффективным обдавать конечности соленой водой (д. Оуланка)³⁵⁶.

Глина используется для лечения различных болезней с древнейших времен, об ее эффективности говорили еще Авиценна и Гиппократ. В ней содержится масса полезных веществ. В основном глиной в народной медицине лечат хронические заболевания суставов, мышц, позвоночника и периферической нервной системы, а также гематомы, переломы, растяжения и ушибы. Повсеместно карелы прикладывали глину к флюсу, а тверские карелы и к нарывам, так как она хорошо вытягивает жар³⁵⁷ (см. Приложение 3, таблица 4).

Земля одна из основных стихий мироздания (наряду с водой, огнем и воздухом), осмыслялась как прародительница и кормилица всего живого. Особая магическая сила приписывалась земле, взятой с перекрестка дорог, из-под печного угла своего дома, с подпола и т. д.³⁵⁸

В мифологии земля наделялась признаками мира мертвых, одним из которых был холод. Земной холод мог стать причиной болезни и средством излечения. Считалось, что человек мог заболеть, если будет долго лежать на земле³⁵⁹. В народной медицине часто использовали землю, принесенную с могилы или кладбища. Ее прикладывали к больному месту, подмешивали в воду и поили больного, натирали больные места. В Колвосозерском погосте Кемского у. знахарь соскребал налет (грязь) из банного ушата, с пола, со стен (если рана образовалась в бане) или собирал навоз со двора (если ушиб произошел во дворе) и т. д. и смазывал пораженный участок кожи³⁶⁰.

Кроме вышеупомянутых минеральных средств, карелы часто использовали в народной медицине камень и серу (смешивали с другими веществами при изготовлении мази). Приготовление мази с добавлением серы было свойственно для

³⁵⁵ Virtaranta P. *Vienan kansa muistele*. Helsinki, 1958. S. 159.

³⁵⁶ Pentikäinen J. *Marina Takalon uskonto*. Helsinki, 1971. S. 248.

³⁵⁷ История Карелии в документах и материалах (с древнейших времен до начала XX века). Петрозаводск, 2000. С. 152.

³⁵⁸ Белова О. В., Виноградова Л. Н. Земля // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. М., 1999. Т. 2. С. 317–319.

³⁵⁹ Винокурова И. Ю. *Мифология вепсов: энциклопедия*. Петрозаводск, 2015. С. 262.

³⁶⁰ Алимов Т. М. *Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу*. 1929. № 1. С. 25.

собственно-карелов (Беломорский, Калевальский р-н) и карелов-ливвиков. Использование камня было зафиксировано у карелов Карелии, Тверской обл. и Ленинградского р-на. В конце XIX – начале XX в. карелы Повенецкого у. повреждения кожи травматического характера (порезы, ушибы) лечили с помощью мела, купороса, серы и дегтя. Эти составляющие смешивали и смазывали этим составом больные места (см. Приложение 3, таблица 4).

Твердость, прочность, долговечность, неподвижность, неподверженность изменениям определяют использование камня в апетропеической, продуцирующей и лечебной магии. На камень переводили болезнь и неприятности³⁶¹. Способностью камня останавливать болезни объясняется его частое упоминание в текстах заговоров (Обращаясь в заклинаниях к камню, железу или дереву, человек говорил: «*Kivi kova, raud on teräs, otas kivut kiirehesti, kiukujat kiven perästä...*» – ‘Камень твердый, сталь, железо, больними скорей из раны, уברי-ка в печь за камнем...’³⁶² В ряде случаев актуальна семантика действий, производимых с камнем. Для того, чтобы передать его свойства человеку, на камень вставляли, на нем лежали, пили воду или обливались той водой, в которой предварительно держали/кипятили камни. Кроме того, в лечебной магии под камень «отправляли» болезни. В южных районах Карелии при лечении ран различного характера в качестве универсального лечебного средства широко применялись древние каменные орудия (сланцевые топоры, тесла и т. д.) Местное население называло их *ру-häil’l’anjyryntaltu* ‘долото грома святого Ильи’, а в северной Карелии – *ukontalтта* ‘долото Укко’. Рану лечили порошком, наскобленным с долота³⁶³.

Итак, самым распространенным минеральным средством у карелов была соль. Это можно объяснить, во-первых, ее лечебными свойствами: соль обладает противовоспалительными свойствами и прогревающими. Во-вторых, с XV в. карелы активно занимались солеварением, заимствовав этот промысел от русских.

³⁶¹ Левкиевская Е. Е., Толстая С. М. Камень // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 450–452.

³⁶² Евсеев В. Я. Карельский фольклор в историческом освещении. Л., 1968. С. 17–18.

³⁶³ Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. О карельской народной медицине: рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 114.

§ 2.3.4. Физиотерапевтические методы лечения как традиционные элементы народной медицины карелов

К физиотерапевтическим методам лечения относятся: водолечение, массаж, натирания. Главным условием при всех этих процедурах являлось применение тепла: в виде влажного пара в банях, сухого в печах, в качестве припарок или ванн³⁶⁴. Главное место среди этих народных способов принадлежало бане.

Наличие парной бани у карелов Карелии является одним из характерных этнических признаков их традиционной культуры³⁶⁵ (см. Приложение 2, Рисунок 9). Однако, появление бань, у тихвинских карелов (Бокситогорский р-н Ленинградской обл.) является поздним явлением и относится к началу – первой трети XX в. До этого бытовал обычай мыться и париться в печах³⁶⁶. С давних времен как русские, так и карелы, использовали печь для лечения болезней³⁶⁷. Раньше карелы говорили: «*Kiukua lämmittäy, kiukua syöttäy ta kiukua lääkiččöy*» – ‘Печь греет, печь кормит и печь лечит’. Как указывалось выше, целительной и оберегательной силой обладал огонь, а также другие предметы, имеющие отношение к печи: камни, зола, дым, угли, кочерга. Кроме того, еда, изготовленная в печи, также использовалась в лечебных обрядах. Лечение болезней у карелов протекало около печи и на печи. Жители д. Кестеньга рассказывали: «...*kiukualla lämpisit teräväh ja šielä kun vierettel’iyyvit, n’iin šielä parenet*» – ‘...на печке согревался быстро и там как/когда повалялся, так ты поправишься’³⁶⁸.

У многих народов банные процедуры до сих пор считаются не просто процессом мытья и очищения, а целым культом со своими правилами и традициями. Издавна в баню ходили накануне важных событий и мероприятий, ведь без нее не

³⁶⁴ Торэн М. Русская народная медицина и психотерапия. СПб, 1996. С. 48.

³⁶⁵ Никольская Р. Ф. Баня в быту карельского и финского крестьянства // Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1979. Ч. 1. С. 213.

³⁶⁶ Юрчак О. Баня в быту и обрядах тихвинских карел (по материалам полевых исследований 2002 г.) // Сайт Олонек.ru: олонекский городской портал URL: www.olonec.ru/banya.php.

³⁶⁷ Баня и печь в русской народной традиции / РАН. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 2004. С. 166. Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994. S. 65.

³⁶⁸ Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994. S. 65.

обходились ни родильные, ни свадебные, ни похоронные, ни поминальные обряды. Еще одной из самых важных функций бани является лечебная: именно здесь избавлялись от различных болезней, а также снимали сглаз и порчу и другие наваждения вредоносных сил. При посещении бани следовали самым строгим запретам:

- заходя в баню, было необходимо поздороваться с баней или ее духом-хозяином и его семьей (кар. *kylynižändy* (ливв.), *kylynisäntä* (ск.) – букв. ‘хозяин бани’; *kylynemändy* (ливв.), *kylynemäntä* (ск.) – букв. ‘хозяйка бани’): «*Terveh, löyly, terveh, lämmin!*» – ‘Здравствуй, пар, здравствуй, тепло!’;

- запрещалось ходить в баню поздним вечером или в праздничные дни (иначе заболеешь);

- в бане нельзя было ни ругаться, ни чертыхаться,;

- считалось опасным в бане стирать белье, спать;

- нельзя было использовать для питья воду, находящуюся в банном котле;

- мылись в бане не более, чем в три очереди. Карелы верили, что затем приходит время мыться семье хозяина бани. Для него и его семьи обязательно оставляли веник, холодную и горячую и воду;

- идя в баню, снимали с шеи крестик³⁶⁹ (так как крест считается символом христианства и связан с данной символикой и исполъ христианской символикой и в рассматриваемом случае использовался в качестве оберега от отрицательного воздействия мифического существа). Большинство вышеуказанных запретов почти повсеместно соблюдаются в наше время³⁷⁰.

У всех групп карелов существовал запрет на посещение бани женщинам во время менструации, так как в это время она считалась «грязной»/«нечистой». Если всё-таки ей приходилось идти в баню, то «нечистой» нельзя было подавать пар, иначе у нее «постоянно нутро будет гореть»³⁷¹.

³⁶⁹ Юрчак О. Баня в быту и обрядах тихвинских карел (по материалам полевых исследований 2002 г.) // Сайт Олонец.ru: олонецкий городской портал URL: www.olonec.ru/banya.php.

³⁷⁰ Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск, 2000. С. 352.

³⁷¹ Новак И. П. Полевые аудиозаписи А. В. Пунжиной как источник информации о повседневной жизни тверской карельской семьи конца XIX – начала XX в. // Культура повседневной карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.). Петрозаводск, 2014. С.84.

По некоторым сведениям тихвинских карелов Бокситогорского р-на Ленинградской обл., считалось грехом часто мыться мылом. Также отмечается запрет на нахождение в бане в нетрезвом виде: «в бане даже пьяными не оставались...»³⁷² Эти обычаи были связаны со стойкостью старообрядческих традиций.

За нарушение в бане норм поведения дух-хозяин выбирал разные наказания человеку: он мог плеснуть кипятком, навести угар и даже наслать болезни.

В старину карелы топили баню раз в неделю по субботам, но летом в жаркую погоду и в период «грязных» работ (сжигание подсеки, молотьба) могли топить и ежедневно³⁷³. Впрочем, частая топка бани была связана не только с ранее указанными причинами, но и с особыми случаями, например, в канун праздника или, если кто-то из членов семьи отправлялся в дальний путь или на охоту, не говоря уже о лечебных и ритуальных надобностях.

Обычно топка бани производилась березовыми дровами, но для лечебной бани у беломорских карелов были необходимы дрова, которые заготавливались из дерева, поваленного ветром или опаленного молнией. Если таких дров не оказывалось, то в топку добавляли щепки от смоляного пня. Веники для обрядовой (в данном случае, лечебной) бани, как правило, готовились специальные. Так, в пору сенокоса парились только березовым веником, оказывающим, на зудящую от укусов комаров и оводов кожу, успокаивающее и целебное воздействие³⁷⁴. Для исцеления маленьких детей от оспы, нарывов и других кожных заболеваний использовали ольховый или рябиновый веник³⁷⁵.

Веники для лечебной бани, как и лекарственные травы, карелы также заготавливали в летние святки (кар. *viändöi*). Причем ветки не рубили и не срезали, а ломали. Считалось, что веники, сделанные именно в этот период, обладают осо-

³⁷²³⁷² Юрчак О. Баня в быту и обрядах тихвинских карел (по материалам полевых исследований 2002 г.) // Сайт Олонец.ru: олонецкий городской портал URL: www.olonec.ru/banya.php.

³⁷³ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Helsinki, 1961. S. 76.

³⁷⁴ Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. Баня в семейном быту карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 72.

³⁷⁵ Paulaharju S. Karjalainen sauna. Helsinki, 1982. S. 106.

бой целебной силой³⁷⁶. У людиков известен еще один период заготовки веников – после Троицы. В это время, в июне, листья еще опадают. Качество листьев проверяли языком: если лист – гладкий и темный, значит из веток данного дерева вязали веники; если лист – шершавый и жесткий, то не вязали³⁷⁷.

Тихвинские карелы, проживающие в деревне Коргорка для избавления от детской щетинки (кар. *sugahat/sukahat*) на спине ребенка использовали березовый веник трехлетней давности, вымачивали его в горячей воде, парили им ребенка и терли спинку. После парения, использованный веник «садили» на кол и так оставляли³⁷⁸. Сямозерские карелы также парили младенца березовым веником. Распарив кожу, ребенка накрывали шерстяным или шелковым платком и вновь парили. Процедуру повторяли до полного избавления от волосков³⁷⁹.

Лечением болезней в бане занимались как обычные люди, так и знахари.

В Святозере при намерении заняться в бане врачеванием обращались к ней как к живому существу за разрешением и помощью:

Kyly kuldaine, löyly mezine

Баня золотая, пар медовый,

oŕŕeine velli, lagi toatto,

Передняя стена – брат, потолок

– отец,

lava toatto,

Полок – мать,

mud seinäd sizared,

Прочие стены – сестры,

itse minä tammi.

Сам я – дуб.

Для карелов баня на протяжении многих веков оставалась подлинной «лечебницей» со свойственными ей физиотерапевтическими методами лечения (массаж, лечение травами, парение и т. д.). И в большинстве случаев даже простые процедуры прогревания и массажа – хотя бы в виде хлестания веником – давали положительный эффект, и хворь, если не проходила полностью, то какое-то улучшение в самочувствии больного все же наступало. Если в результате просту-

³⁷⁶ Конкка А. П. Viändöi – время летнего «поворота» в календарной обрядности карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 30.

³⁷⁷ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Helsinki, 1961. S. 76.

³⁷⁸ Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягов. Л., 1980. С. 315.

³⁷⁹ Логинов К. К. Родильная обрядность и способы лечения младенческих недугов // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 249.

ды появлялась боль в боках/пояснице, то карелы делали компресс, используя распаренную в печи сенную труху, обвязав поясницу холщовым полотенцем.

По мнению карелов, банный пар обладал лечебными свойствами: им дышали при заболеваниях горла, кашле, насморке (д. Корбинаволок, Лахта, Толлорека, п. Калевала, Пряжа). Информанты Суоярвского р-на (п. Вешкелица) рассказывали об использовании бани следующим образом (прим.автора – стиль сохранен): «Когда маленьким утонул мой отец, его привели в чувство в дымной бане, повесив вверх ногами и спасли»³⁸⁰ (см. Приложение 3, таблица 2).

При лечении в бане одной из важных составляющих была вода. Вода, в самых разнообразных ее видах, находит обширное применение, главным образом, как лечебное средство при многих, уже развившихся заболеваниях (см. Приложение 3, таблица 2: Применение воды в физиотерапии).

Целебные и продуцирующие свойства воды, также как и у деревьев, многократно увеличивались в период *viändöi*. Наряду с повсеместно распространенными купаниями, воду, набранную в этот период с соблюдением правил, использовали в лечебных целях круглый год. Тоже можно сказать и относительно ивановской росы (в ночь на Иванов день). Считалось, что вода будет обладать лечебными свойствами, если при ее заборе будут учитываться следующие правила, связанные с мифологическими представлениями: ночное время, проточный вид водоема, трехразовое набирание из трех разных рек или ручьев, чтение заговора. Сначала больного парили в бане, а затем обливали этой водой. Иногда такую воду переливали в бутылку и хранили в укромном месте. Верили, что она не портилась³⁸¹. Дополнительную магическую силу воде придавали опущенные в нее монеты, серебряные изделия, крест, угли, растения и т. д. Еще одним из способов сакрализации воды было произнесение над ней заговора. Кроме того, очищение воды происходило при переливании ее через острые предметы (топор, ножи, вилки). У тверских карелов (д. Прудовая) лечебной считалась следующая вода: про-

³⁸⁰ Полевой материал автора – 17, 18, 55.

³⁸¹ Конкка А. П. *Viändöi* – время летнего «поворота» в календарной обрядности карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 42.

пущенная через петли хлева; взятая из трех колодцев, расположенных на дальнем расстоянии друг от друга («...*että toiselta kaivolta ei näy toista...*» – ‘чтобы от одного не был виден другой’); смешанная с землей, собранной из избы трех вдов. Этой водой «смывали болезнь» с заболевшего, обливая его во время приступов родимчика³⁸². Особо целительной силой, по мнению карелов, обладала святая вода, взятая из церкви, или та, которой помыли икону (см. Приложение 2, Рисунок 10).

Как у карелов, так и славян, особые чудодейственные лечебные свойства приписывались воде, стекающей с морды коня после водопоя; воде, пролитой сквозь решето; воде, которой обмывали иконы или стол. Символика воды, с одной стороны, связана с природными свойствами: прозрачностью, свежестью, способностью очищать, быстротой движения, с другой прослеживаются мифологические представления о воде как об опасном пространстве³⁸³. Представленные критерии воды, как оздоравливающей и в тоже время смертоносной стихии, прослеживаются и в карельской народной медицине с «гаданием» на «живую» и «мертвую» воду.

Для излечения некоторых заболеваний в воду подмешивали ртуть, серебро или медь. Если у женщины открывалось маточное кровотечение, то с медного пятака скребли медь, смешивали ее с водой и поили заболевшую. Также в народной медицине карелов использовались медные пуговицы, а в качестве оберега – медный крестик.

Важное место в карельской народной медицине занимала ртуть, которая в карельском языке носит названия *elävy hobju* (ливв.), *elävähobie* (Тверь), *elävähopie* (ск.), что в буквальном переводе на русский язык обозначает ‘живое серебро’. Такое же наименование использовали восточные славяне, что объяснялось признаками данного металла – подвижностью, верткостью, неуловимостью³⁸⁴. Это обуславливает ее применение в карельской народной традиции в ка-

³⁸² Virtaranta P., Virtaranta H. Kauas läksit karjalainen: matkamuistelmia tverinkarjalaisista kylistä. Söderström, 1986. S. 302.

³⁸³ Виноградова Л. Н. Вода // Славянские древности. М., 1995. Т. 1. С. 388.

³⁸⁴ Левкиевская Е. Е. Металлы // Славянские древности. М., 2004. Т. 3. С. 247.

честве оберега. Тверские карелы от порчи привязывали ртуть в пояс³⁸⁵. Олонецкие карелы мыли младенца на месте рождения в воде, в которую добавляли ртуть, считая, что, если ртуть невозможно поймать пальцами, то и болезни к ребенку не пристанут³⁸⁶. Что касается серебра, то русский обычай «умываться с серебра» для защиты от болезней отражен и в народной медицине карелов: для лечения болезни от леса, золотухи и др. строгали серебряную стружку в воду и затем умывались. При заболевании глаз карелы промывали глаза водой, в которой настаивали сулему (хлорид ртути) или серебряную монету. Сулема считалась хорошим дезинфицирующим средством³⁸⁷.

Распространен был в Карелии в прошлом и популярен в настоящее время массаж³⁸⁸. У беломорских карелов и карелов Центральной Карелии это был один из самых широко применяемых рациональных способов лечения, особенно, когда речь шла о детских заболеваниях (пупковая грыжа, рахит, детские боли в ножках и т. д.). В целом, массаж делали преимущественно повивальные бабки/знахарки при заболеваниях органов брюшной полости, например, при срывании пупа, а также при вывихах и растяжениях. Некоторые массажировали настолько умело, что это приносило большое облегчение больным. При массаже руки натирали мылом или маслом³⁸⁹.

Достаточно часто в процессе лечения использовали и другие средства, которые имели прогревающий эффект или втирались в больные места при массажировании. Можно указать серу, уголь, мел, керосин и т.д. Например, жители д. Каркуярви готовили специальную мазь с добавлением керосина для лечения рахита прогреванием: собирали волчьи ягоды, мелко их крошили, добавляли немного табака, лука и керосин для лампы (или вино). Все это переливали в бутылку, настаивали и мазали ноги ребенка³⁹⁰. Карелы из д. Оуланка смешивали волчьи

³⁸⁵ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 38.

³⁸⁶ Никольский В. Суеверные приметы Олонецких карел при рождении младенца // Олонецкие епархиальные ведомости. 1908. № 16. С. 371.

³⁸⁷ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 26.

³⁸⁸ Верхний Олонец – поселок лесорубов. М., Л., 1964. С. 83.

³⁸⁹ Торэн М. Русская народная медицина и психотерапия. СПб, 1996. С. 56.

³⁹⁰ Virtaranta P. Vienan kyllä kiertämässä. Porvoo; Helsinki, 1978. S. 100.

ягоды с серой, листовым табаком и вином³⁹¹. При первичном появлении щетинок олонецкие карелы растирали спинку и плечи ребенка мелом³⁹². Керосин – довольно позднее лекарственное средство. Лечение керосином у карелов Карелии начало свое распространение тогда же, когда в быту стали широко применяться керосиновые лампы – в последней четверти XIX в., вытеснив бывшую в употреблении до этого лучину. Возможно и позже, т.к. сперва они были достоянием только наиболее зажиточной части населения³⁹³. С помощью керосина карелы лечили зубную боль, гнойные раны, выводили вшей. При лечении радикулита и кашля керосином натирали тело и затем грелись в бане или прикладывали к больным местам смоченные в керосине тряпочки³⁹⁴. Такой способ лечения кашля был актуален и для мордвы³⁹⁵. У карелов, проживающих в Пряжинском районе при появлении вшей считалось эффективным мыть голову керосином, щелоком или дегтем (д. Корбинаволоок, Лахта)³⁹⁶. Олонецкие карелы (г. Олоонец) натирали кожу головы мазью из ртути и серы³⁹⁷. Коткозерские карелы промывали волосы крепкой табачной водой (д. Коткозеро). После мазанья и мытья головы надо было хорошенько вычесать волосы мелкой расческой, чтобы все умершие вши выпали³⁹⁸.

Среди карельского населения были популярны лечебные ванны с добавлением лекарственных трав и муравьиного сока.

Итак, способами физиотерапии в карельской народной медицине были прогревание, парение, массаж и обливание. Прогревание проводили в бане, печи (имитация запекания), бочке или на лежанке. Парение происходило в бане и печи вениками собранными во время летних святок. Массаж делали в бане или дома. Особая роль в физиотерапии предавалась воде. Для большего исцеляющего эффекта в воду добавляли ртуть, сажу/уголек или серебро. Зачастую во время обливания, опрыскивания или промывания произносили заговор. Физиотерапевтиче-

³⁹¹ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 248.

³⁹² Верхний Олоонец – поселок лесорубов. М., Л., 1964. С. 84.

³⁹³ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). М., 1965. С. 107.

³⁹⁴ Полевой материал автора – 19.

³⁹⁵ Никонова Л. И., Кандрин И. А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск, 2005. С. 108.

³⁹⁶ Полевой материал автора – 26.

³⁹⁷ Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 187.

³⁹⁸ Полевой материал автора – 53.

ские методы были широко распространены на всей территории проживания карелов. Среди локальных отличий можно отметить, что только у беломорских карелов для лечения брали воду из водопада и «отправляли» болезнь в ольховой лодочке по течению. «Отправление» в лодочке было свойственно именно для жителей Беломорской Карелии (например, в д. Толлорека таким же способом «проводжали» насекомых в период *viändöi*).

§ 2.3.5. Карельская народная хирургия и травматология

Исследовательница М. Д. Торэн считает кровопускание одним из способов физиотерапии, к которым она также относил водолечение, массаж, натирания и постановку банок. Среди этих методов оздоровления кровопускание являлось одним из самых древних, целью которого было «отворение» «плохой крови», так как именно она раньше считалась причиной многих заболеваний³⁹⁹. Этнограф, автор многочисленных статей по традиционной медицине финно-угорских и тюркских народов Л. И. Никонова относит кровопускание к способам народной хирургии⁴⁰⁰. Мы придерживаемся этой же точки зрения.

В Финляндии, по всей России, в том числе и в Карелии, кровопускание было очень распространено. Пусканием крови лечили головную, ушную и зубную боли, воспаление легких, боль в спине и пояснице, повышенное давление, ревматизм и т. д. Если причину заболевания видели в поверхностной крови, то ставили кровососные банки, если же причина болезни крылась глубже, то вскрывали вену⁴⁰¹ (Приложение 2, Рисунок 11).

Человека, выполняющего такую процедуру, карелы называли (ск., ливв.) *kuppari* (от глаг. *kupata* ‘пускать кровь’ + суффикс *-ri.*); (ск., ливв.) *kuproaji* (от глаг. *kupata* ‘пускать кровь’ + суффикс *-ju.*)⁴⁰². Как правило, почти в каждой

³⁹⁹ Торэн М. Русская народная медицина и психотерапия. СПб, 1996. С. 48.

⁴⁰⁰ Никонова Л. И., Кандрин И. А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск, 2005. С. 135.

⁴⁰¹ Hänninen O. Kuppaus, elävää kansanparannustaitoa // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 298–303; Strandberg H. Kuppari ja kuppaaminen // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 281–290.

⁴⁰² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 462.

деревне был(а) свой(я) *kuppari*. Обычно кровопусканием занимались женщины-знахарки, имеющие хорошую физическую форму, обладающие точностью действий, дружелюбным характером и развитой речью. У карелов Олонецкого у. и Кемского у. Архангельской губ. кровопусканием могли заниматься и коновалы. Но были и такие лекари, у которых эта деятельность превратилась в промысел. Они ходили из одной деревни в другую, предлагая свои услуги кровопускания или массажа. Кровопускатели брали за лечение небольшую плату, проживали в том доме, где был больной от нескольких дней до недели⁴⁰³.

В качестве инструмента *kuppari* использовал рожки для кровопускания (ск. *kupparinsarvi/kupparinšarvi*, *kuppoantašarvi/kuppoandasarvi*; ливв. *kuppavosarvi* – букв. ‘кровопускательный рожок’) или лечебные банки, которые устанавливали на кожу, т. е. «присасывали» к коже). Рожками служили рога коровы или быка (ск., ливв. *šarvi/sarvi*) (ср. саамы использовали рожки барана), их тщательно мыли, очищали и высушивали (см. Приложение 2, Рисунок 12). Заготовливанием рожков *kuppari* занимался сам. Обычно рога для обработки брали во время осеннего забоя скотины: *kuppari* ходил из дома в дом и собирал рога забитых животных. Собирались и мочевые пузыри, которые использовались в рожках как пленочное покрытие⁴⁰⁴.

Кроме того, в качестве инструмента кровопускатели использовали очень маленький, железный топорик (ск. *kuppavokirves* – букв. ‘кровопускательный топор’, *kuppavorauda* – букв. ‘кровопускательное железо’) (см. Приложение 2, Рисунок 13) или нож (ск. *kuppa(v)usveičči*, *kuppariveičči*; ливв. *kuppavuzveičči* – букв. ‘кровопускательный нож’), а позднее – кровопускательную машинку (см. Приложение 2, Рисунок 14). Топорики изготавливали деревенские кузнецы. Все свои инструменты «кровопускатели» хранили в холщовой сумке или в деревянном ящике (см. Приложение 2, Рисунок 15). Топорик дополнительно заворачивали в ткань, чтобы он не тупился.

⁴⁰³ Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 185.

⁴⁰⁴ Hänninen O. Kuppaus, elävää kansanparannustaitoa // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 298.

Кровопускание делали после прогревания и помывки в бане. Во время «отворения» крови больной сидел или лежал на скамейке. *Kuppari* брал по одному рожку и крепил их на тело, т. е. «присасывал» рожок к коже (см. Приложение 2, Рисунок 16). Количество установленных рожков зависело от полного покрытия всех больных участков. Обычно ставили от 10 до 20 рожков, иногда, их численность доходила до 50 (Приложение 2, Рисунок 17). После снятия рожков на теле маленьким топориком делали небольшие надрезы (от 7 до 10), вскрывая образовавшиеся гематомы. После того, как из ранки начинала сочиться кровь, рожок, обмыв его чистой водой, устанавливался на прежнее место. Аналогичные действия проделывались со всеми рожками (Приложение 2, Рисунок 18). При наполнении рожка кровью он отваливался сам или снимался кровопускателем. После снятия всех рожков *kuppari* промывал ранки прохладной водой⁴⁰⁵.

Цвет выпускаемой крови имел значение. Знахари из д. Михайловское, выпуская кровь, смотрели, какой она была: «...*ka ku t'okt'i veri on, se d'o om paha veri...sigä, se pakottau*» – ‘если кровь, как смола, то это плохая кровь...поэтому и болит’. После того как кровь выпустили, боль проходила⁴⁰⁶.

В 1890-е гг. карелы Кемского у. (Архангельская губ.) считали кровопускание самым эффективным способом лечения. Выпускание крови проводили знахари с помощью маленького топориками с острым клинком, делая насечки на разных частях тела (см. Приложение 2, Рисунок 19). За один раз знахарь мог выпустить до восьми стаканов крови. После таких процедур пациенты часто теряли сознание, испытывали слабость в течение двух-трех недель и начинали страдать малокровием. Олонецкие карелы отмечали, что подобное «несбережение» крови приводило к преждевременному старению, потере сил и даже смерти⁴⁰⁷.

Среди обрусевшего вепсского населения Коштутской вол. Вытегорского у. Олонецкой губ. к «отворению» крови прибегали чаще всего люди пожилого возраста и те, кто выполнял часто тяжелый труд. «Отворение» крови совершали

⁴⁰⁵ Ylinen H. Miten kansa paransi. Joensuu, 1990. S. 62–64.

⁴⁰⁶ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä. Helsinki, 1994. Osa VI. S. 145.

⁴⁰⁷ Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 185.

именно в тот период, когда начинали чувствовать «тяжесть» в теле. Вепские *čakanotei/čakanotā* (как правило, это были пожилые женщины) занимались кровопусканием в жарко натопленной бане с помощью простых рожков от телки и ножа. Считая данную процедуру вредной, вепсы прибегали к ней с периодичностью раз в год⁴⁰⁸.

При сборе полевого материала автором среди прочих вопросов к современным информантам были и вопросы о кровопускании. Только калевальские и пряжинские карелы отметили важность данного способа лечения в местах их проживания в прежние годы. В настоящее время он не применяется.

Вывихи и переломы крестьяне также лечили сами. При переломе, как правило, фиксировали больное место с помощью деревяшки и затем туго перевязывали. Вывихи вправляли знахари⁴⁰⁹.

Таким образом, рациональные способы лечения были распространены на всей территории проживания карелов. Фитотерапия являлась самым распространенным. Большинство лечебных рациональных и иррациональных обрядов проводили в бане. Часто при использовании рациональных средств лечения использовались заговоры и магические обряды.

§ 2.4. Роль государственного здравоохранения в лечении населения карельских деревень в конце XIX – начале XX века

До начала XIX в. большинство крестьянского населения России не обеспечивалось врачебной помощью. Однако даже при появлении больниц и фельдшерских пунктов попасть на лечение или осмотр было весьма сложно. На это существовало несколько причин: в сельской местности медицинские пункты появились гораздо позже, чем в городах, в которые деревенские жители не имели возможности добраться из-за отсутствия транспортного сообщения. Второй причи-

⁴⁰⁸ Присловья, приметы, обычаи, заговоры и верования простого народа в Вытегорском уезде) // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 38. С. 400.

⁴⁰⁹ Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягов. Л., 1980. С. 299.

ной являлось дорогостоящее лечение⁴¹⁰. Это повлияло на устойчивое сохранение народной медицины в быту крестьянского населения России. Не стали исключением и карелы.

Считается, что расположение карельских деревень на просторной территории, оказывало благоприятное воздействие на физическое состояние людей. Каменистая и песчаная почва, на которой возводились дома и бани, не покрывалась слизью и грязью, оставаясь практически сухой и в период затяжных дождей. Дома строили вблизи хвойных лесов, на берегах рек и озер, что обеспечивало населению чистую воду и здоровый воздух⁴¹¹. Несмотря на это, отечественный исследователь Кемского уезда А. Пошман в путевых записках (1866 г.) отмечал, что местное население выглядело «физически сильными», хотя их продолжительность жизни составляла «всего» 55–60 лет. Автор предположил, что причинами ранней смертности была не старость, а болезни, которым они подвергались весной, осенью и зимой: «горячкам и разным прочим простудам». Согласно данным Пошмана, одной из самых распространенных болезней в Кемском уезде являлась цинга⁴¹². В 1884 г. путешественник Н. Кудрявцев описывал положение со здравоохранением в Кемском уезде следующим образом: «Народ повсеместно болен .... рахит, глисты, ревматизм, сифилис. Только в г. Кеми есть вакансия доктора, но и она остается свободной до сих пор ...». По наблюдениям, сделанным в 1907 г. священником Ухтинского прихода И. Чиркова уровень организации и оказания медицинской помощи в Кемском уезде достаточно низкий, т. е. ситуация не улучшилась. Мужская смертность происходила в возрасте 35–50 лет. Причиной ранней смертности были отхожие промыслы, во время которых мужчины заболели чахоткой. Другой причиной считался сифилис, который заносили в Карелию из Финляндии, распространяя болезнь в окрестностях Ухты (совр. Калевала).

---

⁴¹⁰ Никонова Л. И., Кандрин И. А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск, 2005. С. 31.

⁴¹¹ Шикалов Ю. Г. Здравоохранение в Кемском уезде в конце XIX – начале XX века // Народ, разделенный границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.: эволюция национального самосознания, религии и языка. Joensuu, Петрозаводск, 2011. С. 101.

⁴¹² Пошман А. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философском, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении...составленное в 1802 году. Архангельск, 1866. Т.1. С. 169.

В это время отмечалась и высокая детская смертность из-за эпидемий гриппа и скарлатины⁴¹³.

Эпидемии болезней вспыхивали по причине отсутствия детских прививок. По наблюдениям в 1907 г. в деревне Вокнаволок Кемского уезда практически вся молодежь переболела оспой, в зимний период большая часть местного населения умерло от тифа. В это время уже прививали от оспы, но на прививки соглашались единицы. Из 1 861 жителей Кемского у. привились только 16 человек. Карелы не доверяли вакцинации: «*Oi riehkä on rubi ranna*» – ‘Ой, грех оспу прививать’⁴¹⁴. Более того, карелы в случае оспы не ходили к врачу, считая, что нельзя «оглашать об присутствии оспы в доме, иначе обидется она и изуродует ребенка»⁴¹⁵. В результате этого возникали вспышки эпидемии оспы, которые повторялись раз в 3–4 года, вследствие этого умирала половина детей, не достигших 6-летнего возраста⁴¹⁶.

В Олонецкой губернии (Олонецкий, Петрозаводский, Повенецкий, Лодейнопольский у.) медицинское обслуживание было также на низком уровне. Знаменитый исследователь, путешественник Н. Лесков, объезжая всю Олонецкую губ. в 1892–1895 гг., зафиксировал, что местную медицину составлял доктор/земский врач и сельские фельдшера, но, по утверждению населения, это было лишь «формальностью». На большой уезд был назначен только один земский врач. В некоторых деревнях жили фельдшера, они были «невежественными» при оказании медицинской помощи. Упорно отрицая медицинскую науку, они использовали свои средства – антимонию, сулему и др.⁴¹⁷. По данным на 30-е гг. XIX в. в Олонецкой губернии наиболее распространенными болезнями являлись ревматические, воспалительные и катаральные болезни (вследствии холодных и сильных ветров), чахотка и сухотка (хронические болезни), завалы внутренностей (причи-

⁴¹³ Чирков И. Ухтинский приход в религиозно-нравственном и бытовом отношении // Архангельские губернские ведомости. 1908. № 88. С. 3.

⁴¹⁴ Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягоев. Л., 1980. С. 304.

⁴¹⁵ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 22.

⁴¹⁶ Tšikalov J. Vienassa elettiin kyllä pitkään, – jos vain hengissä selvittiin // Karjalan heimo. 2000. № 11–12. S. 155.

⁴¹⁷ Лесков Н. Поездка в Корелу // Живая старина. Вып. 3–4. СПб., 1895. С. 286–287.

на была в пьянстве), а также от антисанитарии появлялась сыпь на теле⁴¹⁸. С 1907 г. в Олонецком у. частыми эпидемическими заболеваниями были тиф и скарлатина. Наблюдался значительный процент больных сифилисом, туберкулезом, оспой, рахитом, кожными заболеваниями. Сохранялась высокая детская смертность⁴¹⁹. Перед первой мировой войной ситуация с оказанием медицинской помощи не сильно изменилась. На период июль 1914 г. – ноябрь 1918 гг. на весь Олонецкий у. имелось всего 3 врача, 19 фельдшеров и 6 повивальных бабок. Таким образом, на одного врача приходилось 16 497 жителей⁴²⁰. В Повенецком у. в 1800-е гг. весь медицинский персонал состоял из одного уездного врача, фельдшера и повивальной бабки. Все они назначались от правительства, проживая постоянно в Повенце, вся их деятельность заключалась «в вскрытии трупов и разного рода переписке». Лечения они не проводили поскольку в большей части уезда дороги отсутствовали, расстояния между поселениями были большие. Поэтому, чаще всего происходило так, что больной умирал, не дождавшись приезда фельдшера. Как правило, медицинская помощь этих докторов была доступна только городским или пригородным жителям.

Очевидно, что в связи с такой ситуацией, профессиональная медицинская помощь для деревенских рожениц была налажена очень плохо. Поэтому в деревнях роды принимали знахарки-повитухи, применяя поистинне варварские приемы⁴²¹ (см. Приложение 2, Рисунок 4). Однако, несмотря на высокий риск умереть или получить увечья, крестьянки предпочитали помощь деревенских повитух, т. к. возможность получить профессиональную медицинскую помощь у них практически отсутствовала. Например, в 1886 г. в Кемском у. на одну профессиональную повитуху пришлось за год 260 родов. Это говорит о том, что она физически не могла присутствовать на всех родах. Только в конце XIX в. в России появились

⁴¹⁸ Бергштроссер К. Опыт описания Олонецкой губернии. СПб., 1838. С. 55.

⁴¹⁹ Павлова И. В. Из истории становления медицинского дела в Олонце // Аланго – Алоньсь – Олоньсь – Олонец: сборник научных статей. В. 1. Олонец, 1999. С. 29.

⁴²⁰ Верхний Олонец – поселок лесорубов (опыт этнографического описания). М., Л., 1964. С. 83.

⁴²¹ См. подробнее об этом. Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 16; Лесков Н. Отчет о поездке к Олонецким Корелам летом 1893 г. // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1894. С. 24.

профессиональные акушерки и повитухи, но, к сожалению, им было сложно противостоят устоявшейся репутации деревенских «бабок». Вероятно, причиной такого поведения было отсутствие доверия.

Детские болезни лечили тоже бабки-знахарки. Почти от всех недугов они избавляли в бане с помощью парения веником шести-, девяти- или двенадцатилетней давности. Веник (банный и метла) считался средством избавления от многих болезней, орудием изгнания злых духов (ср. у русских⁴²²). В Олонецком у. использовались магические процедуры, направленные на оздоровление детей. По верованию карелов, некоторые ламбушки обладают целительной силой. В случае болезни, знахарка относила его к лесному озеру, погружала в водоем, не снимая с него одежды, и шептала заклинания. После переодевала ребенка в новое белье, а старое мокрое «с болезнью» оставляла здесь, для злых духов: знахарка втыкала в озеро палку, привязав к ней одежду ребенка «с недугом»⁴²³.

Краевед И. Оленев, много путешествующий по Кемскому у. (1895–1900 гг.), писал, что местные жители охотно прибегали бы к профессиональной помощи врачей, но их не хватало. Профессиональные фельдшера не соглашались ехать работать в Карелию, а большинство из тех, кто уезжал, вскоре спивались в глухих уголках. «И, конечно, подобные фельдшера профанируют медицину, вынуждая жителей обращаться к знахарям»⁴²⁴. Такую же ситуацию описывает и священник Ухтинского прихода: «Медицинской помощи жители не получают. В Ухте, правда, есть фельдшерский пункт, но население потеряло веру в профессиональную медицину...»⁴²⁵. Для большинства населения средства официальной медицины были чуждыми. Народ не соблюдал рекомендованную дозировку лекарств, полу-

⁴²² Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Веник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 309.

⁴²³ Илюха О. П. Представления о болезнях и способах лечения детей в карельской традиционной культуре (по данным конца XIX – начала XX в.) // Вопросы воспитания: научно-практический журнал. 2011. № 1 (6). С. 47–48.

⁴²⁴ Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги: Путевые очерки с многими рисунками. Гельсингфорс, 1917. С. 54.

⁴²⁵ Чирков И. Ухтинский приход в религиозно-нравственном и бытовом отношении // Архангельские губернские ведомости. 1908. № 88. С. 3.

чая в результате летальные исходы. В этих случаях обвиняли фельдшера, окончательно теряя к нему доверие.

Такое положение сохранялось, например, в Повенецком у. до конца XIX – начала XX в.. Затем повенецкая медицина начинает преобразовываться: земством были приглашены врач и фельдшер для заведывания земской больницей, постепенно в каждую волость были назначены фельдшерские приемные пункты⁴²⁶. Начиная с 1890-х гг. уездные земства направляли в школы самый необходимый набор лекарств, которые использовали для оказания помощи как школьникам, так и местным крестьянам. В 1908–1909 г. в период эпидемии оспы местные власти Олонецкого уезда стали воздействовать на местных жителей через педагогов начальных школ. Они призывали население начать делать прививки от оспы и не контактировать с заболевшими⁴²⁷.

Таким образом, в силу малодоступности, а, в некоторых районах проживания карелов, фактического отсутствия общественной медицины, уровня социально-экономического и культурного развития (деревенские жители не доверяли профессиональным врачам и фельдшерам), основным видом медицинской помощи карельскому народу еще в начале XX в., оставалась народная медицина.

Выводы по главе

Итак, медицинская культура карелов в конце XIX – начале XX в. основывалась на устной традиции и народном опыте. Основными хранителями эмпирических медицинских знаний были народные врачеватели, в первую очередь, знахари. В карельской знахарской практике важная роль принадлежала вербальной магии: заговорам и заклинаниям. Заклинательные формулы и возникшие на их основе заговоры имели тесную связь с бытом, окружающей средой, обрядами. В большинстве заговоров происходит обращение за помощью к различным сверхъестественным силам (языческим, а позднее и христианским божествам), живот-

⁴²⁶ N. Медицина в Повенецком земстве (факты и мысли) // Олонецкие губернские ведомости. 1899. № 46. С. 2.

⁴²⁷ Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб., 2007. С. 250.

ным (пчеле, медведю), природным стихиям (ветру, огню). Чаще всего, адресата в заговоре выбирали в зависимости от того, откуда или от кого болезнь пришла/пристала: дева мороза, дева холода, король леса и т. д. В лечебных заговорах боль или болезнь, поселившиеся в человеке, пытаются усмирить, а затем их или смывают, или отсылают куда-нибудь, или бросают в воду, или собирают в рукавицу, чтобы затем отправить в то место, откуда она больше не придет. Мотив изоляции боли и болезней, а не полное их уничтожение свойственен для карельских заговоров, чем они и отличаются, от славянских и индоевропейских. Заговорная традиция была распространена у всех групп карелов. Существенных различий в ней не отмечается.

К рациональным способам лечения относились фитотерапия, физиотерапия, средства животного происхождения, минеральные средства и народная хирургия. Знаниями о способах применения этих средств обладал практически каждый рядовой крестьянин. В процессе многовековых наблюдений над флорой и фауной карелы выделяли из растительного, животного миров и природных богатств особые виды, одни из которых наделялись сверхъестественными свойствами, другие обнаруживали реальные. Наибольшей популярностью среди лекарственных средств природного происхождения пользовались растения. С их сбором, заготовкой и хранением было связано много поверий и обрядов. Формы лечебных средств из растений были довольно разнообразны (отвары, чай, примочки и т. д.), технология их приготовления была несложна.

Значительное место в арсенале лечебных средств занимали продукты/средства животного происхождения. К ним относились жир, внутренности, кровь, кости, шкурки и т. д. Чаще всего использовали жир. Кроме того, карелы готовили различные мази и настойки (ранозаживляющие и прогревающие) из шершней, муравьев и червей, в которые часто добавляли серу. С развитием животноводства в обиход лекарственных средств народной медицины карелов вошли продукты, которые получали от домашних животных. Они не имели такого распространения как органы и ткани животных, но нельзя не отметить, что моло-

ко и молочные продукты (сливки, простокваша, сметана) ценились своими целебными свойствами. Часто в практике врачевания применяли естественные выделения как животных, так и человека: мочу, фекалии и слюну.

Набор минеральных средств в карельской народной медицине был сравнительно беден. Чаще всего использовали соль. С нею делали примочки, полоскали горло, промывали раны.

Одно из самых важных мест в лечебной практике принадлежало физиотерапии. Большинство болезней карелы лечили в бане. При исцелении простудных, кожных и ряда других заболеваний целебное свойство пара, веника и тепла подкреплялось компрессами, массажами, ингаляциями. В некоторых случаях лечение теплом проводилось в домашних условиях. Карелы прикладывали к больным местам тряпочки с нагретой золой, солью, песком, а также свежеспеченный хлеб. В некоторых районах больного помещали в бочку с преющей травой или навозом для лечения ревматизма.

Ряд приемов врачевания был обусловлен «плохой» кровью. Для излечения *kippari* выполняли в бане отворение крови. В конце XIX в. кровопускание было самым популярным способом избавления от головной, ушной, зубной боли, воспаления легких, повышенного давления, ревматизма и т. д.

Вывихи и переломы крестьяне также лечили сами: перелом фиксировали с помощью деревяшки и туго перевязывали, вывихи вправлял знахарь.

У карелов Беломорской и Центральной Карелии массаж был одним из самых распространенных рациональных способов лечения. Массаж применялся при заболеваниях органов брюшной полости, например, при срывании пупа, а также при вывихах и растяжениях. Им занимались преимущественно знахари или повитухи, особенно, когда речь шла о детских заболеваниях (пупковая грыжа, рахит, детские боли в ножках).

Повреждения кожи травматического характера (раны, порезы, ушибы) лечили с помощью мела, купороса, серы и дегтя. В южных районах Карелии в этом

случае отмечается применение древних каменных орудий (сланцевые топоры, тесла и т. д.).

Согласно собранным полевым материалам, самыми распространенными способами народной медицины в Калевальском, Лоухском, Олонецком, Пряжинском и Суоярвском р-нах Карелии были ранее и остаются сейчас фитотерапия и средства животного происхождения. Эти два способа отметил каждый из опрошенных. Лекарственные травы употребляли в сушеном, выпаренном и свежем виде. К наиболее популярным относятся малина, можжевельник, брусника, клюква, лук, подорожник, береза, крапива, богульник, толокнянка. Средства животного происхождения добывали благодаря охоте и животноводству. К ним относились: жир, молоко и мед. В настоящее время данный способ лечения менее распространен. Скорее всего, это связано с ослаблением охотничьего и животноводческого промыслов.

Третьим по популярности средством лечения в карельских населенных пунктах (п. Калевала, д. Войница, д. Ювалакша, д. Тукса, д. Вешкелица, д. Пороозеро) считалась баня, т. е. физиотерапия, в которой парились вениками (березовый или можжевельниковый), а также делали массаж. Баня популярна и в настоящее время, но ее отмечали в качестве способа врачевания меньшее количество людей.

На четвертом месте среди ранее используемых способов врачевания были заговоры. Этот способ лечения отмечался большинством информантов, проживающих в Калевальском районе (п. Калевала, д. Войница), одним информантом из д. Вешкелица Суоярвского р-на (им было отмечено, что заговоры произносили только для избавления от фурункулов) и д. Михайловское Пряжинского р-на. О произнесении заговоров в настоящее время упомянули только три информанта из п. Калевала, д. Матчезеро, д. Михайловское. Необходимо отметить, что все они родились до 1930-х гг. Более молодое поколение использование заговорной поэзии на современном этапе отрицает.

Меньше всего информанты упоминали хирургические способы лечения. Этот способ отметили только калевальские и людиковские карелы. Жители Суо-

ярвского р-на (д. Вешкелица) посчитали, что к хирургическим способам лечения можно отнести роды.

К другим вариантам народной медицины информанты отнесли массаж, вдыхание горячего пара, смолу, святую воду, сиропы и мази. Только калевальские и пряжинские карелы отметили актуальность данного способа лечения в местах их проживания в прежние годы. Таким образом, собранный полевой материал подтверждает тот факт, что многие используемые способы народной медицины, несомненно, являются важной частью сохранения здоровья и на современном этапе.

ГЛАВА 3. МИФОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ КАРЕЛОВ

В представлениях карелов болезнь может являться не только следствием патологии, но и возникнуть в результате воздействия «дурного глаза», природных стихий, животных, птиц и т. д. Поэтому в жизненном укладе карелов было множество различных правил и предписаний, регламентирующих поведение человека для избежания возникновения болезней, восстановления и сохранения здоровья.

Данная глава посвящена мифологическим представлениям карелов о болезнях: источникам и прогностике недугов, наименованиям заболеваний в диалектах карельского языка.

§ 3.1. Одухотворенный мир как источник болезней

Прежде крестьяне видели во всех явлениях природы действие какой-то неведомой, таинственной и вместе с тем всевластной силы. Если явление природы шло на пользу человека, то он считал, что неведомая сила (дух) – его покровитель; если же наоборот, то эта сила – его враг. Дух представлялся человеку не чем-то отвлеченным, а весьма реальным, имеющим человеческие чувства⁴²⁸. Высшую степень религиозного развития составляет процесс объединения духов в систему и поднятие их до представления о божествах. Мир, по воззрениям большинства народов, наполнен духами, живущими во всех предметах и явлениях природы. Человек окружен сверхъестественными существами, в большей или меньшей зависимости от которых он находится. Считалось, что каждое дерево в

---

⁴²⁸ Агапкина Т. А., Усачева В. В. Болезнь человека // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 227; Цейтлин Г. Знахарства и поверья в Поморье (Очерк из быта поморов) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 1 С. 9–10.

лесу, каждое животное имеет своего духа⁴²⁹. Согласно сферам покровительства, божествами контролировалось поведение конкретной личности и коллектива в целом. Классификация сфер контроля проводилась по видам природных сил и занятий человека, связанных с окружающим миром (животными, лесом, землей, водой, огнем, жилищем, небесными телами и явлениями). В соответствии с этим принципом в поле зрения тех или иных божеств/хозяев человек обычно попадал в зависимости от места его нахождения⁴³⁰.

Языческие верования веками были органически связаны со всем укладом традиционного крестьянского быта. Истоки этих верований обнаруживаются еще в анимистических и тотемистических представлениях. В формирование языческого мировосприятия внесли свою лепту и культ предков, и обожествление элементов природы: земли, воды, огня, воздуха, и почитание различных духов-хозяев⁴³¹. В верованиях карелов XIX – начала XX в. достаточно четко сохранялись представления о духах низшей мифологии, как будто обитавших в лесах, реках, озерах и крестьянских постройках: «*Mie olen kuullun, što kaikkiel'l'a – kois's'a oma halide, liäväsšä on oma, tanhuolla oma i kyl'yššä oma. I kaikkiella omat haldiet oldih...*» – «Я слышал, что всюду – в доме были свои духи-хозяева, в хлеву свои, во дворе скотном свои и в бане свои. И всюду были свои покровители...»⁴³². Самыми распространенными среди персонажей карельской мифологии являются хозяева двух природных стихий – воды и леса. Хозяин/хозяйка воды (*veinisäntä, veinemäntä* (ск.); *vienižändy, vienemändy* (ливв.); *vedehine*⁴³³ (люд.) появлялся в образе мужчины или женщины с длинными волосами. Он/она сидел(а) на камне и расчесывал(а) волосы: «*Šanotah, hänel'l'ä on tukat pität, ištuu korolla...kivel'l'ä ist'uu da vain tukkie šugiu...*» – «Говорят, волосы у нее длинные, сидит на корге...на камне

⁴²⁹ Харузин Н. Этнография: лекции, читанные в Императорском Московском Университете. Вып. 4. СПб., 1905. С. 161.

⁴³⁰ Логинов К. К. Домашний мифологический «устав» // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 125; Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы. Саранск, 2009. С. 318.

⁴³¹ Криничная Н. А. Язычество и крестьянский быт: мифологические рассказы о лешем как покровителе диких животных и охотников // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 112.

⁴³² Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск, 2000. С. 316.

⁴³³ ФА ИЯЛИ 3515/60; ФА ИЯЛИ 3516/42.

сидит и волосы расчесывает» (Тунгуда)⁴³⁴. Некоторые жители людиковской деревни Виданы утверждали, что никогда не видели хозяина воды: «*vedehisty ei nähty*» – ‘водяного не видели’⁴³⁵. Говоря о внешности духов-хозяев леса (*mečänisäntä, meččähini* (ск.)/*mečänižändy, meččähine* (ливв.)), следует, в первую очередь, взять во внимание фитоморфные признаки, свидетельствующие о древности образов. Эти признаки сохранились исключительно фрагментарно. В карельской мифологической прозе к наиболее распространенным сюжетам относится уподобление роста хозяев леса высоте растительности, в которой они обитают. Рассказчиками часто подчеркивается, что, если деревья высокие, то и хозяева очень большого роста, а среди кустарников они выглядят низкими.

Широко бытуют рассказы и о так называемых «местных духах» (хозяин дома, хозяйка хлева, хозяин бани). Особое место среди персонажей быличек занимает хозяин бани (*kylynisäntä* (ск.)/*kylynižändy* (ливв.)). Это не столько самый строгий, сколько самый жестокий дух: «*Jesli myöhä män' et kylyh, ni haldie šiun duaviu. Daže n'ylgöy kaiken čeloveekan*» – «Если поздно в баню пойдешь, то хозяин может удавить. Даже кожу/шкуру снимет» (Тунгуда). Сам он населению не показывался, но иногда снился заболевшему, чтобы рассказать за какие проступки он сам наслал на человека болезнь: «Вот как я во сне увидела старуху, чёрные одежды, седая голова, толкает на кровати... Иди вымой ноги, - говорит, – грязные ноги. А ко мне как пристало в бане... На коленях мылась, ругалась в шутку, вот и стала из ноги вода сочиться». У карелов-ливвиков встречаются упоминания о банной бабушке (*kylybuaboi* (ливв.)). Ею чаще всего пугали детей, если они плакали в бане⁴³⁶.

Хозяин дома (*koinemäntä, koinhaltii* (ск.)/*koinemändy, koinhaldie* (ливв.)) был строг по отношению к жильцам дома, иногда выживал их: «...*Meilä neveskä kun oli...šiel'ä unis's'a ožuttauduu, što mužikka tulou painamah...še šanotah on halide...händä moni kerdua paino. Ga kačo porotettih kois'ta...*» – «...У нас невестка

⁴³⁴ Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск, 2000. С. 310.

⁴³⁵ ФА ИЯЛИ 3517/6.

⁴³⁶ Иванова Л. И. Фито- и зооморфные образы духов-хозяев леса в карельской мифологической прозе // Финноугроведение. Йошкар-Ола, 2010. № 1. С. 49.

была...во сне покажется, будто мужик приходит, душит...это, говорят, домашней...ее много раз душил. Так вот и выжили ее из дома...» (Тунгуда). В мифологических традициях русских подпечье и запечье являлись любимым местом жительства домашнего, а также древних духов русского Севера – подпечника и запечника. Эти мифические существа, имеющие связь с древними предками, могли способствовать замене выпавших молочных зубов у детей на новые. Молочные зубы бросали в подпечье, обращаясь к мышам с просьбой забрать «зуб костяной, а дать стальной»⁴³⁷. Подобные обращения прослеживаются и в карельской народной медицине. Беломорские карелы повсеместно при выпадении молочного зуба бросали его через плечо за печку при этом говоря: «*hiirellä šittani, miula kultani*» – ‘мышь дерьмовый/говняный, мне золотой’ (д. Вокнаволоок), «*hiirellä šittani, kissalla kultani, miula rautani*» – ‘мышь дерьмовый/говняный, кошке золотой, мне железный’ (д. Толлорека)⁴³⁸. В местах проживания тверских карелов произносили: «*hiirellä puuhine, a oigiella hengellä luuhine*» – ‘мышь деревянный, а праведному человеку костяной’ (д. Большое Плоское)⁴³⁹.

Материалы из вепсской мифологии о мире фауны свидетельствуют, что земноводные и животные земли тоже могли приносить кожные болезни. По верованиям вепсов, змея являлась носителем тяжелых, часто неизлечимых заболеваний (как у скота, так и у человека), жаба считалась источником бородавок.⁴⁴⁰ Для карелов эта проблема – животные земли и болезни – еще ждет своей разработки.

Хозяйка хлева (*liävänemäntä* (ск.)/*liävänemändy* (ливв.)) представлялась карелам невысокого роста: «...*Pikkaraini, t'ämämmoini...kandau hein'yä, kogo takan...*» – «Маленькая такая...несет полную охапку сена...» (Тунгуда). Хозяйка хлева могла не любить какой-то вид скота: если она не влюбила какую-то скотину, то мучала ее так, что с последней все время стекал пот.

⁴³⁷ Баня и печь в русской народной традиции / РАН. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 2004. С. 171.

⁴³⁸ Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki, 1958. S. 255.

⁴³⁹ Virtaranta P., Virtaranta H. Kauas läksit karjalainen: matkamuistelmia tverinkarjalaisista kylistä. Söderström, 1986. S. 296.

⁴⁴⁰ Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006. С. 167.

Еще одним мифологическим персонажем в представлениях карелов и вепсов является *Syndy/Synti/Syndi* ‘Сюндю’ (от слов. осн. глаг. *syndyö*→*syndy-*, *syntyö*→*synty-* ‘родиться’). Под термином *Syndy/Synti/Syndi* могут пониматься: 1) Бог-Творец, Иисус Христос (повсеместно у карелов и вепсов). Вероятно, это значение вторично, возникшее под влиянием христианства. Первоначально под Сюндю подразумевался мифологический родоначальник, существовавший при начале времени или земли, которое в дальнейшем отмечалось праздником зимних святок (кар. *syntynmua/syndynmua*); 2) мифологическое существо, которое находится на земле от рождества Христова до Крещения Господня, выполняя функции оракула в гаданиях (у южных групп карелов)⁴⁴¹.

В карельских заговорах мифологический персонаж Сюндю выступает в значении мифологического происхождения предметов и явлений. Например, в лечебных заговорах от ожога выясняется происхождение огня «как явления» («*tulen synty*» – ‘рождение огня’) и огонь призывают в заклинаниях забрать «плохие» последствия его деятельности⁴⁴².

У карелов была сильно развита вера в нечистую силу (кар. *raha/pahalaine/karu/kehno*). Их уверенность в повсеместности *raha* была настолько сильна, что мало кто из них осмеливался выйти из дому, не совершив действий, застраховывающих от «напастей» нечистого. Например, карелы из Олонецкой губ., утром, выходя на улицу, обязательно съедали хоть пясть муки, иначе *rahalaine* найдет что-нибудь недоброе. Большая часть болезней объяснялась карелами напусками/действиями нечистой силы. Заболеет ли кто-нибудь лихорадкой или сухоткой, появится у кого-либо зубная боль, расстройство желудка или чесотка – все это объясняется гневом или иначе *nenä* (‘носом’) *pahalaine*⁴⁴³.

Кроме того, по народным верованиям, у каждого предмета есть душа: у камней, луны, солнца, ветра и т. д. Враждебный дух из них воздействовал или

⁴⁴¹ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 420.

⁴⁴² Конкка А. П. Великий Сюндю: святочный дух с ликом спасителя. Сямозерский народный календарь // На плечах Большой Медведицы. Избранные статьи (Юбилейный сборник к 65-летию и 45-летию собирательской деятельности). Петрозаводск, 2015. С. 97.

⁴⁴³ Лесков Н. Представления кореляков о нечистой силе // Живая старина. Вып. 3–4. СПб., 1894. С. 416.

вселялся в человека, и он заболел. Духи могли наказывать людей за провинности, насылая на них несчастья, и в том числе болезни. Затем вселившуюся болезнь пытались изгнать: больного окуривали, давали неприятные снадобья, запугивали (кричали на больного, произносили заклинания, шумели)⁴⁴⁴. Карелы считали, что чаще всего, этими болезнями заболели слабохарактерные и трусливые люди: человек пугался вдруг чего-то, вздрагивал, к нему мгновенно приставал недуг от того места, где он находился. В этом случае надо было сразу посмотреть через левое плечо, плюнуть и сказать:

*Muissan mie tämän paikan,
ta i tämän päivän*⁴⁴⁵.

Помню я это место,
да и этот день.

(Перевод автора)

Таким образом, у карелов устойчиво сохранялись верования в духов-хозяев, связанных с окружающим природным миром и жизнедеятельностью человека, почитание которых было принято повсеместно на территории проживания карелов. В противном случае, духи-хозяева могли наслать на человека различные несчастья и недуги.

§ 3.2. Прогностика заболеваний в религиозно-мифологических воззрениях карелов

Диагноз, причина и место возникновения недуга устанавливалось различными способами. Во-первых, больной, проанализировав свой маршрут и действия, которые он совершал во время пути, пытался сам выявить, кого и где он разгневал. Во-вторых, ему могло это присниться. В-третьих, самым радикальным и действенным способом считалось обращение к знахарю⁴⁴⁶.

⁴⁴⁴ Агапкина Т. А., Усачева В. В. Болезнь человека // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 227; Харузин Н. Этнография: лекции, читанные в Императорском Московском Университете. Вып. 4. СПб., 1905. С. 192.

⁴⁴⁵ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan taroja ja uskomuksia. Porvoo, 1924. S. 64.

⁴⁴⁶ Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. Часть первая. М., 2012. С. 69.

Если карелы ни по симптомам, ни по поверьям, ни по «предвестникам» не могли определить, откуда болезнь «пристала» и «к смерти» она или нет, то они обращались к знахарю. Только знахарь мог определить, где и когда больной заболел. Одним из способов определения истока болезни было гадание на решете (см. Приложение 2, Рисунок 20). Например, знахарь из д. Аконлахти ставил решето на стол, сверху клал икону, по правой и левой стороне решета – два уголька, символизирующие болезнь от воды, а сверху и снизу – кусочки хлеба, обозначающие болезнь от леса. Над решетом он держал руку, в которой у него между большим и указательным пальцами была зажата нитка с иглой. В это время он проносил заговор, в котором просил показать, откуда болезнь пристала.

Таким же способом знахарь мог определить, умрет больной или поправится. В этом случае на иголку с ниткой на кончик втыкали маленький кусочек хлеба, «чтобы у иголки глаз был». Если игла двигалась от хлеба к хлебу, то больной поправится, а если от уголька к угольку – больной умрет. Зачастую люди не верили в движение иголки и просили еще раз: «*Sano Pyhä Pohročča prautoa, elä milma valehte!*!» – ‘Скажи, Святая Богородица, правду, не обманывай меня!’ и снова следили за ее движением. Так можно было делать трижды. В Питкярантском р-не (д. Салми) также использовали решето, кусочки хлеба и угля.

С помощью решета и хлеба искали причину болезни и ведлозерские знахари. Под решето клали платок или шапку, по обеим сторонам – 15-копеечные монеты, а на противоположные стороны – угольки. Хлеб крепили на иголку с длинной ниткой, поднимали руку высоко, другой рукой ее придерживали, чтобы не было шевеления. Далее смотрели, куда игла покажет: если движется взад–вперед от монеты к монете, значит, болезнь от воды или земли пристала, если от угля к углю – от чего-нибудь другого. Так делали не менее пяти раз, меняя иглы, монеты, угольки, чтобы точно убедиться в источнике заболевания⁴⁴⁷. В народной медицине славян причину заболевания устанавливали только с помощью угля, решето и хлеб не использовали. Опустившиеся на дно сосуда с водой угли (по коли-

⁴⁴⁷ Миронова В. П. Фольклорные традиции Ведлозерья. Петрозаводск, 2013. С. 112.

честву их должно быть три или девять) свидетельствовали о демонической природе болезни. В магии и гаданиях углю придавалось большое значение, чему способствовал его черный цвет⁴⁴⁸.

Иногда знахарю надо было тайком положить вещь больного в какое-то место (например, под подушку), и он во сне видел, кто заболел и откуда болезнь пришла: (Суоярви) *uniloi myö arboallah vigahizeks* – ‘по снам гадают на хворь’⁴⁴⁹. В д. Машезеро (Беломорский район) проживал знахарь Алексей Иванович. Заболевший человек давал его жене свой волос или пояс, чтобы она то или другое положила тайком на ночь в изголовье мужа. Утром знахарь говорил, кто и где заболел. Вечером он шел в дом к больному, топил их баню и три раза водил в нее больного. Карелы Повенецкого уезда (Олонецкая губерния) также относили знахарю свои вещи – пояс и крест, по которым он разгадывал, откуда болезнь пристала «с глазу, с ветру или с доброй воли», а затем давал наставления, как надо правильно ночью попросить прощения (во вторник или четверг) или нашептать на соль или на воду. Иногда он сам лечил больного в бане. Исход этого лечения нельзя было никому рассказывать.

Знахари из д. Мяндусельга определяли происхождение болезни с помощью крестика заболевшего. Они брали крестик на веревочке, опускали его в деревянную чашу с водой, покачивали чашу и смотрели воду⁴⁵⁰

Карелы д. Войница также обращались за помощью к знахарю, чтобы понять, откуда у больного хворь: от Бога или насланная плохим человеком. Для этого знахарь брал рюмку вина или чашку чая, капал в них ртуть (как вариант: переливал воду из одной посуды в другую) и смотрел происхождение болезни (Приложение 2, Рисунок 21). Он мог сразу определить Божью болезнь, а источник «насланной» был не всегда ясен. Тогда знахарь произносил заговор, с помощью которого больного избавляли от любой насланной хвори:

⁴⁴⁸ Плотникова А. А. Уголь; Толстая С. М. Хлеб // Славянские древности. М., 2012. Т. 5. С. 348, 420; Топорков А. Л. Решето // Славянские древности. М., 2009. Т. 4. С. 432.

⁴⁴⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, IV. 2005. S. 622.

⁴⁵⁰ N. N. Народные суеверия и предрассудки, знахари и колдуны // Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 80. С. 894.

*Mist' on pulmat puuttun,
taikiet tapahtun:
kivestäkö, kannostako,
vaiko vatturauniosta
vaiko kuollehen kojista
eli männehen majasta,
satalauvan lappiosta?
Vaiko lummehkorjuhun kojista,
vesihiien hinkalosta,
limaparran liepiestä?
Elikkä onko tuska tuulin tullun,
eli onko kiihtyn kiroista
poahtun pahoista sanoista?⁴⁵¹*

Колдовство пошло откуда,
Ты взялась откуда, порча:
Не из камня, не из пня ли,
Или от кустов малины
Из домов людей усопших
Из жилищ людей усопших,
От ската крыши стодошатай?
Из норы с кувшинок свитой,
С закровов водного Хииси,
Со двора владыки моря/тины?
Или боль пришла по ветру,
От проклятий разгорелась
От дурных слов распалилась?
(Перевод Е. В. Каракина)

Если случалась с кем-то тяжелая болезнь, карелы Петрозаводского уезда произносили молитву «Сон Богородицы» и просили объяснить и показать все во сне: отчего это «пришло», не сглазил ли кто. Чтобы такой сон увидеть, тайно клали в изголовье (кому клали – не указано – прим. автора) оставшуюся после ужина скатерть с крошками, сопровождая действия упомянутой молитвой. Если сон не показал, а больной все не поправлялся, то тогда делали следующее: на утренней заре, взяв образ «Воскресения Христова», шли к реке, пятась, считали от десяти: девять, во веки один, болезни – аминь (плюют), восемь, во веки один, болезни – аминь (плюют) и т. д. до одного. Дойдя так до реки, говорили: «Царь земной и небесный, хозяин водяной, дай водицы не для хитрости, не для мудрости, а окунать раба Божьего». После этого окунали в воду икону, вынимая из воды, держали ее над сосудом и таким способом собирали воду. Погружали икону до девяти раз, приговаривая те же слова, с которыми шли к воде. Собрав воду, шли домой. Водой, принесенной из реки, обмывали больного, снятую с него одежду хоронили

⁴⁵¹ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo, 1924. S. 63.

в подполье, забивая ее в землю осиновым клином. Больного одевали в чистую одежду, икону, с которой ходили на реку, клали ему на грудь, прикасались хлебом к спине больного девять раз, каждый раз произнося вышеупомянутые слова. Затем больного накрывали скатертью, обкуривали ладаном и прощались с ним, как с умершим. Так делали трижды. Воду брали в трех разных местах. Это считалось уже последним средством: или больной поправится или умрет⁴⁵².

Таким образом, выявление причинно-следственных связей появления заболевания являлось необходимым условием для успешного избавления от недуга. Для этого карелы чаще всего обращались к знахарям, особенно в тех случаях, если болезнь возникала внезапно и не имела рационального объяснения.

§ 3.3. Народные представления о болезнях по данным карельского языка

В диалектах карельского языка выявляются различные общие нейтральные наименования болезней, имеющих разное происхождение, большая часть которых одновременно обозначает и главный симптом болезни – боль.

К древним германским заимствованиям относятся названия *hädä*, *tauti* и *vaiva*.

а) *hädä* – ‘болезнь’ (Коткозеро, Салми, Сямозеро, Тулмозеро)⁴⁵³ (< *sætā-, ср.: англосакс. *sæt*, др. норв. *sát* ‘засада’⁴⁵⁴).

б) *tauti* – ‘болезнь, хворь’ (Вокнаволоок, Калевала, Кестеньга, Контокки), *taudi* – ‘болезнь, хворь’ (Видлица, Коткозеро, Паданы, Салми, Сямозеро), *taadi* – ‘болезнь, хворь’ (тихвинский говор), *taut’* – ‘болезнь, хворь’ (Галлезеро)⁴⁵⁵

⁴⁵² Суевверия и предрассудки в простом народе // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 76. С. 673–674.

⁴⁵³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, I. 1968. S. 397.

⁴⁵⁴ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki, I. 1992. S. 211.

⁴⁵⁵ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 63.

(ср. др.норв. *dauthi* ‘смерть’, др.швед. *dödhe* ‘смерть, повальная эпидемическая болезнь’) ⁴⁵⁶.

в) *vaiva* – ‘болезнь, боль’ (Вокнаволок, Суоярви, Тунгуда, Юшкозеро), *vaivu* – ‘болезнь, боль’ (Коткозеро, Неккула, Рыпушкалица, Салми, Сямозеро) (<**waiwan-* (ср. дрвнм. *wēwo* ‘болезнь, беда, боль, мука’) ⁴⁵⁷.

Группу славянских заимствований составляют названия:

а) *bol'est'i* – ‘болезнь’ (тверской говор), *boul'es't'i* – ‘болезнь’ (Коткозеро); *bol'ezn'u* – ‘болезнь’ (держанский говор), *bol'ezn* – ‘болезнь’ (Галлезеро);

б) *läsimini* – ‘болезнь, хворь’ (Калевала), *läzimini* – ‘болезнь, хворь’ (Юшкозеро), *l'äz'imin'e* – ‘болезнь, хворь’ (Тверь), *läžimine* – ‘болезнь, хворь’ (Салми); -) *läsintä* – ‘болезнь, хворь’ (Калевала), *läsindy* – ‘болезнь, хворь’ (Импилахти), *läžindy* – ‘болезнь, хворь’ (Видлица, Неккула, Рыпушкалица) – ‘болезнь, хворь’ (от глаг. *lassie/läzie* (ск.)/*läžie* (ливв.) – ‘болеть, хворать’ + суф. *-mini*, *-ntü* (ск.), *-mine*, *-ndy* (ливв)). Наименования являются древними русскими заимствованиями *лежать*, известно и в других восточных прибалтийско-финских языках ⁴⁵⁸;

в) *nuuda* – ‘болезнь, недуг, хворь’ (Суоярви), *nuudu*, *n'uudo*, *nuuzzi* – ‘болезнь, недуг, хворь’ (Коткозеро, Сямозеро) ⁴⁵⁹. Наименование *nuuda* является русским заимствованием (ср. русс. *нуда* ‘принуждение, неволя, крайнее стеснение, худое житье, гнёт; немочи телесные, свороба, короста, чесотка; длительная дурнота, тошнота’. Используемый в ливвиковском наречии карельского языка термин *nuuzzi* представляет собой заимствование русского названия *нужа*, но в русском варианте он не используется в значении болезни (ср. рус. *нужа* ‘крайность, бедность, недостаток в житейских потребностях; холод, неволя, голод, тяжкая жизнь’) ⁴⁶⁰.

г) *tuska* – ‘болезнь, боль, ломота в суставах’ (Вокнаволок), *tusku* – ‘болезнь, боль, ломота в суставах’ (Салми, Сямозеро, Тулмозеро), *tusk* – ‘болезнь, боль, ло-

⁴⁵⁶ Meri V. Sanojen synty. Jyväskylä, 2002. S. 377.

⁴⁵⁷ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki, III. 2000. S. 394.

⁴⁵⁸ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki, II. 1995. S. 127.

⁴⁵⁹ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 235; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, III. 1983. S. 558.

⁴⁶⁰ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2005. С. 421.

мота в суставах’ (Галлезеро)⁴⁶¹ (от русск. *тоска* ‘томление души, мучительная грусть, стеснение духа и др.; ср. тосковать ‘мучиться хворью телесною’ (среди прочих значений))⁴⁶². Термин *tuska*, унаследованный карелами из русского языка, помимо общего названия болезни, стал обозначать конкретный вид заболевания – ломоту в суставах. В отличие от карелов, у вепсов лексема *tusk* сохранила и его первоначальное значение ‘болезненное чувство душевной горечи, мучительной грусти, возникающее у человека в результате потери близких людей, утраты родины, несчастной любви’⁴⁶³.

К девербальным или деноминальным наименованиям следует отнести следующие лексемы:

а) *kipeuš* – ‘боль, болезнь’ (Калевала), *kibeuš* – ‘боль, болезнь’ (Паданы), *kibevys* (Коткозеро) – ‘боль, болезнь’ (от слов. осн. прилаг. *kipie*→*kipie-* (ск.), *kibei*→*kibie-* (ливв.) + суф. *-uš* (ск.), *-vys* (ливв.)). Лексема *kipie/kibei* используются в наречиях карельского языка в следующих значениях: 1) сущ. ‘болячка, струп, больное место’; 2) прилаг. ‘больной, нездоровый’;

б) *kipu* – ‘боль, болезнь’ (Вокнаволоок, Калевала, Кестеньга), *kibu* – ‘боль, болезнь’ (Галлезеро, Неккула, Поросозеро, Рыпушкалица, Тунгуда) ‘боль, болезнь’ (от слов. осн. прилаг. *kipie*→*kipie-* (ск.), *kibei*→*kibie-* (ливв.) + суф. *-u* (ск., ливв.));

в) *kivissys* – ‘боль, болезнь’ (Калевала), *kivistys* – ‘боль, болезнь’ (Неккула, Рыпушкалица, Салми, Сямозеро), *kibištuz* – ‘боль, болезнь’ (Галлезеро)⁴⁶⁴ (от слов. осн. прилаг. *kipie*→*kipie-* (ск.), *kibei*→*kibie-* (ливв.) + суф. *-ys* (ск., ливв.), *-uz* (люд.);

⁴⁶¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 320; Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. S. 70.

⁴⁶² Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2005. С. 653.

⁴⁶³ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 437; Suomen sanojen alkuperä. Helsinki, III. 2000. S. 338.

⁴⁶⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 207, 240; Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. S. 80.

г) *voimattomus* – ‘болезнь’ (Коткозеро, Неккула, Рыпушкалица, Салми, Сямозеро, Тунгуда) (от слов. осн. глаг. *voimattuo*→*voimattu-* (ливв.) – ‘заболеть, расхвораться’ + суф. *-mus*);

д) *voimatus* – ‘болезнь’ (Коткозеро, Суоярви, Сямозеро)⁴⁶⁵ (от слов. осн. глаг. *voimattuo*→*voimatu-* (ливв.) – ‘заболеть, расхвораться’ + суф. *-us*).

По мнению карелов, болезни, хвори, недуги могли пристать, прицепиться: ск. *tarttuo, tarttua*; тв.г. *tartuo* «*šyyhymin'e tarttuu*» – «чесотка пристаёт»⁴⁶⁶; ливв. *tartuo* «*čičäry tartui*» – «насморк пристал»⁴⁶⁷; люд. *tarttuda*, «*muahine tarttū käde*» – «земляная/экзема пристала к руке»⁴⁶⁸; передаваться: ск. *tarttuo*; тв.г. *tartuo* «*tarttuu raha taudi*» – ‘сифилис передается’⁴⁶⁹; ливв. *tartuo* «*tämä taudi kebjieh tarttuu*» – ‘эта болезнь легко передается’⁴⁷⁰; прийти: ск. *tulla*, «*kun tulou šilmäh šemmoni nappu ta še on hyvin kipie*» – «когда на глазу появляется (букв. приходит на глазах) такой прыщ, это очень больно»; тв.г. *tulla* «*lapših tulou ruškičča*» – ‘к ребенку придет краснуха’; ливв. *tulla* «*voimatus tuli*» – ‘болезнь пришла’⁴⁷¹.

Итак, из примеров о «переходе» или «движении» болезней следует, что данные представления у карелов были одинаковыми.

Взгляды на способы распространения болезней (пристать или прицепиться от любого природного объекта, стихии, постройки и т. д.) легли в основу названий некоторых мифологических заболеваний, представляющих собой отглагольные имена существительные:

heitos – ‘болезнь, приставшая от земли, воды, воздуха’ (от слов. осн. глаг. *heittyö*→*heitty-* ‘(о болезни) пристать от чего-то’ + суф. *-os*). Например, суоярвские карелы говорили: «*tuulez on heittynyh, tuulez on heitos*» – ‘от ветра приставшая, от ветра болезнь’.

⁴⁶⁵ Полевой материал автора – 53; Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. С. 137, 436; *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki, VI. 2005. S. 677.

⁴⁶⁶ Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. С. 294.

⁴⁶⁷ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 377.

⁴⁶⁸ Kujola J. *Luuydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki, 1944. S. 428.

⁴⁶⁹ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 294.

⁴⁷⁰ Большой русско-карельский словарь. Петрозаводск, 2016. С. 213.

⁴⁷¹ *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki, V. 1997. S. 286.

heitteäntähine – ‘болезнь, приставшая от земли, воды, воздуха’ (от слов. осн. глаг. *heittyö*→*heitty*- ‘(о болезни) пристать от чего-то’ с присоединением двух суффиксов *-ndy/-nty* и *-hine/-hini*). Данное название было распространено у тверских и ливвиковских карелов: ск. *kuotella heit'ändähizešt'ä* ‘ворожить от нанесенной (приставшей) болезни’ (тверской говор) // ливв. *kibei on vies heitändähine* ‘болячка – это от воды приставшая болезнь’ (Сямозеро); *viez on heitändähine* ‘от воды приставшая болезнь’ (Неккула, Рыпушкалица)⁴⁷².

jiäkšintähin'i – ‘болезнь, полученная от земли, воды, воздуха’ (от слов. осн. глаг. *jiäkšie*→*jiäkši*- ‘свято обещать, зарекаться’ + суф. – *-ndy/-nty* и *-hine/-hini*). Это название бытовало, как в северной, так и южной Карелии: ск. *jiäkšintähin'i* (Вокнаволоок, Калевала, Кестеньга) // ливв. *jiäksindähine* (Коткозеро)⁴⁷³.

tartuntahine – ‘болезнь, приставшая от сил или явлений природы; некая заразная болезнь’ (от слов. осн. глаг. *tartuo*→*tartu*- ‘передаваться от одного к другому (о болезни)’ + суф. *-ndy/-nty* и *-hine/-hini*). Наименование характерно для северной и южной Карелии: ск. *tartuntahista pölätetäh pois* – ‘спугнуть приставшую болезнь’ (Кестеньга); *moaz, veez on tartundahini* – ‘от земли, от воды приставшая болезнь’ (Суоярви) // ливв. *veiz on tartundahine, pidäy proškennoa pyudeä* – ‘от воды болезнь, нужно прощения просить (Сямозеро)’⁴⁷⁴.

tulelmus – ‘болезнь, приставшая от сил или явлений природы’ (от слов. осн. глаг. *tulla*→*tule*- ‘приставать (о болезни, недуге)’ + суф. *-lma* и *-us/-uš*). Наименование зафиксировано только в диалектах собственно-карельского наречия: ск. *tuli tulelmuš* – ‘пристала болезнь’ (Вокнаволоок); *viime kešänä peäššin Trohkimat rojan, šillä oli ilmašta tullut tulelmuš* – ‘прошлым летом я вылечил сына Трофима, у него была болезнь от воздуха’ (Контолки); *(läsiy tulomušta* – ‘болеть приставшей (насланной) болезнью’ Кестеньга); *tulou tulemuš* – ‘пристает насланная болезнь’ (Ругозеро). Необходимо отметить, что данная лексема в диалектах собственно-карельского наречия используется в значении ‘заразная болезнь’: **tule(l)muš**: ск.

⁴⁷² Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 50; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, I. 1968. S. 207, 209.

⁴⁷³ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 102.

⁴⁷⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 56.

tulemuš (Вокнаволоок, Кестеньга), *tulemus* (Кестеньга, Ругозеро), *tulemuš tul'i, heit't'äyd'y* – ‘заразная болезнь появилась, пристала’ (Тунгозеро)⁴⁷⁵.

tulendahine – ‘болезнь, приставшая от сил или явлений природы’ (от слов. осн. глаг. *tulla*→*tule*- ‘приставать (о болезни, недуге’) + суф. *-ndy* и *-hine*). Люди-ковские карелы (д. Галлезеро) говорили «*kell ol'i tulendahine, mečannena, prost'it*» – ‘у кого была приставшая болезнь, от леса болезнь, просишь прощения’⁴⁷⁶.

tulomini – ‘приходящая/приставшая болезнь’ (от слов. осн. глаг. *tulla*→*tule*- ‘приставать (о болезни, недуге’) + суф. *-mini*). Наименование было распространено у карелов д. Юккогуба: ск. *no, tulomini se i lienöy... Sanotaa – tulomizešša viruu* – ‘ну, приходящее (болезнь) это и есть... Говорят – от приходящего болеет’. Заболевание *tulomini* приставало к человеку в том случае, если он подумал во время какого-нибудь несчастья (похорон, болезни): «Лишь бы ко мне никакая беда не пришла – приходящая»⁴⁷⁷.

В карельском языке имеются и другие названия болезней прибалтийско-финского происхождения. Одно из них *viga* ‘хворь, недуг’. Лексема распространена в тверском говоре и сямозерском и суоярвском диалектах карельского языка: ск. *kalman, mečän, toahizen, tulen, veen viga* – ‘хворь могилы (болезнь смерть), хворь от леса, земляная, хворь от огня, хворь от воды’ (Суоярви); *hiän on veještä vialla, kun ei ole peziečen, on maraudun* – ‘у него болезнь (хворь) от воды, так как не умывался, испачкался’ (тверской говор) // ливв. *vien sil jumalal tuohuksen, k olloo sen viga* – ‘я несу тогда свечку Богу, если такая болезнь’ (Сямозеро). В ливвиковском наречии карельского языка, вепсском и эстонском языках слово *vi-ga* имеет и другие значения. Одно из них – ‘изъян, недостаток, дефект’, т. е. результат действия болезни (ср. саам. *vahe* ‘увечье, болезнь’)⁴⁷⁸. Другие значения слова – ‘причина, вина’ (вепс., ливв.), ‘ошибка, погрешность’ (эст.), т. е. в прибалтийско-финском слове *viga* отразились представления о причине появления в том

⁴⁷⁵ Полевой материал автора – 56; Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009. С. 69, 299.

⁴⁷⁶ Virtaranta P. Luuydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. S. 263.

⁴⁷⁷ Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М., 2016. С. 354.

⁴⁷⁸ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki, III. 2000. S. 446.

числе и болезни у человека – нарушении им каких-то запретов, какой-то вине (по вине не только болезни), прегрешении.

Производным от карельской лексемы *vika/viga* является слово *vikahine* ‘недуг, приставший от земли, воды, леса, колодца и т. д.’ (от слов. осн. им. сущ. *vika*→*vika-*, *viga*→*viga-* ‘изъян, недуг, причина’ + суф. *-hine* – посредством данного суффикса образуются названия мифических и живых существ). Название было распространено на территории проживания беломорских, тверских и ливвиковских карелов: ск. *vigahine* (Суйстамо); *väh’ on noita tietäjiä Vikahisen voitajia, Vammahisen päästäjiä* – ‘мало их таких ведунов, кто болезнь победит, да от болезни (хвори) избавит’ (Контокки); *uniloj myö arboallah vigahizeks* – ‘по снам разгадывают болезнь’ (Суоярви); *šiul on kaivolda vigahine* – ‘у тебя болезнь (хворь) от колодца’ (тверской говор) // ливв. *vigahine* (Сямозеро), *vigahine heittyi (esimerkiksi, kaivosta)* – ‘болезнь утихла (например, от колодца)’ (Тулмозеро)⁴⁷⁹.

Тверские карелы старшего поколения верили, что *vigahine* пристаёт по разным причинам: если идешь по дороге и на плохой след наступишь (д. Большое Плоское); если матом выругаешься; если что-нибудь плохое подумаешь в опасном месте; если, не благославясь, придешь на скотный двор (с. Воздвиженка). Чаще всего это заболевание приставало в бане или от плохих и злых людей (посмотрят они недобро, плохо подумают, позавидуют)⁴⁸⁰.

К исконно прибалтийско-финским наименованиям относится также название болезни *viha*.

Лексема *viha* имеет несколько значений: ‘1) хворь (в составе сложных лексем); 2) раздражение, воспаление, заражение (как симптом болезни); 3) зло’. Последнее значение сохранилось в вепском, эстонском, финском и саамском (саам. *vâšše* ‘зло’) языках⁴⁸¹. Оно отражает взгляд народа на болезнь как на зло. Таким образом, примерная семантика «зло» развилась в карельском языке в значение ‘хворь’. Следует обратить внимание и на языковые примеры из ливвиковского

⁴⁷⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 622.

⁴⁸⁰ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Helsinki, 1961. S. 209

⁴⁸¹ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki, III. 2000. S. 436.

наречия, связанные с мифологическим значением слова *viha*: «*kažin kynnen viha*» – ‘раздражение от царапины кошки’, «*mavon viha*» – ‘воспаление от змеиного укуса’, «*tuulen viha*» – ‘болезнь от ветра’, «*vien viha*» – ‘болезнь от воды’, «*ravvan viha*» – ‘заражение от железа’⁴⁸². Как свидетельствует это значение, под словом *viha* со временем стали пониматься раны, кожные воспаления и нагноения, а также змеиные укусы, т.е. движение мыслительного процесса происходило универсальным образом от общего к частному (от общих признаков болезненных состояний к конкретным видам заболеваний)⁴⁸³. С змеиными укусами согласуются и данные из словарей Э. Леннрота и М. Агриколы. В них лексема *viha* упоминается в качестве синонима словосочетания «змеиный яд»⁴⁸⁴.

Таким образом, можно предположить, что в названиях заболеваний с корнем *viha* подразумеваются болезни, связанные с кожными воспалениями или нагноениями (например, *kynnen/viha* – букв. ‘ногтя+нагноение’; *kylmän/viha* – букв. ‘холода+кожное воспаление’; *moan/viha* – букв. ‘земли+кожное воспаление’ и т. д.), которые приставали к человеку от различных объектов окружающего мира за недостойное поведение.

Наименование *viha* прослеживается в карельском языке во всех наречиях: ск. *mato šyöpi moav vihat, čičiliušku t’iev vihat, skokuna vejev vihat* – ‘змея съест хворь от земли, ящерица – хворь от дороги, лягушка – хворь от воды’ (Вокнаволок); *em muissa alkuo šitä keärmehev vihah kum puhutah* – ‘я не помню начала заговора от укуса змеи’ (Контокки); *(tietäjä) palanuošta otti vihan* – ‘(знахарь) от обожженного места забрал зло’ (Паданы); *vot tiijätkö noita vihoja vai et tiä?* – ‘вот знаешь ли ты эти болезни или нет?’ (Вычетайбола) // ливв. *viha* (Видлица, Салми, Сямозеро) // люд. *viha* (Галлезеро).

В карельском языке известно и такое название кожной болезни как *muahine*, которое переводится ‘некая болезнь кожи, приставшая от земли, бани и

⁴⁸² Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 430.

⁴⁸³ Кириленко Е.И. Круг болезней в языковом сознании и медицинской традиции русских: опыт классификации по материалам словаря В.И. Даля [Электронный ресурс] // Медицинская антропология и биоэтика. Вып.3., 2012. URL: www.medanthro.ru/?page_id=1055

⁴⁸⁴ Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; Helsinki, 1975. S. 710.

т. д.’ (от слов. осн. сущ. *tuia*→*tuia-* со значением ‘земля’ с присоединением суф. *-hine*): ск. (тверской говор) *tuahine* ‘некое кожное заболевание в виде нарывов, которое могло пристать от земли, бани и т. д.’⁴⁸⁵ // ливв. *tuahine* ‘некая болезнь кожи, которая может, согласно суевериям, пристать от земли или в бане’⁴⁸⁶ // люд. *tuahine* ‘какая-то экзема, воспаление, которая могла пристать от бани, умывальника к рукам, ногам’⁴⁸⁷. В словаре Т. Вуорела финская лексема *tuahinen* объясняется как ‘согласно поверьям, насланные кем-то нехорошие кожные болезни’⁴⁸⁸.

Еще одним названием болезни, связанным с мифологическим мировосприятием карелов, является слово *nenä*. Существует несколько толкований лексемы *nenä* – ‘от природы или некого существа/предмета приставшая болезнь (верование)’: ск. *mečän nenä* – ‘хворь от леса’ (Контокки), *mečän-*, *tuulennenä* – ‘хворь от леса, хворь от ветра’ (Ругозеро), *tuulen nenä* – ‘хворь от ветра’ (тверской говор), *siul on, gor’a, mečännenä* – ‘у тебя, горе/беда, хворь от леса’ (Суоярви) // ливв. *kalman, ilman, obrazan nenä* – ‘хворь от могилы/смерть, хворь от природы/воздуха, хворь от иконы’ (Сямозеро); *mečän, kalman, vien, pokoiniekan, tuulen nenä* – ‘хворь от леса, хворь от могилы/смерть, хворь от воды, хворь от покойника, хворь от ветра’ (Неккула, Рыпушкалица) // люд. «(*hänellä*) on kaks nenät» *sanou* – ‘(у него) две болезни (хвори), говорит’ (Святозеро)⁴⁸⁹. К. Астед выделяет у слова *nenä* два значения: 1) мистическая болезнь; 2) духовное, мифическое существо. Грань между этими понятиями очень тонкая⁴⁹⁰. По мнению Л. И. Ивановой, в карельских верованиях эти значения едины, т. к. сам недуг воспринимается как некое живое, аморфное существо⁴⁹¹.

⁴⁸⁵ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 163.

⁴⁸⁶ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 209.

⁴⁸⁷ Kujola J. *Lyydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki, 1944. S. 243.

⁴⁸⁸ Vuorela T. *Suomalainen kansankulttuuri*. Porvoo; Helsinki, 1975. S. 260.

⁴⁸⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, III. 1983. S. 473; Virtaranta P. *Lyydiläisiä tekstejä*. Osa VI. Helsinki, 1994. S. 94.

⁴⁹⁰ Astedt K. *Mytologisista nenä – yhdynnäisistä* // *Kalevalaseuran vuosikirja*. № 40. Porvoo; Helsinki, 1960. S. 307.

⁴⁹¹ Иванова Л. И. Лесной нос: архаические представления карелов о болезни и магические локусы ритуала исцеления // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Гуманитарные исследования. Вып. 4. Петрозаводск, 2012. С. 69.

Лексема *nenä* является исконно прибалтийско-финским словом (ср. саам. *njuon(n)e, njun(n)e* ‘нос’)⁴⁹², которое в диалектах карельского языка и во всех прибалтийско-финских языках буквально переводится как ‘нос’. Возникает естественный вопрос, причем здесь ‘нос’? Как объяснил один из информантов (д. Большие Горы), в период болезни этими недугами человеку трудно дышать, потому что эти болезни попадали внутрь по воздуху, через нос во время дыхания, вдоха. При сборе материала в Калевальском районе (п. Калевала) на вопрос: «Знакомы ли Вам названия *mečännenä, viennnenä*? Почему в этих названиях используется часть *nenä*? Что это слово (*nenä*) обозначает?», были получены следующие данные: «*Nenä* – это существа, как хозяева воды или леса. Некоторые говорят «глаза леса или глаза воды», кто-то – «уши леса или воды», ну а другие, наверное, называют «носом»». Другие информанты (д. Царь-порог, Самбатукса, Печная Сельга, Олонец) утверждают, что, в состав этих лексем входит слово *nenä* в связи с тем, что нос – это орган, «находящийся всегда впереди человека», и, возможно, через все болезни через нос проникают в человеческий организм⁴⁹³. Нам кажется, данное объяснение является наиболее приемлемым. Возможно, являясь компонентом сложных наименований болезней мифологического характера, часть *nenä* указывает на проникновение болезни внутрь человека через нос, являясь симптомами внутренних заболеваний. Подобная гипотеза находит подтверждение в славянских мифологических представлениях о носе: «Нос – часть лица, которая в традиционной культуре выступает важным каналом связи с внешним миром. Как и через другие отверстия человеческого тела, через нос внутрь тела может проникать нечистая сила и ее агенты»⁴⁹⁴. Подобного мнения об этимологии названия этой болезни на вепсских материалах придерживается И. Ю. Винокурова. Название болезни *tesańena* зафиксировано на территории расселения северных и средних (оятских и вологодских) вепсов. В буквальном переводе сло-

⁴⁹² Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. II, 1995. S. 213.

⁴⁹³ Полевой материал автора – 21, 22, 23.

⁴⁹⁴ Кабакова Г. И. Нос // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 435; Пашкова Т. В. Народные названия болезней в карельском языке: автореф.дисс. ...канд.филол.наук. Петрозаводск, 2008. С. 11.

во *tesańena* (*tes* ‘лес’ + *ńena* ‘нос’) переводится как «лесной нос». Однако ряд вепских терминов и фразеологизмов со словом *ńena* связан с символикой зла: *kantta ńena* ‘таить зло’ (букв. «носить зло»), *ńenoita* ‘сердиться, дуться’, *ńenatoi* ‘незлопамятный’ – букв. «безносый». В контексте представлений о болезни как абсолютном зле слово *ńena*, видимо, имеет значение «зло», которое посылается хозяином леса. Нос как отверстие, канал связи с внешним миром, в которое проникает «зло», метонимически обозначает зло (болезнь). По данным, собранным И. Ю. Винокуровой в вепских деревнях, болезни с корнем *pena*, – это, как правило, внутренние заболевания, проникающие через нос⁴⁹⁵.

Н. Г. Зайцева, рассматривая *-nenä*, как часть наименования болезни, обращает внимание и на то, что самостоятельное мифологическое значение у этого слова появилось уже в прибалтийско-финское время, о чем свидетельствует и этимологический словарь финского языка при анализе материала родственных языков⁴⁹⁶. Но вместе с тем, она обращает внимание на отыменный вепский глагол *nenagata* ‘сердиться, рассердиться, упрямиться’, который также вписывается в этот контекст мифологического значения словообразовательной основой *-pena*⁴⁹⁷ (ср. ливв. *olla nenänke* ‘быть надутым, сердиться’⁴⁹⁸). Отсюда, этимологию болезни *nenä* можно объяснить тем, что рассердившись на человека за какую-либо провинность в локусе проживания духов-хозяев, они могли напустить на человека недуги.

Карелы верили, что существует множество различных «носов»-внутренних болезней, которые взаимосвязаны между собой: *vien/nenä* – ‘букв. воды+нос’, *kylyn/nenä* – ‘букв. бани+нос’, *tesčän/nenä* – ‘букв. леса+нос’. Особенно они опасны следующим: «если пристанет один нос, то пристанет и три подряд». Саму болезнь считали живым существом, часто «гладающим подобно змею»⁴⁹⁹.

⁴⁹⁵ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 279.

⁴⁹⁶ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. II, 1995. S. 213.

⁴⁹⁷ Зайцева Н. Г. Очерки вепской диалектологии. Петрозаводск, 2016. С. 144–149.

⁴⁹⁸ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 226.

⁴⁹⁹ Pelkonen R. Lääketieteen juurilla // Kalevalaseuran vuosikirja. Lönnrotin hengessä. № 81. Helsinki, 2002. S. 158.

К славянским заимствованиям относится следующее наименование, бытующее у собственно-карелов, проживающих на территории Карелии и Тверской области:

hiimosti – ‘некая болезнь, приставшая от сил или явлений природы (пове-рье)/заразная болезнь’: ск. *hiimosti* (Вокनावолок, Калевала, Кестеньга, Суйстамо). Беломорские карелы относят болезнь *hiimosti* к недугам, которые напоминают за-болевания нервной системы (Кестеньга). Эти сведения дополняются данными о том, что *hiimosti* – это недуг от испуга: если человек испугается чего-то в лесу, например, хруста ветки или медведя, то к нему пристанет болезнь от леса *mečän/hiimošti*; если покойника испугается, то пристанет *ruumiksen/hiimošti* – букв. ‘болезнь, приставшая от трупа/покойника’ и т. д. С помощью «гадания» опреде-ляли, какая *hiimosti* пристала и шли просить прощения у источника заболевания (Суйстамо)⁵⁰⁰.

Финский языковед Я. Калима предполагает, что наименование *hiimosti* появилось в карельском языке из диалектов русского языка *химосьть ‘душевная болезнь’⁵⁰¹.

Таким образом, в карельской лексике нашли отражения некоторые мифоло-гические представления народа о болезнях, которые считались воздействием на человека пришедшего зла из окружающего одухотворенного мира. В карельском языке было выявлено несколько названий для групп болезней, объединенных по анатомо-топографическому принципу: кожные (*viha, tuahiine*), внутренние (*nenä*) и душевные (*hiimosti*). Они будут приняты во внимание при рассмотрении следу-ющего вопроса – о народной классификации заболеваний у карелов.

Выводы по главе

Таким образом, выделены следующие подгруппы заболеваний религиозно-мифологического происхождения:

⁵⁰⁰ Полевой материал автора – 56; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, I. 1968. S. 261; Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; Helsinki, 1975. S. 74.

⁵⁰¹ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki, I. 1992. S. 162.

1) болезни от природных стихий и объектов (болезни от воды или хозяина воды; заболевания от участка земли; заболевания от леса или лесного духа; заболевания от огня; хворь от дерева; хворь от железа; хворь от камня);

2) болезни, связанные с неблагоприятными погодными условиями (заболевания от холода с основой *viha*; заболевания, насланные погодой с основой *penä*; заболевания от природы с основой *penä*; заболевания от ветра с основой *penä*);

3) болезни от построек или олицетворяющих их духов (болезни от бани; болезни хлева или скотного двора);

4) болезни от соприкосновения с миром мертвых;

5) болезни от несоблюдения правил и норм, регламентирующих поведение человека в быту (заболевания от ногтей);

6) болезни от птиц, животных и насекомых (болезни от птиц: веснушки, куриная слепота, цыпки; укус змеи, нагноение (опухоль) после укуса змеи; болезни от жабы; болезни от собаки: рахит, болезненная худощавость, ячмень, хворь от укуса собаки; болезни от свиньи: свинка, щетинка; болезни от насекомых: болезни от вши, укусы насекомых);

7) болезни от Бога;

8) персонифицированные болезни (эпидемические болезни: холера, корь, краснуха, ветрянка, оспа, тиф; ночной демон, заставляющий плакать детей);

9) болезни от людей или насланные людьми заболевания (паралич; проклятие; сглаз, порча, призор);

10) болезни от думы (увеличение щитовидной железы и др.);

11) доспешка;

12) икота.

Следует заметить, что некоторые подгруппы болезней сверхъестественного происхождения в карельской народной медицине выделялись и другими исследователями (например, Й. Пентикяйнен, Р. Пелконен и др.): насланные злыми (плохими) людьми, приставшие от природных стихий, Божьи заболевания.

В основе выделенных подгрупп болезней лежали два критерия: источник происхождения (от кого или от чего) болезни и ее анатомическая или симптоматическая топография.

Комплексное использование источников позволило прийти к выводу о том, что многие болезни этой группы, например, приставшие от природных стихий и объектов или их духов-хозяев, это не какие-то абстрактные болезни, а болезни, имеющие определенные симптомы. Так, симптомами болезней, в названии которых имеется компонент *viha*, могут быть повреждения кожи: раны, ушибы, обморожения, воспаления, нагноения, которые после полученной травмы сильно болели, краснели и опухали. Под болезнью с основой в названии *tuahiine* понималась кожная экзема, *nenä*, как правило, – это какое-то внутреннее заболевание, *hiimosti* – душевно-психическое. Проанализированная лексика вместе с другими источниками свидетельствует, например, о том, что от духа леса приставала не просто болезнь, она могла быть внутренним или психическим заболеванием. Названия болезней от воды указывают на их симптомы – ушибы, кожные и внутренние заболевания. Часто источник передавал человеку через заболевание свои признаки. Например, при болезни от *kalma* наблюдался холод по всему телу и синева на лице – то, что характерно для мертвых.

Одним из основных принципов лечения этой группы заболеваний была магическая передача ее обратно источнику появления (например, цыпки, рахит), что наиболее ярко проявилось в текстах заговоров. Заговоры отличались особой структурой: обращение к носителю болезни, которое характеризовалось либо превосходными определениями, либо негативными; просьбу о прощении и просьбу забрать болезнь.

К числу остальных способов исцеления следует отнести:

- «смывание» болезни (например, хворь от воды, леса и др.);
- «выпаривание» болезни (например, хворь от воды);
- «очерчивание» болезни (например, хворь от участка земли);
- «задабривание» болезни (например, корь, краснуха, оспа, ветрянка);

- «испечение» болезни (например, рахит, ячмень).

Во время всех целительных ритуалов произносились заговоры, позднее – молитвы.

Карельская народная медицина долгое время сохраняла исчезнувшие у соседних народов (русских, вепсов) некоторые архаичные черты. Так, группа болезней религиозно-мифологического происхождения включала большое количество болезней, которые у многих народов связывались рациональными причинами. Это болезни от железа, дерева, камня, холода и непогоды, от ногтя. Довольно ярким явлением в ней была группа от *kalma*. При этом представления от этой группы были зафиксированы только у карелов Карелии.

Под воздействием православия древняя карельская классификация болезней дополнилась группой заболеваний, которая, по народным представлениям, насылалась Богом, была Божьим наказанием.

В разное время в народную классификацию болезней вливались новые, представляющие собой различные русские заимствования, которые охватывали всех карелов (икота) или только их отдельные поселения. Эти заимствованные болезни не всегда вписывались в существующие группы в народной классификации (зафиксированная у тихвинских карелов болезнь dospeshka).

ГЛАВА 4. НАРОДНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ БОЛЕЗНЕЙ У КАРЕЛОВ

Попыткой дать народную классификацию болезней, как правило, начинается работа любого исследователя, обратившегося к изучению народной медицины определенного народа. Эти стремления наталкиваются на трудности, поскольку, если такая классификация когда-то существовала, то она дошла до нас уже в разрушенном состоянии. Авторы в предложенных классификациях не всегда были последовательными: они или принимали во внимание народные названия и представления о группах болезней, или игнорировали их и руководствовались рациональными знаниями, почерпнутыми из официальной медицины.

В данной главе представлена народная классификация болезней у карелов, для единого восприятия и полного анализа которой необходимо цельное представление всех выявленных разновидностей заболеваний, способов их лечения и групп. Предложенная система создана на основе полученных данных из этнографических, лингвистических и фольклорных источников, а также полевых материалов автора.

§ 4.1. Проблема классификации болезней в карельской народной медицине

Самая ранняя классификация, заслуживающая внимания, представлена в работе врача Г. И. Попова, исследовавшего и систематизировавшего богатейший этнографический материал по русской народной медицине, собранный «Этнографическим бюро» князя В. Н. Тенишева с 1897 по 1901 гг. Внештатные сотрудники бюро – учителя, священнослужители, семинаристы, студенты — собирали этнографические сведения в той местности, в которой проживали. Штатными сотрудниками были квалифицированные специалисты в области этнографии. Они занимались подбором корреспондентов на местах, принимали рукописи, оценивали их содержательную сторону, проводили первичную обработку и систематизацию

присланного материала, редактировали и публиковали тексты. В их число входил автор-составитель книги «Русская народно-бытовая медицина» Г. И. Попов, который справедливо полагает, что в основе общей народной классификации болезней у русских, как правило, просматриваются почти исключительно симптомы заболеваний и частично причины, обуславливающие, с точки зрения человека, их происхождение. Как отмечал автор, согласно простонародному мышлению болезни часто обозначались прямо по частям тела или органам, к которым относились, что приводило к совмещению всех заболеваний данного органа или части тела в одну. Таким образом, в народе выделялись глазные болезни (куриная слепота, бельмо, письяк), болезни желудочно-кишечного тракта (окорм, изжога), болезни легких и сердца (кашель, одышка, биение сердца) и др. Г. И. Поповым было сделано важное наблюдение о том, что классификации часто имели локальные различия. В Пензенской губ. они подразделялись по мифологическим причинам возникновения, например: от сглаза (более легкие) и от беса (тяжелые) болезни. В Ростовском у. Ярославской губ. для болезней существовала совсем другая группировка. По этой классификации, выделялись болезни от простуды, натуги и привязные, напускные. Последние, в свою очередь, делились на простые и рассыпные, уездные и заграничные. Простая болезнь ограничивается одним местом, а рассыпная, в виде сыпи, распространялась по всему телу. Уездную болезнь мог вылечить заговорщик своего уезда, заграничную – заговорщик из другого уезда или даже губернии⁵⁰².

Еще одна классификация была представлена выдающимся этнографом и фольклористом Г. С. Виноградовым. В его работе «Самоврачевание и скотолечение у русского старожилго населения Восточной Сибири» автор впервые ввел в научный оборот свои полевые материалы, составившие основу исследования. В предложенной Г. С. Виноградовым классификации были выделены группы болезней по симптоматическому и этиологическому критериям: 1) общие заболевания: острые, заразные (оспа, скарлатина, тиф); внутренние (желтуха, золотуха, дурная

---

⁵⁰² Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб., 1903. С. 168, 172.

кровища); нервные (головная боль, мозги не на месте, паралич); хирургические (глазные болезни, болезни костей, горловые болезни, кровотечение); кожные (бородавки, веснушки, вшивость); болезни мочеполовых органов; несчастные случаи (укусы, угар); 2) детские заболевания (бессонница, грыжа, дифтерия, родимец и т. д.); 3) женские заболевания (грудница, маточные кровотечения и т. д.). В качестве причин возникновения заболеваний русские крестьяне выделяли «частные» и «общие». К первым относились инфекции, простуды, воспаления, ушибы и т. д., ко вторым воля Божия и наказание Божие⁵⁰³.

Врач Н. А. Богоявленский, изучающий историю медицины, определил несколько групп заболеваний, критерием выделения которых являются естественные причины: 1) болезни, возникшие из-за голода, бесхлебицы, неурожая; 2) болезни, возникшие вследствие зараженности зерна патогенными грибами; 3) болезни, появившиеся из-за холода и сырости (простуда); 4) болезни глаз, инфекционного происхождения или от раздражения сетчатки блестящим на солнце льдом и снегом в весенние дни; 5) кожные болезни (чесотка); 6) болезни внутренних органов (чечуй, подугови, хрупы); 7) заболевания зубов и челюстей; 8) нервно-психические заболевания; 9) болезни уха и носа; 10) женские и детские болезни; 11) поварные болезни⁵⁰⁴.

Исследовательница народных названий болезней в русском языке В. А. Меркулова представила классификацию, основанную на языковом материале. Она проанализировала около 400 наименований заболеваний и разделила их на группы по семантической близости: эпидемия (мор, памжа, пошеть, пошава и т. д.); сыпь, болезни, сопровождающиеся сыпью (оспа, бабуха, золотуха, огника и т. д.); повышенная температура, тиф (жар, огневица, горячка и т. д.); лихорадка (леденя, веснуха и т. д.); чесотка и другие кожные заболевания (зуд, воронья лапа, короста и т. д.) и др. Всего автор указала 39 групп. В отдельную группу выде-

⁵⁰³ Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилородного населения Сибири // Живая старина. Вып. 4. СПб., 1915. С. 329–356.

⁵⁰⁴ Богоявленский Н. А. Медицина у первоселов русского севера: Очерки из истории санитарного быта и народного врачевания X–XVII вв.. Л., 1966. С. 71–72.

лены заболевания от вредоносной деятельности людей, «болезни, возникающие от злого умысла»: сглаз, порча⁵⁰⁵.

В монографии М. Д. Торэн вычленяются две группы заболеваний. Критериями выделения первой группы явились симптомы и причины возникновения рационального характера, ко второй – иррационального характера. К первой группе относятся желудочно-кишечные заболевания, простудные, цинготные (из-за нехватки витаминов), легочные, глазные, нервно-психические, лихорадочные, внутренние и др. Во вторую группу вынесены болезни, связанные с религиозно-магическими представлениями русского населения. К ним автор относит «одержимость гадами» (болезни живота с сильной рвотой и болями), «от воздействия злых духов» (все внезапные заболевания со смертельным исходом), порча/сглаз и др.⁵⁰⁶

Интерес представляют также классификации болезней у соседних родственных прибалтийско-финских народов, которые необходимы для сравнительного анализа исследования – групп болезней у карелов и других народов.

В финской народной медицине М. Хако классифицирует заболевания по причинам, месту заболевания и половозрастному признаку: 1) «приставшие» болезни; 2) «насланные» заболевания; 3) испуг; 4) припадок/приступ; 5) травмы; 6) ядовитые укусы; 7) заразные болезни; 8) внутренние заболевания; 9) ломота; 10) нервные расстройства и умственные отклонения; 11) кожные заболевания; 12) болезни половых органов; 13) женские болезни; 14) детские болезни; 15) глазные заболевания; 16) ушные заболевания, болезни ротовой полости и носа; 17) зубная боль, заболевания десен⁵⁰⁷.

И. Ю. Винокурова в народной медицине вепсов по этиологическому критерию выделяет две группы недугов: возникшие от рациональных причин и от сверхъестественных причин. Последняя группа делится на следующие подгруппы: 1) болезни от воздействия природных стихий, хозяйственных построек и оли-

⁵⁰⁵ Меркулова В. А. Народные названия болезней (На материале русского языка) // Этимология. М., 1969. С. 159–161.

⁵⁰⁶ Торэн М. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996. С. 300–310.

⁵⁰⁷ Kansanomaisen lääkintätietous / Toim. Nako M. Helsinki, 1957. S. 21–59.

цветворяющих их «духов»-хозяев; 2) болезни от животных; 3) болезни от нарушения этикетных норм; 4) от порчи/сглаза; 5) болезни, возникшие из-за потери души-тени; 6) недуги от Божьей кары (*Jumalanviga*), насылаемые за грехи человека, осквернение им христианских святынь⁵⁰⁸.

Попытки дать народную классификацию болезней или характеристику отдельных групп заболеваний встречаются и в работах, посвященных локальным традициям карелов, начиная со второй половины XIX в.

По самым ранним сведениям К. Петрова, у карелов Олонецкого у. выделяли такие заболевания как: а) насланные злыми людьми или колдунами без всякой на то причины; б) посланные по ветру болезни (например, щетинки, порча)⁵⁰⁹. Как отмечал П. Покровский, карелы считали: если человек лежит с горячкой, значит его «бес мучает»; если у него падучая болезнь (эпилепсия) – его «злой человек испортил»⁵¹⁰.

По наблюдению С. Паулахарью, карелы Калевальского района (д. Войница) выделяли такие группы заболеваний: правильные Божьи и приставшие или насланные плохими людьми. К первой группе относили оспу и все эпидемические болезни. Когда человек заболел и умер от какого-либо эпидемического заболевания, то карелы говорили, что он «умер от правильного Божьего заболевания» или «его сломила Божья болезнь»⁵¹¹.

У паданских карелов Д. К. Зелениным сообщается такая группа болезней как «по случаю» (т. е. от ветра, воды, леса «пришло»). К таким болезням относились запоры, головная боль и т. д.⁵¹²

П. Виртаранта в сборнике образцов карельской речи «Северный народ вспоминает» сообщал о двух группах заболеваний у жителей карельских деревень

⁵⁰⁸ Винокурова И. Ю. Религиозно-мифологические представления о происхождении болезней в народной медицине вепсов // Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования. Петрозаводск, 2016. С. 205–206.

⁵⁰⁹ Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 188.

⁵¹⁰ Покровский П. Корел, его быт и занятия (Олонецкий уезд). Предрассудки и поверия корела // Олонецкие губернские ведомости. 1873. № 8. С. 90.

⁵¹¹ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan taroja ja uskomuksia. Porvoo, 1924. S. 59.

⁵¹² Зеленин Д. К. О старом быте карел Медвежьегогорского района Карело-Финской ССР // Советская этнография. 1941. № 5. С. 120.

Аконлахти и Ладвозеро: от Бога и плохого человека. Разница между ними состояла лишь в следующем: если болезнь протекала в легкой форме, то она была наслана Богом, если больной сильно мучался, то болезнь была наслана плохим человеком⁵¹³.

Й. Пентикяйнен, исследуя народную медицину карелов д. Оуланка, выделял четыре группы заболеваний:

1) насланная плохим человеком (такую болезнь насылал один человек на другого завистью, колдовством или проклятиями); 2) «приставшие болезни» (болезнь от воды, огня, земли, ветра, бани и др.); 3) различные повреждения и травмы; 4) насланная Богом болезнь (считалось, что за какую-либо провинность Бог насылал на человека болезнь). Основной, насланной Богом болезнью считалась оспа, далее – дизентерия, на третьей позиции был брюшной тиф⁵¹⁴. С этим выделением можно согласиться, но данная классификация требует дополнения.

Держанские карелы, по П. Норвику, классифицировали болезни по источникам возникновения: 1) заболевания от холода (насморк, кашель, рожа, веснуха); 2) заболевания от грязи или насекомых-паразитов (к ним относилась, например, чесотка); 3) заболевания от животных (чума, лишай); 4) заболевания от испуга (например, заикание); 5) заразные заболевания (другими словами, эпидемические, например, коклюш, оспа); 6) заболевания от сглаза; 7) заболевания от плохого человека, насланные через какую-либо вещь (например, эпилепсия); 8) заболевания от плохих условий жизни (например, желтуха)⁵¹⁵. В этой классификации отсутствуют болезни от духов различных природных стихий и хозяйственных построек, которые явно были.

Согласно классификации Р. Пелконена, все заболевания подразделялись на Божьи и от магии, т.е. насланные болезни. Насланные Богом недуги были неизлечимы. К ним относились, например, чума и большинство старческих болезней. В число второй группы входили полученные от природы заболевания, насланные

⁵¹³ Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Porvoo; Helsinki, 1958. S. 111; Путешествия Элиаса Леннрота / Пер. с фин. В. И. Кийранен, Р. П. Ремшуевой. Петрозаводск, 1985. С. 136.

⁵¹⁴ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki, 1971. S. 234–235.

⁵¹⁵ Norvik P. Džoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 225.

духами/хозяевами или плохими/злыми людьми⁵¹⁶. Судя по материалам, которыми мы располагаем, в данной классификации отмечены далеко не все группы заболеваний.

У тверских карелов (д. Никифариха Лихославльский район) О. М. Фишман зафиксировала болезни от «думы» (приставали к человеку только в том случае, если он «подумает о себе что-нибудь плохое»). К этой группе болезней относились золотуха, грыжа, сглаз, *vigahine* ‘болезнь, которая, по поверьям, приставала хоть отчего (мифологическое)’⁵¹⁷.

Одну из причин болезней карелы видели в испуге. В севернокарельской деревне Ювялакша в 1968 г. был зафиксирован случай. Во время проверки улова женщина, в связи с тем, что силки запутались, случайно сняла рыбу из чужих ловушек. Она сразу это обнаружила, но ее спутники настояли, чтобы она забрала чужую рыбу. В процессе потрошения рыбы эта женщина поранилась ножом, после чего раненая рука начала опухать и нарываться. Все это настолько сильно испугало женщину, что она все время повторяла только одно: «я взяла чужую рыбу». Родственники обратились к знахарю, который вылечил женщину тем, что трижды неожиданно окунал ее в ледяную воду родника. Знахарь констатировал, что во время окунания в холодную воду, женщина сильно испугалась: клин клином вышибают, женщина заболела и поправилась от одного и того же – от испуга. Лечение здесь полностью зависело от течения заболевания, и «компоненты» их были идентичны: вода наказала и вылечила испуг⁵¹⁸.

Итак, проанализировав данные по народным классификациям и различным группам болезней у карелов, выделяется две основные группы болезней: 1) заболевания религиозно-мифологического происхождения; 2) заболевания естественного происхождения. В процессе дальнейшего исследования на основе различных

⁵¹⁶ Pelkonen R. Lääketieteen juurilla // Kalevalaseuran vuosikirja. Lönnrotin hengessä. № 81. Helsinki, 2002. S. 158.

⁵¹⁷ Фишман О. М. Знающая – больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Вып. 2. Петрозаводск, 2009. С. 141.

⁵¹⁸ Конкка А. П. Грехи и запреты в повседневном и обрядовом поведении как часть традиционной картины мира у карелов // Культура повседневной карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.). Петрозаводск, 2014. С. 323.

источников попытаемся определить подгруппы внутри этих групп и их виды, проанализировав, насколько они соответствуют предложенным классификациям и отличаются от русских, финнов и вепсов.

§ 4.2. Этиология и способы лечения заболеваний, объясняемых религиозно-мифологическим происхождением

Рассматриваемая в этом параграфе группа заболеваний содержит 12 подгрупп, в основе выделения которых лежали два критерия: источник происхождения болезни (от кого или от чего) и ее анатомическая или симптоматическая топография.

В мифологическом сознании карелов природные стихии и объекты (вода, земля, лес, огонь, ветер, холод, дерево, железо, камень) одухотворялись и персонифицировались. К ним относились с почтением, поклонялись и приносили умиловительные и благодарственные жертвы. Отношения мира природы и человека, живущего в мире культуры, складывались в форме постоянного диалога и взаимообмена, которые обеспечивались совершением ритуалов, системами норм поведения и запретов. Нарушение запретов или правил могло привести, по народным верованиям, к различным бедам, одной из которых были болезни. Архаичные представления о взаимоотношениях сил природы и людей сохранились у карелов вплоть до нашего времени, они нашли отражение в карельской медицинской лексике, верованиях, лечебных обрядовых практиках, заговорных текстах.

1. Болезни от природных стихий и объектов

Заболевания данной подгруппы (хворь от воды, хворь от земли, хворь от леса, хворь от огня и др.) имели одинаковые симптомы: болезненные ощущения в различных частях тела (груди, ушах, зубная боль), кожные проявления в виде волдырей, экземы, сыпи. Проявлялись эти недуги в послеобеденное время, ближе

к вечеру. Лечение заключалось в задабривании духов-хозяев, смывании или очерчивании болезни.

Болезни от воды или хозяина воды

В основе номинации этой группы болезней лежит источник ее происхождения – *vesi*→*veje*- (ск.), *vezi*→*vie*- (ливв.), *veži*→*vie*- (люд.) ‘вода’. Судя по названиям, вода могла послать различные по симптомам заболевания. Термин *vein/vigahin'e*⁵¹⁹ – букв. ‘водяная болезнь/увечье’: ск. *vein/vigahin'e* (Суйстамо) – указывает на то, что от воды человек мог получить увечье, исходящее от удара.

Название *vezi/moahine* – букв. ‘водяная+экзема’: ск. *vezmoahin'e* (Иломанси) // ливв. *vezimuahine, vezimoahine* (Сямозеро) – говорит о кожном заболевании, исходившем от воды.

В наименовании *vien/nenä* – букв. ‘нос+воды’: ск. *veinnenä* (Суйстамо) // ливв. *veinnenä* (Сямозеро) – элемент сложного слова *nenä* является признаком внутреннего заболевания.

Основным элементом сложного слова *vien/viha* является *viha*, имеющее значение ‘нагноение, заражение (раны)’: ск. *vejen vihat* (Вокнаволоок) // ливв. *vienviha, veziviha* (Корбинаволоок, Лахта)⁵²⁰.

Таким образом, названия болезней от воды указывают на их симптомы – ушибы, кожные и внутренние заболевания.

Этнографические материалы конкретизируют сведения о заболеваниях, полученных от воды. Симптомами хвори от воды в народной медицине карелов считались внутренние болезни – зубная боль (д. Вокнаволоок, Аконлахти, Суднозеро, Кевязозеро, Толлорека), боль в глазах или ушах; кожные болезни – черные водяные волдыри вскакивали на руках, ногах или губах (г. Сортавала, д. Аконлахти, Толлорека, Сямозеро) (люд.: *a mäne t'ia mi heittyu ka, rod'iheze kačo hot' huleh rubi vezisyöttäižen'ispiä, l'ibo käzih, čüstakošte, neče vezibul'čukat* – ‘а кто знает, что может пристать, хотя к губе волдырь пристанет от воды какой-нибудь, хозяин во-

⁵¹⁹ Прим. автора: многие названия болезней являются сложными словами, которые слеш разделяет на две части, объясняя суть буквального перевода.

⁵²⁰ Полевой материал автора – 24; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 600.

ды найдет его, или на руках появятся волдыри, такие водянистые’, могла появиться чесотка, если вымыть руки водою, оставшейся в чашке для питья (Петрозаводский у.); психические болезни – человек мог даже с ума сойти⁵²¹. Карелы считали, что если поздно вечером прийти к колодцу, можно потревожить его хозяина (кар. *kaivonižändy/kaivonisäntä*), и тогда лицо покроется прыщами. Тверские карелы указывали на то, что, если около колодца сквернословили, то «хозяин» колодца насылал паралич лица: «*suu meni viäräh*» – ‘рот кривился’ и из глаз постоянно слезы текли. Доктора в таком случае не могли помочь. Житель д. Толмачи в Тверской Карелии, имея такие симптомы, попал в больницу. Спустя несколько дней он написал жене: «*Kävele kunne ni buit’en, ei proiji miula, eu tolkuo lečinnäššä*» – ‘Иди куда-нибудь помощь искать, это не пройдет, нет никакого толку от этих лекарств’⁵²². У тверских карелов (с. Воздвиженка) существовало мифологическое представление о появлении грыжи (кар. *kila, tyrä, griizi, n’abagriizi*), связанное с колодезной водой: ‘Кто топит баню для ребенка, да как из колодца берет воду и покажет свое изображение (отразится в воде), да этой водой вымоют ребенка, так у ребенка будет болеть пупок и будет плакать’⁵²³.

Проявление заболевания от воды происходило в послеобеденное время, затем к полуночи усиливалось, а после начинало отступать⁵²⁴.

Карелы Сортавальского р-на (например, г. Сортавала) считали, что это заболевание приставало к ногам человека на берегу водоема от слизких, скользких камней, покрытых тиной. Лечили упомянутый недуг, используя эти же самые камни: брали три камня, кипятили в воде, затем этой водой обмывали больные ноги. После горячие камни относили обратно на берег, и как только от них начал идти горячий пар, то над ним держали ноги⁵²⁵.

⁵²¹ Kansanomainen lääkintätietous. Helsinki, 1957. S. 4; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 656; Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Helsinki, 1958. S. 126–127.

⁵²² Virtaranta H. Kauas läksit karjalainen. Söderström 1986. S. 113.

⁵²³ Михайловская М. В. Карельские заговоры, приметы и заплочки // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Вып. 2. Л., 1925. Т. V. С. 616.

⁵²⁴ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo, 1924. S. 68.

⁵²⁵ Kansanomainen lääkintätietous / Toim. Hako M. Helsinki, 1957. S. 4.

В представлениях карелов (д. Войница, Кевязозеро, Сямозеро, Толлорека) болезнь приставала в следующих случаях: если человек ругался вблизи водоема (во время рыбалки, купания, стирки); если видел свое отражение, когда умывал лицо или пил воду; если пил воду или рыбачил из беспроточной ламбушки или пруда в лесу; если смеялся громко или ссорился вблизи водоема⁵²⁶. По отношению к воде в вепсской культуре прослеживаются такие же запреты. Воду нельзя было осквернять: плевать в нее, мочиться, выливать помой и т.д. Нарушение этих запретов приводило к кожной болезни *vezi/pagan* (букв. 'водяная+болезнь'). Средние вепсы верили, что, если выругаешься около водоема, то пристанет *vezi/ehtind* (букв. 'водяная+ругань')⁵²⁷. В отличие от вепсов, у карелов название для болезни от ругани (с корнем *ehtind*) не было зафиксировано.

Н. Лесков в д. Вешкелица зафиксировал такой рассказ. Крестьянин шел мимо ручья домой (в этой деревне жители называли этот ручей (*oja*) рекой (*jogi*). Перешагивая через ручей, он с усмешкой подумал: «Почему эту канаву рекой называют?» Усмехнувшись, он сразу почувствовал очень сильную боль в области живота, как будто в нем что-то порвалось и у него в глазах сразу потемнело. С этих пор в течение трех недель мужчина не ел и не пил, он болел так сильно, «что не дай Бог болеть такой болезнью ни даже самому лютому врагу». Жена мужчины обращалась к знахарям и колдунам. Его в бане парили и обливали холодной водой в полночь, били громовыми камнями по плечам (камень, образовавшийся в месте, куда ударила гроза), но ничего не помогало. Тогда жена, взяв с шеи мужа крест, пошла к колдуну, который лечил только от *nenä* 'носа'. Взглянув на крест, колдун определил, что у мужчины *veden nenä* 'нос воды' и посоветовал ходить к оскорбленному им источнику три ночи подряд и просить прощение. Придя домой, женщина обо всем рассказала мужу. Вспомнив о насмешке над ру-

⁵²⁶ Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск, 2000. С. 285; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 565; Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Porvoo, 1924. S. 65–66; Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Helsinki, 1958. S. 126.

⁵²⁷ Винокурова И. Ю. Вода в вепсских мифологических представлениях о жизни и смерти // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2010. С. 67.

чем, мужчина трижды ночью ходил к ручью с овсянными блинами и сканцами, и стоя на коленях, просил прощения. После этого мужчина быстро поправился⁵²⁸.

Данный случай, описанный Н. Ф. Лесковым, служит ярким подтверждением сделанных выводов относительно болезней, полученных от воды. Вода или духи воды могли наслать болезни за непочтительное отношение к ним, в данном случае – это насмешку. Болезнь могла проявиться внутренними болями, которые определялись также названием *nenä*. На болезнь гадали с помощью нательного креста больного. Это заключение подтверждается и информацией, полученной из словаря: сямозерские карелы гадали на хворь от воды с помощью креста: «*viennenä on hänez, ristu ozutti*» – ‘крест показал, что у него приставшая от воды болезнь’⁵²⁹.

Способы лечения болезней от воды свидетельствуют о том, что виновником болезни карелы считали воду или ее духов. Например, если считали, что болезнь пристала от реки или озера, находящихся далеко, было необходимо налить чистую воду в тарелку и затем вылить на бревенчатую стену, произнося: «*Vedoi pravednoi, vezi, veljedäs eč!*» – ‘Праведная, вода, ищи брата!’ Вода сама «по водным жилам» утечет на первоначальное место и избавит больного от недуга (д. Большие Горы)⁵³⁰.

В тоже время лечебные заговоры часто адресовывали духам воды. Так, карелы д. Толлорека для лечения водных болезней набирали воду в посудину, клали в нее серебрянную монету, дули, мешали ножом и читали заговор, обращенный «хозяевам» воды. После этого крестили набранную воду и смазывали больное место⁵³¹.

Основные способы избавления от водных недугов было дарение подарков духам воды («отец воды» и «мать воды»), просьба о прощении, чтение заговоров. У карелов сохранились заговоры с обращением к древнему водному божееству Ахти. Ходили просить прощения на берег того озера или реки, который был ис-

⁵²⁸ Лесков Н. Представления кореляков о нечистой силе // Живая старина. Вып. 3–4. СПб., 1894. С. 416.

⁵²⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 588.

⁵³⁰ Taulamo S. Vie sinne mun kaihoni: Aunuksen Karjalassa 1941–1944. Helsinki, 1985. S. 167.

⁵³¹ Virtaranta P. Vienan kyliä kiertämässä. Helsinki, 1978. S. 109.

точником заболевания. Для задабривания духов воды приносили с собой подарки, клали в воду, и, кланяясь произносили:

*Vejen toatto, vejen toamo,
vejen kultani kuninkas,
vejen Ahti armol'ini!
Mitä lienem pahoin smiet'tin,
mitä pahoin ajatellun,
nim pros'ti milma!
Ota pois omat hyväs,
Anna pois omat pahan'i.⁵³²
(д. Войница, Суднозеро)*

Воды отец, воды мать,
Золотой царь воды,
Ахти милосердный!
Если вдруг нехорошо подумал я,
Плохо помыслил,
Тогда прости меня!
Забери свое хорошее,
Верни мне обратно плохое.
(Перевод автора)

Так делали три раза подряд, постоянно кланяясь. Тунгудские карелы проводили такой ритуал вечером три дня подряд, после захода солнца, повернувшись лицом по направлению к реке. Вернувшись домой, запрещалось с кем-либо разговаривать, сразу укладывались спать.

Толмачевские карелы также дарили подарки хозяину воды. Знахарка заворачивала в шелковую ткань стеклянные бусы (как вариант – пуговицу цвета воды) и наказывала больному бросить их в тот источник, от которого болезнь пристала и попросить прощения⁵³³.

Заболевания от участка земли

Источник болезни *тиа* ‘земля’ (ск., ливв.) отражен при номинации следующих заболеваний:

туан/неню – букв. ‘земли+нос’: ливв. *tuannenä on voimattomal* – ‘у больного хворь от земли’ (Сямозеро) // ср. (фин.) *maannenä*.

туан/виha – букв. ‘земли+зло (нагноение)’: ск. *toanvihat* (Вокнаволоок) // ливв. *tuarviha* (Корбинаволоок, Лахта) // ср. (фин.) *maanviha*; (лив.) *mō-vigà*.

⁵³² Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Porvoo, 1924. S. 66.

⁵³³ Virtaranta H. Kauas läksit karjalainen: matkamuiistelmia tverinkarjalaisista kylistä. Söderström 1986. S. 113, 292.

Суффиксальным способом словообразования образована лексема *tuahin'e* – букв. ‘земляная’: ск. *toahin'i*, *toahijain'i* (Калевала, Контолки, Паданы, Суоярви), *toahien'e* (Ругозеро), *tuahin'e* (Реболы, Иломанси), *tuahine* (Импилахти, Панозеро, тверской говор); *mie iče ol'in tuahizešša lapšena* – ‘у меня у самой были болячки от земли в детстве’ (Тунгозеро) // ливв. *tuahin'e* (Неккула, Рыпушкалица, Салми) *tuahiine*, *tuahin'e* (Олонец) // люд. *tuahin'e* // ср. (фин.) *maahinen*, *maahiainen*. В наречиях карельского языка наименование *tuahine* является дериватом от слов. осн. им. сущ. *tua* ‘земля’ с присоединением суф. *-hine*, посредством которого образуют названия мифических и живых существ: *vetehine* ‘водяной’, *meččähine* ‘леший’. Также предполагается, что лексема *tuahine* может быть образована из двух слов *tua* ‘земля’ и *alahine* ‘нижний’ (ср. эст. *maa-alused*, *maialased*, *maaljad* ‘подземные существа; кожные болезни, насланные ими’)⁵³⁴.

Помимо вышеупомянутого значения, лексема *tuahine* используется для обозначения:

1) приставшей от земли или от воды экземы (например, люд. *tuahine tarttu kääštäs libo kyls* – ‘экзема пристаёт в бане или от умывальника’⁵³⁵;

2) кожного заболевания, проявляющегося в виде нарывов (согласно верованиям могло пристать от бани, земли и др.) (например, ск. *tuahin'e ei parene n'iššalla, pid'äy kield'iä že kohta mualla* – ‘на шее нарыв не проходит, нужно обвести это место землей’⁵³⁶;

3) болячки от земли (например, ск. *mie iče olin tuahizešša lapšena* – ‘у самой меня были в детстве болячки’).

Карелы также различали сухую и мокрую экземы, объясняя их этиологию местом, от которого она пристала: ск. *kuiva tuahini ollou – šammalista, a jesli ollou märgä tuahini, ka tuašta, hot mist'ä kylyšt'ä* ‘сухая экзема от мха может быть, а, если экзема мокрая, то тогда от земли или бани’ (Тунгозеро); *vesi-toahine/vezimuahine* ‘мокрая экзема’ – приставала к человеку от влажной, сырой

⁵³⁴ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki, II. 1995. S. 134.

⁵³⁵ Kujola J. Luuydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944. S. 243.

⁵³⁶ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 163.

местности (например, от лужи, трясины, грязи); *kuivamoahine* ‘сухая экзема’ – приставала от сухой местности (например, луг, поле) (Войница) // ливв. *vezimua-hine on ku vezi lähtöy da mustu kibeï on* – ‘мокрая экзема – это, когда черные болячки появляются и вода идет из них’ (Сямозеро); *kuivumoahine muga kivisteä* – ‘сухая экзема просто болит’.

По верованиям карелов, участки земли не любят, когда на них люди укладываются отдохнуть, просто полежать или дом строят. За такие действия земля наказывает человека болезнями, недомоганиями, у человека пропадает аппетит (например, д. Войница)⁵³⁷. Симптомами заболевания *tuahine* считались различные заболевания кожи. Некоторые утверждали, что проявлением этого заболевания были при появлении хвори от земли черные или черно-синие болячки, появляющиеся на ногах (д. Большое Плоское, Панозеро)⁵³⁸; другие говорят, что кожа трескалась, и вода из ран текла (д. Неккула, Рыпушкалица); третьи уверяют, что гнойные высыпания появляются на коже (от земли и грязи). Салминские карелы замечали, что во время сухой экземы на коже появлялись мелкие красные прыщи размером с манную крупу. Они сильно чесались, больной даже ночью не мог спать. Симптомами мокрой экземы были водянистые волдыри⁵³⁹. У карелов-людиков (д. Галлезеро) бытовало поверье о появлении хвори от земли: первому, кто встал утром, прежде чем умыться, было необходимо проверить остатки воды в умывальнике: остатки воды нужно было слить, затем налить свежую воду. Если человек не сделал этого, умылся остатками «ночной» воды и во время умывания подумал: «*Oi! Minä pežin käded da šilmäd üövedel!*» – ‘Ой! Я руки и глаза вымыл ночной водой!’, то к нему приставала *tuahine*. Сперва *tuahine* проявлялась на руках. Руки начинали чесаться, затем появлялись гнойные волдыри. При лопание из них вытекал гной⁵⁴⁰.

⁵³⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 410.

⁵³⁸ Virtaranta P. Tverinkarjalasta parannustietoa // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 234.

⁵³⁹ W. H. Pahan nenä // Karjalan heimo. 1992. № 11–12. S. 183; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, III. 1983. S. 330.

⁵⁴⁰ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki. 130, 1963. S. 274.

Карелы различали несколько видов *muahine*. Так, например, карелы-ливвики (д. Салми) верили в существование 12 видов *muahine* ‘экзем’: *puumuahine* ‘приставшая от дерева экзема или болячка’, *raudumuahine* ‘приставшая от железа экзема или болячка’, *tuulimuahine* ‘ветряная экзема или болячка’, *kivimuahine* ‘приставшая от камня экзема или болячка’, *savi/muahine* ‘приставшая от глины экзема или болячка’ и др.⁵⁴¹.

Анализ представленных наименований приводит к выводу: все виды *muahine* содержат в первых частях наименований «источник» появления заболеваний, который был расположен на земле (например, *savi/muahine* – ‘глина’ + ‘экзема/болячка’, *puu/muahine* – ‘дерево’ + ‘экзема/болячка’ и др.). Беломорские карелы рассказывали, что при появлении *muahine* от бани, она могла быть трех разновидностей: *tuli/muahine* ‘огненная земляная’, *vesi/muahine* ‘водяная земляная’, *toa/muahine* ‘земляная от земли’. Огненная земляная находится в печке, водяная – в воде, которой обливаешься, а земляная от земли – в банном полу⁵⁴². Лечение этих хворей было направлено на использование в лечебных ритуалах «источника» болезни (например, камень, щепка дерева, зола). Или в обращении к источнику болезни с просьбой о прощении (например, к хозяйкам или хозяинам ветра, воды). Карелы д. Салми объясняли этиологию *muahine* и лечили ее следующим образом: *puu/muahine* – приставала через занозу, ее лечили смолой, которую брали из специальной ямы, используемой для выгонки смолы; *vesi/muahine* – приставала от колодезной или проточной воды, проявлялась в виде гнойных экзем, для излечения просили прощения у водоема; *tuuli/muahine* – приставала от ветра, проявлялась в виде сильного жара, лечили обливанием заболевшего через *tuulenkobra* ‘ведьмину метлу’; *tuli/muahine* – приставала от золы, проявлялась как сухая экзема, лечили в бане; *raudu/muahine* – приставала от железа, ее лечили надавливанием на больные места железным предметом с произнесением заговора⁵⁴³.

⁵⁴¹ Kansanomainen lääkitätietous / Toim. Nako M. Helsinki, 1957. S. 86–87.

⁵⁴² Иванова Л. И. К вопросу о бытовании карельской мифологической прозы и некоторых ее персонажах // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1995. С. 41.

⁵⁴³ Kansanomainen lääkitätietous / Toim. Nako M. Helsinki, 1957. S. 89–90.

Лучшим временем для лечения экзем считались три дня в неделю: вторник, четверг и воскресенье⁵⁴⁴. Воскресенье считался святым днем, особенно благоприятным для совершения лечебных обрядов; вторник – день, в который чаще всего занимались заговариванием болезней; четверг являлся днем недели, имеющим наименьшее количество запретов, т. к. был лишен христианских коннотаций (в отличие, например, от пятницы и воскресенья)⁵⁴⁵. Если лечение проводили в бане, то топили ее вечером, после захода солнца.

Если карелы не знали точно, откуда *tuahine* пристала, то для избавления от нее совершали магические действия с землей, произнося заговор. Ливвиковские карелы (Олонецкий р-н, д. Видлицы) для лечения сухой экземы рисовали три круга на земле, после этого брали понемногу земли из каждого круга и надавливали на больное место этой землей, произнося заговор.

Затем землю клали обратно в круги. Подобные способы врачевания были распространены в других местах проживания карелов-ливвиков (д. Тулмозеро, Сямозеро). Незначительная разница была только в текстах заговоров.

Беломорские карелы для избавления от этого недуга совершали магический ритуал с использованием лягушки. Согласно данным по славянской мифологии, жаба или лягушка является земноводным существом, получающим яд или силу от земли. Как холоднокровное существо лягушку использовали в народной медицине при лечении воспалений, нарывов, экзем и пр.⁵⁴⁶ Карелы д. Оуланка надавливали лягушкой на больное место, произнося заговор, в котором обращались к хозяевам и хозяйкам земли забрать зло, добро вернуть.

Знахари, совершая магические ритуалы для избавления от хвори от земли, также использовали землю. Например, в Тверской Карелии знахарь брал горсть земли из огорода и обводил ею вокруг болячки, шепча заговор. Процедуру проделывали трижды, после каждого раза землю клали обратно, откуда брали. Если,

⁵⁴⁴ Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М., 2016. С. 204.

⁵⁴⁵ Толстая С. М. Воскресенье; Толстая С. М. Вторник // Славянские древности. М., 1995. Т. 1. С.445, 457; Толстая С. М. Четверг // Славянские древности. М., 2012. Т. 5. С. 534.

⁵⁴⁶ Гура А. В. Лягушка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 164.

например, *tuahine* приставала к ногам, ее лечили в подполе, при ритуале используя землю, находящуюся там⁵⁴⁷. Карелы-людики (д. Галлезеро) были уверены, что сам больной не излечится от этого заболевания, никакие лекарства ему не смогут помочь. Ему может помочь только знахарь, поэтому они обращались к нему⁵⁴⁸.

Таким образом, такая особенная для карельской народной медицины группа болезней в основе названий которой лежал компонент *tuahine*, была распространена у всех локальных групп карелов и обозначала кожные болезни, появившиеся от участка земли, затопленного, поросшего деревьями, т. е. качественно различного, или подвергнутому ветру, огню и др.

Заболевания от леса или лесного духа

В основе номинации данного заболевания лежит его источник *meččä* (ск.), *meččy* (ливв.), *meč* (люд.) ‘лес’:

mečän/hiimosti – букв. ‘от леса+болезнь’: ск. *mečänhiimosti* (Суйстамо). Компонент *hiimosti* указывает на психическое заболевание (см. Гл. 3, § 3.3).

mečän/nenä – букв. ‘лесной+нос, нос+леса’: ск. *mečännenä* (Вокनावолок, Иломанси, Калевала, Контокки, Корбисельга, Панозеро, Ругозеро, Суйстамо, Суоярви, Юшкозеро) // ливв. *mečännenä* (Корбинаволок, Лахта)⁵⁴⁹; *mečännenä* (Сямозеро, Тулмозеро); *tiedoin 'n' iekku sanoi, što mečännenä on minus* – ‘знахарь сказал, что у меня хворь от леса’ (Салми); *hänez on mečännenä, kivištäy* – ‘у него хворь от леса, болеет’ (Неккула, Рыпушкалица) // люд. *mečän 'n' en 'ä*⁵⁵⁰ // ср. (вепс.) *mesäñena*; (фин.) *metsännenä*⁵⁵¹. Часть слова *nenä* указывает на внутреннее заболевание (см. Гл. 3, § 3.3).

Карелы верили, что этими болезнями человек заболевает при следующих обстоятельствах: если он, встав утром, быстро выходил на улицу, не умыв и не

⁵⁴⁷ Фишман О. М. Знающая – больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Вып. 2. Петрозаводск, 2009. С. 155.

⁵⁴⁸ Virtaranta P. *Luuydiläisiä tekstejä. Osa II*. Helsinki. 130, 1963. S. 274.

⁵⁴⁹ Полевой материал автора – 24.

⁵⁵⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, III. 1983. S. 298; Kujola J. *Luuydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki, 1944. S. 236.

⁵⁵¹ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., С. 323; *Nykysuomen sanakirja*. Helsinki, 3. 1992. S. 462.

перекрестив глаза (д. Галлезеро)⁵⁵²; испугается чего-то в лесу (например, хруста ветки); вздрогнет, увидев задранную медведем корову или принесенную охотником мертвую дичь (зайца, птицу и т. д.) (д. Войница)⁵⁵³; неожиданно споткнется в лесу о корни, корягу или обо что-нибудь другое; пройдет под такими деревьями, которые стоят друг напротив друга, а ветки их переплетаются (надо срубить одно из этих деревьев и станешь здоровым) (Олонец).

Жители д. Панозеро отмечали, что хворь от леса (ск. *mečännenä*) мучает больше всего ночью, а днем больной ходит, как полоумный, никого не узнает⁵⁵⁴. Симптомами этого заболевания были боли в груди и плечах (г. Суоярви), сильное головокружение (д. Сямозеро), тошнота и иссыхание тела (д. Видлица), рвота (д. Савиново). Если вследствие приставшей хвори от леса появлялась болезнь глаз, то карелы Муезерского р-на (д. Кимасозеро) черпали воду из чистого источника, из которого не брал начало ручей. Взятую воду трижды пропускали через гнездо синицы, затем промывали ею глаза и выливали на муравейник, в то же гнездо и на ветки ели. В то гнездо синицы, через которое пропускали воду, строгали серебро, приговаривая: «*Tijasella on sirkut silmät, vaan sirkummat minun sitäkin*» – ‘Зоркие глаза синицы, но мои еще острее’⁵⁵⁵.

Карелы Беломорской Карелии (д. Войница) от болезни леса спасались троекратным обливанием прокипяченной водой. После чего эту воду относили в лес и выливали под корни трех пней божества леса Тапио (*тапионканто* - букв. «пень Тапио»). Пень Тапио – это особенный выросший на три четверти новый пень около корней нового дерева⁵⁵⁶. Судя по магическим действиям, целью данного лечебного ритуала было возвращение смытой водой болезни духу леса Тапио.

У карелов-людиков (д. Галлезеро) хворь от леса лечили следующим образом: обращались за помощью к знахарю, который от имени больного просил прощения. Когда все жители деревни шли спать, знахарь складывал в мешок ска-

⁵⁵² Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki. 130, 1963. S. 272.

⁵⁵³ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo, 1924. S. 64.

⁵⁵⁴ Конкка А. П. Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик. Народная медицина. Знахарство и колдовство // Панозеро. Петрозаводск, 2003. С. 406.

⁵⁵⁵ Suomen kansan vanhat runot. Osa I (4). Helsinki, 1921. S. 499.

⁵⁵⁶ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Porvoo, 1924. S. 65.

терть, старые монеты, овес, ячмень, масло, сахар, чай, немного кофе и шел вместе с заболевшим на дорогу, которая проходила за деревней. Там он накрывал скатертью больного и трижды произносил:

<i>Huväd ižandaižed, emändäižed,</i>	Хорошие хозяева, хозяйюшки,
<i>piened i süred, keškkierdahized,</i>	маленькие и большие, средние,
<i>ottagad t'äš rabaš omad pahuded,</i>	заберите от этой рабы свое плохое,
<i>ankat hälle omat hūvūded,</i>	дайте ей свое хорошее,
<i>prost'igad rabat händäi,</i>	простите эту рабу,
<i>mida olnou hän t'eile pahut</i>	если она сделала что-нибудь вам
<i>luad'inu,</i>	плохое,
<i>ottagatt očiš i hibd'aš,</i>	заберите со лба и кожи,
<i>käžiš i d'alguoiš</i>	рук и ног,
<i>hall omat hūvūded,</i>	от нее свое хорошее,
<i>ottagatt omat pahuded iäre⁵⁵⁷.</i>	заберите свое плохое.

(Перевод автора)

После каждого чтения заговора, знахарь кланялся до земли. Затем он складывал принесенные подарки через плечо в укромное место, где их никто не найдет. Такой же способ использовался при лечении болезни от огня.

Практика изготовления антропоморфных изображений и принесения их в дар хозяину леса была довольно широко распространена среди карелов. Такая практика была зафиксирована, например, у беломорских карелов. В д. Панозеро матерчатую куколку вешали на дерево в качестве приношения лешему в случае болезни члена семьи, если знахарь, ставивший диагноз, считал, что болезнь пришла от леса. К кукле могли привязывать лоскутки материи.

В д. Каменное Озеро был отмечен такой случай, касающийся названного заболевания. Обнаружив в лиственном лесу задранную медведем корову, женщина начала сдирать с нее шкуру и положила в рот нож, которым работала. Спустя время, у нее раздуло лицо. Знахарь сказал, что это к ее губам пристала *mečännenä*.

⁵⁵⁷ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki. 130, 1963. S. 272.

Для лечения он повел женщину к ключу (источнику), накидал в него серебряную стружку, обмыл женщине лицо и вылил эту воду после обмывания в муравейник⁵⁵⁸. В данном обряде лечения муравейник фигурирует неслучайно. В мифологических представлениях финнов муравейник – сакральный локус, средоточение лесной жизни, место обитания хозяев леса и общения с ними. Считалось, что в образе муравья предстает и сам хозяин леса.

В Суоярвском районе знахарь с целью исцеления приветствовал хозяина леса и лес около муравейника, держа больного за руку:

<i>Terveh mečän ižändill,</i>	Приветствие хозяинам леса,
<i>mečän emändil,</i>	хозяйкам леса,
<i>mečän piijoil, mečän poijil,</i>	слугам леса, сынам леса,
<i>mečän kaunehil kazakoil,</i>	красивым батракам леса,
<i>mečän kaikel kanzakunnal,</i>	всему народу леса,
<i>mečän kuldazil kunjingahil...</i>	золотым королям леса...
	(Перевод автора)

После приветственных слов читали девять раз молитву, отступая каждый раз на шаг назад⁵⁵⁹.

Карелы д. Видлица отмечают, что при чтении заговора нельзя было обращаться к хозяину леса «*mečän kuldaine kunningas*» – ‘золотой король леса’, а также произносить обращения к христианскому Богу Творцу: «*herralist anda....pappilist anda*» – ‘Отец Небесный, дай...Всевышний, дай’⁵⁶⁰.

Заболевания от огня

В основе номинации данных заболеваний прослеживается источник, от которого пристала хворь – *tuli* (ск., ливв., люд.) ‘огонь’:

tulen(l)/lendo – букв. ‘огня+полет’ – огневица, симптомом которой были болезненные высыпания: ск. *tulellendo* (Импилахти); *tulenlendoida puohan* – ‘я заговариваю огневицу’ (Суоярви) // ливв. *tulenlendoi* (Сямозеро, Тулмозеро).

⁵⁵⁸ Virtaranta P. Polku sammui. Vammala, 1972. S. 178

⁵⁵⁹ Kansanomainen lääkitätietous / Toim. Hako M. Helsinki, 1957. S. 3–4.

⁵⁶⁰ Suomen kansan vanhat runot. Osa II. Helsinki, 1927. S. 542.

tulen/l'end'äjä – букв. ‘огня+летающий’: ск. *tulenl'end'äjä* (тверской говор)⁵⁶¹ (ср. русс. ‘летучий огонь’ (аллергическое заболевание): если человек плюнул со зла в сторону другого, то на теле его жертвы появятся красные пятна⁵⁶²).

tulen(l)/lendämü – букв. ‘огня+полет’: ск. *tulenlendämä* (Суоярви, тверской говор), *tulel'l'end'ämä*; (Иломанси) *ota tuli tulellendämäs pois* – ‘возьми огонь огневицу’ (тверской говор); *tulen l'en'dämä* (тихвинский говор), *tulen-lendämä* (Коргорка) // ливв. *tulenlendäm* (Неккула, Рыпушкалица); *tulenlendämän sproavi* – ‘вылечил огневицу’ (Сямозеро) // люд. *tul'ilendämäine* (Михайловское)⁵⁶³.

tulen(l)/len'n'in – букв. ‘огня+полет’: ск. *tulenlen'n'in*, *tulellen'n'in* (Калевала, Контолки, Ругозеро).

tulen/luoma – букв. ‘огня+сыпь/лихорадка’: ск. *tulenluoma* (тв. г.)⁵⁶⁴.

tulen/viha – букв. ‘огня+зло, зло (воспаление) огня’: ск. *tulen viha* (Вокнаволок, Калевала, Ругозеро, Суоярви) // ливв. *tulenviha* (Корбинаволок, Лахта)⁵⁶⁵ // ср. (фин.) *tulen viha*⁵⁶⁶.

tulen/vigahine – букв. ‘огня+хворь’: ливв. *tulenvigahine* (Сямозеро).

tuli/moahine – букв. ‘огонь+экзема, огненная экзема’: ливв. *tul'imoahine* (Сямозеро)⁵⁶⁷.

У карелов, как и у соседних народов, стойко сохранились представления, что огонь наказывает человека пожаром, болезнями, недугами, в случае неуважительного отношения к нему. Среди кестеньгских карел был распространен запрет дуть на огонь, иначе вокруг губ появиться сыпь: «*Šain tulellent'imen, kum puhuin tuleh*» – ‘Я заболел огневицей, когда подул на огонь’. Сямозерские карелы верили, что огневица приставала, если пнешь в бане головешку из печи.

Повсеместно среди карелов, проживающих на территории Карелии, бытовал запрет плевать (как вариант – дуть) на огонь. При нарушении данного правила у

⁵⁶¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 276.

⁵⁶² Мазалова Н. Е. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001. С. 29.

⁵⁶³ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 240; Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003. С. 313.

⁵⁶⁴ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 307.

⁵⁶⁵ Полевой материал автора – 24.

⁵⁶⁶ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki, 1961. S. 206

⁵⁶⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 277, 281.

человека появлялись на губе водянистые волдыри или корка (д. Михайловское, Оуланка, Поньгогуба, Суднозеро, Сямозеро, Толмачи)⁵⁶⁸. В верованиях русских плевков на огонь вызывал заболевание летучий огонь, симптомом которого был пузырь на языке: «в огонь плевать нельзя – пузырь на языке вскочит»⁵⁶⁹. Салминские карелы, появившуюся под носом болячку, считали симптомом огневицы: «*Nenänaluz vai rubevuun lapsel l'ibo hoz vanhembal, se i tulenlendoi*» – ‘Если под носом образуется болячка у ребенка или хоть у взрослого, это и является болезнью от огня’. Карелы д. Вокнаволок и Толлорека указывали в качестве симптомов хвори от огня покрывшийся коркой подбородок или боль в нем: «*Kun kipeuty lapšella leuka n'in šanottih jotta on tulellen'n'in*» – ‘Если болел у ребенка подбородок, тогда говорили, что у ребенка болезнь от огня’. По сведениям сямозерских карелов, боленя огня в виде воспаления кожи могла проявиться и на руках: «*tulenviha on käiz*» – ‘на руках зло (воспаление) огня’.

В вепском языке (северный диалект) *tulenlend* (букв. ‘огня+полет’) является аналогичным ливвиковскому наименованию *tulenl'endämy*. Согласно верованиям вепсов данное заболевание появляется из-за нарушения запрета плевать из окна. В народных представлениях окно связывало человека с Богом, миром предков, а также небесными светилами и природными стихиями. Плевки оскверняли эту связь⁵⁷⁰. Карелы же лечили огневицу именно с помощью плевков/слюны. Так, например, тверские карелы были уверены, что хворь от огня можно вылечить только одним средством: на болячки должен был плюнуть человек, выпивший на Соловках соленую воду⁵⁷¹. В других источниках был найден другой вариант этого же способа лечения: самому больному надо плюнуть на того человека, который был на Соловках⁵⁷². У ливвиковских карелов (д. Неккула, Рыпушкалица) на болячки должна была плюнуть голодная женщина.

⁵⁶⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 277, 281; Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 239; Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Helsinki, 1958. S. 118; Его же. Vienan kyllä kiertämässä. Helsinki, 1978. S. 48; Его же. Lyydiläisiä tekstejä. Osa VI. Helsinki, 1994. S. 144.

⁵⁶⁹ Мазалова Н. Е. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001. С. 29.

⁵⁷⁰ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 434.

⁵⁷¹ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Helsinki, 1961. S. 206.

⁵⁷² Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. С. 307.

Жители с. Воздвиженка считали, что плевать надо было под окном того дома, жильцы которого первыми утром растопили огонь в печи. После плевка на болячку просили огонь забрать свою болезнь: «*Tuli, tuli! Elä tuškevu oigien hengien. Ota omaš hyvyš, anna oma tervehyš*» – ‘Огонь, огонь! Не сердись на праведную душу. Возьми хорошее свое, дай свое здоровье мне’.

Болячки от огневицы лечили огнем. Этот принцип лечения был характерен для собственно-карелов, тверских и южных карелов. Собственно-карелы (д. Вокнаволоок, Оуланка), тверские карелы (д. Толмачи) и карелы-людики (д. Михайловское) надавливали на болячки нагретой на огне (в устье печи) ложкой, поварешкой или финским ножом, таким образом прижигая их, чтобы они быстрее исчезали⁵⁷³. В д. Аконлахти при этом произносили заговор, в котором слово лягушка является метафорической заменой болезни.:

<i>Oletko hinku hiiloksesta</i>	Ты пристала из загнетки,
<i>vainko sammakko savesta?</i>	Или лягушка от глины?
<i>Juures lahokkah, kuores kovokkah,</i>	Пусть корни твои сгниют, корка
	затвердеет,
<i>peäs sammaltukkah!</i> ⁵⁷⁴	Голова мхом порастет!
	(Перевод автора)

При болях в подбородке на него давили трижды горячим половником и говорили (д. Толлорека):

<i>Tulellennil leivollennin,</i>	Сыпь от огня,
<i>ota pois omat hyväsi,</i>	Возьми свое хорошее,
<i>anna pois omat pahani!</i>	Верни мне мое плохое!
	(Перевод автора)

Людиковские карелы (д. Михайловское) при этом произносили следующие слова: «*Ota tul' ilendämäine omaižed iäreh, anda minule pahad omaižed iäreh, ota sinä tul' ilendämäine omaižed iäreh, anda minule pahad omad iäreh!*» – ‘Возьми, огневица, свое, дай мне плохое обратно, возьми, ты, огневица, свое, дай мне плохое обрат-

⁵⁷³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 276–281.

⁵⁷⁴ Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Helsinki, 1958. S. 117.

но'). Так говорили трижды, каждый раз прикладывая к больному месту золу или горячую ложку⁵⁷⁵.

Среди карелов самыми эффективными лечебными средствами от огневицы считались дым от сжигания бересты и угли от сожженных дров. У тихвинских карелов (д. Коргорка) был зафиксирован следующий ритуал: жгли бересту и над дымом держали тряпку, которой вытирали стол (стол считался особо почитаемым месте в домашнем интерьере и являлся местом совершения многих обрядов, в том числе и лечебных). Затем к больному месту прикладывали эту тряпку и произносили: «*Savune sie savune, ota tämä boline, savune sie savune, ota tämä boline*» – 'Дымок, ты дымок, возьми эту боль'. Ткань держали трижды над дымом и каждый раз прикладывали к болячкам⁵⁷⁶.

Карелы Сегежского района (д. Кучозеро) брали из печи три угля и по три раза каждым углем нажимали на больное место. Затем клали угли на старое место и несколько раз повторяли: «Бери свое, дай мое»⁵⁷⁷. По сведениям жителей д. Поньгогуба, брали уголек, дули на него и шептали: «*Ota tuli lentimes; tulipoika aurinkoini, ota omas, peri pahas!*» – 'Возьми, огонь, напасть свою, сын прекрасный солнца, возьми свое плохое!⁵⁷⁸.

Жители д. Оуланка и д. Суднозеро прикладывали к больной губе горячий тлеющий уголек и шептали заговор:⁵⁷⁹

Hiilly pois' hiilihis',

ajati kypen'ihis',

*mäne sinne mis't olet tullun!*⁵⁸⁰

Превратись в уголь от своего угля,

улеть искрами,

уйди туда откуда ты пришла!

(Перевод автора)

⁵⁷⁵ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa VI. Helsinki, 1994. S. 144.

⁵⁷⁶ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 240.

⁵⁷⁷ Бубновский М. Заговоры карел // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1919. № 10. С. 221.

⁵⁷⁸ Virtaranta P. Vienan kyliä kiertämässä. Helsinki, 1978. S. 48.

⁵⁷⁹ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 239.

⁵⁸⁰ Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Helsinki, 1958. S. 119.

При возникновении ожога (кар. *poltates, palandu*) карелы произносили заговоры, в которых обращались к Румяной Муарие – персонажу, персонифицирующему огонь. Тунгудские карелы с целью снятия боли от ожога произносили:

<i>Ruskie Muarie, kauniz Muarie,</i>	Румяная Муарие, красивая Муарие,
<i>ota tāmā tarbehikšez,</i>	возьми это себе,
<i>siämest’ä kivuttomakši</i>	чтоб не было боли внутри,
<i>piäl’d’ä tundumattomakši...</i>	чтоб не было заметно снаружи...
<i>Ollen mid’ä duumainun,</i>	Если о чем подумала (больная)
<i>ollen mid’ä smiettinyn,</i>	если что не так загадала,
<i>prosti miula kaikki...</i> ⁵⁸¹	прости мне все...

Повенецкие карелы также использовали для лечения ожогов обжаренные семена конопли или опускали в квасную гущу три горячих камня и произносили: «Возьми, камень, жаркую болезнь с раба Божия (имя рек)»⁵⁸².

У тунгудских карелов при лечении ожога заговор произносил сам обожженный. Если он был брюнетом, то нашептывал на растительное масло, а, если блондином, то на грудное молоко:

<i>Ruskie Muarie, kaunuz Muarie</i>	Красная Муарие, красивая Муарие,
<i>ota t’ämä tarbehekse</i>	Возьми это себе на потребу
<i>siämeldä kivuttomaksi,</i>	Чтобы стало изнутри безболезненным,
<i>piäldä tundomattomaksi</i> ⁵⁸³ .	Сверху незаметным.
	(Перевод автора)

После этого ожог смазывали.

⁵⁸¹ Степанова А. С. Тунгудские карелы // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 161.

⁵⁸² Повенецкие карелы. Их домашний и общественный быт, поверья и предания // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 15. С. 54.

⁵⁸³ Stepanova A. Tunkuan karjalaisten kansanrunous // Kolme on Kovaa Sanaa: kirjoituksia kansanperinteestä. Helsinki, 1991. S. 254.

Чтение заговоров на обоженное место или на исцеляющее ожог средство было распространено у всех групп карелов. Основной идеей этих заговоров было возвращение болезни ее источнику.

Хворь от дерева

У карелов, как и у всех народов, в древности был широко распространен культ некоторых деревьев. Больше всего почитались ольха, береза, сосна, но самым священным считался можжевельник. Беломорские карелы (д. Ювялакша) говорили, что существует два больших греха, одним из которых является рубка осины: «*Se on olluj Jessukser rist'i hoavasta...*» – ‘Иисуса крест был из осины...’⁵⁸⁴. Карелы считали, что к любому дереву нужно относиться с почтением и осторожностью, так как «*Et tiija eläjies, mis puus piru istuu*» – ‘Не знаешь, живя, в каком дереве черт сидит’. Человек, согласно анимистическому мировоззрению, боялся «обидеть» дерево, считая его живым. Люди верили, что у деревьев есть душа. Повсеместно у карелов особым почитанием пользовались большие деревья: их никогда не рубили. Считалось, что в большом дереве живет дух леса или оно является собственностью духа леса. Большим деревьям приносили угощения, чтобы их задобрить. В представлениях карелов, разные деревья сотворены разными мифологическими персонажами, как языческого, так и христианского происхождения:

<i>Leppä on Lemmoksen tekemä,</i>	Ольха – Лемпо творение,
<i>Koivu kolmen Luonottaren,</i>	Береза – природа трех дев,
<i>Pihlaja pirun tekemä,</i>	Рябина – черта творение,
<i>Naara on Hiien huoripoika,</i>	Осина – Хийси грешный сын,
<i>Honka Jiesuksen hosuma</i> ⁵⁸⁵	Сосна – Иисуса творение.

Карелы верили, что с помощью особого обряда дереву можно отдать свои болезни и взять от него, распустившегося весной, свежесть и физическую силу.

⁵⁸⁴ Virtaranta P. Vienan kyliä kiertämässä. Helsinki, 1978. S. 175.

⁵⁸⁵ Иванова Л. И. Культурное почитание дерева в карельском фольклоре // «Мудрости бо ти имя подадеса...»: сборник статей к юбилею профессора Софьи Михайловны Лойтер. Петрозаводск, 2011. С. 128–130, 137; Логинов К. К. Колдовство, культы, обереги на территории Карелии // Сайт Воттоваара: Портал Людей Знания. URL: <http://www.vottovaara.ru/koldovstvo-kulti-oberegi-na-territorii-karelii.html>.

Для этого надо было связать верхушки двух деревьев, растущих обязательно на двух разных сторонах тропы, а затем пройти под аркой.

В то же время, у карелов Беломорской и Олонецкой Карелии были распространены представления, что дерево может рассердиться на человека и навлечь на него болезнь *puun/viha* – букв. ‘дерева+зло’. В основе номинации лексемы *puun-viha* прослеживается источник *puu* ‘дерево’ (ск., ливв.), от которого к человеку пристала хворь: ск. *puunviha* (Суйстамо); *puuvviha* (Вокнаволоок) // ливв. *viha* (Сямозеро).

Симптомом хвори от дерева был ушиб (кар. *satates, satatus, sattavus*). Так, сямозерские карелы примечали: «*Vikse puun viha meni (puuh ku satatid)*» – ‘Наверное, хворь от дерева пристала (о дерево досадился)’ (Сямозеро). При избавлении от хвори от дерева читали заговор: «*Puuvvihoja ottoassa luvettih: puu puhaš Jumalal luota...*» – ‘Для избавления от хвори от дерева читали заговор: дерево чистое Божье создание’ (Вокнаволоок)⁵⁸⁶, просили прощения у самого дерева и спасения от болезни. Считали, что, если дерево причинило зло или плохое, то оно и излечит больного. Болезнь могло навлечь, впрочем как и исцелить, абсолютно любое дерево или любая часть дерева. Так, например, людиковские карелы (д. Михайловское) считали, что у каждого члена семьи должно быть свое дерево, растущее около дома (чаще всего, береза), у которого человек просил помощи и здоровья. При обращении к дереву говорили такие слова: «*Mie olen sinut istuttanut, mie olen sinut hoitanut, minulle anna apu!*» – ‘Я тебя посадил(а), я за тобой ухаживал(а), помоги мне!’. Это дерево нельзя было рубить, кто его срубит – тот заболет⁵⁸⁷.

Если при ушибе о дерево больное место опухало, краснело и сильно болело, то карелы из д. Поньгогуба во время произнесения заговора дули на теплую воду, мешали, затем смачивали в ней тряпочку и перевязывали место ушиба. Кестеньгские карелы (п. Кестеньга) прикладывали к ушибу кусочек того дерева, о которое стукнулись и произносили заговор:

⁵⁸⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, IV. 1993. S. 547.

⁵⁸⁷ Patrakka M. Ida Ivanovan kodin kieli ja uskonto // Karjalan heimo. 2005. № 9–10. S. 125.

*Jumalan luoma, puu puhaš,
veša Jeešukšen vetämä,
još lienet kovašta košken,
kovemmašta koprillani ko-
hentelen,
miula luiset leukapielet,
rautaset hampahat,
šanat kaikkien kovemmat⁵⁸⁸.*

Божье создание, дерево чистое,
побег, Иисусом выращенный,
если (ты) сильно ушиб,
я еще сильнее руками исправлю,
у меня челюсти костяные,
зубы железные,
слова самые твердые.

За нарушения запретов относительно обращения с деревьями, человек мог заболеть и другими заболеваниями, кроме *puunviha*. Например, жители д. Войница считали, что, срубив карсикко, человек обязательно заболит чесоткой (кар. *kupina, kupetys, syuhyminen*)⁵⁸⁹.

Также симптомом хвори от дерева мог быть синяк (кар. *mušselma, sin'isömä*). Если из синяка не могли выпустить кровь, то вокनावолокские карелы (д. Вокनावолок) в воде выпаривали щепки, после этой же самой водой поливали на ушиб и произносили заговор, в котором употребляли название того дерева, о которое ушиблись:

*Mäntypuu mäjen takani,
oksat ilmoilla ojennit,
lehvät ilmoilla levitit,
tule töitäs tuntomah,
pahojas parentamah!⁵⁹⁰*

Сосна за горой растущая,
Ветви далеко расправила,
Широко раскинула крону,
Приди на содеянное тобой
посмотреть,
Плохие дела свои исправить!
(Перевод автора)

⁵⁸⁸ Песенный фольклор кестеньгских карел. Петрозаводск, 1989. С. 135.

⁵⁸⁹ Конкка А. П. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск, 2013. С. 49.

⁵⁹⁰ Virtaranta P. Vienan kyliä kiertämässä. Porvoo; Helsinki, 1978. S. 243.

Хворь от железа

Представления о железе как виновнике порезов и связанные с ними заговоры являются очень древними у карелов. Излечение раны от железа описывается в народном эпосе «Калевала». Вайнемейнен ранит колено топором, кровь не останавливается, и он начинает искать заклинателя. После обращения к одному, затем другому и третьему заклинателю, Вайнемейнен, наконец-таки, находит нужного. Но заклинатель уже стар и забыл первую часть заговора, где рассказывается о «рождении» железа. Без такого знания кровь невозможно остановить. К счастью, Вайнемейнен знал ее сам. Он произнес эту часть, и заклинатель завершил лечение⁵⁹¹. У собственно-карелов и карелов-ливвиков использовались следующие варианты наименований для обозначения пореза от железа:

rauvan/viha – букв. ‘железа+зло (нагноение)’: ск. *rauvan viha* (Вокнаволоок, Калевала, Кестеньга, Ондозеро, Суйстамо, Тикша)⁵⁹², *rauvanviha* (Суоярви) // ливв. *ravvanviha* (Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро); *ravvan viha* (Видлица, Салми). Часть *viha* указывает на рану и ее нагноение.

При порезе или ушибе об острый железный предмет карелы считали, что железо на них разгневалось. Такие раны сильно распухали и болели: «*vikse ravvan viha meni kädeh, gu rubei puhaldamah*» – ‘вероятно хворь от железа появилась на руке, коли рука распухать начала’ (Видлица). Для успешного заживления такого пореза, надо было сперва выпустить кровь: «*rauvanviham poroitin, anna kippuraveri lähtöö*» – ‘заболел я хворью от железа, необходимо, чтобы кровь выпустить’ (Суоярви) и обратиться с заговором к данному предмету, попросить у железа прощения: «*pidäy puhuo ravvanviha ottoa, äski kivistyksen heittäy*» – ‘надо хворь от железа заговорить, вдруг пройдет болезнь’ (Сямозеро)⁵⁹³. Например, в п. Кестеньга (Лохский район) произносили такой заговор:

⁵⁹¹ Киуру Э. С., Мишин А. И. Фольклорные истоки «Калевалы». Петрозаводск, 2001. С. 36.

⁵⁹² Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009. С. 235.

⁵⁹³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, V. 1997. S. 48.

*Rauta raukka, kormiličča,
teräs teinänpäivällini,
etkä ollun šuuri
etkä šuuttunut,
šuošta oli šotkettu,
veteläštä vejjetty.*

*Mehiläini meijen lintu
kanna mettä kielelläš,
kipijillä voitimiksi,
pahoilla parannukšiksi
yličči yheksän meren.*

*Mistä lienöy šuonet šorruttu,
šiihi šuonet šolmiutukkah.*

*Mistä lienöy lihat liikuttu,
šiihi lihat liittykkäh⁵⁹⁴.*

Железо бедное, кормилица –
сталь злополучная,
не было ты ни большим,
ни рассерженным,
месили (тебя) из болота,
добывали из топи.
Пчела, наша птица,
языком наноси меду,
(чтобы) смазать больные места,
раны вылечить,
через девять морей.
Где сосуды повредились,
Там пусть сосуды завяжутся в
узел.
Где мышцы сдвинулись,
там пусть мышцы срастутся.

Как свидетельствуют тексты заговоров, вылечить порез можно было с помощью меда, сообщив железу о его происхождении. При произношении заговора было необходимо кусать железо. Примечательно, что и тверские карелы сохранили представления о болезни от железа и соответствующие заговоры⁵⁹⁵.

Заговор от пореза железным предметом был одним из самых распространенных у карелов в Карелии. В основе его – ответ на вопрос о происхождении железа, который исследователи относят к древнефинскому периоду в возникновении поэзии калевальской метрики. Заклинание железа по тематике и магическим функциям связано с заговором, с помощью которого останавливали кровотечение⁵⁹⁶.

⁵⁹⁴ Песенный фольклор кестеньгских карел / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989. С. 130.

⁵⁹⁵ Михайловская М. В. Карельские заговоры, приметы и заплочки // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Вып. 2. Л., 1925. Т. V. С. 613.

⁵⁹⁶ Рода нашего напевы / Сост. Э. С. Киуру, Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1985. С. 255

Таким образом, болезнь от железа под названием *rauvanviha* могла означать ушиб или порез от железного предмета, воспаление раны, гнев или заражение крови.

Хворь от камня

Карельские варианты названий данного заболевания представлены в собственно-карельском и ливвиковском наречиях составными наименованиями, указывающими на источник ушиба – *kivi* ‘камень’:

kiven/viha – букв. ‘камень+зло (ушиб)’: ск. *kivenviha* (Кестеньга) // ливв. *kivenviha* (Корбинаволоок, Лахта)⁵⁹⁷ // ср. (фин.) *kivenviha*.

По сведениям сямозерских карелов, чаще всего, карелы произносили заговоры для излечения такого ушиба: «*sattavukseh kivenvihoa puhutah (kiveh ku sattoih)*» – ‘на ушиб от камня читают заговор (на тот камень, об который ударились)’⁵⁹⁸. Например, у кестеньгских карелов бытовал такой заговор:

<i>Kivi Kimmon-Kamman poika,</i>	Камень, сын Киммо-Каммо,
<i>tuuan muna, pellon kakkara,</i>	яйцо земли, лепешка поля,
<i>Šyöjättäarin šiänkäpy,</i>	сердце Сюятяр,
<i>košta jumala koškomah,</i>	исправь богом ушибленное,
<i>košta kovin parentamah,</i>	быстрым излечением награди,
<i>kuin kovin kosit</i>	ударил как сильно,
<i>niin kovin parenna.</i>	излечи так быстро.
<i>Ota omaš, peri pahaš</i> ⁵⁹⁹ .	Возьми свое, забери плохое.

Жители д. Вокनावолок смазывали ушибленное о камень место жидкостью, которую выделял кузнечик. Надо было взять в руки кузнечика и попросить: «*Anna kat't'i rasvoa, myö voitaleipöä! Kun et antane, n'iim paikalla taramma!*» – ‘Дай, кузнечик, жира, похожего на масло! Если не дашь, то убьем тебя на месте!’ После того как кузнечик выделял жидкость, ею мазали ушиб⁶⁰⁰.

⁵⁹⁷ Полевой материал автора – 24.

⁵⁹⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, V. 1997. S. 237.

⁵⁹⁹ Песенный фольклор кестеньгских карел. Петрозаводск, 1989. С. 133.

⁶⁰⁰ Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Helsinki, 1958. S. 138.

2. Болезни, связанные с неблагоприятными погодными условиями

Данная группа заболеваний подразделяется на две подгруппы: первая включает в себя заболевания, наименования которых содержат основу *viha*; вторая содержит наименования с основой *nenä*. Эти основы, как правило, отражают основные симптомы недугов: повреждения кожи и внутренние болезни. Заболевания лечились обливанием водой, смазыванием пораженного места с сопровождением заговоров. Болезни *ilmannenä/seännenä* ‘заболевания насланные погодой’ и *luonnonviha* ‘заболевания от природы’ были распространены только на территории проживания ливвиковских карелов.

Заболевания от холода с основой *viha*

Причиной заболеваний этой подгруппы является холод: (ск.) *kylmä*, (ливв.) *kylmy*, (ск., ливв.) *vilu* ‘холод’:

kylmän/viha – букв. ‘холода+зло’: ск. *kylmänvihat* (Калевала, Суоярви) // ливв. *kylmänviha* (Корбиनावолок, Лахта)⁶⁰¹, *kylmänvihat* (Салми) // ср. (фин.) *kylmänvihat*.

vilun/viha – букв. ‘холода+зло’: ск. *vilunviha* (Суоярви) // ливв. *vilunvihat* (Салми)⁶⁰².

В основе указанных названий лежит компонент *viha*, указывающий на повреждение кожи и связанные с ними последствия. По сведениям, полученным от информантов Пряжинского района (д. Лахта, Корбиनावолок) симптомами хвори от холода были обморожения (кар. *kylmetys*, *kylmys*) на коже⁶⁰³. Выходя из дома в морозную погоду, карелы п. Кестеньга произносили заговор, в котором они обращались к Морозу, виновнику обморожения, считая, что это спасет их:

<i>Rakkani, puhurin poika,</i>	Мороз, сын метели,
<i>elä kylmä kynšijäni,</i>	не морозь мои ногти,
<i>elä kohma koprijani,</i>	не студи мои руки,

⁶⁰¹ Полевой материал автора – 24.

⁶⁰² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 600; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 406.

⁶⁰³ Полевой материал автора – 26.

kylmä kylmie kivie,

морозь холодные камни,

palele vesipajuja.

студи вербы у воды.

Mäne, tuli, šukkahani,

Ступай, огонь, в мой чулок,

*kekälehet kenkihini*⁶⁰⁴.

головни – в обувь.

Заговор от обморожения встречается в «Калевале» (руна 30, строки 185–298) в эпизоде, когда хозяйка Похьелы посылает холод, который замораживает корабль калевальцев во льдах, среди моря. Лемминкяйнен читает заговор от обморожения, который препятствует этому.

В том случае, если заговор, произнесенный перед выходом на улицу не помог, и обморожение образовалось, то карелы использовали рациональные способы лечения⁶⁰⁵.

Сязозерские карелы указывали на то, что исходом сильного обморожения могла стать ампутация конечностей: «*Vilunviha on sormiloiz. Kylmänviham pereä sormet pilattih eäre*» – ‘Хворь от холода к пальцам пристала. Из-за нее пальцы отрезали’⁶⁰⁶.

Заболевания, насланные погодой, с основой *nenä*

В основе номинации этого заболевания прослеживается источник возникновения недуга *ilmu* (ливв.) ‘воздух/погода’, *seä* (ливв.) ‘погода’:

ilman/nenä – букв. ‘погоды/воздуха+нос’ (ливв.). Карелы, проживающие в Сязозерском районе, предполагали, что данное заболевание могло пристать к человеку во время ветреной погоды: «*Ilmannenä on lapses, tuules tulluh*» – ‘У ребенка насланная погодой болезнь, от ветра прицепилась’⁶⁰⁷.

seän/nenä – букв. ‘погоды+нос’: ливв. *seännenä* (Сязозеро)⁶⁰⁸.

Сведения о данном недуге были зафиксированы только у сязозерских карелов. Симптомами заболеваний данной подгруппы считались внутренние проявле-

⁶⁰⁴ Песенный фольклор кестеньгских карел. Петрозаводск, 1989. С. 141.

⁶⁰⁵ См. подробнее с. 321.

⁶⁰⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 600.

⁶⁰⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, I. 1968. S. 438.

⁶⁰⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, V. 1997. S. 353.

ния, вероятнее всего, простудного характера: ломота, жар, кашель, насморк, озноб, лихорадка.

Для исцеления болезни, насланной погодой или ветром, сямозерские карелы (д. Сямозеро) использовали *tuulen/kobru* – букв. ‘ветра+горсть’ (ср. у вепсов *tullipeza* – букв. ‘ветренное+гнездо’, у русских – *вихорево гнездо*, *ведьмино помело*, *ведьмина метла*): образованный на дереве (ели, ольхе, березе) густой веник, который состоит из укороченных, сидящих тесно веточек, представляющий собой аномальное развитие. Его употребляли как средство от призора. Детей, заболевших от сглаза, обдавали несколько раз водой сквозь *tuulenkobru*⁶⁰⁹. В русском языке эквивалентом карельского наименования *tuulenkobru* является термин *ведьмино помело*. В толковом словаре В. Даля представлена следующая трактовка: *ведьмино помело* является болезненным выгоном кучкой веток на дереве, т. е. вихревое гнездо. Некоторые «ведьмины метлы» могут содержать ни одну сотню мелких и крупных. Крестьяне, не зная как объяснять причину вырастания странного клубка, приписывали «ведьминой метле» магические свойства. У народов Сибири считалось удачей найти подобный «клубок». Тогда этот клубок приносили домой и вешали в качестве оберега. Карельское наименование *tuulenkobru* указывает, что карелы, персонифицируя ветер, приписывали ему образование этих «горстей» веток ветру. *Tuulenkobru* использовали для излечения именно от таких болезней, которые считались «насланными по ветру» или «приставшими от ветра».

Заболевания от природы с основой *nenä*

Названия заболевания были зафиксированы при сборе полевого материала в Пряжинском районе. Номинация данного заболевания основывается на источнике его возникновения *luondo* (ливв.) ‘природа’:

luonnon/nenä – букв. ‘природы+нос’: ливв. *luonnonnenä* (Корбинаволок, Лахта).

⁶⁰⁹ См., Лесков Н. Виэндюйдь // Живая старина. Вып. 3–4. СПб., 1894. С. 515.

Часть сложного слова *nenä*, как правило, является указателем внутренних болезней. И действительно, по сведениям информантов, симптомы хвори от природы были идентичны простуде: озноб, лихорадка и т.д.

Карелы Пряжинского района (д. Корбинаволоок, Лахта) лечили этот недуг как простуду рациональными средствами: парились в бане, грелись на лежанке⁶¹⁰.

Заболевания от ветра с основой *nenä*

В основе номинации данного заболевания лежит источник его появления *tuuli* ‘ветер’ (ск., ливв.):

tuulen/nenä – букв. ‘ветряный+нос’, ‘ветра+нос’: ск. *tuulennenä* (Панозеро, Юшкозеро), *tuulenn'enä*, *tuulennenä* (Суйстамо, Суоярви, тверской говор)⁶¹¹ // ливв. *tuulennenä tartui* – ‘ветряная болезнь пристала’; *tuulennenä on hänez* – ‘у него хворь от ветра’ (Сямозеро) // люд. *tuulen nenä* (Верхние Важины) // ср. (вепс.) *tul'l'až'ena*; (фин.) *tuulennenä*⁶¹².

Карелы д. Панозеро верили, что возможно уберечься от этого недуга: во время движения сильного вихря, ему было необходимо показать кукиш, и тогда хворь мимо пройдет. Тверские карелы говорили, что «...нужно рот закрыть, показать нож и кукиш из-за спины»⁶¹³. Тверские карелы отмечали, что кукиш необходимо было показать несколько раз подряд и именно правой рукой. Если человек (мог захворать как взрослый, так и ребенок) все-таки заболел, то болезнь могла пристать к любой части тела. Симптомами были кашель, тошнота (д. Сямозеро). Ливвиковские карелы (д. Коткозеро) в качестве симптомов ветряной болезни определяли головную боль, которую лечили заговором от ветра: «*Etgo tie kedä tuules oppijua, piän kivištäy ku tuuli kohuou, uližou?*» – ‘Не знаешь ли, кто бы мог от ветра заговорить, голова болит, словно ветер шумит в голове, воеет?’⁶¹⁴. У детей отмечались признаки хрипоты во время сна (Суйстамо, Суоярви, Тверская Каре-

⁶¹⁰ Полевой материал автора – 25.

⁶¹¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 328.

⁶¹² ФА ИЯЛИИ 3023/14; Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. С. 582; Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Helsinki, 1961. S. 208.

⁶¹³ Конкка А. П. Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик. Народная медицина. Знхарство и колдовство // Панозеро. Петрозаводск, 2003. С. 406; Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 310.

⁶¹⁴ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 244.

лия)⁶¹⁵. С целью излечения ребенка его опускали в квашню, куда предварительно клали горячий, только что испеченный хлеб, считая, что «как хлеб подымает теплым паром, так и болезнь, как рукой снимет»⁶¹⁶. По сведениям, П. Виртаранта, у тверских карелов в качестве симптомов заболевания от ветра назывались также красные прыщи на коже, возможно, связанные с ветрянкой⁶¹⁷. Подтверждением могут служить сравнительные материалы. У вепсов, например, считалось, что ветер мог стать источником ветрянки, что нашло отражение в названии болезни *lëndandtullii* – букв. ‘летучий+ветер’⁶¹⁸. Тверские карелы верили, что золотуха (кар. *zolutuha*) может быть наслана различными стихиями. Жители д. Никифариха Лихославльского р-на называли золотуху, насланную ветром *tuulen n'en'ä* – букв. ‘ветра+нос’. Таким же термином они называли сухую скрученную ветку ольхи и ели. Из этого следует, что и человек и дерево могут быть сражены одним недугом, и в этом случае лечение строится по принципу ‘подобное – подобным’, что характерно для народной медицины в целом⁶¹⁹. Некоторые знахари считали, что «золотуха не одна, а их 27 сестер»⁶²⁰.

Как беломорские, так и южные карелы для лечения прыщей на теле при хвори от ветра эффективным способом считали обливание через ведьмино помело. Жители д. Аконлахти обливались сквозь березовую или ольховую ведьмину метлу, коткозерские карелы – сквозь березовую. Воду зачерпывали из источника с чтением молитвы. Ритуал обливания проводили около печного душника⁶²¹.

Ливвиковские карелы (д. Неккула, Рыпушкалица) отмечали, что для исцеления недуга от ветра надо было обратиться к знахарю: «*tuulennenän ojjendi tiedoin'iekku*» – ‘знахарь лечил хворь от ветра’⁶²². У тверских карелов знахарь читал заговор, в котором просил прощения у хозяев ветра. Например, в д. Кави (Твер-

⁶¹⁵ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 328.

⁶¹⁶ Лесков Н. Отчет о поездке к Олонецким Карелам летом 1893 г. // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1894. С. 29.

⁶¹⁷ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Helsinki, 1961. S. 208.

⁶¹⁸ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 436.

⁶¹⁹ Фишман О. М. Знающая – больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Вып. 2. Петрозаводск, 2009. С. 158.

⁶²⁰ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 20.

⁶²¹ Virtaranta P. Karjalan tekstejä. Helsinki, 1968. S. 78.

⁶²² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 328.

ская Карелия) был такой случай: перед Покровом поехал хозяин и его работница собирать капусту. Хозяин ехал в телеге, а работница рядом шла. Вдруг ему что-то в глаз кольнуло, и он не смог больше лошадью управлять. На следующий день хозяин ослеп. Завязанный на глаз с лечебной целью платок не помог. Пришлось им обратиться к знахарке, которая умела просить прощения у хозяина ветра:

<i>Tuulen isäntäiset, tuulen emäntäiset,</i>	Хозяева ветра, хозяйки ветра,
<i>antakaa anteeksi!</i>	Дайте прощения!
<i>Millä hän lieneekin teidät suututtanut,</i>	Чем он вас рассердил,
<i>millä lienee vihastuttanut,</i>	чем разозлил,
<i>niin Jumalan palvelijalle Vasjalle antakaa anteeksi!</i> ⁶²³	Рабу Божьему Василию Дайте прощения!
	(Перевод автора)

На следующий день мужчина начал поправляться.

Тверские карелы для избавления от головной боли, причиной которой являлась простуда, принесенная ветром, выходили на улицу и читали заговор: «*Tuvlut mie tutavane, ahavane, armahane, ota miun oma bolesti, ana miula oma t'ervehyš raba božijlda Man 'alda*» – ‘Ветерочек мой знакомый, холодный, любимый, возьми мою болезнь, дай мне свое здоровье рабе Божьей Маше’. Как вариант, этот заговор можно было читать во время парения в бане. Говорят, что в бане головная боль проходит быстрее⁶²⁴.

Если в результате хвори от ветра начинали болеть глаза, то знахарка (с. Ведлозеро) брала три разных вида муки, выводила больного на улицу, бросала муку на ветер и произносила:

<i>Tuulen iżändät, tuulen emändät,</i>	Хозяева ветра, хозяйки ветра,
<i>tuulen valgiät vahnemat.</i>	Белые прародители ветра.

⁶²³ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Helsinki, 1961. S. 208.

⁶²⁴ Фишман О. М. Знающая – больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Вып. 2. Петрозаводск, 2009. С. 154.

<i>Tuulen kullat kuningat,</i>	Цари золотого ветра,
<i>tuulen poijat, tuulen tyttäret,</i>	сыновья ветра, дочери ветра,
<i>tuulen kazakat, tuulen käskyläzet.</i>	батраки ветра, прислуги ветра.
<i>Prostikkuo ristikanzuo,</i>	простите человека,
<i>piästäkkiät i pellastako</i> ⁶²⁵ .	Отпустите и освободите.

3. Болезни от построек или олицетворяющих их духов

В карельской народной медицине удалось обнаружить болезни, появляющиеся у человека только от двух построек – бани и хлева. Симптомами заболеваний данной группы преимущественно были воспалительные процессы на коже: появление синеватого оттенка, экземы, распухания, сыпи, болячки. Болезни объяснялись наказанием человека за неуважительное отношение к этим постройкам или их духам. Лечение недугов заключалось в задабривании хозяев бани и хлева.

Болезни от бани

К деноминальным именам существительным относится лексема *kylyhine*: ливв. (Сямозеро) *kylyhine on virujaz* ‘хворь от бани у больного’ (от сущ. *kyly* + суф. *-hine*)⁶²⁶.

Симптомы заболеваний от бани *kyly* ‘баня’ (ск., ливв., люд.) определяются в основе номинации следующих лексем:

kyly/moahine ‘экзема или сыпь, приставшая, по поверьям, от бани’ – букв. ‘банная+экзема’: ск. *kylymoahine* (Паданы, Суйстамо); *ongo kylymuahini tarttut?* – ‘пристала ли хворь/экзема от бани?’ (Суйстамо) // ливв. *kylymoahine~kylymuahine* (Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро). Сямозерские карелы предполагали, что экзема могла появиться на руках во время мытья бани. У экземы было и другое наименование *šittubul’kku* – букв. каловый волдырь. Сямозерские карелы верили, что этой экземой заболевали тоже в бане: «*šittubul’kku kylys sanotah roih*» – ‘говорят, что экзема в бане появляется’ (Сямозеро). Для лечения *šittubul’kku* знахарю/колдуну было необходимо прежде всего узнать, где больной заболел или откуда к нему пристала болезнь: «с улицы или бани». В народной медицинской тра-

⁶²⁵ Миронова В. П. Фольклорные традиции Ведлозерья. Петрозаводск: Verso, 2013. С. 125.

⁶²⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 520.

диции финнов чесотка (фин. *suuhu*) считалась самой распространенной болезнью, приставшей в бане⁶²⁷.

kyly/pagan ‘по поверьям, кожное заболевание, приставшее от бани’ – букв. ‘банная + чесотка’: ливв. *kylypagan* (Сямозеро). Считалось, что к самым распространенным симптомам *kylypagan* относятся различные высыпания, гнойные волдыри, экзема или чесотка.

kylyn/nenä ‘болезнь, по поверьям, причиненная баней’ – букв. ‘банный+нос, бани+нос’: ливв. *kylynnenä* (Сямозеро), т. е. внутренняя болезнь.

kylyn/vigahine ‘болезнь, по поверьям, причиненная баней’ – букв. ‘банная+хворь, бани+хворь’: ливв. *kylynvigahine* (Сямозеро).

kyly/šittu ‘по поверьям, глазная болезнь (возможно, трахома), приставшая от бани’ – букв. ‘банный + кал/гной’: ск. *kylyšittu* (Импилахти)⁶²⁸. В диалектах карельского языка слово *šittu*, кроме главного значения ‘помет, кал’, используют и со значениями ‘гной или грязь’. Трахома считалась очень серьезным и опасным заболеванием, насланным хозяином бани. Во время него на глазу образовывалась как будто пленка⁶²⁹.

Карелы верили, что хворь от бани приставала, если человек в бане подумал что-нибудь плохое о ней, поэтому существовало правило: «...*hot' olkah kui lääsä kyly, hot' olkan ken käynyh, älä nikonsu kylyssä duumaiče...*» – ‘...хоть какая пусть грязная баня, хоть кто пусть ходил, никогда в бане не думай...’ (д. Вокнаволоок)⁶³⁰.

Проявлением хвори от бани у тверских карелов (д. Большое Плоское) считалось полное отсутствие аппетита у человека. Больной слабел и буквально «сох», т.е. это могла быть и внутренняя болезнь⁶³¹.

Лечили хворь от бани преимущественно магическими способами, но тверские карелы использовали и средства животного происхождения при появлении *kylyšittu*: закапывали в глаза жир налима.

⁶²⁷ Hakamies P. Sauna ja kansanomainen terveydenhoito // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 276.

⁶²⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 521–522.

⁶²⁹ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki, 1961. S. 206.

⁶³⁰ Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М., 2016. С. 349.

⁶³¹ Virtaranta P. Tverinkarjalasta parannustietoa // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 236.

Если от бани приставала головная боль (кар. *piänkibu, piänkivistys*): «*pää oli kuin kuusen koskus*» – ‘голова была как еловая кора’, то оулангские карелы прикладывали к голове мусор из трех разных мест по три раза и обращались к духам-хозяевам бани забрать свою болезнь обратно:

<i>Kylyn kultainen kuningas,</i>	Золотой король бани,
<i>kylyn emoinen emäntä,</i>	Бани добрая хозяйка,
<i>mitä lienet mieltin, tuumainun,</i>	Если вдруг нехорошо подумал я,
<i>astuon, ajatellun, prossi</i>	Плохо помыслил, прости,
<i>ota omas, peri pahas,</i>	Возьми свое, забери плохое,
<i>anna miulla omat hyväni jälleen</i> ⁶³² .	Верни мне мое хорошее обратно.

(Перевод автора)

В лечебной магии придавали особое значение мусору, который, например, выметали из углов дома из-под порога, т. е. наиболее сакрализованных мест домашнего пространства, принадлежащих домовому⁶³³, т. е. болезнь уподоблялась мусору.

Для излечения этого недуга чаще всего обращались к знахарю, а местом для проведения лечебного ритуала была баня. Знахарь трижды брал землю, пепел, мусор с трех мест в бане (с пола, печи и т. д.), а затем клал обратно и каждый раз произносил заговор, адресованный не к духам бани, а к банному пару. (Приложение 2, Рисунок 22):

В Мяндусельгской волости лекарь собирал с пола листья банного веника и прикладывал на пораженные места со словами: «как эти листья падали на пол, так и ты, болезнь, упади с раба (имярек)». Рассмотренные материалы показывают, что болезнь уподоблялась опавшим листьям (мусору), которые надо выбросить. В Колвосозерском погосте Кемского у., если заболели в бане, то знахарь мазал экзему грязью, собранной с банных ушатов, пола, стен, а, если во дворе – навозом⁶³⁴.

⁶³² Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki, 1971. S. 239.

⁶³³ Валенцова М. М. Мусор // Славянские древности. М., 2004. Т. 3. С. 338.

⁶³⁴ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 25.

Самым распространенным способом лечения хвори от бани – приношение подарков хозяевам бани. В Тверской Карелии произошел такой случай. Парня призвали в армию. Перед его отправлением, затопили баню, он сходил помылся. Пристала хворь к нему в бане: зубы начали болеть, подбородок загноился. Он пишет письмо матери из армии: «Зубы так сильно болят, что ничего есть не могу. Мама, помоги, надо что-нибудь сделать!» Мать задумалась, почему у сына такое случилось. Вспомнила, что он в баню ходил перед уходом. Пошла она в баню, отнесла подарки хозяевам бани для заглаживания сыновей вины: два кусочка ткани (белой и цветной) и черную ленту. Оставила подарки в бане и произнесла: «Возьмите, хозяйки и хозяева бани, небольшие подарочки вам!» Сын написал в очередном письме, что все прошло у него⁶³⁵.

В вепсской культуре также бытовали и до сих пор бытуют верования в банного духа и его жену. Кроме того, у вепсов запрещено думать о бане как о заразном месте, иначе ее дух, обидевшись, мог наслать кожные болезни (зуд, чесотка, нарыв) (ср. вепс. *kül'bet'kibu*, *kül'bet'viga*, *kül'bet'pagan*, *kül'bet'pahk*). У поморов также существовали представления о болезни от бани, которая называлась *баенна нецись* или *баенна нецисть*. Считалось, что она пристает к человеку в бане во время мытья и паренья в том случае, если моющийся плохо подумает о ней. Для того, чтобы этого не произошло, человек перед мытьем должен был перекреститься и произнести Иисусову молитву⁶³⁶. В литературе по восточнославянской народной медицине описания таких недугов от бани практически неизвестны⁶³⁷.

Болезни от хлева или скотного двора

Источник заболевания *tanhut* ‘хлев’ (ливв.) определяется в основе номинации лексем, зафиксированных в сямозерском диалекте ливвиковского наречия ка-

⁶³⁵ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki, 1961. S. 110.

⁶³⁶ Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011. С. 20.

⁶³⁷ Виокурова И. Ю. Вепско-карельско-русские контакты в Бабаевском и Вытегорском районах Вологодской области (по данным народной демонологии) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 112; Виокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 218.

рельского языка: *tanhut/moahine* (букв. ‘хлевная+экзема/некая болезнь кожи’): ливв. *tanhudmoahine~tahnudmoahine*.

По сведениям жителей д. Сямозеро симптомами хвори от хлева было распухание пораженной части тела (например, ног или рук: «*tahnudmoahine tartui jalgah*» – ‘хворь от хлева прицепилась к ноге’), появление синевы на коже и возникновение воспалительного процесса. Человек приобретал такое заболевание в том случае, если пнул животное, которое находилось в хлеву.

Эту болезнь лечили, прося прощения у хозяина хлева (ск. твер.) –*tanhuan iżändä*, ливв. (Сямозеро) – *tahnuthard’ii, tanhuthardii* ‘хозяин хлева’. Например, среди тверских карелов (с. Воздвиженка) бытовал такой заговор: «*Tanhuan iżändä, tanhuan emändä prostikkua oigien hengien*» – ‘Дворовый хозяин, дворовая хозяйка, простите праведную душу’⁶³⁸.

4. Болезни от соприкосновения с миром мертвых

У карелов Карелии были чрезвычайно развиты представления о болезни *kalma* ‘болезнь, которая по карельским поверьям приставала от кладбища или покойника’. У тверских и тихвинских карелов их не удалось зафиксировать. Видимо, они оказались утраченными.

Данные названия и связанные с ними представления были известны беломорским карелам, карелам Центральной Карелии, ливвикам и людикам:

kalma: ск. *kalma* (Вокнаволоок, Калевала, Контокки, Ругозеро, Тунгозеро) // ливв. *kalmi* (Тулмозеро). Первоначальные и основные значения слова *kalma* ‘могила, кладбище’. В названии прослеживается метафорический перенос. Возможно, когда начали верить, что при несоблюдении правил мертвые насылают на человека болезнь, то стали обозначать ее этой же лексемой.

Суффиксальным способом словообразования образована лексема *kalmahine* – букв. ‘мертвая/могильная’: ск. *kalmahine* (Суоярви) (от сущ. *kalma* ‘смерть, могила’ + суф. *-hine*).

⁶³⁸ Михайловская М. В. Карельские заговоры, приметы и заплочки // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Вып. 2. Л., 1925. Т. V. С. 615.

Источник заболевания *kalma* (ск.)/*kalmu* (ливв.) ‘могила’, *kuolii* (ливв., люд.) ‘умерший, покойник’ лежит в основе номинации следующих наименований:

kalman/nenä – букв. ‘могилы+нос’: ск. *kalmann'enä* (Корбисельга, Суйстамо); *kalmannenä* (Суоярви) // ливв. *kalmannenä* (Видлица, Неккула, Рыпушкалица); *kalmannenä* (Сямозеро)⁶³⁹ // ср. (фин.) *kalmannenä*⁶⁴⁰.

kuolien/nenä – букв. ‘мертвого+нос’: ливв. *kuoliennenä* (Ковера, Ляпякке, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица), *kuol'iennenä* (Сямозеро) // люд. *kuoliennenä* (Пряжа).

Судя по названиям, от могилы и покойника можно было получить внутренние болезни, объединенные понятием *nenä*.

Карелы, проживающие в Калевальском районе (например, д. Войница) выделяли несколько видов болезни *kalma*: *vesi/kalma* (букв. водяная+смерть/могила) и *ristimätön kalma* (букв. некрещеная+смерть/могила). *Vesikalma* проявлялась в тех случаях, если испугаешься чего-нибудь во время стирки одежды умершего, а *ristimätön kalma* приставала от некрещеного мертвого ребенка.

По сведениям информантов, болезнь *kalma* считалась серьезной: *kalman d'ielos eule šuutkimistu* – ‘болезнь смерть – нешуточная’ (Тулмозеро), *voimatta rod'ivuin kalmannenä on, etko kuole, etko elä* – ‘я без сил был, когда смертью болел, ты не живешь и не умираешь и’ (Суоярви)⁶⁴¹. Болезнью *kalma* человек заболел в том случае, если он испугался покойника или оказывался в месте, где находились принадлежности мертвого: одежда мертвого, щепки гроба и др. Причиной появления данного заболевания было также непочтительное отношение к умершим предкам. Об этом говорят следующие поверья: заболели, если, проходя мимо кладбища, не перекрестились⁶⁴². Нельзя было пугаться покойников, это могло оскорбить их. Так, карелы деревень Кондока и Войница считали, что *kalma* проявлялась при испуге от известия о смерти или увиденного во сне покойника⁶⁴³.

⁶³⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 36.

⁶⁴⁰ Nykysuomen sanakirja. Porvoo; Helsinki; Jyväskylä, 2. 1992. S. 168.

⁶⁴¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 36.

⁶⁴² ФА ИЯЛИ 3064/5.

⁶⁴³ Virtaranta P. Vienan kylä kiertämässä. Porvoo; Helsinki. S. 223.

Исследовательница И. В. Ильина, отмечает, что для народа коми характерны такие же представления: «благополучие и здоровье живущих зависело от благорасположения ушедших в иной мир». Гнев умерших родственников, возникшей в следствии неуважительного отношения к их памяти, несоблюдением правил и норм поведения в почитании усопших, мог стать причиной неожиданных болезней⁶⁴⁴. Жители д. Римпи верили, что *kalma* приставала, если выкинешь гробовую доску⁶⁴⁵. Повенецкие карелы (Олонецкая губерния) уверены в том, что, если будучи на могиле, человек выругается или вспомнит умершего плохим словом, то он захворает и для выздоровления надо ходить на эту могилу и просить прощения. Другой причиной болезни было заражение через соприкосновение с объектами и предметами мира мертвых, которые считались нечистыми. Олонецкие карелы (г. Олонец) считали, что этой болезнью заболели, если идя по кладбищу, человек увязал ногами⁶⁴⁶.

У олонецких карелов бытовали предостережения, которые соблюдали, чтобы *kalma* не пристала. Для этого было необходимо сжечь все вещи (мыло, веник, солома), которые остались после обмывания покойника. Закончив погребение, уходя с кладбища, тщательно счищали землю с ног⁶⁴⁷. Паданские карелы после смерти родственника, сразу клали его в гроб и зашивали голову в холст. Во время отпевания родня покойника отказывалась снимать ткань, это делал сам священник. Страх был связан именно с суевериями о болезни *kalma*⁶⁴⁸.

Беломорские карелы примечали, что заболевание *kalma* проявлялось в послеобеденное время и усиливалось к полуночи, после чего начинало отступать. Это было связано с тем, что ночь – время мертвых.

В качестве симптомов жители д. Сямозеро выделяли холод по всему телу, боли в суставах и синева на лице⁶⁴⁹, что являлось признаками мира мертвых и по-

⁶⁴⁴ Ильина И. В. Народная медицина коми. Сыктывкар, 2008. С. 68.

⁶⁴⁵ Virtaranta P. Polku sammui. Vammala, 1972. S. 140.

⁶⁴⁶ Kansanomaisen lääkitietous / Toim. Nako M. Helsinki, 1957. S. 7.

⁶⁴⁷ Даншова О. Н. Древние обряды, обычаи и поверья карелов // Аланго – Алоньсь – Олоньсь – Олонец. В. 1. Олонец. С. 47, 49.

⁶⁴⁸ Прихожанин. С. Паданы, Повенецкого уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1900. № 30. С. 2.

⁶⁴⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 448.

койника. Сортавальские карелы (г. Сортавала) уверяли, что при этом заболевании человек все время смотрел в одну точку и не мог ничего делать. Беломорские карелы (д. Римпи) отмечали опухание всего тела⁶⁵⁰.

Очиститься от калмы помогал очаг. Возратившись с кладбища в дом умершего, каждый участник похорон троекратно (ладонями и тыльной стороной кисти) прикладывал руки к печи.

В Калевальском районе (д. Войница) от всех видов калмы избавлялись облившись водой, несли ее на кладбище⁶⁵¹, т.е. смытую болезнь возвращали в место ее обитания – мир мертвых.

При лечении этой болезни обращались и к знахарю, который прежде определял наличие данного недуга у больного с помощью гадания с использованием нательного креста: *kalmahizen oijendi t'iedoinikka* – ‘болезнь ‘смерть’ вылечил знахарь’ (Суоярви), *ristu ozuttau t'iedoin'iekal kalmannenän* – ‘крест показывает знахарю, что это смерть’ (Сямозеро)⁶⁵². Так, в качестве магического способа лечения можно привести следующий пример, бытующий на территории проживания беломорских карелов (д. Кондока). Если больной точно знал, что *kalma* пристала от покойника, то надо было идти во двор, где стоял гроб с мертвым, трижды поклониться и произнести заговор, отсылающий покойника в мир мертвых:

*Kuin ollet kuollehen kojišta,
katonehen kartanosta,
ikimännehem majasta,
märännehem moaemästä,
mänes kuollehen kot'ih,
katonehen kartanoh,
ikimännehem majah,
märännehem moaemäh!*⁶⁵³

Если ты из дома мертвых,
из усадьбы пропавших,
навсегда ушедший из жилища,
от хозяйки сырой земли,
иди-ка ты в дом мертвых,
в усадьбу пропавших,
в жилище навсегда ушедших,
к хозяйке сырой земли!

⁶⁵⁰ Virtaranta P. Polku sammui. Vammala, 1972. S. 140.

⁶⁵¹ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Porvoo, 1924. S. 81.

⁶⁵² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 36.

⁶⁵³ Virtaranta P. Vienan kyliä kiertämässä. Helsinki, 1978. S. 223–224.

(д. Кондока)

(Перевод автора)

При симптоме опухания тела топили баню, обязательно используя ключевую воду. Затем разводили ведро горячей воды и, когда больной заходил в баню, то всю эту воду выливали ему в лицо. Положительный эффект был только в том случае, если больной сильно испугается. Если больной не испугался, то топили баню повторно и при обливании произносили: «*Kačom mie jotta eikö tästä lähe kočmat!*» – ‘Посмотрю я сейчас, выйдут/пройдут ли из этого (человека) недуги!’⁶⁵⁴ Обитель калмы – это одновременно и кладбище, которое отождествляется с загробным миром, Маналой, Туонелой, где обитают «дети калмы»⁶⁵⁵.

Таким образом, рассматриваемое заболевание у карелов считалось внутренним и очень серьезным. Представления о различных видах *kalma* были широко распространены и у финнов⁶⁵⁶. У пермских народов также одной из наиболее распространенных причин заболеваний была кара предков за непочтительное к ним отношение, однако от таких недугов они избавлялись по-другому: совершением поминовений и жертвоприношениями животных. В вепсской медицинской традиции эта причина болезней оказалась мало популярной, а указанные способы избавления от них неизвестными⁶⁵⁷.

5. Болезни от несоблюдения правил и норм, регламентирующих поведение человека в быту

Заболевания от ногтей

В народных представлениях славянских народов ногти считались средоточием жизненных сил человека. Наряду с волосами, зубами, потом, слюной, мочой и т. д. ногти воспринимались как заместитель человека, поэтому все действия с ногтями (стрижка, хранение, уничтожение) были способами воздействия на чело-

⁶⁵⁴ Virtaranta P. Polku sammui. Vammala, 1972. S. 140.

⁶⁵⁵ Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М., 2005. С. 94–95.

⁶⁵⁶ Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск, 1991. С. 80–81.

⁶⁵⁷ Винокурова И. Ю. Религиозно-мифологические представления о происхождении болезней в народной медицине вепсов // Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования. Петрозаводск, 2016. С. 107.

века и строго регламентировались⁶⁵⁸. Карелы также повсеместно придавали большое значение обращению с ногтями и связывали с ними болезнь *kynnen/viha* – букв. ‘ногтя+зло (воспаление)’: ск. *kynnenviha* (Калевала, Кестеньга, Ондозеро, Ругозеро, Суоярви), *kynnenviha* (Иломанси); *kynnenviha viel’ä enämmäl’d’i ruškoi* – ‘царапина на коже еще больше покраснела’ (тверской говор) // ливв. *kynnenviha* (Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро), *kynnenviha* (Корбинаволоок, Лахта)⁶⁵⁹, *kynnenvihat* (Салми)⁶⁶⁰ // ср. (фин.) *kynnen vihat*⁶⁶¹.

В основе номинации данного заболевания прослеживаются народные поверья, связанные, в первую очередь, с «ритуалом» подстригания ногтей: причиной возникновения данного недуга у всех групп карелов считалось нарушение запрета подстригания ногтей в праздничные или выходные дни, а также разбрасывание ногтей. Среди тверских карелов бытовало поверье: хворью от ногтей начнешь болеть, если подстриженные ногти на пол бросишь. Было необходимо их аккуратно собрать и закопать в хлеву или во дворе⁶⁶². Карелы Петрозаводского у. и некоторых деревень Тверской губернии (с. Воздвиженка) тоже не выкидывали ногти после подстригания, они убирала их за пазуху, считая, что они пригодятся после смерти, чтобы с помощью ногтей было легче вскарабкаться на гору, достигая рая. Жители д. Вокनावолок утверждали, что отстриженные ногти надо бросать в огонь, иначе плохой человек сделает себе корабль из ногтей⁶⁶³, видимо, нанесет порчу тому, кто не сжег ногти.

Жители д. Иломантси и Рыпушкалица верили, что хворь от ногтей проявлялась в воспалившихся ранах после того, как поцарапаешься. Способов лечения данного недуга не было зафиксировано.

Среди всех групп карелов были распространены верования в то, что нарушения бытовых запретов вызывало различные заболевания:

⁶⁵⁸ Левкиевская Е. Е. Ногти // Славянские древности. М., 2004. Т. 3. С. 427.

⁶⁵⁹ Полевой материал автора – 24.

⁶⁶⁰ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 126; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 527; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 130.

⁶⁶¹ Forsius A. Kuvauksia lääketieteen historiasta [Электронный ресурс]. URL: www.saunalahti.fi/arnoldus/haklaa.html.

⁶⁶² Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Helsinki, 1961. S. 206.

⁶⁶³ Его же. Vienan kyllä kiertämässä. Helsinki, 1978. S. 81.

- карелы (Петрозаводский у.) верили в мифологическое происхождение боли в ноге (кар. *jalkoa kivistäy, jalgua kivistäy*): если крутить топор носком на пороге, а потом вступать на это место, то ноги будут болеть;

- кручение шапки на пальце вызывало головную боль (кар. *piänkibu, peänkivissys*) (Петрозаводский у.). Во избежание головной боли не бросали выпавшие с головы волосы на улицу, иначе птица уносила их для строительства гнезда, клевала, а у человека начинала болеть голова. Это поверье бытовало у всех групп карелов⁶⁶⁴;

- тверские карелы (с. Воздвиженка) верили, что глаза будут болеть (кар. *silmänviga*) в том случае, если человек посмотрит через решето. В мифологических представлениях решето – это перегородка в иной мир. Заглянуть в иной мир – мир болезней, значит – заболеть;

- обтирание рук о скатерть могло стать одной из причин появления бородавок (кар. *sybly*) (Петрозаводский уезд)⁶⁶⁵. Это было связано, в первую очередь, с тем, что скатерть у карелов имела сакральный статус и использование ее не по назначению могло стать причиной заболеваний. Подобные запреты существовали у славян: после вытирания скатертью лица человек становился подвержен сглазу и порче, обтерев руки – на пальцах появлялись заусеницы, а с ладоней сходила кожа⁶⁶⁶;

- заглядывание весной в чужие стекла в то время, когда светит солнце могло стать причиной появления веснушек на лице, в карельских названиях которых отразилось их время появления⁶⁶⁷: (ливв.) *kezakko* (от слов. осн. им. сущ. *kezä*→*kezä*- ‘лето’ + суф. *-kko*); (ск.) *kevätti* (от слов. осн. им. сущ. *kevät*→*kevät*- ‘весна’ + суф. *-ti*)⁶⁶⁸. Взрослые запрещали детям заглядывать весной в чужие окна, говоря: «*elä*

⁶⁶⁴ Суеверия и предрассудки в простом народе // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 74. С. 656; Virtaranta P. *Luuydiläisiä tekstejä. Osa III. Helsinki, 1964. S. 217.*

⁶⁶⁵ Суеверия и предрассудки в простом народе // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 74. С. 656.

⁶⁶⁶ Ясинская М. В. Скатерть // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2012. Т. 5. С. 9.

⁶⁶⁷ Полевой материал автора – 36.

⁶⁶⁸ Зайков П. М. Карельско-русский словарь. Петрозаводск, 1999. С. 154; Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 135.

kačo läbi ikkunas keveäl pert't'ih, kurmiččoa roih rožih» – ‘не смотри через окно весной в избу, на лице веснушки появятся’ (Суоярви)⁶⁶⁹;

- жители д. Неккула и Рыпушкалица в качестве причины появления куриной слепоты (кар. *kukoinsilmät*) у человека видели то, что он смотрел через окно после захода солнца: «*päivän laskiettu ku pert'ih läb ikkunas kačotah, sid roih kukoinsilmäd*» – ‘если после захода солнца через окно в избу смотрят, то куриная слепота пристанет’⁶⁷⁰.

6. Болезни от птиц, животных и насекомых

Болезни данной группы отражали мифологические представления карелов о животных, птицах и насекомых, как «виновниках» заболеваний. Это отражалось в наименованиях заболеваний и способах лечения болезней. Карелы пытались изгнать болезнь с помощью ее же «носителя», проводя особые ритуалы.

Болезни от птиц

У карелов бытовали поверья, связанные с некоторыми представителями мира пернатых, что они могли быть источниками заболеваний. К ним относится, например, кукушка: если весной первое кукование кукушки услышит тот человек, который не поевши выйдет на улицу, то он заболеет: птица на него испражнится, наслав этим болезнь (д. Морозовка). Олонецкие и паданские карелы указывали на конкретную болезнь – вши⁶⁷¹. Тверские (толмачевские) карелы отмечали такое же поверье про журавлей⁶⁷². Можно предположить, что эти поверья связаны с представлениями финно-угорских народов о перелетных птицах: это «птицы душ или душевные птицы», которые улетают на зиму в царство мертвых, а весной возвращаются обратно. Вернувшиеся птицы вшивые и похудевшие. Вши влияют пагубно на здоровье птиц и людей, неся энергетику загробного мира⁶⁷³. У белозерских

⁶⁶⁹ Суеверия и предрассудки в простом народе // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 74. С. 656; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 468; Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. S. 280.

⁶⁷⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 419.

⁶⁷¹ Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. Спб, 1877. С. 289; Покровский П. Корел, его быт и занятия (Олонецкий уезд). Предрассудки и поверия корела. 1873. № 8. С. 91.

⁶⁷² Virtaranta P., Virtaranta H. Kauas läksit karjalainen. Söderström, 1986. S. 115.

⁶⁷³ Hautala J. «Käki tuo suven sanoman» (Muuttolintujen ym. pilauksesta) // Kalevalaseuran vuosikirja. № 35. Helsinki, 1955. S. 128.

вепсов обнаружено подобное этиологическое поверье, связанное с появлением вшей, которых на людей раскидывали птицы в период прилета весной и отлета осенью: «Когда птицы прилетают, то вши могут сесть на голову, и когда улетают, тоже могут сесть». Раньше в России в быту крестьян поиск вшей друг у друга считался «богоугодным и полезным» времяпровождением, например, южные вепсы по воскресеньям выскабливали ножом друг у друга кожу головы у корней волос. Внезапное появление вшей расценивалось у вепсов как плохое предзнаменование, связанное, чаще всего, со смертью самого человека или кого-нибудь из его родственников⁶⁷⁴.

У финнов также бытовало поверье о куковании кукушки, которое касалось пожилых людей: если весной человек в преклонном возрасте услышит кукование кукушки до того как съест что-нибудь, то в этом году он умрет или будет сильно болеть. Для избежания этого, старики перед сном клали под подушку крошку хлеба, чтобы, проснувшись, сразу сунуть ее в рот⁶⁷⁵. У тверских карел было обнаружено поверье о начале купального сезона: весной нельзя идти купаться раньше первого кукования кукушки, иначе будешь болеть⁶⁷⁶.

Обратимся к этиологии названий и способам лечения этих болезней.

Веснушки. Самым распространенным названием веснушек среди карелов является лексема *kurmičča*: ск. *kurbičča* (Паданы), *kurvičča* (Валдай, Иломанси), *kurmičča~kurvičča* (тверской говор), *kurmičča* (Суйстамо, Суоярви), *kurmičču* (Импиплахти); *ois tyttö muuten hyvä, ka kurvičču on nävössä* – ‘девушка была бы очень красивая, но у нее веснушки на лице’ (Корбисельга) // ливв. *kurmičču* (Корбинаволок, Лахта), *kurmičču* (Тулмозеро, Ведлозеро), *kurmičcad~kulmičcad* (Видлица); *hänez on äjju kurmičču* – ‘у него на лице много веснушек’ (Салми)⁶⁷⁷ // люд. *kurmičču*⁶⁷⁸ (*kurbičča, kurvičča, kurmičča, kurmičču, kurvičču* – от слов. осн. им. сущ. *kurmoi*→*kurmoi*- ‘кулик’ + суф. –*čču/čča*). В Карелии и Тверской области, в местах

⁶⁷⁴ Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск, 2006. С. 244.

⁶⁷⁵ Vilkkuna K. Käen ym. muuttolintujen pilauksesta // Kalevalaseuran vuosikirja. № 9. Porvoo, 1929. S. 110.

⁶⁷⁶ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Helsinki, 1961. S. 217–218.

⁶⁷⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 468.

⁶⁷⁸ Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944. S. 174.

проживания собственно-карелов, веснушки называют *kurvičat*, *kurbičat*, а в ливви-ковском и людиковском – *kurmičča*, *kurmičču*.

В ижорском языке для обозначения веснушек используют лексемы *pääskysenkirjat* ‘узор ласточки’, *pääskysen kirjavat* ‘ласточкина пестрость’, первая часть которых переводится ‘ласточка’ (*pääskynen*); в эстонском языке – *tedretähed* ‘узор тетерева’, *tedretähnid* ‘узор тетерева’, *päästlasetähed* ‘узор ласточки’, *päästlasekirjad* ‘узор ласточки’. В диалектах финского языка наименования веснушек образованы от лексемы *teeri* ‘тетерев’ (например, *teerenpilkku* ‘пятно тетерева’, *teerenpisamat* ‘веснушки тетерева’ и т.д.), в некоторых диалектах вместо части *teeren-*, используется *koppelon-* (*koppelo* ‘глухарка’).

Анализ перечисленных названий вызывает вопрос: почему в финно-угорских и прибалтийско-финских языках в наименованиях веснушек есть названия птиц? Относительно этого есть разные мнения: некоторые полагают, что цвет веснушек напоминает расцветку оперения тетерева, глухарки и кулика; другие (и эта точка большинства исследователей) верят, что птицы разным причинам «насылают» на людей веснушки. Например, раньше финны считали, что у беременной женщины, съевшей яйцо тетерева, ребенок будет с веснушками. В некоторых районах Финляндии говорили о веснушчатых людях, что на их лицах тетерев (кулик или глухарка) разбил яйцо. На большей части Финляндии используют грубые названия для номинации веснушек – *teeren/paskat*, *teeren/paska* – букв. ‘тетерева дерьмо’. Эти названия указывают на поверье: если человек весной встанет под дерево, где воркует тетерев, тот испражнится сверху, и у человека появятся веснушки. В Карелии и Ингерманландии также бытовало поверье: если человек разрушит ласточкино гнездо, то ласточка испражнится на него веснушками⁶⁷⁹. Возможно другое объяснение происхождения лексемы *kurmičču*: от слов. осн. им. сущ. *kurmi* → *kurmi-* ‘пятнышко’.

Для сравнения отметим: в диалектах русского языка для обозначения различных пятен, включая и болезненных, использовались птичьи образы. Напри-

⁶⁷⁹ Heikinmäki M-L. Varissaappaat ja teerenpilkkut (Muuttolintujen pilauksesta) // Virittäjä. 1976. № 5. S. 467–468.

мер, томск. ласточка ‘болезнь (какая?)’ – «Вот теперь трахомы называют, а мы называли ласточкой. Она вроде золотухи, нарывает на затылке»⁶⁸⁰.

Выведение веснушек у видлицких карел сопровождалось заговором, в котором веснушки «отправляли» на ту часть тела, где они были менее заметны: парили лицо в бане свежим веником, приговаривая: «*Mengiät, kurmičat, rožis selgäh!*» – ‘Уходите, веснушки, с лица на спину!’⁶⁸¹. Вероятность схожести рябого, в крапинку окраса щуки с веснушками отражена в распространенном у карелов д. Салми следующем способе лечения: ловили щуку, затем вытирали ею лицо (таким образом «передавая» ей свои веснушки) и говорили: «*Ota, haugi, kurmičad!*» – ‘Забери, щука, веснушки!’. После этого щуку отпускали снова в воду (д. Салми).

Некоторые информанты сообщили, что в их деревнях веснушки не выводили (д. Корбинаволоок, д. Лахта).

Куриная слепота. Слово петух (ливв., ск. *kukko, kukoi*) отражено в карельских диалектных вариантах наименования заболевания ‘куриная слепота’: *kukon/silmät* – букв. ‘петуха+глаза, петушины глаза’: ск. *kukonsilmät* (Иломанси); *kukoinsilmäd on, ei näe päivän laskeuduhuo* – ‘куриная слепота у него, не видит он во время захода солнца’ (Суоярви) // ливв. *kukoin silmät* (Ковера, Ляпякке, Мегрозера, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица)⁶⁸² // ср. (эст.) *kanarimedus*; (вепс.) *kukoiñsúumad, kukoinsil'mad*⁶⁸³.

В говоре тверских карелов зафиксирована лексема *kukon/un'i* – букв. ‘петушиный сон, петуха + сон,’. Карелы д. Видлица замечали, что человек, болеющий этим заболеванием, плохо видел в темноте (как петух или курица): «*hänel on kukoinsilmät, n'imidä ei näi hämäris*» – ‘куриная слепота у него, не видит ничего в темноте’⁶⁸⁴. Можно предположить, что из-за сходства симптомов болезни с особенностями птицы, карелы начали использовать вышеуказанные лексеммы для обозначения куриной слепоты. В вепсском и карельском языках буквальный пе-

⁶⁸⁰ Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. М., 2007. С. 304.

⁶⁸¹ Mihailova M. Luondon avuttajat // Oma mua. 1996. 26 (289). S. 4.

⁶⁸² Полевой материал автора – 24, 32.

⁶⁸³ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. С. 243; Pihel K. Pikamäe A. Soomeesti sõnaraamat. Tallinn, 1986. S. 94.

⁶⁸⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 40, 419.

ревод упомянутого заболевания звучит ‘петушиные глаза’, русский эквивалент – ‘куриная слепота’ (ср. эст. *kanarimedus* – букв. ‘курица + темнота’).

Во многих традициях прослеживается связь петуха с божествами небесного огня, солнца и утренней зари: петух всевидящ и бдителен как солнце (ср. в вепсской крестьянской среде определяли наступление ночи по петушиному крику: первые петухи кричали в полночь, вторые петухи – в два часа ночи и т. д.). Однако, оказывается значимым противопоставление петухов по расцветке: если красный, светлый петух связан с огнем, солнцем, то петух черной окраски – с подземным царством, темнотой⁶⁸⁵. Нельзя не отметить тот немаловажный факт, что петух и курица относятся к одному куриному роду и в некоторых фольклорных жанрах фигурируют как аналоги (например, вепс. «*Kukoi – pule, a rahkoi – radole*» – ‘Петух – на насест, а рахкой (дух домашнего очага) – на работу’; «*Kana – pule, ležnii – radole*» – ‘Курица – на насест, ленивый – на работу’)⁶⁸⁶. Возможно, одно из упомянутых представлений можно проследить в основе карельского наименования *kukonsilmät/kukoinsilmät*.

Магических методов исцеления данного недуга не было зафиксировано.

Цыпки. В наименованиях, используемых карелами относительно кожного заболевания цыпки, отражены названия птиц *kurgi* (ск.) ‘журавль’ и *varis* ‘ворона’. Именно этих птиц карелы считали «носителями» цыпок:

kurren/šuaapat – букв. ‘журавлиные+сапоги’: ск. *kurrenšoappoat* (Марково); *kurrenšuaappuat* (тверской говор)⁶⁸⁷ // ср. (эст.) *kurejalad*⁶⁸⁸.

variksen/šoappoat – букв. ‘вороньи+сапоги’: ск. *variksenšoappoat* (Иломанси, Калевала, Кестеньга, Контокки); *saima sieltä variks'ensoappoat vielä palkinnoksi* – ‘еще и в награду получили цыпки на ногах’ (Костомукша)⁶⁸⁹ // ср. (фин.) *variksen-saappaat*⁶⁹⁰.

⁶⁸⁵ Мифы народов мира: в 2-х т. М., 1988. Т. 2. С. 310.

⁶⁸⁶ Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006. С. 350-355.

⁶⁸⁷ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 123.

⁶⁸⁸ Pihel K. Pikamäe A. Soome-eeesti sõnaraamat. Tallinn, 1986. S. 596.

⁶⁸⁹ Virtaranta P. Vienan kyllä kiertämässä. Porvoo; Helsinki, 1978. S. 238.

⁶⁹⁰ Вахрос И., Щербатов А. Большой финско-русский словарь. М., 2006. С. 711.

varoin/kotat – букв. ‘вороньи+кóты (опорки)’: ливв. *varoinkotat*.

varoin/küpcät – букв. ‘вороньи+лапы’: ливв. *varoinkäpcät*.

varoin/luapat – букв. ‘вороньи+лапы’: ливв. *varoinluapat* (Корбинаволоок, Лахта).

varoin/soapat, varoin/suappuat – букв. ‘вороньи+сапоги’: ливв. *varoin-suappuat, varoinsuappat* (Салми); *tol'k on lapsel käpcäized varoinsuapoil* – ‘у ребенка на ножках появились цыпки’ (Сямозеро).

varoin/sorkat – букв. ‘вороньи+лапы’: ливв. *varoinsorkat*⁶⁹¹.

varoin/varbahat – букв. ‘вороньи+пальцы’: ливв. *varoinvarbahat* (Корбинаволоок, Лахта)⁶⁹².

Как утверждали беломорские карелы (д. Вокनावолок), весной у каждого человека появлялись цыпки на ногах, если он ходил голыми ногами: «*ne tulou pal'l'ahih jalkoih varikšen šoappoat*» – ‘цыпки появляются у тех, кто ходит голыми ногами’⁶⁹³. Житель д. Бабья Губа рассказывал: ‘Маленькими мальчиками, когда мы бегали весной босыми ногами по проталинам, бабушка нас предупреждала: ‘вы цыпки получите!’... Мы у бабушки спрашиваем, какие эти цыпки, и как получить бы их. Бабушка говорит, что красивые они очень, скрипят и блестят (прим. автора – в подразумевались сапоги (обувь) и их скрип) так, что боятся все ...’. Когда вороны стаями пролетали мимо, то все дети кричали им, бегая по лужам:

Prau prau vel'l'em poika,

anna miula soappoat,

t'inanenät, t'ina-perät,

kaplukkakantaset,

*kaprehennahkaset!*⁶⁹⁴

Кар-кар брата сын,

дай мне сапоги,

с оловянными носами и задниками,

с каблуками,

из козьей кожи!

(Перевод автора)

⁶⁹¹ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 418; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 392.

⁶⁹² Полевой материал автора – 24.

⁶⁹³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 500.

⁶⁹⁴ Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki, 1958. S. 147.

После беганья по сырой, холодной земле у детей трескалась кожа на пятках и напоминала, по мнению карелов, вороны лапы. Вероятно, это стало основанием для того, что в карельском языке, обозначая данное кожное заболевание, используют наименования, первыми компонентами которых является лексема *varoïn* ‘воронья’. В вепсских верованиях, ворона – носитель кожного заболевания *varišan jougad* (букв. ‘ноги вороны’), т. к. эта птица считалась поганым существом, тесно связанным с подземным миром⁶⁹⁵. В некоторых диалектах (например, тихвинского и тверского говоров) бытует название *kurrenšuarpat*, т. к. цыпки появлялись весной во время прилета журавлей, которые проводят много времени в водоемах или вблизи воды. Предположительно, карелы видели в этом взаимосвязь⁶⁹⁶. Карелы д. Марково не позволяли купаться детям в ручье, пока журавли не прокурлыкали, чтобы цыпки не появились: «*što kurgi ei tois' šoappaida*» – ‘чтобы журавль сапог не принес’.

Повсеместно, во всех карельских деревнях, лучшим способом для лечения цыпок было смазывание пяток сливками, сметаной, смолой дерева, подсолнечным маслом. Беломорские карелы на ночь смазывали цыпки молоками окуня и затем утром срезали их (д. Суднозеро)⁶⁹⁷.

Тверские карелы для лечения детских цыпок распаривали ноги ребенка в бане, произнося: «*Kurjet, kärjet, mustat korpit, harmuat harakat, sikojen svajakat*» – ‘Журавли, черные вороны, серые сороки, свояки свиней’. После этого обветренные места смазывали сливками⁶⁹⁸. Также в Тверской Карелии (с. Воздвиженка) был записан такой заговор от цыпок, который произносили в бане:

Kurret, karret, muššat bronit

Журавли, журавли, черные вороны

kirjavat harakat, voinan svojakat,

пестрые сороки, свояки войны,

ottakkua omaš čipkat, andakua

возьмите свои цыпки, дайте

⁶⁹⁵ Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006. С. 77.

⁶⁹⁶ Heikinmäki M-L. Varissaappaat ja teerenpilkut (Muuttolintujen pilauksesta) // Virittäjä. 1976. № 5. S. 464.

⁶⁹⁷ Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Helsinki, 1958. S. 147.

⁶⁹⁸ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki, 1961. S. 204.

omat tervehet jallat.

свои здоровые ноги.

(Перевод автора)

Этот заговор является подтверждением веры карелов, что перелетные птицы (журавли) и вороны являются «носителями» цыпок⁶⁹⁹.

Укус змеи, нагноение (опухоль) после укуса змеи

Употребляемые в собственно-карельском и ливвиковском наречиях карельского языка наименования являются сложными существительными, в первой части которых отражено название земноводного животного – источника заболевания:

mavon/n'okkavo – букв. ‘змеиное+ужаление’: ск. *mavonn'okkavo vie pygöi tunduu* – ‘укус змеи до сих пор еще чувствителен’ (Суоярви) // ливв. *mavonn'okkavo* (Салми); *mavonn'okkavo~mavonn'uokkavo* (Сямозеро).

mavon/n'okkoandu – букв. ‘змеиное+ужаление’: ливв. *mavonn'okkoandoa varoau, ei mene mar'jah yksinäh* – ‘из-за боязни змеиного укуса, она не ходит за ягодами одна’ (Сямозеро)⁷⁰⁰.

mavon/n'okkuatu – букв. ‘змеиное+ужаление’: ливв. *mavonn'okkuatu* (Салми)⁷⁰¹.

mavon/pandu – букв. ‘змеиный+укус’: ливв. *mavonpandu* (Сямозеро); *peše mavonpanduh päddöy* – ‘это при укусе змеи помогает’ (Неккула, Рыпушкалица).

mavon/paneta – букв. ‘змеиный+укус’: ск. *mavonpanetan tervehytti* – ‘укус змеи прошел’ (Суоярви) // ливв. *mavonpanetu* (Салми); (Сямозеро) *kuoli mavonpanetah* – ‘он умер от укуса змеи’⁷⁰².

mavon/puromu – букв. ‘змеиный+укус’: ск. *mavonpuromu* (Тв.г.).

После укуса змеи могло начаться воспаление, образовывалась опухоль или нога чернела: (Тверь) «*jalga mavonpuromua puhaldu i mišten'i*» – ‘нога, ужаленная

⁶⁹⁹ Михайловская М. В. Карельские заговоры, приметы и заплочки // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Вып. 2. Л., 1925. Т. V. С. 614; Heikinmäki M-L. Varissaappaat ja teerenpilkut (Muuttolintujen pilauksesta) // Virittäjä. 1976. № 5. S. 465.

⁷⁰⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, III. 1983. S. 285, 500.

⁷⁰¹ Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 185.

⁷⁰² Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 203; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 185.

змеей распухла и почернела'⁷⁰³. Ливвиковские карелы (Неккула, Рыпушкалица) отмечали: «*mavonn'okkavo on vihažu, puhaldau jallan*» – 'укус змеи болезненный, ногу раздувает'. Данное явление в диалектах карельского языка имеет название *mavon/viha*, где часть лексемы *viha* указывает на симптом – 'нагноение (опухоль) после укуса змеи': ск. *mavonviha* (Корбисельга, Суйстамо, Тунгозеро); *mavonviha mäni jalgah Omeljam brihaččuzel* – 'у сына Омелия на ноге появилась опухоль после укуса змеи' (Суоярви) // ливв. *mavon vihat* (Салми); *mavonviha puhaldi käin* – 'укус змеи руку раздул' (Неккула, Рыпушкалица).

Тунгудские карелы верили, что, после укуса змеи в ногу, надо было встать сразу на камень: змея сразу лопнет, а нога пройдет. Для лечения таких укусов карелы и вепсы читали заговоры, в которых обращались к «источнику», змее. Жители д. Тулмозеро отмечали, что после чтения заговора опухшее после укуса место проходило: «*mavonvihat puhuhuu laivenoo*» – 'после заговора воспаление от укуса змеи спадает'⁷⁰⁴.

Тверские карелы (с. Воздвиженка) читали следующий заговор от укуса змеи: 'Черная змея подземная, пестрая змея подкаменная, серая змея подморозная, ползучая змея темного цвета, промеж хвоста идущая, промеж дерна пришедшая. Сидит лекарь на камне посреди моря, смотрит он вверх, видит далеко, отпустит и освободит правую душу крещеную. Что в месяц золотых дней, столько на весь век'⁷⁰⁵. Подобный заговор произносили и в других деревнях Тверской Карелии, например, в д. Заручье⁷⁰⁶.

Надо заметить, что в текстах карельских заговоров от укуса змеи указывается змеиная расцветка (*mišta mado* 'черная змея', *kirjava mado* 'пестрая змея', *harmua mado* 'серая змея'). Такие же упоминания окраски характерны и для вепских заговорных текстов. И. Ю. Винокурова обратилась к их анализу. По мнению исследовательницы, обряд исцеления от змеиных укусов (слова заговоров, пред-

⁷⁰³ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 157.

⁷⁰⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, III. 1983. S. 286.

⁷⁰⁵ Михайловская М. В. Карельские заговоры, приметы и заплочки // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Вып. 2. Л., 1925. Т. V. С. 613.

⁷⁰⁶ Karjalan kielen näytteitä. Helsinki, 1932. S. 26–27.

меты и даже действия) подбирались в зависимости от цветового вида змеи. Так, например, у вепсов слова заговора произносили на тряпку (черную, пеструю или серую) соответствующую по цвету окраске змеи⁷⁰⁷. В одном из людиковских заговоров (д. Ялгуба) фигурирует синий цвет змеиной головы: «...кюи емягеш, кюи ня укконш, сини ня емягеш...» – ‘...змея – твоя мать, главный змей – твой отец, синеголовая (змея) – твоя мать...’⁷⁰⁸.

Карелы Петрозаводского уезда, встав на ближайший камень, произносили: «Чур меня! Моя вода, моя земля, мой и камень!»⁷⁰⁹. Северные вепсы также исполняли лечебный обряд, используя камень: пострадавшему нужно было запрыгнуть на камень и сказать: «Камень пусть идет в камень, а камень пусть идет в воду. Аминь, аминь, аминь!»⁷¹⁰. Вставание на камень в данном случае может быть объяснено тем, что камню в силу его неподвижности приписывалось свойство останавливать болезнь. Это подтверждается и частым упоминанием камня в лечебных заговорах⁷¹¹.

Карелы п. Кестеньга читали заговор на подсолнечное масло:

<i>Mato mušta, tuanali,</i>	Змея черная, подземельная,
<i>toukka tuomen karvallini</i>	личинка цвета черемухи,
<i>läpi mättähien mänijä,</i>	сквозь кочки проходящий,
<i>puun juurien pujottelija...</i>	корни деревьев обвивавший...
<i>Kešät venyit hevosen kusissa,</i>	лето (ты) пролежала в лошадиной моче,
<i>talvet tamman šillan alla,</i>	зиму – под пологом у кобылы,
<i>alla alahaisen aijakšen.</i>	под нижней жердью изгороди.

⁷⁰⁷ См., Винокурова И. Ю. Символика змеи в вепских заговорах // Традиционная культура. 2006. № 2. С. 36; Его же. Вепские заговоры от змей как источник для реконструкции мифологических представлений // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. Петрозаводск, 2008. С. 200.

⁷⁰⁸ Баранцев А. П. Людиковские заговоры начала XVII века: тексты, чтение // Советское финно-угроведение. 1987. № 4. С. 287.

⁷⁰⁹ Суеверия и предрассудки в простом народе // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 76. С. 674.

⁷¹⁰ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 266.

⁷¹¹ Левкиевская Е. Е. Камень // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 449.

После больному давали выпить заговоренное масло. Можно было заговорить землю, затем ею смазать укус⁷¹².

Болезни от жабы

Карелы-людики примечали, что болезнь *жаба* приставала к человеку в тот момент, если он, садясь за стол изголодавшись, начинал хватать еду. Ее симптомами были боль в горле, отек. Человек не ел и не пил, а его шея напоминала раздутую жабью шею. Верования о данном заболевании и его русское название встретились нам у тверских и людиковских карелов, оказавшихся под большим влиянием русского населения: *žaba*: ск. *žuaba* (тверской говор) // люд. *meil sanut't'i šida «žaba»* – ‘мы называли эту болезнь «жаба»’. В верованиях русских жаба «приносила» заболевание ангина, а в русском языке под лексемой жаба понимали как воспаление горла, так и болезнь глотки⁷¹³. Северные вепсы также называют ангину жабой (вепс. *žab, aba,*), возможно, заимствовав данное наименование от русского населения⁷¹⁴. Модель жаба → опухоль горла прослеживается во многих языках, ср., нем. *Frosch* ‘1) лягушка; 2) опухоль горла, нарывы под языком, воспаление во рту’, англ. *Frog-in-the-throat* (‘букв. ‘лягушка в горле’) ‘хрипота’ и др. Необходимо учитывать, мотивирующие признаки, способствующие появлению лексем, обозначающих подобные болезненные выпуклости. Во-первых, это вышеупомянутый мотив «раздувания» и вызванный этим мотив тяжелого дыхания (появляющаяся одышка в результате отека горла); во-вторых, мотив бугристости кожного покрова (ср. с кожей жабы)⁷¹⁵.

Людиковские карелы (д. Галлезеро) для лечения жабы брали стакан брусники, размешивали ее ножом для хлеба (при этом произносили заговор, но, к сожалению, этих слов информанты не помнят) и давали съесть больному.

⁷¹² Песенный фольклор кестеньгских карел. Петрозаводск, 1989. С. 138.

⁷¹³ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2005. С. 235.

⁷¹⁴ Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006. С. 189.

⁷¹⁵ Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007. С. 314.

Тверские карелы (с. Воздвиженка) для избавления от жабы произносили 27 раз один и тот же заговор⁷¹⁶, в котором происходит обращение к деве Марии с просьбой избавить от разных болезней, включая жабу.

Жители д. Галлезеро для «изгнания» жабы, проснувшись утром, не произнося никому ни слова, терли шею суставами пальцев и при этом говорили: «*T'äš Šille vastuz!*» («Вот тебе противоядие!»). Так делали три утра подряд⁷¹⁷. В основе лечения: уничтожение болезни с помощью растирания.

Карелы и вепсы верили, что такие кожные заболевания как, например, бородавки, короста, болячки, чесотка, зуд приставали к людям от жабы. Такие выводы допустимы, опираясь на наименования жабы в карельском и вепском языках: (ливв.) *rubi/šl'ötöi*; (тв.г.) *rubi/l'öt't'ö*; (ск.) *rupi/skokuna*; (сев.вепс.) *rubi/lopei*, (ср.вепс.) *rubi/löč*, (юж.вепс.) *rubi/samba*⁷¹⁸. Первой частью этих терминов является лексема *rubi* «короста, болячка». Ороговевшая, сухая, толстая, покрытая бородавками кожа жабы способствовала формированию верований, что она может являться источником бородавок: «*Om völ žaba ningoine, borodukukaz. Esli kosketad, borodukad voidas kazda*» – «Есть еще такая жаба, бородавчатая. Бородавки вырастут, если тронешь». Эстонцы верили: «если кожи человека коснется жаба, то парша появится на этом месте, которую невозможно будет исцелить». Подобное поверье о жабе бытовало у тверских карелов: «если жаба прыгнет на босые ноги, то на этих местах появится точно еловая кора»⁷¹⁹.

Болезни от собаки

Рахит, болезненная худощавость. При рахите ребенок сильно худел, а в ногах у него появлялась дрожь. Симптомы заболевания напоминали собаку (возможно, больную) в старости (кар. *vahnu koiru* «старая собака»), что способствовало переносу названия вида старой больной собаки на наименование детской болезни. Лексемы *koiranvanhus* и *koirantaudi* являются метафорами:

⁷¹⁶ Михайловская М. В. Карельские заговоры, приметы и заплочки // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Вып. 2. Л., 1925. С. 612.

⁷¹⁷ Virtaranta P. *Luuydiläisiä tekstejä. Osa II.* Helsinki, 1963. S. 275–276.

⁷¹⁸ Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006. С. 188.

⁷¹⁹ Слушаю карельский говор / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 2001. С. 200.

koiran/vanhus – букв. ‘собачья+старость’: ск. *koiranvanhus* (Суйстамо) // ливв. *koiranvanhus* (Салми, Тулмозеро), *koiranvahnuš* // люд. *koiran vahnuž*⁷²⁰ // ср. (вепс.) *koiranvaivhuž* – букв. ‘собачья слабость’⁷²¹.

В ливвиковском наречии карельского языка бытовала лексема *koiran/taudi* – букв. ‘собачья+болезнь, болезнь собаки’ (Салми, Сямозеро). В тихвинском говоре карельского языка использовали наименование *koiranboli* – букв. ‘собачья+боль’ (Бокситогорский р-н Ленинградской обл.)⁷²².

По сведениям людиковских карелов, термин *koiranvahnuž* употребляли не только, обозначая детское заболевание, но и – ‘молодого человека, мужчину или женщину, который медленно ходил, говорил и работал’. В таких случаях ему говорили: «*Šinuž on tartunu d’o koiranvahnuž!*» – ‘К тебе что собачья старость пристала!’. Объясняли они такое сравнение тем, что собака в старости тоже медленно ходит, не слышит уже ничего и для охоты не годна⁷²³. У русских тоже рахит называли собачьей старостью, но, кроме того, этим термином обозначали сильное детское изнурение, во время которого лицо ребенка имело старческий вид⁷²⁴.

Лечение рахита заключалось в магическом ритуале, целью которого являлась передача болезни взрослой собаке или щенку. В южной Карелии (Петрозаводский уезд) знахарка брала с собой в баню щенка и парила его поочередно с ребенком. Мать во время парения бегала девять раз вокруг бани и каждый раз спрашивала: «*Mitäš šie kylvetät?*» – ‘Что ты паришь?’. Знахарка отвечала: «*Koira ja koiran taut’ii!*» – ‘Собаку и ее болезнь!’ Таким способом собаке передавали болезнь⁷²⁵. Или во время того как мыли ребенка в бане, в трубу бросали щенка, приговаривая: «*Kunne kudžu, sinne koiran vahnuš!*» – ‘Куда щенок, туда собачья старость!’⁷²⁶. Сямозерские карелы девять раз парили поочередно щенка и болеющего рахитом ребенка. На девятый раз произносили: «*Ota koiru taudiz!*» – ‘Возьми, со-

⁷²⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 279.

⁷²¹ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. С. 217.

⁷²² Юрчак О. Баня в быту и обрядах тихвинских карел (по материалам полевых исследований 2002 г.) [Электронный ресурс] // Сайт Олонец.ru: олонецкий городской портал URL: www.olonec.ru/banya.php.

⁷²³ Virtaranta P. Luuydiläisiä tekstejä. Osa III. Helsinki, 1964. S. 394.

⁷²⁴ Забылин М. Русский народ: Его обычаи, предания, обряды. М., 2003. С. 397.

⁷²⁵ Суеверия и предрассудки в простом народе // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 76. С. 667.

⁷²⁶ Gorškova E. Karjalazien perindöt da tavat // Oma mua. 2000. № 33, 35. S. 3.

бака, твою болезнь!» и пропускали собаку между ног. После этого считалось, что умрет или собака или ребенок⁷²⁷. У тихвинских карелов при проведении лечебного ритуала достаточно было, чтобы собака сидела в углу бани. Считалось, что таким образом собака забирает себе заболевание (Бокситогорский р-н Ленинградской обл.)⁷²⁸.

Считая собаку источником болезней, народ предполагал ее связь с «иным» миром, т. е. с тем местом, где по народным верованиям находились все недуги. В основе излечения хворей от этого домашнего животного был принцип передачи заболеваний из людского мира в мир «иной», осуществляемый через собаку следующим образом: поеданием пищи, которая имела соприкасалась с больным местом. Так, например, северные вепсы для лечения ребенка от рахита обливали его простоквашей, которую затем давали слизать собаке. Другой способ: из пресного теста выпекали большую ватрушку с дыркой посередине, через которую затем протаскивали больного рахитом ребенка. После этого ватрушку давали съесть собаке. Во время этих ритуалов произносили заговоры, в которых приказывали собаке забрать обратно «свою» болезнь: «*Ota itšeiz vaivhuz tagaze!*» – ‘Возьми обратно свою слабость!’⁷²⁹

В Петрозаводском уезде в конце XIX в. для исцеления дитя карелы совершали ритуал «забивания», который состоял в следующем: ребенка держали над ступой, в которой отделяли шелуху от семян, ударяя пестом в ступу. Этим действием они «забивали» старость в ступу, т. е. как бы полностью уничтожали ее, превращая в пыль⁷³⁰.

Тверские карелы утверждали, что это заболевание встречалось не только у детей, но и у взрослых: «человек худеет очень сильно и страшнеет». С целью избавления от этого недуга больного подвешивали с помощью полотенец или веревок над открытым люком подпола. Этот способ широко практиковался и при

⁷²⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 279.

⁷²⁸ Юрчак О. Баня в быту и обрядах тихвинских карел (по материалам полевых исследований 2002 г.) [Электронный ресурс] // Сайт Олонец.ru: олонецкий городской портал URL: www.olonec.ru/banya.php.

⁷²⁹ Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006. С. 334–335.

⁷³⁰ Суевория и предрассудки в простом народе // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 76. С. 667.

трудных родах (роженицы опускали в подпол или на первую ступеньку лестницы, которая вела в него)⁷³¹. Данные обряды свидетельствуют о том, что в карельских мифологических представлениях подполье воспринималось как иной (нижний) мир, куда необходимо отослать болезнь. Сходные лечебные обряды были известны у вепсов⁷³².

Чтение заговоров с различными действиями считался также эффективным способом лечения рахита. По сведениям, записанным от известной северно-карельской сказительницы Марии Ремшу, рахит у ребенка излечивался, если отец своей ложкой надавливал на больные места и произносил при этом заговор:

<i>Ota, luhti, leukaluusi,</i>	Отверни ты пасть, проклятый,
<i>Hiisi, harvat hampahasi,</i>	Хийси – рот свой редкозубый,
<i>Syömästä, kaluamasta,</i>	Перестань кусать и хамкать,
<i>Puremasta, jäytämästä,</i>	Пожирать и рвать зубами
<i>Ihosta imehnis raukan,</i>	Человеческое тело,
<i>Emon tuoman ruumihista,</i>	Матери дитя родное,
<i>Vaivasesta vartalosta</i> ⁷³³ .	Стан больного человека.

В Сямозерье для излечения болезненной худобы находили на дороге щепку с отверстием от выпавшего сучка. Через отверстие проливали воду на ребенка и произносили: «Как сучок выпал, так и худоба вся выйдет».

Если ни один из способов лечения не давал положительного результата, то ребенка заворачивали в ржаное тесто и сажали в горячую печь (Петрозаводский, Паданский и Олонецкий уезды)⁷³⁴.

В отношении детского рахита карелы Беломорской Карелии использовали и такое наименование как *elтта* (Вокनावолок) (ср. (диал. фин.) *elтта* ‘перемежающаяся лихорадка’). Лексема *elтта* в финском языке является шведским заимствованием (ср. швед. *älta* ‘что-то в роде детской лихорадки, а также общее название для

⁷³¹ Фишман О. М. Знающая – больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Вып. 2. Петрозаводск, 2009. С. 155–156.

⁷³² Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 163.

⁷³³ Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 130.

⁷³⁴ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 19.

многих детских заболеваний, например, для рахита’). В собственно-карельское наречие карельского языка данное наименование пришло из финского языка⁷³⁵.

Жители д. Оуланка считали основным симптомом рахита сидение ребенка на полу, скрестив ноги. Кроме того, они разделяли рахит на две группы: *urosriisi* ‘самцовый рахит’ (если боли в ногах беспокоили ребенка утром) и *naarasriisi* ‘самочный рахит’ (при проявлении сильных болей, начиная с вечера). Причину выросшего у человека горба видели в рахите⁷³⁶.

Карелы д. Войница характеризовали данное заболевание следующим образом: это было исключительно детское заболевание, которое сопровождалось тем, что у ребенка на запястьях и на суставах ног образовывались наросты/шишки⁷³⁷, жители д. Толлорека: *elttä* – это, когда у ребенка как будто сил совсем нет в ногах, он стоять не может. В этом случае говорили: «...*elttä ol lapsella jaloissa*» – ‘рахит (?) у ребенка в ногах’.

Ячмень. Одним из самых распространенных глазных недугов у карелов считался ячмень. В диалектах карельского языка он представлен единственным наименованием, которое по происхождению является метафорой: *koiran/n’än’n’i* – букв. ‘собачий+сосок’: ск. *koirann’än’n’i* (Иломанси, Импилахти, Калевала, Корбисельга, Коргорка, Ругозеро, Суйстамо, Суоярви, Тверь) // ливв. *koirann’än’n’i* (Видлица, Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро), *koirannänni* (Большие Горы, Ковера, Корбинаволоок, Лахта, Ляпякке, Мегрозеро, Печная Сельга, Царьпорог, Юргилица), *koiran’n’än’n’i* (Салми); *en sivo sormii, sivon koirann’än’n’ii* – ‘я завязываю не палец, я завязываю ячмень’ (Тулмозеро) // люд. *koiran n’änni* (Михайловское, Пряжа)⁷³⁸ // ср. (вод.) *koirännärä*; (вепс.) *koiranniža*⁷³⁹. Упомянутые лексемы использовались, так как вскочивший на глазу ячмень внешним видом был похож на собачий сосок⁷⁴⁰.

⁷³⁵ Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, I. 1978. S. 37.

⁷³⁶ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 248.

⁷³⁷ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Porvoo, 1924. S. 52.

⁷³⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 278.

⁷³⁹ Зайцева Н. Г. Вепско-русский, русско-вепский учебный словарь. Петрозаводск, 1995. С. 180; Suomen sanojen alkuperä. Helsinki, II, 1995. S. 257.

⁷⁴⁰ Полевой материал автора – 32, 55.

Северные карелы верили, что ячмень появлялся, если заманивали собаку через окошко в дом (д. Толлорека) или, ели хлеб, а находившейся рядом собаке, не дали ни кусочка. Ливвиковские карелы (д. Салми) верили, что нельзя передразнивать лающую собаку «*koiru andau koiran 'n 'än 'n 'in silmäh*» – ‘собака даст тебе на глаз ячмень’. Тверские карелы утверждали, что существует древняя традиция: если человек ест хлеб, а собака в это время смотрит ему в глаза (лает рядом), то надо обязательно дать ей кусок хлеба. Держанские (д. Семеновское) и тверские (д. Большое плоское, Чорновка) карелы верили: ячмень образовывался, если человек увидел, как собака мочится⁷⁴¹. В этом случае надо было сразу сказать: «*Šil'mäh šiul kokork*» – ‘На глаз тебе булочку/блин/лепешку’⁷⁴².

В диалектах русского языка к опорным элементам «собачьего, песьего» лексического поля заболевания ‘ячмень’ относятся слова «собака, сука, пес». От лексемы ‘пес’ образованы следующие наименованиями ячменя: арх. песёц, песák; влг. пёсьик, песёнь, песёй, песёц-ячмень, пёсь-ячмень и т. д. В понимании носителей языка подобного типа наименования мотивационно «живые»: этимология указывает на собаку как на причину болезни и способ лечения (ячмень с глаза «отдается» собаке)⁷⁴³.

Все группы карелов для исцеления ячменя пекли блин (хлеб или колоб), прижимали его к больному глазу, а потом скармливали собаке. У беломорских карелов (д. Кондока) в упомянутом способе лечения существовала оговорка: хлеб можно было отдать только суке, кобелю – запрещалось, у южных карелов – отдавали любой собаке⁷⁴⁴. Карелы д. Реболы пекли хлеб прямо на тлеющих углях, а тесто для выпечки брали трижды безымянными пальцами с поднимающейся квашни.

⁷⁴¹ Virtaranta P. Karjalan tekstejä. Helsinki, 1968. S. 74; Virtaranta P., Virtaranta H. Kauas läksit karjalainen: matkamuistelmia tverinkarjalaisista kylistä. Söderström, 1986. S. 74.

⁷⁴² Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 229.

⁷⁴³ Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007. С. 505.

⁷⁴⁴ Virtaranta P. Vienan kyllä kiertämässä. Porvoo; Helsinki, 1978. S. 227.

Калевальские карелы (п. Калевала) после того как отдали хлеб собаке, проводили ее хвостом по больному глазу⁷⁴⁵. Тверские карелы прежде давали облизать хлеб собаке, только после этого проводили им по ячменю и отдавали съесть той же собаке⁷⁴⁶. В некоторых деревнях (с. Воздвиженка) при этом говорили: «*Koira, koira! Ota omaš n'an'n'i, anna miula terveh šilmä*» – ‘Собака, собака! Возьми свою титьку, дай мне здоровый глаз’, после этого показывали собаке кукиш, говоря: «*Ota kukko*» – ‘Возьми кукиш’ и трижды плевали через правое плечо. Держанские карелы (д. Семеновское) также лечили ячмень, используя хлеб. Достав из печи готовый хлеб, отламывали кусочек, слегка надавливали на ячмень, затем бросали собаке, говоря: «*Ot omaš n'än'järel'l'äh!*» – ‘Возьми обратно свой сосок!’ или «*Äl'istuč miul, a istuč koeral!*» – ‘Не сиди на мне, а на собаке сиди!’ Тихвинские карелы д. Коргорка Ленинградской области лечили ячмень таким же способом⁷⁴⁷ и вепсы⁷⁴⁸. Карелы д. Оуланка видели причину появления ячменя не только в «собаке», но и от думы.

Помимо вышеуказанных, у карелов практиковались такие магические способы лечения, которые не были связаны с их верованиями о «виновнике» этого глазного заболевания. Тихвинские карелы завязывали нитку на противоположную руку относительно глаза, на котором вскочил ячмень. Ливвиковские карелы показывали ячменю кукиш «*Koirann'ännile annetah kokoi*» – ‘ячменю показывают кукиш’⁷⁴⁹. На всех территориях проживания карелов при появлении ячменя неожиданно плевали в воспалившийся глаз, т. е. пытались испугать болезнь⁷⁵⁰.

Хворь от укуса собаки. Воспалившуюся после укуса собаки рану обозначали лексемой *koiran/viha* – букв. ‘собака+зло’: ск. *koiranviha* (Суйстамо) // ливв. *koiranviha* (Сямозеро), в основу номинации которой положен источник заболева-

⁷⁴⁵ Inha I. K. Kalevalan laulumailta. Helsinki, 1999. S. 61.

⁷⁴⁶ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki, 1961. S. 205.

⁷⁴⁷ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 247.

⁷⁴⁸ Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск, 2006. С. 334.

⁷⁴⁹ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 149

⁷⁵⁰ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 26; Virtaranta P., Virtaranta H. Kauas läksit karjalainen: matkamuistelmia tverinkarjalaisista kylästä. Söderström, 1986. S. 115.

ния *koira* (ск.), *koiru* (ливв.) ‘собака’. Лексема *viha* в данном наименовании выступает в значении ‘воспаление, заражение’.

Считая собаку виновником появившихся после укуса ран и воспалений, карелы лечили их с помощью собаки и ее зуба.

В д. Каркуярви Беломорской Карелии на воспалившийся укус привязывали собачий зуб, завернутый в тряпку, считая, что воспаление могло быть передано на то, что нанесло рану (в данном случае, на зуб). Жители д. Вокнаволоок мазали место укуса сливками и давали слизать собаке. В это время произносили: «*Juo viinana vihas, oluona omat pahas!*» (‘Пей как вино свое зло, как пиво свое плохое!’)⁷⁵¹.

Со временем мифологические представления о собаке как источнике болезни исчезали под влиянием рационального знания. У карелов тверской области (д. Семеновское) языковеды записали такое рациональное объяснение появления, например, рахита (видели причину его появления в плохом питании): ‘Плохо их (детей – прим.автора) кормили. Был бедный народ, и баранки даже не было. Брали тряпку, и марли-то не было, из тряпки нитки выдергивают, выдергивают, она пореже сделается, туда и нажуют у кого есть баранку, а нет – так хлеба черного, и давали ему эту соску. Наверное, поэтому и были дети часто рахитики. Животы у них были большие, очень долго не ходили, у кого четыре года и пять лет...’⁷⁵²

Болезни от свиньи

Свинка, заушница. Информанты Олонецкого района (д. Тукса) объясняли, что во время свинки/заушницы шея больного распухала, трудно было повернуть голову (иначе говоря, лицо и шея становились становились похожими на свинье). Можно предположить, что поэтому стали использовать лексему *počči/taudi* (Тукса) – букв. ‘свинья+болезнь’ (ср. (фин.) *pussitauti*⁷⁵³, в котором прослеживается метафорический перенос (проявляющиеся симптомы заболевания у больного делают его похожим на свинью).

⁷⁵¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, II. 1974. S. 279.

⁷⁵² Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 145–146.

⁷⁵³ Новый большой русско-финский словарь / Под ред. М. Э. Куусинена М., 2000. т. 2. С. 350.

В других диалектах ливвиковского и собственно-карельского наречий используются идентичные по происхождению наименования:

počín/kibeí – букв. ‘свиньи+болезнь’: ливв. *počinkibeí, poččikibeí* (Корбиनावлок, Лахта)⁷⁵⁴.

šika/tauti – букв. ‘свинья+болезнь’: ск. *šikatauti* [РКС, 2015, с. 275] // ср. (фин.) *sikotauti*⁷⁵⁵.

В народной медицине капшинских и южных вепсов известна лексема *siganišk* ‘свиная шея’. Ее использование связано с верованием вепсов в то, что свинья является носителем этой болезни –: «*Siganišk vāžīhe, nīkuna ī anda pād kata*» – ‘Привязалась свиная шея, не дает никуда головы повернуть’. Кроме того, вепсы верили, что ругать свинью нельзя, иначе мстила болезнью от ругани *ehtitiž*: «Я свинью ругала. Большая свинья укусила маленькую. У меня зубы заболели «от ругани», *ehtisoiš*. Все зубы заболели, распухло все, ни пить, ни есть, ничего в рот не положишь. Я пошла к старухе, она на кусочек сахара сделала чего-то. Кое-как зачихала его в рот. И заснула. Встала, и нет ничего». Как можно видеть, *ehtitiž* имела признаки, отличающие ее от болезней с таким же названием, отравленных мифологическими существами или другими животными. Недуг сопровождался распуханием рта и зубной болью.

Для лечения свинки Пряжинские карелы (д. Корбиनावлок, Лахта) использовали теплую, чистую свиную подстилку. Солому заворачивали в тряпку, а затем привязывали к шее⁷⁵⁶.

У вепсов упомянутое заболевание лечили, используя характерный «символ» свиньи: высушенное свиное рыло. Им массажировали больную шею и за ушами. Таким образом имитировали уничтожение свиньей ее же болезнью. В д. Озровичи больной терся о печной угол околоушными железами. Это объясняется данными

⁷⁵⁴ Полевой материал автора – 30, 24.

⁷⁵⁵ Ylinen H. Miten kansa paransi. Joensuu, 1990. S. 37.

⁷⁵⁶ Полевой материал автора – 26.

вепсской лексики: лексема *sigā* у капшинских и южных вепсов обозначает как свинью, так и деревянную форму для внутренней части глинобитной печи⁷⁵⁷.

Щетинка. В карельских вариантах наименования болезни «щетинка» четко отражены локальные различия. В наречиях собственно-карелов и людиков лексемы представлены достаточно широко. Самое распространенное название, у которого имеется самое большое количество диалектных форм упомянутых наречий и других прибалтийско-финских языков – *harjas*: ск. *harjaš* (Калевала, тверской говор), *harjaksed* (Суйстамо) // люд. *hard'aksed*⁷⁵⁸ // ср. (фин.) *harjas*, (эст.) *seaharjas*. Примечательно, что в балтийских языках (ср. лит. *šerŷs*, латв. *sars, saris* ‘свиная щетина’)⁷⁵⁹ у слова *harjas* значение ‘свиная щетина, как ‘покрытие кожи свиньи’, а не ‘болезнь’. В финских диалектах лексема *harjakset* ‘щетинки’ более употребляема, чем *sukaimet* ‘щетинки’. Очевидно, ее стали употреблять, обозначая болезнь ‘щетинка’, т. к. появившиеся у новорожденных острые светлые волоски, по жесткости и цвету напоминали свиную щетину. В некоторых этимологических источниках использование *harjas* для обозначения детской болезни объяснено тем, что ворочаясь от боли при появлении щетинки на спине, ребенок издает характерные звуки, напоминающие хрюканье свиньи: «*lapsi röhisee, rytisöö, röhkii*» – ‘ребенок хрюкает, трещит, хрипит’⁷⁶⁰.

Не менее распространенным в диалектах карельского языка является наименование *sugahan'ï*: ск. *sugahan'ï* (Корбисельга), *šughid* (Воздвиженка), *šugahat*; *šuvaš* (Коргорка) // ливв. *sugahat* (Ковера, Корбинаволоок, Лахта, Ляпякке, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица); *sugahad* (Сямозеро) // люд. *sugahad* (Михайловское, Пряжа, Святозеро)⁷⁶¹ // ср. (вепс.) *sugased*⁷⁶². Лексема *suvas* (во мн. ч. – *sugahat*) образована от им. сущ. *suka* ‘щетинка’, имеющего арий-

⁷⁵⁷ Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006. С. 331–332.

⁷⁵⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, I. 1968. S. 175; Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa VI. Helsinki, 1994. S. 152.

⁷⁵⁹ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. I. 1992. S. 142

⁷⁶⁰ Ruotsalainen A. Korvatautien kansanomaisen lääkintä // Kalevalaseuran vuosikirja. № 32. Porvoo; Helsinki, 1952. S. 155.

⁷⁶¹ Полевой материал автора – 31, 32, 33, 54.

⁷⁶² Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. С. 179.

ское происхождение **śuka~sūkā* ‘острие, иголка, зубец’⁷⁶³. В карельском и вепсском языках в наименовании заболевания *sugahat* прослеживается метафорический перенос со значения *suka* ‘свиная щетинка (волосяной покров животного)’ на обозначение заболевания в связи с жесткостью структуры волосин.

Отмечается, что в детстве щетинкой болел почти каждый младенец. Хотя у взрослых тоже могли появиться такие волоски. Этнограф Р. Ф. Тароева предполагает, что одной из причин образования щетинки могла быть антисанитария: ребенка редко и плохо мыли⁷⁶⁴. Ее признаками считались мелкие волосинки на лопатках, шее, вдоль позвоночника, предплечьях, вокруг сосков⁷⁶⁵.

Среди карелов существовали поверья, связанные с причиной появления щетинки на теле у ребенка, указывающие на неправильное поведение матери во время беременности: у карелов-людиков (д. Галлезеро) и собственно-карелов (д. Салло) бытовало поверье: ребенок родится с «щетинкой» на животе в том случае, если мать в период беременности пнет животное, имеющего волосяной покров (кошку, собаку, корову, лошадь, свинью и т. д.) или помочится на свиную подстилку (д. Михайловское)⁷⁶⁶. Указанные поверья основаны на архаических представлениях о взаимосвязи человеческого и природного.

Повенецкие карелы объясняли двояко возникновение щетинки:

- на взрослых щетинки насылались колдунами, которым нечистая сила приказывала пускать «щетины» по ветру каждую пятницу. Они «приставали» к тем людям, которые утром вышли из дома не перекрестившись. Такие «щетинки» мучали заболевшего до смерти;

- другие «щетинки» «приставали» к младенцам, мать которых будучи беременной пнула кошку или собаку.

⁷⁶³ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. III. 2000. S. 209.

⁷⁶⁴ Верхний Олонец – посёлок лесорубов, 1964. С. 84.

⁷⁶⁵ Логинов К. К. Домашний мифологический «устав» // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Петрозаводск, 1993. С. 125.

⁷⁶⁶ Virtaranta P. Luuydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. S. 297; Его же. Vianan kyliä kiertämässä. Helsinki, 1978. S. 227.

Финны связывали образование «щетинок» с прохождением свиньи между ног беременной или со сглазом новорожденного чужими людьми⁷⁶⁷.

Среди карелов-ливвиков подобные поверья не зафиксированы. Сложно предположить с чем это связано, т. к. К. Хейккинен указывает на то, что «...в Олонецкой Карелии держали свиней, в отличие от Беломорской». Однако, этнограф К. К. Логинов отмечает, что ливвиковские карелы Сямозерья традиционно разводили лошадей, коров и овец. Свиней начали разводить в колхозах лишь в 1930-е гг.⁷⁶⁸

Как сама «щетинка», так и ее лечение являлось изнурительным процессом. Иногда, после «очищения» спинки от волосков, у дитя образовывались нарывы или появлялось еще больше волосинок. Первое связывали с тем, выдергивая волосинки, на коже младенца оставались ранки; второе – с неполным очищением кожи от волосяных луковиц.

Повсеместно карелы занимались лечением «щетинок» в бане. Перед парением плечи и спинку ребенка обмазывали тестом, замешанным на материнском молоке, водке, слюне, дрожжах, меде или жире, затем смазывали им и пеленку. После этого ребенка пеленали на ночь. К утру тесто засыхало, пеленку сдирали, не отмачивая (г. Кемь, Олонец, д. Войница, Куйваярви, Новое, Сало, Семеновское, Сямозерье)⁷⁶⁹. Людиковские карелы отмечали, что при проведении данного обряда заговоров не произносили (д. Михайловское)⁷⁷⁰.

Тихвинские карелы Бокситогорского р-на Ленинградской обл. для избавления ребенка от щетинки сперва парили его в бане, затем прикладывали к пораженным местам мучную лепешку⁷⁷¹.

⁷⁶⁷ Ruotsalainen A. Pikkulasten «harjakset» // Kalevalaseuran vuosikirja. № 31. Helsinki, 1951. S. 179.

⁷⁶⁸ Логинов К. К. Родильная обрядность и способы лечения младенческих недугов // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 265.

⁷⁶⁹ Предания и поверья в Массельско-Паданском приходе Повенецкого уезда. 1870. № 55. С. 602; Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä, 1983. S. 227; Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema, 1924. S. 52; Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto, 1971. S. 248.

⁷⁷⁰ Virtaranta P. Luuydiläisiä tekstejä. Osa VI. Helsinki, 1994. S. 152.

⁷⁷¹ Юрчак О. Баня в быту и обрядах тихвинских карел (по материалам полевых исследований 2002 г.) [Электронный ресурс] // Сайт Олонец.ru: олонецкий городской портал URL: www.olonec.ru/banya.php.

Подобным образом лечили щетинки вепсы и русские. У русских Заонежья действия с замешиванием теста и заворачиванием младенца сопровождались заговором⁷⁷².

Для карелов является характерным использование в лечебных обрядах частей тела, trebuхи или выделений того животного, которого считали «виновным» в появлении болезни. «Щетинка» не является исключением: повенецкие карелы нашептывали на свиное сало воскресную молитву, после втирали в плечи и спинку ребенка и парили дитя в бане⁷⁷³. В этом способе лечения отчетливо прослеживается переплетение языческого и христианского: на сало «виновника» заболевания нашептывается молитва. Обращение в заговорах к Иисусу Христу и Деве Марии является характерным для большинства финно-угорских и прибалтийско-финских народов.

Болезни от насекомых

Болезни от вшей. Наименование вошь в карельском языке является исконно прибалтийско-финским⁷⁷⁴: *täi*: ск. *täi* (Вокнаволоок, Импилахти, Калевала, Оуланка, Суйстамо, Суоярви), *t'äi* (Иломанси, Мяндусельга, Паданы, Ругозеро, Тунгозеро); *pojalla piäšš on äijä t'äidä* – ‘у сына вши в голове завелись’ (тихвинский говор); *t'äit t'ä šaivarda piäššä ei ole* – ‘без вшей гнид в голове не бывает’ (тверской говор) // ливв. *täi*, *t'äi* (Олонец), *täi* (Корбинаволоок, Ковера, Лахта, Ляпякке, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица), *täi~t'äi* (Ведлозеро, Коткозеро), *täi* (Видлица, Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро); *täit syvväh piädy* – ‘вши голову кусают’ (Салми) // люд. *täi* (Михайловское)⁷⁷⁵; *t'äi*, *tiäi* // ср. (вепс.) *täi*; (эст.) *täi*; (вод.) *täi*; (лив.) *tei*; (ижор.) *täi*; (фин.) *täi*⁷⁷⁶. Возникновение вшей карелы объясняли иррациональными причинами.

⁷⁷² Логинов К. К. Домашний мифологический «устав» // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 125.

⁷⁷³ Ruotsalainen A. Pikkulasten «harjakset» // Kalevalaseuran vuosikirja. № 31. Porvoo; Helsinki, 1951. S. 179.

⁷⁷⁴ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki, III. 2000. S. 353

⁷⁷⁵ Полевой материал автора – 50, 33.

⁷⁷⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 361; Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, V. 1975. S. 1474.

Карелы отмечали, что зуд кожи являлся признаком появления вшей: «*hibju vai hiestyskendelöy, sit hibjas nouzou täidy*» – ‘если кожа начинает чесаться, значит вши завелись’ (Сямозеро); «*vikse on täidy pääs gu nenga suvit*» – ‘скорее всего вши у тебя, ты так чесался’ (Видлица). После укуса вши кожа начинала краснеть: «*täim purtu kohtu ruskenou*» – ‘место укуса от вшей становится красным’ (Неккула, Рыпушкалица)⁷⁷⁷.

Для выведения вшей карелы применяли самые разнообразные рациональные средства: лечебные травы, минеральные средства и др. Карелы д. Оуланка с целью избавления от вшей выкидывали несколько штук в навозную кучу (избавление от болезни «выбрасыванием») во время ущербной луны после захода солнца. Считалось, что именно в этот период можно излечиться от любого недуга⁷⁷⁸.

В карельских фразеологизмах часто выступает лексема *täi*: *kun täi* – букв. ‘как вошь’ (как черепаха); *lašku täi on korvajuurel* – букв. ‘ленивая вошь находится за ухом’ (лодырь); *täi syögäh* – букв. ‘пусть вошь съест’ (без надобности); [*eläy*] *kui täi turkis* – букв. ‘как вошь в шубе’ ([жить] припеваючи); *tiijustat täin turkis* – букв. ‘познаешь вошь в шубе’ (узнаешь, почем фунт лиха); [*kyhnätä*] *kun täit tervašša* – букв. ‘[возиться], как вши в смоле’ (медлить, копать); *älä täiju [sinne]* – букв. ‘не завшивей [там]’ (не застрянь)⁷⁷⁹.

Также карелы загадывали загадки, в которых отгадкой является слово ‘вошь’, например: (ск) *Mies meččäh mänöy, min tappau, sen sinne jättäy, min eloh jättäy, sen kotih tuopi (täi)* – ‘Человек в лес идет – кого убьет, там оставляет, живых домой несет (вошь)’; (ливв.) *Luutoi zvieri gluhois korves (täi)* – ‘Зверь без костей в глухом лесу (вошь)’; (ливв.) *Ylen suuri korbi, korves kondiet, ku tapat, meččäh viskuat (täi)* – ‘Очень глухой лес, если в лесу медведей убьешь – в лесу и бросишь (вошь)’. Был и другой вариант этой загадки: (ливв.) *Ylen suuri korbi, korbes kondiet (tiäid)* – ‘Очень глухой лес, в лесу медведи (вошь)’; (ливв.) *Ennenpäi on juuret, juu-*

⁷⁷⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 361.

⁷⁷⁸ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 245.

⁷⁷⁹ Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009. С. 226.

rien piäl on suarat, suaroin piäl on pačas, paččahan piäs on kerä, kerän piäl on korbi, a korves ollah eläjät (ristikanzu, piä, tukat, täit) – ‘Сначала идут корни, на корнях сучья (разветвления), на сучьях столб, на столбе – шар, на шаре густой лес, а в лесу жители’ (человек, голова, волосы, вши); (ливв.) Seizou pačas, paččahan piäs šara, šaran piäs mečču, mečäs zvieri (ristikanzu, piä, tukat, täit) – ‘Стоит столб, на столбе шар, на шаре лес, в лесу звери’ (человек, голова, волосы, вши) (ливв.) On korgei mägi, mäin piäl gluhoi korbi, gluhois korves luuttomat zvierit (ristikanzu, piä, tukat, täit) – ‘Высокая гора, на горе глухой лес, в глухом лесу звери без костей’ (человек, голова, волосы, вши)⁷⁸⁰.

Лексема *täi* ‘вошь’ отражена в карельских диалектных формах наименования болезни лишай. Зафиксированное в диалектах карельского языка и некоторых прибалтийско-финских языках название этого кожного заболевания явно указывает на то, что лишай появляется от укуса вшей. В карельских вариантах наименований лишая определяется языковая метафора: *täin/tarha* – букв. ‘вшивый+сад’: ск. *täintarha* (Вокнаволок, Иломанси, Калевала, Кестеньга, Контолки, Суйстамо), *t’äintarha* (Ругозеро), *täintarha~t’äintarha* (Валдай), *täintarhu* (Импилахти, тихвинский говор), *täin-tahra* (Коргорка), *t’äi(n)tarha* (тверской говор) // ливв. *täintarha* (Олонец), *täintahru* (Корбинаволок, Лахта)⁷⁸¹, *täintarhu~täintaharu* (Сямозеро), *täintarhu* (Ведлозеро); *kuivu tuahin on ku täintarhu, hienozil bul’kuloil* – ‘сухая экзема как лишай, с маленькими прыщиками’ (Салми); *täintarhu kupettav äjjäl* – ‘когда лишай, то чешется все очень’ (Неккула, Рыпушкалица) // люд. *tiäitarh, tiäitahr; t’iäintarh se ol’i hibd’as’ nahkam piäl rišt’šikanzal* – ‘лишай появлялся на коже человека’ // ср. (вепс.) *t’äintannaz, t’äintaraz, t’äitandar’*; (фин.) *täintarha*⁷⁸². Согласно данным лексики северного диалекта вепсского языка существует три вида лишая: *täipeza* (букв. ‘вошь+гнездо’) – мелкий лишай на лице; *täitandaz, täitandar’* (букв. ‘место, истоптанное вошью’) – лишай «другого рода»; *täitarang* – лишай «третье-

⁷⁸⁰ Карельские народные загадки / Изд. подготовила Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1982. С. 57, 107; Лесков Н. Загадки карел Олонецкой губернии в // Живая старина. Вып. 4. СПб., 1893. С. 538.

⁷⁸¹ Полевой материал автора – 24.

⁷⁸² Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. С. 179.

⁷⁸² Образцы карельской речи, 1980. С. 242; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, VI. 2005. S. 362; Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, V. 1975. S. 1474.

го рода». В районах проживания средних вепсов, полученный в результате укусов вши, лишай называется *t'äntannaz*, *t'äintaraz* (букв. 'вшивый двор'). В с. Шокша распространены названия *t'äitara*, *t'äitaraine* 'кожная сыпь'. Они тоже связаны с вошью (*t'äi*). Аналогичные названия известны у карелов и финнов, что указывает на общеприбалтийско-финскую основу представлений.

Жители д. Кондока видели симптомы лишая в сильном зуде, покраснении кожи и появляющихся в дальнейшем волдырях.

Не только терминология, но и обряды лечения и тексты заговоров указывают, что вошь считали причиной возникновения этих заболеваний. Людиковские карелы при лечении лишая вылавливали вошь и протыкали ее иглой. Затем иглой с нанизанной вошью обводили больное место, произнося заговор⁷⁸³. Карелы-людики считали, что только этот способ был эффективным при лечении лишая. Мази и отвары, по их мнению, приводили только к усугублению болезни: краснота и прыщи распространялись по всему телу.

Однако у ливвиковских и тверских карелов известны различные способы лечения этого заболевания с помощью животных и растительных препаратов. Так, например, они смазывали больного кислым тестом (д. Корбинаволоок, Лахта)⁷⁸⁴ или пенкой от молока⁷⁸⁵. Тверские карелы обмывали покрасневшую кожу настойкой из табака, отваром из корня репейника⁷⁸⁶.

В д. Сямозеро больное место обворачивали березовой корой несколько дней подряд, затем эту кору, символизирующую «болезнь», выкидывали на сарай или в дырочку в хлеву⁷⁸⁷.

Тихвинские карелы (д. Коргорка) обводили ножом вокруг больного места крест-накрест, то есть «резали» лишай и трижды шептали: «*Midä leikkuat? – Bol'ie – Leikkua hand enämmäldi, štob ei kivistäis*» – 'Что режешь? – Боль – Режь ее сильнее, чтобы не болело'. Или брали медную пуговицу, терли сильно о сучок де-

⁷⁸³ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. S. 300.

⁷⁸⁴ Полевой материал автора – 26; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 362.

⁷⁸⁵ Mihailova M. Tiedovoicendu // Oma mua. 1995. № 34. S. 4.

⁷⁸⁶ Словарь карельского языка, 1994. С. 293.

⁷⁸⁷ Näytteitä karjalan kielestä, 1994. S. 152.

рева, пока пуговица не станет горячей, затем прикладывали ее к больному месту, то есть прижигали лишай. Иногда использовали сразу оба предмета: «я пуговицей потерла, да ножом провела круговую черту, поправилась»⁷⁸⁸.

Укусы насекомых. Кроме вышеупомянутых недугов от животных, согласно собранному материалу, карельских крестьян досаждали болезненные укусы насекомых: ливв. «*amburjažen purendu vie čahloksendelou*» – ‘укус осы еще немного саднит’, ск. «*amrujaiset poltetah kipiešti*» – ‘осы жалят больно’⁷⁸⁹; ливв. «*puarmat kääit syödih eläväle lihale*» – ‘слепни искусали руки до крови’, ливв. «*zudiu kupettau čakoin syödyu*» – ‘все тело зудит, чешется, так комары искусали’, ливв. «*vuoksajaine n’uokkau ga ylen žuardau*» – ‘оса ужалила, так очень сильно жжет’⁷⁹⁰.

Если людей беспокоили насекомые (например, клопы), которые заводятся в домах, то благоприятным временем от их избавления считался период от Иванова до Петрова дня.

В д. Роуккула (Ребольский район) собирали насекомых, поливали водой и крылом сбрасывали в берестяную коробочку. Берестянку, дождавшись попутного ветра, ставили на доску и отправляли по воде, произнося: «Вода тебе поилица, вода тебе кормилица». В д. Толлорека Калевальского района насекомых, завернутых в красную тряпку, провожали в сделанной маленькой лодочке с веслами и белым парусом. Вслед им причитали с полной серьезностью, словесно переживая из-за разлуки. Все эти ритуалы надо было совершать с абсолютной серьезностью. В д. Тухкала Лоухского района сообщили, что надо было собрать и отправить 40 насекомых⁷⁹¹. Это своеобразные ритуалы отправления насекомых на тот свет.

7. Болезни от Бога

Заболевания данной группы являются наиболее поздними по происхождению. Это связано с распространением христианства. Причина возникновения этих

⁷⁸⁸ Образцы карельской речи, 1980. С. 242, 316.

⁷⁸⁹ Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии., 2009. С. 12.

⁷⁹⁰ Словарь карельского языка, 1990. С. 33, 284, 442.

⁷⁹¹ Конкка А. П. Viändöi – время летнего «поворота» в календарной обрядности карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 41.

недугов крылась в непочтительном отношении к православным святыням, а также недопустимого поведения с точки зрения православной морали.

В карельском языке у слова *Jumal/Jumala* зафиксированы разностадиальные значения: более раннее – 1) покровитель воздуха, погоды, природных стихий; божество; более поздние – 2) праведник, святой; 3) творец, создатель, христианский Бог⁷⁹². В издании «*Kansanperinteen sanakirja*» ‘Словарь народной культуры’ приводится только одно толкование данного наименования ‘колдун, знахарь’, также связанное с развитием внехристианских представлений⁷⁹³. Если упомянутые значения применить к вопросу об этиологии народных болезней, то можно предположить, что когда-то у карелов существовали верования о том, что Юмала, являясь божеством небесных явлений (по единичным сведениям – колдуном), насылал на людей за неуважение и проступки различные наказания, к одним из которых относились болезни, хвори, недуги. В дальнейшем такие же представления стали связываться с Богом-творцом. В карельском языке встречаются следующие названия с определением *jumalan* ‘Божий’:

Jumalan/luoma – букв. ‘Божье + творенье’: ск. *jumalanluomoa viruu* – ‘он Божьей болезнью болеет’ (Суоярви) // ливв. *jumalanluomu* (Сямозеро).

Jumalan/taudi – букв. ‘Божья + болезнь, Бога + болезнь’: ск. *jumalantaud'i on, tulloo, ga olgah, anna kävuu* – ‘Божья болезнь идет, дай ей идти’ (Суоярви) // ливв. *jumalantaudi* (Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро); *minuz on jumalantaud(i)* – ‘у меня Божья болезнь’ (Салми) // ср. (фин.) *jumalantauti*.

Jumalan/viga – букв. ‘Божья + причина, изъян, Бога + причина’: ск. *jumalanviga* (Суоярви) // ливв. *jumalanviga* (Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро) // ср. (вепс.) *jumalanviga*.

Причинами возникновения этого недуга карелы считали следующие: если человек, проходя мимо иконы, не перекрестится (д. Войница, д. Мяндусельга); если повесит икону в холодной комнате; если недавно родившая женщина, будучи нечистой, пойдет в церковь (в период шести недель, пока у нее идет кровь). По

⁷⁹² Karjalan kielen sanakirja. I, 1968. S. 52.

⁷⁹³ Vuorela T. Kansanperinteen sanakirja. Porvoo, 1979. S. 112.

мнению жителей д. Кевятозеро, Бог наказывал недугами людей, разоряющих и ликвидирующих церкви: их разбивал паралич, они слепли, а у некоторых перекашивало рот. В советский период борьбы с религией возникло много подобных легенд о получении человеком тяжелой болезни от Бога за уничтожение им икон, участие в разрушении крестов, часовен и церквей.

У беломорских карелов это заболевание характеризовалось как изнуряющее, сопровождаемое повышенной температурой или ознобом. Проявлялось оно с наступлением полуночи и длилось до утра или полудня.

По мнению суоярвских карелов (г. Суоярви), человек, заболевший Божьей болезнью, узнавал об этом из сна, в котором видел красную или черную лошадь⁷⁹⁴. Карелы д. Войница Калевальского района уверяли, что видели во сне лошадь, изгнанную из одной деревни с болеющим Божьей болезнью.

Собранный автором в районах Карелии полевой материал, показал, что и в настоящее время сохраняются архаические представления об исследуемом недуге. Было опрошено около 10 информантов (1930–1965 г.р.), которым, среди прочих вопросов, был задан следующий: «Знаете ли Вы такое заболевание *Jumalanviga/Jumalanvika*? Что это за болезнь?». Были получены следующие ответы (стиль сохранён – прим.автора):

1) «Знаю, *jumalanviga*. Я слыхала. Но точно не могу сказать. Я слышала, как говорят: «*Sinul on jumalanviga*» – ‘У тебя Богом насланная болезнь’ (прим. – здесь и далее перевод автора). Это тоже как болезнь» (Олонецкий район, д. Гавриловка). Опираясь на данный пример, дать однозначный ответ о каком Боге идет речь (всевышнем или языческом) невозможно.

2) «*Ga jumalanviga. Se on, konzu et usko, gu Jumal on libo, gu pruazniekan aigua ruat. Ei sua ruadua. Jumal kai nägöy*» – ‘Да, *jumalanviga*. Появляется она, когда не веришь, что Бог есть или, если работаешь в праздничный день. Нельзя трудиться. Бог видит всё’ (Олонецкий район, с. Видлица). Ответ связан с христианством и верой в Бога.

⁷⁹⁴ Karjalan kielen sanakirja. I, 1968. S. 523.

- 3) *«Человек, который недоразвит или родился с каким-то дефектом. Или их называют «убогие», то есть «при Боге», «ошибка Бога»»* (Калевальский район, д. Ювалакша)⁷⁹⁵.
- 4) *«Божья кара»* (Калевальский район, п. Калевала; Олонецкий район, д. Новинка).
- 5) *«Божья кара. Это головные боли и кожные болезни»* (Олонецкий район д. Новинка, Тукса).
- 6) *«Божий человек, так людей называли, у которых отсталое развитие или какие-либо дефекты с рождения»* (Калевальский район, д. Толлорека)⁷⁹⁶.
- 7) *«Слышала. В моём представлении, это изъян какой-то, т. е. с которым человек родился. Изъян, Богом данный»* (Олонецкий район, д. Михайловское)⁷⁹⁷.
- 8) *«Божье наказание, изъян»* (Суоярвский (ранее Пряжинский) район, д. Вехкусельга).
- 9) *«Болезнь от Юмалы (Бога верховного). Считалось, что оно неизлечимо. Надо его терпеть, смириться»* (Калевальский район, п. Калевала)⁷⁹⁸. Ответ связан с верой в Бога и христианством.

Из представленного материала можно проследить, что по народным представлениям карелов, причиной возникновения рассматриваемого недуга считалось наказание христианским Богом, болезнь была вызвана Божьей карой. Чаще всего последствия заболевания были неизлечимыми – паралич различных частей тела, слепота, врожденный физический или душевный недостаток. Ливвики и людики к Божьим болезням относили также оспу и считали, что ее лечить даже

⁷⁹⁵ Полевой материал автора – 7, 2, 22.

⁷⁹⁶ Полевой материал автора – 3, 27, 28.

⁷⁹⁷ Полевой материал автора – 10.

⁷⁹⁸ Полевой материал автора – 12, 29.

грешно⁷⁹⁹. Такие же представления известны вепсам, которые к неизлечимым заболеваниям от Бога причисляли оспу и корь⁸⁰⁰.

Согласно народному мышлению для излечения Божьей кары было необходимо использовать предметы, имеющие отношения к христианству, и выполнить действия, направленные «задабривание» Всевышнего: поставить свечку, поклониться иконе, перекреститься, отнести в часовню или церковь подарки (пару метров холщевой или ситцевой ткани)⁸⁰¹. Карелы из д. Мяндусельга для исцеления недуга ходили три ночи подряд к кресту просить прощения⁸⁰².

Как указывалось выше, болезни от Бога выделялись рядом исследователей (С. Паулахарью, Р. Пелконеном, Ю. Пентикяйненом) в отдельную группу при выявлении карельской народной классификации болезней. Полученные лингвистические и этнографические данные подтверждают выделение данной группы заболеваний в карельской народной медицине.

К этой группе можно отнести и заболевание, приставшее от иконы (в следствии удара об икону), которое носило название *obrazan/nenä* – букв. ‘иконы+нос’: ливв. *obrazad on suututtu sinun iččes peal, obrazannenä on rod'inuh nygöi* – ‘иконы рассердились на тебя самого, сейчас ты заболеешь хворью от образа’ (Сямозеро).

Сямозерские карелы считали, что этим недугом заболевали, например, в том случае, если, причесывая мокрые волосы около иконы/образа и брызнули водой на святой лик⁸⁰³. Способов лечения данного недуга нам не удалось зафиксировать. Можно предположить, что они заключались в просьбе о прощении у святых, которые были изображены на иконе, или в зажигании свечи около иконы.

8. Персонифицированные болезни

⁷⁹⁹ Лесков Н. Отчет о поездке к Олонецким Корелам летом 1893 г. // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1894. С. 31.

⁸⁰⁰ Винокурова И. Ю. Религиозно-мифологические представления о происхождении болезней в народной медицине вепсов // Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования. Петрозаводск, 2016. С. 205–206.

⁸⁰¹ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Porvoo, 1924. S. 68.

⁸⁰² N. N. Народные суеверия и предрассудки, знахари и колдуны // Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 80. С. 894.

⁸⁰³ Karjalan kielen sanakirja. IV, 1993. S. 53.

Для многих народов, в числе которых и карелы, было свойственно персонифицирование некоторых заболеваний, т. е. представлять их в образе действующих лиц. В карельской народной традиции в отдельную группу выделяются заболевания, возникшие в результате различного воздействия на человека персонифицированных болезней – «демонов» болезней.

Эпидемические болезни

Чаще всего крестьяни персонифицировали эпидемические болезни⁸⁰⁴. При вспышках эпидемий в карельских деревнях жители пытались с помощью различных магических действий предотвратить их распространение. Исходя из полученных данных, способы были одинаковыми для всех эпидемических болезней. Например, карелы Олонецкой губернии использовали добытый от трения дерева о дерево «деревянный» огонь, которым окуривали людей. После этого на место, где лежал больной, умерший от заразной болезни, бросали петуха, передавая таким способом ему болезнь и предотвращая ее дальнейшее распространение на людей. В Семчезерском уезде (Олонецкая губерния) имитировали «похороны болезни»: в могилу опускали кошку или петуха, олицетворяющих заболевание⁸⁰⁵. Сямозерские карелы при нахождении в доме инфекционных больных, рисовали на дверях дегтевые или смоляные кресты, чтобы болезнь не могла выйти из дома.

В карельском языке существуют несколько терминов, которыми обозначали любую *эпидемическую (заразную) болезнь*. Среди них одно исконно карельское, остальные – русские заимствования:

neskota: ск. *neskota* (Вокनावолок) // ливв. *mi olloo nezgodu lapsez, ruskiedu čuustistu lykki?* – ‘что за зараза у ребенка, красные прыщики появляются?’ (Сямозеро). В ливвиковском наречии карельского языка термин *nezgodu* использовался и в отношении плохого самочувствия у беременной женщины⁸⁰⁶. Наименование

⁸⁰⁴ Юдин А. В. Персонифицированные болезни и способы борьбы с ними в народной культуре восточных славян // *Studia Litteraria Polono-Slavica*, 6: *Morbus, medicamentum et sanus. Choroba, lek i zdrowie*. Warszawa, 2001. С. 75.

⁸⁰⁵ Повенецкие корелы. Их домашний и общественный быт, поверья и предания // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 14. С. 50.

⁸⁰⁶ *Karjalan kielen sanakirja*. III, 1983. S. 479.

neskota/nezgodu является русским заимствованием, ср. незгода, несгода, невзгода ‘беда, несчастье, напасть, неспорье, неудача, нерасположенность’⁸⁰⁷.

ramha: ск. *l'äz'it't'ih voinavuožina t'ifua, otti pamhalla kyl'äšt'ä rahvašta* – ‘в военные годы болели тифом, эпидемия уносила из деревни людей’ (тверской говор). Наименование *ramha* – это русское заимствование *памха*, которое распространено в новгородском и тверском говорах русского языка в следующих значениях: зло, помеха, беда, вред или неудача, напасть; повальная болезнь, поветрие, мор⁸⁰⁸. Из *na-* и *мох* (*Па-Мъха) с первоначальным значением ‘иней’.

pošuava: ск. *kyl'äššä ol'i žem tuon'e pošuava, kaikki hebozet hävit't'ih* – ‘в деревне была такая эпидемия, все лошади подошли’ (тверской говор)⁸⁰⁹. Слово *pošuava* заимствовано в собственно-карельское наречие карельского языка из русского, ср. *пошава*, *пошова* (тихвинский говор) ‘поветрие, наносная, повальная болезнь’. Это табуистическое название, образованное от глагола *шавать* ‘красться’⁸¹⁰.

tartus: ливв. *tartus puutui toizez* ‘заразная болезнь пристала от другого’ (Сямозеро) (от слов. осн. глаг. *tartuo*→*tartu-* ‘приставать, передаваться от одного другому’ + суф. *-us*).

Обратимся теперь к тем эпидемическим заболеваниям, которые были распространены на территории проживания карелов.

Холера. Как указывалось выше, демоны эпидемических болезней могли представляться в виде кошки или петуха, но чаще всего они чаще всего выступали в антропоморфном виде. Как правило, это были женщины. Группа карелов Олонцкого района заболевание холера (ливв. *vilutaudi, halieru*; ливв., ск. *vilučči*) персонифицировала в виде женщины, летающей на метле. Возможно, данное представление, было связано с гендерным статусом женщины и семейным патриархатом⁸¹¹. У группы восточных славян бытовали такие же представления о холере: у

⁸⁰⁷ Даль В. И. Толковый словарь русского языка, 2005. С. 412.

⁸⁰⁸ Даль В. И. Толковый словарь русского языка, 2005. С. 456.

⁸⁰⁹ Словарь карельского языка, 1994. С. 217.

⁸¹⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3, 1987. С. 349.

⁸¹¹ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов, 2015. С. 65.

белорусов – в виде женщины с горящими глазами и распущенными волосами, разбрасывающая болезнетворные зерна, или женщина (как вариант, девушка), отравляющая воздух, размахивая черным или красным платком. Известны образы холеры в виде черной коровы, кошки, собаки или женщины со злым лицом⁸¹². Олонецких карелы считали, что холеру производили колдуны, всыпая в воду какие-то порошки.

Для обозначения холеры в наречиях карельского языка использовались заимствованные термины, деноминальное и сложное имена существительные:

halieru: ливв. *halieru* (Корбинаволоок, Лахта)⁸¹³ // ср. (фин.) *kolera*⁸¹⁴. Лексема *halieru* относится к русским заимствованиям (< лат. *Cholera* < греч. *chole* ‘желчь’)⁸¹⁵. Финское название *kolera* образовано от соответствующего греческого слова, суффиксального производного *khole* ‘раздражение, злоба; желчь’⁸¹⁶.

viluččī: ск. *viluččī* (Суоярви) // ливв. *hänez on viluččī* – ‘у него холера’ (Салми); *vilučiz on* – ‘болеть холерой’ (Неккула, Рыпушкалица) (*viluččī* – от слов. осн. им. прилаг. *vilu* ‘холодный’ + суф. –*ččī*).

vilu/taudi: ливв. *vilutaudi* (Сямозеро) // ср. (фин.) *vilutauti*⁸¹⁷ (*vilu/taudi* – букв. ‘холодный + болезнь’). Симптомами заболевания считался озноб: *vilutaudi puutui*, *ainoz on viluissah häin* – ‘он холерой заболел, его знобит постоянно’ (Сямозеро)⁸¹⁸, а также судороги⁸¹⁹. Можно предположить, внешние проявления симптомов послужили причиной, благодаря которой прилагательное *vilu* ‘холодный’ стало определяющим компонентом наименований *vilutauti*, *vilutaudi* стало.

Во время эпидемии холеры вепсы использовали, полученный древними способами, огонь, который считали одним из самых действенных обережных и

⁸¹² Юдин А. В. Персонифицированные болезни и способы борьбы с ними в народной культуре восточных славян // *Studia Litteraria Polono-Slavica*, 6: *Morbus, medicamentum et sanus. Choroba, lek i zdrowie*. Warszawa, 2001. С. 78.

⁸¹³ Полевой материал автора – 39.

⁸¹⁴ Новый большой русско-финский словарь / Под ред. М. Э. Куусинена М., 2000. т. 2. С. 1463.

⁸¹⁵ Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998. С. 774.

⁸¹⁶ Hakulinen L. Kielen näkymiä (kirjoitelmia suomen kielen tutkimuksen ja opetuksen alalta). Helsinki, 1970. S. 91; Vuorinen H. Tauti(n)en historia. Tampere, 2002. S. 120.

⁸¹⁷ *Nykysuomen sanakirja*. Porvoo; Helsinki; Jyväskylä, 1992. S. 534

⁸¹⁸ *Karjalan kielen sanakirja*. VI, 2005. S. 634.

⁸¹⁹ Полная энциклопедия народной медицины. М., 1999. Т.3. С. 564.

лечебных средств в экстремальной ситуации. В конце XIX в. в с. Корвала свирепствовала холера на протяжении семи лет. От недуга избавились, обойдя деревню с «деревянным огнем». Этот огонь добывался вепсами трением сосновой лучины на станке для точения веретен из бересты. По рассказам жителей во время обхода деревни с огнем из нее выскочил большой черный кот, символизирующий болезнь, которая сразу перешла в соседнюю деревню, откуда ее выжили этим же способом⁸²⁰. Калевальские карелы (п. Калевала) тоже использовали огонь для остановки эпидемии⁸²¹.

Корь, краснуха, ветрянка, оспа. Такие эпидемические заболевания, как оспа, ветрянка, корь, краснуха, в мифологических представлениях карел часто объединялись в группу. Эти представления, например, отразились в названиях болезней, которые часто совпадали. Объединение демонов этих болезней происходило и в поверьях. Считалось, что они между собой находятся в родственных связях, чаще всего это сестры. Жители д. Войница верили в существование «трех осп, трех сестер»: собственно в саму болезнь оспа – «самую старшую и самую злую сестру», ветрянку – «среднюю сестру» и корь – «самую младшую сестру». В Карелии упомянутых трех сестер очень боялись и уважали. Салминские карелы верили, что баенник может наслать на человека четыре оспы: саму болезнь оспу, корь, краснуху и ветрянку⁸²².

Корь. В карельском языке, обозначая корь, использовались наименования, в основе номинации которых прослеживаются ее симптомы. У больного корью человека тело покрыто мелкой сыпью (словно его посыпали золой). Возможно, по аналогии, в основу карельских названий болезни корь легло имя существительное *tuhku, tuhka* ‘зола’.

***tuhkičča*:** ск. *tuhkičča* (Ругозеро, Тунгозеро), *tuhkičča~tuhkičču* (Суйстамо) (*tuhkičča, tuhkičču* – от слов. осн. им. сущ. *tuhka*→*tuhka-*, *tuhku*→*tuhka-* ‘зола, пепел’ + суф. *-čča, -čču*);

⁸²⁰ Винокурова И. Ю. Огонь в мифологии вепсов // Вепсы: История, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999. С. 151–152.

⁸²¹ Inha I. K. Kalevalan laulumailta. Helsinki, 1999. S. 62.

⁸²² Viljanto A. Salmi: Salmin pitäjän muistojulkasu. Jyväskylä, 1991. S. 298.

tuhka/rokko: ск. *tuhkarokko* (Суоярви) // ливв. *tuhkurokko*⁸²³ // ср. (фин.) *tuhkarokko*⁸²⁴ (*tuhka/rokko*, *tuhku/rokko* – букв. ‘зола + оспа/волдырь’);

tuhkičča/rubi: ск. *tuhkarupi* (Калевала, Кестеньга, Юшкозеро), *tuhkarubi* (Суйстамо, Суоярви, Тунгозеро,) *tuhkarubi~tuhkarub’i*, *tuhkaččurubi* (тверской говор // ливв. *ruskičču da tuhkurub ei jätä n’i kedä käymätä* – ‘краснуха и корь никого не обойдут стороной’ (Салми)⁸²⁵ (*tuhka/rupi*, *tuhka/rubi*, *tuhku/rub(i)* – букв. ‘зола + струп, корка’; *tuhkačču/rubi* – букв. ‘корь + струп, корка’).

Кроме того, в последних двух наименованиях отразилось сходство кори и оспы.

Тверские карелы (д. Прудовая) отмечали, что во время болезни одного из членов семьи корью, в этом доме запрещалось кормящей матери кормить ребенка грудью, семейной паре вступать в интимные отношения, стирать белье, браниться. Нарушение этих запретов влекло осложнение болезни, например, слепоту: мужчина, болеющей корью, выпил спиртного и ругался нецензурной бранью. Вскоре он ослеп⁸²⁶.

Для «задабривания» кори, ее приглашали в гости каждый третий год. Для нее накрывали стол с угощениями (д. Войница)⁸²⁷. Такой способ был известен и у шимозерских вепсов⁸²⁸.

Основной акцент в лечении кори делался на использовании материи красного цвета, т. е. принцип «подобное отталкивает подобное». Тверские и тихвинские карелы также использовали красную тряпку, которой накрывали ребенка, а все окна занавешивали красными занавесками⁸²⁹. Проживающие в Пяжозере и Пондале вепсы, напротив, заболевшего корью дитя держали в темной избе. Мрак и темнота – это признаки мира мертвых и соответственно смерти. Изгнание кори, «болезни красного цвета», происходило путем помещения ее в условия темноты,

⁸²³ Карело-русско-финский словарь [Электронный ресурс]. <http://sanakniigu.onego.ru>.

⁸²⁴ Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь. М., 2006. С. 653.

⁸²⁵ Karjalan kielen sanakirja. VI, 2005. S. 261.

⁸²⁶ Virtaranta P., Virtaranta H. Kauas läksit karjalainen, 1986. S. 303.

⁸²⁷ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Porvoo, 1924. S. 62.

⁸²⁸ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов, 2015. С. 395.

⁸²⁹ Образцы карельской речи, 1980. С. 304; Слушаю карельский говор, 2001. С. 145.

мрака и смерти. Красный цвет – это символ здоровья, жизни, солнца, он наделялся защитными свойствами.

У олонецких карелов (г. Олонец) способы лечения кори были схожи со способами избавления от краснухи: больного корью ребенка несли в жарко натопленную баню, раздевали, заворачивали в красную тряпку. На раскаленные камни «для пара» бросали немного закваски (жидкой), и после этого ребенка парили сухим веником.

Краснуха. Деноминальное имя существительное (от слов. осн. им. прилаг. *ruskei*→*ruskie*- ‘красный’ + суф. –*čča*, –*čču*) является самым распространенным наименованием краснухи в диалектах карельского языка. Карелы одинаковыми названиями обозначали корь и краснуху:

ruškičča – ‘краснуха, корь’: ск. *ruškičča* (Паданы, Ругозеро, Суоярви, тихвинский говор), *ruskičču* (Суйстамо); *lapših tulou ruškičča* – ‘к ребенку краснуха пристанет’ (тверской говор) // ливв. *ruskičču* (Большие Горы, Корбинаволоок, Лахта)⁸³⁰, *ruskičču* (Ведлозеро); *ruskičču da tuhkurub ei jätä n’i kedä käymätä* – ‘краснуха и корь никого не оставят без болезни’; *ol’in i minä lapsennu ruskiččus* – ‘в детстве я болела краснухой’ (Салми); *ruskiččaz on lapsi* – ‘у ребенка краснуха’; *ruskiččahin on lapsi, gošt’aine tul’i lapseh* – ‘краснуха у ребенка, гость к ребенку пришел’ (Сямозеро); *ruskiččaz on* – ‘болеет краснухой’ (Неккула, Рыпушкалица) // люд. *ruškič*, *ruskičču*, *ruškičče* // ср. (вепс.) *ruskič*, *rusttaihe*, *ruskii*, *ruskei*⁸³¹.

Тверские и сямозерские карелы относительно краснухи и кори использовали лексему *rušš(k)ičča/rubi*: ск. *ruššiččarubi* (тверской говор) // ливв. *ruskiččurubi* (Сямозеро)⁸³². Карелы использовали данные названия, так как в период заболевания на коже появлялись красные мелкие прыщи, и горло воспалялось/краснело⁸³³. Тихвинские карелы в качестве основного симптома отмечали сильный жар: «*ruškičašša palat iče što tulešša*» – ‘во время краснухи весь горишь как в огне’

⁸³⁰ Полевой материал автора – 46.

⁸³¹ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. С. 485; Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков. Петрозаводск, 2007. С. 134.

⁸³² Karjalan kielen sanakirja. V. Helsinki, 1997. S. 198.

⁸³³ Koski M. Värien nimitykset suomessa ja lähisukukielissä. Savonlinna, 1983. S. 111.

(тихвинский говор). У вепсов для наименования кори и краснухи также использовался термин идентичный карельскому *ruskii/ruskei/ruskič*: вепс. *rusked* ‘красный’⁸³⁴.

Суоярвские карелы считали оспу и краснуху – сестрами: «*ruskičča da ospičča ollah sizärekset*» – ‘краснуха и оспа – сестры’ (Суоярви). Если кто-нибудь в деревне заболел краснухой, то соблюдали такие же правила, как и во время эпидемий оспы, ветрянки и кори: нельзя было чистить обувь, стирать одежду, убирать дом и т. д.

У карелов бытовали идентичные способы лечения для кори и краснухи. Возможно, это связано с тем, что долгое время эти два заболевания не разделяли друг от друга и иногда использовали одно наименование для обозначения обоих заболеваний. Необходимо упомянуть, что у сямозерских карелов в то время, когда кто-нибудь из членов семьи болел краснухой, бытовали такие же правила поведения, как и при оспе: запрещалось стирать одежду, мыть избу, мазать обувь.⁸³⁵

Ветрянка (ветряная оспа). Считалось, что именно ветер был источником данного заболевания⁸³⁶, что указывает на принцип номинации болезни, в основе которой лексема *tuuli* ‘ветер’: *tuulen/rubi* (тверской говор) (*tuulen/rubi* – букв. ‘ветра + болячка’). Тверские карелы верили: чтобы не заболело много людей ветрянкой, ветрянную оспу нельзя сердить и раздражать: «*tuulenrubie ei voi šään'n'yt't'ä*» – ‘ветрянную оспу нельзя раздражать/сердить’.

Во время ветряной оспы лицо больного покрывалось струпьями. Спустя время короста с болячек отпадала и, иногда, человек оставался рябым⁸³⁷.

Для лечения ветрянки карелы использовали различные способы лечения.

Карелы д. Оуланка применяли хирургические методы: протыкали волдыри измазанной в саже иглой с ниткой⁸³⁸. Жители д. Большое Плоское вели больного в баню (зимой)/под стреху (летом), складывали в решето ножницы, ложку и мутов-

⁸³⁴ Винокурова И. Ю. Вепский мифологический пантеон в свете некоторых этапов этнической истории народа // Вепские ареальные исследования. Петрозаводск, 2013. С. 189.

⁸³⁵ Karjalan kielen sanakirja. V. Helsinki, 1997. S. 198.

⁸³⁶ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 436.

⁸³⁷ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 145.

⁸³⁸ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 245.

ку и трижды поливали через него заболевшего⁸³⁹. Тверские карелы из с. Воздвиженка при появлении симптомов ветрянки или сыпи на теле также прибегали к методу обливания: окатывали больного водой через лопату, борону, и ольховое гнездо (если болела девочка) или еловое гнездо (если болел мальчик), произнося заговор⁸⁴⁰. Для избежания зуда во время болезни, пораженные болезнью места натирали ячневой крупой.

У карелов д. Семеновское считалось, что ветрянка лечению не поддается: «*häändä n' imil' l' ei voinun l' ečči*» – ‘нельзя ее ничем было вылечить’⁸⁴¹.

Оспа (Божий струп). Карелы больше всего боялись и поэтому уважали оспу, самую старшую сестру. Считалось, что она может разгневаться и отомстить. Для обозначения оспы у карелов использовалось большое количество наименований. Прибалтийско-финское слово *rupi* имеет германское происхождение (*rupi* < **χrufōn-* / -*χrubnō / *χrufiz* (ср.: др.норв. *hrufa* ‘оспа’, совр.норв. *ruv*, *ruva*, *ruve* ‘оспа’)⁸⁴². Указанное именование было распространено у карелов повсеместно, включая тверских: *rupi* ‘оспа, болячка, струп, корка’: ск. *rupi* (Кестеньга, Контолки, Мяндусельга), *rubi* (тверской говор), (Мяндусельга, Суоярви, Тунгозеро) *rubi*; *ruvešša ollešš ei voi šuuvä* – ‘когда болеешь оспой, даже не можешь есть’ (Кестеньга); *ol'igo rubi? meilä kakši t'ytöis'tä rubee kuoli* – ‘была ли оспа? У нас от оспы две девочки умерли’ (тихвинский говор) // ливв. *rubi* (Большие Горы, Ведлозеро, Корбинаволоок, Лахта)⁸⁴³, *rubi* (Неккула, Рыпушкалица, Салми // люд. *rubi*⁸⁴⁴ // ср. (вепс.) *rubi*; (фин., вод., ижор.) *rupi*⁸⁴⁵.

Лексема *rubi* употребляется также карелами, в бранной лексике, как часть сложного слова, например, *rubi/koščan*, *rubi/kokoi* ‘кочан со струпьями’ (о человеке, у которого много струпьев). Кроме того, название этой болезни представлено в

⁸³⁹ Virtaranta P. Tverinkarjalasta parannustietoa // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 239

⁸⁴⁰ Карельские заговоры, приметы и заплочки // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Л., 1925. Т. V. С. 614.

⁸⁴¹ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 145.

⁸⁴² Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. III, 2000. S. 109.

⁸⁴³ Полевые материалы автора – 40.

⁸⁴⁴ Karjalan kielen sanakirja. V. Helsinki, 1997. S. 192.

⁸⁴⁵ Atlas Linguarum Fennicarum. II часть. Helsinki, 2007. S. 405–406; Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki. IV, 1979. S. 877.

карельском фольклоре, например, *rubi/roža ei kibeі* ‘конопатый не больной’ (*ru-bi/roža* – букв. ‘рябое от оспы лицо’)⁸⁴⁶. *ruven jal’gi ei kibeі, piän’i s’il’my ei sogeі, suuri nenä ei jugeі* – ‘след от оспы – не болячка, маленький глаз – не слепота, большой нос – не тяжесть’ (Самбатукса).

Сложным именем существительным является название *suuri/rubi* – букв. ‘большая+оспа’. Определение *suuri* ‘большой’ указывает на тяжесть заболевания, на главенство среди других заболеваний-сестер: ск. *šuurirubi* (Кестеньга, Контокки, Тунгозеро, Юшкозеро), *suurirubi* (Видлица, Иломанси, Суйстамо), *suurrubi* (Суоярви); *šiitä yksi poika šuureššaruvešša kul läsi, myö šiitä män’imä kaččomah* – ‘когда один мальчик оспой болел, мы навещать его приходили’ (Вокнаволок); *dvuirodnoi čikko miula l’äzi šuurellaruvella* – ‘моя двоюродная сестра болела оспой’ (тверской говор) // ливв. *suurrubi* (Сямозеро), *suurirubi* (Видлица, Салми), *suurezruvez on lapsi* – ‘у ребенка оспа’ (Сямозеро); *suurirubi on liikkehel* – ‘оспа идет’ (Неккула, Рыпушкалица) // люд. *surirubi*⁸⁴⁷ // ср. (фин.) *suurirupi*⁸⁴⁸ Видимо, более поздними, связанными с распространением православия, были карельские представления о том, что оспа является ‘Божьей болячкой’, что «лечить ее было даже грешно»⁸⁴⁹.

Компонент ‘Божий’ отражен в следующих названиях:

jumalan kasse – букв. ‘Божье + наказание’: ливв. *jumalan kasse* (Олонец). Финский языковед Я. Калима предполагал, что вторая часть указанного наименования является русским заимствованием: *kasse* < русс. наказать, казать. По мнению финляндского этнографа И. Маннинен, *jumalan kasse* (фин. *Jumalan rangaistus*) хорошо подходит для обозначения заболевания оспа, т. к. оно считалось насланным именно Богом в качестве наказания⁸⁵⁰.

⁸⁴⁶ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990. С. 315.

⁸⁴⁷ Karjalan kielen sanakirja. V. Helsinki, 1997. S. 585; Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa VI. Helsinki, 1994. S. 144.

⁸⁴⁸ Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Helsinki, 1958. S. 150.

⁸⁴⁹ Лесков Н. Отчет о поездке к Олонецким Корелам летом 1893 г. // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1894. С. 31.

⁸⁵⁰ Kalima J. Eräästä rokkotaudin nimestä // Kalevalaseuran vuosikirja. № 29. Porvoo; Helsinki, 1949. S. 43.

jumalan rubi – букв. ‘Божья + болезнь, оспа, болячка’: ливв. *jumalan rubi* (Ковера, Ляпяккe, Мегрозeро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица) *jumalanrubi* (Ведлозеро, Неккула, Рыпушкалица, Салми); *ospič on Jumalan rubi* – ‘оспа является божьей болезнью’ (Сямозeро) // люд. *jumalanrubi*⁸⁵¹, *n’umalan rubi?* (Михайловское)⁸⁵².

Метафорический перенос присутствует в людиковском наименовании *rokko*: люд. *rokko* // ср. (вепс.) *rok*; (фин.) *rokko*⁸⁵³ (от сущ. *rokka* ‘горох’ + суф. *-o*). Симптомом заболевания являются мелкие прыщики на теле, напоминающие зерна гороха⁸⁵⁴.

К русским заимствованиям относятся лексемы *ospičča*, *ospa*: ск. *ospičča* (Мяндусельга, Паданы, Реболы, Ругозеро); *ospičaz on* – ‘болеть оспой’ (Суоярви); *šuurirubi. A mikä še šemmon’i on? A še šemmon’i pol’šoi takoi ospa onhan pol’ezn’evoloita* – ‘оспа. А что это за заболевание такое? А это тяжелое заболевание такое, оспа, болезненное’ (Кестеньга) // ливв. *ospičči* (Корбинаволок, Лахта)⁸⁵⁵, *ospiči* (Неккула, Рыпушкалица); *panna lapsel’e ospu* – ‘привить ребенку оспе’. Лексемы *ospičča*, *ospičči*, *ospu*, *ospa* относятся к русским заимствованиям оспа (от о-сып-а к сып, сыпати) – сыпная повальная болезнь⁸⁵⁶.

К славянским заимствованиям относится лексема *Ospičča Ivanouna*: ск. *Ospičča Ivanouna* (Вокनावолок), *Ospičča Ivaanouna* (Контокки, Юшкозеро) // ливв. *Ospičč Ivanouna* (Сямозeро) // люд. *mi on, Anna Vasiljouna, suurirubi, Ospičča Ivāouna? Mit’yine se n’umalan rubi?* – ‘а что, Анна Васильевна, это за болезнь оспа, Оспитта Ивановна? Какая она, Божья оспа?’⁸⁵⁷. У сегозерских карелов и людиков зафиксировано наименование Оспа Осиповна⁸⁵⁸. Славянские народы персонифицированному духу оспы, чтобы не рассердить его, оказывали особое уваже-

⁸⁵¹ Полевой материал автора – 32, 33.

⁸⁵² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1968. S. 523; Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa VI. Helsinki, 1994. S. 144.

⁸⁵³ Atlas Linguarum Fennicarum. II. Helsinki, 2007. S. 408.

⁸⁵⁴ Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki. III, 1962. S. 828.

⁸⁵⁵ Полевой материал автора – 24.

⁸⁵⁶ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958. С. 665.

⁸⁵⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. IV, 1993. S. 66; Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa VI. Helsinki, 1994. S. 144.

⁸⁵⁸ Линевский А. М. Карелы // Советская этнография. Вып. 5. М., Л., 1941. С. 98.

ние, почтение, которое выражалось в присваивании личных имен, отчеств, ср. Оспица Афанасьевна, Осп(иц)а Ивановна, Воспинка Осиповна (русс.); баба Шарка, баба Писанка (б.). Такие же представления были распространены у карелов: «*šuu-rekširuvekši ei šanottu, še šanotah Ospičča Ivaanouna jotta še kepiemmästi pitäy, ei ole n' iiv vaikie*» (Контокки) ‘эту болезнь оспой не называли, ее называли Оспитта Ивановна, чтобы она лечилась проще, тяжелой не была’. Карелы и русские, причиной оспы считали нарушение запретов: непочитание оскорбление болезни действием или словом⁸⁵⁹. У северных вепсов, а также у соседних народов – русских, карелов, коми, оспа персонифицировалась в образе женщины. Ее величали Оспа Андреевна или Оспа Ивановна⁸⁶⁰.

Самая старшая сестра, оспа, вызывала самый большой страх у карелов. Когда кто-нибудь в доме заболел оспой, то для нее устраивали торжественный прием. В доме наводился полный порядок: мыли полы и лавки, стелили чистую скатерть на стол и клали лучшую еду на стол. Во время всего нахождения в доме Оспитты, было запрещено смеяться, ссориться, мыть избу, пить вино, топить печь, стирать белье, забивать скот и стричь овец. Охотникам запрещалось ходить в лес, водить корову на случку к быку. Половые отношения между семейными парами были также запрещены. Если запреты нарушались, то Оспитта могла разгневаться и задержаться в этом доме.

Рассказывали, что в д. Кондока отец заболевшего оспой ребенка стал ругать эту болезнь: «*Emättäy, jotta, et tiijä i lähtie kun tulit taloh, ni et t' iijä lähtie!*» – ‘Заклинает/матерится, что не уходишь, раз в дом пришла, то и не уйдешь!’) После этого его семилетняя дочь стала косоглазой⁸⁶¹.

По словам М. Такало (д. Оуланка), оспа считалась повальной болезнью, эпидемией. Ею могли болеть как дети, так и взрослые. Даже знахари были перед нею бессильны. По течению заболевания можно было определить выздоровеет больной или умрет: если волдыри росли внутрь и были багряного цвета, то это к

⁸⁵⁹ Усачева В. В. Оспа // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 576.

⁸⁶⁰ Винокурова И. Ю. Вепский мифологический пантеон в свете некоторых этапов этнической истории народа // Вепские ареальные исследования. Петрозаводск, 2013. С. 188.

⁸⁶¹ Virtaranta P. Vienan kyllä kiertämässä. Helsinki, 1978. S. 228.

смерти, а если волдыри были внешними – это к выздоровлению⁸⁶². Согласно данным олонецких карелов, оспа – одна из самых опасных болезней, которая ежегодно весной «откуда-то, Бог весть знает, заносилось в Олонецкую Карелию». Карелы называли оспу «нежеланной гостьей, настоящим горем всех деревень и сел». Для лечения оспы людиковские карелы применяли два способа: относили больного в баню и парили до тех пор «покуда болезнь не выйдет с криком»; или пекли пирог и кланясь, стоя на коленях около постели больного, упрашивали дорогую гостью, Оспитту Ивановну, смилостивиться и не испортить больному лицо, глаза, руки и не оставить его калекой. Эти данные были собраны Н. Лесковым, который писал о вышеуказанных способах: «первый способ отличается какой-то неразумной дикостью, а другой – отчаянием, равного которому не скоро и сыщешь»⁸⁶³.

Кестеньгские карелы также для исцеления парили больного в бане через одежду из белого сукна.

Муезерские карелы верили, что посланником оспы является леший и избавиться от болезни можно, передав ее обратно. Для лечения они брали воду из ключа, добавляли в нее икру лягушки, овечий помет и мусор с муравейника, расположенного на северной стороне сопки. Все это разогревали, давали больному подержать во рту и затем этой водой обмывали оспины, читая заговор:

Ota, hiisi, hernehesi,

Piru, poime puolukkasi,

Tämän ihmisen ihosta,

Vaivasesta vartalosta.

Jos et sitä tottele,

Tulin poltan tutkaimesi,

*Panuin jälkesi panetan*⁸⁶⁴.

Возьми, Хииси, зерно свое,

Возьми, черт, брусничку свою,

С кожи этого человека,

Из больного тела.

Если ты не послушаешься,

Огнем спалю конечности твои,

Пламенем следы твои сожгу.

(Перевод автора)

⁸⁶² Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 236.

⁸⁶³ Лесков Н. Отчет о поездке к Олонецким Корелам летом 1893 г. // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1894. С. 31.

⁸⁶⁴ Suomen kansan vanhat runot. Osa II. Helsinki, 1927. S. 562.

После этого брали печное помело, обмахивали им тело больного, остатки воды выливали в муравейник, с которого брали мусор.

Как правило, место больного оспой было определено около печи за занавеской. Это было связано с тем, что ему запрещалось смотреть на гостей, разрешалось видеть только вдовцов и вдов. Когда больному подносили пищу, кланяясь, говорили: «*Ospiča Ivanovna, rupi Jumalan luoma, nouse murkinalla!*» – ‘Оспитта Ивановна, оспа, Божье творение, поднимайся на второй завтрак!’ Когда больного вели в баню, Оспитту приглашали с собой, чтобы она помогала парить больного. Вместе с больным в баню запрещалось идти вдовцам и вдовам, бездетным женщинам. Запрещалось в бане и сердиться или ругаться. Если правила нарушались, то Оспитту надо было задобрить: на стол накрывали второй завтрак, состоящий из трех – девяти разных блюд. Затем больного оспой садили за стол, поили, кормили, обхаживая как самого дорогого гостя. Остатки еды разрешали съесть другим детям, проживавшим в этом доме и соседних. После выздоровления больного оспой, Оспитту провожали с почестями: «*Nyt on syöty syömät, juotu juomat, pietty piot parahat. Kun hyvänä vierahana tulit, ta parempana mäne!*» – ‘Теперь съедена еда, выпито питье, проведены лучшие пиршества. Ты как лучший гость пришла к нам, так и уходи как лучший!’ Если семье не было больных оспой, то Оспитту все равно приглашали в гости каждый седьмой год для профилактики заболевания⁸⁶⁵. В дом, где был больной оспой, приходили соседи и приглашали Оспитту Ивановну к себе, надеясь, что, получив приглашение, она не будет такой сердитой (т. е. в их доме не будут сильно болеть)⁸⁶⁶.

У паданских карелов оспу называли только по имени и отчеству: «Марья Ивановна желанная» или «Оспица Матушка», встречая ее добрыми словами. Произнесение слов сопровождали учащенными поклонами и подарками, которые подносили заболевшему, всю еду ему было необходимо попробовать. Остатки даров доедались присутствующими. Больного вели в жарко натопленную баню, парили до полусмерти «выпаривая гостью желанную, а-то матушка бродивши по

⁸⁶⁵ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Porvoo, 1924. S. 60–61.

⁸⁶⁶ Суевория и предрассудки в простом народе // Олонекские губернские ведомости. 1885. № 76. С. 673.

Руси овшивела». По статистике, большинство людей умирали от такого лечения (например, в Паданах в 1876 г. от оспы умерло 19 человек из 32 больных). Жители деревни прокомментировали это так: «Знать, не угодили, Марье Ивановне»⁸⁶⁷.

Суоярвские карелы (д. Поросозеро) сжигали льняное белье или портянки больного, собирали золу, которой смазывали оспины и приговаривали: «*Mistä mierosta tulit, sinne i mane, elä puutu sinä ilmoisena ikänä*» – ‘С какого ты мира пришла, туда и иди, не трогай/не приходи никогда на свете’⁸⁶⁸.

В Тверской Карелии больного оспой ребенка парили в бане, читая заговор. Вернувшись из бани, больного усаживали на почетное место за столом (как и в Северной Карелии), а перед ним (предполагая, что это для оспы) клали, выкрашенное в красный цвет, яйцо со словами: «*Ka tässä siulaš gostinčat*» – ‘Вот, здесь тебе гостинцы’⁸⁶⁹. Жители д. Кондока после парения в бане больного оспой ребенка, угощали там Оспитту чаем с оладьями. Во время чаепития повторяли: «*Ospičč Ivaanovna, Ospičč Ivaanovna, prost’i!*» – ‘Оспитта Ивановна, Оспитта Ивановна, прости!’⁸⁷⁰ У повенецких карелов родители заболевшего кланялись до земли, прося прощения. После пекли для Оспиты пряженые пироги, наливали вино. В период болезни больного парили ежедневно, для засыхания оспенных нарывов на лицо клали горячие блины, тело промакивали или натирали вином или спиртом⁸⁷¹.

Карелы Петрозаводского уезда, напротив, считали, что оспе нельзя тревожить никаким заговором, можно только угощать ее и все желания больного исполнять⁸⁷².

Таким образом, у карелов повсеместно были распространены примерно одинаковые взгляды на оспу и способы лечения в виде задабривания.

Тиф. Среди карелов тиф также считался «гневным» гостем. Лексема *tifu* прослеживается во всех наречиях карельского языка и по происхождению

⁸⁶⁷ Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. Спб, 1877. С. 272–273.

⁸⁶⁸ Suomen kansan vanhat runot. Osa II. Helsinki, 1927. S. 562.

⁸⁶⁹ Лавонен Н. А. Карельская скатерть: ее функции в народном быту и традиционных обрядах // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 101.

⁸⁷⁰ Virtaranta P. Vienan kyliä kiertämässä. Porvoo; Helsinki, 1978. S. 228.

⁸⁷¹ Повенецкие корелы. Их домашний и общественный быт, поверья и предания // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 15. С. 53.

⁸⁷² Суевория и предрассудки в простом народе // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 76. С. 673.

относится к русским заимствованиям (русс. тиф < греч. *typhos* ‘помрачение сознания’)⁸⁷³.

tifu: ск. *kuol'i t'ifua* – ‘он умер от тифа’ (тверской говор) // ливв. *tifu* (Корби-наволоок, Лахта)⁸⁷⁴ // люд. а *D'akku kuoli d'o oli briha – täus tifah kuoli* – ‘а Дякку был уже парнем, когда умер от тифа’ (Михайловское)⁸⁷⁵ // ср. (фин.) *tyufus*.

В некоторых деревнях к тифу относились, как и к оспе: потчевали и уважали. Больного не касались, оставляли одного на произвол судьбы, считая, что в противном случае болезнь рассердится и «пойдет» из дома в дом. Чаще всего такого больного вши заедали, но его все равно не трогали, а только приносили подарки: рыбники, калитки, шаньги и складывали около постели больного в качестве подарка для тифа. В результате такого способа «борьбы» с тифом больной так вшивел, что волосы на голове шевелились от количества ползающих вшей⁸⁷⁶. При брюшном тифе людиковскими карелами отмечались сильные боли в животе: «*meil sanut't'i br'ušnoi t'if, vačan kibištai*» – ‘у нас говорили, что это брюшной тиф, живот болит’⁸⁷⁷.

Паданские карелы в период тифозной эпидемии «отгоняли» болезнь от дома больного, стреляя из ружья рядом с постелью «тифозного». Подобный обряд «пугания» болезни зафиксирован и у вепсов (с. Корвала)⁸⁷⁸.

Для лечения сыпного тифа в Паданском уезде, как и в случае с оспой, больного парили в бане: если его знобило, то парили в жарко натопленной бане до потери чувств; при сильном жаре, трижды опускали в ледяную прорубь. Объяснение этому было следующим: «если ему холодно – надо согреть, а ежели жарко – остудить, вот болезнь и пройдет»⁸⁷⁹.

⁸⁷³ Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998. С. 700.

⁸⁷⁴ Полевой материал автора – 24.

⁸⁷⁵ Баранцев А. П. Образцы людиковской речи. Петрозаводск, 1978. С. 166; Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 297.

⁸⁷⁶ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 22

⁸⁷⁷ Virtaranta P. Luudiläisiä tekstejä. Osa III. Helsinki, 1964. S. 217.

⁸⁷⁸ Виокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 131.

⁸⁷⁹ Зеленин Д. К. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР // Советская этнография. 1941. № 5. С. 120.

Итак, персонификация инфекционных болезней зафиксирована у всех групп карелов. Как показало исследование, способы лечения были построены на задабривании заболеваний (подарки, поклоны) и на заговорной традиции с просьбами об уходе, оставив в покое больного. Эти формы и представления о болезнях как женских демонах (особенно об оспе) являлись русскими по происхождению.

Ночной демон, заставляющий плакать детей

У ребенка часто сбивался режим сна и бодрствования. Карелы из д. Мунозеро считали, что причиной этому были «свои мысли». Как только подумаешь: «*Vain kum miula hyvin tuo lapsi takoau!*» – ‘Как же хорошо у меня ребенок спит!’, так сразу он становится беспокойным⁸⁸⁰. Но большинство карелов были уверены, что духом, заставляющим плакать ребенка, была *yön/itettjä* – букв. ‘ночи + заставляющая плакать’: ск. *yön-itet'jä* (Коргорка, Толмачи), *yönitettjä* (Кестеньга, Корбисельга, Костомукша, Ондозеро), *yönitettjäin'i* (Контокки), *yönitkettjä* (Суйстамо), *yönitkettjäne* (Импилахти); *yönit'et'täini* (тверской говор); *mistäpä se tiijetäh, jotta yönitettjä on?* – ‘откуда вообще знают, что ночница есть?’ (Панозеро) // ливв. *yönitkettäi* (Ковера, Ляпяккe, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица), *yönitkettäi, yönitkettäjän'e* (Салми), *yönitkettäi~yönitkettäjju* (Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро), *yönitkettäjäne* (Сямозеро, Тулмозеро); *ei lapsih yönitkettäjän'e tule* – ‘не приходит к ребенку ночница’ (Салми) // люд. *yön itkettäi* (Михайловское, Пряжа)⁸⁸¹, *yönitkettäjäne* (Виданы)⁸⁸² // ср. (фин.) *yönitkettäjä*⁸⁸³. Необходимо отметить, что в карельском языке наименование *yönitettjä* имеет два значения: 1) болезнь ‘ночница’; 2) мифологический персонаж, дух⁸⁸⁴.

В тверском говоре карельского языка использовали русское заимствование *нощ'ица*: *kyl'vet'ettih yönitušta ka, ot nošn'ici, kyl'vet'ettih*– ‘[в бане] парили от криксы, от ночницы [веником] парили’ (тверской говор)⁸⁸⁵. Персонаж чаще упо-

⁸⁸⁰ Virtaranta P. Vienen kyliä kiertämässä. Porvoo; Helsinki, 1978. S. 153.

⁸⁸¹ Полевой материал автора – 32, 34; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 760; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 418.

⁸⁸² ФА ИЯЛИ 3516/44.

⁸⁸³ Nukysuomen sanakirja. Helsinki. 6,1992. S. 745.

⁸⁸⁴ См., например: Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск, 2000. С. 290.

⁸⁸⁵ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 194–195.

требуется не один, а во множественном числе. В славянской мифологии *ночницы* – это ночные демоны, нападающие на детей (чаще новорожденных) и лишаящие их сна, а также сама вызванная ими болезнь. Термин *ночницы* распространен у всех славян, наряду с наименованиями (в.-слав.) ‘плаксы, криксы, полуночица’; (польск.) ‘*placzki*’; б. ‘ношно’ и т. д.⁸⁸⁶.

Источники происхождения этой болезни на территории расселения карелов различались. По мнению тверских карелов *ночица* приходит из луны/месяца, откуда ее посылает на землю золоторогий хозяин луны/месяца⁸⁸⁷. Людиковские карелы, проживающие в д. Михайловское, были уверены, что *ночица* боится света, поэтому днем ребенок спит спокойно, а ночью, когда свет гасят, она начинает мучить младенца⁸⁸⁸.

Карелы, проживавшие на территории Олонецкого уезда (Ведлозерская волость) считали, что виновником детской бессонницы являются злой *Karu* – ‘плохой, худой, слабый в физическом отношении, больной; черт, леший’ или злой человек, посылающий на ребенка порчу’. Для верующего карела *Кару* был вечным врагом и пакостником, по своему происхождению он являлся представителем злого начала, злым духом. Среди карельского населения относительно *Кару* использовалось и другое название – *Kegno*, но оно редко употреблялось. Карелы боялись называть существ другого мира их именами и поэтому для них все были «*Кару*». Своеобразной защитой (оберегом) младенца от *Кару* были грязные, поношенные отцовские портки. Их вешали на крюк над люлькой, и тогда никакой дурной глаз, никакой *Кару* не могли навредить ребенку (например, п. Калевала)⁸⁸⁹. По сведениям информантов (д. Эссойла), чтобы *ночица* не проникла в дом к ребенку, над всеми дверями мелом рисовали кресты, а на дверные ручки привязывали полотенца⁸⁹⁰.

⁸⁸⁶ Виноградова Л. Н., Толстая С. М. *Ночицы* // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 436.

⁸⁸⁷ Virtaranta P. *Tverin karjalaisten entistä elämää*. Porvoo; Helsinki, 1961. S. 203.

⁸⁸⁸ Virtaranta P. *Luuydiläisiä tekstejä*. Osa VI. Helsinki, 1994. S. 148.

⁸⁸⁹ Из быта и верований корел Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 74, 76. С. 780, 797; Virtaranta P. *Vienan kylä kiertämässä*. Helsinki, 1978. S. 154.

⁸⁹⁰ Полевой материал автора – 41.

Сямозерские карелы видели две причины ночного плача младенца. Первая заключалась в том, что домашние духи от нечего делать нянчили ребенка, отчего он и просыпался среди ночи. В этом случае ребенку в люльку клали зеркало и ножницы, считая, что духи, увидев в зеркале, творящееся у них на голове безобразия, займутся подстриганием собственных волос, а дитя оставят в покое. Под второй причиной подразумевалось то, что ребенка по ночам приходят покачать умершие родственники. Тогда на порог под дверной крючок клали топор острием вверх. При этом произносили приговор: «Как лезвие все рубит, так любую нечисть разрубит».

Универсальным средством магической практики отвлечения ночницы от младенца являлось «поручение» им работы. Верили, что занявшись делом, они перестанут мучить дитя и дадут ему уснуть⁸⁹¹. Подобные способы избавления ребенка от криксы были зафиксированы как у карелов, так и вепсов. Например, тверские карелы (д. Толмачи), для духа болезни втыкали в балку шило (если сын не спал) и веретено (если дочь не спала), произнося «*Yön it'et't'äjä, päivän nagrat-taja, ka t'äššä šiula ruado! A miän lapšella anna spokoja i tervehyš!*» – ‘Ночница, насмешница дня, здесь тебе работа! А моему ребенку дай спокойствие и здоровье!’⁸⁹² Жители с. Воздвиженка втыкали в матицу, сделанную маленькую соху для мальчика и прялочку – для девочки, при этом произнося: «*Yönikka kyndämäh/kezrämäh, a miän lapši maguamah*» – ‘Ночной пахать/прясть, а наш ребенок спать’. У тунгудских и лоухских карелов, если девочка кричала, то под подушкой оставляли ножницы, если мальчик – в изголовье оставляли сделанное из дерева ружье, и говорили: «*Täššä šiulaž ruado, lapši maguakkah spokoissa, a šie piššalin kera rua, omiež ruadojaž*» – ‘Вот работа тебе, а дитя пусть спит спокойно, а ты играй с ружьем, занимайся своими делами’⁸⁹³. Олонецкие карелы (ливвики) привязывали к люльке мальчика недовязанную рыбацкую сеть, а к зыбке девоч-

⁸⁹¹ Логинов К. К. Домашний мифологический «устав» // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 125–126.

⁸⁹² Virtaranta P., Virtaranta H. Kauas läksit karjalainen: matkamuistelmia tverinkarjalaisita kylistä. Söderström, 1986. S. 113.

⁸⁹³ Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск, 2000. С. 290–291; Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 249.

ки – прялку, пучок льна и веретено. Карелы-людики (д. Михайловское) клали девочке под подушку прялку, сделанную из лучины, веретено и очески льна, а мальчику – сетку и шишку от хвойного дерева, при этом произносили: «*Vot täss yön itkettäjäle ruado!*» – ‘Вот здесь ночнице работа!’⁸⁹⁴.

Карелы, проживающие в д. Кучозеро, лечили будиху ночью, чтобы никто не видел. Ребенка клали на порог, накрывали одеялом, хлестали веником и приговаривали: «Бесова бабка, ночная плакса, оберни ночной вопль, ночные дристы, стяку, дай рабому Божьему младенцу (имя) денной спокой, ночной угомон»⁸⁹⁵.

У тверских карелов к заболевшему ночницей ребенку приходили для выполнения лечебного ритуала около десяти вечера. Если болела девочка, то с собой приносили ножницы, кусочек ткани и иглу. Затем трижды говорили: ‘Ночница, пугающая день, я дам тебе работу на ночь и день. Шей ты день и ночь Маше (имя девочки), дай невинному ребенку на ночь и день покой!’

Если болел мальчик, то с собой приносили шило и кусочек кожи и произносили три раза: ‘Ночница, пугающая день, я дам тебе работу на ночь и день. Шей ты Ване (имя мальчика) сапожки, дай невинному Ване-ребенку на ночь и день покой!’⁸⁹⁶.

Из полевых материалов, собранных О. М. Фишман в Тверской обл. следует, что карелы прибегали к помощи и русскоязычного заговора, хотя информанты были полностью уверены, что они произносят заговор по-карельски: «Зóря-зóрница, красная девица, твоя дитя скачет, гулять хочет. Моя дитя плачет, спать хочет». Из этого заговора следовало, что виновником плача младенца считали персонаж русского происхождения под названием зоря-зоряница. Перед произношением этого заговора ребенка выносили на улицу на утреннюю, а лучше вечернюю зарю, за двор дома, чтобы никто не видел. Во время чтения заговора младенца держали на руках и кланялись на три стороны света. Так делали трижды, а на третий раз слова заговора закрепляют тоекратным: «Аминь!» После этого, по-

⁸⁹⁴ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa VI. Helsinki, 1994. S. 148.

⁸⁹⁵ Бубновский М. Заговоры карел // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1919. № 10. С. 221.

⁸⁹⁶ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki, 1961. S. 203–204.

вернувшись через левое плечо, относили ребенка в дом⁸⁹⁷. Нам удалось найти карельский вариант подобного заговора в большом объеме (с. Воздвиженка): ‘Вечерняя заря, утренняя заря, твое дитя плачет играть хочет, а мое дитя плачет спать хочет. Ночь и полночь, день и полдень, беззаботному мало заботы, незнающему мало знать о правой душе младенца’. Этот заговор произносили во время парения ребенка в бане⁸⁹⁸.

Русское влияние первоначально касалось вербальной части обряда. Среди тверских карелов бытовали и такие заговоры, в которых текст был наполовину карелоязычный, а наполовину русскоязычный. Например, жители д. Большое Плоское клали на край детской колыбели нож таким образом, чтобы острие виднелось из нее (ночница придет и досадится). В это же время произносили:

<i>Rubien mie puhaštamah pel- vaštamah</i>	Буду я чистить, очищать как лен,
<i>oigieda hengie blad'enčua,</i>	правильную душу младенца,
<i>utren'n'aja zar'a Darja,</i>	утренняя заря Дарья
<i>večern'aja Marja,</i>	вечерняя Марья,
<i>i polunočnaja i poludnevnaja,</i>	и полуночная и полудневная,
<i>tvoja d'it'a</i>	твоя дитя
<i>hočet gul'at',</i>	хочет гулять,
<i>a miun oigie hengi</i>	а моя правильная душа
<i>hočet spat</i> ⁸⁹⁹ .	хочет спать.

(Перевод автора)

В Южной Карелии для *ночницы* вязали веник и оставляли в углу с расчетом, что она, заигравшись с листочками, забудет о ребенке.

Карелы Беломорской Карелии для лечения *yönitkattäjä* искали сон ребенка в печи, перебирая кочергой угли. У перебирающего спрашивали: «*Mitä sieltä ečit?*»

⁸⁹⁷ Фишман О. М. Знающая – больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Вып. 2. Петрозаводск, 2009. С. 158.

⁸⁹⁸ Михайловская М. В. Карельские заговоры, приметы и заплачки // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Л., 1925. Т. V. С. 614.

⁸⁹⁹ Virtaranta P. Tverinkarjalasta parannustietoa // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 232–233.

– ‘Что ты ищешь там?’. Он отвечал: «*Unta eċin lapsella!*» – ‘Сон ищущу ребенку!’ Используя кочергу, искали сон и под скамейкой. Это делала сама мать ребенка. На задаваемые вопросы во время ритуального действия, надо было отвечать со злостью (д. Куйваярви).

В Калевальском районе (д. Бабья Губа), собранный с пола мусор, кипятили в той воде, которой мыли окна, двери, иконы. Затем мать с ребенком на руках перешагивала через порог подполья, а затем клала его на этот порог. Дитя начинала обливать приготовленной теплой водой. В это же время кто-нибудь из членов семьи водил граблями под лавкой. Поливающий ребенка человек начинал с ним диалог: «*Mitä eċit?*» – ‘Что ты ищешь?’ – «*Ka yönitettäjeä*» – ‘Дак ночницу’) – «*No sieläkö se on?*» – ‘Но там ли она?’ – «*Teälä se on?*» – ‘Здесь’ – «*Ka mie teältä lähön annan!*» – ‘Дак я прогоню ее оттуда’. После этого ритуала ребенок спал спокойно⁹⁰⁰.

У тихвинских карелов (д. Коргорка) знахарка изгоняла будиху с помощью мусора. Для этого она подметала избу в обратном порядке, клала мусор под кровать и говорила: «*Yön šie itettäjä, elä šie košše raba božeida, poigua al tytttyä šielä, kumman on lapši, a na šiula elozet, na šiula vaštane, elä košše raba božeida*» – ‘Будиха ты ночная, не тронь ты рабу Божию (мальчика ли или девочку), на тебе добро, на тебе веник, а рабу Божию не трогай’. Вместо мусора под кровать могла положить и ножницы для стрижки овец⁹⁰¹. Способ «сор мести» в лечении будихи считался самым действенным среди карелов и русских. Зачастую это сопровождали сильным и громким ругательством матерными словами: «из души в душу матиться». Только после этого клали под матицу соху, сделанную из лучинки, или прялку с куделью⁹⁰².

Некоторые родители, не веря в успех приговоров или не зная их, обращались за помощью к знахарям, а в сложной ситуации и к колдунам. Олонецкие ка-

⁹⁰⁰ Virtaranta P. Vienen kansa muistelee. Porvoo; Helsinki, 1958. S. 152, 153–154.

⁹⁰¹ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 243.

⁹⁰² Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М. 2003. С. 307.

релы в случае бессонницы мыли ребенка водой, скаченной с дверной тяги⁹⁰³. Держанские карелы (д. Семеновское) использовали дверную ручку: набирали воду в рот и пропускали через ручку. Затем каждый вечер мыли лицо младенца⁹⁰⁴. Такой же способ лечения был широко распространен у вепсов.

Некоторые из жителей д. Бабья Губа говорили, что ничего нет опасного в том, что ребенок часто плачет: «*Itkönöy – ka kaunehempi tulou!*» – ‘Плачет – красивее будет!’⁹⁰⁵.

Таким образом, названия духа, заставляющего ребенка плакать, различались у карелов. Способы изгнания и задабривания были идентичными.

9. Болезни от людей или насланные людьми заболевания

Отдельную группу болезней составляют заболевания от людей, т.е. насланные путем проклятия, зависти или проявившиеся в результате приворота, порчи, сглаза.

Паралич

Для называния паралича карелы использовали девербальные наименования, которые были образованы от глагола *hullavuo* ‘парализоваться’:

hullavos: ливв. *hullavos* (Сямозеро) (от слов. осн. глаг. *hullavuo*→*hullavu-* ‘парализоваться’ + суф. *-os*).

hullavunda: ливв. *hullavunda* (Сямозеро) (от слов. осн. глаг. *hullavuo*→*hullavu-* ‘парализоваться’ + суф. *-nda*).

hullavus: ск. *olet kui hullavuksis* – ‘ты как парализованный’ (Суоярви) // ливв. *hullavus hoiven’i* – ‘паралич отступил’ (Сямозеро); *hullavus* (Неккула, Рыпушкалица) // люд. *hulvaidus*⁹⁰⁶ (от слов. осн. глаг. *hullavuo*→*hullavu-* ‘парализоваться’ + суф. *-us*).

Было зафиксировано заимствованное из русского языка название ***paraličču***: ск. *prol’ičča otti* – ‘параличом разбило’ (тверской говор) // ливв. *paraličču*;

⁹⁰³ Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 189.

⁹⁰⁴ Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 229.

⁹⁰⁵ Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Porvoo; Helsinki, 1958. S. 154.

⁹⁰⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1968. S. 327; Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki. I, 1978. S. 53.

paral'ičču~parol'ičču (Сямозеро); *paraličaz viruu* – ‘он лежит парализованный’ (Неккула, Рыпушкалица) // люд. *paral'ic*⁹⁰⁷ // ср. (фин.) *paralysis*.

У карелов паралич считался самой тяжелой болезнью, которую на человека насылали. По причине парализованности человек мог потерять речь: «*hullavundoa n'i pajist ei voi*» – ‘он не может говорить из-за паралича’ (Сямозеро). Исходом данного заболевания могла стать смерть: *toizen kerran hullavos kuol' äski* – ‘а на другой раз он умер от паралича’ (Сямозеро)⁹⁰⁸. Молодого парня мог разбить паралич вследствие приворота его девушкой. Приворот с помощью добавки в пищу молодого человека капле крови от менструаций являлся самым грешным и сильным. Такой способ присушки «убивал судьбу» парня, делая его навсегда несчастным. Другим способом насылания паралича было пожелание этой болезни злым человеком. Так, например, женщины во время ругани друг с другом в числе всяких плохих пожеланий желали и паралич⁹⁰⁹.

По более древним представлениям, эту болезнь не насылали, а она могла быть «своей». Эти данные можно подтвердить наименованием *ičhiine* ‘паралич, родимчик’, распространенным в вепском языке (ср. кар. ливв. *iččehine* ‘свой, собственный; относящийся к человеку’). По древним представлениям финно-угорских народов у человека существовали две или несколько душ, болезнь паралич связывалась с уходом от человека одной из душ – души-тени *iče*, которая сопровождалась потерей сознания. Позднее у вепсов появление болезни интерпретировалось по-новому, как Божья кара за разрешение христианских святынь: крушение человеком крестов, часовен или церквей⁹¹⁰.

Способов лечения паралича не было найдено. Скорее всего, данный недуг считали неизлечимым в силу его тяжести.

⁹⁰⁷ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990. С. 256; Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 219; *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki. IV, 1993. S. 158; Kujola J. *Lyudiläismurteiden sanakirja*. Helsinki, 1944. S. 300.

⁹⁰⁸ *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki. I, 1968. S. 327.

⁹⁰⁹ Лесков Н. Отчет о поездке к Олонецким Корелам летом 1893 г. // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1894. С. 516.

⁹¹⁰ Винокурова И. Ю. Религиозно-мифологические представления о происхождении болезней в народной медицине вепсов // Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования. Петрозаводск, 2016. С. 205–206.

Проклятие

В собственно-карельском и ливвиковском наречиях карельского языка используется девербальное наименование *kiro*: ск. *kiro* (Иломанси, Калевала, Контокки, Корбисельга, Реболы, Ругозеро, Суйстамо, Тунгозеро, Юшкозеро); *ei hebo kyndäjän kiroh kuole* – ‘лошадь умирает не от проклятий пахаря’ (Реболы) // ливв. *kiro* (Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро) // ср. (фин.) *kiro, kirot*⁹¹¹ (от слов. осн. глаг. *kirota*→*kiruo*- ‘проклинать’ + суф. –*o*).

В представлениях карелов д. Оуланка причиной всех внутренних болезней являются *kiro*: заболевший был проклят другим человеком. Например, это могли сделать посредством земли, взятой с могилы. Такое проклятие нельзя было вылечить: «*kalmanmullat ovat ihmisen sisässä*» – ‘могильная земля находится внутри человека’, поэтому человек бессилён перед ним⁹¹². Калевальские карелы (д. Войница) считали, что чаще всего *kiro* приставало летом, проявлялось в послеобеденное время и усиливалось к полуночи, после чего начинало отступать. Карелы утверждали, что *kiro* быстро прицеплялось к чувствительным и впечатлительным людям. Человек заболевал проклятием в том случае, если он услышит ругань и ссору других людей и впечатлился/расстроился из-за этого. Сами ругающиеся не заболевали, так как они были злыми и агрессивными во время ссоры. Их проклятия летали в воздухе и «ударяли» по невинному слушателю. Заболев этим недугом, человек слабел, у него ломало все части тела, и вся его жизнь становилась сплошным страданием.

Эта болезнь могла насылаться людьми друг на друга, например, во время их ссоры, т. е. *kiro* вызывалась проклятием, ругательством, заклинанием или плохими пожеланиями. От проклятия начиналось себя плохое самочувствие головная или зубная боль, ломота. Больной становился вялым, появлялось быстрое утомление. Самым страшным исходом считались слепота или образование горба⁹¹³. Среди вепсского населения бытовали такие же представления. По мнению вепсов, ру-

⁹¹¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 215.

⁹¹² Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 241.

⁹¹³ Virtanen L. Suomalainen kansanperinne. Helsinki, 1999. S. 264.

гань людей приводила к появлению чирьев, нарывов и других кожных заболеваний⁹¹⁴. Однако название *kiro* у них не было зафиксировано.

Беломорские карелы для исцеления обращались к знахарю: *ne (tietäjät) kaikešta še jott ois ollut kellä kirot, kirolaista parennettih* (Контокки) ‘знахари лечили тех, у кого были проклятия’⁹¹⁵. Он отводил больного к водопаду, хлестал его там веником, сделанным из веток трех деревьев, и приговаривал:

<i>Turjan koskehen kovahan,</i>	В водопад могучей Турьи
<i>pyhän virran pyörtiehen,</i>	В водоверть реки священной,
<i>kunne puut tyvin mänöö,</i>	Сосны мощными корнями
<i>latvoin lakkapeät petäjät.</i>	Дерева широкой кроной.
(д. Войница) ⁹¹⁶	(Перевод Е. В. Каракина)

Ребольские карелы (д. Реболы) для избавления от *kirot* клали на камень водопада грязную рубаху женщины-роженицы, а лучше содержанки или сожительницы. На эту рубаху укладывали больного и хлестали его веником, сделанным из веток девяти разных деревьев, обдавали водой из водопада и произносили заговор. Если больному так плохо, что он не может попасть к водопаду, то брали оттуда камень и проводили лечебный ритуал дома, после чего возвращали камень на место. Воду, которой обмыли больного, выливали в заранее сделанную ольховую лодочку и отправляли на север по течению реки, приговаривая: «*pohjolan kirumäkeen ja turjan koskeen kovaan*» – ‘на большую гору более и в водопад могучей Турьи’⁹¹⁷.

Сглаз (призор), порча

Уже с глубокой древности люди верили в силу «плохого» глаза, от которого происходили всякие несчастья и болезни. Некоторые группы карелов (например, поморские, держанские и толмачевские карелы) силе влияния дурного глаза отдавали главное место. Человек себя плохо чувствовал, не спал, не ел, не мог тру-

⁹¹⁴ Семакова И. Б., Рогозина В. В. Материалы по традиционной медицине вепсов (мифологический аспект) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы. Петрозаводск, 2006. С. 305.

⁹¹⁵ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 215.

⁹¹⁶ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Porvoo, 1924. S. 67.

⁹¹⁷ Suomen kansan vanhat runot. Osa II. Helsinki, 1927. S. 533.

даться, перестал ладить с родными, у него было плохое настроение – обозначало то, что его сглазили.

Для обозначения «сглаза» в карельском языке распространено несколько терминов, которые образованы от глаголов по средствам суффиксов *-us/-ys* со значением названия или результата действия:

silmävys, silmäys: ск. *silmävys* (Суоярви, Тихтозеро), *silmäys* (Кестеньга, Суйстамо, Тихтозеро), *šilmäyš* (Калевала); *šillä keinoin šilmäykšestä parennettih* – ‘таким способом от сглаза лечили’ (Контокки) // ливв. *silmävys* (Сямозеро); *(olla) silmävyksis* – ‘(быть) сглаженным’ (Салми) // люд. *silmävys* (Пряжа, Святозеро)⁹¹⁸ (от слов. осн. глаг. *silmätä*→*silmyä-*, *silmiä-* ‘сглазить’ + суф. *-ys, -vys*).

suuvellus: ск. *šuuvelus* (тверской говор); *oliko suuvellusta?* – ‘было ли такое, что сглазят (ребенка)?’ (Панозеро); *šuuveluš* (Беломорская Карелия) (от слов. осн. глаг. *suuvella*→*suuvvele-* ‘сглазить, навести порчу’ + суф. *-us*).

virtytys: ливв. *virtytys* (Ковера, Ляпякке, Мегрозеро, Михайловское, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица)⁹¹⁹ (от слов. осн. глаг. *virtyö*→*virty-* ‘подвергнуться сглазу, порче’ + суф. *-ys*).

Вышеуказанные наименования используются как для обозначения сглаза, так и призора среди карел, проживающих на территории Карелии. В тихвинском говоре карельского использовались различные наименования: *rikoš* ‘порча’, *šuuveluš* ‘сглаз’. В вепском языке также есть различия: лексемой *portež* называли ‘порчу’, *prizor* – ‘сглаз’. По поверьям, порчу насылали колдун, мстительные и завистливые люди, она всегда была продумана, а сглаз носил непреднамеренный характер⁹²⁰.

С самого рождения ребенка карелы принимали все предостерегающие от сглаза меры. Новорожденного купали в воде на месте рождения, в которую клали ртуть, веря, если ртуть невозможно взять пальцами рук, то и недуги не тронут

⁹¹⁸ Полевой материал автора – 38; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 388.

⁹¹⁹ Полевой материал автора – 54, 55.

⁹²⁰ Винокурова И. Ю. Религиозно-мифологические представления о происхождении болезней в народной медицине вепсов // Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования. Петрозаводск, 2016. С. 206.

младенца. При этом олонецкие карелы произносили: ‘Праведная вода! Вымой и отбели и вычисти душу младенца. Пусть выйдет он с моих рук таким же чистым, как из матери вышел, и пусть будет таким чистым всю жизнь’⁹²¹. Карелы Сямозерья использовали сажу в качестве оберега от сглаза: мазали сажей лицо младенца, думая, что «ребенок будет черный, а черного не смогут сглазить»⁹²². Ими различалось три вида детского сглаза: от чужого человека; от родных; с ветру.

Собственно-карелы (например, д. Панозеро) верили, что пока новорожденный спал в люльке, он был больше всего подвержен призору, который по народным представлениям, являлся причиной многих детских недугов. Например, в одном из заговоров, бытовавшем на территории проживания тверских карелов, причина появления у ребенка золотухи (кар. *zolutuha*) объясняется сглазом или порчей: ‘Сглазы, порчи смуглолицых...’⁹²³. Карелы Петрозаводского у. были уверены, что причина опрелостей (кар. *heldites*) была именно в сглазе⁹²⁴. Карелы д. Контолки считали, что расстройство желудка (кар. *ripuli, paska*) у младенца начиналось по причине сглаза: «*häntäluu on veäntyt tahi on šuuveltu, šanottih kul lapši tuli ripulilla tahi okšenti...*» – ‘если у ребенка был понос или тошнота, это обозначало, что у него хвостец (прим. автора – копчик) вывихнут или его сглазили...’⁹²⁵. Любой человек мог сглазить ребенка тем, что умышленно или нечаянно выразивший зависть, восхищение ребенком. Мать могла определить сглазили ребенка или нет. Для этого она трогала языком лоб малыша: если лоб был соленый – его сглазили (д. Толлорека)⁹²⁶. Сглаженный ребенок худел, его слабило, не спал⁹²⁷. Сглаз взрослого проявлялся в следующем: придя «с народу», человек лежал в лежку,

⁹²¹ Никольский В. Суеверные приметы Олонцких карел при рождении младенца // Олонцкие епархиальные ведомости. 1908. № 16. С. 371.

⁹²² Логинов К. К. Родильная обрядность и способы лечения младенческих недугов // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 251.

⁹²³ Фишман О. М. Знающая – больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Сборник статей памяти Ю. Ю. Сурхаско. Вып. 2. Петрозаводск, 2009. С. 155.

⁹²⁴ Суеверия и предрассудки в простом народе // Олонцкие губернские ведомости. 1885. № 75. С. 666.

⁹²⁵ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 113.

⁹²⁶ Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Porvoo; Helsinki, 1958. S. 158.

⁹²⁷ Предания и поверья в Массельско-Паданском приходе Повенецкого уезда // Олонцкие губернские ведомости. 1870. № 55. С. 602.

ничего делать не мог. Быстрее всего сглаз приставал к тому, кто боялся стать сглаженным.

Излечение сглаженного ребенка чаще всего происходило обливанием водой, которую заговаривали или той, в которую что-нибудь добавляли. У прибалтийско-финских и славянских народов соль считали как средством лечения, так и оберегом от сглаза⁹²⁸. Карелы д. Вешкелица, когда сглаженный ребенок не спал и капризничал, ему клали под подушку соль в тряпочке или умывали водой, в которой растворяли три крупинки соли.

Карелы Беломорской Карелии избавлялись от сглаза следующим образом: складывали в решето (или дуршлаг) ножи, вилки, ложки. Затем наливали в таз воду. Ребенка держали под решетом, обливали его водой, после пеленали и укладывали спать на предпечье. После трех дней проведения ритуала ребенок выздоравливал (д. Костомукша, Панозеро, Толлорека).

Призор от чужого человека излечивали, обмывая грудь, руки и лицо младенца святой водой или той водой, в которую складывали всю, оставшуюся после обеда, посуду. При этом произносили: «Как я помыла посуду, так пусть и сглаз смывается». Иногда глаза ребенка обмывали теплой чистой водой перед сном, и он выздоравливал. Если ребенка сглазил родственник своей похвалой, то ребенка обливали водой слитой в таз крест-накрест с четырех углов обеденного стола. Стол каждый раз наклоняли и каждый раз приговаривали: «Как убралась посуда, так и убрался сглаз». Затем обливали ребенка. Такой способ использовали и толмачевские карелы. Кроме углов стола, они обмывали и ручки дверей, произнося: «Мою я сглазы и порчи, плохие взгляды темнокожих, белокожих и краснощеких людей. Дайте моему Божьему созданию, ребенку здоровье!»⁹²⁹.

Олонецкие карелы использовали разные способы лечения сглаза, они зависели от формы тяжести недуга. При легком нездоровье от призора ребенка следо-

⁹²⁸ См., например: Пьянкова К. В. Соль // Славянские древности. М., 2012. Т. 5. С. 113–119.

⁹²⁹ Конкка А. П. Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик. Народная медицина. Знахарство и колдовство // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 388; Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Porvoo; Helsinki, 1958. S. 158–159; Virtaranta P. Vienan kyliä kiertämässä. Porvoo; Helsinki, 1978. S. 245.

вало «померять». «Меряли» обычно в бане. Преимущественно это делала мать или бабка-знахарка, которая специально обучалась этому искусству. «Меряние» происходило следующим образом: меряющая садилась на порог, лицом внутрь бани. Ребенка, которого меряли, она клала на колени, животом вниз, ногами вправо, головой налево. Затем брала его правую руку и левую ногу и соединяла на мгновение за спиной ребенка, стараясь в тоже время, плюнуть через левое плечо. Так делали три раза. К «мерянию» прибегали часто, т. к. эта процедура была несложной. Если ребенок не спал, сглазили его или случилось с ним что-то непонятное, его «меряли». Также часто использовали «обливание», суть которого была в следующем: совершающая обряд женщина, набирала воду в рот из рукомойника, подносила ребенка под дверную ручку и сквозь нее опрыскивала водой. После этого другая женщина брала веник, которым подметали пол, хлопала им ребенка, имитируя парение в бане. Кроме «обливания» и «меряния», использовали еще такое средство: ребенка несли в натопленную баню, мать поднимала левую ногу и ставила ее на ступеньку полка. Знахарка подавала ей больного дитя под ногой, слева, а мать принимала его справа, обносила сверху колена и возвращала бабке. Так делали трижды. В некоторых деревнях «обливание» сглаженного ребенка проводили по-другому: приносили речную или озерную воду, которую разливали по трем горшкам. Водой из первого горшка мыли иконы, из второго – углы стола, из третьего – дверные скобы и оконные стекла. Затем всю воду сливали вместе и обливали ребенка через решето под дымовой трубой. Еще одним способом избавления дитя от призора среди карелов-ливвиков было «повертывание ребенка вниз головой под матицей: напарив и намыв дитя, бабка или мать и вертели его за ноги вниз головой так, чтобы он пятками мог коснуться саженой банной матицы. При этом бабка произносила: *«Magada ku kylyn selge, älä tiedä ni tulijad, ni mänijäd»* – ‘Спи, как матица, не знай ни приходящих (в избу), ни уходящих’⁹³⁰.

⁹³⁰ Лесков Н. Отчет о поездке к Олонецким Корелам летом 1893 г. // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1894. С. 29, 30.

В магических ритуалах, сопровождающихся обязательным чтением заговоров, карелы также использовали воду и соль. Жители д. Войница обливали ребенка через решето на пороге в подпол или избу, произнося:

*Kenen ollet keksinnöissä?
Kun ollet sulasanoissa,
naisten noarojen sanoissa,
hivuspitkän pinnehissä,
miesten mieliarveluissa,
joughileukojen joruissa,
kuisuijen suuteluissa,
ken lienöy katehin kaçon,
silmin kieroin keksin,
silvät vettä vuotoa,
rasvana rapettoa,
tuoh tuimaseh tuleh.*

Кто наслал тебя?
Когда ты в сладких речах,
На устах у потоскух,
В болях длинноволосых,
В думах ли мужских,
В сплетнях бородатых,
В порче грязноротых,
Кто косо посмотрел,
Кто с завистью наговорил,
Пусть глаза его кровью истекут,
Жиром вытекут,
В то пламя испепеляющее.

(Перевод Е. В. Каракина).

Был у них и другой способ лечения: ребенка садили на место роженицы, один из родителей (если лечили девочку, то мать, если - сына, то отец), проходя мимо, произносил:

*Kun suulla suuvellah,
ni persiellä peäissetäh!⁹³¹*

Когда ртом сглазят,
Задницей освободят (спасут)!

(Перевод автора)

У разных групп карелов при снятии сглаза или оговора с ребенка обращались к мытью стола. Углы стола мыли в виде креста, затем этой водой мыли глаза ребенка, произнося: «*Kui stolas lijat pakuttih, mugai lapses pakuttahes...*» – ‘Как грязь сошла со стола, так пусть с ребенка сойдет...’. После клали дитя в люльку. Иногда стол не мыли, а водили сосудом с водой по углам крестообразно. Тверские карелы такую воду дополнительно переливали через дверную ручку в дру-

⁹³¹ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Porvoo, 1924. S. 50.

гую посуду, окатывали сглаженного ребенка, произнося трижды заговор: ‘Смою призоры и сглаз чернолицых, светлолицых, краснолицых. Дайте моему рабу Божьему ребенку здоровья’⁹³².

Жители д. Кучозеро обливали младенца водой, которую черпали из трех прорубей, приговаривая: «Господи, помилуй». Набрав воду в посудину, примечали – «шевелится» она или нет. Если «не шевелится», то выливали и набирали другую, иначе дитя не поправится⁹³³. Людиковские карелы, обливая младенца, произносили трижды заговор (д. Галлезеро):

*Veži kuningas kuldaine,
pežid muad, pežid veded,
pežit kangahad i kandod,*

*pežit siledad i kird'avat kived
peze t'ämä raba vlad'enč
sem pu:htahaks mim
puhtaz on lähtenu iżaz da emäs*⁹³⁴.

Золотой король воды,
ты мыл земли, мыл воды,
мыл пески, покрытые вереском
пни,
мыл гладкие и цветные камни
умой этого раба Божьего
так чисто, каким
чистым он отправлялся от отца
матери

(Перевод автора)

У повенецких карелов проводили такой же ритуал. Во время обряда матери нельзя было произносить ни слова⁹³⁵.

Как уже было отмечено выше, эти способы лечения использовались при легком недомогании ребенка. При сильном течении болезни карельские женщины собирали *tuulenkobru* ‘ведьмино помело’ березы (для лечения мальчика) или сосны (для лечения девочки) и их вершинки. Для ритуала было достаточно одного пучка ветвей, а вершинок – по крайней мере, девять или трижды по девять. Вершинки срывали с молодых деревьев, которые должны расти на значительном рас-

⁹³² Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск: Периодика, 2000. С. 80–82.

⁹³³ Бубновский М. Заговоры карел // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1919. № 10. С. 221.

⁹³⁴ Virtaranta P. Luuydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. S. 298.

⁹³⁵ Предания и поверья в Массельско-Паданском приходе Повенецкого уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1870. № 55. С. 602.

стоянии (стоя около одного, чтобы не было видно другого). В бане вершинки и пучки ветвей складывали в решето, открывали трубу или отверстие, сделанное посередине потолка для выпуска дима (при отсутствии трубы), ребенка поднимали к отверстию и через решето поливали водой.

При неэффективности вышеупомянутых магических ритуалов, мать младенца прибегала к радикальному средству, которое должно было привести болезнь к какому-либо исходу, т. е. к смерти или выздоровлению. Женщина (не мать ребенка) отправлялась за речной или озерной водой, взяв с собой две деревянные чаши. Придя к воде, она, приговаривая «Господи, благослови!» или «Благослови, Христе!», зачерпывала воды сперва одной чашкой, произнося при этом «*elävy vezi*» – ‘живая вода’, затем другой – «*kuolii vezi*» – ‘мертвая вода’. Надо было запомнить, какая вода, в какой чаше. Придя домой, обе чаши ставили на лавку под образа и никому не говорили, где *elävy vezi*, а где *kuolii vezi*. На каждую чашу непременно клали лучины, чтобы в воду не забрался *karu* ‘черт’ и не испортил лечение. После этого мать ребенка, которая все это время находилась с ним и не знала, где какая вода, подходила и наудачу брала одну из чаш. Если ей попадалась чаша с живой водой, значит ребенок выздоровеет, а если с мертвой – непременно умрет. Однако, какая вода не попала бы, ребенка обязательно ею обливали. Делали это так: женщина с ребенком вставала под лесенкой, по которой спускались в подполье, другая с водой поднималась на третью сверху ступеньку и в промежуток между ними обливала ребенка. Прделав всю процедуру, ждали, выздоровеет ребенок или умрет. Однако, нередко такие «гадания» не оправдывались. Тогда пожилые старожилы говорили, что «в данном лечебном обряде сделали что-то не так, как следовало бы.»⁹³⁶

Карелы верили, что сглаз взрослых появлялся в результате недружелюбного взгляда. В таком случае заболевание было сердечное, а не физическое. Вылечить мог только знахарь окатыванием холодной водой.⁹³⁷

⁹³⁶ Из быта и верований корел Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 75. С. 788.

⁹³⁷ Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 189.

10. Болезни от думы

Согласно полученным данным, в верованиях карелов, некоторые заболевания могли возникнуть, если человек во время какого-нибудь занятия подумал что-нибудь плохое. К данным заболеваниям можно отнести следующие.

Зобная опухоль, увеличение щитовидной железы

Карелы Олонецкой губернии верили, что зоб на шее появлялся в том случае, если попьешь воды из лесного колодца и тут же подумаешь что-то недоброе⁹³⁸. Для обозначения зобной опухоли в диалектах карельского языка использовали следующие наименования.

Метафорический перенос определяется в лексеме **kubu**: ливв. *kazvau kubi kulkuh* – ‘на шее зоб растет’ // люд. (Пряжа) *kubi*⁹³⁹ // ср. (вод.) *kubi, kubo*; (эст.) *kirp*; (вепс.) *kubi*⁹⁴⁰. Основное значение лексемы *kubi* в карельском языке ‘зоб (у птицы)’. Внешнее сходства зоба птицы и увеличенной щитовидной железы предполагает перенос наименования по сходству.

В людиковском и ливвиковском наречиях использовались составные названия: **kubukulku**: ливв. *kubukulku* (Ковера, Ляпяккe, Мегрозeро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица) // люд. *kubukulku* (Михайловское)⁹⁴¹ (*kubi/kulku* – букв. ‘зоб + горло’).

kulkurahku: ливв. *kulkurahku* (Неккула, Рыпушкалица)⁹⁴² (*kulku/rahku* – букв. ‘горло + опухоль’).

Для уменьшения щитовидной железы использовали рациональные способы лечения: лечебные травы.

Помимо зобной опухоли, карелы считали «надуманными», т. е. от думы некоторые другие заболевания:

⁹³⁸ Лесков Н. Доклад о поездке в Олонецкую губернию летом 1892 г. // Живая старина. Вып. 3. СПб., 1893. С. 433.

⁹³⁹ Полевой материал автора – 38; Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990. С. 159.

⁹⁴⁰ Семакова И. Б., Рогозина В. В. Материалы по традиционной медицине вепсов (мифологический аспект) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы. Петрозаводск, 2006. С. 303; Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. I, 1992. S. 446.

⁹⁴¹ Полевой материал автора – 32, 33.

⁹⁴² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 424.

- ячмень (кар. *koirann'anni*) вскакивал в том случае, если человек, посмотрев в колодец, замечал там тень и думал: «...*eiköhän tuosta mitään tule*» – ‘...не пристанет ли чего-нибудь оттуда’. Лечили этот недуг, читая заговор на этот колодец (д. Оуланка)⁹⁴³;

- от думы могли образоваться фурункулы (кар. *raiže, ajamine, ajotus*). Раньше, когда люди ходили вместе в баню или переодевались в одном помещении и замечали фурункулы друг у друга, а потом думали об этом, то нарыв вскакивал и у них. После одного на его месте появлялся другой. Сами не могли их вылечить, только знахарь мог в этом случае заговорить;

- людиковские карелы видели причину появления чахотки (кар. *čahotku*) в надумывании: «*i daže erahile čahotk tartui pahas mieleš*» – ‘и даже чахотка могла пристать от плохих мыслей’ (Галлезеро)⁹⁴⁴.

11. Доспешка

Представления о данном заболевании удалось обнаружить только среди тихвинских карелов: *dospeška*: ск. *ka tuoñe nazjvaiččieččö dospeška* – ‘болезнь такая, называется доспешкой’ (Коргорка). Данная лексема является русским заимствованием: ср. *доспешка* – это случай, нечаянность, беда, болезнь, припадок⁹⁴⁵.

Тихвинские карелы (д. Коргорка) считали, что *доспешка* – это болезнь, которая приставала к человеку, если он упадет или порежется и ойкнет в это время, т.е. можно предположить, что болезнь возникала от испуга.

Для ее лечения брали подсолнечное масло, наливали в бутылку, заговаривали словами «...*izbaft'e raba božeida ka moižešta napast'ista missä buit*» – ‘избавьте рабу Божию от такой напасти’, проводили над маслом ножом крест-накрест и мазали больное место (д. Коргорка)⁹⁴⁶.

⁹⁴³ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 239.

⁹⁴⁴ Virtaranta P. Luuydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. S. 273, 276–277.

⁹⁴⁵ Даль В. И. Толковый словарь русского языка / В. И. Даль. М.:, 2005. С. 218.

⁹⁴⁶ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 240.

У русских был зафиксирован заговор от скорой доспешки, в котором упоминаются и другие разновидности этого заболевания⁹⁴⁷. Судя по тексту данного заговора, русские крестьяне имели совсем другие взгляды на причины появления *доспешки*, что *доспешка* могла появиться от сглаза, на это указывают слова: «от осудища, черного волоса, белого волоса, русого волоса, темного волоса, и всякого нечистого взгляда», а также в любое время года от леса, воды, ветра, встречи на дороге: «от земляной, водяной, ветряной доспешки, от стречника и поречника». Данное русское заимствование имело локальный характер и существовало отдельно от других групп болезней.

12. Икота

Лексемы *nikoittau*, *nikotus*, *nikko* стали использоваться под влиянием русского языка ‘икота, икать, икается’⁹⁴⁸.

nikko/nikka: ск. *nikko* (Кестеньга), *nikka* (Калевала) // ливв. *nikko* (Сямозеро).

nikoites: ск. ливв. *n'ikoitez* (Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро)⁹⁴⁹.

nikotus: ск. *n'ikotuš* (Вокनावолок, Кестеньга, Юшкозеро), *nikoitus* (Суоярви) // ливв. *n'ikoituz* (Сямозеро), *n'ikoitus* (Салми), *n'ikoitus* (Олонец) // люд. *nikoitus* (Пряжа)⁹⁵⁰ // ср. (эст.) *nigutus*, *nikutus*; (вепс.) *ńikištus*; (фин.) *nikotus*⁹⁵¹.

В русской народной культуре икота осознается как результат вредоносного воздействия часто со стороны других людей. Иногда икание приписывают порче или особому нечистому духу, вызывающему икоту⁹⁵². На северо-востоке Архангельской обл. широко распространены рассказы о духах болезней, в первую очередь, об икоте. По поверьям, в виде икоты в человека вселяется некое демоническое существо. Внезапное появление икоты может быть инициировано неожиданным упоминанием именно нечистой силы. Икота передается во время Святков или

⁹⁴⁷ Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым: Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи. СПб., 1885. С. 134.

⁹⁴⁸ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. II, 1995. S. 220.

⁹⁴⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. III, 1983. S. 496.

⁹⁵⁰ Полевой материал автора – 38; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. III, 1983. S. 496; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 211.

⁹⁵¹ Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki. II, 1980. S. 380.

⁹⁵² Левкиевская Е. Е., Толстая С. М. Икота // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 402

при проведении обрядов жизненного цикла человека⁹⁵³. В Архангельской обл. икоту лечили «икотники». Стоит отметить, что наименования «колдуны» и «икотники» использовались как синонимы. В карельской традиции, верования об иррациональном происхождении икоты не зафиксированы.

Самый распространенный способ избавления заключался в том, что выпивали холодной воды (п. Кестеньга, д. Корбинаволоок, Лахта)⁹⁵⁴.

Кестеньгские карелы при возникшей икоте трижды произносили:

Nikko niemeh, mie viemäh!

Икота на мыс, я отвожу туда!

Nikko soareh, mie soattamah!

Икота на остров, я гребу туда!

*Nikko hautah, mie hauvam
partahalla!*

Икота в яму/могилу, я на ее
край!

*Ta Nikolta häntä poikki!*⁹⁵⁵

А я хвост у икоты перерубаю!

(Перевод автора)

Если икоту не удавалось остановить, то у русских эффективным считалось неожиданно напугать икающего или вызвать у него чувство стыда⁹⁵⁶. Такая же традиция была и у карелов. Людики (д. Галлезеро) прибегали к способу неожиданного испуга. У беломорских карелов (д. Суднозеро), если один человек начал икать, то другой ему говорил: «...*mussat villat olet varastan*» – ‘Ой, а я даже и не заметил, что ты украл черную шерсть’⁹⁵⁷.

Таким образом, анализ карельских названий болезней в совокупности с различными этнографическими и фольклорными источниками позволил реконструировать некоторые подгруппы заболеваний религиозно-мифологического происхождения, выделяемые в традиционном мировоззрении карел, и построить существенную часть карельской народной классификации болезней, которая, пусть и в размытом виде, дожила до нашего времени и дает представление о том, как каре-

⁹⁵³ Дранникова Н. В., Разумова И. А. Локальные особенности восприятия нечистой силы (Архангельская область) // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 268.

⁹⁵⁴ Полевой материал автора – 26; Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994. S. 65.

⁹⁵⁵ Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Helsinki, 1958. S. 150.

⁹⁵⁶ Левкиевская Е. Е., Толстая С. М. Икота // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 402.

⁹⁵⁷ Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki, 1958. S. 150.

лы систематизировали и классифицировали мир болезней, который представлялся им враждебным и одухотворенным.

В ходе исследования выделены следующие подгруппы заболеваний религиозно-мифологического происхождения:

1) болезни от природных стихий и объектов (болезни от воды или хозяина воды; заболевания от участка земли; заболевания от леса или лесного духа; заболевания от огня; хворь от дерева; хворь от железа; хворь от камня);

2) болезни, связанные с неблагоприятными погодными условиями (заболевания от холода с основой *viha*; заболевания, насланные погодой с основой *penä*; заболевания от природы с основой *penä*; заболевания от ветра с основой *penä*);

3) болезни от построек или олицетворяющих их духов (болезни от бани; болезни хлева или скотного двора);

4) болезни от соприкосновения с миром мертвых;

5) болезни от несоблюдения правил и норм, регламентирующих поведение человека в быту (заболевания от ногтей);

6) болезни от птиц, животных и насекомых (болезни от птиц: веснушки, куриная слепота, цыпки; укус змеи, нагноение (опухоль) после укуса змеи; болезни от жабы; болезни от собаки: рахит, болезненная худощавость, ячмень, хворь от укуса собаки; болезни от свиньи: свинка, щетинка; болезни от насекомых: болезни от вши, укусы насекомых);

7) болезни от Бога;

8) персонифицированные болезни (эпидемические болезни: холера, корь, краснуха, ветрянка, оспа, тиф; ночной демон, заставляющий плакать детей);

9) болезни от людей или насланные людьми заболевания (паралич; проклятие; сглаз, порча, призор);

10) болезни от думы (зобная опухоль, увеличение щитовидной железы);

11) доспешка;

12) икота.

Комплексное использование источников позволило прийти к выводу о том, что многие болезни этой группы, например, приставшие от природных стихий и объектов или их духов-хозяев, это не какие-то абстрактные болезни, а болезни, имеющие определенные симптомы. Так, симптомами болезней, в названии которых имеется компонент *viha*, могут быть повреждения кожи: раны, ушибы, обморожения, воспаления, нагноения, которые после полученной травмы сильно болели, краснели и опухали. Под болезнью с основой в названии *tuahiine* понималась кожная экзема, *nenä*, как правило, – это какое-то внутреннее заболевание, *hiimosti* – душевно-психическое. Проанализированная лексика вместе с другими источниками свидетельствует, например, о том, что от духа леса приставала не просто болезнь, она могла быть внутренним или психическим заболеванием. Названия болезней от воды указывают на их симптомы – ушибы, кожные и внутренние заболевания. Часто источник передавал человеку через заболевание свои признаки. Например, при болезни от *kalma* наблюдался холод по всему телу и синева на лице – то, что характерно для мертвых.

Одним из основных принципов лечения этой группы заболеваний была магическая передача ее обратно источнику появления (например, цыпки, рахит), что наиболее ярко проявилось в текстах заговоров. Заговоры отличались особой структурой: обращение к носителю болезни, которое характеризовалось либо превосходными определениями, либо негативными; просьбу о прощении и просьбу забрать болезнь.

К числу остальных способов исцеления следует отнести:

- «смывание» болезни (например, хворь от воды, леса и др.);
- «выпаривание» болезни (например, хворь от воды);
- «очерчивание» болезни (например, хворь от участка земли);
- «задабривание» болезни (например, корь, краснуха, оспа, ветрянка);
- «испечение» болезни (например, рахит, ячмень).

Во время всех целительных ритуалов произносились заговоры, позднее – молитвы.

Карельская народная медицина долгое время сохраняла исчезнувшие у соседних народов (русских, вепсов) некоторые архаичные черты. Так, группа болезней религиозно-мифологического происхождения включала большое количество болезней, которые у многих народов связывались с рациональными причинами. Это болезни от железа, дерева, камня, холода и непогоды, от ногтя. Довольно ярким явлением в ней была группа от *kalma*. При этом представления от этой группы были зафиксированы только у карелов Карелии.

Под воздействием православия древняя карельская классификация болезней дополнилась группой заболеваний, которая, по народным представлениям, насыщалась Богом, была Божьим наказанием.

В разное время в народную классификацию болезней вливались новые, представляющие собой различные русские заимствования, которые охватывали всех карелов (икота) или только их отдельные поселения. Эти заимствованные болезни не всегда вписывались в существующие группы в народной классификации (зафиксированная у тихвинских карелов болезнь dospeshka).

§ 4.3. Наименования, причины возникновения и способы врачевания заболеваний естественного происхождения

В параграфе представлены подгруппы заболеваний естественного происхождения, выявленные по данным этнографических и лингвистических источников (словари карельского языка и образцы карельской речи). Рассматриваемая группа заболеваний содержит 11 подгрупп, в основе выделения которых два критерия: реальная причина происхождения болезни и ее анатомическая или симптоматическая топография.

1. Болезни от плохого питания

- Болезни желудочно-кишечного тракта

Боль в животе

vaččataud'i: ск. *vaččatauti* (Вокнаволок, Калевала, Контокки, Тикша), *vaččataut'i* (Кестеньга), *vaččataud'i* (Суоярви) // ливв. *vaččutaud'i* (Сямозеро) // ср. (фин.) *vatsatauti* (*vačču/taud'i*, *vačča/tauti* – букв. ‘живот’ + ‘болезнь’).

vaččavaiva: ск. *vaččavaiva* (Суоярви) // ливв. *vaččuvaivu* (Салми) // ср. (фин.) *vatsavaiva*, *vatsanvaiva* (*vačča/vaiva*, *vačču/vaivu* – букв. ‘живот’ + ‘боль’).

vačankipu: ск. *vačankipu* (Вокнаволок, Калевала, Кестеньга, Ондозеро, Суоярви, Тикша) // ливв. *vačankibu* (Сямозеро) // ср. (фин.) *vatsakipu*, *vatsankipu* (*vačan/kipu*, *vačan/kibu* – букв. ‘живота’ + ‘боль’).

vačankivissys: ск. *vačankivissys* (Вокнаволок, Калевала, Кестеньга, Мяндусельга, Ондозеро, Тикша) // ливв. *vačankivištyz* (Неккула, Рыпушкалица), *vačankivistys* (Салми, Сямозеро)⁹⁵⁸ // ср. (фин.) *vatsankivistys*⁹⁵⁹ (*vačan/kivissys*, *vačan/kivištyz* – букв. ‘живота’ + ‘боль’).

Основная причина боли в животе объяснялась рационально – плохим питанием. Карелы практически не употребляли в пищу хлеб без примесей. Как правило, хлеб пекли, используя наполовину ржаную муку и солому или сосновую кору. Такой хлеб тяжело переносился желудком, вызывая затяжные и сильные боли в животе: «*vačankivus kakardi yön kaiken*» – ‘всю ночь мучала боль в животе’ (Суоярви); «*vačankivus kai vierettel'ih*» – ‘каталась от боли в животе’ (Сямозеро). Иногда подобные боли приводили к сильным запорам или смертельным исходам. Второй основной едой карелов была рыба: соленая, вяленая, свежая, а нередко и испорченная. Употребляя в пищу плохо проваренную и мало просоленную рыбу, карелы страдали глистами или солитерами, которые вызывали мучительные страшные боли в животе⁹⁶⁰.

Для лечения болей в животе карелы использовали различные способы лечения. При появлении болей у маленьких детей сегежские карелы (д. Кучозеро) давали им съесть кусочек мела. Мел является известным средством уже с давних

⁹⁵⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 529.

⁹⁵⁹ Вахрос И., Щербакова А. Большой финско-русский словарь. М., 2006. С. 719.

⁹⁶⁰ Соборнов А. К истории культуры Олонецкой Корелы // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 1. 1875. С. 136–137.

времен, он хорошо поглощает кислоту в желудке, чем снижает вздутие живота и устраняет изжогу⁹⁶¹.

К физиотерапевтическим методам относится прогревание живота. Жители д. Кучозеро для избавления от болей в животе лежали раздетые на горячей печке, клали на больное место горячий котел или бутылку с кипятком, натирали живот горячим камнем от молнии (это небольшие камни разной формы, которые, по преданию, упали с неба во время молнии и хранились у знахарей)⁹⁶².

Для лечения боли в животе карелы чаще всего использовали лечебные травы. Карелы Беломорской и Центральной Карелии пили чай с добавлением сушеной черники, настойку из подорожника (п. Кестеньга, д. Куйваярви); заваренные корни дудника (д. Мяндусельга); отвар соцветий кислицы или щавеля (д. Васильевское)⁹⁶³; выпаривали в чугушке траву-сережки(?) (бордово-коричневая трава с цветочком на конце), затем сушили ее и готовили отвар (д. Коргорка)⁹⁶⁴. Держанские карелы (д. Семеновское, Новое) от боли в животе заваривали чай из сухих семян щавеля, также настаивали на водке корневой клубень калгана (настойка считалась готовой, когда приобретала красный оттенок)⁹⁶⁵. Ливвиковские карелы избавлялись от боли в животе с помощью ягод черемухи или рябины: как сушеных, так и в свежем виде. Также употребляли чагу⁹⁶⁶, настойку из хвои (д. Салми).

Боли в животе лечили также магическими способами. Сямозерские карелы при болезненных ощущениях в животе клали крест в рот, а затем эту слюну проглатывали (д. Сямозеро)⁹⁶⁷.

Вздутие живота

Используемое в карельском языке название является сложным именем существительным: *vačampuhallus*: ск. *vačampuhallus* (Суоярви, Тунгозеро) // ливв.

⁹⁶¹ Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири: // Живая старина. Вып. 4. СПб., 1915. С. 418.

⁹⁶² Бубновский М. Заговоры карел // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1919. № 12. С. 223.

⁹⁶³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 529; Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu, 1994. S. 61; Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki, 1958. S. 158.

⁹⁶⁴ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 307.

⁹⁶⁵ Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 226.

⁹⁶⁶ Mihailova M. Luondon avuttajat // Oma mua. 1996. № 27. S. 4.

⁹⁶⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 528, 529

vačampuhalduz (Сямозеро); *vačampuhalduz laužeñi* – ‘вздутие живота прошло’ (Неккула, Рыпушкалица) (*vačam/puhallus*, *vačam/puhalduz* – букв. ‘живота’ + ‘вздутие’).

Пряжинские карелы от вздутия прикладывали на живот что-либо очень теплое или массажировали живот (д. Корбинаволоок, Лахта)⁹⁶⁸.

Запор

В диалектах карельского языка для обозначения запора использовали деепричастные имена существительные, образованные от глагола *ummoittuo* ‘крепить’:

ummoites: ск. *ummoites kohen'i* – ‘запор прошел’ (Суоярви) // ливв. *ummoites* (Салми), *ummoites~uimoitez* (Неккула, Рыпушкалица) (от слов. осн. глаг. *ummoittuo*→*ummoittu*- ‘крепить’ + суф. *-es*).

ummotus: ск. *ummotuš* (тверской говор); *umoitusta viruo* – ‘страдать запором’ (Суоярви); *ummetus* (Кестеньга) // ливв. *uimoituz* (Неккула, Рыпушкалица), *ummoituz~uimoituz* (Сямозеро) // люд. *umbaiduz* // ср. (вепс.) *umbaiduz*; (фин.) *ummetus* (от слов. осн. глаг. *ummoittuo*→*ummoittu*- ‘крепить’ + суф. *-us*).

Лексема ***umbi*** использовалась в собственно-карельском наречии карельского языка: ск. *umbi kivisteä vačšoa* – ‘живот болит из-за запора’ (Суоярви) // ср. (фин.) *umpi*. В германских языках первичным значением наименования **umbi* является ‘не имеющий выхода, закрытый’⁹⁶⁹.

Для описания проблем с проходимостью кишечника карелами использовались также словосочетания: (ливв.) «*lapsel on kova vačši*» – ‘у ребенка крепит живот’ (букв. ‘у ребенка твердый/крепкий живот’); (ливв.) «*vačan kovendau*» – ‘живот крепит’; (ливв.) «*vačšua kiinittäu*» – ‘крепит (запор)’, (Тверь) «*vačan kiinit't'i*» – ‘живот закрепило’, (ск.) (Калевала) «*vačan kiin'itti*» – ‘закрепило живот’.

Используемые карелами способы лечения запора были ориентированы на смягчение стула. Для этого применяли средства животного происхождения, физиотерапевтические и магические способы. У карелов считалось эффективным

⁹⁶⁸ Полевой материал автора – 26.

⁹⁶⁹ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. III, 2000. S. 372.

выпить при запоре простоквашу (п. Кестеньга). Карелы-людики для облегчения запора делали массаж живота (д. Галлезеро)⁹⁷⁰.

Беломорские карелы от запора пили воду, пропущенную сквозь старую дверную петлю или гортань убитого медведя (д. Бабыя Губа)⁹⁷¹. Дверь и ее части (в частности, ручка и петли) являются объектом оберегательной и лечебной магии⁹⁷². Пропускание воды сквозь отверстие несло магическую, ритуальную нагрузку: как вода протекает сквозь отверстие, так и живот должен «открыться» (ливв. *vačši avavuu* – ‘живот открывается’) (д. Сямозеро). Карелы изготавливали лекарство с ритуальным пропуском воды сквозь отверстие, сделанное в лавке (см. Приложение 2, Рисунок 23). К магическим способам относилось пропускание воды сквозь *utpīrii* (ск.)/*umbīrii* (ливв.) ‘дерево, к стволу которого выросла ветка, образуя круг/полукруг/овал; магический предмет для лечения запора, букв. ‘запорное дерево’ (см. Приложение 2, Рисунок 24). Собственно-карелы (д. Вокнаволок) и карелы-ливвики (д. Суйстамо, д. Сямозеро) использовали *umbīrii* для лечения запора: трижды переливали сквозь него воду и затем выпивали ее⁹⁷³.

Изжога

Большинство наименований, обозначающих изжогу в ливвиковском и собственно-карельском наречиях, являются сложными существительными:

hengenpoltanda: ск. *miula piujuablokalda hengenpoltanda* – ‘у меня от яблок изжога’ (тверской говор) (*hengen/poltanda* – букв. ‘души’ + ‘сжигание’).

ryn'd'ähinpoltanda: ск. *ryn'd'ähinpoltanda* (тверской говор) (*ryn'd'ähin/poltanda* – букв. ‘груди’ + ‘сжигание’).

šiämenpoltanta: ск. *häntä vaivuaui šiämenpoltanta* – ‘его мучает изжога’ (*šiämen/poltanta* – букв. ‘внутреннее сжигание’).

syväimenkačkeroičus: ливв. *syväimenkačkeroičus* (*syväimen/kačkeroičus* – букв. ‘сердца’ + ‘горечь’).

⁹⁷⁰ Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu, 1994. S. 65.

⁹⁷¹ Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Porvoo; Helsinki, 1958. S. 149.

⁹⁷² Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Дверь // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 28.

⁹⁷³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 413.

syväimenpoltandu: ливв. *syväimenpoltandu tuokkuau* – ‘изжога мучает’ (*syväimen/poltandu* – букв. ‘сердца’ + ‘сжигание’).

В ливвиковском наречии изжогу обозначают отглагольным именем существительным *poltandu*⁹⁷⁴ (от слов. осн. глаг. *poltua*→*polta*- ‘обжигать, сжигать’ + суф. *-ndu*).

Кроме того, в карельском языке для называния изжоги использовали словосочетания: (тв.г.) «*hengie poltau*» – ‘мучает изжога букв. душу жжет’⁹⁷⁵, (ск.) «*rintojen korvennuš*» – ‘изжога букв. обжигание груди’⁹⁷⁶, (ливв.) «*vaččua poltau*» – ‘изжога букв. живот жжет’⁹⁷⁷.

Карелы избавлялись от изжоги с помощью минеральных средств и лечебных трав. Пряжинские карелы от изжоги пили соду (д. Корбинаволоок, Лахта)⁹⁷⁸. Все группы карел для лечения изжоги заваривали кипятком бруснику и пили морс.

Колики, острая колющая боль (например, в животе), колотье

По мнению карелов, колотье – это самая плохая болезнь, потому что она всегда приходит неожиданно и застаёт врасплох. Самым распространенным названием колик в диалектах карельского языка является *ailas*: ск. *ailas* (Импиллахти, тверской говор), *ailaz* (Суйстамо); *toaš še miun ailaš tunduu* – ‘снова у меня колики появляются’ (Паданы); *kačč ailahän sain kun mänin* – ‘посмотри-ка, колики появились, когда я пошел’ (Корбисельга); *peäzi ailahis* – ‘вылечился от колик’ (Суоярви) // ливв. *ailahat* (Корбинаволоок, Лахта)⁹⁷⁹, *ailas* (Видлица, Неккула, Олонец, Рыпушкалица, Салми, Тулмозеро); *ailahiz on, ei voi n’i hengitteä* – ‘колики появились, не может даже дышать’ (Сямозеро) // люд. *ailaz*⁹⁸⁰ // ср. (вепс.) *ailaz*⁹⁸¹. Некоторые лингвисты (в том числе, В. Томсен) предполагают, что лексема *ailas* относится к германским заимствованиям, ср. гот. *agls* ‘позорный, неподходящий’;

⁹⁷⁴ Карело-русско-финский словарь. URL: <http://sanakniigu.onego.ru>.

⁹⁷⁵ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 216.

⁹⁷⁶ Русско-карельский словарь. Петрозаводск, 2015. С. 126.

⁹⁷⁷ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 278.

⁹⁷⁸ Полевой материал автора – 26.

⁹⁷⁹ Полевой материал автора – 25.

⁹⁸⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1997. S. 16.

⁹⁸¹ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. С. 24.

aglō ‘недуг, болезнь, угнетенное состояние’; *aglīpa* ‘болезнь, боль’. Л. Кеттунен, в числе других исследователей, считает, что данное наименование заимствовано из германских языков от слова **ail-*, ср.: англосакс. *āl-* ‘огонь’. Финляндский языковед Итконен Э. придерживался мнения, что *ailas* – германское заимствование, восходящее к *aglō* ‘недуг, болезнь, угнетенное состояние’⁹⁸².

Слово *ailas* употребляется в карельских фразеологизмах при обозначении тоски и грусти: (Коткозеро) *rainua ailastu* ‘горевать’ – букв. прижимать колику⁹⁸³.

В некоторых районах Карелии (Суоярвском, Сямозерском) бытовала лексема *ähkky*: ск. *ähky* (Суоярви) // ливв. *ähky* (Сямозеро) // люд. *ähkäiduz* // ср. (фин.) *ähky*⁹⁸⁴, образованная от звукоподражательного междометия *äh* ‘ох, ой’ (во время боли).

Ощущаемые человеком колики в ливвиковском наречии и тверском говоре собственно-карельского наречия обозначали глаголами (ливв.) *pustiä* ‘колоть, чувствовать колющую боль’: «*bokkah pustyä*» – ‘в боку колет’⁹⁸⁵, (тверской говор) *pistiä* ‘колоть, чувствовать колющую боль’: «*kodvan pist’i kyl’geh*» – ‘долго кололо в бок’.

При появлении колик человеку было тяжело дышать: «*ailakšet ranou, jygie hengäht’iä, pis’t’elöy*» – ‘начинаются колики, тяжело вздохнуть, колет’ (тверской говор)⁹⁸⁶. Тверские карелы при коликах в боку или животе обращались за помощью к знахарю, так как верили, что только он может помочь в этом случае. При возникновении колющей боли в груди (области сердца) они считали, что уже никто не поможет, больной обязательно умрет⁹⁸⁷.

Колики лечили различными способами, целью которых было прогревание и усиление кровообращения в области больных мест. Жители д. Аконлахти намазывали больные места мазью приготовленной из шершней⁹⁸⁸. Южные карелы

⁹⁸² Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki. I, 1978. S. 8.

⁹⁸³ Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000. С. 13.

⁹⁸⁴ Новый большой русско-финский словарь / Под ред. М. Э. Куусинена М., 1999. т. 1. С. 443.

⁹⁸⁵ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 292.

⁹⁸⁶ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 11, 210.

⁹⁸⁷ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Helsinki, 1961. S. 212.

⁹⁸⁸ Его же. Vienan kansa muistellee. Helsinki, 1958. S. 149.

(д. Неккула, д. Рыпушкалица) клали на больное место теплую золу⁹⁸⁹. Повенецкие и паданские карелы выпаривали сенную труху (опашки сена) и прикладывали к бокам⁹⁹⁰.

Массажирование больных мест в области груди или боках высушенными частями тела животных практиковалось у собственно-карелов и карелов-ливвиков. Калевальские карелы натирали больное место нагретой медвежьей лапой или мордой, а южные карелы – высушенным свиным пяточком, приговаривая: «*počin kärzä ota kibu!*» – ‘свиное рыло, возьми боль!’ При таком лечении под воздействием массажа усиливалось кровообращение⁹⁹¹. В народной медицине финнов также использовались части медведя (череп, зуб, коготь, кости)⁹⁹².

При кишечных коликах у младенца в Петрозаводском уезде его накрывали куском холста, на котором стояли во время венчания молодожены⁹⁹³

Избавлялись от колик и с помощью заговоров. Сперва брали сердцевину дуба, измельчали ее и клали в воду. Затем из трех кострищ, на которых сжигали самые разные деревья и мусор, собирали золу и смешивали с водой. Эту воду давали пить больному и мазали ею больные места, при этом говоря (д. Хиетаярви):

<i>Olipa ennen neljä neittä,</i>	Были раньше четыре девы,
<i>Neljä neittä, neljä urosta,</i>	Четыре девы, трое мужчин
<i>Yhen niityn niitännässä;</i>	На покосе одного луга.
<i>Minkä niitti, sen haravoi,</i>	Что скосили – то сгребли,
<i>Kaikki karhille veteli,</i>	Все в валки собрали,
<i>Pani saalle suovaselle,</i>	Застоговали в сто стогов,
<i>Tuhannelle tukkuselle.</i>	Тысячу кучек.
<i>Tuli Turjan lappalainen,</i>	Пришел лапландец из Турьи,

⁹⁸⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1967. S. 16.

⁹⁹⁰ Зеленин Д. К. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР // Советская этнография. 1941. № 5. С. 121.

⁹⁹¹ Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. О карельской народной медицине: рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 107; Inha I. K. Kalevalan laulumailta: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa. Helsinki, 1999. S. 61.

⁹⁹² См., например: Mull on kourat kontioltta. Loitsuja ja taikoja. Helsinki, 1986. S. 34–35.

⁹⁹³ Суеверия и предрассудки в простом народе // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 75. С. 666.

*Se poltti porolle heinät,
 Kypenille kyyvätteli.
 Ne kypenet kylvettiin
 Portin Pohjolan eteen;
 Siihen kasvoi kaunis tammi,
 Vesa verratoin yleni.
 Pijätti päivän paistamasta,
 Pijätti kuun kumottamasta,
 Hattarat hasertamasta,
 Pienet pilvet juoksemasta.
 Mies pieni merestä nousi,

 Elkä ollut pienen pieni,
 Eikä ollut suuren suuri:
 Pystyn peukalon pitunen,
 Vaimon vaaksan korkuhinen.
 Astua teputtelevi
 Miesten miekkain teriä,
 Naisten neuloin neniä.
 Hivelevi kirvestänsä,
 Tahkoili tasaterä
 Viitellä hijoimella,
 Kuuvella kuluttimella,
 Seitsemellä sieran päällä,
 Kaheksalla kannikalla.
 Iski puuta kirvehellä,
 Tammea tasaterällä;
 Tuli tuiske kirvehestä,
 Panu tammesta pakeni.*

Сжег дотла сено,
 В искры превратил
 Те искры посеяли
 Перед воротами Похьелы;
 Там вырос красивый дуб,
 Побег несравнимый поднялся.
 Не давал солнцу светить,
 Не давал луне сиять,
 Облачкам двигаться,
 Малым тучкам бежать,
 Маленький мужчина из моря вы-
 шел,
 И не очень маленький,
 И не очень большой:
 С большой палец ростом,
 С женскую пядь высотой.
 Идет, ступает
 По остриям мужских мечей,
 По кончикам женских иголок.
 Поглаживает свой топор,
 Точит ровную лопасть
 Пятью точилами,
 Шестью лопастями,
 Семью брусками,
 Восемью краюшками.
 Ударил по дереву топором,
 По дубу – лезвием,
 Искры посыпались из-под топора,
 Огонь из дуба вылетел.

*Iski kerran, iski toisen,
 Jopa kerran kolmannenkin:
 Pirahti on pintalastu,
 Sen syöstävi mereen.
 Tuota tuuli tutjutteli,
 Meren liekki liekutteli,
 Aalto rannalle ajeli
 Niemeen nimettömähän,
 Nimen tietämättömähän,
 Paikoille papittomille,
 Maille ristimättömille,
 Lapin laajalle perälle.
 Lapin koira, rautahammas,
 Oli rannan juoksennassa,
 Otti lastun koprihinsa,
 Kahtelevi, kääntelövi:
 Tuosta oisi noita nuolen saanut,

 Ampuja pahan asehen.
 Sattui noita kuulemahan,

 Siitä teki noita nuolet,
 Teki turmijon uroon⁹⁹⁴.*

Ударил раз, ударил другой,
 Вот уже и третий раз:
 Отсеклась поверхности щепка,
 Ее бросал в море.
 Ее ветер баюкал,
 Морской ветерок укачивал,
 Волна к берегу пригнала
 На мыс безымянный,
 На мыс неизвестный,
 В места безпоповские,
 Земли некрещенные,
 На бескрайние просторы Лаппи.
 Лапландский пес, железнозубый,
 По берегу бежал,
 Взял он щепку в лапу,
 Разглядывает, переворачивает:
 Из нее колдун стрелу мог бы сде-
 лать
 Стрелок – злое оружие.
 Случилось колдуну услышать
 (это),
 Сделал колдун из нее стрелы,
 Погубил мужчину.
 (Перевод О. Э. Горшковой)

После этого всю оставшуюся воду давали выпить больному, чтобы навсегда избавиться от колик. Таким же способом лечились карелы д. Кушеванда.

⁹⁹⁴ Suomen kansan vanhat runot. Osa I (4). Helsinki, 1921. S. 424–425.

Расстройство желудка, понос

Расстройство желудка карелы обозначали дескриптивными, сложными и исконно прибалтийско-финскими наименованиями:

ripuli: ск. *ripuli* (Импилахти, Контокки, Корбисельга); *ken enzimmäzen nagrehen ottaa, ribulilla tuloo* – ‘кто репу возьмет первым, того проберет понос’ (Корбисельга) // ливв. *ribul'i* (Салми) // ср. (фин.) *ripuli*. Лексема *ripuli* является дескриптивным наименованием, ср. *ripistä, ripottaa* ‘извергаться; капать’⁹⁹⁵.

paskataudi: ск. *paskataud'i* (Суоярви), *paškataadi* (тихвинский говор), *paskataudi* (Суйстамо) // ливв. *paskutaudi* (Сямозеро) // люд. *pasktaud*⁹⁹⁶ // ср. (вепс.) *pasktaud*⁹⁹⁷ (*paska/taudi, pasku/taudi* – букв. ‘понос’ + ‘болезнь’).

šittataud'i: ск. *šittataud'ie viruu* – ‘лежит с поносом’ (Суоярви) // ливв. *šittutaudi* (Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро), *šittutaudi* (Салми)⁹⁹⁸ (*šitta/taud'i, šittu/taudi* – букв. ‘кал’ + ‘болезнь’).

vačannotkuanda: ск. *vačannotkuanda* (Тикша, Тунгозеро) (*vačan/notkuanda* – букв. ‘живота’ + ‘разжижение’).

paska: ск. *paška* (Вокनावолок, Калевала, Кестеньга, Контокки, Паданы, Тунгозеро, Юшкозеро) // ливв. *pasku* (Ковера, Ляпяккe, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица); *pasku* (Ведлозеро, Видлица, Импилахти, Салми, Сямозеро, Тулмозеро); *paskale meni vačči* – ‘у меня понос’ (Неккула, Рыпушкалица) // люд. *pask* (Михайловское)⁹⁹⁹, *pask(e)*¹⁰⁰⁰ / ср. (вепс.) *paskandus*; (эст.) *pask*; (вод.) *paska*; (лив.) *paskā*¹⁰⁰¹. Лексема *paska* относится к исконно прибалтийско-финской лексике¹⁰⁰².

Также о расстройстве желудка ливвиковские карелы говорили «*lapsel vačan notkai*» – ‘у ребенка понос (букв. желудок разжидило)’, «*lapsel on syväin nodrei*» –

⁹⁹⁵ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. III, 2000. S. 82.

⁹⁹⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. IV, 1993. S. 172; Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944. S. 301.

⁹⁹⁷ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. С. 402.

⁹⁹⁸ Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 312.

⁹⁹⁹ Полевой материал автора – 32, 33.

¹⁰⁰⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. IV, 1993. S. 171.

¹⁰⁰¹ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. С. 402; Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. II, 1995. S. 320.

¹⁰⁰² Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki. V, 1975. S. 320.

‘у ребенка стул жидкий’, «*ruohkal kiiselil vačan sordau*» – ‘от недоваренного киселя слабит’¹⁰⁰³.

Из извлеченных из словарей примеров употребляемых лексем видно, что одной из причин расстройства желудка была некачественная или плохо приготовленная пища. Желудочные расстройства у маленьких детей, по мнению карелов, могли возникать от неправильного кормления грудью или раннего прикорма¹⁰⁰⁴. Тверские карелы предполагали, что понос мог начаться на нервной почве из-за сильного испуга: *pöl'l'äštű ših rukah, što paška proimi* – ‘он испугался до того, что понос пробрал’¹⁰⁰⁵. Кроме того, беломорские карелы считали вывихнутый копчик младенца (прим. автора – родовая травма копчика) причиной расстройства желудка у него: «*häntäluu on veäntyт tahi on šuuveltu, šanottih kul lapši tuli ripulilla tahi okšenti, n'i šiiitä kyly lämmitettih ta šielä häntäluu ojennettih*» – ‘при вывихнутом хвостце (прим. автора – копчик) или сглазе, у ребенка появлялся понос или тошнота, тогда затапливали баню и хвостец вправляли’ (Контокки)¹⁰⁰⁶. Из приведенного примера следует, что возникновение поноса объясняли и иррациональными причинами – сглазом.

Самым распространенным способом лечения поноса в карельской народной медицине считалась фитотерапия. Наиболее эффективными были настойки из корня калгана или сушеной черники. Их применяли на всей территории Карелии. Цветущий калган отыскивали на пожнях во время сенокосных работ, выкапывали растение с корнем, мыли, а затем засушивали и хранили в темном, сухом месте¹⁰⁰⁷. Также употребляли отвары и настойки из коры черемухи, ромашки, ольховых сережек, волчьих ягод¹⁰⁰⁸. Тихвинские (д Коргорка) и ливвиковские карелы

¹⁰⁰³ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 341.

¹⁰⁰⁴ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 20.

¹⁰⁰⁵ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 201.

¹⁰⁰⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 113.

¹⁰⁰⁷ Верхний Олонец – поселок лесорубов. М., Л. 1964. С. 83; Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 187; Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977. С. 243.

¹⁰⁰⁸ Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 146; Norvik P. Džoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 226.

(д. Корбинаволоок, Лахта) сушили чагу и добавляли ее в чай¹⁰⁰⁹. Тверские карелы заваривали от поноса сухие крупинки (отцветшего) конского щавеля¹⁰¹⁰, чай из сушеных ягод черемухи (д. Семеновское, Новое). С помощью черемухи лечили понос также в Эссойле (Пряжинский р-н), Олонецком р-не, Ленинградской обл. (д. Коргорка)¹⁰¹¹.

Среди продуктов питания при расстройстве желудка больному рекомендовалось съесть сушеного хлеба (сухари) или выпить рисового отвара (этот способ является поздним, т. к. рис начали выращивать в России лишь в 30-х гг. XVIII в.). Детям давали желток куриного яйца (г. Олонец), (д. Корбинаволоок, Лахта)¹⁰¹².

Олонецкие карелы скребли с потолка сажу или брали толченый уголь, всыпали в рюмку с водкой и выпивали¹⁰¹³.

Рвота, тошнота

В диалектах карельского языка рвоту обозначали девербальным именем существительным: *okšennuš*: ск. *okšennuš* (Вокнаволоок, Калевала, Тунгозеро), *oksennus* (Мяндусельга); *roadoi kui koiran oksennuksen (ts. hyvin huonosti)* – ‘такой же работник, как собачья рвота (т. е. очень плохой)’ (Суоярви); *koira n’äbliäh okšennukšie* – ‘собака слизала рвоту’ (тихвинский говор) // ливв. *oksenduz* (Сямозеро); *oksendus* (Салми); *minä en rubia hänen oksennustu ruokkimah* – ‘я не буду убирать его рвоту’ (Видлица); *kabrasta koiran oksenduksed iäreh!* – ‘убери собачью рвоту!’ (Неккула, Рыпушкалица)¹⁰¹⁴ // люд. (Пряжа) *oksendus* // ср. (вепс.) *oksenzo-ituz*; (фин.) *oksennus*, *oksetus*¹⁰¹⁵ (от слов. осн. глаг. *oksentua*→*oksenta-* (ск.), *oksendua*→*oksenda-* (ливв., люд.) ‘тошнить, рвать’ + суф. *-us*).

¹⁰⁰⁹ Полевой материал автора – 26; Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 322.

¹⁰¹⁰ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 321.

¹⁰¹¹ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 313.

¹⁰¹² Полевой материал автора – 26.

¹⁰¹³ Верхний Олонец – поселок лесорубов. М., Л. 1964. С. 83.

¹⁰¹⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. IV, 1993. S. 22.

¹⁰¹⁵ Новый большой русско-финский словарь. М., 2000. т. 2. С. 1363; Семакова И. Б., Рогозина В. В. Материалы по традиционной медицине вепсов (мифологический аспект) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы. Петрозаводск, 2006. С. 304.

По сведениям информантов Пряжинского р-на (д. Корбиनावолок, Лахта) от тошноты съедали корочку хлеба с солью или промывали желудок (т. е. объясняли отравлением желудка)¹⁰¹⁶.

Ко второй подгруппе заболеваний, составляющих группу **болезней, возникающих от плохого питания**, относится цинга.

В ливвиковском и собственно-карельском наречиях используются наименования *činka*, *čingu*, которые являются русскими заимствованиями (ср. польск. *dziegna* ‘болезнь десен’)¹⁰¹⁷.

činka: ск. *činka* (Вокनावолок, Тихтозеро), *činkka* (Тунгозеро); *činkoa läsiy* – ‘болеть цингой’ (Кестеньга) // ливв. *sit ei l'ijjat čingat tartu rahvahah* – ‘здесь и не пошевелишься, цинга к людям пристаёт’ (Салми); *čingah kuol'i* – ‘скончался от цинги’ (Сямозеро)¹⁰¹⁸.

Цинга – болезнь, возникающая от недостатка витамина С. Она считается одним из самых древних заболеваний. В средневековье цингой часто болели участники северных экспедиций, экипажи парусных кораблей в период длительных плаваний. Массовые заболевания наблюдались во время социальных потрясений: войны, голода. Уже в XVI в. русские мореходы и землепроходцы применяли народные средства для лечения цинги: свежее мясо (особенно оленьё), хвойные отвары и настои и пр.

В XIX в. одной из причин цинги у карелов считалось их проживание на болотистой местности, где соответственно был сырой воздух¹⁰¹⁹. В народных суждениях о цинге отразились, например, следующие признаки: «*činka on ainaštan šiu, jottet mihinä kyheuvu*» – ‘цинга у тебя точно, коли ты не можешь ничего’

¹⁰¹⁶ Полевой материал автора – 26.

¹⁰¹⁷ Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998. С. 784; Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958. С. 1190.

¹⁰¹⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 201.

¹⁰¹⁹ Пошман А. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философском, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении... составленное в 1802 году. Архангельск, 1866. Т.1. С. 169.

(Тихтозеро); «*činkka igen'et puhaldau*» – ‘букв. цинга десна раздувает’ (Тунгозеро)¹⁰²⁰.

Для лечения цинги карелы Беломорской и Центральной Карелии парили больного в жаркой бане или клали на его спину тяжести и заставляли его много двигаться. Это делалось для улучшения кровообращения.

Все группы карелов от цинги исцелялись употреблением большого количества ягод и трав с повышенным содержанием витамина С: клюквы, брусники, морошки, настойки из плодов шиповника, листьев земляники, череды, пили хвойный отвар¹⁰²¹.

2. Болезни от охлаждения, простуды.

- Боли в различных частях тела

Боль в горле, ангина

kulkkumuokku: ливв. *kulkumuokku* (Неккула, Рыпушкалица); *kulkkumuokazon* – ‘он болеет ангиной’ (Сямозеро) (*kulk(k)u/muokku* – букв. ‘горло’ + ‘мучение’).

kulk(k)utaud(i): ск. *kulkkutaudi* (Импилахти) // ливв. *kulkutaudi*¹⁰²² (Большие Горы), *kulkkutaudi* (Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро), *kulkutaud* (Салми) // ср. (ижор.) *kurkunkipi*, (эст.) *kurgukibu*, *kurgivalu*, (фин.) *kurkkutauti*, *kurkkukipi*¹⁰²³ (*kulk(k)u/taud(i)* – букв. ‘горло’ + ‘болезнь’).

Ливвиковские карелы в качестве симптома ангины отмечали сильный отек горла, затрудняющий глотанье: «*kulkumuokku kulkun kiin'ittäy, syvv ei anna valdoa*» – ‘ангина горло сдавливает, даже еда не проходит’ (Неккула, Рыпушкалица)¹⁰²⁴. Для лечения боли в горле карелы использовали различные рациональные средства, а также заговоры.

¹⁰²⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 201.

¹⁰²¹ Полевой материал автора – 26; Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 24; Линевский А. М. Карелы // Советская этнография. Вып. 5. М., Л., 1941. С. 100.

¹⁰²² Полевой материал автора – 42.

¹⁰²³ Nykysuomen sanakirja. Helsinki. 2, 1992. S. 614; Pihel K. Pikamäe A. Soome-eesti sõnaraamat. Tallinn, 1986. S. 213; Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. I, 1992. S. 448; Ylinen H. Miten kansa paransi. Joensuu, 1990. S. 33.

¹⁰²⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 424.

У карелов Пряжинского р-на (д. Корбиनावолок, Лахта) и жителей бывшей деревни Оуланга эффективным считалось полоскание горла солевым или содовым раствором. Это снимало воспалительный процесс¹⁰²⁵.

Держанские карелы д. Семеновское и Новое для прогревания привязывали к горлу носок, в который клали горячую золу, а также пили горячее молоко¹⁰²⁶. Карелы-ливвики от боли в горле ели мед с горячим чаем или молоком (д. Корбиनावолок, д. Лахта).

Средства фитотерапии пользовались большой популярностью при лечении боли в горле. Многие из них используются и в настоящее время. Ливвиковские карелы (д. Корбиनावолок, Лахта) при боли в горле или ангине использовали лекарственные травы: пили отвары из высушенных ягод и чашелистиков малины или цветков липы (прим.автора: липа была распространена по р. Суна, вдоль которой проживали ливвиковские карелы), ели малиновое варенье с горячим чаем или молоком¹⁰²⁷. Тихвинские карелы (д. Селище) от боли в горле заваривали цветки ромашки и полоскали горло¹⁰²⁸. Паданские карелы пили отвар из зверобоя и богородицы с добавлением меда¹⁰²⁹. У карелов д. Импилахти для лечения боли в горле использовали ромашку пахучую, карельское наименование которой отображает ее предназначение *kulkkutaudi/heiny* – букв. ‘боль в горле’ + ‘трава’. Способ применения нам не удалось зафиксировать¹⁰³⁰.

Воспринимая медведя как символ здоровья и силы, медвежье высушенное горло использовали для изготовления лечебной питьевой воды: через такое горло трижды переливали воду из посуды в посуду, затем эту воду пили. Считалось, что исцеление вскоре произойдет (д. Бабыя Губа)¹⁰³¹.

¹⁰²⁵ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 246.

¹⁰²⁶ Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 227.

¹⁰²⁷ Полевой материал автора – 43, 26.

¹⁰²⁸ Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977. С. 244.

¹⁰²⁹ Зеленин Д. К. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР // Советская этнография. 1941. № 5. С. 121.

¹⁰³⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 425.

¹⁰³¹ Гура А. В. Медведь // Славянские древности. М., 2004. Т. 3. С. 214.

В некоторых районах Карелии эффективными считались иррациональные способы. В д. Толлорека при возникновении болезненных ощущений в горле весной, залезали на девятую жердь прясла для сушки сена и оттуда трижды кричали:

<i>Hoi haikko!</i>	Эй хайкко!
<i>Ota pois hyvä äänes,</i>	Забери твой хороший голос,
<i>anna pois paha äänen!</i>	Дай мой плохой голос!
(д. Толлорека) ¹⁰³²	(Перевод автора)

Словом *haikko* беломорские карелы обозначали хозяина плохого голоса.

Боль в ушах, отит

korvah pystäy – букв. ‘в ухо+колет’: ливв. *korvah pystäy* (Ковера, Ляпякке, Мегрозеро Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица)¹⁰³³.

korvatulehuš: ск. *korvatulehuš*¹⁰³⁴ (*korva/tulehuš* – букв. ‘ухо’ + ‘воспаление’).

korvat vuuvvetah – букв. ‘уши текут’: ск. *korva vuodau* (Пасынки), *korvat vuuvvetah* (Кестеньга)¹⁰³⁵.

korvutaudi: ливв. *korvutaudi*¹⁰³⁶ (*korvu/taudi* – букв. ‘ухо’ + ‘болезнь’).

korvu valuu – букв. ‘ухо течет’: ливв. *korvu valuu* (Большие Горы), *korvat valuu* (Корбинаволоок, Лахта) // люд. *korvu valuv* (Пряжа)¹⁰³⁷ // ср. (эст.) *kõrvavalu*¹⁰³⁸.

otiittu: ливв. *otiittu* (Большие Горы) // ср. (фин.) *otiitti*¹⁰³⁹. Карельская лексема *otiittu* относится к русским заимствованиям отит ‘воспаление уха’ (фр. *otite*, нем. *Otitis* < греч. *us (ōtos)* ‘ухо’)¹⁰⁴⁰. В финский язык наименование пришло из западно-европейских языков.

Основной причиной ушных заболеваний карелы считали простуду, полученную в результате того, что часто ходили или просто «выскакивали» ненадолго

¹⁰³² Virtaranta. P. Vienan kansa muistelelee. Helsinki, 1958. S. 146.

¹⁰³³ Полевой материал автора – 32.

¹⁰³⁴ Русско-карельский словарь (севернокарельские диалекты). Петрозаводск, 2015. С. 315.

¹⁰³⁵ Образцы карельской речи. М., Л., 1963. С. 70; Näytteitä karjalalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994. S. 64.

¹⁰³⁶ Gorškova E. Karjalazien perindöt da tavat // Oma mua. 2000. № 33. S. 3.

¹⁰³⁷ Полевой материал автора – 42, 24, 38.

¹⁰³⁸ Pihel K. Pikamäe A. Soome-eesti sõnaraamat. Tallinn, 1986. S. 196.

¹⁰³⁹ Новый большой русско-финский словарь. М., 1999. т. 1. С. 780.

¹⁰⁴⁰ Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998. С. 497.

на улицу с непокрытой головой. Раньше от боли в ушах использовали различные народные средства, включая и магические.

Среди карелов самым распространенным средством от ушной боли у младенцев было грудное молоко. Иногда перед закапыванием его подогревали¹⁰⁴¹. Этот способ лечения был актуален и у финнов.

Лоухские карелы клали на весь день в больное ухо черную овечью шерсть (на ночь необходимо было ее снять): «*no korvat jesi' i vuuvvetah ni muštua villua tuotta käytettih jotta mušta villa*» – ‘ну, если уши текут, то использовали черную шерсть’ (п. Кестеньга)¹⁰⁴². Финны прежде чем положить шерсть в ухо, смачивали ее камфорным маслом¹⁰⁴³.

Беломорские карелы (д. Оуланка) капали в больное ухо ртуть, разведенную в воде¹⁰⁴⁴.

Если у ребенка был отит, то карелы-людики (д. Галлезеро) делали деревянные щепочки, жгли их и затем пускали дым в уши ребенка¹⁰⁴⁵. Беломорские карелы (д. Вокनावолок) и карелы-ливвики дули в ухо больного табачным дымом. Делали это обычно в жарко натопленной бане через золотое колечко, произнося при этом заговор: «*konzu kivisti korvua, tarkembah sanojen, konzu oli korvutaudi, sit kyllys puhuttih kuldazeh kolčazeh*» – ‘когда болело ухо, точнее сказать, когда была боль в ухе, тогда в бане заговаривали на золотое колечко’. Таким же способом лечили и финны¹⁰⁴⁶. Карелы Пряжинского р-на клали в воспаленное ухо ягоду брусники (д. Метчелица), капали в ушную раковину сок калины или отвар ягод этого растения (д. Ведлозеро). По сведениям информантов из д. Эссойла, хорошим средством для снятия воспаления было следующее: в горячее молоко (0,5 стакана) крошили чес-

¹⁰⁴¹ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Porvoo, 1924. S. 66.

¹⁰⁴² Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994. S. 64.

¹⁰⁴³ Ruotsalainen A. Pikkulasten «harjakset» // Kalevalaseuran vuosikirja. № 31. Porvoo; Helsinki, 1951. S. 180.

¹⁰⁴⁴ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 246.

¹⁰⁴⁵ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. S. 300.

¹⁰⁴⁶ Gorškova E. Karjalazien perindöt da tavat // Oma mua. 2000. № 33. S. 3; Ruotsalainen A. Pikkulasten «harjakset» // Kalevalaseuran vuosikirja. № 31. Porvoo; Helsinki, 1951. S. 184.

нок, держали пять часов в темном месте и затем 10 дней капали в ухо (д. Эссойла)¹⁰⁴⁷.

Если во время сильного ветра в ушах начинало колотить, то карелы Калевальского р-на (д. Войница) три раза повторяли:

*Mie tiijän tuulen syññin,
miššä tuulta synnytetäh
valkieta voaputetah.*¹⁰⁴⁸

Знаю ветра я происхождение,
Где его на свет рождали.
Пламя в муках появлялось.
(Перевод Е. В. Каракина)

И затем дули в больное ухо.

Головная боль

piänkibu: ск. *piänkibu* (Корбисельга, тверской говор); *peänkivuz on* – ‘голова болит’ (Суоярви) // ливв. *peänkibu* (Сямозеро); *piänkibu vaivuaui minuu kogo ijän* – ‘ всю жизнь меня мучает головная боль’¹⁰⁴⁹ // ср. (вепс.) *pänkibu*; (фин.) *päänkiru*¹⁰⁵⁰ (*piän/kibu, peän/kibu* – букв. ‘головы’ + ‘боль’).

peänkivissys: ск. *peänkivissys* (Суоярви) // ливв. *peänkivistys* (Тулмозеро), *peänkivistyz* (Сямозеро), *piänkivištuz* (Неккула, Рыпушкалица); *piänkivistys puuttuu* – ‘головная боль утихает’ (Салми) // ср. (фин.) *päänkivistys* (*peän/kivissys, peän/kivistyz, piän/kivistyz* – букв. ‘головы’ + ‘боль’).

peä(n)tauti: ск. *peätaud’i* (Суоярви) // ливв. *peäntaud’i* (Сямозеро), *piätaudi* (Неккула, Рыпушкалица) (*peä|taud’i, peän|taud’i* – букв. ‘голова/головы’ + ‘болезнь’).

peänviga: ск. *peänviga on, en voi* – ‘головная боль, болею’ (Суоярви) // ливв. *peänviga on hänez, ei voi ni midä* – головная боль у него, не может ничего (Сямозеро), *piätaudi* (Неккула, Рыпушкалица) (*peän/viga*– букв. ‘голова’ + ‘причина/изъян/боль’).

¹⁰⁴⁷ Полевой материал автора – 44, 45, 46.

¹⁰⁴⁸ Virtaranta. P. Vienan kansa muistele. Helsinki, 1958. S. 124.

¹⁰⁴⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. IV, 1993. S. 248.

¹⁰⁵⁰ Семакова И. Б., Рогозина В. В. Материалы по традиционной медицине вепсов (мифологический аспект) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы. Петрозаводск, 2006. С. 303.

В качестве рациональной причины объяснения головной боли считалась простуда: «*jallad vai kylmäy da i piänkivistys puuttuu*» – ‘только ноги замерзнут, и сразу головная боль появится’ (Салми)¹⁰⁵¹. Возникновение головной боли объясняли и иррациональными причинами.

Калевальские карелы (п. Калевала) от головной боли пили воду, в которой перед этим мыли долото/стамеску. После этого этот инструмент подогревали и давили им на больные места¹⁰⁵².

Из лечебных трав и ягод готовили отвары. Информанты из Пряжинского р-на рассказывали, что при головной боли пили отвар из цветков душиanky (д. Метчелица), сок из ягод черной смородины (д. Ведлозеро) или калины, настойку из цветков клевера (д. Эссойла).

Для снятия головной боли считалось эффективным привязать к голове листья некоторых растений. Ливвиковские карелы использовали капустный лист (д. Ведлозеро)¹⁰⁵³, а держанские – листья лопуха или хрена¹⁰⁵⁴. Карелы Сегежского р-на (д. Кучозеро) заливали вином мелко накрошенную хвою и привязывали ее полотенцем к больному месту на голове¹⁰⁵⁵. Тверские карелы привязывали к затылку тертую редьку (д. Семеновское)¹⁰⁵⁶.

Головные боли простудного характера карелы лечили настоями, приготовленными из плодов рябины. Также в этом случае считалось полезным помыть голову водой, которая получала целебную силу, согласно народным представлениям, благодаря так называемым *tuulenkopra* или *tuulenpezä* (‘горсти ветра’ или ‘ветряное гнездо’)¹⁰⁵⁷.

¹⁰⁵¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. IV, 1993. S. 248.

¹⁰⁵² Inha I. K. Kalevalan laulumailta. Helsinki, 1999. S. 61.

¹⁰⁵³ Полевой материал автора – 44, 16, 45.

¹⁰⁵⁴ Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 226.

¹⁰⁵⁵ Бубновский М. Заговоры карел // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1919. № 11. С. 222.

¹⁰⁵⁶ Öispuu J. Djoržan Karjala tekstid / Toim. P. Palmeos. Tallinn, 1990. S. 112.

¹⁰⁵⁷ Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. О карельской народной медицине: рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 106.

Калевальские карелы (д. Вуокинсалми) полагали, что головная боль может быть связана с плохим самочувствием, которое изгоняли с помощью следующего заклинания:

*Mäne tuulilla, mäne ahavilla
kolmen vuaran korkevuolla
korkeimmaksi korpipuita
korkeimmaksi korpikoivuja¹⁰⁵⁸.*

Иди по ветрам, иди по суховеям,
Повыше трех гор,
Над могучим древним лесом,
Выше корбы многовечной.

(Перевод автора)

Зубная боль

hambahankibu: ск. *hambahankibu* (Суйстамо, Суоярви), *hammaškiри* (Панозеро); *yl'i yön ei keben 'n'ä hammaškiриuo* – ‘всю ночь не отпускает зубная боль’ (Беломорская Карелия) // ливв. (Сямозеро) *hambahankibu¹⁰⁵⁹* // ср. (вепс.) *hambhankibu¹⁰⁶⁰* (*hammaš|кири, hammaš|кибу* – букв. ‘зуб’ + ‘боль’; *hambahan|кибу* – букв. ‘зубная’ + ‘боль’).

hampahankivissyš: ск. *hambahankivissys* (Корбисельга); *ei voi n'i mitä ruatua, hampahankivissyš on* – ‘ничего делать не может, зубная боль’ (Калевала) // ливв. *hambahankivistyz* (Сямозеро), *hambahankivištyz* (Неккула, Рыпушкалица) (*hampahan|kivissyš, hambahan|kivissyš, hambahan|kivistyz* – букв. ‘зубная’ + ‘боль’).

hammaššärky: ск. *hammaššärky* (Кестеньга) // ср. (фин.) *hammassärky* (*hammaš|šärky* – букв. ‘зуб’ + ‘боль’).

hammastaudi: ливв. *hammastaudi* (Сямозеро); *sinähä(i) aive(i) olet hammastavis* – ‘у тебя же постоянно зубы болят’ (Салми); *hammastaud on seižolline häädä* – ‘зубная боль – это постоянная проблема’ (Неккула, Рыпушкалица)¹⁰⁶¹ (*hammas|taud, hammas|taudi* – букв. ‘зуб’ + ‘болезнь’).

Для профилактики зубной боли карелы Петрозаводского у., увидев летом первый гриб, вырывали его зубами, затем сжигали и пепел втирали в зубы или

¹⁰⁵⁸ Luutinen L. Priusan kolkkaajaiset. Kalevala; Uhtua, 1996. S. 37.

¹⁰⁵⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1967. S. 161.

¹⁰⁶⁰ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. С. 203.

¹⁰⁶¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1967. S. 161.

проводили по зубам пальцем покойника¹⁰⁶². Согласно северновепсскому поверью, от зубной боли можно избавиться навсегда, взяв трижды зубами из дупла шишку, заготовленную дятлом¹⁰⁶³.

От боли в зубах карелы использовали как рациональные (настойки, прогревания и т. д.), так и иррациональные (заговоры, обращение к знахарям и т. д.) способы лечения.

Причиной зубной боли могла стать простуда. В этом случае карелы д. Кондока дважды (после первого раза никогда не помогало) держали голову в теплой печи, прогревая таким образом зубы¹⁰⁶⁴. Жители Беломорского (д. Кучозеро) и Лоухского (д. Кестеньга) р-нов при зубной боли использовали керосиновые примочки¹⁰⁶⁵. Карелы д. Паданы мазали больной зуб водкой¹⁰⁶⁶. Людиковские карелы (д. Святозеро) от простудной зубной боли наливали воду в бочку для кваса, клали в нее горячие камни, накрывали голову домотканым ковриком и дышали. Так делали четыре дня подряд¹⁰⁶⁷. Такой же способ использовали и при боли в десне в результате удаленного зуба. Ливвиковские карелы вдыхали пар от сильно нагретого кирпича. Если у ребенка резались зубки и сильно болели десна, то матери надо было затопить баню и попарить ребенка в легком пару (д. Войница).

Карелы Беломорской и Центральной Карелии (д. Паданы, Паданский погост, Ребольский приход) мазали больной зуб купоросным маслом. Повсеместно на территории проживания карелов при образовании флюса на щеку прикладывали размятую глину («глина жар забирает»).

От зубной боли использовались приемы фитотерапии. Карелы Пряжинского и Олонецкого р-нов клали на больной зуб сушеную ягоду волчьего лыка (ягоды собирали летом, снимали с них корку и сушили) (д. Корбинаволоок, Лахта, Эссойла), капали в больной зуб настойку из корня калгана или березовых почек (д.

¹⁰⁶² Суеверия и предрассудки в простом народе // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 76. С. 673.

¹⁰⁶³ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 113.

¹⁰⁶⁴ Virtaranta P. Vienan kylä kiertämässä. Porvoo; Helsinki, 1978. S. 227.

¹⁰⁶⁵ Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994. S. 71.

¹⁰⁶⁶ Повенецкие корелы. Их домашний и общественный быт, поверья и предания // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 15. С. 54.

¹⁰⁶⁷ Virtaranta P. Tverinkarjalasta parannustietoa // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 161.

Метчелица). Тихвинские карелы сушили ягоды жимолости, затем клали их в постное масло и целиком в большой зуб (в дырку в зубе).

Карелы верили в существование *hammazjumala* – ‘святой, в силу которого верили, при зубной боли’ (прим. автора – возможно, Святой Николай) (букв. ‘зубной+Бог’): «*hammazjumaloa mol’itah, konzä hammasta kivisteä. Hammazjumala on vahnas kirikös; kui käetäh da pannah tuohus*» – ‘зубному богу молятся, когда зуб болит. Зубной бог в старой церкви; как идут, так и поставят свечку’ (Суоярви); «*Hyrssyläz (časounaz Ven’an čural) om pyhä Miikul hammazjumal, sih jeäksitähäze hambahiem pereä*» – ‘в Гюрсула (в часовне на русской половине) есть святой Николай, зубной бог, ему давали обет/зарекались от зубной боли’ (Сямозеро)¹⁰⁶⁸.

Тверские карелы (с. Воздвиженка) от зубной боли произносили следующие слова: ‘Луна, луна! Есть ли там покойники? – Есть. Болят ли у тех покойников зубы? – Не болят. У покойников не болят, так у правой души крещеной пусть не болят’¹⁰⁶⁹.

Эффективным средством от зубной боли считалась соль, которую прикладывали в тряпочке к щеке (д. Кучозеро). Карелы Петрозаводского уезда перед этим нашептывали на соль заговор.

Карелы-людики (д. Михайловское) для лечения зубной боли использовали подковный гвоздь, на который около печи шептали трижды: «*Kui päčči seižou, nenga tämä hambas seižogah!*» – ‘Как печь стоит, так пусть и этот зуб стоит!’ Затем этим гвоздем поддевали десну около корня больного зуба, выпускали кровь так, чтобы немного попало на гвоздь. После шли к березе, вбивали гвоздь в ее корень, при этом приговаривали: «*Kui koivu tämä seižou, anda d’urem pakottau, a täl rist’ikanzal (nimi) – älgäh täl rist’ikanzal pakotakkah, a pakotakkah koivun d’urel*» – ‘Так как эта береза стоит, пусть сломается ее корень, но у этого человека (имя) – пусть не болит у этого человека зуб, а пусть болит корень березы’¹⁰⁷⁰. Калевальские карелы (п. Калевала) для избавления от зубной боли шли на могилу к тому

¹⁰⁶⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 161.

¹⁰⁶⁹ Михайловская М. В. Карельские заговоры, приметы и заплочки // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Вып. 2. Л., 1925. Т. V. С. 615.

¹⁰⁷⁰ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa VI. Helsinki, 1994. S. 142.

человеку, которого видели во сне, и там просили: «*Heitä pois kivistys, elä vaivaa enempi minua, mie annan siulle tuulipaikan*» – ‘Забери болезнь, не мучай больше меня, я дам тебе кусок белой ткани’ (прим. *tuulipaikka* (букв. ‘ветряной+платок’) – белая ткань, которую привязывают к надгробию в знак памяти). Если болезнь утихает, то на могильный крест этого покойника привязывали кусок ткани от одежды больного не красного цвета длиной в 0,5–1 локтя¹⁰⁷¹.

Беломорские карелы (д. Хиетаярви) при зубной боли обращались к знахарю, который принесенной с кладбища щепкой, ковырял больной зуб до крови и относил щепку обратно¹⁰⁷². Знахари д. Оуланка ковыряли больной зуб щепкой, взятой с могильного креста или гробницы (крест над могилой)¹⁰⁷³. Жителям д. Реболы зубную боль тоже лечил знахарь. Он совершал наговор на соль, ладан, воск или табачный лист, после чего прикладывали заговоренную вещь к больному зубу¹⁰⁷⁴.

Если лечение не помогало, то зуб удаляли: «*jirn'ildiä hammas*» – ‘выдернуть зуб’, «*harannuh hammas vediä*» – ‘вытащить гнилой зуб’, «*viettiä vižluhammas*» – ‘удалить кривой зуб’¹⁰⁷⁵.

- Жар, горячка, лихорадка, озноб

Среди карельского населения горячка или лихорадка считались наиболее частыми заболеваниями. Причиной этому были резкие перепады в погоде от тепла к холоду; излишние испарения и сырость в низких и болотистых местах; постоянные работы на воде (сплав леса) и в лесу (рубка леса). К исконно прибалтийско-финским наименованиям относится лексема *kuuma*¹⁰⁷⁶: ск. *kuume* (Контокки); *a još vot ihmisellä kuuma noušou ni kuin sitä ličittih ennen?* – ‘а вот если у человека жар появляется, то как раньше лечили?’ (Кестеньга) // ливв. *kuumeh*¹⁰⁷⁷ // ср. (фин.)

¹⁰⁷¹ Inha I. K. Kalevalan laulumailta: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa. Helsinki, 1999. S. 61–62.

¹⁰⁷² Virtaranta. P. Vienan kansa muistele. Helsinki, 1958. S. 128.

¹⁰⁷³ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 246–247.

¹⁰⁷⁴ Повенецкие корелы. Их домашний и общественный быт, поверья и предания // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 14. С. 50.

¹⁰⁷⁵ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 52.

¹⁰⁷⁶ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. I, 1992. S. 457.

¹⁰⁷⁷ Kudel'nikov I. Dubinan Semoin umbičole // Oma mua. 1993. № 2 (109). S. 4; Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994. S. 64.

*kuume*¹⁰⁷⁸. Этимологический словарь финского языка В. Мери объясняет происхождение прибалтийско-финского слова *kuume*, как заимствованного из древнего норвежского языка *skuma* ‘жар’¹⁰⁷⁹.

В ливвиковском наречии и тверском говоре карельского языка в качестве наименований лихорадки и жара использовали русские заимствования:

lihoratku: ливв. *minuu huondeksel otti lihoratku, rubei träs's'imäh* – ‘меня утром знобило, начало трясти’¹⁰⁸⁰. Название *lihoratku* является русским заимствованием ‘лихорадка’. Русская лексема лихорадка восходит к древнерусскому лихорадти, т. е. насыпать заботливо на человека лихо. Согласно верованиям русских, было 12 лихорадок, появляющихся в виде обнаженных женщин, имеющих крылья летучих мышей. Эти лихорадки были гнусными подобиями своих хворей¹⁰⁸¹.

žuaru: ск. *lapši rožottau žuarušša* – ‘ребенок красный от жара’ (тверской говор)¹⁰⁸² // ливв. *žuaru* (Ковера, Ляпякке, Мегрозоро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица)¹⁰⁸³ // люд. *on ylen sūr žuar* – ‘очень сильный жар’ (Галлезоро)¹⁰⁸⁴ // ср. (вепс.) *žar*¹⁰⁸⁵. Наименование *žuaru* является русским заимствованием жар ‘жар, высокая температура тела’¹⁰⁸⁶.

Собственно-карельское и ливвиковское наречие содержали также deverбальное наименование: **vilussus:** ск. *vilussus* (Суоярви) // ливв. *heittäv vilustuksen, vai viinoa ota stokanaine* – ‘если начался озноб, надо выпить стакан водки’ (Сямозоро)¹⁰⁸⁷ (от слов. осн. глаг. *viluttua*→*viluta*- ‘лихорадить’, *vilustua*→*vilusta*- ‘делать холодным, охлаждать, остужать’ + суф. *-us*). Значит, причиной лихорадки является переохлаждение.

¹⁰⁷⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 493.

¹⁰⁷⁹ Meri V. Sanojen synty. Jyväskylä, 2002. S. 157.

¹⁰⁸⁰ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 186.

¹⁰⁸¹ Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб, 2000. С. 101.

¹⁰⁸² Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 289.

¹⁰⁸³ Полевой материал автора – 32.

¹⁰⁸⁴ Virtaranta P. Luydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. S. 273.

¹⁰⁸⁵ Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Вепско-русский, русско-вепский учебный словарь. Петрозаводск, 1995. С. 127.

¹⁰⁸⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. В. 5. М., 1978. С. 75.

¹⁰⁸⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 634.

В тихвинском говоре карельского языка термин *omahine* трактуется как ‘высокая температура, жар или очень плохая болезнь, напоминающая припадок’: ‘раньше называли *omahine*, а теперь – высокая температура. Ребенок болеет, он ничего не чувствует, говорят, что большая температура. А раньше у карелов говорил *omahine*, «*lapši omahizee kuoli*» ‘ребенок умер в омахине’». У него высокая температура была, жар, ему не вынести это’. Такие припадки тихвинские карелы лечили следующим образом: знахарка, читая заговор, скатывала воском, срезанные у больного ребенка крест-накрест волосы над затылком, ушами, лбом и ногти на ногах и руках. Получившиеся катышки складывала в отверстие, сделанное в косяке двери, с той стороны, куда она открывается. Это отверстие делали на высоте роста ребенка и, когда он его перерастал, считалось, что ребенок здоров¹⁰⁸⁸.

Карелы примечали, что «лихорадкой болели чаще всего весной, когда земля была глубоко промерзши, а дождей не было»¹⁰⁸⁹. Симптомами ее считались бред (ск. *läsijä houri* – ‘больной бредил’; ливв. *miel'elpaišta gu jallas olles, žuaras olles* – ‘бредить – это говорить как будто наяву, когда температура’ и стон больного (ск. *ohkua, valittua, vočata* ‘стонать’; ливв. *lapsi rukku on žuarus, vai nihkau* – ‘у бедного ребенка температура, тихонько только стонет’¹⁰⁹⁰).

Беломорские карелы примечали, что причиной жара у ребенка могла стать болезнь детская чесотка: «*ta še (ihompuhtijañi) anto kuumetta lapšeh, ñiin*» – ‘это заболевание (детская чесотка) вызывает жар у ребенка’ (Контолки)¹⁰⁹¹.

Жители д. Сяргилахта при простуде топили баню, клали в шайку кислое тесто и свежий веник, заливали все это водой, бросали два раскаленных камня и дышали паром¹⁰⁹². Беломорские карелы (п. Кестеньга) шли в слегка натопленную баню, немного парились, одевались в теплую одежду, ложились в постель и спали

¹⁰⁸⁸ Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977. С. 244; Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003. С. 308.

¹⁰⁸⁹ Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 184.

¹⁰⁹⁰ Русско-карельский словарь. Петрозаводск, 2015. С. 34, 306; Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 206, 227.

¹⁰⁹¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 493.

¹⁰⁹² Бусарова В. П. Структура обряда лечения (на примере сямозерских карел) // Сямозерские чтения: доклады и материалы первой и второй научно-практических конференций. Петрозаводск, 2006. С. 106.

так до утра¹⁰⁹³. Тихвинские карелы Бокситогорского р-на Ленинградской обл. при простуде у взрослого человека парились в жаркой бане, положив в рот веточку от банного веника или березовую палочку. Это делали, чтобы не угореть в бане¹⁰⁹⁴. Пряжинские карелы (д. Корбинаволоок, Лахта) грелись в бане или на горячей лежанке¹⁰⁹⁵.

Карелы д. Кучозеро для снижения жара шли в баню, отламывали там от веника ветку, разламывали ее на три части и клали их в рот (на протяжении всего времени нахождения больного в бане, ветки надо было держать во рту). Затем произносили: «Баня сладкой, жара желанной». Выйдя из бани, ветку (ее части) выплевывали к ступенькам бани¹⁰⁹⁶. Если вследствие простуды у человека болели руки и ноги, то в бочку собирали луговую траву и садили в нее больного. Трава начинала преть, и суставы прогревались. В случае неэффективности этого способа, в эту же бочку добавляли муравьев и горячие камни. После этого больной выздоравливал (д. Мяндусельга)¹⁰⁹⁷.

Пряжинские (д. Корбинаволоок, Лахта), тихвинские (д. Коргорка, Селище) и тверские карелы (д. Пальцево) для снижения температуры тела пили заваренные высушенные листья или ягоды малины (выпаривали свежие ягоды малины в молоке, а затем сушили), ели малиновое варенье. Жители д. Корбинаволоок и д. Лахта при ознобе пили отвар из кувшинки желтой¹⁰⁹⁸. Олонецкие карелы человека, болеющего горячкой или лихорадкой, заставляли курить табак, считая, что за счет этого болезнь прогоняется. Больного поили разведенными в воде камфорой, нашатырным спиртом, нюхательным табаком, порошком из осинового коры. Тихвинские карелы (д. Коргорка) заготавливали летом траву Венерин башмачок (длинная трава с желтым «ботиночком» на конце). Эта трава росла в глухом лесу

¹⁰⁹³ Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994. S. 64.

¹⁰⁹⁴ Юрчак О. Баня в быту и обрядах тихвинских карел (по материалам полевых исследований 2002 г.) // Сайт Олонец.ru: олонецкий городской портал URL: www.olonec.ru/banya.php.

¹⁰⁹⁵ Полевой материал автора – 26.

¹⁰⁹⁶ Бубновский М. Заговоры карел // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1919. № 11. С. 221.

¹⁰⁹⁷ Karjalan kielen näytteitä. Helsinki, 1936. S. 8.

¹⁰⁹⁸ Полевой материал автора – 26.

на сыром месте¹⁰⁹⁹. Жители д. Селище при признаках простуды заваривали бруснику или сухую мяту¹¹⁰⁰. Тверские карелы (д. Пальцево) заваривали стебельки и цветочки брусники и пили вместо чая от простуды и, как потогонное и мочегонное¹¹⁰¹. Повсеместно в Карелии при простудных заболеваниях пили настои из трав зверобоя, подорожника, мать-и-мачехи, ягод рябины¹¹⁰².

Суоярвские карелы (д. Поросозеро) проводили магический ритуал. Для избавления от озноба приносили с текущего на север порога три камешка и воду из трех разных родников. Камни клали в эту воду (на трое суток), произнеся заговор. Затем эту воду незаметно для больного подливали в его пищу¹¹⁰³.

Олонецкие карелы опрыскивали заболевшего холодной заговоренной знахарем водой, а, если он был еще в состоянии ходить, то трижды окатывали его нашептанной водой на перекрестке дорог. Жители д. Реболы для избавления от горячки/лихорадки обращались к знахарю. Он нашептывал на воду, затем трижды плевал или дул в сторону и давал эту воду выпить больному.

В д. Паданы (Медвежьегорский р-н) во время свирепствования повальной горячки для изгнания болезни около больного стреляли из ружья. Таким образом, болезнь пугали.

Если высокой температурой сопровождались такие заболевания как тиф, малярия, грипп и др., то карелы использовали идентичные способы снижения жара: больного выводили на крыльцо, ставили на надворные ступени, снимали с него одежду и окатывали холодной водой. В летнее время больного старались неожиданно столкнуть в реку или озеро, а иногда заставляли больного лежать на холодной могиле¹¹⁰⁴. Данные способы лечения использовались по причине того, что карелы считали эффективным охладить/остудить человека, находящегося в лихорадке.

¹⁰⁹⁹ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 306.

¹¹⁰⁰ Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977. С. 243.

¹¹⁰¹ Новак И. П. Полевые аудиозаписи А. В. Пунжиной как источник информации о повседневной жизни тверской карельской семьи конца XIX – начала XX в. // Культура повседневной карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.). Петрозаводск, 2014. С. 84

¹¹⁰² Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 145.

¹¹⁰³ Suomen kansan vanhat runot. Osa II. Helsinki, 1927. S. 576.

¹¹⁰⁴ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 22.

В ливвиковском наречии карельского языка встречается понятие *vilučču* ‘врожденная лихорадка’ (от слов. осн. им. прилаг. *vilu*→*vilu*- ‘холодный’ + суф. –*čču*). От врожденной лихорадки лечили так: «*Vilučus kaivettih nora kriäžäh da l’äbi noras laskiettih, ken oksendi, sit sidä pestih, ken spruaviiheze, a ken ei*» – ‘Через кряж рыли нору и через нее протаскивали больного; если больного рвало, то его мыли, тот или выздоравливал или умирал’)¹¹⁰⁵. Данный обряд лечения был известен у коми, которые считали, что таким образом больной передает свой недуг земле¹¹⁰⁶.

- Кашель

Большинство наименований кашля в диалектах карельского языка относятся к девербальным именам существительным:

köhkytes, köhkeh: ск. *köhkehem pideä, ei soa uinota hänen köhkyteksis* – ‘кашель у него, из-за его кашля невозможно уснуть’ (Суоярви) // ливв. *köhkeh* (Салми), *köhkeh* (Сямозеро)¹¹⁰⁷ // ср. (вод.) *čöhä*; (ижор.) *köhä*; (эст.) *köha*; (фин.) *köhä*. Слова *köhkytes, köhkeh* являются звукоподражательным, образованным от глагола *köhkeä* (ск.), *köhkiä* (ливв.) ‘[сухо] кашлять’¹¹⁰⁸.

rykimin’i: ск. *rykimini* (Вокнаволоок), *rygimin’e* (Реболы, Ругозеро, Суйстамо, тихвинский говор); *rygimizen on šaanun* – ‘кашель появился’ (Паданы); *hiän on yl’en hyvä rygimizest’ä* – ‘у него очень сильный кашель’ (тверской говор) // ливв. *rygimine* (Большие Горы, Ковера, Корбинаволоок, Лахта, Ляпяккe, Мегрозeро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица); *rygimin’e* (Салми, Сямозеро, Тулмозеро); *kävelit vilus, ga rygimizen sait* – ‘ты гулял в холод и получил кашель’ (Видлица); *rygimižes kiduiččou* – ‘кашель мучает’ (Неккула, Рыпушкалица) // люд. *rygimine* (Михайловское, Пряжа, Святозеро)¹¹⁰⁹ // ср. (фин.) *rykiminen*¹¹¹⁰ (от слов. осн. глаг.

¹¹⁰⁵ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 435.

¹¹⁰⁶ Ильина И. В. Традиционная медицинская культура народов Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1997. С. 89.

¹¹⁰⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 579.

¹¹⁰⁸ Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki. II, 1980. S. 265.

¹¹⁰⁹ Полевой материал автора – 32, 34, 54.

¹¹¹⁰ Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь. М., 2006. С. 538.

rykie→*ryki*- (ск.), *rygie*→*rygi*- (ливв., люд.) ‘кашлять’ + суф. *-mini* (ск.), *-min(e)* (ливв., люд.), состоящие из элементов *-ma*, *-mä* + *-ini*, *-in(e)*.

ryvintä: ск. *ryvintä* (Иломанси, Калевала), *r'yvin'd'ä; lapši l'äkäht'yu ryvin'd'äh* – ‘ребенок заходится в кашле’ (тверской говор) // ливв. *ryvindy~rygindy* (Неккула, Рыпушкалица); *ryvindeä läžiy, kai ailastau rygihez* – ‘кашляет, все колет из-за кашля’ (Сямозеро); *häi gu otti poroškan, sit heitti ryvindän* – ‘он выпил порошок, и сразу кашель прошел’ (Видлица)¹¹¹¹ (от слов. осн. глаг. *rykie*→*ryki*- (ск.), *rygie*→*rygi*- (ливв., люд.) ‘кашлять’ + суф. *-nta*, *-ntä* (ск.); *-ndu*, *-ndy* (ливв.) со значением результата действия).

ryvites: ск. *ryvites* (Вокनावолок) // ливв. *ryvitez* (Неккула, Рыпушкалица), *ryvites* (Салми) (от слов. осн. глаг. *rykie*→*ryki*- (ск.), *rygie*→*rygi*- (ливв., люд.) ‘кашлять’ + *-es*, *-ez*).

ryvitys: ск. *ryvitys* (Иломанси) // ливв. *ryvitys* (Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро) (от слов. осн. глаг. *rykie*→*ryki*- (ск.), *rygie*→*rygi*- (ливв., люд.) ‘кашлять’ + *-us*, *-ys*).

Метафорический перенос обнаружен в следующих лексемах:

toppa: ск. *toppa* (Калевала, Кестеньга, Костомукша, Реболы, Ругозеро, Тихтозеро, Тунгозеро, Юшкозеро); *miula on toppa, ta ryvittäy* – ‘у меня насморк, и я кашляю’ (Вокनावолок). Наименования *toppa*, *toppi* широко используются и в других значениях: 1) (ливв., люд., ск.) ‘мусор, сор, соринка’; 2) (ливв., люд., ск.) ‘послед у роженицы’; 3) (ск.) ‘змея, живущая зимой в хлеву’. В деревне Суйстамо использовали наименования *muantoppa*, *liävätoppa* ‘хозяин хлева, которого люди не видели, но представляли в виде змеи’; 4) (д. Поросозеро) ‘название медведя от Юрьева дня до Покрова (период, когда скот пасется на пастбище)’; 5) (эст.) ‘пот’; б) (фин.) ‘(надоедливые) насекомые’¹¹¹². Финское наименование *toppa* ‘преграда’ является шведским заимствованием и образовано от глагола *topata* ‘заткнуть, остановить’¹¹¹³, поэтому используется именно в значении ‘насморк’.

¹¹¹¹ Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 150.

¹¹¹² Nirvi R. E. Eräistä likaa ja rikkaa merkitsevien sanojen käyttötavoista // Virittäjä. № 54, 1950. S. 398–400.

¹¹¹³ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. III, 2000. S. 310.

Возможно, карелы стали использовать наименование *toppa* по аналогии, но со значением ‘насморк’, т.к. насморк, как и кашель, относится к заболеваниям дыхательных путей.

yskü: ск. *yskä* (Корбисельга, Суйстамо, Суоярви)¹¹¹⁴ // ливв. *ysku* (Олонец) // люд. *ysk* // ср. (эст.) *ũsk*; (вепс.) *ũsk, ũšk*; (фин.) *yskä*¹¹¹⁵. У слова *yskä*, бытующего во всех прибалтийско-финских языках – германское происхождение **wunskā-* ~ **wunskā-* ‘объятие; желание, пожелание, азарт, пыл’, которое в прибалтийско-финских языках развивалось в двух направлениях: 1) ‘объятие’ → ‘грудь’, 2) ‘желание, страсть’. Вторичная семантика ‘кашель’ абстрагировалась из сложного по структуре наименования болезни *yskä/tauti* – букв. ‘грудь+болезнь’ → *yskä* ‘кашель’. Семантика ‘кашель’ известна только в собственно-карельских говорах. Считается, что она появилась в результате заимствования из финского языка¹¹¹⁶.

При сильном кашле терли безымянным пальцем между пальцами ног и потом его нюхали (д. Оуланка). Вероятно, это было связано с тем, что от резкого запаха, который исходил от пальцев после натирания, кашель успокаивался.

Жители д. Сяргилахта с помощью ножа мазали керосином пятки и шею больного, а затем этот нож клали в печь на ночь¹¹¹⁷. Оулангские карелы при сильном кашле смазывали ноги смолой со снегом и шли париться в баню, после этого снимали с левой ноги носок, переворачивали его наизнанку и заматывали вокруг горла. Повсеместно карелы при кашле парились в бане и употребляли внутрь мед с горячим питьем (д. Корбинаволоок, д. Костомукша, д. Кучозеро, д. Лахта, д. Новое, д. Селище, д. Семеновское). Держанские карелы (д. Семеновское, д. Новое) добавляли в горячее питье жженный сахар.

Для лечения кашля использовали многие растения. Карелы-ливвики Пряжинского р-на пили от кашля клюквенный морс и сок с медом, отвар или настойку черной редьки, питье из выпаренных чашелистиков или цветков картошки (д.

¹¹¹⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 757.

¹¹¹⁵ Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь. М., 2006. С. 785; Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki. VI, 1978. S. 1865.

¹¹¹⁶ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. III, 2000. S. 493.

¹¹¹⁷ Скачков А. Приметы и суеверия о ноже // Сямозерские чтения: доклады и материалы первой и второй научно-практических конференций. Петрозаводск, 2006. С. 118.

Ведлозеро); сок березы, клена или брусники, отвар из цветков липы (д. Метчелица); сок подорожника (д. Эссойла)¹¹¹⁸; ели горячую репу (д. Сямозеро). Карелы Олонецкого р-на мазали шею бальзаминол (д. Рыпушкалица, д. Неккула)¹¹¹⁹; пили настой из ‘сахарных стручков’ (прим. автора – так называют стручки особенного сорта фасоли (кар. (ск.) *papu*, (ливв.) *fasoli*) или молодого зеленого гороха (кар. *herneh*), на вкус очень нежные и сладковатые: фасоль, вероятно, обменивали во время занятия коробейничеством, а горох карелы выращивали сами, или ржаной квашеный раствор (г. Олонец)¹¹²⁰. В некоторых деревнях собирали листья мать-и-мачехи или земляники, сушили и заваривали чай¹¹²¹. Карелы Беломорской и Центральной Карелии заваривали и пили чай из пикульника (иначе – жабрея) (кар. *pil-likeh*) (д. Вокнаволок), отвар из зверобоя и богородицы (иначе – чабрец, тимьян ползучий) (кар. (сев.) *timjani*, *rohroščaheinä* – букв. ‘богородская трава’, (ливв.) *timjan*, *bohorouditsanheiny* – букв. ‘богородская трава’) с добавлением меда (д. Паданы). Самыми распространенными способами фитолечения, бытующими на всей территории проживания карелов, были: употребление малинового варенья, чая с добавлением сушеной малины или чашелистиков морошки, отвара зверобоя или богородицы (д. Корбинаволок, Костомукша, Кучозеро, Лахта, Новое, Селище, Семеновское)¹¹²². Тверские карелы заваривали высушенные веточки малины и пили отвар. Они утверждали, что малиновое варенье раньше не варили (д. Семеновское)¹¹²³.

У ругозерских карелов избавление от кашля основывалось на мифологических представлениях о том, что его надо отослать в пасть медведя и таким образом уничтожить: было необходимо найти в лесу череп медведя, который был подвешен на дереве после медвежьего праздника. Найдя, больной подымался на

¹¹¹⁸ Полевой материал автора – 45, 16.

¹¹¹⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 2003. S. 217.

¹¹²⁰ Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 187.

¹¹²¹ Mihailova M. Luondon avuttajat // Oma muu. 1996. 29. S. 4.

¹¹²² Полевой материал автора – 26; Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977. С. 243; Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 226-227; Virtaranta P. Vienan kyllä kiertämässä. Porvoo; Helsinki, 1978. S. 245.

¹¹²³ Ōispuu J. Djorža Karjala tekstid. Tallinn, 1990. S. 112.

дерево, не касаясь черепа, трижды кашлял и сплевывал мокроту через череп, произнося:

<i>Mistä olet yskä yhtynynnä,</i>	Ты пришел откуда, кашель,
<i>Räkätauti tarttununna?</i>	Насморк, где ты прицепился?
<i>Kuin liet tuhma tuulen tuoma,</i>	Если ветром ты навеян,
<i>Ahavan reki kekonen,</i>	Дан весенним суховеем,
<i>Mene tuhma tuulen tietä,</i>	Улетай путями ветра,
<i>Ahavan ajo rekehen,</i>	Вихря санным первопутком,
<i>Tahi kontion kovihin luihen,</i>	В пасть огромную медведя,
<i>Karhun kielen kantimihin,</i>	Косолапому ты в зубы,
<i>Siellä on hyvä ollaksesi,</i>	Будешь там ты жить прекрасно,
<i>Armas alkaellaksesi</i> ¹¹²⁴ .	Чувствовать себя вольготно.

(Перевод Е. В. Каракина)

Затем у корней этого же дерева строгали серебро.

Глагол *rykie* (ск.), *rygie* (ливв.), *rygidä* (люд.) ‘кашлять’ довольно представлен широко в карельских фразеологизмах: *rykie aparoissa* – букв. ‘кашлять с бардой’ (получить отказ при сватовстве); *rygie hiemuah* – букв. ‘кашлять в рукав’ (молчать); *rygidä kindahah* – букв. ‘кашлять в рукавицу’ (терпеть); *rygi sammaleh* – букв. ‘кашляй в мох’ (молчи); *kukkaro rygiy* – букв. ‘кошелек кашляет’ (денег нет); *ryvi omih sammalih* – букв. ‘кашляй в свой мох’ (перетерпи); *ryvi palah* – букв. ‘кашляй в кусок’ (молчи)¹¹²⁵.

Сильные приступы кашля могли быть причиной коклюша. В собственно-карельском и ливвиковском наречиях карельского языка коклюш обозначали существительным, обладающим звукоподражательным характером: *hinku*: ск. *hinku*

¹¹²⁴ Suomen kansan vanhat runot. Osa II. Helsinki, 1927. S. 577.

¹¹²⁵ Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009. С. 188.

(Тихтозеро)¹¹²⁶ // ср. (фин.) *hinku*¹¹²⁷. Наименование *hinku* образовано от глагола *hinkua* ‘кашлять с хрипотой, дышать со свистом’¹¹²⁸.

В говорах карельского языка также было заимствовано русское наименование болезни: *kokl’ušši*: ск. *läsiytyö kokl’ušših* – ‘болеть коклюшом’ // ливв. *läževyö kokl’ušil* – ‘заболеть коклюшем’¹¹²⁹. Данная лексема заимствована из русского языка < франц. *coqueluche* ‘коклюш’¹¹³⁰.

По сведениям информантов д. Корбиनावолк и д. Лахта, коклюш сопровождался сильным удушливым кашлем, во время которого лицо синело, появлялась рвота и судороги. Для облегчения кашля пили настой из подорожника¹¹³¹.

- Насморк

В карельском языке, ливвиковском и собственно-карельском наречиях, для обозначения насморка использовали звукоподражательное наименование *n’uhu*: ск. *n’uhu* (Суоярви) // ливв. *nenä n’uhum pidäy* – ‘насморк не проходит’ (Сямозеро) // ср. (эст.) *nohu*; (фин.) *nuha*¹¹³². Лексема *nuhu* является звукоподражательным существительным¹¹³³.

В двух именовании можно наблюдать метафорический перенос:

čëäry: ск. *on čëäräs* – ‘насморк появился’ (Суоярви) // ливв. *čïäry* (Корбиनावолок, Лахта), *čëäry* (Ведлозеро); *jallat kylmi vähäizel, čëäry tartui iččeh* – ‘ноги немного заморозил и уже насморк пристал’ (Сямозеро) // люд. *čïäry* (Пряжа)¹¹³⁴. Лексема *čïärä*, *čïäry* в наречиях карельского языка используется и для обозначения кашля: ск. *čïärä* (Иломанси) // ливв. *čëäry* (Ведлозеро, Сямозеро). Предполагается, что наименование *čëärä* является русским заимствованием от древнерусского слова *сѣра* ‘сера’. В карельском варианте прослеживаются фонетические изме-

¹¹²⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1967. S. 275.

¹¹²⁷ Ylinen H. Miten kansa paransi. Joensuu, 1990. S. 13.

¹¹²⁸ Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki. I, 1978. S. 76.

¹¹²⁹ Большой русско-карельский словарь. Петрозаводск, 2011. С. 131; Русско-карельский словарь. Петрозаводск, 2015. С. 136.

¹¹³⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1986. С. 282.

¹¹³¹ Полевой материал автора – 26.

¹¹³² Nykysuomen sanakirja. Porvoo; Helsinki. 3, 1992. S. 701; Pihel K. Pikamäe A. Soome-eesti sõnaraamat. Tallinn, 1986. S. 345.

¹¹³³ Atlas Linguarum Fennicarum. II. Helsinki, 2007. S. 392.

¹¹³⁴ Полевой материал автора – 24, 38.

нения: согласная *c~ĉ* в начале слова – достаточно распространенное явление в наречиях карельского языка; долгая *ää* соответствует древнерусскому *ъ* (исторически в карельском языке **ää>iä*). Значение русской лексемы тоже изменилось¹¹³⁵. Если разводили огонь с использованием серы и огнива, то сера издавала едкий запах, воздействующий на дыхательные пути (закладывало нос, появлялся кашель). Можно предположить, что эти факторы повлияли на использование карелами лексемы *ĉiärä* при обозначении насморка и кашля¹¹³⁶.

piäčakka ‘насморк, кашель, грипп’: ск. *piäčakka* (Суйстамо, тверской говор) // ливв. *jallat kastuttih dai piäčakko tartui* – ‘ноги промокли и насморк привязался’ (Самбатукса), *puaksuh ku hirnuttau, sid on jo piäčakko* – ‘часто, если чихается, потом уже насморк’ (Салми) // люд. *piäčakke*¹¹³⁷.

Вторая часть лексемы *piäčakka*, т. е. *čakka*, *čakku*, используется в прибалтийско-финских языках при обозначении: 1) (ск., ливв., люд.) ‘насекомого, пьющего кровь’; 2) (тв.г.) ‘волка’; 3) (ливв.) ‘насморка у лошади’; 4) (Калевала, Ругозеро, Тверь) ‘кожного заболевания’ (проявляющегося в виде красных пятен на руках и лице, увеличивающихся со временем, переходящими в волдыри, которые лопаются и в дальнейшем покрываются корочкой); 5) (Иломанси) ‘ругательного слова’; 6) (вепс.) ‘крови, выделяющейся в период менструации’. Вепсы считали менструальную кровь нечистым явлением, поэтому они употребляли лексему *čak* как эвфемизм; 7) (фин.) *sakka* ‘осадка, гущи’¹¹³⁸. Вероятно, что лексема *piäčakka* ‘насморк’, стала использоваться под влиянием *čakka/čakku* со значением ‘насморк у лошади’.

В карельских деревнях Ведлозеро и Юргилица слово *čakku* используют со значением ‘угар’ (*salvata čakku* – букв. ‘закрывать+угар’)¹¹³⁹. Видимо, *čakku* ‘угар’ входит в этимологическое гнездо *sakea* ‘густой’ (в том числе, воздух, туман), также ‘о густом напитке’, ср. фин. *sako* ‘осадок (в напитке), гуща’ → переносное зна-

¹¹³⁵ См., например, Словарь русских народных говоров. В. 37. СПб., 2003. С. 179–180.

¹¹³⁶ Nirvi R. E. Eräistä likaa ja rikkaa merkitsevien sanojen käyttötavoista // Virittäjä. № 54, 1950. S. 416.

¹¹³⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. IV, 1993. S. 256; Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944. S. 320.

¹¹³⁸ Nirvi R. E. Eräistä likaa ja rikkaa merkitsevien sanojen käyttötavoista // Virittäjä. № 54, 1950. S. 400-403.

¹¹³⁹ Полевой материал автора – 49.

чение ‘похмелье’¹¹⁴⁰. Возможно, в этом ряду можно рассматривать *čakku* ‘угар’ → *piäčakku* ‘головная боль’ → ‘насморк’.

Согласно полевым материалам на территории проживания ливвиковских карелов Олонецкого р-на бытовало наименование *regänenä* (ливв. *regänenä* (Ковера, Корбинаволоок, Лахта, Ляпяккe, Мегрозeро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица)¹¹⁴¹ (*regä|nenä* – букв. ‘сопли’ + ‘нос’), представляющее собой сложное имя существительное. Данную лексему используют в детском фольклоре, в дразнилке: *regänenä moločču, kiis’eliočču* – ‘сопляк-молодец, кисельный лоб’. В словарях карельского языка зафиксировано значение: *regänenä* (ливв., тв.г.) ‘сопливый, сопливец’¹¹⁴²; *rekänenä* (ск.) ‘сопливый (человек)’¹¹⁴³.

В конце XIX в. у олонeцких карелов был распространен магический ритуал передачи насморка другому человеку: желая избавиться от насморка, больной обмазывал соплями тягу у дверей. Считалось, кто первый возьмется за нее – тот непременно получит насморк¹¹⁴⁴. При сильной заложенности носа карелы Сегежского р-на (д. Кучозeро) брали грязь между пальцами ног и нюхали ее.

Универсальным средством для лечения насморка у карелов считалось прогревание больного в бане или вдыхание горячих паров: «*piäčakois kylyh kävväh kylbietäh*» – ‘от насморка в баню идут париться’ (Неккула, Рыпушкалица)¹¹⁴⁵.

Жители д. Эссойла для избавления от насморка проводили по носу хвостом кошки¹¹⁴⁶. Такое же поверье бытовало на территории проживания северных вепсов. Капшинские вепсы с этой целью щекотали хвостом кошки в носу¹¹⁴⁷. Данный способ лечения был связан с представлениями карелов и вепсов об излечивающей силе кошки.

¹¹⁴⁰ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. III, 2000. S. 145.

¹¹⁴¹ Полевой материал автора – 32.

¹¹⁴² Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 302; Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 232.

¹¹⁴³ Зайков П. М., Ругоева Л. И. Карельско-русский словарь. Петрозаводск, 1999. С. 154.

¹¹⁴⁴ Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 188.

¹¹⁴⁵ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. IV, 1993. S. 256.

¹¹⁴⁶ Полевой материал автора – 41.

¹¹⁴⁷ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 167.

Держанские карелы (д. Новое, Семеновское) во время насморка считали эффективным дышать парами от горячей картошки¹¹⁴⁸. Такой способ был распространен у ливвиковских карелов, а также русских и вепсов. При сильном насморке карелы-ливвики мазали ноздри хозяйственным мылом (д. Корбинаволоок, Лахта). Этот способ лечения был более поздним, т.к. в России мыловаренное производство начало бурно развиваться только в 30-х гг. XVIII в., а в Карелию хозяйственное мыло попало с началом развития торговли и коробейничества.

Карелы Пряжинского р-на (д. Ведлозеро) при насморке капали в нос сок тысячелистника¹¹⁴⁹.

- Обморожение

Проживая в северных условиях с низкими температурами, карелы нередко подвергались обморожению. Исследовательница социально-культурной среды детства в карельской деревне О. П. Илюха отмечает, что на лесозаготовках обморожения, особенно у детей, были типичными явлениями. Это было связано, в первую очередь, с отсутствием теплой одежды и обуви¹¹⁵⁰. Используемые в наречиях карельского языка лексемы являются отглагольными именами существительными:

kylmetys: ливв. *kylmetys* (Сямозеро)¹¹⁵¹ // ср. (вепс.) *kül'mätez*¹¹⁵² (от слов. осн. глаг. *kylmätyä*→*kylmäty*- ‘обморозить, обморазивать’ + суф. *-ys*).

kylmätüntä: ск. *kylmätäntä* (от слов. осн. глаг. *kylmätyä*→*kylmäty*- ‘обморозить, обморазивать’ + суф. *-ntä*).

kylmätyš: ск. *kylmätyš*¹¹⁵³ (от слов. осн. глаг. *kylmätyä*→*kylmäty*- ‘обморозить, обморазивать’ + суф. *-ys*).

¹¹⁴⁸ Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 227.

¹¹⁴⁹ Полевой материал автора – 26, 46.

¹¹⁵⁰ Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб., 2007. С. 87.

¹¹⁵¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 514.

¹¹⁵² Полевой материал автора – 41.

¹¹⁵² Семакова И. Б., Рогозина В. В. Материалы по традиционной медицине вепсов // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы. Петрозаводск, 2006. С. 304.

¹¹⁵³ Русско-карельский словарь. Петрозаводск, 2015. С. 188.

kylmys: ск. *no ni hiän raskasivaičči jott hänellä on ollut oikein luja kylmys* – ‘ну, рассказывал он, что было у него очень сильное обморожение’ (Кестеньга)¹¹⁵⁴ (от слов. осн. глаг. *kylmyä*→*kylmy*- ‘замерзать’ + суф. *-ys*).

Возникновение обморожения объясняли и иррациональными причинами.

Паданские карелы считали лучшим средством при лечении последствий обморожения разогретую землю, которую прикладывали к пораженному участку кожи.

Беломорские карелы (д. Костомукша) обрабатывали обмороженные места жиром черной утки¹¹⁵⁵. Паданские карелы мазали обморожения лебединым¹¹⁵⁶ или лисьим салом. Жители д. Кучозеро и д. Сямозеро смазывали пораженную кожу гусиным жиром, а при сильных обморожениях резали овцу или кошку и держали помороженное место внутри разреза. Для лечения обморожений использовали также кровь сороки¹¹⁵⁷.

У паданских карелов эффективными средствами при обморожениях считались конопляное масло и березовый порошок. Этот порошок получали из темно-красной коры березы, вырастающей между берестой и стволом дерева. Кору сушили, толкли в ступе до образования порошка. Карелы-ливвики (д. Корбинаволоок, Лахта) смазывали обмороженное место мазью из ноготков. Сегежские и сямозерские карелы прикладывали к обмороженному месту сырую мороженую картошку.

Также при обморожениях широко применялась человеческая моча в качестве примочек¹¹⁵⁸.

¹¹⁵⁴ Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994. S. 60.

¹¹⁵⁵ Virtaranta P. Vienan kylä kiertämässä. Porvoo; Helsinki, 1978. S. 245.

¹¹⁵⁶ Прим.автора: у карелов и вепсов бытовали запреты на убийство некоторых птиц и животных, среди которых был лебедь. Использование их частей, например, в медицинских целях, объяснялось следующим образом «*ku tariž*» ‘если необходимо’ (См., напр.: Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск 2006; Его же. Мифология вепсов. Петрозаводск, 2015).

¹¹⁵⁷ Огнева О., Конкка А. Праздники и будни: карельский народный календарь. Петрозаводск, 2013. С. 37.

¹¹⁵⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 514.

3. Болезни «от грязи».

- Молочница во рту у ребенка

При наименовании детской молочницы во рту употребляли метафоры:

talma: ск. *talma* (Калевала, Контоки, Ругозеро, Суйстамо, тверской говор, Тихтозеро); *šuu on talmašša* – ‘во рту молочница’ (Кестеньга); *kui voi ei, ga siid on talmas suu* – ‘если у него недомогание, значит молочница у него во рту’ (Суоярви) // ливв. *talma* (Тулмозеро)¹¹⁵⁹. Можно предположить, что, появившиеся во рту волдыри во время молочницы, были схожи с мозолями (круглые, водянистые). Поэтому лексему *talma*, у которой главное значение ‘мозоль’, стали использовать и по отношению к молочнице во рту (ср. с. 288). Также, судя по ареалу, может быть финским заимствованием, ср. *talma* ‘волдырь’, в финских говорах *talma* ‘слизь, грязь’.

ruahto: ливв. *lapsel kai kieli on ruahtol* – ‘у ребенка молочница – букв. весь язык в белых пятнах’¹¹⁶⁰. Основное значение лексемы *ruahto* ‘творог’. В период данного заболевания слизистая рта, губы и язык ребенка покрываются белым налетом, напоминающим творог. Можно предположить, что поэтому карелы начали использовать эту лексему при обозначении детского заболевания¹¹⁶¹.

В людиковском наречии используется русское заимствование **moločnoi**: люд. *se moločnuoks ... kuižo nazjvaittane* – ‘ее молочницей называли’¹¹⁶² (ср. русс. ‘молочница’)¹¹⁶³.

Молочница появлялось у детей до года. Распространение заболевания связывали с плохой гигиеной. Маленькому ребенку давали сосать хлеб или кашу через тряпку, которая была нечистой, а, возможно, мать плохо следила за чистотой своей груди. При молочнице во рту ребенка образовывалась белая пленка (сперва только на языке, а потом по всему рту), затем белые или желтые волдыри: «*kielez on talmoa, valgei on*» – ‘на языке молочница, он весь белый’ (Тулмозеро). Если бо-

¹¹⁵⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 32.

¹¹⁶⁰ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 314.

¹¹⁶¹ Полевой материал автора – 36.

¹¹⁶² Virtaranta P. Luuydiläisiä tekstejä. Osa VI. Helsinki, 1994. S. 152.

¹¹⁶³ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2005. С. 319.

лезнь долго не лечили, то волдыри начинали кровоточить, ребенок переставал есть, потому что испытывал боль¹¹⁶⁴. Тверские карелы отмечали даже смертельные исходы в результате этого заболевания: «*šid'ä talmoida i kuol'i lapsi*» – ‘ребенок умер из-за молочницы’. Карелы (Петрозаводский у.) заранее пытались уберечь младенца от болезни: при крещении выполаскивали в купели рожки и соски ребенка, веря, что так они защитят его¹¹⁶⁵.

Держанские карелы (д. Семеновское, Новое) смешивали в миске слегка теплую воду и золу, ставили для выпаривания в горячую печь. После остужали и мазали рот ребенка. Это средство считалось эффективным с древних времен¹¹⁶⁶. Ливвиковские карелы обмазывали рот младенца густой сладкой водичкой (с сахаром или медом) (д. Ведлозеро, Корбиноволок, Лахта)¹¹⁶⁷.

На севере Карелии от молочницы ребенку давали пить очень сладкий сок брусники. Кипятили воду, добавляли туда ягоды и сахарный песок и затем поили ребенка. Иногда этим соком мазали язык и неба (д. Войница, Куйваярви, Минозеро, Тихтозеро)¹¹⁶⁸. Южные карелы обмазывали рот младенца настойкой зверобоя или коры дуба (д. Корбиноволок, Лахта)¹¹⁶⁹. Таким же способом лечения пользовались карелы д. Оуланка¹¹⁷⁰.

4. Болезни, вызванные поднятием тяжестей, перенапряжением

- Боль в спине

kipu selässä – букв. ‘боль+в спине’: ск. *kipu selässä* (Беломорская Карелия)¹¹⁷¹.

selgiä kivistäy – букв. ‘спина+болит’: ливв. *selgiä kivistäy* (Корбиноволок, Лахта).

sivuv pakotav – букв. ‘спину+ломит’: люд. *sivuv pakotav* (Пряжа).

¹¹⁶⁴ Forsius A. Kuvauksia lääketieteen historiasta. URL: www.saunalahti.fi/arnoldus/haklaa.html.

¹¹⁶⁵ Суеверия и предрассудки в простом народе // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 75. С. 666.

¹¹⁶⁶ Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 227.

¹¹⁶⁷ Полевой материал автора – 48.

¹¹⁶⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 32.

¹¹⁶⁹ Полевой материал автора – 26.

¹¹⁷⁰ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 248.

¹¹⁷¹ Зайков П. М., Ругоева Л. И. Карельско-русский словарь. Петрозаводск, 1999. С. 57.

Ливвиковские и людиковские карелы давали маленькому ребенку потоптаться по спине больного (д. Корбинаволоок, Пряжа)¹¹⁷².

Держанские карелы «отправляли» боль в спине к зайцу: заяц быстро бегают и унесет болезнь. Знахарка делала топором метку на спине больного и говорила:

<i>Elgy kivišt'äkki miul šivut,</i>	Не болейте мои бока (крестцы),
<i>a jäniksel' kivišt'äkküä,</i>	а болейте у зайца
<i>hiän on joudau, metšäš hyplöü¹¹⁷³.</i>	он – свободный, в лесу прыгает.

(Перевод автора)

- Выпадение пупа

Одну из причин болей в животе и пояснице карелы видели в выпадение/выскакивание пупа. Собственно-карелы для обозначения этого недуга использовали составное название *ñavavveändä* (Реболы)¹¹⁷⁴, которая является сложным именем существительным (*ñavav/veändä* – букв. ‘пупа’ + ‘сдвиг’). Тверские карелы использовали выражение *n'aba murduu* – ‘пуп вывихнется’. Карелы Лоухского р-на (д. Зашеек) говорили о выпадение пупа «*n'apa l'ikahtau*» – ‘пуп сдвигается’.

Выпавший пуп надо было обязательно вправить: (ливв.) «*on n'aba viäräs, pidäš sivuloi račkata*» – ‘пуп надорван, надо было вправить (букв. ‘пуп выпадает, сделать бы так, чтобы хрустнуло в пояснице’)’¹¹⁷⁵, (тверской говор) «*n'aba murduu noštuaš's'a tuahta hangolla, šilloin pid'äy račkata*» – ‘когда грузишь вилами навоз, надорвешь пуп (букв. ‘пуп вывихнется’), тогда нужно вправить (букв. ‘хрустнуть’)’¹¹⁷⁶.

Вправление пупа осуществляли физиотерапевтическими и хирургическими методами: массажем или специальными пупочными горшками. Карелы д. Кучозе-ро для вправки пупа натирали живот и спину горячей водой с мылом. Если это не

¹¹⁷² Полевой материал автора – 24, 38, 26.

¹¹⁷³ Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 229.

¹¹⁷⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. III, 1983. S. 464.

¹¹⁷⁵ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 296.

¹¹⁷⁶ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 173.

помогало, то на пуп ставили крынку, в которую клали подоженую пеньку. Карелы д. Оуланка вправляли пуп с помощью разогретого стакана: клали на пуп бумагу, в которой делали дырку, вставляли в эту дырку стакан с горячей свечой¹¹⁷⁷.

Довольно часто карелы прибегали к помощи пупочных горшочков (д. Войница). Их изготавливали из глины, размером с небольшой стакан. Ставили банки следующим образом: клали на пуп два круглых кусочка бумаги, сверху такого же размера льняную ткань, которую поджигали, затем накрывали подоженную ткань банками. Пока огонь горел, кожа под горшочком стягивалась, а пуп вставал на место. Тихвинские карелы использовали другой способ выставления банок: предварительно промассировав живот, поджигали клочок конопляной пеньки, клали в глиняный горшок и затем, не снимая горящую пеньку, ставили на живот. Горшок привязывали полотенцем, чтобы он не упал. Больному нужно было пролежать так в течение вечера.

У ребольских карелов (Муезерский р-н) для того, чтобы «поставить» пуп на место, обращались за помощью к знахарю. Больной лежал на животе на скамейке, под пуп подкладывали небольшой горшок, знахарка водила больному по спине рукой и, нащупав пупок, вставляла его на место. Благоприятным исходом данной манипуляции считался сильный хруст, обозначающий то, что пуп «встал» на место¹¹⁷⁸. Такой же способ лечения этого недуга использовали карелы, проживающие на территории Олонецкого р-на, Поморья¹¹⁷⁹. При вправлении больной испытывал очень сильную боль.

В Кемском уезде при выпадении пупа практиковали растирание живота мутовкой, особенно тщательно терли в области пупа.

¹¹⁷⁷ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 248.

¹¹⁷⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. III, 1983. S. 464.

¹¹⁷⁹ Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 185; Цейтлин Г. Знахарства и поверья в Поморье // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 1 С. 13.

Если пуп выскакивал и начинал гноиться, то его мазали мазью, изготовленной из ягод волчьего лыка и табачного масла, затем привязывали на пуп пятикопеечную монету (д. Войница)¹¹⁸⁰.

- Грыжа

В карельском языке существует несколько терминов определяющих данное понятие. Слово *tyrä*, бытующее во всех наречиях в карельском языке, имеет общие прибалтийско-финские истоки, возможно сопоставление с (кар.) *tyrie* 'расти медленно, с усилием'¹¹⁸¹: ск. *tyrä* (Иломанси, Импилахти, Калевала, Кестеньга, Суоярви), *t'yrä* (Ругозеро, Тунгозеро), *t'yr'ä* (тверской говор) // ливв. *tyrä* (Коверо, Корбинаволоок, Лахта, Ляпякке, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица), *tyrä* (Видлица, Салми, Сямозеро); *raviennu da vägevänn olles tyrän sai* – 'был сильным и бодрым, а грыжа появилась' (Неккула, Рыпушкалица) // люд. (Пряжа) *tyrä* (у взрослых)¹¹⁸² // ср. (лив.) *tirá, túra*; (вод.) *túrä*; (ижор.) *túrä*; (эст.) *túra*; (фин.) *tyrä*¹¹⁸³.

К русским заимствованиям относятся следующие лексемы:

griiz'i: ск. *griiz'i* (Новое)¹¹⁸⁴. Лексема *griiz'i* заимствована из русского языка *грыжа 'боль, ломота', 'рана, нарыв'¹¹⁸⁵. От информантов Прионежского р-на (п. Шуя) в 1921 г. было записано, что грыжа – это *purijan aluine* – букв. 'настил кусающего'. Она живот вспучивает, опускается и подымается. Эти данные напоминают верования о грыже у русских, как о болезни, которая вызывается живым существом, прогрызающем человеческое нутро и принимающем вид опухоли или нароста. Под грыжей у русских часто подразумеваются все внутренние болезни, преимущественно детские¹¹⁸⁶. В верованиях карелов и финнов грыжа также является живым «кусающим» существом. Чаще всего ее представляли в виде змеи или червя, который грызет человеческие внутренности. Считалось, что это существо

¹¹⁸⁰ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Porvoo, 1924. S. 52.

¹¹⁸¹ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. III, 2000. S. 348.

¹¹⁸² Полевой материал автора – 52, 38; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 346.

¹¹⁸³ Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki. V, 1975. S. 1460.

¹¹⁸⁴ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 76.

¹¹⁸⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1986. С. 466.

¹¹⁸⁶ Усачева В. В. Грыжа // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 568.

смертно. Жители д. Войница рассказывали, что грыжа «умрет» тогда, когда «съест» ягоды волчьего лыка¹¹⁸⁷

kila: ск. *kila, kilo* (Калевала), *kila* (Ругозеро); *on huvä kilo, vezipurpu* – ‘такая грыжа большая, как водяной насос’ (Суоярви) // ливв. *kilo* (Сямозеро)¹¹⁸⁸ // ср. (мар.) *кила*; (вепс.) *kil*¹¹⁸⁹. Используемые в ливвиковском и наречиях лексемы *kila, kilo* являются русскими заимствованиями кила (ср.: *кила* (сс.), *кыла* (сл.), *kila, kilav* (б.) ‘грыжа, опухоль’¹¹⁹⁰. Русские Шенкурского у. Архангельской губернии под названием «килы» понимали всякие болезни полости рта и зева у крестьян¹¹⁹¹.

Ряд наименований представлены композитами с указанием на тот орган тела, где именно образовалась грыжа:

n'apakriisi: ск. *n'abagriiz'i* (тверской говор), *n'apakriisi* (Корбисельга), *n'abariizi, n'abagriizi* (Суоярви) // ливв. *n'abagriizi* (Сямозеро), *n'abagriizi* (Салми)¹¹⁹² (*n'apa/kriisi, n'aba/riizi, n'aba/griizi* – букв. ‘пуп’ + ‘грыжа’).

n'iärvägriz'i: ск. *n'iärvägriz'i* (тверской говор)¹¹⁹³ (*n'iärvä|griz'i* – букв. ‘пах’ + ‘грыжа’).

К отглагольным именам существительным относится лексема **häkytus:** ск. *häkytus* (Суоярви) // ливв. *häkytus* (Салми, Сямозеро, Тулмозеро)¹¹⁹⁴ (от слов. осн. глаг. *häkyttiä*→*häkytä*- ‘надуть грыжу + суф. –ys’). Ливвиковские карелы наименованием *häkytus* обозначали только детскую грыжу.

Карелы объясняли появление грыжи у взрослых и детей рационально. У взрослых: из-за поднятия тяжестей: «*kilo puutui hänelleh jugien nostandoa*» ‘грыжа появилась у него из-за поднятия тяжести’ (Сямозеро) [. Причиной грыжи у детей был продолжительный плач, т. е. перенапряжение, в результате которого у маль-

¹¹⁸⁷ Manninen I. Kansanomaisen tautiopin alalta // Kalevalaseuran vuosikirja. № 13. Porvoo; Helsinki, 1933. S. 146–147.

¹¹⁸⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 195.

¹¹⁸⁹ Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Вепско-русский, русско-вепский учебный словарь. Петрозаводск, 1995. С. 43;

¹¹⁹⁰ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958. С. 345.

¹¹⁹¹ Постников В. Знахарство, виды его и борьба с ним в Архангельской губернии // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1909. № 5. С. 27.

¹¹⁹² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. III, 1983. S. 453.

¹¹⁹³ Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 179.

¹¹⁹⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1968. S. 383; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 50.

чика опухало одно яичко, у девочек вырастал пупок'¹¹⁹⁵. Возникновение грыжи объясняли и иррациональными причинами.

По словам жителей д. Иванисто, при определении причин беспокойства младенца на его живот клали дождевого червя. Если червь умирал, значит, у ребенка грыжа¹¹⁹⁶.

Родители могли и заранее предостеречь ребенка от заболевания грыжей. Когда ребенок только родился, брали иголку без ушка, вбивали ее в пол так, чтобы она вошла вся целиком. Говорить при этом ничего не надо было, только «Господи благослови!». Иголку заготавливали еще до рождения ребенка, вбивать ее надо было со злостью, тогда малыш не заболеет¹¹⁹⁷.

Если же у ребенка все-таки появлялась грыжа, то использовали различные способы лечения. Народные способы врачевания грыжи у детей грудного возраста были, так сказать, «специфически младенческими», то есть включали в себя особый набор магических приемов, не применяемых никогда для взрослых. Из рациональных способов практиковали массаж и вправление грыжи руками, применяли различные травы, выпаренные в горшке жиры.

Собственно-карелы толкли в посудине на трех порогах около 90 ягод волчьего лыка, добавляли жир медведя и вино (вместо вина можно было использовать грудное молоко), наливали в бутылку, настаивали месяц и затем смазывали пуп ребенка (д. Ругозеро). Карелы д. Каркуярви толченые ягоды смешивали с табаком, луком и вином (или лампадным маслом)¹¹⁹⁸. Подобный способ известен у ингерманландцев¹¹⁹⁹. Другой способ: терли свеклу, выжимали сок в бутылочку и, когда

¹¹⁹⁵ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 195.

¹¹⁹⁶ Бусарова В. П. Структура обряда лечения (на примере сяозерских карел) // Сязозерские чтения: доклады и материалы первой и второй научно-практических конференций. Петрозаводск, 2006. С. 105.

¹¹⁹⁷ Конкка А. П. Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик. Народная медицина. Знахарство и колдовство // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 387.

¹¹⁹⁸ Virtaranta P. Vienan kylä kiertämässä. Porvoo; Helsinki, 1978. S. 100.

¹¹⁹⁹ См., например: Elettinpä ennen Inkeris: Näytteitä inkerinsuomalaisista murteistä / Toim. M. Mullonen. Petroskoi, 2004. S. 31.

пекли хлеб, ставили ее в каравай и затем этим соком поили ребенка (д. Новое)¹²⁰⁰. Кестеньгские карелы на больной пуп ребенка сыпали табак¹²⁰¹.

Тунгудские карелы смазывали грыжу медвежьим жиром. Тверские (д. Пальцево, Прудовая) и новгородские (д. Марково) выпускали на пупок ребенка большого черного жука-плавунца (жители д. Прудовая вылавливали его в ламбушке). Жук прокусывал пупок (грыжу), и он отваливался¹²⁰² (ср. у русских брали в руки мышь и заставляли ее укусить пупок ребенка¹²⁰³). Карелы Калевальского р-на (д. Мяркяваара) смазывали вздувшийся пупок кровью собаки. Надрезав ухо животного, накапывали несколько капель крови в посудину и смазывали кровью пупок по вечерам после захода солнца. Отмечалось быстрое выздоровление.

Сямозерские и тунгудские карелы лечили грыжу с помощью трехкопеечной или пятикопеечной монеты. В Сямозерье карелы клали на место грыжи медный пятак, сверху помещали сушеный пяточок свиньи и трижды приговаривали: «Как поросенок все выроет, так все болячки (раба Божьего, если младенцу уже дано имя) выроются». Тунгудские карелы прикладывали на пупок ребенка черную шерсть овцы от первой стрижки, а затем монету и произносили: «*N'äm(ä) on kaiki purdu, i šiun purou t'ämä!*» – ‘Это все покусано, и тебя они загрызут!’)

В д. Сямозеро для лечения пупочной грыжи знахарка наговаривала на веретена, скалки или ножи. Сперва она наговаривала на один из этих предметов следующие слова: «Как это веретено всю пряжу выткало, так вся грыжа выкрутится», «Как эта скалка все тесто выскала, так и грыжа вся выскется», «Как точило нож съедает, так и грыжа точилом съедается». Затем этот предмет прикладывали к грыже или проворачивали по часовой стрелке над пупком младенца.

Для смазывания пупка использовали также заранее заговоренное вино или постное масло (д. Кучозеро). Наговаривали следующим образом: в левой руке держали маленькую чашку вина или масла, в правой – нож. Постукивая, водили в

¹²⁰⁰ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 78.

¹²⁰¹ Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994. S. 71.

¹²⁰² Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 194.

¹²⁰³ Усачева В. В. Грыжа // Славянские древности. М., 1995. Т. 1. С. 569.

чашке острием ножа, и произносили трижды: «Заедай, загрызай всех тридевять грызей раба Божьяго (имя)»¹²⁰⁴.

У людиковских карелов (д. Ялгуба) для лечения детской грыжи в молоко добавляли заговоренное семенное масло¹²⁰⁵.

Еще одним из способов лечения был следующий: ребенка на месте стола поливали водой, произнося при этом: «*Mie olen leibän šyöjä, šie olet šitan šyöjä! Mie dolzen šiun pereborit'!*» – ‘Я ем хлеб, ты питаешься дерьмом! Я должен тебя перебороть!’. После этого снятую с ребенка одежду сжигают в печной трубе¹²⁰⁶.

Жители с. Воздвиженка водили (массажировали) вокруг пупка младенца безымянным пальцем и говорили: «*Kukki kudomane! Millä mie šivn šijänytin? Prosti milma! Ota omaš huvuš, anna oma tervehyš oigiella hengella bladenčalla*» – ‘Дорогая луна! Чем я тебя рассердила? Прости меня! Возьми свое хорошее, дай свое здоровье правой душе младенцу’. Для этой группы карелов было принципиально и время суток для проведения лечебного ритаула: лунная ночь, чтобы на ребенка падал лунный свет¹²⁰⁷. Возможно, обращение к луне было вызвано тем, что младенцы чаще всего плакали ночью. В верованиях русских луна была связана с активизацией демонологических персонажей¹²⁰⁸ (ср. у карелов – *yönitkettäi* ‘ночница, будиха’, мучающая детей по ночам, не давая им спать).

Зачастую карелы обращались за помощью к знахарю, чтобы он помог избавить ребенка от боли. Магическая практика была самая разнообразная. Одним из способов был «кусание грыжи». У карелов д. Толлорека был записан следующий способ лечения: знахарка брала с головы матери ребенка платок, клала его в то место, где ребенок ел, затем ходила вокруг этого места и «кусала грыжу»:

¹²⁰⁴ Бубновский М. Заговоры карел // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1919. № 11. С. 221.

¹²⁰⁵ Баранцев А. П. Людиковские заговоры начала XVII века: тексты, чтение // Советское финно-угроведение. 1987. № 4. С. 287–288.

¹²⁰⁶ Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 66.

¹²⁰⁷ Михайловская М. В. Карельские заговоры, приметы и заплочки // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Вып. 2. Л., 1925. С. 616.

¹²⁰⁸ Белова О. В., Толстая С. М. Луна // Славянские древности. М., 2004. Т. 3. С. 146.

*Syön syöjän, purem purijan,
vain en syö syntyjöö
enka kavota kasvajoa*¹²⁰⁹.

Я ем грыжу, кусаю кусачую,
только не ем новорожденного,
не трогаю растущего.

(Перевод автора)

Такой обряд совершался три дня подряд.

В д. Нинисельга знахарка прикусывала мошонку младенца через ночную сорочку матери трижды повторяя: «Обкусаю боль сейчас и навеки веков». Жители д. Эссойла также прикусывали грыжу через пеленку, после чего брали ключи за петельку и водили по часовой стрелке вокруг пупка, затем водили ножом, а в конце ставили ножом кресты в разных местах вокруг пупка¹²¹⁰. У капшинских и южных вепсов имитировали кусание грыжи, используя высушенную щучью челюсть¹²¹¹.

В некоторых случаях матери ребенка или самому больному (взрослому) было необходимо принести что-нибудь (вещь, воду, мазь, грудное молоко и т. д.) к знахарю, чтобы он нашептал заговор. В д. Курмойла (Сямозерский р-н) мать на закате дня относила знахарке горсть муки, на которую наговаривался магический текст у шестка печи. Нести муку домой надо было в крепко зажатом кулаке, чтобы ветер не выдул из муки лечебную силу. Кроме того, по пути домой матери запрещалось разговаривать со встречными людьми, и необходимо было соблюдать следующие правила: каждый раз, перешагивая через ручей (если они встречались по дороге к дому) женщина должна была твердить: «Что с собой несусь, через воду перенесусь», перешагивая через порог: «Что через порог несла, то через порог перенесла», а в избе она должна была произнести: «Что с собой несла, в дом принесла». Считалось, что при нарушении этих правил, водяной, пороговый или домовый духи могли присвоить себе заговоренное зелье. Дома мать замешивала принесенную муку на грудном молоке или растительном масле. Полученную густую кашу втирали в место, где была грыжа. Такой же кашей сямозерские карелы

¹²⁰⁹ Virtaranta P. Vienan kansa muistelelee. Porvoo; Helsinki, 1958. S. 155.

¹²¹⁰ Скачков А. Приметы и суеверия о ноже // Сямозерские чтения: доклады и материалы первой и второй научно-практических конференций. Петрозаводск, 2006. С. 119.

¹²¹¹ Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск, 2006. С. 212.

лечили у младенца растройство желудка и боли в животе. Муку в этих случаях разводили до очень жидкого состояния и выпаивали ребенку через рожок¹²¹². Тверские карелы (д. Никифариха Лихославльский р-н) приносили знахарю для заговора мазь.

- Радикулит, прострел, боль в пояснице

Большая часть именовании радикулита в карельском языке являются отглагольными существительными:

kirvessys: ск. (Кестеньга) *kirveššyštä läsin* – ‘я болела радикулитом’¹²¹³ (от слов. осн. глаг. *kirvesteä*→*kirvestä*- ‘жечь, саднить, щипать (о боли); внезапная боль в спине, внезапно начавшийся радикулит’ + суф. *-ys*).

ozavus: ливв. *ozavus*¹²¹⁴ (от слов. осн. глаг. *ozata*→*ozua*- ‘заболеть, получить прострел’ + суф. *-vus*).

raippavo: ливв. *raippavo* (Сямозеро) (от слов. осн. глаг. *raipata*→*raippua*- ‘схватить (о боли в пояснице) + суф. *-vo*).

raippavus: ск. *midä leikkoat? Raippavusta* – ‘что рубишь? Радикулит’ (Суоярви) // ливв. *raippavus* (Ковера, Корбинаволоок, Лахта, Ляпякке, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица), *raippavus* (Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро) // люд. *raippavus* (Михайловское)¹²¹⁵, *raippaiduz*¹²¹⁶ (от слов. осн. глаг. *raipata*→*raippua*- ‘схватить (о боли в пояснице) + суф. *-vus*).

raippuandu: ливв. *raippuandu* (Ковера, Корбинаволоок, Лахта, Ляпякке, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица) (от слов. осн. глаг. *raipata*→*raippua*- ‘схватить (о боли в пояснице) + суф. *-ndu*).

Среди составных лексем можно выделить композиты с указанием на больную часть тела:

¹²¹² Логинов К. К. Родильная обрядность и способы лечения младенческих недугов // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 250.

¹²¹³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 220.

¹²¹⁴ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990. С. 246.

¹²¹⁵ Полевой материал автора – 52, 33.

¹²¹⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 14; Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944. S. 350.

sivuraippavus: ливв. *sivuraippavus* (Большие Горы)¹²¹⁷ (*sivu/raippavus* – букв. ‘поясница’ + ‘радикулит’).

sivuloinraippavus: ливв. *sivuloinraippavus*¹²¹⁸ (*sivuloin/raippavus* – букв. ‘поясниц’ (форма множественного генитива) + ‘радикулит’).

В собственно-карельском наречии используют название *ut'uuma*: ск. *šel'gä zabol'i: ut'uuma tartu miuh* – ‘заболела спина: прострел ко мне пристал’, заимствованное из русского языка утюн ‘боль в спине’ (тверской говор)¹²¹⁹. Очевидно, можно объяснить происхождением от лексемы утин (ниж. ‘боль, в пояснице, в крестце’, также ‘граница, рубеж’). Утин – старо-славянское слово¹²²⁰.

Это заболевание возникало из-за поднятий тяжестей и сопровождалось сильными болями в спине: «человек при такой боли не может ни стоять прямо, ни ходить и находится в сторбленном состоянии»¹²²¹.

Основным лечением прострела у всех групп карелов считалось «рубка» боли в спине с произнесением заговора: (ливв.) *hâi tiedäy ozavukses* – ‘он умеет заговаривать прострел’. Для обозначения этих заклинаний у ливвиковских карелов было специальное название *ozavussanat* ‘заклинание от прострела’ – букв. прострел+слова)¹²²².

Валдайские карелы д. Марково (Новгородская обл.) лечили прострел веретенами. Знахарка на пороге колола больного девятью веретенами (веретена собирались в пучок), начиная от одного бока к плечу, шее и к другому боку, приговаривая: «*Mie šilma kerran pis's'än [...], a mie šilma kahičči. Šie milma kahičči, a mie šilma kolmičči....*» – ‘Я тебя раз уколо, а я тебя – дважды. Ты меня – дважды, а я тебя – трижды...’¹²²³ Использование веретен объяснялось тем, что они наделялись магическими свойствами. Славянские народы применяли веретена при

¹²¹⁷ Полевой материал автора – 32, 42.

¹²¹⁸ Большой русско-карельский словарь. Петрозаводск, 2016. С. 288.

¹²¹⁹ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 193–194.

¹²²⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987. С. 174.

¹²²¹ Присловья, приметы, обычаи, заговоры и верования простаго народа въ Вытегорском уезде // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 38. С. 400.

¹²²² Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 246.

¹²²³ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 194.

заговаривании болезней (боли и покалывания в боку) и врачевании (лечение лихорадки)¹²²⁴.

Держанские карелы (д. Семеновское, Новое) «отдавали» боль в спине – зайцу. Знахарка делала топором на больном месте метку в виде креста и говорила:

<i>Elgy kivišt'äkki miul šivut,</i>	Не болейте мои бока/спина,
<i>a jäniksel' kivist'äkkyä,</i>	а болейте у зайца,
<i>hiän on joudau, mečäš hyplöy</i> ¹²²⁵ .	он – свободный, в лесу прыгает.

(Перевод автора)

Как мы видим, во всех вышеописанных способах лечения ритуал проводился на пороге. Вероятно, это было связано с тем, что порог в мифологических представлениях был границей между миром живых и мертвых и «разрубание» болезни свидетельствует об ее отправке в мир мертвых.

У всех групп карелов широко применялся способ лечения радикулита, который можно назвать как «рубка» топором: «*kyn'n'yksel pannah voimattomoa, raippavustu leikatah*» – ‘на порог кладут больного, радикулит рубят’ (Неккула, Рыпушкалица)¹²²⁶. По мнению лоухских карелов, в проведении этого лечебного ритуала было необходимо участие трех человек: исполнителя (как правило, это был знахарь), слушающего (чаще всего он прятался за дверью) и больного, который стоял на четвереньках (д. Оуланка) или лежал на животе на пороге (г. Олонец, д. Вокнаволок, Суднозеро, Тунгуда). Сам лечебный процесс проходил по одинаковому сценарию. Утром во время топки печи «доктор» брал топор и полностью износившийся веник, открывал дверь, и больной располагался на пороге: головой в комнату, а ногами в сени. Затем знахарь клал веник на спину больного, ударял топором по нему и в этот момент из-за двери у него спрашивали: «*Midä leikkadad?/Jumala apuh, mitä ruat*» – ‘Что рубишь?/Бог в помощь, что делаешь?’ Лечащий отвечал: «*Raipaidust leikkadan/Hyvä apu Jumalan, kirves leikkaa kirvessystä, kirves leikkaa kirvessystä, kirves leikkaa kirvessystä*» – ‘Прострел рублю/Хороша

¹²²⁴ Павлова М. Р., Толстой Н. И. Веретено // Славянские древности. М., 1995. Т. 1. С. 341.

¹²²⁵ Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 229.

¹²²⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 14.

Божья помощь, топор рубит прострел, топор рубит прострел, топор рубит прострел'. У карелов д. Оуланка после трижды повторенных вопросов и ответов, больного ставили на ноги, и он был уже полностью здоров. У других групп карелов ритуал заканчивался тремя ударами по венику и трижды произнесенным: «*Amin, amin, amin*» – 'Аминь, аминь, аминь'. Так надо было делать три утра подряд, на трех разных порогах, по три раза в то время, когда топили печь¹²²⁷.

Поскольку главным местом лечения у карелов являлась баня, то они практиковали физиотерапевтические (баня, массаж, прогревание) способы лечения. Самый древний способ был зафиксирован еще в новгородских берестяных грамотах на карельском языке. Речь шла о *jumalannuoli* – 'божьей стреле', под которой подразумевалась молния или ее «окаменевшее воплощение», а именно древние каменные орудия (сланцевые топоры, тесла, долото). Этим нагретым долотом/теслом массировали больную спину. В южных районах Карелии еще в 1960–1970-е гг. применяли подобный способ лечения¹²²⁸. Тихвинские карелы Бокситогорского р-на Ленинградской обл. заваривали крапиву, зверобой, мяту, щавель, заячий щавель (кислицу) или валериану и парились в бане. Выбор травы для такого лечения сводился к принципу: «...что мягко и душисто». Таким же способом они лечили и боль в ногах¹²²⁹.

Хождение по спине больного также считалось своеобразным массажем для избавления от радикулита (см. Приложение 2, Рисунок 25). Жители д. Эссойла верили, что для избавления от радикулита надо было, чтобы больную спину «помассировал» тот человек, который только что ногой убил змею. Карелы Пряжинского р-на (д. Корбинаволоок, Лахта) считали, что эффект выздоровления будет получен после того, как по спине больного походит ребенок.

¹²²⁷ Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск, 2000. С. 289; Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 243; Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. S. 274-275.

¹²²⁸ Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. О карельской народной медицине: рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 114.

¹²²⁹ Юрчак О. Баня в быту и обрядах тихвинских карел // Сайт Олонек.ру: олонекский городской портал URL: www.olonec.ru/banya.php.

По сведениям информантов ливвиковские карелы лечили прострел способом втирания в поясницу различных прогревающих жидкостей или мазей. В д. Метчелица больное место натирали керосином и завязывали сверху шерстяной платок. Ведлозерские карелы втирали в спину свежий сок редьки в качестве согревающего средства¹²³⁰.

5. Заразные, вирусные болезни

- Грипп

Первые упоминания об эпидемии гриппа в Финляндии датируются 1580 г., которые зафиксированы в записках финляндского священника Сигфридуса Аронуса Форсиуса (1560–1624). Исходя из записей, осенью 1580 г. в Европе была эпидемия неизвестной тяжелой болезни, буквально запись выглядела следующим образом: «*W. 1580 Oli Suomes suuri yskä wuosi*» – ‘Год 1580. В Финляндии это был год сильного кашля’. Тогда грипп называли «испанской болезнью». Данное название стали использовать и в Германии (*Spanische Krankheit*), поскольку в 1580 г. в Испании от гриппа умерло большое количество людей. В 1743 г. в Европе эпидемия повторилась, и ученый Гагиарди (Италия) дал названий этой болезни *influenza*. И сейчас в некоторых языках это название используют для обозначения вирусного эпидемического заболевания. Оно, в частности, закрепилось в новописьменном карельском языке: *flunssa*: ск. *flunssa* // ср. (фин.) *flunssa*.

Согласно некоторым письменным источникам, в 1743 г. на территории Франции грипп стали обозначать лексемой *la grippe*. Сейчас данное наименование используют во многих языках: *grippa*: ск. *grippa* (тверской говор), *krippi* // ливв. *grippu*¹²³¹. В тверском говоре и в ливвиковском наречии карельского языка распространены слова *grippa*, *grippu*, являющиеся русскими заимствованиями (рус. грипп < от фр. *grippe*)¹²³².

Для снятия озноба карелы-ливвики парились в бане, грелись на печке (д. Лахта, Корбинаволоок).

¹²³⁰ Полевой материал автора – 26, 44, 45, 46.

¹²³¹ Русско-карельский словарь. Петрозаводск, 2015. С. 82; Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 54; Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 146.

¹²³² Словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. М., 1954. С. 194.

По сведениям информантов Пряжинского р-на (д. Лахта, Корбинаволоок), грипп лечили теми же средствами народной медицины, что и простудные заболевания. Из растительных средств, чтобы снизить жар, пили отвар из листьев и ягод малины, брусничный или клюквенный морс.

- Желтуха

Наименования желтухи в карельском языке представлены двумя морфологическими способами: суффиксальным и словосложением.

keldačču: ливв. *keldačču* (Большие Горы, Ковера, Ляпякке, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица)¹²³³, *keldučči* (Салми); *keldačuz on* – ‘болеть желтухой’ (Неккула, Рыпушкалица)¹²³⁴ (*keldačču*, *keldučči* – от слов. осн. им. прилаг. *keldaine* → *keldaze* – ‘желтый’ + суф. –**čču**).

keltatauti: ск. *keltatauti* (Калевала), *keldataudi* (Ругозеро, Суйстамо, Суоярви, тверской говор) // ливв. *keldutaudi* (Неккула, Рыпушкалица, Олонец, Салми, Сямозеро, Тулмозеро) // люд. *keldbol’ezn* // ср. (эст.) *kollatõbi*; (фин.) *keltatauti*¹²³⁵ (*kelta/tauti*, *kelda/taudi*, *keldu/taudi*, *keld/bol’ezn* – букв. ‘желтая’ + ‘болезнь’).

К главным симптомам желтухи относятся окрашивание кожи, слизистых оболочек и склеры глаз в желтый цвет¹²³⁶. Тверские карелы отмечали: «*tartu keldataudi n’in kodvan i šil’mät oldih keldazet*» – ‘заразился желтухой, так долго и глаза были желтые’¹²³⁷.

Для излечения желтухи было необходимо очистить печень. Для этого карелы использовали лечебные травы.

Ливвиковские карелы для исцеления желтухи пили и обмывали тело отваром из молодых всходов озимых (д. Ведлозеро), коры ивы (д. Эссойла) или отавы (д. Корбинаволоок, д. Лахта)¹²³⁸.

¹²³³ Полевой материал автора – 26, 32.

¹²³⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 122.

¹²³⁵ Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь. М., 2006. С. 125; Pihel K. Pikamäe A. Soome-eesti sõnaraamat. Tallinn, 1986. S. 164.

¹²³⁶ Полная энциклопедия народной медицины. М., 1999. Т.3. С. 205.

¹²³⁷ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 93.

¹²³⁸ Полевой материал автора – 46, 41, 26.

- Нагноение глаз

К славянским заимствованиям относится лексема *driän'i* (ливв. *silmäz on äjju driän'ii* – ‘в глазу много гноя’ (Салми) (ср. русс. дрянь ‘нечистота, гной’) ¹²³⁹. Эти же лексемы диалектах карельского языка используют при обозначении ‘нагноения, гноя’: ск. *driän'i jallašša* – ‘в ноге гной образовался’ (тверской говор) // ливв. *kačo driän'i valuu ruanaž* – ‘посмотри, с раны гной идет’ (Неккула, Рыпушкалица) // люд. *driän'* ¹²⁴⁰.

По мнению этимологов, наименования *rietta* и *rähmä* своим происхождением обязаны дескриптивным именам существительным.

rietta: ск. *rietta* (Вокнаволок, Калевала, Мяндусельга, Тунгозеро); *šilmät rietašša enkä t'ijä millä porottoa* – ‘глаза гноятся, а я не знаю как их вылечить’ (Кестеньга); *riettua silmih ajaa* – ‘в глазах гнойные выделения появляются’ (Корбисельга); *silmäd on rietas* – ‘глаза гноятся’ (Суоярви); *šilmät r'ietašš(a) ollah* – ‘глаза гноятся’ (тверской говор) // ливв. *rietta* (Олонец), *riettu* (Тулмозеро, Ведлозеро); *pyhkäldä silmän čuppu, riettua on ajannuh* – ‘вытри уголки глаз, гной идет’ (Салми); *rietad ollah silmiz, pidäy pestä* – ‘глаза гноятся, надо помыть’ (Сямозеро); *riettaa on silmäs* – ‘глаза гноятся’ (Видлица) (ср.: *retu, riena* ‘грязь; кощунство, богохульство; порча’) ¹²⁴¹.

rähmä: ск. *rähmä* (Суйстамо), *rähmy* (Импилахти); *silmäd on rähmäz magoan nan jällel* – ‘глаза в гное после сна’ (Суоярви) // ливв. *rähmy* (Неккула, Рыпушкалица, Салми); *čiišt'i rähmäd eäre silmiz* – ‘вытри глаза от гноя’ (Сямозеро) // люд. *riäzme* ¹²⁴² // ср. (ижор.) *rämü, räme*; (эст.) *rähm*; (фин.) *rähmä* ¹²⁴³.

Метафорический перенос прослеживается в наименовании **rikki**: ск. *rikki* (Суйстамо, Импилахти) // ливв. *silmäz on rikkii huondeksel* – ‘в глазу утром гной’ (Неккула, Рыпушкалица) ¹²⁴⁴ // ср. (вепс.) *rik, silmad rikiš* ‘глаза в гное’ ¹²⁴⁵. Кроме

¹²³⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. В. 4. М., 1977. С. 367.

¹²⁴⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 165; Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944. S. 35.

¹²⁴¹ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. III, 2000. S. 72.

¹²⁴² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 225-226.

¹²⁴³ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. III, 2000. S. 123.

¹²⁴⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 102.

того наименование *rikki* используется в следующих значениях: 1) (ск., люд., ливв., вепс., фин., ижор., эст., вод.) ‘сера’; 2) (люд.) ‘ушная сера’. Я. Калима предполагал, что в прибалтийско-финских языках, как и в славянских, первоначальное значение *rikki* ‘смола’. К таким выводам языковед пришел опираясь на следующие данные: др.русс. сьра ‘сера, смола’; польск. *siara* ‘сера, смола’; эст. *terw*, *terwä* ‘смола, сера’. Таким образом, значения лексем происходило так: ‘смола’ > ‘сера’¹²⁴⁶. Возможно, лексема *rikki* со значением ‘нагноение глаз’ развилась от *rikki* ‘смола’ (как из дерева выделяется смола, так и гной – из глаз).

В диалектах карельского языка нагноение глаз представлено большим количеством сложных имен существительных. К ним относятся следующие:

silmiriena: ск. *silmäriena*~*šilmiriena* (Вокнаволоок)¹²⁴⁷ (*silmi/riena* – букв. ‘глаз’ + ‘пленка’).

šilmišitta: ск. *nyt on šilmišitta tuaš* – ‘гной опять появился’ (Калевала) // ср. (фин.) *rähmäsilmä* (*šilmi|šitta* – букв. ‘глаз’ + ‘кал’).

šilmärietta: ск. *šilmärietta* (Иломанси), *šilmirietta* (Кестеньга) (*šilmä|rietta* – букв. ‘глаз’ + ‘гной’).

šittasilmä ‘в том числе – именование человека с гноящимися глазами’: ск. *šittasilmä* (Суоярви) // ливв. *olet šittasilmu, peze silmä!* – ‘у тебя глаза в гное, вымой!’ (Сямозеро) (*šitta|silmu* – букв. ‘кал, помет’ + ‘глаз’).

Раньше в Беломорской Карелии отмечались эпидемии конъюнктивита: «*kun silmät kipeyty – sanottih silmiriena on tullun, se oli semmon’i kulkutauti, silmiriena*» – ‘когда болели глаза, говорили, что пришла глазная сера, это такая эпидемия была, глазная сера’¹²⁴⁸.

При лечении глазных заболеваний, в частности, их воспаления карелы использовали мочу, заварку, прополис, отвары.

¹²⁴⁵ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. С. 471.

¹²⁴⁶ Kalima J. Suomen rikki sanasta // Kalevalaseuran vuosikirja. № 14. Helsinki, 1934. S. 69.

¹²⁴⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 387, 404.

Ливвиковские карелы при появлении гноя в глазах промывали их детской мочой (д. Ведлозеро), протирали смоченной в крепкой заварке марлей или ватой (д. Корбиनावолок, д. Лахта).

Из средств животного происхождения использовали свежее коровье молоко: карелы д. Корбиनावолок и д. Лахта промывали им уголки глаз.

При нагноении глаз считалось эффективным делать примочки из отвара цветков черемухи (д. Корбиनावолок, д. Лахта)¹²⁴⁹.

- Скарлатина

Ливвиковские карелы относительно данного заболевания используют в современных словарях карельского языка заимствованную из русского языка лексему *skarlatiinu*¹²⁵⁰. В ранее изданных словарях карельского языка и образцах карельской речи лексемы, обозначающие данное заболевание, не были зафиксированы. Название болезни «скарлатина» происходит от латинского слова *scarlatum*, что обозначает ‘пурпурный’¹²⁵¹. Значением латинского слова *scarlatum* можно объяснить и происхождение собственно-карельского эквивалента скарлатины *tuli/rupi* – букв. ‘огонь+оспа’ (ск. *läsie tulirupi* – ‘болеть скарлатиной’¹²⁵². Первая часть данного наименования *tuli* переводится как ‘огонь’, вторая – *rupi* ‘струп’. Такое название болезнь получила, очевидно, из-за характерных для нее ярко-красных высыпаний на коже. Эти симптомы схожи с проявлениями краснухи. Можно предположить, что раньше карелы называли скарлатину наименованиями, которые использовали для обозначения краснухи (кар. *ruskičču*, *ruskiččurubi* и др.)

При появлении симптомов скарлатины ребенку обвязывали пораженное горло рубашкой, в которой умер кто-нибудь из родственников или посторонних людей¹²⁵³. Это было связано с верой карелов в то, что рубашка, от которой исходила смерть, могла уничтожить/заглушить начавшуюся болезнь.

¹²⁴⁹ Полевой материал автора – 45, 26.

¹²⁵⁰ Большой русско-карельский словарь. Петрозаводск, 2016. С. 316.

¹²⁵¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987. С. 635.

¹²⁵² Русско-карельский словарь. Петрозаводск, 2015. С. 282.

¹²⁵³ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 23.

- Чахотка, туберкулез легких

Данное заболевание обозначали в карельском языке русскими заимствованиями:

čahotka: ск. *čahotka* (Паданы, Ругозеро, Суоярви), (тверской говор) *čahotka~čihotka* // ливв *čahottu* (Салми), *čahotku~čahottu* (Сямозеро); *čahotku* (Ковера, Корбинаволоок, Лахта, Ляпяккe, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица)¹²⁵⁴; *hái kuoli čahotkah* – ‘он умер от чахотки’ (Видлица); *čahotkaz on* – ‘болеть чахоткой’ (Неккула, Рыпушкалица) // люд. *čahotk* (Галлезеро)¹²⁵⁵.

tuberkul’oza: ск. *tuberkul’oza* (Панозеро) // люд. *dai Il’l’e kuoli tuberkul’ozah* – ‘и Илья умер из-за туберкулеза’ // ср. (фин.) *tuberkuloosi*. Лексема *tuberkul’oza* заимствована в карельский язык из русского языка (< греч. ‘истощение’)¹²⁵⁶.

Возникновение чахотки людиковские карелы объясняли и иррациональными причинами.

Ливвиковские карелы для лечения чахотки ели мясо барсука и пили барсучий жир (д. Эссойла).

В некоторых деревнях Пряжинского р-на (д. Корбинаволоок, Лахта) пили березовый сок или настой из подорожника¹²⁵⁷.

6. Немеханические повреждения кожи

В конце XIX – начале XX в. в местах проживания карелов были наиболее распространены различные кожные заболевания по сравнению с остальными видами болезней. То же наблюдалось в русской медицинской традиции. По мнению Е. И. Кириленко, «в традиционном сознании внешнее описание преобладает над выявлением скрытых характеристик, что соответствовало уровню развития медицинских знаний»¹²⁵⁸. У фурункулов/нарывов была доминирующая позиция. По народным представлениям, кожный покров могли поразить болезни немеханиче-

¹²⁵⁴ Полевой материал автора – 46.

¹²⁵⁵ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S.174; Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. S. 273.

¹²⁵⁶ Словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. М, 1954. С. 707.

¹²⁵⁷ Полевой материал автора – 41, 26.

¹²⁵⁸ Кириленко Е.И. Круг болезней в языковом сознании и медицинской традиции русских: опыт классификации по материалам словаря В.И. Даля // Медицинская антропология и биоэтика. Вып.3., 2012. URL: www.medanthro.ru/?page_id=1055.

ского (экзема, сыпь, бородавка, нарыв, гнойник,) и механического (травматического) (порез, ожог, рана, обморожение, ушиб) характера.

Часто появление заболеваний немеханического характера объяснялось карелами иррациональными причинами: разгневавшись, хозяин воды мог наслать волдыри; от земли приставала экзема т. д. Если человек заразился кожной болезнью в бане, то в Сямозерской волости больной шел в баню вместе со знахарем и, стоя на коленях, просил очищения от «погани и лишая»¹²⁵⁹.

- Кожные болезни

Бородавка

Название бородавки в карельском языке имело несколько обозначений. К самым ранним наименованиям, относящихся к древнему пласту лексики, являющейся общей для всех финно-угорских языков, определяется слово *šybl'ä*: ск. *šybl'ä* (Иломанси, Юшкозеро), *šyblä~šybl'ä~sybl'ä* (тверской говор), *syblä* (Суйстамо), *sybly* (Импиллаhti) // ливв. *sybly* (Видлица, Тулмозеро), (Олонек) *sybly* // ср. (вен.) *süly, sü(j), süj(j), sü(h), suly, suj(j), sú(j), süglä, siily*; (лив.) *se'ggäl*; (вод.) *süglä, süülä, sügl, sügle*; (вепс.) *sübl, süblüine*; (фин.) *syylä*¹²⁶⁰.

К русским заимствованиям относится лексема *borodafka*: ск. *borodafka* (тверской говор); *borodafkua ei šua pieštie* – ‘от бородавок не избавиться’ (Коргорка) // ливв. *borodauhku* // люд. *bordovič* // ср. (вепс.) *bordovic*¹²⁶¹. Лексема бородавка является общей для всех славянских языков (ср. укр. бородавка, б. брадавица, сл. *bradavica*)¹²⁶².

В собственно-карельском, ливвиковском и людиковском наречиях бытовало наименование *käšnä*: ск. *käšnä* (Кестеньга), *käžnä* (Тунгозеро, Юшкозеро), *käznä* (Корбисельга) // ливв. *käžnä~käznä* (Суйстамо), *käznu* (Импиллаhti, Салми, Сямозеро) // люд. *käzn*¹²⁶³ // ср. (эст.) *käsn*, (фин.) *känsä, käsnä*¹²⁶⁴. Основные значения

¹²⁵⁹ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 25.

¹²⁶⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S.90.

¹²⁶¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S.608; Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944. S. 40.

¹²⁶² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. Т. 1. М., 1986. С. 195.

¹²⁶³ Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994. S. 64; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 137.

лексем *käšnä*, *käznu* в карельском языке: 1) гриб-трутовик (первоначальное значение в наречии карелов-ливвиков); 2) бородавка. Здесь, очевидно, наблюдается метафорический перенос в значении. Основой для переноса семантики послужило внешнее сходство.

В диалектах финского языка распространены наименования *känsä~käsnä*. Исследователи предполагают, что лексема *käsnä* более древняя, чем *känsä*. Надо заметить, что форма с сочетанием *sn* встречается в некоторых родственных языках: в южно-эстонском диалекте – *käsn*, в южном вепском – *käzn*. Слова *käsnä~känsä* используют в двух центральных значениях: 1) бородавка или нарост; 2) нарост на дереве. Оба наименования используются как в одном, так и в другом значениях. При этом в ряде мест наблюдается четкая дистрибуция в использовании фонетических вариантов: в Вехкалаhti словом *käsnä* обозначают только нарост на коре дерева, *känsä* – нарост на человеческом теле; в Тохмаярви – значения лексем определяется наоборот¹²⁶⁵.

К отглагольным именам существительным можно отнести следующие:

kasvajain 'i: ск. *kašvajain 'i* (Калевала), *kasvajain 'i* (Костомукша), *kašvajain 'i* (Вокнаволоок) // ливв. *kazvajaine* (Ковера, Ляпяккe, Мегрозeро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица) // люд. (Михайловское) *kazvajaine* (от слов. осн. глаг. *kasvua*→*kasva*- (ск.), *kazvua*→*kazva*- (ливв.)) ‘расти, вырасти’ + суф. *-jaini*, *-jäini* (ск.), *-jaine*, *-jäine* (ливв.)).

kazvain: ск. *kažvain* (Реболы), *kazvain* (Иломанси, Корбисельга) // ливв. *kazvain* (Ведлозеро, Видлица, Корбинаволоок, Лахта, Неккула, Олонец, Рыпушкалица, Сямозeро); (Салми) *avoi mi on sinun käzis kazvaind(u) äjju!* – ‘сколько у тебя много бородавок на руках!’ // люд. (Пряжа) *kazvain*¹²⁶⁶ // ср. (фин.) *kasvain* (от слов. осн. глаг. *kazvua*→*kazva*- ‘расти, вырасти’ + суф. *-in*).

¹²⁶⁴ Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь. М., 2006. С. 296; Pihel K. Pikamäe A. Soome-eesti sõnaraamat. Tallinn, 1986. S. 224.

¹²⁶⁵ Tynni A. Känsä~käsnä sana suomen murteissa // Virittäjä. 1934. № 38. S. 267–269.

¹²⁶⁶ Полевой материал автора – 32, 33, 39, 38; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 90; Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki. I, 1968. S. 169.

Появление бородавок объясняли и иррациональными причинами. Основными способами выведения бородавок у карелов считались смазывание их соком трав или специальной росой (как вариант, водой) и обвязывание нитками (волосом) с целью их иссыхания.

Карелы д. Вокनावолок при появлении бородавок шли в конюшню, поили водой лошадь. Когда животное после питья подымало голову, у него начинала стекать вода по морде, под эту струю подставляли бородавки¹²⁶⁷. В Тверской Карелии давали прокусить бородавку кузнечнику¹²⁶⁸. Бородавку терли также старой костью, найденной на земле или в земле, произнося: «*Kuin tämä lahoaa täällä, niin työkin lahositta!*» – ‘Как здесь эта сгниет, так сгниете и вы!’) (д. Вокनावолок, Оуланка)¹²⁶⁹. Во всех районах Карелии при лечении бородавок их обвязывали вокруг конским волосом, после чего они отсыхали и отваливались. Иногда вместо конского волоса брали нитку. Например, в начале XX в. Т. М. Алимов описывал следующий способ лечения бородавок: нужно читать молитву до трех раз и на суровой нитке завязывать узелки согласно количеству образовавшихся бородавок. Затем эту нитку клали в навоз и, когда она разлагалась, то и бородавки исчезали. Иногда нитку подкладывали под домашнюю дверь: когда узелки сотрутся, тогда и бородавки сойдут¹²⁷⁰. Данный способ был известен не только карелам, но и большинству представителей славянских народов (русские, украинцы и др.). Этот магический прием заключался в уничтожении болезни (гонением, стиранием), при этом болезнь символизировала предмет, связанный с нею, т. е. нитка¹²⁷¹.

У тихвинских карелов бородавку, обвязывали смоченной в сулеме ниткой. К утру бородавка отваливалась¹²⁷².

Карелы, проживающие в Пряжинском р-не (д. Корбиनावолок, Лахта), для лечения бородавок смачивали их утренней росой, которая скопилась в выбоинке

¹²⁶⁷ Virtaranta P. Mari Kyyrönen // Eripainos Kalevalaseuran Vuosikirjasta. № 46, 1966. S. 125.

¹²⁶⁸ Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994. С. 283.

¹²⁶⁹ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 245; Virtaranta P. Mari Kyyrönen // Eripainos Kalevalaseuran Vuosikirjasta. № 46, 1966. S. 124.

¹²⁷⁰ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 25.

¹²⁷¹ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 51.

¹²⁷² Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 300.

камня¹²⁷³. Карелы Петрозаводского уезда во время полнолуния брали стакан с водой, держали его перед луной, смотрели в воду до тех пор, пока в стакане не отразится полная луна, затем этой водой смазывали бородавки. Беломорские карелы (д. Костомукша) тоже мазали бородавки водой, скопившейся в выбоине камня, но эта вода должна была быть дождевой, после грозы. В первую пятницу месяца считались лечебными испарения, образующиеся на окнах¹²⁷⁴. Известно, что у карелов в лечебных ритуалах активно использовалась вода, которой был помыт обеденный стол. У тверских карелов (с. Воздвиженка) для выведения бородавок обтирали их каплями воды, свисавшие со стола после его мытья. При этом произносили: «*Kuin nämä tilkaset välijän mie otan vaivolda, nin n miun šublazet välijän kadokkah*» – ‘Как эти капли скоро я возьму от мученья, так и мои бородавки скорее пропадите’.

Излечивали бородавки и «молочком» одуванчика: смазывали им и завязывали на ночь. Процедуру следовало повторять неоднократно. Из одуванчиков делали мазь про запас: цветки варили в жире и процеживали сквозь ткань. Также выводили бородавки истолченными ягодами рябины: смазывали ими или соком чеснока и завязывали на ночь (д. Корбиनावолок, Лахта)¹²⁷⁵.

В Тверской Карелии (д. Большое Плоское, Новое, Семеновское, Толмачево) после использования нитки при обвязывании бородавки (делали три узла или столько узлов, сколько бородавок), ее закапывали в землю (как вариант – под столб или подпол) и приговаривали «*Kuin tämä rihman'e happanou, niin rabalda rist'ikanžalda nämä kivut bol'est'it nezkodad kuivakkah!*» – ‘Как эта нитка сгниет, так пусть у раба Божьего эти болячки, болезни, невзгоды иссохнут!’ или «*Šyblä šolmuokši, šolmut muakši*» – ‘Пусть бородавка превратится в узел, узел в землю’ (с. Воздвиженка). Тверские (толмачевские) карелы при закапывании обрывка нитки произносили: «*Kuin t'ämä rihman'e happanou, 'ni ken ei t'ijjä, n'iin i šyblän'e prod'ikkah što n'i ei t'iedäis n'i ken!*» ‘Как эта нитка сгниет, никто не знает, так и

¹²⁷³ Полевой материал автора – 26.

¹²⁷⁴ Virtaranta P. Vienan kyliä kiertämässä. Porvoo; Helsinki, 1978. S. 245.

¹²⁷⁵ Полевой материал автора – 26; Mihailova M. Luondon avuttajat // Oma mua. 1996. № 29. S. 4.

пусть бородавка пройдет, что никто и не заметит'¹²⁷⁶. Некоторые карелы указывают на то, что нитка обязательно должна быть черного или белого цвета, а при обвязывании бородавки следовало говорить следующие слова: «*Painu pois, älä paisu!*» – ‘Пропади, не опухай!’¹²⁷⁷

Оулангские карелы с целью выведения бородавок собирали три соломинки с трех полей, находящихся вблизи дома. Соломинки перевязывали между собой тремя узлами, а затем делали три общих узла. В четверг вечером этими соломинками терли бородавки, а затем сжигали их таким образом, чтобы первыми в пламени оказывались завязанные узелки. При этом произносили: «*Sypläni palaa, sypläni palaa*» – ‘Моя бородавка горит, моя бородавка горит’. После того как солома сгорела, пепел собирали, выкидывали по направлению на север и приговаривали: «*Sypläni paloi, voi kuin sypläni paloi!*» – ‘Бородавка моя сгорела, ой, как же моя бородавка сгорела!’¹²⁷⁸

В северной Карелии с целью выведения бородавки ее терли кусочком дерева от внутренней стенки хлева и при этом произносили: «*Kuin tämä puu, niin työkin kulusitta tuossa!*» – ‘Как это дерево исчезнет, так и вы исчезните!’¹²⁷⁹. Использование дерева и магических слов для исцеления бородавок практиковалось также у Повенецких карелов. Они делали на деревянной палочке зарубины соответственно числу бородавок, затем оставляли эту палочку на перекрестке дорог, произнеся: «кто возьмет батожок, тому и бородовицы!»

Нарыв, фурункул

Самыми распространенными наименованиями, обозначающими фурункул, в карельском языке являются отглагольные или сложные имена существительные. Большинство deverбальных слов образованы от словообразовательной основы глагола *ajua*→*aja*- ‘нарывать, гноиться’ (ливв., ск., тв.г.) путем присоединением

¹²⁷⁶ Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 228; Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki, 1961. S. 206.

¹²⁷⁷ Virtaranta P. Kynällä kylmällä - kädellä lämpimällä: muistiinpanoja tapauksista ja tapaamisista. Helsinki, 1993. S. 28.

¹²⁷⁸ Suomen kansan vanhat runot: Vienan läänin runot. Osa I (4). Helsinki, 1921. S. 524–525.

¹²⁷⁹ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 245; Virtaranta P. Mari Kyyrönen // Eripainos Kalevalaseuran Vuosikirjasta. № 46, 1966. S. 124.

ряда суффиксов, имеющих значение результата действия или названия действия: *-jaine/-jüine* (*ajajaine*: ливв. *jallas oli ajajaine, kodvan en voinnuh kävel'l'ä* – ‘на ноге был нарыв, [я] долго не мог ходить’) ¹²⁸⁰; *-min(e)* (*ajamin(e)*: ливв. *ajamin, ajamine* (Сямозеро) ¹²⁸¹; *-ndu* + *-hine* (суффикс, присоединением которого образуется название мифических или живых существ, а также принадлежащие к какому-либо роду деятельности) (*ajandahin'e*: ск. *ajandahin'e rakottau* – ‘нарыв саднит’) (тв.г.); *-es* (*ajaites*: ливв. *ajaites*; *-os* (*ajos*: ск. *ajos* (Калевала, Тунгозеро) // ливв. *ajos* (Видлица, Неккула, Рыпушкалица, Салми) // ср. (ижор.) *ajos*; (фин.) *ajos* ¹²⁸²; *-us* (*ajotuš*: ск. *ajotuš* (Вокнаволок, Калевала, Юшкозеро) ¹²⁸³.

Девербальный суффикс *-e* (значение результата действия или названия), присоединяется к словообразовательным основам глаголов *paisuo* → *paisu-*, *paisota* → *paisuo-* ‘покрываться нарывами, фурункулами; опухать’ образовано наименование *paise*: ск. *paise* (Вокнаволок, Калевала, Кестеньга), *paize* (Иломанси, Импилахти, Мяндусельга, Ругозеро, Суоярви), *paize~paiže* (Паданы, Суйстамо), *paize* (тверской говор); *paisetta kierrettih* – ‘фурункул завязали’ (Контокки) // ливв. *paiže* ¹²⁸⁴ (Корбинаволок, Лахта), *paize* (Видлица), *paiže* (Ведлозеро, Салми); *paizett ajau toizel rist'ikanzal* – ‘у другого человека нарывает фурункул’ (Сямозеро); *paizien ajoi selgäh* – ‘на спине вскочил фурункул’ (Неккула, Рыпушкалица); *äjju paizieloi on rungas* – ‘много нарывов на теле’ (Тулмозеро) // люд. *paiže* ¹²⁸⁵ // ср. (вод.) *paize*; (эст.) *paise*; (вепс.) *paize*; (фин.) *paise* ¹²⁸⁶.

В тверском говоре слова *paizo*, *paiz'ie* используются в значении ‘опухоль’: *nu oldih tuazet in'ehmizet i zagavar'ival'i paiz'ilo* – ‘да, были такие люди, которые заговаривали опухоли’ ¹²⁸⁷; *šel'l'äššä on paizot kuin piiruavärt'inät* – ‘на спине опу-

¹²⁸⁰ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990. С. 18.

¹²⁸¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1968. S. 23.

¹²⁸² Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь. М., 2006. С. 296; Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. I, 1992. S. 64.

¹²⁸³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1968. S. 28.

¹²⁸⁴ Полевой материал автора – 51.

¹²⁸⁵ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. IV, 1997. S. 111.

¹²⁸⁶ Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki. II, 1980. S. 461.

¹²⁸⁷ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 146.

холи как скалки»; *käz'i on paiz'iešša* – ‘рука в опухолях’¹²⁸⁸ // *ср.* (вепс.) *paize*¹²⁸⁹. В карельском фольклоре со словом *paize* есть пословица: *yksi paize istuiheze, yheksä sijua kačotah* – ‘один чирей вскочил («сел»), девять место [себе] высматривают’¹²⁹⁰.

Одним из признаков фурункула является нарыв, поэтому первой частью группы сложных наименований данного кожного заболевания в карельском языке является существительное *märkä, märeä, märgy* ‘гной’:

märeäbul'kku: *ск.* *märeäbul'kku* (Корбисельга) // *ливв.* *märeäbul'kku* (Сямозеро), *märeäbul'ku* (Неккула, Рыпушкалица) (*märeä|bul'kku, märgy|bul'kku* – букв. ‘гной’ + ‘волдырь’).

märeäbul'bakko: *ливв.* *märeäbul'bakko* (Сямозеро) (*märeä|bul'bakko* – букв. ‘гной’ + ‘шарик’).

märeäpahku: *ливв.* *märeäpahku* (Салми)¹²⁹¹ (*märeä|pahku* – букв. ‘гной’ + ‘шишка’).

märeärökkö: *ск.* *märeärökkö* (Юшкозеро); *kubinašša n'e void olla märeärökköt šemmoizet* – ‘во время чесотки могут быть такие нарывы’ (Тунгозеро) (*märeä|rökkö, märeä|rökkö* – букв. ‘гной’ + ‘волдырь’).

Некоторые названия отразили способ лечения фурункула. Таковыми являются диалектные формы наименования ***majeapaiže***: *ск.* *majeapaiže~majeapaiže* (Паданы), *majeapaiže* (Корбисельга), *majeapaiže* (Суоярви), *majeaimpaiže* (Суйстамо) // *ливв.* *majeaimpaiže* (Неккула, Рыпушкалица); *majeapaiž on ylen suuri* – ‘фурункул очень большой вырос’ (Сямозеро) // *люд.* *majeapaiže*¹²⁹² (*majea|paiže, majua|paiže, majeaim|paiže* – букв. ‘бобер’ + ‘нарыв’). Скорее всего, в основе названий этого кожного заболевания отражается способ его лечения: к нарыву прикладывали кожу бобра, поскольку первая часть сложного слова *majua-*, *majea-* ‘бо-

¹²⁸⁸ Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 197.

¹²⁸⁹ Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Вепско-русский, русско-вепский учебный словарь. Петрозаводск, 1995. С. 148.

¹²⁹⁰ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990. С. 251.

¹²⁹¹ Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 202.

¹²⁹² Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944. S. 229.

бер'¹²⁹³. Существует другое объяснение происхождения данного термина: отражение в нем представлений прибалтийско-финских народов о бобре как нечистом животном. У северных вепсов лексема *redumajag*, обозначающая грязнулю, неряшливого человека, в буквальном переводе значит 'грязный бобер'¹²⁹⁴. В диалектах карельского языка наименование *majoaraiže* переводится буквально как 'бобровый нарыв'.

Способ лечения фурункула отражен и в наименовании *kaz'in/karvu* – букв. 'кошачья+шерсть': ск. *kaz'inkarvu* (тверской говор) // ливв. *kažinkarvu* (Корбиनावолок, Лахта)¹²⁹⁵. Ливвиковские карелы кошачью шерстинку продевали через ушко иголки, которую затем пропускали через чирей таким образом, чтобы волосок тоже прошел через него. Через день нарыв исчезал (д. Корбиनावолок)¹²⁹⁶.

Возникновение нарыва объяснялось карелами и иррациональными причинами.

При лечении нарывов было важно вычестить из них гной: «*paiže jälgimäi puhkei, märgy valui*» – 'чирей прорвался, наконец, гной вышел'¹²⁹⁷; «*puhkuat ajokšen, märgä l'ähtöy i l'iey kebiembi*» – 'вскроешь нарыв, гной вытечет и станет легче'(Тунгозеро)¹²⁹⁸. Карелы использовали глину, деготь, картофель, лечебные травы, тесто. Все эти средства хорошо «вытягивают» жар.

Самое широкое применение в лечении нарывов было у лекарственных трав. Карелы изготавливали из них настойки, мази, делали компрессы и посыпали измельченными сухими травами. Повсеместно в Карелии готовили снадобье наподобие пластыря: смешивали постное масло, живицу, воск и кипятили. Полученной тягучей смесью смазывали нарыв и забинтовывали. Карелы-людики вместо

¹²⁹³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. III, 1983. S. 257, 423.

¹²⁹⁴ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 277.

¹²⁹⁵ Полевой материал автора – 51; Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 90; Virtaranta P., Virtaranta H. Kauas läksit karjalainen: matkamuiistelmia tverinkarjalaisista kylistä. Söderström, 1986. S. 74.

¹²⁹⁶ Полевой материал автора – 26.

¹²⁹⁷ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990. С. 220.

¹²⁹⁸ Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 12.

растительного брали свежее сливочное масло¹²⁹⁹. Согласно данным, полученным от информантов и из источников фурункулы обрабатывали настойкой из почек или листьев березы, подорожника или корня калгана. Лекарство настаивали на водке 7–12 дней. Весной собирали липкие, ароматные, нераспустившиеся почки березы, настаивали на водке один – два месяца. На ночь для вытягивания гноя прикладывали вымоченные в теплой воде, а после намыленные листья мать-и-мачехи. Этот способ был распространен и у вепсов. Карелы д. Толлорека и д. Кучозеро соскабливали смолу, привязывали тряпкой к фурункулу (смола хорошо вытягивает гной), также прикладывали красный болотный мох, сямозерские карелы – белый мох. Олонецкие карелы на ночь привязывали сырой картофель. В с. Ведлозеро смазывали соком клюквы.

Свежие и сухие травы и части растений активно использовались карелами для лечения фурункулов. Например, измельченные свежие листья тысячелистника привязывали к нарывам¹³⁰⁰. На всей территории Карелии карелы и вепсы прикладывали к ним печеный лук, еловую живицу, мокрицу или лист подорожника (как вариант – смазывали соком подорожника). Держанские карелы (д. Семеновское) находили осиновую щепку с сучком, который отламывали, чтобы в щепке осталась дырка. Через эту маленькую дырку выдавливали нарыв. В данном случае круглая форма дырки от сучка имела магическое значение.

Хорошими противовоспалительными свойствами обладала глина. Если нарыв был между пальцами, то прикладывали глину, прежде хорошенько ее размяв (д. Семеновское).

Эффективными способами лечения фурункулов считались и следующие. Калевальские карелы (п. Калевала) взбивали сахарный песок и мыло до пены (тверские карелы (д. Пальцево) разжевывали хлеб с сахаром) и смазывали кончик

¹²⁹⁹ Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. О карельской народной медицине: рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 107.

¹³⁰⁰ Mihailova M. Luondon avuttajat // Oma mua. 1996. № 23. S. 4.

чирея¹³⁰¹. Этот способ является поздним, т. к. мыло и сахарный песок начали производить в России лишь в 30-х гг. XVIII в. Тверские карелы протаскивали сквозь нарыв запачканную сажей нитку. У сямозерских карелов способ лечения нарывов зависел от места их локализации, например, от гнойников в горле держали во рту мед для размягчения и прорывания нарыва (д. Сямозеро)¹³⁰².

В народной медицине карелов широко применялись высушенные органы животных, их шерсть и шкурка. Тихвинские карелы (д. Коргорка) с целью вытягивания жара из фурункула замачивали в кипятке высушенный желудок коровы, который прикладывали к воспаленному месту. Таким же образом использовали прямую кишку, которую распаривали и, прижав к нарыву (за ушами или под мышкой), накрывали заячьей шкурой и обвязывали красной фланелью. В Северной Карелии нарывы лечили медвежьим жиром, причем особенно полезным считался жир, взятый из медвежьего сердца. Паданские карелы смазывали фурункулы коровьим или лошадиным пометом или топленным жиром домашнего животного, забитого до дня св. Георгия¹³⁰³. Ливвиковские карелы (д. Салми) прикладывали к нарыву кожу бобра¹³⁰⁴. Тверские карелы (д. Семеновское) обмакивали в творог или сметану шерсть, затем привязывали к гнойнику¹³⁰⁵. В д. Эссойла на нарыв наносили сметану и давали слизать собаке¹³⁰⁶.

Если у человек не мог вылечить фурункул сам или не верил в успех традиционных способов, то он обращался к знахарю. У карелов-людиков использовали нож, соль, взятую из солонки, от ржаной соломы отламывали трижды по девять штук соломинки, и все это клали в соль. Затем ножом выпускали кровь так, чтобы

¹³⁰¹ Образцы вепсской речи. Л., 1969. С. 287; Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 90; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1967. S. 28; Norvik P. Djožan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 226; Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Helsinki, 1958. S. 145.

¹³⁰² Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 90; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1967. S. 23.

¹³⁰³ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 23.

¹³⁰⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. III, 1983. S. 257.

¹³⁰⁵ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 147.

¹³⁰⁶ Полевой материал автора – 41.

она капала в соль с соломой, и при этом шептали заговор. После чего полученное перекладывали в воду, которой обмывали нарывы (д. Галлезеро)¹³⁰⁷.

Жители д. Михайловское также обращались за помощью к знахарю. Он брал веретено, ножницы для стрижки овец и нож, которые держал в руке над пламенем свечи (как вариант, упомянутые предметы обливали водой, оставшейся после мытья посуды). Далее знахарь произносил девять раз заговор, прося воду и хлеб забрать раны: «... *Ota sinä, vezi armas, tuskazet da kibiet. Leipäine on tahtahast, tahtas on jauhost. Parantukaa haavat minun käsistä...* » – ‘...Возьми ты, любимая вода, болячки и боли. Хлебушек из теста, тесто из муки. Вылечите с моих рук раны...’¹³⁰⁸

Знахари Муезерского р-на (например, д. Реболы) для излечения гнойников отыскивали сук на сосне или стене дома, вокруг него очерчивали трижды ножом и затем каждый раз касались кончиком ножа середины сучка. Следом такие действия производили над фурункулом. В Петровской волости знахари во время ритуала произносили: «чирий-Василий, раздайся пошире, где пусто место, там девяносто». В некоторых волостях (например, Тивдийской) подобные заговоры называли «чирканья».

Калевальские карелы (п. Калевала, д. Оуланка) брали сухую кору ивы козьей (ракиты) с северной стороны дерева, ею прокалывали фурункул и при этом говорили: «*Kuin tämä on raita kuiva, niin työkin kuivasitta miun, ettei yhtään olis*». – ‘Как сухая ракета эта, так и высохните вы, чтобы не было ни одного’¹³⁰⁹.

К магическим средствам лечения нарывов у карелов относились заговоры, «кручение» фурункулов и очертание их кругом. Жители д. Костомукша, «крутя» нарыв вокруг сучка, расположенного на бревне стены дома. Надо было крутить три раза по солнцу, произнося: «*Kasva yheksän kirikön suuruoksi eli kavo kaikeksi iäksi*» – ‘Вырасти с девять церквей величиной или навсегда исчезни!’ После этого нарыв лопался, гной снимали красной тряпкой. Затем в лесу на северной поло-

¹³⁰⁷ Virtaranta P. *Lyüdiläisiä tekstejä. Osa II.* Helsinki, 1963. S. 276.

¹³⁰⁸ Patrakka M. *Ida Ivanovan kodin kieli ja uskonto // Karjalan heimo.* 2005. № 9. S. 124.

¹³⁰⁹ Pentikäinen J. *Marina Takalon uskonto.* Helsinki, 1971. S. 245.

вине сосны прибивали тряпку ольховым гвоздем. В это время произносили, в котором приказывали нарыву «сидеть» здесь, пока его не приедут снова пригласить в гости: «*Ole sielä sini kuni en tulle kuččumah...*» – ‘Сиди здесь пока я не приеду приглашать [тебя]...’¹³¹⁰

Прыщи

К дериватам от лексемы *čūusti* (ск., ливв., тверской говор) ‘прыщ’ относятся следующие наименования, характерные для восточной группы прибалтийско-финских языков:

čūustakko/čūustikko: ск. *čūustikko* (Калевала, Суйстамо), *čūustakko* (Суоярви, Суйстамо); *čūuštakon ajo polveh* – ‘прыщ нарывает на коленке’ (Паданы) // ливв. *čūust’ikko* (Сямозеро), *čūustakko* (Неккула, Рыпушкалица); *hibju on kai čūustak-koloil* – ‘все тело в прыщах’ // люд. (Пряжа) *čūvstakot*¹³¹¹ // ср. (вепс.) *čūstak*¹³¹² (от слов. осн. им. сущ. *čūusti*→*čūusti-* + суф. с коллективным значением *-kko*).

čūustikkoine: ливв. *čūustikkoine* (Сямозеро) (от слов. осн. им. сущ. *čūusti*→*čūusti-* + суф. с демунитивным значением *-kkoine*).

čūustine: ливв. *čūustine* (Сямозеро)¹³¹³ (от слов. осн. им. сущ. *čūusti*→*čūusti-* + суф. с демунитивным значением *-ine*).

Метафорическим переносом можно объяснить наименования прыща *n’äppu*, *n’äpykkä* – ‘прыщ’: ск. *n’äppu* (Вокнаволоок, Калевала, Суйстамо), *n’äpykkä* (Иломанси, Суоярви) // ливв. *n’äppun’e*, *n’äpykku* (Салми), *n’äpykku* (Олонец), *n’äpykku* (Сямозеро); *n’äppu puhkei* – ‘прыщ лопнул’ (Видлица)¹³¹⁴ // ср. (ливв.) *närä*, *närrä*, *närrä*; (вод.) *närik*, *narukka*, *pariška*; (ижор.) *närikkä*; (эст.) *närik*; (фин.) *närru*, *närrylä* (ср.: *nipra*, *nurru* ‘выпуклость, бугор, прыщ’; *narpula* ‘стерженек, колышек; шашка; кнопка; пешка’)¹³¹⁵.

¹³¹⁰ Virtaranta P. Vienan kyliä kiertämässä. Porvoo; Helsinki, 1978. S. 244-245.

¹³¹¹ Полевой материал автора – 38; Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990. С. 40.

¹³¹² Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Вепско-русский, русско-вепский учебный словарь. Петрозаводск, 1995. С. 148.

¹³¹³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 246.

¹³¹⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. III, 1983. S. 578; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 202.

¹³¹⁵ Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki. II, 1980. S. 414; Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. II,

У сямозерских карелов были распространены также такие наименования как: *čuhmakko*, *čuhmakkoine*, *čuhmikko*, *čuhmikkoine*. Жители Сямозерского р-на отмечали разницу между прыщами *čuusti* и *čuhmakko* в том, что «*čuusti on ruskiembi čuhmakkuo*» – ‘прыщ (*čuusti*) краснее прыща (*čuhmakko*)’. Судя по некоторым материалам словарей карельского языка, карельский звук *č* может быть отражением прибалтийско-финского *k*, например, (кар.) *čuhmurikas*, *čuhmurikko* = (фин.) *kuhmurainen*, т. е. ‘неровный, холмистый’. Исходя из этого, можно полагать, что (кар.) *čuhmi* = (фин., кар.) *kuhmi*, т. е. ‘шишка’¹³¹⁶.

Ливвиковские карелы для лечения прыщей использовали лечебные травы: мыли каждый день лицо отваром из крапивы. Также делали кашицу из цветков сирени: собирали цветки сирени, заливали кипятком, настаивали, затем делали кашицу и мазали лицо. Эффективным средством от прыщей карелы считали подорожник. Листы подорожника кипятили 30 минут. Полученный отвар процеживали в горячем отваре, смачивали тряпочку и надавливали ею на прыщи. Кроме этого, кипятили цветки одуванчика и этой водой протирали жирную кожу лица, прыщи подсыхали и исчезали (можно было цветки одуванчика настаивать на спирту). Из листков и ягод малины делали отвар и умывались им¹³¹⁷.

Рожистое воспаление

Для этого кожного заболевания характерны пятна, покрытые красной коркой. Жители Петрозаводского, Кемского, Паданского и Олонецкого уездов считали, что рожистое воспаление является следствием попавшей в рану грязи. В большинстве диалектах карельского языка использовалось наименование *roža*: ск. *roža* (Панозеро, Суоярви, тверской говор) // ливв. *roža* (Большие Горы, Ковера, Корбинаволоок, Лахта, Ляпяккe, Мегрозеро, Михайловское, Печная Сельга, Царьпорог, Юргилица)¹³¹⁸, *roža* (Неккула, Рыпушкалица, Салми, Сямозеро) // люд. *roža*.

Данное наименование заимствовано из русского языка (ср. русс. ‘роза’ < древневерхненемецкого *rōsa* < лат. *rosa* ‘роза’). Вероятно, использование в каче-

1995. S. 253.

¹³¹⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 223, 233.

¹³¹⁷ Mihailova M. Luondon avuttajat // Oma mua. 1996. 27 (290). S. 4.

¹³¹⁸ Полевой материал автора – 52.

стве названия болезни связано с подобием по цвету розы и краснотой кожи во время болезни¹³¹⁹.

В диалектах собственно-карельского наречия, равно как и в других прибалтийско-финских языках, бытовала лексема *ruušu*: ск. *ruušu* (Кестеньга), *ruusu* (Иломанси), *ruuzu* (Суоярви), *gruuzu* (Импилахти, Суйстамо) // ср. (лив.) *rùož*; (вод.) *rúso*, *rūsu*; (эст.) *roos*; (ижор.) *rúsu*; (фин.) *ruusu*¹³²⁰. Лексема *ruusu* относится к латинским заимствованиям *rosa* ‘роза’. Предположительно, *ruusu* как ‘рожистое воспаление’ стали использовать со средних веков, в период становления латинского языка в качестве основного в медицине. В опубликованном в 1637 г. шведским ученым словаре, который включал около 2 400 финских лексем, слово *ruusu* значится как ‘рожистое воспаление’¹³²¹ (ср. также б. народное *руса* ‘рожа’¹³²²).

Рожистое воспаление могло образоваться на любой части тела: «*ruškie semtoni tulou jalkah tai hoš mihi kohtah – kät’eh voit tulla, vaikka mihi kohtah se roža tulou*» ‘такая красная, на ноге появляется или хоть где – может быть на руке, эта рожа хоть на любом месте может появиться’ (Панозеро)¹³²³; «*minul roza tuli n’än’n’ih*» – ‘у меня рожистое воспаление появилось на груди’ (Тулмозеро)¹³²⁴. В эстонском языке один из способов номинации рожистого воспаления основывался на названии части тела, на которой оно образовалось¹³²⁵. В 1931 г. на Карельском перешейке было зафиксировано 99 видов рожи¹³²⁶.

Карельские знахари пытались диагностировать рожистое воспаление костяным гребнем путем прикладывания его к воспаленному месту: если гребень сгибался в дугу, значит у больного рожа¹³²⁷.

¹³¹⁹ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958. С. 210.

¹³²⁰ Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki. IV, 1979. S. 891; Suomen sanojen alkuperä. Helsinki, III. 2000. S. 115.

¹³²¹ Forsius A. Kuvauksia lääketieteen historiasta. URL: www.saunalahti.fi/arnoldus/haklaa.html.

¹³²² Попов Р. Народная этимология и культ святых // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923-1996). М., 2004. С. 136.

¹³²³ Конкка А. П. Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик. Народная медицина. Знахарство и колдовство // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 411–412.

¹³²⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 156.

¹³²⁵ Veidemann A. Ruusutaudin hoitokeinot Virossa // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 208.

¹³²⁶ Ruutu M. Kansantaroja ja uskomuksia Karjalankannaksen itäosissa. Helsinki, 1931. S. 50.

¹³²⁷ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 24.

При лечении рожистого воспаления придавалось большое значение цветовой гамме: как правило, использовали предметы и минеральные средства белого или красного цвета. Повсеместно для лечения рожистого воспаления карелами и другими прибалтийско-финскими народами практиковалось использование красной тряпки (как вариант, шерстяного красного платка). Жители Олонецкого р-на (д. Тукса, г. Олонец), Пряжинского р-на (д. Корбинаволоок, Лахта) смазывали больное место мелом, положив сверху красную тряпку и приговаривая: «*Ruskevus, mene iäres! Valgevus, jäi nahkah!*» – ‘Краснота, уйди прочь! Белое, останься на коже!’)¹³²⁸. Такой же способ лечения применялся у вепсов¹³²⁹. Карелы Архангельской губ. после обильного посыпания рожистого воспаления мелом накладывали на нее сверху слой льняной кудели и синей бумаги, а затем туго перевязывали красным шнуром. Использование этих трех цветов – красного, синего и белого – объяснялось тем, что белый цвет уничтожал красноту во время воспаления, а синего и красного цвета «якобы рожа боится»¹³³⁰. Сочетания цветов были характерны при проведении магических ритуалов и у славян. Устойчивыми сочетаниями считались красный–белый, красный–черный, красный–белый–синий¹³³¹.

Южные карелы мазали рожистое воспаление мазью из дождевых червей.

Сыпь («свороба»), детская чесотка

Наименования данного заболевания в собственно-карельском наречии карельского языка образовано способом словосложения:

ihon/puhtijaine – букв. ‘кожи+чистящая’: ск. *ihonpuhtijaine* (Юшкозеро); *oisko noin kolmen netäliv vanha še (lapsi) oli korkeintah, šilloin še tuli še ihonpuhtijaini* – ‘в возрасте трех недель у ребенка началась детская чесотка’ (Контокки);

¹³²⁸ Верхний Олонец – поселок лесорубов. М., 1964. С. 83; Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 90; Punttila M. Elimäkeläistä kansanelämää: Antti Kujalan muistiinpanoja vuosilta 1903–1915. Helsinki, 1990. S. 132.

¹³²⁹ Образцы вепской речи. Л., 1969. С. 288.

¹³³⁰ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 24.

¹³³¹ Белова О. В. Красный цвет // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 650.

mimmoista se oli se ihompuht'ijaihi? – ‘что это за болезнь была детская чесотка?’ (Беломорская Карелия).

hipien/puhastajaine – букв. ‘кожи+чистящая’: ск. *hipienpuhastajaine*, *hibienpuhaštajaihi* (Юшкозеро)¹³³².

Появлялась она уже у пяти-шестидневных детей на голове и теле. Лечили детскую чесотку заговорами и парением в бане или жаркой печи. Беломорские карелы отмечали, что во время детской чесотки кожа ребенка становилась красной, у малыша начинался сильный жар и могли образоваться водянистые волдыри на теле. Данные волдыри смазывали картофельным крахмалом, чтобы подсушить их. При отсутствии волдырей ребенка относили в баню, надевали на него тонкую красную одежду и через одежду парили. Самой кожи нельзя было касаться. Парили ребенка сухим, мягким веником, который делали из бородавчатой березы. Ребенка носили в баню три дня подряд¹³³³.

У ливвиковских и людиковских карелов информация о данном заболевании не была зафиксирована.

Чесотка

В карельских диалектах наименования чесотки являются девербальными именами существительными:

kurina: ск. *kurina* (Калевала), *kubina* (Паданы); *läsiy kupinoa* – ‘болеть чесоткой’ (Кестеньга); *läsiy kupinašša* – ‘болеть чесоткой’ (Тихтозеро) // ливв. *kubin* (Салми, Видлица), *kubineh* (Олонец) // люд. *kubina*, *kubineh*, *kupetamaan'e*¹³³⁴. Названия *kurina*, *kubin(a)*, *kubineh* образованы от словообразовательной основы глагола *kuvata*→*kurua-*, *kubua-* (ск., ливв.) ‘чесаться’.

kupetus: ливв. *kupetus* (Большие Горы), *kubedus* (Корбинаволоок, Лахта), *kupetus*, *kubaitus* (Ковера, Ляпякке, Мегрозеро, Михайловское, Печная Сельга,

¹³³² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1968. S. 426.

¹³³³ Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Helsinki, 1958. S. 155-156.

¹³³⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 458; Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki. II, 1980. S. 242.

Царь-порог, Юргилица) // люд. *kubidus* (Пряжа)¹³³⁵ (от слов. осн. глаг. *kupettua*→*kupeta*- (ливв.), *kubaittua*→*kubaita*- (ливв., люд.) ‘чесаться’ + суф. *-us*).

syuhymin'e: ск. *syuhymin'e* (Паданы), *šyuyhmin'e* ~ *šyuhymmin'e* (тверской говор), *syuhmine* (Корбисельга); *a koož on šyuhmin' ruaduččow jes'l'i in'ehmiz'ell, vet' i lapšet oldih šyuhmiz'ešš, i mil'l' l'ečči?* – ‘а когда у человека чесотка, ведь и дети были в чесотке, и чем же лечить?’ (тверской говор); *tartu syuhymin'e* – ‘пристала чесотка’ // ливв. *syuhmine* (Сямозеро); *syhmin'(e) on hänessäh* – ‘у него чесотка’ (Салми); *syhymiine tartui mizliennou* – ‘чесотка где-то пристала’ (Неккула, Рыпушкалица) // люд. *šyuhmin'e*¹³³⁶ (от слов. осн. глаг. *syuhyö*→*syuhy*- ‘чесаться’ + суф. *-mine*).

В вепсских деревнях чесотка была самым распространенным кожным заболеванием, основной причиной которого считалось отсутствие гигиенических средств¹³³⁷. Симптомы чесотки описаны в полшутливом выражении карелов-ливвиков: «*On pruamuzlu kupertellakseh ku rubihevol*» – ‘[у него] как у чесоточной лошади привычка чесаться’¹³³⁸. Отмечалось появление волдырей на коже: «*kubinašta tulou rökkyö hibieh*» – ‘от чесотки на коже появляются волдыри’ (Тунгозеро). Возникновение чесотки объясняли и иррациональными причинами.

Основным способом лечения чесотки в традиционной карельской медицине было втирание в больное место мазей, которые изготавливали из лечебных трав и минеральных средств.

Карелы Муезерского р-на, Суомуссалми и Тверской обл. для лечения чесотки делали мазь из серы, кислой сметаны и крепкого щелока, а также мазали больные места смолой ели или чистым березовым дегтем. Карелы-ливвики (д. Корби-

¹³³⁵ Полевой материал автора – 21, 24, 32, 38.

¹³³⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 613; Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki. IV, 1979. S. 1151.

¹³³⁷ Большакова А. В. Участие вепсских женщин в развитии традиционной медицины народности в конце XIX – начале XX вв. // Финно-угорский мир. 2011. № 2/3. С. 51.

¹³³⁸ Словарь карельского языка (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1990. С. 458.

наволоч, Лахта) натирали кожу сосновой смолой¹³³⁹. Сямозерские карелы (д. Сямозеро) прикладывали к больным местам свежую хвою¹³⁴⁰.

Если чесотка появлялась повторно в зимнее время, то шли на берег, раздевались догола, купались в проруби, натирали больное место льдом, затем этот лед выкидывали и произносили: «*Minne jäät menevät, menkää työkin sinne!*» – ‘Куда лед идет, туда и вы идите’ или «*Minä pesen nyt. Mene jäiden mukana, ettet kutise enempi!*» – ‘Я сейчас вымоюсь. Иди со льдами, не чешись больше!’) (д. Оуланка)¹³⁴¹.

В Мяндусельгской волости в начале XX в. «колдун парил больного в бане, а потом предлагал поваляться в снегу»¹³⁴².

Беломорские карелы избавлялись от чесотки с помощью водорослей, взятых из водопада. Жители д. Вокनावолок шли к водопаду в то время, когда начинался паводок, и трижды собирали со дна водоросли. Затем этими водорослями ударяли себя и выкидывали обратно через плечо по течению, приговаривая:

<i>Tuonne ma sinun lähetän,</i>	Туда я тебя отправлю,
<i>Turjan koskeen kovaan,</i>	В порог бурной Турьи,
<i>Alle aaltoen syvien</i> ¹³⁴³ .	В пучину волн глубоких.

Экзема

Люди́ковские карелы для обозначения экземы использовали русское заимствование *ekzemenä*: люд. *dai kädet kibevyttih ekzemenäl* – ‘а руки заболели экземой’¹³⁴⁴ // ср. (фин.) *ekseema*. Используемая в люди́ковском наречии лексема заимствована из русского языка (ср. русс. экзема < греч. *ekzeo* ‘вскипаю’), что, вероятно, можно объяснить следующим: симптомом экземы являются раздражения, пузырьки (напоминают воду при кипении), гнойнички и зуд¹³⁴⁵.

При заживлении появляющаяся на экземе корочка по цвету похожа на кал, также лексема *šittu/šitta* употребляется со значением ‘гной, грязь’ (значит, экзема

¹³³⁹ Полевой материал автора – 26.

¹³⁴⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 613.

¹³⁴¹ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 245.

¹³⁴² Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 25.

¹³⁴³ Suomen kansan vanhat runot: Vienan läänin runot. Osa I (4). Helsinki, 1921. S. 524.

¹³⁴⁴ Баранцев А. П. Образцы люди́ковской речи. Петрозаводск, 1978. С. 178.

¹³⁴⁵ Словарь иностранных слов. М., 1954. С. 795.

ассоциировалась у карелов с «грязным, нечистым»). Предположительно, это стало определяющим для использования в сложных словах в качестве первого компонента лексем *šittu*, *šitta* ‘испражнение, кал’ в следующих наименованиях: *šittu/rubi*, *šitta/bul’kku*: ск. *mejän laps ei ole terveh, šittabul’kkuo on tulluh* – ‘наш ребенок не здоров, у него экзема появилась’ (Суйстамо) // ливв. *šitturubi*, *šittubul’kku* (Салми, Сямозеро)¹³⁴⁶ (*šittu/rubi* – ‘кал, испражнение + струп’; *šitta/bul’kku*, *šittu/bul’kku* – ‘кал, испражнение + волдырь’). Возникновение *šittubul’kku* объясняли и иррациональными причинами.

Жители д. Корбиनावолок и Лахта смазывали болячки кислым тестом или клюквенной водой¹³⁴⁷. Салминские карелы обмывали болячки медной водой: «*kuponossuvettä laittih, sil vojjetih n’iidy šittubul’kuloi*» – ‘приготовляли медную воду и ею мазали экзему’ (Салми)¹³⁴⁸.

У тунгудских карелов мать сама лечила своего ребенка, иначе он в течение полусуток мог ослепнуть. Она вставала ночью, топила баню и вела туда ребенка. В бане она прикладывала к болячкам землю, которую брала в разных местах и шептала на нее слова. Так делали три дня подряд и экземы подсыхали¹³⁴⁹.

7. Механические повреждения

- Возникающие в результате травмы, удара

Вывих

Наименования вывиха в собственно-карельском, ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка относятся к девербальным именам существительным: *hivellys*: ск. *hivellys* (Суоярви) // ливв. *hiveldyz* (Сямозеро), *hiveldys* (Салми) // люд. *hiveldys*¹³⁵⁰ (от слов. осн. глаг. *hiveltyö*→*hivelty-* (ск.) ‘подвернуть, вывихнуть’, *hiveldyö*→*hiveldy-* (ливв., люд.) ‘подвернуться, вывихнуться’ + суф. –*ys*).

¹³⁴⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 403.

¹³⁴⁷ Полевой материал автора – 26.

¹³⁴⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 403.

¹³⁴⁹ Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск, 2000. С. 288.

¹³⁵⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1968. S. 285; Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä. Osa VI. Helsinki, 1994. S. 134.

mučkahtus: ливв. *mučkahtus*¹³⁵¹ (от слов. осн. глаг. *mučkahtua*→*mučkahta*- ‘вывихнуть’ + суф. *-us*).

muurdus: ливв. *muurdus* (Ковера, Ляпякке, Мегрозера, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица)¹³⁵² (от слов. осн. глаг. *muurduo*→*muurdu*- ‘выворачиваться, вывихиваться’ + суф. *-us*).

nyrvähyš: ск. *nyrvähyš* (от слов. осн. глаг. *nyrvähtyä*→*nyrvähty*- ‘вывихнуться, подвернуться’ + суф. *-ys*).

В диалектах карельского языка распространены глаголы, которые в словосочетаниях обозначают вывих: (ск.) «*lanketešša läksi šijoiltah olkapiä*» – ‘при падении плечо вывихнулось’¹³⁵³; (тверской говор) «*langein halgoloinke i murriin kiän*» – ‘я упал с дровами и вывихнул руку’¹³⁵⁴; (ливв.) «*käzi liikahtih olgupiäs*» – ‘рука в плече вывихнулась’, «*jalgu ničkahtiiheze nivel’es*» – ‘нога вывихнулась в суставе’, «*käzi sijas liikui*» – ‘рука вывихнута’, букв. ‘рука с места двинулась’¹³⁵⁵.

Вывихи лечили с помощью специальных трав, массажа и магическими способами. Карелы-людики (д. Галлезера, Михайловское) использовали для лечения вывиха траву, которую они называли *hivel’hein* – ‘букв. ‘вывих+трава’’. Эта трава росла в лесу, на упавшем сгнившем дереве. Трава была высокая, с маленькими листиками. Ее собирали, распаривали в теплой воде и привязывали к больному месту. Суоярвские карелы (д. Корбисельга) также использовали специальную траву от вывиха. Жители д. Михайловское прежде чем завязывать выпаренную траву на больное место, массируют вывих с размягченным мылом.

Держанские карелы (д. Семеновское) лечили вывих руки или ноги льняной или шерстяной ниткой, на которой завязывали 12 узлов, при этом читая молитву или шепча специальные слова. Затем этой ниткой перевязывали больное место¹³⁵⁶.

¹³⁵¹ Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 2016. С. 59.

¹³⁵² Полевой материал автора – 32.

¹³⁵³ Русско-карельский словарь (севернокарельские диалекты). Петрозаводск, 2015. С. 64.

¹³⁵⁴ Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 167.

¹³⁵⁵ Словарь карельского языка (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1990. С. 186, 227, 335.

¹³⁵⁶ Norvik P. *Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa*. Helsinki, 1983. S. 228.

Заговоренную нитку на место вывиха привязывали и ливвиковские карелы (д. Корбисельга, Салми)¹³⁵⁷.

Тихвинские карелы (д. Коргорка) обращались за помощью к знахарям, которые вправляли вывих с помощью массажа: они терли место вывиха до хруста, который обозначал, что вывих встал на место¹³⁵⁸.

Гематома

В основе номинации данного вида травмы в собственно-карельском и ливвиковском наречиях карельского языка лежит внешний признак гематомы: *veripahka*: ск. *veripahka* (Суоярви) // ливв. *veripahku* (Корбинаволоок, Лахта)¹³⁵⁹; *veripahku* (Сямозеро); *šokaz on veripahku* – ‘на щеке гематома’ (Неккула, Рыпушкалица)¹³⁶⁰ // ср. (фин.) *veripahka*¹³⁶¹ (*veri/pahku, veri/pahka*, – букв. ‘кровь’ + ‘опухоль’). Красно-синий оттенок и выпуклая форма, связанные со скапливанием крови в ушибе, являются внешними, отличительными признаками гематомы. Вероятно, эти симптомы послужили для использования в упомянутых наименованиях в качестве первого компонента имени существительного *veri* ‘кровь’, а второго – *pahku, pahka* ‘опухоль’.

Причиной образования гематомы, по мнению карел, мог стать удар или ушиб: «*veripahku on nossuh jaljas sattavuhuu*» – ‘гематома образовалась на ноге после удара’ (Сямозеро).

По данным информантов Пряжинского р-на (д. Корбинаволоок, Лахта), к гематомам для рассасывания прикладывали лист подорожника, мазали соком этого же растения или кашицей лука, прикладывали свежий лист капусты¹³⁶².

Кровотечение

Лексемы *verenjuoksu* и *verenvuoto* образованы способом словосложения:

¹³⁵⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1968. S. 285.

¹³⁵⁸ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 299; Фишман О. М. «Отче» и колдуны: образы жизни карельской старообрядческой общины // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 134.

¹³⁵⁹ Полевой материал автора – 24.

¹³⁶⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 554.

¹³⁶¹ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. I, 1992. S. 727.

¹³⁶² Полевой материал автора – 43; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 551.

verenjuoksu: ск. *verenjuoksu* (Суоярви) // ливв. *verend'uoksu* (Сямозеро), *verenjuoksu* (Салми) (*veren/juoksu* – букв. ‘крови’ + ‘бег’).

verenvuoto: ск. *ensin pitäy pijettyä verenvuoto* – ‘сначала надо остановить кровотечение’ // ливв. *verenvuodo on akal, mitaht erinomain on* – ‘у жены какое-то особенное кровотечение’ (Сямозеро) // ср. (фин.) *verenvuoto*¹³⁶³ (*veren|vuoto* – букв. ‘крови’ + ‘течение’).

Заговор для остановки кровотечения встречается в «Калевале» (руна 9, строки (267–418) в эпизоде, когда Вяйнемеинен просит старца заговорить рану от топора, полученную при строительстве лодки. На протяжении длительного времени заговоры считались лучшим способом для остановки крови.

Разного рода кровотечения – носовые, маточные, легочные, от глубоких порезов – лечили заклинанием¹³⁶⁴. Проживающие в Ленинградской обл. тихвинские карелы (д. Коргорка), отсасывая кровь из раны, плевали на нее и говорили: «*Čur amii! Čur amii!*» – ‘Чур. Аминь! Чур. Аминь!’, и снова плевали и отсасывали. Так делали пока кровь не останавливалась¹³⁶⁵. У тверских карелов (с. Воздвиженка) читали такие заговоры: «*Ajav vahna ukko da i šanov: Šije, hebone, novže šije, very, pijety, štobi ijan ei tulis*» – ‘Едет дряхлый старик да и говорит: Ты, лошадь, встань, ты, кровь, остановись, чтобы век не показывалась’¹³⁶⁶. При порезе ножом олонецкие карелы, кусали три раза лезвие ножа и после каждого укуса плевали на порез, вследствие чего кровь останавливалась, а рана не болела¹³⁶⁷.

Несомненно, карелы использовали и рациональные способы остановки кровотечения: лекарственные травы, средства животного происхождения.

Сямозерские карелы (д. Сямозеро) верили, что для остановки кровотечения надо отнести кровь больного в хлев на место, где спит свинья, и оно прекратится.

¹³⁶³ Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь. М., 2006. С. 726.

¹³⁶⁴ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 23.

¹³⁶⁵ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 241-242.

¹³⁶⁶ Михайловская М. В. Карельские заговоры, приметы и заплочки // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Вып. 2. Л., 1925. Т. V. С. 612.

¹³⁶⁷ Покровский П. Корел, его быт и занятия (Олонецкий уезд). Предрассудки и поверия корела // Олонецкие губернские ведомости. 1873. № 8. С. 91.

Карелы-ливвики останавливали кровь, прикладывая истолченную бересту к кровоточащей ране¹³⁶⁸ или листья крапивы и подорожника, а также, насыпая порошок из сухих листьев липы (д. Корбинаволоок, Лахта). Если кровь текла из носа, то в ноздрю клали лист тысячелистника (д. Ведлозеро)¹³⁶⁹.

Открытая рана

Данное наименование представлено в карельском языке сложным словом:

avohuava: ск. *avohuava* (Суйстамо)¹³⁷⁰ // ср. (фин.) *avohaava*¹³⁷¹ (*avo/huava* – букв. ‘открытая’ + ‘рана’).

Карелы д. Аконлахти считали, что самое важное, чтобы в открытую рану не попала вода. Поэтому, прежде чем идти мыться в баню, надо было дуть на больное место и произнести три раза:

Vesiviitta Vaitom poika,

suoviitta pojan Kaleva.

Söit kivet, apoit somerot

*vettä synnytellessäsi*¹³⁷².

Вайто сын в накидке синей,

Калевы дитя в болотной.

Глыбы ел, глотал каменья

Зарождал сырую воду.

(Перевод Е. В. Каракин)

Могли произносить заговор на открытую рану и в самой бане, обращаясь к банному пару (см. Приложение 2, Рисунок 26).

Карелы из д. Оуланка мазали открытую рану маслом, которое делали сами¹³⁷³.

Перелом, трещина

Карельские варианты наименований перелома и трещин относятся к отглагольным дериватам:

halgelmus: люд. *sor'miss on halgelmuksed* – ‘на пальце трещины’ (Галлезеро) (от слов. осн. глаг. *halleta* → *halgie*- ‘трескаться’ + суф. *-mus*).

¹³⁶⁸ Mihailova M. Luondon avuttajat // Oma mua. 1996. № 27. S. 4.

¹³⁶⁹ Полевой материал автора – 26, 45.

¹³⁷⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1967. S. 90.

¹³⁷¹ Ylinen H. Miten kansa paransi. Joensuu, 1990. S. 13.

¹³⁷² Virtaranta P. Vienen kansa muistellee. Helsinki, 1958. S. 138.

¹³⁷³ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 240.

halkientahine: ск. *halkientahine* (Ругозеро, Юшкозеро); *halgiendahin'e käm-menel'l'ä kivis't'äy* – ‘трещина на ладони болит’ (тверской говор)¹³⁷⁴ (от слов. осн. глаг. *haleta*→*halkie*- ‘трескаться’ + суф. *-nta* (ск.), *-ndu* (ливв.) + *-hine* (ск., ливв.)).

katkelmus: ливв. *katkelmus* (Корбинаволоок, Лахта)¹³⁷⁵, *katkelmus* (Салми), *katkelmuz* (Сямозеро); *aižah katkelmuksen andoi* – ‘получил перелом об оглоблю’ (Неккула, Рыпушкалица) // люд. *katkelmus*¹³⁷⁶ (от слов. осн. глаг. *katkeldua*→*katkelda*- ‘переламываться, обрываться’ + суф. *-mus*).

katkientahin'i: ск. *katkientahin'i* (Калевала, Кестеньга) (от слов. осн. глаг. *kateta*→*katkie*- ‘сломаться, переломиться’ + суф. *-nta* (ск.) + *-hini* (ск.)).

Переломы возникали чаще всего из-за травм: *aižah katkelmuksen andoi* – ‘получил перелом об оглоблю’ (Неккула, Рыпушкалица)¹³⁷⁷.

Людиковские карелы (д. Галлезеро) смазывали трещины на пальцах ушной серой¹³⁷⁸. Беломорские карелы для заживления трещин на руках или ногах мазали их сливками или клали сливки в рукавицы или носки и надевали (п. Кестеньга)¹³⁷⁹. Тихвинские карелы (д. Коргорка) обвязывали трещины шерстяными нитками¹³⁸⁰.

Оулангские карелы до 1980 г. для лечения переломов (Лоухский р-н) широко применяли ртуть, считая, что она помогает срастаться костям¹³⁸¹. Жители деревень Корбинаволоок и Лахта при переломах фиксировали больное место с помощью деревяшки, чтобы быстрее срасталось.

Порез

Во всех наречиях карельского языка, используемые наименования относятся к девербальным именам существительным:

¹³⁷⁴ Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 45.

¹³⁷⁵ Полевой материал автора – 39, 47.

¹³⁷⁶ Kujola J. *Lyudiläismurteiden sanakirja*. Helsinki, 1944. S. 115.

¹³⁷⁷ *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki. II, 1974. S. 96, 97.

¹³⁷⁸ Virtaranta P. *Lyudiläisiä tekstejä*. Osa II. Helsinki, 1963. S. 278.

¹³⁷⁹ *Näytteitä karjalan kielestä*. Joensuu; Petroskoi, 1994. S. 69.

¹³⁸⁰ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 319.

¹³⁸¹ Pentikäinen J. *Marina Takalon uskonto*. Helsinki, 1971. S. 240.

čikn'ites: ливв. *čikn'ites kodvan vidžvuau* – ‘порез долго гноится’ (от слов. осн. глаг. *čikn'ie*→*čikn'i*- ‘отрезать, чикнуть’ + суф. *-es*).

leikates: ливв. *leikatekses lähtöy märgiä* – ‘из раны (от пореза) гной идет’ (от слов. осн. глаг. *leikata*→*leikkua*- ‘резать, порезать’ + суф. *-es*).

leikalmus: ливв. *leikalmus* (Корбиनावолок, Лахта)¹³⁸², *leikalmus* (Салми)¹³⁸³ // люд. *leikalmus* (Пряжа)¹³⁸⁴ (от слов. осн. глаг. *leikata*→*leikkua*- ‘резать, порезать’ + суф. *-mus*).

leikkoantahin'i: ск. *leikkoantahin'i* (Калевала, Кестеньга, Ругозеро), *leikkuandahin'e* (тверской говор, тихвинский говор), *leikkoandahin'e* (Суйстамо) (от слов. осн. глаг. *leikata*→*leikkua*- ‘резать, порезать’ + суф. *-nta* (ск.), *-ndu* (ливв.) + *-hini* (ск.), *-hine* (ливв.).

Карелы лечили порезы как рациональными, так и магическими способами. Ливвиковские карелы лечили порезы на теле квасцами, прикладывая их к ране¹³⁸⁵. Из лечебных трав к ране прикладывали подорожник, колокольчик или лопух; настаивали на спирту почки березы или крапиву и этой настойкой смазывали рану (д. Ведлозеро)¹³⁸⁶. Настойку из березовых почек использовали и в Тверской Карелии (д. Васильевское)¹³⁸⁷. Беломорские карелы (д. Вуокинсалми) мазали порезы смолой сосны, сверху перевязывали, и через три недели раны заживали. Кроме того, порезы мазали настойкой из перца. Перец выращивали дома, созрев, он лопался, семена сушили на следующий год, а сам перец настаивали на вине. Это же лекарство пили при кашле или жаре¹³⁸⁸. Если же порезали руку во время жатвы ржи, то надо было взять немного той же самой ржи, об которую порезались (или тысячелистник, растущий на том же поле), разжевать во рту до выделения сока и приложить к ране (д. Васильевское). Жители д. Пальцево к порезам при жатве

¹³⁸² Полевой материал автора – 26, 39, 47.

¹³⁸³ Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 148.

¹³⁸⁴ Полевой материал автора – 38.

¹³⁸⁵ Словарь карельского языка (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1990. С. 349.

¹³⁸⁶ Полевой материал автора – 45.

¹³⁸⁷ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 147.

¹³⁸⁸ Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Helsinki, 1958. S. 136.

прикладывали к ранам тысячелистник или ивовую кору. Тихвинские карелы клали на порез гриб-дождевик¹³⁸⁹.

Использовались и другие рациональные способы лечения порезов. Ливвиковские карелы при порезе смачивали тряпку в своей моче и перевязывали рану (д. Корбинаволоок, Лахта)¹³⁹⁰. Тверские карелы (д. Семеновское) посыпали порезы сажей¹³⁹¹. Карелы Сегежского р-на (д. Кучозеро) посыпали порезы сахарным песком.

Рана

К прибалтийско-финскому наследию относится именование *hoava*: ск. *hoava* (Вокнаволоок, Калевала, Ругозеро, Суоярви, Тихтозеро), *huava* (Иломанси, Контолки, Корбисельга, Суйстамо, Юшкозеро) // ливв. *huavi* (Олонец, Салми)¹³⁹² // ср. (эст.) *haav*; (фин.) *haava*. Прибалтийско-финская лексема *haava* является германским заимствованием *hawwa, ср.: совр.швед. *hugg* ‘удар’. Позднее, из первоначального значения этого слова, в прибалтийско-финских языках развилось значение ‘рана’¹³⁹³.

В диалектах карельского языка для обозначения раны используется русское заимствование: *ruani*: ск. *ruani* (тверской говор) // ливв. *ruani* (Корбинаволоок, Лахта)¹³⁹⁴, *ruani* (Салми) // люд. *ruan*, *ruon*, *ruane*¹³⁹⁵. Используемые в ливвиковском и собственно-карельском наречиях названия заимствованы из русского языка рана¹³⁹⁶.

Повсеместно карелы присыпали раны вываренной землей. Ливвиковские карелы смазывали раны настойкой из сережек березы, прикладывали листья подорожника¹³⁹⁷. Лист подорожника для вытягивания гноя использовали и тверские

¹³⁸⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. III, 1983. S. 49.

¹³⁹⁰ Полевой материал автора – 26.

¹³⁹¹ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 147.

¹³⁹² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1968. S. 295.

¹³⁹³ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. II, 1995. S. 127.

¹³⁹⁴ Полевой материал автора – 39, 47.

¹³⁹⁵ Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 242; Kujola J. Luudiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944. S. 366; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 284.

¹³⁹⁶ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958. С. 182.

¹³⁹⁷ Mihailova M. Luondon avuttajat // Oma mua. 1996. № 27. S. 4.

карелы: «*šiduo ruanah mul'čukkuu, ved'äis' mämmän*» – ‘привязать к ране подорожник, чтоб гной вытянуло’¹³⁹⁸.

Растяжение

Образованные от глагола *venyö* ‘растягиваться, тянуться’ лексемы имели следующие диалектные формы:

venymine: ливв. *venymine* (Сямозеро)¹³⁹⁹ (от слов. осн. глаг. *venyö*→*veny-* ‘растягиваться, тянуться’ + суф. *-mine*).

venymä: ск. *miula käteh tuli venymä* – ‘я получил растяжение’ (Калевала, Кестеньга)¹⁴⁰⁰ (от слов. осн. глаг. *venyö*→*veny-* ‘растягиваться, тянуться’ + суф. *-mä*).

venyntä: ск. *venyntä* (Калевала, Кестеньга) // ливв. *vönyndy* (Неккула, Рыпушкалица), *venyndy* (Сямозеро)¹⁴⁰¹ (от слов. осн. глаг. *venyö*→*veny-* ‘растягиваться, тянуться’ + суф. *-ntä, -ndy*).

Данный недуг лечили с помощью магического слова и действий. Ливвиковские карелы называли данный ритуал «*oppie hiveldykses*» – ‘лечить растяжение заговором’¹⁴⁰². Карелы Беломорской, Центральной и Олонецкой Карелии (например, д. Вокнаволоок, Суднозеро, Толлорека, Хиетаярви) для лечения растяжения делали специальную нитку: *venymärihma* (ск., ливв.) – ‘нитка от растяжения’. Ее скручивали из нестиранной шерсти трех разных цветов (красный, черный и белый), обвязывали больное место три раза, делая каждый раз по девять узлов (см. Приложение 2, Рисунок 27). Иногда эту «нитку» делали из ветвей веника: ветви веника распаривали в горячей воде, чтобы они стали мягкими и обвязывали ими больное место. «Нитку» могли скручивать также из своих волос¹⁴⁰³. Карелы из д. Вокнаволоок во время завязывания каждого узла произносили: «*Mist on suoni sorkahtan, siihi suonta solmiel'en. Mist on suoni liikkun, siihi suonta liittelen. Mistä on suoni lyhennyn, siihi suonta jatkelen*» – ‘Где сосуды повредились, там свяжу их я. Где сосуды сдвинулись, там сразу их я. Где сосуды укоротились, там я их удли-

¹³⁹⁸ Словарь карельского языка (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1990. С. 242.

¹³⁹⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 548.

¹⁴⁰⁰ Зайков П. М., Ругоева Л. И. Карельско-русский словарь. Петрозаводск, 1999. С. 204.

¹⁴⁰¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 548.

¹⁴⁰² Словарь карельского языка (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1990. С. 70.

¹⁴⁰³ Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Helsinki, 1958. S. 131-132.

ню.¹⁴⁰⁴. Можно было взять три нитки одного цвета, но только серого (д. Оуланка)¹⁴⁰⁵.

Кестеньгские карелы при растяжении читали заговор, например:

<i>Marija, matala neiti,</i>	Мария, низенькая дева,
<i>pyhä piika pikkaraini,</i>	святая маленькая дева,
<i>rakaš äiti armollini,</i>	любимая мать, милостивая,
<i>tarmon akka (?) tarmokaš,</i>	из деятельных деятельная,
<i>tiälä on šuonet šolmittavat,</i>	здесь нужно сосуды перевязать,
<i>verikošket šalvattavat.</i>	водопады из крови перекрыть.
<i>Mist' on luu lokšahtan,</i>	Где кость сошла с места,
<i>šiihi luu lukkuutukkah,</i>	там пусть кость срастется,
<i>mist' on šuonet šortun,</i>	где сосуды повредились,
<i>šiihi šuonet šolmuutukkah¹⁴⁰⁶.</i>	там пусть сосуды в узел свяжутся.

Затем на больное место завязывали нитку, «чтобы и в воде не намочена была, и не сучена, должна быть мягкая, одинарная».

Синяк

В основе номинации лексем, обозначающих синяк, в диалектах карельского языка лежит внешний признак:

muššelmä: ск. *muššelmä* (Иломанси, Калевала), *musselmä* (Корбисельга), *mustelmu* (Импилахти), *mustelmä* (Суйстамо) // ливв. *muga iški kai bokkah mustelmu rod'ih* – ‘ударил так, что появился синяк на боку’ (Видлица)¹⁴⁰⁷ // ср. (фин.) *mustelmä¹⁴⁰⁸* (букв. *mustelmu*, *muššelmä* – ‘синяк’, от им. прилаг. *mustu* ‘черный’).

Внешний признак после удара или ушиба отражен в данном наименовании.

sin'isömä: ск. *šin'isömä* (Вокनावолок, Калевала, Кестеньга), *šin'izömä* (Реболы, Ругозеро, Юшкозеро), *šin'izmä* (Иломанси), *sin'izemä~sin'isömä~sin'izömä* (тверской говор), *sin'izemä* (Суйстамо, тихвинский говор); *piha oli lipie ta mie*

¹⁴⁰⁴ Его же. *Vienan kyliä kiertämässä*. Porvoo; Helsinki, 1978. S. 82, 243.

¹⁴⁰⁵ Pentikäinen J. *Marina Takalon uskonto*. Helsinki, 1971. S. 241.

¹⁴⁰⁶ Песенный фольклор кестеньгских карел / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989. С. 139.

¹⁴⁰⁷ *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki. III, 1983. S. 380.

¹⁴⁰⁸ Вахрос И., Щербатов А. *Большой финско-русский словарь*. М., 2006. С. 388.

lankesin, n'in unnäh ihan tuli mityš šin'isömä jalkah – ‘двор был скользский, и я так сильно упал, что на ноге синяк появился’ (Контокки); *sin'izemän andoi* – ‘синяк поставил’ (Суоярви) // ливв. *sinine* (Большие Горы, Ковера, Ляпякке, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица)¹⁴⁰⁹, *sinistymy, sinižemy*¹⁴¹⁰, *sin'izem* (Неккула, Рыпушкалица); *sin'izemän andoi* – ‘синяк поставил’ (Сямозеро)¹⁴¹¹ // люд. *sinižömä, sin'iin'e* (Галлезеро) // ср. (вепс.) *sinižma, sinižom, sin'in'e*¹⁴¹² (букв. *sinine* – ‘синяк, синий’; *sin'isömä, sin'izömä, sin'izemä, sinižemy, sinistymy* – ‘синяк’). Наименования отражают появившийся цвет на коже после ушиба или удара.

Людиковские карелы (д. Галлезеро) верили, что появившийся на теле человека синяк «из ниоткуда», обозначает скорую смерть¹⁴¹³. Возникновение синяка объясняли и иррациональными причинами. Рациональных способов лечения синяка не было обнаружено. Вероятно, их никак не лечили, проходили сами.

Ушиб

Все наименования ушиба в диалектах карельского языка, а также в родственных языках, образованы от глагола *satattua* с присоединением различных суффиксов со значением результата действия:

satates: ливв. *satates* (Неккула, Рыпушкалица); *pidäz zel'l'oa eččie satatekseh* – ‘надо бы зелье найти от ушиба’ (Сямозеро)¹⁴¹⁴ // ср. (вепс.) *satatez* (от слов. осн. глаг. *satattua* → *satatta*- ‘повредить, ушибить’ + суф. *-es*).

satatus: ск. *satatus*; *šatatuš kivis't'i viikon* – ‘ушибленное место долго болело’ (тверской говор)¹⁴¹⁵ // ливв. *satatus* (Ковера, Ляпякке, Мегрозеро, Печная Сельга,

¹⁴⁰⁹ Полевой материал автора – 52.

¹⁴¹⁰ Словарь карельского языка (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1990. С. 337.

¹⁴¹¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 392.

¹⁴¹² Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков. Петрозаводск, 2007. С. 135.

¹⁴¹³ Virtaranta P. Luuydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. S. 286.

¹⁴¹⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 296.

¹⁴¹⁵ Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 265; Зайков П. М., Ругоева Л. И. Карельско-русский словарь. Петрозаводск, 1999. С. 164.

Царь-порог, Юргилица) // люд. *satatus* (Михайловское)¹⁴¹⁶ // ср. (вепс.) *satatus, satatus*¹⁴¹⁷ (от слов. осн. глаг. *satattua*→*satatta*- ‘повредить, ушибить’+ суф. *-us*).

sattavus: ливв. *sattavus* (Сямозеро)¹⁴¹⁸ // люд. *sattavus* (Пряжа)¹⁴¹⁹ (от слов. осн. глаг. *sattavuo*→*sattavu*- ‘ушибаться’+ суф. *-us*).

satundahine: ливв. *satundahin’e* (Салми), *satundahine* (Сямозеро); *satandahiine jälg on rožaz* – ‘на лице остался след от ушиба’ (Неккула, Рыпушкалица)¹⁴²⁰ (от слов. осн. глаг. *satattua*→*satatta*- ‘повредить, ушибить’+ суф. *-ndu, -hine*).

Считалось, что ушибам может быть подвержена любая часть тела: ливв. «*kynäbrys sattoiheze*» – ‘локоть ушибся’, «*jalgu vie endižessäh oli kibe, a nügöi myös satatti*» – ‘нога еще с того раза болела, а теперь он снова ушиб’, «*hengenkohtu ryndähis sattoih*» – ‘ушиблась грудью в области легкого’, «*polven satatin mal’l’uškan kohtas*» – ‘я ушиб колено около чашечки’; ск. «*miula käsi on šattautun*» – ‘я ушиб руку’, «*lodigaluu šattauidi da n’i kävellä en voi*» – ‘я ушиб лодыжку и не могу ходить’, «*šatatin jalan*» – ‘я ушиб ногу’¹⁴²¹, (тверской говор) «*kyl’l’en šatatiin lad’jateššä*» – ‘я ушиб бок, складывая дрова в поленницу’¹⁴²².

Карелы отмечали, что запекшаяся в ушибе кровь вызывала болевые ощущения: «*veri pakehtui satatekseh, rubieu kivištämäh jällez*» – ‘кровь запеклась в ушибе, теперь будет болеть’ (Неккула, Рыпушкалица)¹⁴²³. Вследствии ушиба спины у человека мог начать расти горб: «*sattoiheze dai guraine rubei kazvamah*» – ‘он ушибся, и горб начал расти’¹⁴²⁴.

Возникновение ушиба объясняли и иррациональными причинами. Зафиксированные до середины XX в. способы лечения носят также иррациональный характер. Лечение ушибов занимались, как правило, знахари. В Петровской волости в начале XX в. знахари привязывали к больной конечно-

¹⁴¹⁶ Полевой материал автора – 32, 33.

¹⁴¹⁷ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. С. 499.

¹⁴¹⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 299.

¹⁴¹⁹ Полевой материал автора – 38.

¹⁴²⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 296; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 302.

¹⁴²¹ Русско-карельский словарь (севернокарельские диалекты). Петрозаводск, 2015. С. 331.

¹⁴²² Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 265.

¹⁴²³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 296.

¹⁴²⁴ Словарь карельского языка (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1990. С. 327.

сти пудовую тяжесть, а на другие ушибленные опухшие места собственную мочу или кал¹⁴²⁵. При сборе полевого материала в Пряжинском р-не информанты отметили, что до настоящего времени прикладывают к ушибу тряпку, смоченную мочой (д. Эссойла)¹⁴²⁶.

Царапина

Суффиксальным способом словообразования образованы следующие наименования:

kyndžites: ливв. *tuli vedehiežen poigu järil'leh paimoillua, kyndžiteksis revitelty* – ‘сын водяного вернулся к пастуху, весь в царапинах, ободранный’; *kyndžäteksen čahlou* – ‘царапина саднит’ // ср. (вепс.) *kūñžitez, kūñžitez* (от слов. осн. глаг. *kyndžie*→*kyndži*- ‘царапать’ + суф. *-es*).

riibavo: ливв. *riibavo* (Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро), *riibavo* (Ковера, Корбинаволоок, Лахта, Ляпякке, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица) (от слов. осн. глаг. *riibavuo*→*riibavu*- ‘царапаться, обдираться’ + суф. *-vo*).

riivandahin'i: ск. *riivandahin'i* (Суйстамо) (от слов. осн. глаг. *riibu*→*riibu*- ‘царапать’ + суф. *-ndu, -hin'i*).

riivates: ск. *riivates* (Суйстамо) // ливв. *käed on kai riivateksiz* – ‘руки в царапинах’ (Сямозеро) // люд. *ribitez*¹⁴²⁷ (от слов. осн. глаг. *riibu*→*riibu*- ‘царапать’ + суф. *-es*).

Представлено во всех прибалтийско-финских языках, в том числе карельском наименованием **nuarme:** ливв. *nuarme* (Олонец) // ср. (лив.) *närmaz, nãrmaz*; (эст.) *narmas, narmes, narme, narb*; (фин.) *naarmi*¹⁴²⁸. Лексема *naarmi* относится к германским заимствованиям **narwa* ‘царапина, маленький шрам’¹⁴²⁹

Карелы-ливвики обрабатывали царапины мочой (д. Корбинаволоок, Лахта), смазывали ее рыбьим жиром (д. Ведлозеро)¹⁴³⁰. Если человека поцарапала кошка,

¹⁴²⁵ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 26.

¹⁴²⁶ Полевой материал автора – 41.

¹⁴²⁷ Полевой материал автора – 52; .*Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki. V, 1997. S. 98; Kujola J. *Lyydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki, 1944. S. 360.

¹⁴²⁸ *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. Helsinki, II. 1980. S. 363.

¹⁴²⁹ *Suomen sanojen alkuperä*. Helsinki. II, 1995. S. 201.

¹⁴³⁰ Полевой материал автора – 39, 47, 45.

то беломорские карелы отрезали у нее когти, сжигали и этим пеплом посыпали царапины¹⁴³¹.

Шишка

К исконно прибалтийско-финским наименованиям относится лексема *kuhmu*: ск. *kuhmu* (Калевала, Корбисельга, Ругозеро, Суйстамо, тверской говор); *langen'i kui, ga aiga kuhmun sai* – ‘так упал, что шишка появилась’ (Суоярви); *ožuannašta očalla kuhmu* – ‘от удара шишка на лбу’ (тверской говор) // ливв. *kuhmu* (Неккула, Рыпушкалица, Салми, Сямозеро) // люд. *kuhm* // ср. (вепс.) *kuhm*; (фин.) *kuhmi, kuhtu*. В ливвиковском наречии слово *kuhmu* используют также в значении ‘синяк’¹⁴³². Предположительно наименование *kuhmu* является древним германским заимствованием *χuhma ‘шишка’¹⁴³³.

Метафорический перенос по форме прослеживается в наименовании *rahka*: ск. *mie lankein ta očah tuli rahka* – ‘я упал и у меня на лбу выросла шишка’ // ливв. *rahku* (Ковера, Корбинаволоок, Лахта, Ляпякке, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица)¹⁴³⁴ // люд. *rahke, rahk* // ср. (фин.) *rahka*¹⁴³⁵. Основное значение слов *rahka, rahku* ‘нарост, кап на дереве’.

Лексема *rahka~rahku* прослеживается в значении ‘шишка’ во фразеологизмах карельского языка: *rahkariä~rahkuriä* – букв. ‘голова с шишками’ (‘набитый дурак, глупец’); *rihkata rahku* – букв. ‘вскрыть шишку’ (‘высказать горе’); *raina rahkaa* – букв. ‘прижимай шишку’ (‘сдерживайся’)¹⁴³⁶.

Пряжинские карелы прикладывали к шишке смоченную в холодной воде тряпку или лед (д. Корбинаволоок, Лахта)¹⁴³⁷.

¹⁴³¹ Virtaranta P. Vienan kyliä kiertämässä. Porvoo; Helsinki, 1978. S. 243.

¹⁴³² Словарь карельского языка (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1990. С. 161.

¹⁴³³ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. I, 1992. S. 425.

¹⁴³⁴ Полевой материал автора – 52.

¹⁴³⁵ Сопоставительно-ономастологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков. Петрозаводск, 2007. С. 135.

¹⁴³⁶ Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка: Справочное издание. Петрозаводск, 2000. С. 156.

¹⁴³⁷ Полевой материал автора – 26.

- Возникающие от натирания

Мозоль

Распространенное в людиковском наречии наименование *bolozn'* является русским заимствованием (ср. новгородское и рязанское диалектное *болозень, чаще болозни, болузни 'мозоль сухая или кровавая, набитая обувью или работою на руках')¹⁴³⁸:

bolozn': люд. *bolozn'*¹⁴³⁹ // ср. (вепс.) *boložim, bolozn; bolon*¹⁴⁴⁰. На праславянском уровне мы имеем два варианта значений у данной лексики: *blizna 'шрам, рубец, рана' и *bylznь (< *blznь*) 'трещина, мозоль'¹⁴⁴¹.

К русским заимствованиям относится также наименование *mozol(i)*, бытующее в собственно-карельском и ливвиковском наречиях:

mozoli: ск. *možol'i kazvoi* – 'мозоль выросла' (Суйстамо) // ливв. *mozol'* (Ведлозеро, Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро) 'от работы мозоли образовались на руках'. Русское слово мозоль заимствовано из старогерманского *masele* 'прыщ, нарыв'¹⁴⁴².

Большинству прибалтийско-финских языков известно наименование *rakko*: ск. *rakko* (тверской говор, Толмачи); (тихвинский говор) *a rakkoloi one bivaiččõ* – 'а мозоли бывают, получают' // ливв. *rakko* (Корбинаволоок, Лахта)¹⁴⁴³ // люд. *rak*¹⁴⁴⁴ // ср. (фин.) *rakko*¹⁴⁴⁵.

Основную причину появления мозолей карелы видели в труде: *ruadajez mozolid rod'ih kädeh* – 'от работы мозоли образовались на руках' (Неккула, Рыпушкалица)¹⁴⁴⁶, *ruadamattomah käd'eh (l'ienöy l'ibo kažvau) rakko* – 'на не привык-

¹⁴³⁸ Меркулова В. А. Народные названия болезней (На материале русского языка) // Этимология. М., 1969. С. 169–170.

¹⁴³⁹ Kujola J. *Luuydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki, 1944. S. 20.

¹⁴⁴⁰ Семакова И. Б., Рогозина В. В. Материалы по традиционной медицине вепсов (мифологический аспект) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы. Петрозаводск, 2006. С. 303.

¹⁴⁴¹ Меркулова В. А. Народные названия болезней (На материале русского языка) // Этимология. М., 1969. С. 169–170.

¹⁴⁴² Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958. С. 584.

¹⁴⁴³ Полевой материал автора – 51.

¹⁴⁴⁴ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 318-319.

¹⁴⁴⁵ *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki. VI, 2005. S. 32; *Suomen sanojen alkuperä*. Helsinki. III, 2000. S. 43.

¹⁴⁴⁶ *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki. III, 1983. S. 347.

шей к работе руке (быстро вырастет) мозоль' (Толмачи)¹⁴⁴⁷; *kossašta kämmenel' l'ä rakko* – 'от косы на ладони мозоль' (Тверь).

В карельских пословицах, посвященных труду, встречается слово *rakko*: *ruadomattomah käd'eh rakko* – 'на непривыкшей к работе руке мозоль набьешь'¹⁴⁴⁸.

В ливвиковском наречии карельского языка для обозначения мозоли употребляется лексема *talmu*: ливв. *talmu* (Большие Горы, Видлица, Ковера, Ляпякке, Мегрозеро, Михайловское, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица); *sovvandua kai talmad luad'i* – 'мозоли из-за гребли появились' (Салми) // люд. (Михайловское) *talmu*¹⁴⁴⁹. Название *talmu* относится к дескриптивным словам, ср. *tahma* 'налет, липкое вещество, (например, на языке или зубах)'¹⁴⁵⁰.

В карельском языке работающего человека обозначают сложным словом *talmukäsi* – букв. 'мозолистая рука'¹⁴⁵¹. В наречии карелов-ливвиков бытует пословица *kel on käzi talmas, sil on leibugi aunas* – 'у кого руки в мозолях, у того и в скирде хлеб'¹⁴⁵².

Собственно-карелы (д. Кучозеро) для лечения мозолей посыпали их пеплом или протягивали сквозь них нитку с сажей.

Карелы мозоли на ступнях смазывали барсучьим жиром.

Ливвиковские карелы выводили мозоли держа ноги над горячей печной заслонкой (д. Сямозеро)¹⁴⁵³.

По сведениям информантов Пряжинского р-на лечили мозоли с помощью растительных средств: лопали над ними гриб-дождевик (когда он высохший и по-

¹⁴⁴⁷ Макаров Г. Н. Из наблюдений над языком карельских пословиц // Прибалтийско-финское языкознание (вопросы грамматики и лексикологии). М., 1963. С. 56.

¹⁴⁴⁸ Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 230.

¹⁴⁴⁹ Полевой материал автора – 32, 33; *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki. VI, 2005. S. 32.

¹⁴⁵⁰ *Suomen sanojen alkuperä*. Helsinki. III, 2000. S. 264.

¹⁴⁵¹ Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000. С. 217.

¹⁴⁵² Маркианова Л., Бойко Т. Карельско-русский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1996. С. 185.

¹⁴⁵³ *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki. III, 1983. S. 347.

черневший, его пыль считалась лечебной) (д. Эссойла); мазали свежим соком чистотела (д. Корбинаволоок, Лахта)¹⁴⁵⁴.

Опрелость

Ливвиковские карелы использовали отглагольное наименование *heldites* (от слов. осн. глаг. *heldie*→*heldi*- ‘преть, раздражаться, воспаляться’ + суф. *-es*), а собственно-карелы *lihauvuntahini* (д. Кестеньга)¹⁴⁵⁵ (от слов. осн. глаг. *lihautuo*→*lihautu*- ‘преть, натирать’ + суф. *-nta* + суф. *-hini*). Обе лексемы являются отглагольными именами существительными.

Опрелости возникали как у детей, так и у взрослых. Причиной опрелостей у взрослых чаще всего была натертость потной кожи, а детские опрелости могли возникнуть из-за плохой гигиены. Возникновение опрелости объясняли и иррациональными причинами.

Лечение опрелостей заключалось в смазывании или присыпании опрелостей противовоспалительными средствами растительного, животного или минерального происхождения. Такие же средства применялись и для взрослых.

Жители д. Пальцево (тверские карелы) при опрелостях между пальцами ног присыпали ее сухой землей, собранной на дороге от следов шин, а д. Толлорека (собственно-карелы) завязывали вокруг пальцев шерсть черной овцы.

Собственно-карелы (д. Толлорека) и тверские карелы (д. Семеновское) детскую и взрослую опрелости посыпали «мучицей», собранной из-под коры старой ели¹⁴⁵⁶. У тверских карелов (д. Пальцево) хорошим средством считалась пыльца от шишечек травы плавун¹⁴⁵⁷. Пряжинские карелы (д. Корбинаволк, Лахта) посыпали опрелости картофельным крахмалом. Южные карелы смазывали опрелости прокипяченным растительным маслом (д. Эссойла)¹⁴⁵⁸.

¹⁴⁵⁴ Полевой материал автора – 41, 26.

¹⁴⁵⁵ Словарь карельского языка (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1990. С. 63; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. III, 1983. S. 95.

¹⁴⁵⁶ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 146.

¹⁴⁵⁷ Новак И. П. Полевые аудиозаписи А. В. Пунжиной как источник информации о повседневной жизни тверской карельской семьи конца XIX – начала XX в. // Культура повседневной карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.). Петрозаводск, 2014. С. 150.

¹⁴⁵⁸ Полевой материал автора – 26, 41.

Помимо вышеуказанных средств беломорские карелы (д. Толлорека) лечили опрелость ушной серой¹⁴⁵⁹.

Потертость, ссадина, натертая рана

О сильных потертостях ливвиковские карелы говорили: «*olla el'ävällihal*» – ‘быть стертым до крови, букв. до живого мяса’¹⁴⁶⁰. Для обозначения несильных ссадин или натертых ран собственно-карелы, ливвиковские и людиковские карелы употребляли девербальные наименования:

hieraites: ливв. *jalgah rod'ih hieraites* – ‘на ноге появилась натертая рана’ (Сямозеро); *hieraites kiben'i jallaz* – ‘на ноге болела ссадина’ (Неккула, Рыпушкалица) // люд. (Пряжа) *hierates* (от слов. осн. глаг. *hieraittua*→*hieraitta*- ‘тереть’ + суф. *-es*).

hieroantahin'i: ск. *hieroantahin'i* (Кестеньга), *hierondahine* (Паданы); *kengän hierondahin'i ei tervehy* – ‘натертая рана от обуви не проходит’ (Суоярви) // ливв. *hierondahin'e* (Салми), *hierondahine* (Сямозеро) (от слов. осн. глаг. *hieruo*→*hiero*- ‘тереть’ + суф. *-nta*, *-ntä* (ск.), *-ndu*, *-ndy* (ливв.) + *-hini* (ск.), *-hine* (ливв.)).

hierotuš: ск. *hierotuš* (Калевала, Ругозеро, тверской говор) // ливв. *hierotus* (Сямозеро), *hieroitus* (Ковера, Ляпякке, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица) // люд. *hierotuz* (Михайловское)¹⁴⁶¹ (от слов. осн. глаг. *hieruo*→*hiero*- ‘тереть’ + суф. *-us*).

hierräntähin'i: ск. *hierräntähin'i* (Вокнаволок, Калевала), *hierrändähin'i* (Ругозеро, Юшкозеро) (от слов. осн. глаг. *hiertyä*→*hiertä*- ‘тереть, натирать’ + суф. *-ntä* (ск.) + *-hini* (ск.)).

Натертые раны или потертости лечили средствами животного происхождения, лечебными травами, смазывали ушной серой (д. Вокнаволок)¹⁴⁶². Если натертость сильно краснела и начинала гноиться, то карелы д. Коргорка на ночь при-

¹⁴⁵⁹ Virtaranta P. Vienan kansa muistelelee. Helsinki, 1958. S. 148.

¹⁴⁶⁰ Словарь карельского языка (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1990. С. 66.

¹⁴⁶¹ Полевой материал автора – 32, 33.

¹⁴⁶² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1968. S. 253.

кладывали шерсть, а на следующий день завязывали шерстяными нитками крест-накрест, если ноги разъедало, то прикладывали на ночь к ранам мезгу от ели¹⁴⁶³.

Сязозерские карелы для смазывания ссадин использовали медвежий жир¹⁴⁶⁴ или пыль гриба-дождевика¹⁴⁶⁵.

- Соринка в глазу

Все представленные наименования в диалектах карельского языка являются исконно прибалтийско-финскими наименованиями:

roška: ск. *roška* (Кестеньга)¹⁴⁶⁶ // ср. (фин.) *roska*¹⁴⁶⁷. Возможно, прибалтийско-финская лексема *roska* является германским заимствованием, ср. в древне-шведском **rosk* ‘сор, мусор, хлам, соринка’¹⁴⁶⁸.

toppu: ск. *toppa män'i šil'mäh* – ‘соринка в глаз попала’ (тверской говор) // ливв. *toppu silmäs* (Ковера, Корбинаволоок, Лахта, Ляпякке, Мегрозера, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица) // люд. *toppu silmäs* (Пряжа, Михайловское)¹⁴⁶⁹; *top šilmäi mäni* – ‘соринка в глаз попала’ (Галлезера)¹⁴⁷⁰. Германские корни у слова *toppa* ‘мешок, куль, стог’¹⁴⁷¹.

Исконно-прибалтийским словом считается лексема **ruhka**: ск. *ruhka* (Контотки)¹⁴⁷² // ср. (диал. фин.) *röhka* (ср. саам. *ruhke* ‘мусор, грязь’)¹⁴⁷³.

Повсеместно у карелов, вепсов и финнов соринку из глаз снимали языком (слюной). Делали это следующим способом: раздвигали веки, водили круговыми движениями кончиком языка по оболочке глаза, сдвигая соринку к уголку. Карелы Сегежского р-на (д. Кучозера) иногда вместо языка использовали мягкую чистую тряпочку, смоченную слюной¹⁴⁷⁴

¹⁴⁶³ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 317, 319.

¹⁴⁶⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1968. S. 252.

¹⁴⁶⁵ Словарь карельского языка (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1990. С. 403.

¹⁴⁶⁶ Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994. S. 70.

¹⁴⁶⁷ Новый большой русско-финский словарь. М., 2000. т. 2. С. 1276.

¹⁴⁶⁸ Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, III. 1968. S. 840.

¹⁴⁶⁹ Полевой материал автора – 32, 34.

¹⁴⁷⁰ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. S. 285.

¹⁴⁷¹ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. III, 2000. S. 310.

¹⁴⁷² Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Helsinki, 1958. S. 141.

¹⁴⁷³ Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, V. 1975. S. 853.

¹⁴⁷⁴ Бубновский М. Заговоры карел // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1919. № 12. С. 223.

Людиковские карелы, проживающие в д. Михайловское, снимали острую соринку с помощью веретена: отгибали веко, острым концом веретена водили по оболочке глаза туда и обратно до тех пор, пока соринка не выходила¹⁴⁷⁵.

У карелов-людиков (д. Галлезеро) был очень интересный способ избавления от соринки: брали женский головной платок, складывали его в два ряда и аккуратно вкладывали внутрь осиное гнездо так, чтобы осы не разлетелись, а задохнулись. После этого гнездо убирали в сухое место. Когда человеку попадала соринка в глаз, то перед тем как он шел спать, ему привязывали это осиное гнездо на затылок на уровне глаз, и соринка во сне выходила¹⁴⁷⁶.

У северной группы карелов использовали топленый жир тюленя. Прежде чем его убирать на хранение, жир заговаривали. При попадении ости в глаз жир нагревали и перед сном им смазывали тщательно кожу, начиная от затылка по направлению к глазам, приговаривая: «*Siikani Jumalal luoma, päim mänit – perim paloa!*» – ‘Сижочек, Божье творенье, откуда ты шел – туда вернись!’ или «*Tule, sika, silmästäni, kakaraini persiastäni*» – ‘Выйди, сиг, из моего глаза, блинчик из моей задницы’. Карелы обращают внимание на то, что в заговоре нельзя обращаться к попавшей в глаз ости напрямую (кар. *vihneh*), ее называли ‘сиг, сижок’ (кар. *siika, siikani*). Считалось, что в этом случае, ость быстрее выйдет из глаза: «*Siika on silie kala; vihnettä sanottiin siiaksi sen vuoksi, että se helposti lähtisi pois*» – ‘Сиг – гладкая рыба; ость называли сигом для того, чтобы она легче выходила’ (д. Аконлахти, Суднозеро, Хиетаярви)¹⁴⁷⁷.

Некоторые информанты (д. Корбинаволк, Лахта) рассказывают, что для того, чтобы соринка вышла из глаза, надо было опустить лицо в воду и поморгать¹⁴⁷⁸.

Известно, что в русском языке есть фразеологизм ‘в чужом глазу соринку замечаешь, а в своем бревна не видишь’, в карельском языке существует соответ-

¹⁴⁷⁵ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa VI. Helsinki, 1994. S. 150.

¹⁴⁷⁶ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. S. 285.

¹⁴⁷⁷ Virtaranta P. Vienan kansa muistellee. Helsinki, 1958. S. 140-141.

¹⁴⁷⁸ Полевой материал автора – 26.

стве: «*toiselta niät ruhkan šilmäštä, ičellaš on kanki ~ toisen šilmästä näköy ruhkanki, vain omašta ei niä hirttäkkähä*» – ‘чужие недостатки более заметны’¹⁴⁷⁹.

- Ожог

Все наименования ожога в карельском языке являются отглагольными существительными. В ливвиковском наречии они представлены более обширно, чем в собственно-карельском:

poltates: ливв. *poltates*¹⁴⁸⁰ // ср. (вепс.) *poltatez*¹⁴⁸¹ (от слов. осн. глаг. *pol-tua*→*polta*- ‘обжигать, сжигать’ + суф. *-es*).

palandu: ливв. *palandu* (Большие Горы)¹⁴⁸² (от слов. осн. глаг. *palua*→*pala-* ‘обжечься’ + суф. *-ndu*).

palamus: ливв. *palamus kodvan ei spruaveiheze* – ‘ожог долго не заживает’ (от слов. осн. глаг. *palua*→*pala-* ‘обжечься’ + суф. *-mus*).

palantahin’i: ск. *palantahin’i* (Вокнаволок, Калевала, Кестеньга, Контокки), *palandahin’e* (Ругозеро, тверской говор); *palandahin’i kibie om raha tervehytteä* – ‘ожог плохо заживает’ (Суоярви) // ливв. *palandahin’e* (Неккула, Рыпушкалица, Салми); *palandahine sproavih* – ‘ожог прошел’ (Сямозеро)¹⁴⁸³ (от слов. осн. глаг. *palua*→*pala-* ‘обжечься’ + суф. *-nta* (ск.), *-ndu* (ливв.) + *-hini* (ск.), *-hine* (ливв.)).

Основным способом лечения ожога у всех групп карелов считалось мазание жирами, настойками, маслом и т. д.

Тверские (д. Новое, Семеновское) и ливвиковские карелы посыпали ожог содой. Карелы, проживающие на Карельском перешейке, смазывали ожоги мазью, которую готовили из семян конопли, сливок и соли¹⁴⁸⁴.

Жители д. Эссойла обрабатывали ожог жиром медведя. Карелы Тверской обл. (д. Васильевское) наносили на обожженное место гусиный жир¹⁴⁸⁵. Калеваль-

¹⁴⁷⁹ Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка: Справочное издание. Петрозаводск, 2000. С. 187.

¹⁴⁸⁰ Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 2011. С. 193.

¹⁴⁸¹ Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Вепско-русский, русско-вепский учебный словарь. Петрозаводск, 1995. С. 147.

¹⁴⁸² Полевой материал автора – 42.

¹⁴⁸³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. IV, 1993. S. 132; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 228.

¹⁴⁸⁴ Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; Helsinki, 1975. S. 713–714.

ские карелы (п. Калевала) смазывали ожог коровьим жиром¹⁴⁸⁶. Карелы д. Кучозеро делали примочки с бараньим пометом и топленным молоком. Держанские карелы (д. Новое, Семеновское) наносили на обожненное место жир курицы или белок яйца¹⁴⁸⁷.

Ливвиковские карелы мазали ожог настойкой из почек березы, а также прикладывали лопух (д. Ведлозеро) или гриб для соления (д. Неккула, Рыпушкалица)¹⁴⁸⁸. Сегежские карелы указывали на конкретный гриб – волнушку. Беломорские карелы прикладывали к больному месту сорванную на озере кувшинку (считалось, что кувшинка хорошо снимает боль) (д. Вокनावолок)¹⁴⁸⁹, а паданские карелы посыпали ожоги березовой заболонью (мелко истолченная в ступе сухая кора, находящаяся между берестой и древесиной) или смазывали конопляным маслом. На Карельском перешейке ожоги лечили квашеной капустой¹⁴⁹⁰.

Кроме того, карелы д. Суднозеро привязывали к ожогу фольгу от чайной упаковки (данный способ лечения является поздним)¹⁴⁹¹. Карелы-ливвики смазывали обожженный участок кожи растительным маслом (д. Корбинаволок, Лахта, Эссойла)¹⁴⁹². Тверские карелы (д. Васильевское) ошпаренное кипятком место присыпали мукой, чтобы не поднялись большие волдыри¹⁴⁹³.

Повенецкие карелы также использовали для лечения ожогов обжаренные семена конопли или опускали в квасную гущу три горячих камня и произносили: «Возьми, камень, жаркую болезнь с раба Божия (имя рек)»¹⁴⁹⁴.

В результате ожога на коже могли возникнуть волдыри.

- Волдыри

¹⁴⁸⁵ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 170.

¹⁴⁸⁶ Inha I. K. Kalevalan laulumailta: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa. Helsinki, 1999. S. 61.

¹⁴⁸⁷ Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 227.

¹⁴⁸⁸ Полевой материал автора – 45; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. IV, 1993. S. 132.

¹⁴⁸⁹ Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Helsinki, 1958. S. 118.

¹⁴⁹⁰ Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; Helsinki, 1975. S. 713.

¹⁴⁹¹ Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Helsinki, 1958. S. 118.

¹⁴⁹² Полевой материал автора – 41, 48.

¹⁴⁹³ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 170.

¹⁴⁹⁴ Повенецкие карелы. Их домашний и общественный быт, поверья и предания // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 15. С. 54.

Метафорический перенос по форме в карельских названиях этих кожных проявлений прослеживается в следующих лексемах:

bul'ku – ‘прыщ’: ливв. *kai hibju on bul'kužil* – ‘все тело в пупырышках (прыщах)’; *kaglas on kibeil bul'ku* – ‘на шее больной нарыв (прыщик)’ // люд. *bul'k*¹⁴⁹⁵ // ср. (вепс.) *bul'k*¹⁴⁹⁶. Главное значение слова *bul'ku* (ливв., ск.) ‘пузырь’ (мыльный пузырь, во время дождя на лужах).

Волдырь или водяная мозоль содержат внутри жидкость, поэтому первым компонентом сложных наименований является слово *vesi, vezi* ‘вода’: **vezibul'kku** – ‘волдырь, водяная мозоль’: ск. *vezibul'kku* (Паданы, Суоярви) // ливв. *vezibul'kku* (Сямозеро); *vezibul'ku* (Неккула, Рыпушкалица) // люд. *vezibul'čukat*¹⁴⁹⁷ (*vezi/bul'kku, vezi/bul'čukku* – ‘вода + волдырь/пузырь’).

vezipuzuri – ‘волдырь, водяная мозоль’: ливв. *vezipuzuri* (Сямозеро) *vezipuzurid jalgah ajoin* – ‘на ноге волдыри загноились’ (Неккула, Рыпушкалица) (*vezi/puzuri* – букв. ‘вода’ + ‘волдырь/пузырь’).

vesirökkö – ‘волдырь, водяная мозоль’: ск. *vesirökkö* (Калевала), *vezirökkö* (Паданы); *ta joillaki tuli šemmosena jotta vesirökköinä nousi* – ‘у некоторых такие как будто волдыри появлялись’ (Контокки) // ливв. *vezirökkö* (Сямозеро)¹⁴⁹⁸ (*vesi/rökkö, vezi/rökkö* – букв. ‘вода’ + ‘волдырь/пузырь’).

Карелы видели рациональную причину появления волдырей на теле человека – от ожога: «*poltetun kohtan nosti puzuriloilleh*» – ‘на ошпаренном месте появились пузыри’, «*šiiloil poltetut käit kai ollah rokkoloil*» – ‘обожженные крапивой руки все в волдырях’. Возникновение волдырей объясняли и иррациональными причинами.

¹⁴⁹⁵ Словарь карельского языка (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1990. С. 19, 30; Kujola J. *Lyudiläismurteiden sanakirja*. Helsinki, 1944. S. 23.

¹⁴⁹⁶ Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Вепско-русский, русско-вепский учебный словарь. Петрозаводск, 1995. С. 120.

¹⁴⁹⁷ Virtaranta P. *Lyudiläisiä tekstejä*. Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä. Osa VI. Helsinki, 1994. S. 144.

¹⁴⁹⁸ *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki. VI, 2005. S. 566–567.

Водяные волдыри прокалывали: «*puhkata vezi rokos*» – ‘выпустить воду из волдыря’¹⁴⁹⁹.

- Опухоль, жировик

Для обозначения опухоли или жировика в диалектах карельского языка используются девербальные и сложные имена существительные:

puhalluš: ск. *puhalluš* (Вокнаволоок, Калевала, Кестеньга, Ругозеро, Суйстамо, Тихтозеро, Тунгозеро); *puhalluz laiven’i jallas* – ‘на ноге опухоль спала’; *puhalluš lauhtuu* – ‘опухоль спадает’ (Суоярви); *puhalluž langei* – ‘опухоль пропала’ (Паданы); *puhalduz on jalloiz* – ‘опухоль на ноге’ (тверской говор) // ливв. *puhalduz* (Салми), *puhaldus* (Большие Горы, Видлица, Ковера, Корбинаволоок, Лахта, Ляпяккe, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица); *puhalduz lauzen’i* – ‘опухоль спала’ (Неккула, Рыпушкалица) // люд. *puhaldus* (Михайловское, Пряжа)¹⁵⁰⁰ (от слов. осн. глаг. *puhaltuo*→*puhaltu-* (ск.), *puhalduo*→*puhaldu-* (ливв., люд.) ‘опухать, отекасть’ + суф. *-us*).

pahaliha: ск. *pahaliha* (Калевала); *pahal’iha kažvau* – ‘опухоль растет’ (тверской говор) // ливв. *pahal’iha* (Сямозеро); *pahaliha vaččah kazvau, ga ni hengi ei kävy* – ‘опухоль растет в животе, даже дышать невозможно’ (*paha/liha* – букв. ‘плохой’ + ‘мясо’).

Карелы Пряжинского р-на (д. Корбинаволоок, Лахта) прикладывали к больному месту отвар крепкого чая¹⁵⁰¹. Тверские карелы смазывали опухоль постным маслом и сверху завязывали шерстяным платком¹⁵⁰².

Если опухоль возникла в результате вывиха, то большим пальцем левой руки надавливали на больное место, затем оборачивали это место заранее нагретыми на печи чистыми тряпочками на 10 минут. Так делали три дня подряд.

Жители Тверской обл. (д. Васильевское, Семеновское) для уменьшения опухоли намыливали льняное волокно и привязывали к образованию, приклады-

¹⁴⁹⁹ Словарь карельского языка (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1990. С. 425.

¹⁵⁰⁰ Полевой материал автора – 52, 34.

¹⁵⁰¹ Полевой материал автора – 26; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. IV, 1993. S. 94.

¹⁵⁰² Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 220.

вали подорожник¹⁵⁰³. Держанские карелы (д. Семеновское, Новое) посыпали опухоль трухой, скопившейся между бревнами стен¹⁵⁰⁴. Ливвиковские карелы прикладывали к опухшему месту свежие листья мать-и-мачехи (д. Корбинаволоок, Лахта)¹⁵⁰⁵.

- Заноза

В диалектах собственно-карельского, ливвиковского и людиковского наречий обозначающая занозу лексема *puikko* является суффиксально образованным названием, указывающим на то, откуда заноза впивалась – *puu* ‘дерево’ + коллективный суффикс *-ikko*:

puikko: ск. *puikko* (Вокнаволоок, Калевала, Контолки, Корбисельга, Паданы, Ругозеро, Суйстамо, Суоярви, тверской говор, тихвинский говор) // ливв. *puikko* (Видлица, Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро) // люд. *puikko* (Пряжа), *puik*¹⁵⁰⁶ // ср. (вепс.) *puik*; (эст.) *pind*, *puik*; (фин.) *puikko*¹⁵⁰⁷.

Тихвинские карелы (д. Коргорка) для вытягивания занозы из-под кожи прикладывали живицу¹⁵⁰⁸.

8. Болезни, возникающие от усталости, переутомления.

- Недомогания

Болезнь с недомоганиями (головная боль, сонливость, зевота)

К ономатопоэтическим терминам¹⁵⁰⁹ относится лексема *kohelma*: ск. *kohelma* (Вокнаволоок, Калевала), *košelma* (Кестеньга, тверской говор); *kohelmoo läsiy* – ‘чувствовать недомогания’ (Тихтозеро). Данное наименование встречается только в диалектах собственно-карельского наречия, являясь девербальным образованием от глагола *kohentoa* ‘исправлять, лечить’.

¹⁵⁰³ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 146.

¹⁵⁰⁴ Norvik P. Džoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 227.

¹⁵⁰⁵ Полевой материал автора – 26.

¹⁵⁰⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. IV, 1993. S. 485; Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. II, 1995. S. 417.

¹⁵⁰⁷ Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Вепско-русский, русско-вепсский учебный словарь. Петрозаводск, 1995. С. 129; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. IV, 1993. S. 485; Pihel K. Pikamäe A. Soome-eesti sõnaraamat. Tallinn, 1986. S. 545; Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. II, 1995. S. 417.

¹⁵⁰⁸ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 320.

¹⁵⁰⁹ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. I, 1992. S. 382.

Карелы Калевальского р-на (п. Калевала) считали, что во время этого недомогания больной сильно потел и его тошнило¹⁵¹⁰. В Лоухском р-не (д. Оуланка), кроме упомянутых симптомов, отмечали также постоянную зевоту и слабость.

Основным способом лечения данного недомогания у карелов являлось «меряние» больного. В п. Кестеньга и д. Оуланка больного клали на пол на спину, руки поднимали вверх, ноги – прямо. Один (иногда два человека) измерял его длину лопатой, которой доставали хлеб из печи, от пальцев ноги до конца пальцев руки (см. Приложение 2, Рисунок 28). Таким же способом измеряли и другую половину тела. Ту половину, которая оказывалась короче, вытягивали, пока половины не выравнились. После этого больного поднимали, и он был здоров¹⁵¹¹. Вокнаволоцкие карелы за меру длины больного использовали дверь. Во время лечебного ритуала больной располагался на полу, целитель, находясь в северном углу комнаты, плевал в сторону больного и произносил:

<i>Täm on tauti takkuloista,</i>	Это болезнь от белоуса,
<i>pantu hoavam pakkuloista,</i>	Из осиновых наростов,
<i>kerätty kekälehistä.</i>	Собрана из головешек.
<i>Kokoll on kovat koprat,</i>	У орла могучи когти,
<i>ilkiet kynnet ilvekšellä,</i>	Когти страшные у рыси,
<i>miul on kolmija kovemmat,</i>	У меня крепче втрое,
<i>miul on kahta kauhijammat,</i>	Вдвое у меня страшнее,
<i>jolla konnan kopristelen,</i>	Ухвачу я ими жабу,
<i>ilkijän iki pušerran</i>	И коварную прикончу,
<i>ihošta imehnisraukan,</i>	Изгоню из бедолаги,
<i>karvašta emon kapehen,</i>	Из родительского чада,
<i>emon tuoman ruumihista,</i>	Из рожденного бедняги,
<i>vaivasešta vartalošta,</i>	Из болезненного тела,
<i>hipieštä hiettömästä,</i>	Из того, что не потело,

¹⁵¹⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 266.

¹⁵¹¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 340; Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 243.

*varšiv voattehittomašta,
aiposen alaččomašta*¹⁵¹².

Из нагого тела вырву,
Неодетого избавлю.

(Перевод Е. В. Каракина)

Карелы из д. Хиетаярви рассказывали, что во время лечения больной (если он был крещеный) должен лежать на полу на животе, руки в стороны, ноги вместе (изображая крест)¹⁵¹³.

Взрослого человека могли мерять таким же способом, как и ребенка: соединя за спиной правую руку и левую ногу (см. Приложение 2, Рисунок 29).

Веснуха(усталость и недомогание, появляющиеся весной у людей и животных), весенняя усталость, лихорадка

Время появления болезни (весна) отражено в ливвиковском наименовании *keväččy*¹⁵¹⁴ (от слов. осн. им. сущ. *kevät*→*keviä*- ‘весна’ + суф. –*ččy*) и собственно-карельском *kevät’ri: läsiy kevät’tie* – ‘болеть веснухой’ (Кестеньга)¹⁵¹⁵ (от слов. осн. им. сущ. *kevät*→*kevät*- ‘весна’ + суф. –*ti*). Данная лексема используется в собственно-карельском наречии в значении ‘веснушки’, которые появляются тоже весной, как и болезнь веснуха (ср. с. 219).

К славянским заимствованиям относится наименование *vesnuha*: ск. *ni teil’ ol’ tian’ akk hin l’eč vesnuhašt* – ‘так была у нас такая старуха, лечила от веснухи’ (Семеновское)¹⁵¹⁶; *ka om tuožie bolilo, kūlitgo vjosnuhua bolie, et küllun?* – ‘есть болезнь такая, как веснуха, про болезнь такую слышал ли?’ (Коргорка) // люд. *vesnuh*¹⁵¹⁷ // ср. (вепс.) *vesnuh* (ср. русс. веснуха ‘вешняя перемежная лихорадка’).

Это заболевание характеризовало общее физическое недомогание, которое чаще всего проявлялось весной. В словаре архангельских говоров указано три значения лексемы ‘веснуха’: 1) болезнь, которая сопровождалась на лице сыпью (д. Лиходеево Вельский р-н); 2) болезнь с лихорадочным состоянием (д. Паста

¹⁵¹² Virtaranta P. Mari Kuurönen // Eripainos Kalevalaseuran Vuosikirjasta. № 46, 1966. S. 119–120.

¹⁵¹³ Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Helsinki, 1958. S. 128.

¹⁵¹⁴ Словарь карельского языка (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1990. С. 136.

¹⁵¹⁵ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 156.

¹⁵¹⁶ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 157.

¹⁵¹⁷ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 305–307; Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944. S. 484.

Ленский р-н); 3) веснушка, пигментное пятно на коже (д. Койнас Лешуковский р-н)¹⁵¹⁸.

В вепсской и карельской крестьянской среде считалось, что причиной болезни веснуха могло стать частое лежание на печи людей активного возраста: ливв. «*päčil muates keväččy voit tartuo*» – ‘к лежащему на печи может пристать весенняя усталость’)¹⁵¹⁹.

Тихвинские карелы (д. Коргорка) рассказывали, что эта болезнь давит человека, чтобы он не ел – все кажется ему горьким. Для лечения веснухи они собирали высокую траву с иголками на стебле (?), которая росла в поле на каменных гудах, и, выпарив ее, пили отвар¹⁵²⁰. В источнике не указано название вышеупомянутой травы, в «Образцах вепсской речи» указано, что вепсы таким способом использовали траву курослеп¹⁵²¹.

Головокружение

В собственно-карельском и ливвиковском наречиях карельского языка для обозначения головокружения используется девербальное наименование *huimavus*: ск. *huimavuksiz on* – ‘у него головокружение’ (Суоярви) // ливв. *huimavus projji* – ‘головокружение прошло’ (Сямозеро) // ср. (фин.) *huimaus* (от слов. осн. глаг. *huimavuo* → *huimavi* – ‘ощущать головокружение’ + суф. *-vus*).

Кроме того, головокружение обозначали безличными глаголами: ск. *huimata* ‘кружиться (о голове)’ (Калевала, Кестеньга, Паданы, Ругозеро, Тикша)¹⁵²²; л’аз’имиз’ен жал’geh znai vielä piädä huimuau – ‘после болезни все еще голова кружится’ (тверской говор)¹⁵²³ // ливв. *huondestu muö jo piän pyörittäy* – ‘у меня уже с утра кружится голова’¹⁵²⁴.

¹⁵¹⁸ Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 4. М., 1985. С. 7.

¹⁵¹⁹ Винокурова И. Ю. Огонь в мифологии вепсов // Вепсы: История, культура и межэтнические контакты (сборник научных трудов). Петрозаводск, 1999. С. 163; Словарь карельского языка (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1990. С. 136.

¹⁵²⁰ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 307.

¹⁵²¹ Образцы вепсской речи. Л., 1969. С. 287.

¹⁵²² Федотова В. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009. С. 52.

¹⁵²³ Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 58.

¹⁵²⁴ Маркианова Л., Бойко Т. Карельско-русский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1996. С. 152.

По сведениям информантов, головокружение не лечили, было необходимо просто отлежаться (д. Корбинаволоок, Лахта)¹⁵²⁵.

9. Болезни от испуга.

- Родимчик, «легкий паралич»

В диалектах карельского языка бытуют следующие наименования: *rodimča*: ск. *rot'imeč* (Кестеньга, Тихтозеро), *rod'imča* (Суйстамо, тверской говор, Толмачи), *rodimčikka* (Панозеро); *rod'in'ča l'ïikui lapsel* – ‘у ребенка родимчик’ (Суоярви) // ливв. *rodimčikku* (Корбинаволоок, Лахта)¹⁵²⁶; *rodimči n'äykkäi lastu* – ‘легкий паралич прошел ‘тронул’ ребенка’; *rod'inčah kuol'i* – ‘умер от родимчика’ (Неккула, Рыпушкалица). В наречия карельского языка наименование заимствовано из русского языка, ср. русс. родимчик, которое является разговорным¹⁵²⁷. В словаре В. Даля лексема родимчик толкуется как «падучая младенцев, или, вернее, воспаление мозга»¹⁵²⁸.

Беломорские карелы утверждали, что такой припадок случался как у детей, так и у взрослых: «*rodimčikka tulou lapsella da ni aikusella*» – ‘родимчик бывает у детей и у взрослых’ (Панозеро)¹⁵²⁹. Тверские карелы указывали на то, что причина родимчика заключается в испуге: если, например, отец пил сильно и в пьяном угаре ругал или бил ребенка, то малыш мог испугаться, и у него начинались припадки¹⁵³⁰. Его симптомами являлись: ребенок беспричинно вздрагивал во сне, спал с открытыми глазами, бился в припадке. В Карелии родимец был распространенной болезнью. В XIX в. на территории Северной Карелии причина смерти большинства детей заключалась именно в родимчике. В нем прослеживаются признаки эпилепсии и паралича: «*niiže rodimets lapsessa oli, kai valkiessa vuahessa tämä poika oli kätkyössä*» – ‘тоже родимец был у ребенка, весь в белой пене мальчик в колыбели был’ (Панозеро). Поэтому, например, в Олонецкой Карелии (г.

¹⁵²⁵ Полевой материал автора – 26.

¹⁵²⁶ Полевой материал автора – 24.

¹⁵²⁷ Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1973. С. 628.

¹⁵²⁸ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2005. С. 566.

¹⁵²⁹ Конкка А. П. Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик. Народная медицина. Знахарство и колдовство // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 389.

¹⁵³⁰ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki, 1961. S. 203.

Олонец) любые корчи ребенка, детский паралич, падучую болезнь (эпилепсию), обморок обыкновенно называли родимчиком (родимцем) или словом 'свое', полагая, что это была врожденная болезнь. Родимчик был опасен для человека в течение трех первых приступов, после этого считалось, что от подобных припадков младенец не умрет¹⁵³¹. Сямозерские карелы никому не рассказывали о наличии у младенца родимчика, опасаясь ухудшения болезни¹⁵³². Возникновение родимчика объясняли и иррациональными причинами. Например, деревенские колдуны Святозерской волости считали, что родимчик (кар. *rodimču, rodimčikka*) появлялся в том случае, если в ребенка вселялся черт. Этим же они объясняли и название этого заболевания: «отсюда и название родимчик, то есть черт». Для изгнания из ребенка беса/черта, матери надо было идти задом к ребенку, завернув юбку, а к ее половым органам прикладывали ребенка лицом так, чтобы он их «целовал». В это время колдун приговаривал: «тут тебе и подарок, бес, а ребенка оставь в покое». После в свадебной скатерти матери заболевшего ребенка держали икону, а затем заворачивали в нее младенца, приговаривая: «Да воскреснет Бог и расточатся врази его». В завершении пеленали ребенка в сорочку матери, запачканную ее менструальной кровью. Держали так ребенка до полного выздоровления. В период лечения мать и отец ребенка не должны были вступать в половые отношения. Считалось, что при нарушении этого правила, мать сильно заболеет или ребенок умрет¹⁵³³. У вепсов проводился подобный обряд излечения родимчика: мать, оголив нижнюю часть тела, принимала позу роженицы, присаживалась и голым задом касалась лица ребенка¹⁵³⁴. В этом ритуале скрывалось символическое перерождение ребенка.

Как правило, карелы лечили родимчик магическими способами. Можно предположить, это было связано с представлениями о происхождении данного заболевания. Часто при совершении магических ритуалов использовались церков-

¹⁵³¹ Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 189.

¹⁵³² Логинов К. К. Родильная обрядность и способы лечения младенческих недугов // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 250.

¹⁵³³ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 20–21.

¹⁵³⁴ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 139.

ные предметы (кресты, иконы) или те вещи, которые ранее участвовали в церковных ритуалах. Например, скатертям, использовавшимся в церкви, на поминальном или свадебном столе придавались особенные целебные свойства. Их часто использовали при лечении детей. Такие «лечебные» скатерти стирали и полоскали только взятой из водопада водой. Это было связано с тем, что проточная вода в народной медицине считалась более действенной, ее освящали в церкви для дальнейшего использования при лечении болезней. Непроточные водоемы считались опасными, так как в них топили колдовские принадлежности¹⁵³⁵. С помощью такой скатерти избавляли ребенка от родимчика в различных районах Карелии. Тверские карелы (д. Семеновское) накрывали младенца на время припадка скатертью из часовни¹⁵³⁶. По сведениям М. Такало (д. Оуланка), чтобы излечить больного ребенка, необходимо его накрыть скатертью, а сверху положить икону Святой Богородицы (магическое действие скатерти усиливали с помощью иконы). Проспав так ночь, ребенок выздоравливал¹⁵³⁷. Тихвинские карелы использовали подобный способ лечения, но икону клали обязательно на область сердца. В д. Панозеро во время приступа родимчика ребенка укладывали под стол на матерью, затем на грудь или шею малыша располагали образок. После этого его накрывали полностью с головой любой новой черной материей (платком, покрывалом и т. д.). В этот момент читали молитву. Когда малыш успокаивался, его поднимали с пола¹⁵³⁸.

Жители д. Кивиниеми сообщили, что после накрытия ребенка скатертью, снятую с младенца одежду закапывали в подполье, после чего «он засыпал и просыпался здоровым». Смена одежды имеет ритуальный характер, при этом как бы менялся не только внешний облик, но и сущность ребенка. Он переходил в новый статус – в данном случае из больного в здорового. Сязозерцы накрывали младенца простой обеденной скатертью, прежде уложив его на полу на простыне. После

¹⁵³⁵ Лавонен Н. А. Карельская скатерть: ее функции в народном быту и традиционных обрядах // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 96.

¹⁵³⁶ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 146.

¹⁵³⁷ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 244.

¹⁵³⁸ Конкка А. П. Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик. Народная медицина. Знахарство и колдовство // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 390.

этого мать трижды перешагивала через дитя, каждый раз приседая над его головой и произнося: «Чем я тебя родила, тем и вылечила»¹⁵³⁹.

В д. Лиете во время приступа ребенка тоже накрывали скатертью, а во избежание повторения болезни его одежду относили под неподвижный камень или в непроточную ламбу со словами: «Как эта одежда утонет, так пусть болезнь уйдет». В Петрозаводском уезде тоже накрывали малыша подвенечной скатертью, клали в воду обручальные свечи и этой водой поили дитя.

Олонецкие карелы (г. Олонец) уверяли, что родимчик могла вылечить только знахарка или опытная бабка-повитуха. Она клала на голову ребенка мокрый послед, мыла голову малыша мочой матери или обвязывала ее тряпкой смоченной в этой моче, клала в колыбель ножницы (считалось, что родимчик боится ножниц и не потревожит ребенка).

В Тверской Карелии знахарка брала таз, наливала в него скисший квас, опускала горячий камень и держала над паром ребенка некоторое время. Так он поправлялся¹⁵⁴⁰. Зачастую при этом произносили заговор: «*rubien puhumah i piästämäh t'ät'ä r'is'tikanžua kahešttois'ta vel'l'ek'seštä rodimčasta*» – ‘буду заговаривать, спасти человека этого от двенадцати братьев, от родимчика’ (Тверь, Толмачи)¹⁵⁴¹.

10. Врожденные болезни

- Эпилепсия, падучая болезнь

Симптомом эпилепсии являются судорожные припадки¹⁵⁴². Возможно поэтому, определяющими компонентами наименований, составляющих основную группу сложных имен существительных, стали причастия *lankeilija* ‘падающий’, *pieksäjä* ‘бьющий’ (в значении ‘биться в припадке’), *rapailija* ‘трясущийся в припадке’ и т. д. К этой группе относятся:

¹⁵³⁹ Логинов К. К. Родильная обрядность и способы лечения младенческих недугов // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 250.

¹⁵⁴⁰ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki, 1961. S. 203.

¹⁵⁴¹ Karjalan kielen näytteitä / Julk. E. Leskinen. Helsinki, 1932. S. 28.

¹⁵⁴² Полная энциклопедия народной медицины. М., 1999. Т.3. С. 489.

lankeilijatauti: ск. *lankeilijatauti, langiel'iitaud'i* (Суоярви) // ливв. *langeil'iitaudi* (Ведлозеро, Неккула, Рыпушкалица), *langiel'iitaudi* (Видлица, Сямозеро), *langiejutaudi* (Салми) // ср. (эст.) *langetõbi*; (фин.) *langettavatauti, lankeavatauti, langettajatauti*¹⁵⁴³ (*lankeilija|tauti, langiel'ii|taud'i, langeil'ii|taud'i, langiejutaudi* – букв. 'падающий' + 'болезнь').

pieksäjätauti: ск. *pieksäjätauti* (Суоярви) // ливв. *pieksäjätaudi* (Салми), *pieksäitaudi* (Неккула, Рыпушкалица, Сямозеро) (*pieksäjä|tauti, pieksäjä|taudi, pieksäi|taudi* – букв. 'бьющий, мучающийся' + 'болезнь').

rapailijatauti: ск. *rapailijatauti, raboal'ijataud'i* (Суоярви) // ливв. *rabail'iitaudi* (Сямозеро) (*rapailija|tauti, raboal'ija|taud'i, rabail'ii|taudi* – букв. 'трясущийся в припадке' + 'болезнь').

sortelijatauti: ск. *sortelijatauti, šordeli(j)ataudi* (Паданы), *sordelijataudi* (Суоярви) // ливв. *sordelijataudi* (Сямозеро), *sordeliitaudi*¹⁵⁴⁴ (*sorteli(j)a|tauti, sorteli(j)a|taudi, sordeli(j)a|tauti, sordeli(j)a|taudi, sordeliitaudi* – букв. 'падающий' + 'болезнь').

В ливвиковском наречии карельского языка была зафиксирована лексема, являющаяся отглагольным существительным **pakundu:** ливв. *pakundu* (Большие Горы, Ковера, Корбинаволок, Лахта, Ляпякке, Мегрозеро, Печная Сельга, Царьпорог, Юргилица)¹⁵⁴⁵ (от слов. осн. глаг. *rakkuo* → *rakku-* 'падать, упасть' + суф. – *ndu*), ср. русс. *падучая*.

На территории проживания ливвиковских карелов бытовало заимствованное из русского языка наименование **trevougu:** «*duumain trevougas olen*» – 'я думал, что со мною припадок случился'.

Тверские карелы для обозначения эпилепсии использовали лексему **nimet'öin** – букв. 'безымянный': «*nimet'öin šordau i kodvan piekšäy*» – 'эпилепсия

¹⁵⁴³ Länsimäki M. Kun paha pieksää ja ihminen kuoleskelee (epilepsian kansanomaiset nimitykset) // Kielen kannoilla. Helsinki, 1996. S. 203.

¹⁵⁴⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 28, 489; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 321.

¹⁵⁴⁵ Полевой материал автора – 52.

(‘безымянная’) свалит и долго треплет’¹⁵⁴⁶. Вероятно, это связано с тем, что, считая эпилепсию очень тяжелой и неизлечимой болезнью, карелы боялись называть ее «по имени». Такие же традиции прослеживаются у славянских народов, которые избегали упоминать «имя эпилепсии».

Карелы отмечали, что эпилепсия была врожденным заболеванием: ливв. *«brihačču oli roindua muö langeilii»* – ‘мальчик с рождения был припадочным’, поэтому совершали обряд перерождения. В с. Кончезеро Петрозаводского уезда для остановки приступа эпилепсии предлагали близкому для больного родственнику женского пола сесть голым задом на лицо эпилептика так, чтобы тщательно закрыть ему рот¹⁵⁴⁷. Такой же лечебный обряд проводили и славяне. Садясь на лицо больного они произносили: «Чем тебя родила, тем буду врачевать»¹⁵⁴⁸.

Также лечение эпилепсии у карелов предполагало «закрытие» болезни. Тверские карелы верили, что во время приступа эпилепсии надо было накрыть больного холстиной от квашни¹⁵⁴⁹.

11. Болезни, возникающие в результате воспаления

- Грудница

В тверском говоре карельского языка для обозначения грудницы (воспаление грудной железы) использовали русское заимствование *grudničču*¹⁵⁵⁰. Название *grudn'ičču* заимствовано из русского языка (ср. русс. грудница), где является простонародным названием заболевания мастит¹⁵⁵¹.

При данном заболевании грудь распухала и твердела, поднимался сильный жар: *«ryn'd'ähät grudn'ičšašta pakehutah kun kivi»* – ‘груды от грудницы твердеют как камень’ (тверской говор)¹⁵⁵². Одной из причин воспаления было отлучение матерью младенца от груди. В этом случае женщине надо было сцеживать молоко на веник или горячий камень. Если все-таки мастит начался, то брали землю с мо-

¹⁵⁴⁶ Словарь карельского языка (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1990. С. 51, 179.

¹⁵⁴⁷ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 25.

¹⁵⁴⁸ Усачева В. В. Падучая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 613.

¹⁵⁴⁹ Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 179.

¹⁵⁵⁰ Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 43.

¹⁵⁵¹ Большая советская энциклопедия: В 30 томах / Гл.ред. А. М. Прохоров. М., 1974. Т. 15. С. 462.

¹⁵⁵² Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 43.

гилы умершего ребенка и прикладывали к груди, тем самым охлаждая воспаленное место.

Олонецкие карелы (г. Олонец) от грудницы мазали грудь лошадиным пометом или медом, прикладывали к воспаленному месту заячью шкурку (г. Олонец).

Ливвиковские карелы при появлении боли в груди прикладывали тертую морковь, лист свежей капусты (д. Корбинаволоок, Лахта), мать-и-мачеху (г. Олонец). Тверские карелы от грудницы растирали грудь камфорным или гарным маслом¹⁵⁵³.

- Нагноение

Для обозначения нагноения карелами использовалось исконно прибалтийско-финское наименование *märkä* ‘гной’:

märkä: ск. *märkyä tulou* – ‘гной идет’ (Калевала); *märgyä ylen äijä läksi jalašta kuim puhkazin* – ‘сильно гной на ноге с раны шел, когда я проткнул [ее]’ (Паданы, Ругозеро, Суйстамо); *märräl ajoi leikkavuksen* – ‘порез загноился’ (Суоярви) // ливв. *märgy* (Ковера, Корбинаволоок, Лахта, Ляпякке, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица), *märgy* (Олонец); *bajariz om märgiä* – ‘фурункул гноится’ (Салми); *märgeä load’i roanah* – ‘рана загноилась’ (Сямозеро); *märräle men’i paiže* – ‘фурункул загноился’ (Неккула, Рыпушкалица) // люд. *märgy* (Михайловское, Пряжа)¹⁵⁵⁴, *märg, mäрге*¹⁵⁵⁵ // ср. (лив.) *märga, märgə*; (эст.) *märg*; (фин.) *märkä*¹⁵⁵⁶. Основное значение лексем *märgy, märkä* ‘мокрый, сырой’. *Märkä* относится к балтийским заимствованиям, ср.: латв. *mērka* ‘влажность, сырость, насквозь промокший предмет’¹⁵⁵⁷. При нагноении из рана становится мокрой, т. е. из нее идут гнойные выделения, предположительно, поэтому лексемы *märkä, märgy* стали использоваться и в значении ‘гной, нагноение’.

Во всех наречиях карельского языка, а также в финском языке прослеживается и дескриптивное название *visva*: ск. *visva* (Калевала, Кестеньга),

¹⁵⁵³ Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 43.

¹⁵⁵⁴ Полевой материал автора – 52, 34.

¹⁵⁵⁵ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. III, 1983. S. 423.

¹⁵⁵⁶ Новый большой русско-финский словарь. М., 1999. т. 1. С. 198.

¹⁵⁵⁷ Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, II. 1980. S. 360.

vizva~vižva~vizvi (Ругозеро), *vizva* (Иломанси, Суйстамо, тихвинский говор); *vizvoa mählötteä roanas* – ‘гной идет с раны’ (Калевала) // ливв. *puhaldus ku puhkieu, sid vizvu lähtöy* – ‘когда лопнет нарыв, то пойдет гной’ (Салми); *vizval on roanu* – ‘рана гноится’ (Сямозеро); *vidžval on kibeï* – ‘болячка гноится’ (Неккула, Рыпушкалица) // люд. *vižma*¹⁵⁵⁸ // ср. (фин.) *visva*. *Visva* – дескриптивное наименование, ср. *visu* ‘гнойное выделение, гной’, *visma* ‘гнойное выделение’¹⁵⁵⁹.

Для профилактики от нагноения карелы готовили смесь из березовых почек, водки и «деревянного» (лампадного) масла. Этой смесью обливали раны, чтобы они не загноились. Из других целительных средств у карелов считались эффективными керосин, лечебные травы и заячья шкурка.

Карелы-ливвики (д. Корбинаволоок, Лахта) и тихвинские карелы (д. Коргорка) смазывали нагноения керосином. Карелы Пряжинского р-на (д. Корбинаволоок, Лахта) на гнойную рану привязывали заячью шкурку, также мазали гнойные раны дегтем¹⁵⁶⁰. Если рана все-таки загноилась, то тверские карелы для вытягивания гноя прикладывали свежий лист подорожника, мать-и-мачеху. Держанские карелы (д. Семеновское, Новое) использовали теплую кашу лука. При появлении обноготницы (нагноение около ногтя) тихвинские карелы (д. Коргорка) привязывали к ране тертую картошку, гриб, вымоченный в постном масле; мазали воспаленное место дегтем¹⁵⁶¹.

Повсеместно карелы при нагноении на стопах привязывали еловую мезгу холщовой тряпкой к больным местам (сверху на мезгу нельзя было класть вату, иначе ноги потели и гноились сильнее)¹⁵⁶².

Ряд заболеваний не удалось отнести ни к одной из представленных выше групп, т. к. обнаруженные лексико-этнографические данные не дают исчерпывающей информации для классификации. Из полученной информации абсолютно

¹⁵⁵⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 653, 657.

¹⁵⁵⁹ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki. III, 2000. S. 463.

¹⁵⁶⁰ Полевой материал автора – 26

¹⁵⁶¹ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 320.

¹⁵⁶² Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. О карельской народной медицине: рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 108.

четко прослеживается то, что эти заболевания имеют естественные причины появления. К таковым болезням относятся следующие.

Бельмо

В карельском языке слово ‘бельмо’ представлено целым рядом наименований. В первую группу относятся наименования *kaihte* и *kalvo*, являющиеся общим прибалтийско-финским наследием:

kaihte: ск. *kaihte* (Вокнаволоок, Импилахти, Калевала, Кестеньга) // ливв. *kaihte* (Видлица, Ковера, Ляпякке, Мегрозеро, Неккула, Печная Сельга, Рыпушкалица, Царь-порог, Юргилица)¹⁵⁶³, *kauhte* // люд. *kaihte* // ср. (эст.) *kae*, (фин.) *kaihi*.

Наименование *kaihte* используется в карельском фразеологизме *ku kaihte silmäs* – ‘как бельмо на глазу’. В карельском и русском языках, данный фразеологизм употребляется для обозначения надоевшего человека¹⁵⁶⁴

kalvo: ск. *kalvo* (Иломанси, Калевала, Ругозеро); *kalvo kazvoi silmäh* – ‘бельмо на глазу выросло’ (Суоярви); *šilmäšš on kalvo* – ‘на глазу бельмо’ (тверской говор) // ливв. *kalvo* (Корбинаволоок, Лахта)¹⁵⁶⁵.

Распространенные в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка названия *balmu/bil'm* (ливв. *balmu* // люд. *bil'm*, *böl'm*, *belme*; *huraš šilmäss om bel'm* – ‘на левом глазу бельмо появилось’ (Галлезеро)¹⁵⁶⁶ заимствованы из русского языка, ср. русс. мн.ч. бельма – используется в негативном значении (бранно) – глаза, белки¹⁵⁶⁷.

Метафорический перенос прослеживается в наименованиях *jiä* и *l'üvan'e*.

jiä: ск. *jiä* (Вокнаволоок, Калевала, Кестеньга); *kissalla on jiä silmän piällä* – ‘у кота бельмо на глазу’. Главное значение лексемы *jiä* в ‘лед’ во всех наречиях карельского языка. Со времен лексема приобрела новое значение ‘бельмо’ в соб-

¹⁵⁶³ Полевой материал автора – 32.

¹⁵⁶⁴ Словарь карельского языка (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1990. С. 130; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 7; Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, I. 1968. S. 141. Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000. С. 64.

¹⁵⁶⁵ Полевой материал автора – 24; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. II, 1974. S. 40.

¹⁵⁶⁶ Карело-русско-финский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://sanakniigu.onego.ru>; Kujola J. Luuydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944. S. 15; Virtaranta P. Luuydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. S. 285.

¹⁵⁶⁷ Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 2. М., 2006. С. 190.

ственно-карельском наречии, т. к. появляющаяся «белая пленка» на глазу, напоминает льдистую поверхность.

l'iivan'e: ск. *šilmäh kažvau l'iivan'e* – ‘глаз затягивается бельмом’ (тверской говор)¹⁵⁶⁸ (от слов. осн. им. сущ. *l'iiva* ‘тина, ряска, плесень, пленка на жидкости’ + суф. *-n'e*, т. е. значение слова указывает на основной симптом во время бельма – пленку).

К сложным существительным относится лексема *silmänkalvo*: ск. *silmänkalvo on kalvosilmäl* – ‘бельмо на глазу’ (Суоярви) // ливв. *kalvosilmy* (Корбинаволоок, Лахта)¹⁵⁶⁹, *silmänkalvo* (Сямозеро)¹⁵⁷⁰ (*kalvo/silmy* – букв. ‘бельмо’ + ‘глаз’; *silmän/kalvo* – букв. ‘глаза’ + ‘бельмо’).

Лечение бельма осуществлялось с помощью средств растительного и животного происхождения, а также магических обрядов.

Карелы-ливвики закапывали в глаз сок чистотела или щучью желчь (д. Корбинаволоок, Лахта)¹⁵⁷¹.

Жители д. Сопосал(ь)ма скребли ножом поверхность с когтя убитого зимой медведя, и осенью, когда на небе появились первые звезды, сыпали в глаз полученную «муку», произнося:

Vuori vettä vuotakohon,

Vuoren kulmat kuohukohon,

Ei silmät imento raukan!

Selkeäksi nämä silmät,

Kuni nuo tähtet taivahalla,

Kuin tuo kuuhut päivän alla,

*Kuni aurinkon teränen!*¹⁵⁷²

Пусть гора водой истечет,

Пусть склоны пенятся ее,

А не глаза этого человека!

Глаза эти пусть станут ясными,

Как те звезды на небе,

Как тот месяц под солнцем,

Как солнечный диск.

(Перевод автора)

¹⁵⁶⁸ Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 139.

¹⁵⁶⁹ Полевой материал автора – 47.

¹⁵⁷⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 386.

¹⁵⁷¹ Полевой материал автора – 26.

¹⁵⁷² Suomen kansan vanhat runot. Osa I (4). Helsinki, 1921. S. 499.

После чтения заговора, мыли глаза прямо под открытым небом, воду от мытья относили на перекресток трех дорог, отправляя боль, таким образом, в огонь, по ветру, в воду, в лес, на кладбище и напоследок на гору болей Похьелы.

Боль в глазу

В основе мотивировочного признака наименования боли в глазу в карельском языке прослеживается указание части тела:

silmänviga: ск. *silmänviga* (Суоярви) // ливв. *silmänviga* (Салми), *silmyviga* (Сямозеро); *silmänviga on, ei näi loittonsah* – ‘глаза болят, издалека не видит’ (Неккула, Рыпушкалица)¹⁵⁷³ // ср. (фин.) *silmävika*¹⁵⁷⁴ (*silmy/viga* – букв. ‘глаз’ + ‘дефект, изъян’; *silmän/viga* – букв. ‘глаза’ + ‘дефект, изъян’).

В Сямозерской волости Петрозаводского у. любую болезнь глаз «вылизывали» языком, считая слюну лечебной. Вследствие этого был очень распространен бытовой сифилис.

При появлении волдырей на внутренней стороне века необходимо было его вывернуть, провести кусочком сахара, отчего волдыри вскрывались (д. Суднозеро)¹⁵⁷⁵.

Повенецкие карелы при боли в глазах мазали их деревянным маслом¹⁵⁷⁶.

В том случае, если боль в глазу ничем не могли вылечить, карелы д. Оуланка собирали ракушки, раскалывали и ее содержимым протирали глаза, заклиная: «*Maksoihin meri mateen, vaski ahvenen vatsaan*» – ‘В печень налима морского, медь в брюхо окуня’. После этого половинки ракушки соединяли и кидали обратно в водоем¹⁵⁷⁷.

Олонецкие знахари к больным глазам прикладывали лошадиный кал и мочу, а повенецкие – муравьиное или деревянное масло¹⁵⁷⁸. Возникновение боли в глазу объясняли и иррациональными причинами.

¹⁵⁷³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 387; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 310.

¹⁵⁷⁴ Вахрос И., Щербакова А. Большой финско-русский словарь. М., 2006. С. 506.

¹⁵⁷⁵ Virtaranta P. Vienan kansa muistelelee. Helsinki, 1958. S. 139.

¹⁵⁷⁶ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 26.

¹⁵⁷⁷ Suomen kansan vanhat runot. Osa I (4). Helsinki, 1921. S. 502.

¹⁵⁷⁸ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 26.

Боль в ногах

jalkoa kivistäy – букв. ‘нога болит’: ск. *jalkoa kivistäy* (Калевала), *jallat kivistäy* (тверской говор); *ka yhen kerran kun tuota mie läsiin, jalkoa kivisti* – ‘однажды, когда я болела, нога болела’ (Контокки); *kõža jalgoi kivistä* – ‘а когда ноги болят?’ (тихвинский говор) // ливв. *jalgua kivistäy* (Корбинаволоок, Лахта).

jalgua vedäy – букв. ‘ногу тянет’: ливв. *jalgua vedäy* (Ковера, Ляпякке, Мегрозера, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица)¹⁵⁷⁹.

jallan kivut – букв. ‘ноги+боли’: ливв. *jallan kivut* (Неккула, Рыпушкалица).

У собственно-карелов и карелов-ливвиков бытовало наименование *jal-ka/tauti* – букв. ‘нога’ + ‘болезнь’¹⁵⁸⁰, которым обозначали боль в ногах ребенка в период, когда он учился ходить. Карелы Тверской обл. (д. Новое) считали, что ребенок долго не ходит (например, в д. Матюгино ребенок до трех лет не вставал на ножки) из-за плохого ухода. Мать рано начинала работать, дитя оставляли со старшими сестрами, свекровью, с няньками, которые не следили за малышами должным образом, так как иногда под их присмотром оставляли сразу по 5–6 детей из разных семей¹⁵⁸¹. Возникновение боли в ноге объясняли и иррациональными причинами.

Страдания ребенка облегчали тем, что относили его в баню, парили и растирали стопы (д. Войница). Ливвиковские карелы смазывали ноги смолой (д. Импилахти)¹⁵⁸².

Золотуха

Название заболевания заимствовано из русского языка (ср. русс. золотуха) *zolotuha* (ск. *korvat zolotuhua vuvvetah* – ‘уши от золотухи текут’ (тверской говор) // ливв. *zolotuha* (Корбинаволоок, Лахта)¹⁵⁸³, *zolotuha* (Неккула, Рыпушкалица)¹⁵⁸⁴ // ср. (вепс.) *zolotuh*¹⁵⁸⁵. Симптомами золотухи были припухлости зо-

¹⁵⁷⁹ Полевой материал автора – 32.

¹⁵⁸⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. I, 1968. S. 479.

¹⁵⁸¹ Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001. С. 77.

¹⁵⁸² Punttila M. Impilahden Karjalaa. Helsinki, 1992. S. 28.

¹⁵⁸³ Полевой материал автора – 39.

¹⁵⁸⁴ Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 288; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. VI, 2005. S. 444.

лотушного цвета (возможно, это стало причиной для номинации) и нарывы на теле. Лечение золотушки было, в первую очередь, направлено на заживление гнойных ран и выделений из ушей и глаз. Для этого использовали такие средства как заживляющие мази и отвары, мочу, растительное масло, средства животного происхождения. Возникновение золотухи объясняли и иррациональными причинами.

Святозерские карелы мазали появившиеся раны мочой больного или его матери, делали примочки, а при гноеточении из ушей закапывали в ухо мочу. При золотушной сыпи на теле младенца, его заворачивали в пеленки, смоченные в моче матери. Ливвиковские карелы исцеляли младенца мазью, приготовленной из водки, серебра, соли и воды (д. Неккула, Рыпушкалица).

Сямозерские карелы для избавления от золотухи использовали заговоренное растительное масло, которое они кипятили, опустив в него золотое колечко. Этим маслом мазали младенцу за ушами. Также для излечения золотушки прокалывали мочки ребенка и вдевали золотые серьги¹⁵⁸⁶.

На появившиеся на месте золотушных ран язвы прикладывали «требушину» животных¹⁵⁸⁷.

Карелы-ливвики (д. Корбинаволоок) и тверские карелы (д. Пальцево) для лечения золотушки купали ребенка в череде или заваривали кору и ягоды калины и обмывали или поили ребенка этим раствором¹⁵⁸⁸.

Тверские карелы лечили золотушку заговорами: «*Tämän närien mužikka, šordie ei lašken n'i ploduo, n'i rodua. N'iin ni raba bozij Tan'all ni ploduo, ni rodua*» – ‘Мужик этой небольшой ели, (?) не отпускал ни плода, ни рода. Так и у рабы Божьей Тани ни плода, ни рода’.

¹⁵⁸⁵ Семакова И. Б., Рогозина В. В. Материалы по традиционной медицине вепсов (мифологический аспект) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 303.

¹⁵⁸⁶ Логинов К. К. Родильная обрядность и способы лечения младенческих недугов // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 249.

¹⁵⁸⁷ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 20.

¹⁵⁸⁸ Полевой материал автора – 26; Новак И. П. Полевые аудиозаписи А. В. Пунжиной как источник информации о повседневной жизни тверской карельской семьи конца XIX – начала XX в. // Культура повседневной карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.). Петрозаводск, 2014. С. 84.

Ревматизм

В ливвиковском и собственно-карельском наречиях карельского языка распространены лексемы *reunatisma/reumat'iisi/reumatizmu*: ск. *reumat'iisi* (Вокнаволоок), *reunatisma* (Суйстамо); *kiät i jallat kivis's'etäh r'emat'izmia* – ‘руки и ноги болят от ревматизма’ (тверской говор) // ливв. *reumat'izmi* ~ *reimat'izmi* ~ *remat'izmi* (Сямозеро), *refmatizmu* (Неккула, Рыпушкалица)¹⁵⁸⁹ // ср. (эст.) *reuma*, *reumatism*; (фин.) *reuma*, *reumatismi*¹⁵⁹⁰. Карельские варианты слова являются русскими заимствованиями слова ‘ревматизм’ (русс. < греч. *rheumatismos* ‘растекание по телу’)¹⁵⁹¹.

Самым распространенным способом для лечения ревматизма было прогревание или натирание больных суставов. Для натирания использовался рыбий жир¹⁵⁹². По сведениям информантов, ливвиковские карелы натирали больные суставы муравьиной кислотой (д. Корбинаволоок, Лахта)¹⁵⁹³, а тихвинские карелы – муравьиным маслом (д. Коргорка)¹⁵⁹⁴. Жители карельских деревень Рыпушкалица и Неккула ввязывали собачью шерсть в носки для прогревания суставов.

Людиковские карелы из д. Галлезеро прогревали больные суставы с помощью теплых компрессов. Это было актуально в тех случаях, когда болезненные ощущения только начали появляться¹⁵⁹⁵.

Держанские карелы (д. Новое, Семеновское) лечили боли в руках и ногах настойкой из березовых почек. Также во время парения в бане натирались свежей крапивой. «Мухоморное масло» считалось эффективным средством при ревматических болях. Его изготавливали из свежих мухоморов: грибы крошили и закупоривали в бутылку, ставили в жарко протопленную печь. Суставы натирали

¹⁵⁸⁹ Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. С. 233; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 67.

¹⁵⁹⁰ Новый большой русско-финский словарь: в 2-х т. М., 2000. т. 2. С. 1150; Pihel K. Pikamäe A. Soome-eesti sõnaraamat. Tallinn, 1986. S. 446.

¹⁵⁹¹ Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998. С. 590.

¹⁵⁹² Fedotova O. Lapsensuanduperindöt // Oma mua. 2000. № 29 (504). S. 4.

¹⁵⁹³ Полевой материал автора – 26.

¹⁵⁹⁴ Образцы карельской речи. Л., 1980. С. 321.

¹⁵⁹⁵ Virtaranta P. Luudiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. S. 277.

полученной массой (д. Пальцево). Такой же способ известен у русского населения Республики Карелии¹⁵⁹⁶. Ливвиковские карелы парились в бани венником из крапивы (д. Импилахти)¹⁵⁹⁷.

Сердечные заболевания

seänkipie: ск. *seänkipie* // ливв. *tunnu ni midä ei, a en voi roata ni syvvä, syv-äinkibei on* – ‘не чувствую ничего, не могу ни работать, ни есть, болит сердце’ (Сямозеро) (*seän/kipie, syvään/kibei* – букв. ‘сердце’ + ‘болячка’).

šiänala kivis ’t’äy – букв. ‘сердце+болит’: ск. *šiänala kivis ’t’äy* (тв. г.)¹⁵⁹⁸.

Ливвиковские карелы при боли в сердце капали на кусочек сахара настойку мяты и клали под язык (д. Корбинаволоок, д. Лахта)¹⁵⁹⁹. Тверские карелы (д. Пальцево) при больном сердце собирали и заваривали ягоды можжевельника¹⁶⁰⁰. Отвар из ягод можжевельника был полезен и при больных почках и опухолях.

Таким образом, в процессе освоения новых территорий в результате переселения и приспособления к условиям окружающей среды карелы активно использовали природные ресурсы окружающей среды обитания. Арсенал используемых лекарственных средств складывался из особенностей географических и климатических условий, а также хозяйственного и бытового уклада жизни. Важную роль в этом играли и этнокультурные контакты (в первую очередь, влияние русских и вепсов).

Целый ряд физических и душевных состояний человека карельская народная медицина объясняла исключительно рационально: несоблюдение или нарушение выработанных стереотипов здорового образа жизни, а также различные травмы, переохлаждения и т. д. Однако, в силу того, что у карелов даже после принятия христианства еще долгие годы сохранялись верования языческого происхождения, то и в рассматриваемых болезнях, наряду с рациональными причи-

¹⁵⁹⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 67.

¹⁵⁹⁷ Punttila M. Impilahden Karjalaa. Helsinki, 1992. S. 28.

¹⁵⁹⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. V, 1997. S. 352.

¹⁵⁹⁹ Полевой материал автора – 26.

¹⁶⁰⁰ Новак И. П. Полевые аудиозаписи А. В. Пунжиной как источник информации о повседневной жизни тверской карельской семьи конца XIX – начала XX в. // Культура повседневной карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.). Петрозаводск, 2014. С. 84.

нами, видели влияние демонов болезней, злых духов, сглаза. Например, одну из причин боли в горле/ангины (кар. *kulkkumuokku*, *kulk(k)utaud(i)*) карелы объясняли воздействием на человека некоего *haikko* ‘хозяин плохого голоса’ и обращались к нему, взобравшись на девятую жердь прясла, с просьбой забрать свой хороший голос, а плохой вернуть. При боли в ушах/отите (кар. *korvah pystäy*, *otiittu*, *korvatulehuš*) обращались в заговорах к ветру, считая его виновником ушной боли. В верованиях карелов небрежное обращение к предметам быта или гардероба могло привести к появлению различных болей. Например, боли в ногах (кар. *jalkoa kivistäy*, *jalgua vedäy*, *jallan kivut*, *jalkatauti*) могли появиться, если крутить топор носком на пороге, а затем вступить на это место. Причина головной боли (кар. *piänkibu*, *peänkivissys*) крылась в кручении шапки на пальце и др.

В ходе исследования выделены следующие подгруппы заболеваний естественного происхождения:

1) болезни от плохого питания (болезни желудочно-кишечного тракта: боль в животе, вздутие живота, запор, изжога, колики, расстройство желудка, рвота (тошнота); цинга);

2) болезни от охлаждения, простуда (боли в различных частях тела: боль в горле (ангина), боль в ушах (отит), головная боль, зубная боль; жар, горячка, лихорадка, озноб; кашель; насморк; обморожение);

3) болезни «от грязи» (молочница во рту у ребенка);

4) болезни, вызванные поднятием тяжестей, перенапряжением (боль в спине; выпадение пупа; грыжа; радикулит, прострел, боль в пояснице);

5) заразные, вирусные болезни (грипп; желтуха; нагноение глаз; скарлатина; чахотка, туберкулез легких);

б) немеханические повреждения (кожные болезни: бородавка, нарыв, прыщи, рожистое воспаление, сыпь (свороба), чесотка, экзема);

7) механические повреждения (возникающие в результате травмы, удара: вывих, гематома, кровотечение, открытая рана, перелом (трещина), порез, рана, растяжение, синяк, шишка, ушиб, царапина; возникающие от натирания (мозоль;

натертая рана, ссадина, потертость; опрелость); соринка в глазу; ожог; волдыри; опухоль (жировик); заноза);

8) болезни, возникающие от усталости, переутомления (недомогания: болезнь с недомоганием (головная боль, сонливость, зевота); веснуха; головокружение);

9) болезни от испуга (родимчик);

10) врожденные болезни (эпилепсия);

11) болезни, возникающие в результате воспаления от воспаления (грудница; нагноение).

Не все болезни укладываются в данную группировку, т.к. не всегда народ мог определить причину заболевания. К таковым относятся бельмо (кар. *kalvo, kaihte, balmu, jiä*), боль в глазу (кар. *silmänviga*), боль в ногах (кар. *jalgua kivistäy, jalgua vedäy, jallan kivut*), золотуха (кар. *zolutuha*), ревматизм (кар. *reunatisma, reumatizmu*), сердечные заболевания (кар. *seänkipie, šänala kivis't'äy*).

В основе выделенных подгрупп болезней лежали два критерия: рациональная причина (от чего) болезни и ее анатомическая или симптоматическая топография.

В целом, рациональная народная медицина заболеваний естественного происхождения у рассматриваемых групп карелов была единой: использовались природные ресурсы (растения, минералы), продукты животноводства, птицеводства и пчеловодства (молоко, масло, жир, мед, прополис), средства, связанные с горением (сажа, угли, пар), а также продукция, получаемая в результате традиционных занятий населения (шкура и части тела диких животных и птиц, внутренности рыб) и т. д. Приняв христианство, но продолжая сохранять верования, карелы сопровождали некоторые рациональные способы лечения словесными приговорами или заговорами, в большинстве из которых уже было обращение к христианским персонажам (Иисусу Христу, Деве Марии). Вероятно, таким образом карелы стремились усилить целительные свойства того или иного лечебного средства.

Например, нашептывание на соль, вино и отвар, произношение заговора во время обливания и т.д.

Наряду с многочисленными общими чертами в рациональной народной медицине карелов выделяются существенные отличия, причины формирования которых прослеживаются как в особенностях природно-климатических и хозяйственно-бытовых условий, так и в культурном взаимодействии:

1) Фитотерапия. Повсеместно карелами использовались листья, кора, смола, сок, корни, ветки, почки, стебли деревьев, кустарников и травяных растений. Из лекарственных трав все группы карелов готовили настойки, отвары, чаи, мази, а также использовали их в высушенном или свежем виде. Повсеместно использовался и сок растений. Применение лекарственных растений происходило во внутрь, делали компрессы, примочки или посыпали измельченными высушенными частями растений. Территориальные различия в использовании лечебных трав заключаются в следующих особенностях. На территории Карелии использование липы для лечения заболеваний (ангина, кашель, кровотечение) зафиксировано только у ливвиковских карелов. Это связано с ее произрастанием только в южной части Карелии. На севере она не растет. Конопля применялась у собственно-карелов: лечение обморожения, ожогов. Этот вид культуры был наиболее популярен у верхневолжских карелов, т.к. почвы данной территории обладали более благоприятными условиями для произрастания.

2) Средства животного происхождения. Распространены у всех групп карелов, т.к. охота, рыбалка и скотоводство являлись основными хозяйственными занятиями карелов на протяжении всей истории развития данного этноса. Карелами активно использовались ткани и органы диких и домашних животных и птиц, внутренности рыб и продукты животноводства. Барсучий (лечение чахотки, мозолей) и гусиный (лечение ожогов, обморожений) жир использовали среди всех групп карелов. У ливвиковских карелов использование жира диких гусей было ограничено небольшой территорией, ближе к Петрозаводску. Использование частей свиньи (пяточок, щетина) было свойственно только для ливвиковских каре-

лов. Это обусловлено тем, что беломорские карелы свиней не выращивали. Для них было характерно оленеводство. Однако, этот вид промысла не отразился на лечебных обрядах карелов. Особое почитание беломорскими карелами медведя нашло отражение на народной медицине. Вероятно, считая медведя «хозяином леса», веря в его особую силу и мощь, карелы верили и в целительные способности его органов и частей тела. Беломорские карелы использовали в лечебных обрядах жир, гортань, коготь, лапу, череп. В рациональной медицине преимущественно жир, горло и лапу. С помощью них лечили боль в горле, запор, нарывы, колики и грыжу. Ливвиковские и тверские карелы в лечебных ритуалах использовали куриные яйца, в отличие от беломорских карелов, карелов Центральной Карелии и людиковских карелов. Территория проживания карелов-ливвиков, карелов-людиков и карелов Тверской обл. была климатически наиболее благоприятна для занятия этим видом птицеводства.

3) Минеральные средства. Среди минеральных средств в лечебных обрядах ведущее место было у соли. Солеварение было развито на территории Карелии, особенно в Поморье. Все группы карелов в лечебных обрядах использовали керосин, мыло, а среди карелов Беломорской и Центральной Карелии и купоросное масло для лечения зубной боли. Всё это покупалось или обменивалось коробейниками.

4) Физиотерапия. Физиотерапевтические методы лечения имели большое значение в карельской народной медицине. Все группы карелов применяли лечебные ванны, массажи, прогревание, вдыхание теплого пара. Особенно значительное место в исцелении занимала баня: в ней излечивали большинство заболеваний. Некоторые заболевания лечили прогреванием на печи или около нее.

5) Народная хирургия. Травматология. Были довольно примитивными, не отличались от традиций русских и вепсов. Кровопускание в Карелии было очень распространено, как и по всей России. Пусканием крови лечили множество заболеваний: головную, ушную и зубную боли, воспаление легких, боль в спине и пояснице, повышенное давление, ревматизм и т. д.

Выводы по главе

Согласно нечеткой народной классификации, заболевания можно подразделить на несколько групп, что основывается на верованиях и мифологии карелов, симптомах болезней и их причинах возникновения. Болезни могли делиться на рациональные (возникающие в результате переохлаждения, неправильного питания, наследственности, травм и т. д.) и иррациональные (болезнь считалась насланной через порчу, сглаз, от духов-хозяев, колдуна или приставшей от воды, леса, бани и т. д.). Кроме того, болезни делились по возрастному, половому признаку, а также органу, который болит и т. д.

Проанализировав обширную теоретическо-методическую базу отечественных и зарубежных исследователей, в диссертации была предпринята попытка создать классификацию заболеваний. В результате, мы выделили две основные группы болезней: 1) заболевания религиозно-мифологического происхождения; 2) заболевания естественного происхождения. В процессе дальнейшего исследования, опираясь на два критерия – источник происхождения (от кого или от чего) болезни и ее анатомическая или симптоматическая топография – были выделены подгруппы внутри этих групп.

Однако, следует отметить, что границы между заболеваниями часто размыты, что вызывало затруднения при отнесении болезни к той или иной группе или подгруппе. В группе заболеваний, объясняемых религиозно-мифологическим происхождением в названиях болезней четко видно происхождение недуга. В заболеваниях естественного происхождения на первый план выходит симптоматика, происхождение недуга прослеживается нечетко.

Примечательно, что некоторые подгруппы болезней сверхъестественного происхождения в карельской народной медицине выделялись и другими исследователями (например, Й. Пентикяйнен, Р. Пелконен и др.): насланные злыми (плохими) людьми, приставшие от природных стихий, Божьи заболевания.

Для всех рассматриваемых болезней применялись как рациональные, так и иррациональные способы лечения, на использование которых влияли хозяйственные особенности, природные условия и мифологические представления карелов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, опираясь на этнографические, фольклорные, этнографические источники и полевые материалы, собранные автором, определены две основные группы болезней: 1) заболевания религиозно-мифологического происхождения; 2) заболевания естественного происхождения. В процессе дальнейшего исследования, опираясь на два критерия – источник происхождения (от кого или от чего) болезни и ее анатомическая или симптоматическая топография – были выделены подгруппы внутри этих групп. Таким образом, в группе заболеваний, объясняемых религиозно-мифологическим происхождением, выделяются 12 подгрупп:

- 1) болезни от природных стихий и объектов (болезни от воды или хозяина воды; заболевания от участка земли; заболевания от леса или лесного духа; заболевания от огня; хворь от дерева; хворь от железа; хворь от камня);
- 2) болезни, связанные с неблагоприятными погодными условиями (заболевания от холода с основой *viha*; заболевания, насланные погодой с основой *penä*; заболевания от природы с основой *penä*; заболевания от ветра с основой *penä*);
- 3) болезни от построек или олицетворяющих их духов (болезни от бани; болезни хлева или скотного двора);
- 4) болезни от соприкосновения с миром мертвых;
- 5) болезни от несоблюдения правил и норм, регламентирующих поведение человека в быту (заболевания от ногтей);
- 6) болезни от птиц, животных и насекомых (болезни от птиц: веснушки, куриная слепота, цыпки; укус змеи, нагноение (опухоль) после укуса змеи; болезни от жабы; болезни от собаки: рахит, болезненная худощавость, ячмень, хворь от укуса собаки; болезни от свиньи: свинка, щетинка; болезни от насекомых: болезни от вшей, укусы насекомых);
- 7) болезни от Бога;
- 8) персонифицированные болезни (эпидемические болезни: холера, корь, краснуха, ветрянка, оспа, тиф; ночной демон, заставляющий плакать детей);
- 9) болезни от людей или насланные людьми заболевания (паралич; проклятие; сглаз, порча, призор);
- 10) болезни от думы (зобная опухоль, увеличение щитовидной железы и др.);
- 11) доспешка;
- 12) икота.

В группе заболеваний естественного происхождения выделяются

11 подгрупп: 1) болезни от плохого питания (болезни желудочно-кишечного тракта: боль в животе, вздутие живота, запор, изжога, колики, расстройство желудка, рвота (тошнота); цинга); 2) болезни от охлаждения, простуда (боли в различных частях тела: боль в горле (ангина), боль в ушах (отит), головная боль, зубная боль; жар, горячка, лихорадка, озноб; кашель; насморк; обморожение); 3) болезни «от грязи» (молочница во рту у ребенка); 4) болезни, вызванные поднятием тяжестей, перенапряжением (боль в спине; выпадение пупа; грыжа; радикулит, прострел, боль в пояснице); 5) заразные, вирусные болезни (грипп; желтуха; нагноение глаз; скарлатина; чахотка, туберкулез легких); 6) немеханические повреждения (кожные болезни: бородавка, нарыв, прыщи, рожистое воспаление, сыпь (свороба), чесотка, экзема); 7) механические повреждения (возникающие в результате травмы, удара: вывих, гематома, кровотечение, открытая рана, перелом (трещина), порез, рана, растяжение, синяк, шишка, ушиб, царапина; возникающие от натирания (мозоль; натертая рана, ссадина, потертость; опрелость); соринка в глазу; ожог; волдыри; опухоль (жировик); заноза); 8) болезни, возникающие от усталости, переутомления (недомогания: болезнь с недомоганием (головная боль, сонливость, зевота); веснуха; головокружение); 9) болезни от испуга (родимчик); 10) врожденные болезни (эпилепсия); 11) болезни, возникающие в результате воспаления от воспаления (грудница; нагноение).

Собранный лексический и этнографический материал показал, что созданная нами классификация применима ко всем группам карелов, но имеет некоторые характерные локальные черты. Тихвинские карелы, будучи приверженцами старообрядчества долго сохраняли народные средства лечения, перенесенные ими при переселении с Карельского перешейка. При этом у них абсолютно четко выделялись заимствованные от русских элементы народной медицины, отразившиеся и в лексике и способах врачевания (например, болезнь dospeshka). Длительное сохранение архаичных черт свойственно для тверских и беломорских карелов (особенно четко видно из текстов заговоров и, например, длительном персонифицировании обморожения). На лексику и способы врачевания ливвиковских и лю-

диковских карелов сильное влияние оказала культура и язык русского населения (например, болезнь веснуха, икота).

Для лечения заболеваний карелами применялись рациональные и ирациональные (религиозно-магические) средства или методы лечения. В целом, рациональная народная медицина заболеваний у рассматриваемых групп карелов была единой: использовались природные ресурсы (растения, минералы), продукты животноводства, птицеводства и пчеловодства (молоко, масло, жир, мед, прополис), средства, связанные с горением (сажа, угли, пар), а также продукция, получаемая в результате традиционных занятий населения (шкура и части тела диких животных и птиц, внутренности рыб) и т. д. Приняв христианство, но продолжая сохранять верования, карелы сопровождали некоторые рациональные способы лечения словесными приговорами или заговорами, в большинстве из которых уже было обращение к христианским персонажам (Иисусу Христу, Деве Марии). Вероятно, таким образом карелы стремились усилить целительные свойства того или иного лечебного средства. Например, нашептывание на соль, вино и отвар, произношение заговора во время обливания и т. д.

Наряду с многочисленными общими чертами в рациональной народной медицине карелов выделяются существенные отличия, причины формирования которых прослеживаются как в особенностях природно-климатических и хозяйственно-бытовых условий, так и в культурном взаимовлиянии.

Среди рациональных способов врачевания народной медицины карелов у фитотерапии было ведущее место. Карелы обладали веками накопленными и проверенными знаниями по сбору, заготовке и употреблению лечебных трав. По данным полевого материала автора, собранного в Пряжинском, Калевальском и Олонецком р-нах проживания карелов в 2004–2015 гг., образцов карельской речи и словарей карельского языка, можно констатировать то, что карелы практиковали около 70 видов лекарственных растений. Повсеместно ими использовались листья, кора, смола, сок, корни, ветки, почки, стебли растений. Из лекарственных трав все группы народа готовили настойки, отвары, чай, мази, использовавшиеся

как в высушенном, так и свежем виде. Повсеместно применялся и сок растений. Лекарственные травы применялись во внутрь, ими делались компрессы, примочки или высушенными и измельченными частями растений они посыпались на больные места. Набор лекарственных трав был связан, в первую очередь, с местной флорой, условиями жизни населения и видами болезней. В целом целебные средства растительного происхождения в карельской народной медицине представляли собой постоянный состав. Исследование показало обширный спектр применения деревьев в медицинской практике всех групп карелов. В лечебных целях использовались ель, береза, ива, сосна, сирень, рябина, черемуха, ольха. Однако способы применения различались. Самый широкий диапазон отмечается у березы: использовали листья, кору, ветки и почки. Незначительный охват – у ольхи. На территории Карелии широкая практика липы для лечения заболеваний (ангина, кашель, кровотечение) зафиксирована только у ливвиковских карелов. Это связано с ее произрастанием в южной части Карелии. На севере она не растет. Активно использовалась кора деревьев, которую применяли чаще всего для лечения наружных болезней. Следует заметить, что магические ритуалы с частями деревьев при этом не совершались. Исключение составляли только ива и *tuulenkobru* ‘ведмино помело’. В использовании *tuulenkobru* прослеживается тесная взаимосвязь с мифологическими представлениями карелов, которые оказались едиными для той части народа, которая проживала в Карелии и за ее пределами.

Важно отметить, что одно и то же растение могло использоваться для лечения разных заболеваний. В данном случае варьировались части растения и способ употребления. Например, с помощью малины лечили кашель, боль в горле, жар, прыщи. Для этого использовали ягоды (варенье, отвар), чашелистики (заваренные), веточки (заваренные), листья (отвар). Применение малины в качестве лечебного средства отмечено у всех групп карелов, однако, более распространена она у ливвиковских и тихвинских карелов. Очевидно, что беломорские и карелы Центральной Карелии для лечения кашля и боли в горле чаще использовали морошку (ягоды, чашелистики), т. к. она более распространена на территории Се-

верной Карелии. Использование ряда растений для лечения было свойственно только для одной группы карелов. Так, например, у тверских карелов входили в арсенал лекарственной флоры конский щавель, ячмень, мухомор, трава-плакун и можжевельник. Возможно, это было заимствовано от соседнего русского населения. Бальзамин, дудник, душманка, клевер, колокольчик, липа, морковь, мох (белый), ноготки, одуванчик, молодые всходы зерновых, редька, репа, сирень, фасоль, черная смородина, чеснок, чистотел входили в лекарственную аптеку ливвиковских карелов; венерин башмачок, жимолость – зафиксированы у тихвинских карелов; водоросли, мох (красный), огурец, пикульник – у северных карелов. Конопля выращивалась на всей территории проживания северных и южных карелов, но в качестве лекарственного средства в виде отжатого масла (смазывание обморожений, ожогов), обжаренных семян (посыпание ожогов), мази с добавлением соли и сливок (обработка ожогов) была знакома только северным карелам. Из приведенных примеров очевидно, что с развитием полеводства, огородничества и садоводства, арсенал целительных трав и растительных культур расширялся и менялся. Так, например, использование листьев капусты в качестве компрессов (например, при мастите) встречалось только у ливвиковских карелов. Это связано, в первую очередь, с климатом. На севере Карелии капуста не успевала дозреть. У олонецких карелов это была поздняя культура.

Примечательно, что карелы не только знали ядовитые растения, но и применяли их в фитотерапии: тверские карелы использовали выпаренные в печи шляпки и ножки мухомора для лечения ревматизма; все группы карелов применяли в различных видах ягоды волчьего лыка, имея локальные особенности: собственно-карелы изготавливали мази с добавлением табака, серы, вина/керосина/медвежьего жира для лечения рахита, выпадения или нагноения пупа, грыжи; ливвиковские и людиковские карелы высушенные без корки ягоды закладывали в больном зубе; на всей территории проживания карелов готовили отвар или настойку из ягод, который пили от расстройства желудка.

Для традиционной медицины всех групп карелов было характерным применение средств животного происхождения. Занимаясь животноводством и охотой, у народа накопились знания по применению животных материалов в качестве целительных средств. Доминирование используемых тех или иных видов птиц, животных и рыб было обусловлено хозяйственно-бытовым укладом каждой группы карелов. Самым используемым в карельской лечебной практике был жир. Им исцеляли большинство заболеваний на всей территории проживания народа. Например, тверские карелы занимались гусеводством, в отличие от беломорских карелов, поэтому для лечения ожогов ими использовался жир гусей. У ливвиковских карелов применение жира диких гусей было ограничено небольшой территорией, ближе к Петрозаводску. Ливвиковские и тверские карелы в лечебных ритуалах практиковали куриные яйца, в отличие от беломорских, людиковских, карелов Центральной Карелии. Территория проживания карелов-ливвиков, карелов-людиков и карелов Тверской обл. была климатически наиболее благоприятна для занятия этим видом птицеводства. Использование частей свиньи (пяточок, щетина) было свойственно только для карелов-ливвиков. Это обусловлено тем, что беломорские карелы свиней не выращивали. Для них характерным являлось оленеводство. Однако, этот вид промысла не отразился на лечебных обрядах народа. Особое почитание беломорскими карелами медведя нашло отражение в народной медицине. Вероятно, считая медведя «хозяином леса», веря в его особую силу и мощь, население верило и в целительные способности его органов и частей тела. Карелы Беломорской и Центральной Карелии смазывали ожоги жиром медведя, у тверских карелов этот способ лечения не был зафиксирован. Беломорские карелы использовали в лечебных обрядах также гортань, коготь, лапу, череп. В рациональной медицине преимущественно употреблялись жир, горло и лапа. С их помощью лечили боль в горле, запор, нарывы, колики и грыжу. Шерсть животных, в основном, использовали собственно-карелы (северные, тверские и тихвинские) и карелы-ливвики как противовоспалительное или прогревающее средство. У людиковских карелов использование шерсти не было зафиксировано. Следует отме-

тить повсеместное употребление в лечебных целях молочных продуктов: молока, сметаны, сливок, масла. Держанские карелы пили горячее молоко от боли в горле, ливвиковские карелы – парным молоком промывали глаза при нагноении глаз, людиковские карелы – смазывали грыжу молоком, добавив в него заговоренное семенное масло. В терапии заболеваний религиозно-мифологического происхождения применение средств животного происхождения определялось, в первую очередь, принципом «подобное излечивается подобным». В этом прослеживается связь с мифологическими представлениями карелов о животных и птицах, как «виновниках» болезней. В таких случаях пытались изгнать недуг ее же «носителем»: на воспалившуюся после укуса собаки рану привязывали собачий зуб, завернутый в тряпку; если поцарапала кошка, ее отрезанные когти, сжигали, а затем царапины посыпали пеплом и т. д.

Существенным дополнением в народном врачевании к растительным и животным средствам служили минеральные. Ведущее место занимала соль. Солеварение было развито на территории Карелии, особенно в Поморье. Соль служила оберегом от болезней и сглаза. При целом ряде заболеваний: ушибах, нарывах, опухолях, головных болях и др. карельские знахари готовили особые примочки и полоскания, главным компонентом которых являлась соль. Заговоренной солью избавлялись от боли в зубах собственно-карелы и ливвиковские карелы. Все группы карелов в лечебных обрядах использовали керосин, мыло, а среди карелов Беломорской и Центральной Карелии – и купоросное масло для лечения зубной боли. Все это покупалось или обменивалось у коробейников. У тихвинских карелов широко практиковалась сулема. Всем группам карелов было свойственно использование драгоценных металлов, золота и серебра (чаще – серебряная стружка), как правило, в магических обрядах. Глина используется для лечения различных болезней с древнейших времен. Повсеместно карелы к нарывам и флюсу прикладывали глину, т. к. она хорошо вытягивает жар. Особая магическая сила приписывалась земле, взятой с перекрестка дорог, из-под печного угла своего дома, с подпола и т. д. В народной медицине часто использовали землю, принесен-

ную с могилы или кладбища. Ее прикладывали к больному месту, подмешивали в воду и поили больного, натирали больные места. Такие действия чаще всего сопровождалась заговорами, в которых карелы обращались к земле с просьбой избавить от болезни. Карелы часто использовали в лечебной магии камень и серу (смешивали с другими веществами при изготовлении мази). Средства минерального происхождения в лечебной практике применялись в меньшей мере по сравнению с лекарственными травами и средствами животного происхождения.

Следует отметить, что все вышеупомянутые средства народной медицины: лечебные травы, средства животного и минерального происхождения, использовались карелами в качестве дополнительных как при рациональных (одновременно могли использоваться несколько средств), так и при магических способах лечения. Кроме того, в применении лечебных средств карелам было свойственно многообразие: на разных территориях проживания одно лекарственное средство могло применяться для лечения, во-первых, различных заболеваний (например, заваренную чагу тихвинские карелы пили от расстройства желудка, ливвиковские карелы от боли в животе; свежим дегтем ливвиковские карелы смазывали голову от вшей, беломорские и тверские карелы – кожу при чесотке, тихвинские карелы нагноения около ногтя при обноготнице; растопленным медвежьим жиром беломорские карелы лечили нарывы и фурункулы, ливвиковские карелы – ожог и натертость); во-вторых, одного заболевания, но в разных видах (например, ливвиковские, людиковские и тихвинские карелы смазывали нарыв и фурункул еловой живицей, вываренной с постным маслом и воском, а держанские, беломорские и тверские карелы, а также карелы Центральной Карелии – свежей); в-третьих, идентичных заболеваний (например, все группы карелов употребляли внутрь сок клюквы при цинге, прикладывали лист подорожника при фурункуле или нарыве; держанские, беломорские и тверские карелы от чесотки смазывали больные места мазью из кислой сметаны, щелока и соли). Некоторые средства народной медицины находили большую степень применения среди одной группы карелов, чем у другой (например, волчье лыко применялось больше у северных карелов, калина

– у ливвиковских и тверских карелов, капуста – у ливвиковских карелов, медвежий жир, сало лисы и лебедя – у беломорских карелов, сода – у ливвиковских и тверских карелов, керосин – у ливвиковских карелов).

Карелы обладали определенными приемами физио- и мануальной терапии и оперативного вмешательства. Центральным местом проведения данных видов «процедур» была баня, которая являлась неразрывной частью жилищного комплекса у карельских крестьян. Самыми распространенными способами лечения в бане считались парение, прогревание, массаж, натирание мазями или медом. Традиционное и нетрадиционное врачевание рассматриваемых недугов указывает на то, что баня на протяжении длительного времени оставалась главной лечебницей у карелов. Однако, необходимо отметить, что далеко не во всех случаях баня приносила существенное облегчение больному. Иногда парение в бане помогало, но в некоторых случаях способствовало еще большему обострению заболевания. Кроме того, отмечались случаи, когда баня являлась местом распространения инфекционных заболеваний. Это происходило в тех случаях, когда, например, после парения ребенка, болеющего краснухой или ветрянкой, в баню вели мыться здоровых детей. Но, несмотря на это, в народном сознании вера в лечебную силу бани закрепилась у карелов настолько глубоко, что она бытует до сих пор. Для лечения механических повреждений (вывих, растяжение, ушиб), а также грыжи, выпадения пупа и радикулита карелы применяли мануальную терапию: вправление суставов, растирания и массаж определенных органов или областей тела. У беломорских карелов массаж был одним из самых распространенных рациональных способов лечения. Им занимались преимущественно профессиональные повитухи, особенно, когда речь шла о детских заболеваниях (пупковая грыжа, рахит, детские боли в ножках и т. д.). Оперативное вмешательство применялось для лечения физических недомоганий, связанных с болезнями суставов и головной болью, объясняемых скоплением «плохой» крови в человеческом организме. Для избавления от этих недомоганий проводили кровопускание.

Основными хранителями медицинского наследия (прежде всего, магии) у карелов являлись народные врачеватели: знахари, колдуны. Наряду с лечебными травами знахари исполняли магические ритуалы (очерчивание кругов, отсылание болезни в лодочке по воде, сплевывание) и читали заговоры (см.: Приложение 3, таблица 6, таблица 7). С точки зрения народа, специалистами в области лечения заболеваний могли стать лица, опиравшиеся в своей практике на знания, полученные в процессе обучения и приобретенные на личном опыте. В ходе исследования удалось установить, что знахари являлись основными хранителями медицинского наследия (прежде всего, магии) у карелов. Для обозначения данного персонажа использовалась достаточно разнообразная лексика: *tietäjä/tiedäjä* 'знахарь, колдун', *tiedoiniekku* 'знахарь, колдун', *oppii* 'знахарь, колдун', *koldun/kolduna* 'колдун', *jeretniekka/jeretniekku* 'заклинатель/колдун', *pahoittaja* 'порчельник'. Собранный комплекс значений свидетельствует о том, что в местах проживания северных, тверских, ливвиковских и людиковских карелов между группами колдунов и знахарей существовало незначительное отличие. Однако, понятия *tietäjä/tiedäjä*, *tiedoiniekku* и *oppii* использовали в качестве синонимов, обозначая ими как «колдуна», так и «знахаря». К наименованиям с негативным оттенком относятся лексемы *koldun/kolduna*, *jeretniekka/jeretniekku* и *pahoittaja*. У тихвинских карелов, напротив, под влиянием старообрядчества наблюдается довольно резкое различие между ними. Самая четкая градация была у тихвинских карелов-старообрядцев. Рассмотрев социальный портрет знахаря в карельской деревне, его функцию в лечебных обрядах, мы пришли к выводу, что в карельских деревнях существовало деление на две основные группы: «*hyvät tiedoiniekat*» 'хорошие, делающие добро ведуны' и «*pahat tiedoiniekat*» 'плохие, злые, наносящие вред ведуны'. Данное предположение подтверждается полевыми материалами, собранными автором в Калевальском, Костомукшском, Олонецком, Пряжинском, Суоярвском р-нах Республики Карелия. Знахари были тесно связаны с этиологией заболеваний. Чаще всего это происходило в тех случаях, когда человек сам не мог определить причину возникшего недуга. Для этого ему тайком клали в изголовье что-

нибудь из вещей заболевшего, причину болезни он мог увидеть во сне или разгадать с помощью решета.

Среди магических приемов народной медицины, чаще всего используемых знахарями, значительное место занимали действия, основанные на символическом уничтожении или изгнании болезней в мир их нахождения, т. е. иной мир. Для изгнания болезней лечение часто проводили в тех местах дома, которые считались границами миров: подпол, порог, дверь, окно. Например, при лечении радикулита самый известный способ – это рубка болезни на пороге. Больного укладывали животом на порог (головой в избу, ногами к выходу), являющийся пограничной чертой между потусторонним миром, откуда приходят все болезни, и нашим миром. Поясницу больного «рубали» топором. Приставшую к ногам болезнь *tuahine* ‘земляная’, лечили в подполе, используя находившуюся там землю.

К магическим способам «уничтожения» болезни относятся также ее слизывание (например, больного рахитом ребенка обмазывали простоквашей и давали слизать собаке), смывание (например, при высокой температуре во время тифа, малярии, гриппа и др., карелы окатывали больного холодной водой). В летнее время больного старались неожиданно столкнуть в реку, перерождение больного (например, при избавлении ребенка от родимчика матери надо было идти задом к ребенку, завернув юбку, к ее половым органам прикладывали ребенка лицом, имитируя «поцелуй»). В этом ритуале скрывалось символическое перерождение ребенка), передача «прежнему» владельцу (например, собаке при лечении ячменя, вороне при избавлении от цыпок), отправление по воде (например, для избавления от *kirot* ‘проклятие’ воду, которой обмыли больного, выливали в заранее сделанную ольховую лодочку и отправляли на север по течению реки). При этом обряды совершались как над самим человеком, так и над предметами, которые использовались в лечебных ритуалах и имели соприкосновение с болезнью и больным (например, нитку после обвязывания бородавки закапывали в навоз).

Совершение лечебных обрядов у карелов, как правило, дополнялось богатой словесной магией. Единство рационального и иррационального в карельской

народной медицине отразилось в бытовании заговоров. Заговорно-заклинательной практикой пользовались не только знахари, ряд магических текстов был известен и на бытовом уровне. Произнесение лечебного заговора совместно с магическими действиями называли *ottua vihat* ('снять враждебную силу, зло, воспаление'). Снимали *vihat* от железа, дерева, земли, воды, огня, от укуса змеи. Ранее заговорная традиция была единой для всех этнолокальных групп карелов. По своей структуре заговоры имели много общего, отличаясь только в некоторых чертах. Как правило, по структуре карельские лечебные заговоры состояли из трех частей: 1) обращение (позитивное или негативное); 2) задабривание; 3) просьба забрать недуг.

Второе место по значимости после заговора занимали различные магические предметы, наполненные глубоким сакральным смыслом. К ним относились завязанные узлы, сросшиеся ветки с отверстием внутри, пучки густорастущих веток, олово, ртуть, серебряная стружка и т. д.

В действительности, можно констатировать, что чем сильнее люди верили в силу заговора, колдовское могущество знахаря и магические ритуалы, тем эффективнее оказывалось исцеление. Как правило, рациональные средства также наделяли сверхъестественными свойствами или на стадии изготовления (например, перед смазыванием обожженного места растительным маслом, его заговаривали) или в процессе применения (например, при завязывании шерстяной нитки на место растяжения произносили заговор). Порой, даже самые простейшие действия сопровождали заговором или при любой возможности применяли магические атрибуты.

Некоторые заболевания трактовались как «пришедшие в гости»: оспа, краснуха, корь, тиф. Их нельзя было трогать, т. е. лечить, так как они являлись «гостями». Такие болезни угощали, задабривали подарками. Самыми поздними по происхождению являются представления о болезнях, насланных Богом за грехи. Их появление и распространение связаны с распространением христианства среди карелов в XII–XIII вв.

В процессе своего исторического развития народная медицина карелов накопила определенный лексический материал. В данной работе были рассмотрены карельские народные названия болезней. Всего проанализировано более 350 лексем различного происхождения, в том числе относящихся к основному словарному фонду прибалтийско-финской лексики, балтийским, германским, древнеславянским и русским заимствованиям, отражающим историю карельского народа. В результате переселений по территории России карелам удалось сохранить многие названия болезней прибалтийско-финского и собственного происхождения, а также частично заменить их или дополнить названиями местного русского происхождения. Этнолингвистический, словообразовательный и семантический анализы наименований болезней способствуют более глубокому и детальному исследованию представлений карелов о происхождении заболеваний, их способах врачевания и классификации.

В основе наименований болезней в карельском языке прослеживаются следующие принципы номинации: 1) боль в органах или частях тела. Особенность номинации данной группы слов в том, что все лексеммы указывают на больную часть тела или орган (например, *vačantaudi* ‘боль в животе’ – *vačči* ‘живот’); 2) внешний признак. Симптомы или признаки (приступы, сыпь, короста, нарывы и др.) болезней легли в основу их номинации (например, *veripahka*; *veripahku* ‘гематома’). Внешним признаком гематомы является красно-синий оттенок, выпуклая форма из-за скапливаемой внутри крови. Возможно, поэтому первым компонентом наименований гематомы в карельском языке стала лексема *veri* ‘кровь’, в качестве второго компонента выступает лексема *pahka* ‘опухоль’; 3) время появления. Ряд заболеваний проявляются в определённое время: например, веснушки *kevätti* весной *kevät*; 4) звук, напр. *köhkytes*, *köhkeh* ‘кашель’ от глаг. *köhkeä*, *köhkiä* ‘[сухо] кашлять’.

Формирование лексики языка – это длительный и сложный процесс. Историческое развитие культуры и языка карельского народа оказали влияние на лексику, словарный состав. Этимологический анализ наименований болезней в ка-

рельском языке позволил выделить следующие пласты лексики: 1) исконно прибалтийско-финские названия. К этому периоду относятся такие наименования как, например, *nenä* ‘нос’ (ср. саам. *njuon(n)e*, *njun(n)e* ‘нос’), *viha* ‘зло, воспаление, заражение, ненависть’ (ср. саам. *vâšše* ‘зло’), *ruhka* ‘соринка в глазу’ (ср. саам. *ruhke* ‘мусор, грязь’); 2) названия, характерные: а) для большинства/всех прибалтийско-финских языков; б) для восточной группы прибалтийско-финских языков¹⁶⁰¹ (например, *čuustakko/čuustikko* ‘прыщ’ (ск., ливв., люд.); 3) заимствования¹⁶⁰² (например, *yskä/ysky/ysk* ‘кашель’ (ск., ливв., люд.) (*yskä* < *wunskā- ~ *wunskā- ‘объятие, азарт, пыл’; *driän’i* ‘нагноение глаз, гной’ (ск., ливв., люд.) (ср. русс. дрянь ‘нечистота, гной’), *borodafka* ‘бородавка’ (ск., ливв., люд (ср. укр. бородавка, б. брадавица, сл. *bradavica*)).

Анализ морфологической структуры лексики народной медицины карельского языка выявил, что суффиксация и словосложение – это достаточно продуктивные способы при образовании данной группы лексики. Способ словосложения представляют двухкомпонентные лексемы (например, *veren/juoksu* ‘кровотечение’, *raha/tauti* ‘эпилепсия’. Здесь необходимо отметить, что некоторые из составных слов имеют образцах речи и словарях как раздельное, так и слитное написание. Это связано с проблемой разграничения словосочетаний от сложных слов, поскольку модели словосложения и словосочетания являются аналогами и относятся в младописьменном языке к неустановившейся традиции написания.

Для лексики народной медицины в карельском языке характерны семантические изменения, которые представлены: 1) метафорой (например, *koiranvahnnus* ‘рахит’); 2) расширением значения (например, *bul’ku* ‘волдырь’); 3) переносом значения по сходству (например, *kubi* ‘увеличение щитовидной железы’). Некоторые лексемы утратили свое первичное значение, приобретя новое, которое могло развиваться даже в прозрачной взаимосвязи с первичным значением (например, *yskä* ‘кашель’).

¹⁶⁰¹ Itkonen T. Välikatsaus suomen kielen juriin // Virittäjä. 1983. № 5. S. 351.

¹⁶⁰² См., например, Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1979. S. 269; Kalima J. Itämerensuomalaisen kielten balttilaiset lainasanat. Helsinki, 1936. S. 189.

Кроме того, внешние повреждения, видимые для человека (по изменению цвета кожи, высыпаниям, ранам и др.) имели по понятным причинам большее количество названий в карельском языке, тогда как внутренние болезни описывались обще и неопределенно.

Элементы медицинских представлений нашли отражение в карельском фольклоре (пословицах, поговорках, загадках, фразеологизмах) и народных эпических песнях калевальского размера.

Таким образом, на формирование традиционной культуры карелов, которая включает комплекс народно-медицинских знаний, повлияли хозяйственная деятельность, этнические процессы, природно-географические особенности территории проживания, контактирование с соседними народами и их мировоззрение. У карелов традиционные способы лечения довольно широко бытуют среди сельского населения и на сегодняшний день. Карельская народная медицина сохранила свою этническую самобытность, хотя и немало позаимствовала из опыта соседних родственных народов (вепсы, русские, финны). К категории заимствований необходимо отнести не только элементы культуры, а так же и способы лечения заболеваний, и, несомненно, лексику народной медицины.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

англ.	английский язык
англосакс.	англосаксонский язык (древнеанглийский)
арх.	архангельские говоры (русс.)
б.	болгарский язык
блр.	белорусский язык
букв.	буквально
вен.	венгерский язык
вепс.	вепсский язык
вод.	водский язык
в.-слав.	восточно-славянский говор
г.	город
г., гг.	год, годы
глагол.	глагол
гот.	готский язык
греч.	греческий язык
губ.	губерния
д.	деревня
диал.	диалектное
дон.	донские говоры
др.	другие
дрвнм.	древневерхненемецкий
др.-инд.	древне-индоевропейский
др.норв.	древний норвежский
др.русс.	древний русский
др.швед.	древний шведский
ед. ч.	единственное число

ижор.	ижорский язык
им.	имя (существительное, прилагательное)
инд.	индоевропейский
ИЯЛИ	Институт языка литературы и истории
лат.	латинский язык
латв.	латвийский язык
лив.	ливский язык
ливв.	ливвиковское наречие
лит.	литовский язык
люд.	людиковское наречие
мар.	марийский язык
мед.	медицинский термин
мн. ч.	множественное число
немец.	немецкий язык
ниж.	нижегородское
норв.	норвежский язык
н. э.	нашей эры
обл.	область
п.	поселок
перм.	пермский говоры (русс.)
ПМА–1	Полевой материал автора: Сапожникова, Федулина ¹⁶⁰³
ПМА–2	Полевой материал автора: Прокофьева
ПМА–3	Полевой материал автора: Сапожникова
ПМА–4	Полевой материал автора: Егоров, Егорова, Лессонен, Трофимов, Трофимова
ПМА–5	Полевой материал автора: Ругоева
ПМА–6	Полевой материал автора: Каргуева, Карлова, Торвинен

¹⁶⁰³ Здесь и далее см. Приложение 4. Именной указатель информантов.

ПМА–7	Полевой материал автора: Лобская
ПМА–8	Полевой материал автора: Логинов, Попова, Стафеева
ПМА–9	Полевой материал автора: Жуковская
ПМА–10	Полевой материал автора: Поташова
ПМА–11	Полевой материал автора: Серебрянникова
ПМА–12	Полевой материал автора: Присошкова
ПМА–13	Полевой материал автора: Борисова, Гагарина, Ефимова, Ефремова, Еремина
ПМА–14	Полевой материал автора: Андреева
ПМА–15	Полевой материал автора: Гошкиев, Егорова, Капшина
ПМА–16	Полевой материал автора: Кирьянова, Молокова
ПМА–17	Полевой материал автора: Егорова, Капшина, Сапожникова, Федулина
ПМА–18	Полевой материал автора: Афанасьева, Логинова
ПМА–19	Полевой материал автора: Кабанова
ПМА–20	Полевой материал автора: Гунько, Федулина
ПМА–21	Полевой материал автора: Гошкиев, Гошкиева, Еремина, Плешкова
ПМА–22	Полевой материал автора: Ругоев
ПМА–23	Полевой материал автора: Андреева, Кабанов, Кабанова
ПМА–24	Полевой материал автора: Малафеева, Федулин
ПМА–25	Полевой материал автора: Федулина, Федулина
ПМА–26	Полевой материал автора: Федулина
ПМА–27	Полевой материал автора: Жуковская, Кипрушев, Кипрушева
ПМА–28	Полевой материал автора: Маликин, Маликина
ПМА–29	Полевой материал автора: Ватанен, Кеттунен
ПМА–30	Полевой материал автора: Щербакова

ПМА–31	Полевой материал автора: Графова, Щербакова
ПМА–32	Полевой материал автора: Андреева, Графов, Графова, Кабанов, Кабанова, Леонтьева
ПМА–33	Полевой материал автора: Гришина, Иванова, Ковальчук
ПМА–34	Полевой материал автора: Иммонен, Капшина, Ковальчук, Неволайнен, Силкина
ПМА–35	Полевой материал автора: Егорова, Кабанов, Ковальчук, Щербакова
ПМА–36	Полевой материал автора: Кабанов
ПМА–37	Полевой материал автора: Клеменьева, Присошкова
ПМА–38	Полевой материал автора: Белов, Гречнев, Иванов, Капшина, Кулакова, Макарова, Прячихина
ПМА–39	Полевой материал автора: Гунько
ПМА–40	Полевой материал автора: Еремина, Малафеева, Молокова, Федулин
ПМА–41	Полевой материал автора: Кирьянова, Рослова, Рухтоева
ПМА–42	Полевой материал автора: Клементьев, Клементьева
ПМА–43	Полевой материал автора: Федулин
ПМА–44	Полевой материал автора: Борисова
ПМА–45	Полевой материал автора: Гагарина
ПМА–46	Полевой материал автора: Молокова
ПМА–47	Полевой материал автора: Малафеева, Ковальчук
ПМА–48	Полевой материал автора: Гагарина, Федулина
ПМА–49	Полевой материал автора: Кабанов, Молокова
ПМА–50	Полевой материал автора: Андреева, Графов, Графова, Кабанов, Кабанова, Леонтьева, Малафеева, Федулин
ПМА–51	Полевой материал автора: Гунько, Малафеева, Федулин
ПМА–52	Полевой материал автора: Андреева, Графов, Графова, Гунько, Еремина, Кабанов, Кабанова, Леонтьева, Малафеева
ПМА–53	Полевой материал автора: Букина, Васильева, Зайцева, Зайцева, Родионова, Хаймоева

ПМА–54	Полевой материал автора: Капитонова, Капшина, Малахова, Силин, Силина, Филькина, Фомина
ПМА–55	Полевой материал автора: Родионова, Сазонов, Сергеев, Таможникова, Тимошкина
ПМА–56	Полевой материал автора: Андреев, Андреева, Антипов, Зайков
польск.	польский язык
прилаг.	имя прилагательное
прим.	примечание
р.	река
рис.	рисунок
р-н	район
ряз.	рязанские говоры (русс.)
с.	село
саам.	саамский язык
сер.	середина
сиб.	сибирские говоры (русс.)
сл.	словенский язык
слов.	словообразовательная основа
осн.	
см.	смотрите
совр. нор в.	современный норвежский язык
ср.	сравните
сс.	старославянский
суф.	суффикс
сущ.	имя существительное
т.	том
тв.г.	тверской говор
т. д.	так далее
т. е.	то есть

ТИХВ.Г.	ТИХВИНСКИЙ ГОВОР
Т. К.	ТАК КАК
ТОМСК.	ТОМСКИЕ ГОВОРЫ (РУСС.)
ТЫС.	ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ
У.	УЕЗД
УКР.	УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК
ФИН.	ФИНСКИЙ ЯЗЫК
ФР.	ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК
ШВЕД.	ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК
ЭСТ.	ЭСТОНСКИЙ ЯЗЫК

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Опубликованные источники

1.1.1. Образцы речи

1. Баранцев, А. П. Образцы людиковской речи / А. П. Баранцев. – Петрозаводск : Изд-во Карелия, 1978. – 287 с.
2. Конкка, А. П. Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик. Народная медицина. Знахарство и колдовство / А. П. Конкка // Панозеро : сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск : Juminkeko, ПетрГУ, 2003. С. 386–414.
3. Образцы вепсской речи / Сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. – Л. : Издательство Наука, 1969. – 297 с.
4. Образцы карельской речи: Калининские говоры / Сост. Г. Н. Макаров. – М., Л. : Издательство Академии наук СССР, 1963. – 189 с.
5. Образцы карельской речи / Сост. Г. Н. Макаров, В. Д. Рягоев. – Л. : Изд-во Наука, 1969. – 284 с.
6. Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягоев. – Л. : Изд-во Наука, 1980. – 382 с.
7. Слушаю карельский говор = Kuundelen Karielasta paginatabua : Образцы речи держанских и валдайских карел / Сост. А. В. Пунжина. – Петрозаводск : Периодика, 2001. – 208 с.
8. Elettiinpä ennen Inkeris: Näytteitä inkerinsuomalaisista murteistä / Toim. M. Mullonen. – Petroskoi : Periodika, 2004. – 208 s.
9. Kansanomainen lääkintätietous / Toim. Hako M. – Helsinki : SKS, 1957. – 255 s.
10. Karjalan kielen näytteitä / Julk. E. Leskinen. – Helsinki : SKS, 1932. – 165 s.
11. Karjalan kielen näytteitä / Julk. E. Leskinen. – Helsinki : SKS, 1936. – 202 s.
12. Näytteitä karjalan kielestä. – Joensuu; Petroskoi : Joensuun yliopiston monistuskeskus, 1994. – 457 s.
13. Pahomov M. Kuujärven lyydiläistekstejä. – Helsinki : SUS, 2011. – 233 s.

14. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. – Helsinki : SUST. 130, 1963. – 419 s.
15. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa III. – Helsinki: SUST. 131, 1964. – 402 s.
16. Virtaranta P. Mari Kyyrönen // Eripainos Kalevalaseuran Vuosikirjasta. – № 46, 1966. – S. 113–132.
17. Virtaranta P. Karjalan tekstejä. – Helsinki : SKKOy, 1968. – 86 s.
18. Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. – Porvoo; Helsinki : WSO, 1958. – 804 s.
19. Virtaranta P. Vienan kyliä kiertämässä. – Porvoo; Helsinki : WSO, 1978. – 700 s.
20. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä. Osa VI. – Helsinki : SUST. 218, 1994. – 240 s.
21. Õispuu J. Džorža Karjala tekstid / Toim. P. Palmeos. – Tallinn : Tallinna pedagoogiline instituut, 1990. – 197 s.

1.1.2. Словари

22. Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецевой. – Вып. 4. – М. : МГУ, 1985. – 160 с.
23. Большая советская энциклопедия: В 30 томах / Гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд. 3-е. – М. : Советская энциклопедия, 1974. – Т. 15. – 632 с.
24. Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие) / Т. П. Бойко, Л. Ф. Маркианова – Петрозаводск : Verso, 2011. – 400 с.
25. Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие) / Т. П. Бойко, Л. Ф. Маркианова; Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории. – 2-е изд., перераб. и доп. – Петрозаводск : Периодика, 2016. – 399 с.
26. Вахрос, И. Большой финско-русский словарь / И. Вахрос, А. Щербаков. – М. : Живой язык, 2006. – 816 с.
27. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – 736 с.
28. Деревья и кустарники СССР: в 6-ти томах / ред. С. Я. Соколов. – М., Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1951. – Т. 2. – 611 с.

29. Дмитриев, В. А., Дмитриев, С. В. Медицина народная / В. А. Дмитриев, С. В. Дмитриев, Б. Г. Трубников // Свод этнографических понятий и терминов: Народные знания. Фольклор. Народное искусство / Под ред. Ю. В. Бромлея, Г. Штробаха. – Вып. 4. – М. : Наука, 1991. – С. 71–72.

30. Дуров, И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. – 455 с.

31. Зайков, П. М. Карельско-русский словарь / П. М. Зайков, Л. И. Ругоева. – Петрозаводск : Периодика, 1999. – 224 с.

32. Зайцева, М. И. Словарь вепсского языка / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. – Л. : Изд-во Наука, 1972. – 745 с.

33. Зайцева, Н. Г. Вепско-русский, русско-вепсский учебный словарь / Н. Г. Зайцева, М. И. Муллонен. – Петрозаводск : Карелия, 1995. – 191 с.

34. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Русский язык, 1998. – 848 с.

35. Куликовский, Г. И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собр. на месте и сост. Г. И. Куликовский. – СПб. : Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1898. – 151 с.

36. Лексика по фауне и флоре = Fauna- da florasanasto / Сост. Л. Ф. Маркианова. – Петрозаводск : Периодика, 2005. – 64 с.

37. Лексика по фауне и флоре = Fauna- ta florasanasto / Сост. В. И. Каракина. – Петрозаводск : Периодика, 2005. – 64 с.

38. Маркианова, Л. Карельско-русский словарь (ливвиковское наречие) / Л. Маркианова, Т. Бойко. – Петрозаводск : Карелия, 1996. – 222 с.

39. Новый большой русско-финский словарь: в 2-х т. / Под ред. М. Э. Куусинена – М. : Русс. яз., 1999. – т. 1. – 844 с.; 2000. – т. 2 – 784 с.

40. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : «Сов. Энциклопедия», 1973. – 846 с.

41. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка / А. Г. Преображенский. – М. : ГИС, 1958. – 1284 с.
42. Русско-карельский словарь (севернокарельские диалекты) / Сост. Зайков П.М. [и др.]. – Петрозаводск : Периодика, 2015. – 360 с.
43. Словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. – М. : Русский язык, 1954. – 853 с.
44. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. – Петрозаводск : Карелия, 1990. – 495 с.
45. Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. – Петрозаводск : Карелия, 1994. – 396 с.
46. Словарь русских народных говоров. В. 37. – СПб. : Наука, 2003. – 416 с.
47. Словарь русского языка XI–XVII вв. В. 4. – М. : Изд-во Наука, 1977. – 403 с.
48. Словарь русского языка XI–XVII вв. В. 5. – М. : Изд-во Наука, 1978. – 392 с.
49. Сопоставительно-ономазиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков / Под общей ред. Ю. С. Елисеева, Н. Г. Зайцевой. – Петрозаводск : Изд-во КарНЦ РАН, 2007. – 346 с.
50. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. Т. 1: пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / Под ред. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986. – 576 с.
51. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. Т. 2: пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / Под ред. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986. – 672 с.
52. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. Т. 3: пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / Под ред. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – 864 с.
53. Федотова, В. П. Фразеологический словарь карельского языка: Справочное издание / В. П. Федотова. – Петрозаводск : Карелия, 2000. – 260 с.

54. Федотова, В. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии / В. П. Федотова, Т. П. Бойко. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2009. – 350 с.
55. Karjalan kielen sanakirja. – Helsinki : Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, I – 1968. 576 s., II – 1974. 591 s., III – 1983. 584 s., IV – 1993. 610 s., V – 1997. 634 s., VI – 2005. 782 s.
56. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. – Helsinki : SUS, 1944. – 543 s.
57. Meri V. Sanojen synty. – Jyväskylä : Gummerus, 2002. – 457 s.
58. Nykysuomen sanakirja. – Porvoo; Helsinki; Jyva : WSOY, 2 – 1992. 735 s., 3 – 1992. 753 s., 6 – 1992. 806 s.
59. Pihel K. Pikamäe A. Soome-eesti sõnaraamat. – Tallinn : WSO, 1986. – 457 s.
60. Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. – Helsinki : SKST, 1950. – 426 s.
61. Suomen kielen etymologinen sanakirja. – Helsinki : SUS, I – 1978, II – 1980, III – 1962, IV – 1979, V – 1975, VI – 1978. 2293 s.
62. Suomen sanojen alkuperä. – Helsinki : SKS. I – 1992. 486 s., II – 1995. 470 s., III – 2000. 503 s.
63. Vuorela T. Kansanperinteen sanakirja. – Porvoo; Helsinki; Juva : WSOY, 1979. – 543 s.

1.1.3. Энциклопедии

64. Мифы народов мира: в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Советская энциклопедия, 1988. – Т. 2. – 719 с.
65. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 2. – М. : Большая Российская энциклопедия, ООО «Издательство Мир книги», 2006. – 256 с.
66. Полная энциклопедия народной медицины. – М. : Олма-Пресс, АНС, 1999. – Т.3. – 560 с.
67. Славянская мифология. Энциклопедический словарь : А–Я. – М. : Международные отношения, 2002. – 512 с.

1.1.4. Фольклорные источники

68. Карельские народные загадки / Изд. подготовила Н. А. Лавонен. – Петрозаводск : Карелия, 1982. – 144 с.

69. Карельские народные загадки = Karjalaisie arvoitukšie = Karjalazii arvaituksii : сб. / Отв. ред. В. П. Миронова; ред. Кар. текстов Н. А. Пеллинен, Н. А. Синицкая. – 2-е изд., перераб. и доп. – Петрозаводск : Периодика, 2016. – 256 с.

70. Карельский фольклор: хрестоматия / Изд. подготовила Н. А. Лавонен. – Петрозаводск : Карелия, 1992. – 272 с.

71. Михайловская, М. В. Карельские заговоры, приметы и заплочки / М. В. Михайловская // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Вып. 2. – Л., – 1925. – Т. V. – С. 611–630.

72. Лесков, Н. Загадки карел Олонецкой губернии / Н. Лесков // Живая старина. Вып. 4. – СПб., 1893. – С. 532–540.

73. Огнева, О. Праздники и будни: карельский народный календарь = Ryhät da arret: karjalaine rahvahankalendari / О. Огнева, А. Конкка. – Петрозаводск : Verso, 2013. – 336 с.

74. Песенный фольклор кестеньгских карел / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. – Петрозаводск : Карелия, 1989. – 290 с.

75. Присловья, приметы, обычаи, заговоры и верования простаго народа въ Вытегорском уезде (Воспоминания изъ поездки на родину) // Олонецкие губернские ведомости. – 1892. – № 38. – С. 399–400.

76. Рода нашего напевы: Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов / Сост. Э. С. Киуру, Н. А. Лавонен. – Петрозаводск : Карелия, 1985. – 272 с.

77. Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым: Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи. – СПб. : Издание А. С. Суворина, 1885. – 298 с.

78. Степанова, А. С. Устная поэзия тунгудских карел / А. С. Степанова. Петрозаводск : Периодика, 2000. – 384 с.

79. Mull on kourat kontiolta. Loitsuja ja taikoja / Koonnut P. Sihvo. – Helsinki : SKS, 1986. – 56 s.

80. Suomen kansan vanhat runot: Vienen läänin runot. Osa I (4). – Helsinki : SKS, 1921. – S. 417–816.

81. Suomen kansan vanhat runot: Aunuksen, Tverin ja Novgorodin Karjalan Runot. Osa II. – Helsinki : SKS, 1927. – 842 s.

82. Suomen kansan vanhat runot: Raja- ja Pohjois-Karjalan Runot. Osa IV. – Helsinki : SKS, 1933. – 609 s.

1.1.5. Периодические издания

83. Алимов, Т. М. Знахарство в Карелии / Т. М. Алимов // В помощь просвещенцу. – 1929. – № 1. – С. 17–28.

84. Б. Г. Сельско-хозяйственное птицеводство / Б. Г. // Олонецкая неделя. – 1913. – № 32. – С. 11–12.

85. Бубновский, М. Заговоры карел / М. Бубновский // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. – 1919. – № 10, 11, 12. – С. 221–223.

86. З-ский, Н. Оленеводство в Тихтозерской волости Кемского уезда / Н. З-ский // Архангельские губернские ведомости. – 1910. – № 263. – С. 3.

87. Из быта и верований корел Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. – 1892. – № 74, 75, 76. – С. 779–780, 788–789, 797–798.

88. Из Видлиц // Олонецкие губернские ведомости. – 1865. – № 10. – С. 153.

89. Каменев, А. А. На семужьем промысле (Из быта подужемьян Кемского уезда) / А. А. Каменев // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1910. – № 22. – С. 32–33.

90. Каменев, А. А. Тунгудская волость, Кемского у. / А. А. Каменев // Архангельские губернские ведомости. – 1911. – № 47. – С. 3.

91. М. Г. Салменижская волость / М. Г. // Олонецкие губернские ведомости. – 1866. – № 21, 25. – С. 356–359, 448–450.

92. N. Медицина в Повенецком земстве (факты и мысли) / N. // Олонецкие губернские ведомости. – 1899. – № 46. – С. 2–3.

93. N. Почему у нас мелкий скот / N. // Олонецкая неделя. – 1913. – № 34. – С. 13.

94. N. N. Народные суеверия и предрассудки, знахари и колдуны (в Мяндусельгской волости, Повенецкого уезда) / N. N. // Олонецкие губернские ведомости. – 1875. – № 80. – С. 893–894.

95. Никольский, В. Суеверные приметы Олонецких карел при рождении младенца / В. Никольский // Олонецкие епархиальные ведомости. – 1908. – № 16. – С. 371.

96. Постников, В. Знахарство, виды его и борьба с ним в Архангельской губернии / В. Постников // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. – 1909. – № 5. – С. 23–32.

97. Предания и поверья в Массельско-Паданском приходе Повенецкого уезда // Олонецкие губернские ведомости. – 1870. – № 55. – С. 601–602.

98. Прихожанин. С. Паданы, Повенецкого уезда / Прихожанин // Олонецкие губернские ведомости. 1900. № 30. – С. 2.

99. Самолечение простого народа по травникам // Олонецкие губернские ведомости. – 1884. – № 41. – С. 395–396.

100. Петров, К. Болезни простого народа / К. Петров // Олонецкие губернские ведомости. – 1863. – № 48. – С. 183–189.

101. Повенецкие корелы. Их домашний и общественный быт, поверья и предания // Олонецкие губернские ведомости. – 1863. – № 14, 15. – С. 50, 52–54.

102. Покровский, П. Корел, его быт и занятия (Олонецкий уезд). Предрассудки и поверья корела / П. Покровский // Олонецкие губернские ведомости. – 1873. – № 8. – С. 90–92.

103. Суеверия и предрассудки в простом народе // Олонецкие губернские ведомости. – 1885. – № 74, 75, 76. – С. 656–657, 666–667, 673–674.

104. Чирков, И. Ухтинский приход в религиозно-нравственном и бытовом отношении / И. Чирков // Архангельские губернские ведомости. – 1908. – № 88. – С. 2–3.

105. Fedotova O. Lapsensuanduperindöt // Oma mua. – 2000. – № 29 (504). – S. 4.

106. Gorškova E. Karjalazien perindöt da tavat // Oma mua. – 2000.– № 33 (507), 35 (509). – S. 3.

107. Kudel'nikov I. Dubinan Semoin umbičole // Oma mua. – 1993.– № 2 (109). – S. 4.

108. Mihailova M. Tiedovoičendu // Oma mua. – 1995.– № 34 (246). – S. 4.

109. Mihailova M. Luondon avuttajat // Oma mua. – 1996.– № 23 (285), 26 (289), 27 (290), 29 (292). – S. 4.

110. Patrakka M. Ida Ivanovan kodin kieli ja uskonto // Karjalan heimo. – 2005. – № 9–10. – S. 124–126.

111. W. H. Pahan nenä // Karjalan heimo – 1992. – № 11-12. – S. 183.

1.1.6. Документы, материалы

112. История Карелии в документах и материалах (с древнейших времен до начала XX века) / Сост. Т. А. Варухина, Е. Ю. Матвеева, И. С. Петричева и др. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. – 317 с.

1.1.7. Очерки

113. Оленев, И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги: Путевые очерки с многими рисунками / И. В. Оленев. – Гельсингфорс : Финское лит. об-во, 1917. – 173 с.

114. Ладвинский, Ф. Особенности общественного быта жителей Паданского погоста и о Ребольском приходе Повенецкого уезда Олонецкой губернии / Ф. Ладвинский. – Арх. РГО, р. 25, оп. 1, № 45. – 22 л.

115. Лесков, Н. Отчет о поездке к Олонецким Корелам летом 1893 г. / Н. Лесков // Живая старина. Вып. 1. – СПб., 1894. – С. 19–36.

116. Лесков, Н. Доклад о поездке в Олонецкую губернию летом 1892 г. / Н. Лесков // Живая старина. Вып. 3. – СПб., 1893. – С. 432–436.

117. Лесков, Н. Поездка в Корелу / Н. Лесков // Живая старина. Вып. 3-4. – СПб., 1895. – С. 279–297.

118. Путешествия Элиаса Леннрота: Путевые заметки, дневники, письма 1828–1842 гг. / Пер. с фин. В. И. Кийранен, Р. П. Ремшуевой. – Петрозаводск : Карелия, 1985. – 320 с.

119. Цейтлин, Г. Знахарства и поверья в Поморье (Очерк из быта поморов) / Г. Цейтлин // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1912. – № 1, 4 – С. 8–16, 156–165.

120. Inha I. K. Kalevalan laulumailta: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa. – Helsinki : SKS, 1999. – 437 s.

121. Taulamo S. Vie sinne mun kaihoni: Aunuksen Karjalassa 1941–1944. – Helsinki : Kirjayhtymä, 1985. – 269 s.

122. Virtaranta P., Virtaranta H. Kauas läksit karjalainen: matkamuuistelmia tverinkarjalaisita kylistä. – Söderström : WSOY, 1986. – 320 s.

123. Virtaranta P. Erään tutkimusmatkan kuvaus. Teoksessa Kentältä kentälle: juhlakirja Erkki Alakönnin 70–vuotispäiväksi 2.2.1981. – Tampere : Tampereen yliopiston kansanperinteen laitoksen julkaisu. 10, 1981. – S. 139–174.

124. Virtaranta P. Kynällä kylmällä - kädellä lämpimällä: muistiinpanoja tapauksista ja tapaamisista. – Helsinki : SKS, 1993. – 356 s.

1.1.8. Лингвистические атласы

125. Atlas Linguarum Fennicarum = Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков. II часть. – Helsinki : Vammalan Kirjapaino OY, 2007. – 540 s.

1.1.9. Списки населенных пунктов

126. Список названий населенных пунктов на русском, карельском и вепском языках (в местах компактного проживания карелов и вепсов). – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2006. – 24 с.

127. Список населенных мест Архангельской губернии / Сост. Статистическим бюро. – Архангельск : Типо-Литография С. М. Павлова, 1918. – 108 с.

128. Список населенных мест Карельской АССР (По материалам переписи 1926 года) / Составлен Статистическим Управлением АКССР. – Петрозаводск : Изд.Стат.Управл., 1928. – 159 с.

129. Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. / Сост. И. И. Благовещенский. – Петрозаводск : Олонецкая губернская типография, 1907. – 326 с.

1.1.10. Планы-проспекты, опросники

130. Никонова, Л. И. Историко-этнографическое исследование региона: план-проспект, вопросы и анкеты / Л. И. Никонова, Ю. Н. Мокшина. – Саранск : Тип. «Крас. Окт.», 2003. – 72 с.

1.2. Неопубликованные источники.

Архивные материалы. Фонотека ИЯЛИ КарНЦ РАН

131. ФА ИЯЛИ 2421/2; ФА ИЯЛИ 2427/3; ФА ИЯЛИ 2424/4; ФА ИЯЛИ 2424/5; ФА ИЯЛИ 2425/1; ФА ИЯЛИ 2426/2; ФА ИЯЛИ 3023/14; ФА ИЯЛИ 3023/16; ФА ИЯЛИ 3024/75; ФА ИЯЛИ 3024/84; ФА ИЯЛИ 3064/5; ФА ИЯЛИ 3131/10; ФА ИЯЛИ 3515/60; ФА ИЯЛИ 3516/42; ФА ИЯЛИ 3516/44; ФА ИЯЛИ 3517/6.

2. Литература

2.1. Монографии, статьи, сборники статей

132. Агапкина, Т. А. Болезнь человека / Т. А. Агапкина, В. В. Усачева // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 225–227.

133. Баня и печь в русской народной традиции / РАН. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / Отв.ред. В. А. Липинская. – М. : Intrada, 2004. – 288 с.

134. Баранцев, А. П. О людиковском языковом памятнике начала XVII века / А. П. Баранцев // Советское финно-угроведение. – 1984. – № 4. – С. 298–303.

135. Баранцев, А. П. Людиковские заговоры начала XVII века: тексты, чтение / А. П. Баранцев // Советское финно-угроведение. – 1987. – № 4. – С. 285–295.

136. Белова, О. В. Земля / О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, А. Л. Топорков // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 315–321.

137. Белова, О. В. Красный цвет / О. В. Белова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 647–651.

138. Белова, О. В. Луна / О. В. Белова, С. М. Толстая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2004. – Т. 3. – С. 143–147.

139. Бергштрессер, К. Опыт описания Олонецкой губернии / К. Бергштрессер. – СПб. : Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1838. – 135 с.

140. Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – М. : Индрик, 2007. – 600 с.

141. Богоявленский, Н. А. Медицина у первоселов русского севера: Очерки из истории санитарного быта и народного врачевания X–XVII вв. / Н. А. Богоявленский. – Л. : Медицина, 1966. – 159 с.

142. Большакова, А. В. Участие вепсских женщин в развитии традиционной медицины народности в конце XIX – начале XX вв. / А. В. Большакова // Финно-угорский мир. – 2011. – № 2/3. – С. 50–53.

143. Брехман, И. И. Народная медицина в свете теории информации / И. И. Брехман // Этнографические аспекты изучения народной медицины. – Л. : Наука, 1975. – С. 4–7.

144. Бромлей, Ю. В. Этнос и этнография / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1973. – 283 с.

145. Бромлей, Ю. В. Народная медицина как предмет этнографических исследований / Ю. В. Бромлей, А. А. Воронов // Советская этнография. – 1976. – № 5. – С. 3–18.

146. Бромлей, Ю. В. Современные проблемы этнографии / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1981. – 389 с.

147. Бубрих, Д. В. Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных / Д. В. Бубрих // Известия Карело-Финской научно-исторической базы АН СССР. Вып. 3. – Петрозаводск, 1948. – С. 42–50.

148. Бусарова, В. П. Структура обряда лечения (на примере сяозерских карел) / В. П. Бусарова // Сяозерские чтения: доклады и материалы первой и второй научно-практических конференций / Сост. А. А. Васильев. – Петрозаводск : Изд. Дом «Карелия», 2006. – С. 104–110.

149. Валенцова, М. М. Мусор / М. М. Валенцова, Л. Н. Виноградова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2004. – Т. 3. – С. 337–340.

150. Вейдемманн, А. Об устойчивости некоторых представлений о болезнях в Эстонской народной медицине / А. Вейдемманн // VI Международный конгресс финно-угроведов : Тез.докл. – Сыктывкар : ГЛИ, 1985. – С. 67–68.

151. Верхний Олонец – поселок лесорубов (опыт этнографического описания) / Отв. ред. К. В. Чистов. – М., Л. : «Наука», 1964. – 194 с.

152. Виноградов, Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири: Материалы по народной медицине и ветеринарии. Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния / Г. С. Виноградов // Живая старина. Вып. 4. – СПб., 1915. – С. 325–432.

153. Виноградов, Г. С. К изучению народной медицины у русского населения Сибири. Инструкция и программа. / Г. С. Виноградов – Иркутск : Типография ГубВПО, 1923. – С. 3–14.

154. Виноградова, Л. Н. Веник / Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 307–315.

155. Виноградова, Л. Н. Вода / Л. Н. Виноградова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 386–390.

156. Виноградова, Л. Н. Дверь / Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 25–29.

157. Виноградова, Л. Н. Ночницы / Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2004. – Т. 3. – С. 436–437.

158. В. П. Добро и зло / В. П. // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 99–100.

159. Гура, А. В. Лягушка / А. В. Гура // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2004. – Т. 3. – С. 162–164.

160. Гура, А. В. Медведь / А. В. Гура // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2004. – Т. 3. – С. 211–215.

161. Винокурова, И. Ю. Огонь в мифологии вепсов / И. Ю. Винокурова // Вепсы: История, культура и межэтнические контакты (сборник научных трудов). – Петрозаводск : Изд-во Петрозав.гос.ун-та, 1999. – С. 148–167.

162. Винокурова, И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции) / И. Ю. Винокурова. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. – 448 с.

163. Винокурова, И. Ю. Символика змеи в вепских заговорах / И. Ю. Винокурова // Традиционная культура. – 2006. – № 2. – С. 30–43.

164. Винокурова, И. Ю. Вепские заговоры от змей как источник для реконструкции мифологических представлений / И. Ю. Винокурова // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества : сб. науч. тр.. – Петрозаводск : Редакционно-издательский отдел КарНЦ РАН, 2008. – С. 196–205.

165. Винокурова, И. Ю. Вепско-карельско-русские контакты в Бабаевском и Вытегорском районах Вологодской области (по данным народной демонологии) / И. Ю. Винокурова // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2008. – С. 104–115.

166. Винокурова, И. Ю. Вода в вепсских мифологических представлениях о жизни и смерти / И. Ю. Винокурова // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Гуманитарные исследования. Вып. 1. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2010. – С. 66–76.

167. Винокурова, И. Ю. Банные обряды жизненного цикла человека в вепском культурном ландшафте / И. Ю. Винокурова // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Гуманитарные исследования. Вып. 4. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2012. – С. 57–67.

168. Винокурова, И. Ю. Вепский мифологический пантеон в свете некоторых этапов этнической истории народа (на основе вепского диалектного материала) / И. Ю. Винокурова // Вепские ареальные исследования: Сб. статей. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2013. – С. 174–192.

169. Винокурова, И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия / И. Ю. Винокурова; М-во науки и образования Рос. Федерации, федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозавод.гос.ун-т». – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2015. – 524 с.

170. Винокурова, И. Ю. Этнокультурная история вепсов Прионежья по данным мифологии и обрядности / И. Ю. Винокурова // Истоки Карелии: время, территория, народы. Междисциплинарные исследования. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2015. – С. 168–203.

171. Винокурова, И. Ю. Религиозно-мифологические представления о происхождении болезней в народной медицине вепсов / И. Ю. Винокурова // Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2016. – С. 205–206.

172. Волохина, И. В. Анализ изменений в лечебном комплексе русского населения Омского Прииртышья (XIX–XX вв.) / И. В. Волохина // Культурология традиционных сообществ: Конкурсные работы молодых ученых / Отв. ред. М. Л. Бережнова. – Омск : Изд-во Омск. педагогическ. ун-та, 2002. – С. 89–100.

173. Головкин, А. Н. История Тверской Карелии. Карелы: от язычества к православию / А. Н. Головкин. – Тверь : Издательство Студия-С, 2008 – 432 с.

174. Гришина, И. Е. Крестьянская усадьба. Сегозерцы говорят / И. Е. Гришина, К. К. Логинов, В. П. Орфинский // Деревня Юккогуба и ее округа / Отв. ред. В. П. Орфинский. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2001. – С. 127–176.

175. Грысык, Н. Е. Фольклорный герой: жизненный цикл и жизненная сила / Н. Е. Грысык, И. А. Разумова // Фольклористика Карелии. – Петрозаводск : Изд-во Карел. НЦ РАН, 1993. – С.69–85.

176. Даншова, О. Н. Древние обряды, обычаи и поверья карелов / О. Н. Даншова // Аланго – Алоньсь – Олоньсь – Олонец: сборник научных статей. В. 1. – Олонец : МУП «Спектр», 1999. – С. 39–50.

177. Дранникова, Н. В. Локальные особенности восприятия нечистой силы (Архангельская область) / Н. В. Дранникова, И. А. Разумова // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы» / Отв. ред. И. И. Муллонен. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2010. – С. 266–277.

178. Евсеев, В. Я. Карельский фольклор в историческом освещении / В. Я. Евсеев. – Л. : Издательство «Наука» Ленинградское отделение, 1968. – 202 с.

179. Ершов, В. П. От знахарки до научной лаборатории / В. П. Ершов // Учащимся о религии и атеизме / Под ред. М. П. Яковлевой. – Петрозаводск : Периодика, 1989. – С. 102–116.

180. Забылин, М. Русский народ: Его обычаи, предания, обряды / М. Забылин. – М. : Изд-во Эксмо, 2003. – 608 с.

181. Зайков, П. М. Грамматика карельского языка: фонетика и морфология / П. М. Зайков. – Петрозаводск : Периодика, 1999. – 120 с.
182. Зайков, П. М. Глагол в карельском языке (грамматические категории лица, числа, времени и наклонения) / П. М. Зайков. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2000. – 293 с.
183. Зайцева, Н. Г. Очерки вепсской диалектологии (лингвогеографический аспект) / Н. Г. Зайцева. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2016. – 395 с.
184. Зеленин, Д. К. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР / Д. К. Зеленин // Советская этнография. – 1941. – № 5. – С. 110–125.
185. Иванова, Л. И. К вопросу о бытовании карельской мифологической прозы и некоторых ее персонажах / Л. И. Иванова // Фольклористика Карелии. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 1995. – С. 30–52.
186. Иванова, Л. И. Фито- и зооморфные образы духов-хозяев леса в карельской мифологической прозе / Л. И. Иванова // Финноугроведение. – Йошкар-Ола, 2010. № 1. – С. 49–57.
187. Иванова, Л. И. Культовое почитание дерева в карельском фольклоре / Л. И. Иванова // «Мудрости бо ти имя подадесе...» : сб. ст. к юб. проф. Софьи Михайловны Лойтер / Отв. ред. А. В. Пигин. – Петрозаводск : Изд-во КГПА, 2011. – С. 127–139.
188. Иванова, Л. И. Лесной нос: архаические представления карелов о болезни и магические локусы ритуала исцеления / Л. И. Иванова // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Гуманитарные исследования. Вып. 4. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2012. – С. 68–73.
189. Иванова, Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. Часть первая. / Л. И. Иванова. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 557 с.

190. Иванова, Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева / Л. И. Иванова. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 408 с.
191. Ивантер, Э. В. Птицы / В. Б. Зимин, Э. В. Ивантер. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2002. – 288 с.
192. Ивантер, Э. В. Рыбы / Э. В. Ивантер, Л. П. Рыжков. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2004. – 176 с.
193. Ивантер, Э. В. Млекопитающие Карелии / Э. В. Ивантер. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2008. – 296 с.
194. Ильина, И. В. Обычаи и обряды, связанные с рождением и охраной здоровья ребенка у коми / И. В. Ильина // Традиции и новации в народной культуре коми : Коми филиал АН СССР. – Сыктывкар, 1983. – С. 14–24.
195. Ильина, И. В. Народные врачеватели коми / И. В. Ильина // Традиционное и современное в культуре сельского населения Коми АССР / Труды НИИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 37. – Сыктывкар : Коми филиал АН СССР, 1986. – С. 71–78.
196. Ильина, И. В. Колдун – профессия древняя / И. В. Ильина // Родники Пармы. Вып. 3. – Сыктывкар : Коми кн. Изд-во, 1993. – С. 54–58.
197. Ильина, И. В. Традиционная медицинская культура народов Европейского Северо-Востока / И. В. Ильина. – Сыктывкар : Сыктывкарское книжное издательство, 1997. – 120 с.
198. Ильина, И. В. Народная медицина коми / И. В. Ильина. – Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, 2008. – 236 с.
199. Илюха, О. П. Представления о болезнях и способах лечения детей в карельской традиционной культуре (по данным конца XIX – начала XX в.) / О. П. Илюха // Вопросы воспитания: научно-практический журнал. – 2011. – № 1 (6). – С. 41–51.

200. Илюха, О. П. Забота о здоровье матери и ребенка в карельской деревне конца XIX – начала XX вв.: семейные традиции и профессиональная медицина / О. П. Илюха, Ю. В. Литвин // Общество : философия, история, культура. – 2012. – № 3. – С. 33–41.

201. Илюха, О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. / О. П. Илюха – СПб. : «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2007. – 304 с.

202. История Карелии с древнейших времен до наших дней (История Карелии) / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. – Петрозаводск : Периодика, 2001. – 944 с.

203. Кабакова, Г. И. Нос / Г. И. Кабакова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2004. – Т. 3. – С. 435–436.

204. Карельская АССР: Природа, хозяйство / Карел.филиал АН СССР. – Петрозаводск : Карелия, 1986. – 279 с.

205. Карелы Карельской АССР / Ин-т яз., лит. и истории Карел. филиала АН СССР. – Петрозаводск : Карелия, 1983. – 288 с.

206. Киуру, Э. С. Фольклорные истоки «Калевалы» / Э. С. Киуру, А. И. Мишин. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2001. – 248 с.

207. Клементьев, Е. И. Некоторые особенности этнокультурного развития карельского народа (до начала XX в.) / Е. И. Клементьев, В. Д. Рягоев // Этнография Карелии. – Петрозаводск : Карельский филиал АН СССР, 1976. – С. 45103.

208. Клементьев, Е. И. Карелы: Этнографический очерк / Е. И. Клементьев. – Петрозаводск : Карелия, 1991. – 79 с.

209. Клементьев, Е. И. Карелы: Историко-этнографический очерк / Е. И. Клементьев. – Петрозаводск : Периодика, 2008. – 256 с.

210. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В. В. Колесов. – СПб. : Филологический фак-т Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. – 326 с.

211. Колосова, В. Б. Береза в славянской духовной культуре и быту / В. Б. Колосова // Береза. Сборник статей / Отв. редакторы Н. Н. Казанский, В. Т. Ярмишко. – СПб. : «Наука», 2015. – С. 33–83.

212. Конкка, А. П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел (материалы к описанию обряда) / А. П. Конкка // Обряды и верования народов Карелии / Науч. ред. А. П. Конкка, Э. С. Киуру. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 1988. – С.1–12.

213. Конкка, А. П. Viändöi – время летнего «поворота» в календарной обрядности карел / А. П. Конкка // Обряды и верования народов Карелии. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 1992. – С. 28–46.

214. Конкка, А. П. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов / А. П. Конкка. – Петрозаводск : Изд-во ПетГУ, 2013. – 286 с.

215. Конкка, А. П. Грехи и запреты в повседневном и обрядовом поведении как часть традиционной картины мира у карелов / А. П. Конкка // Культура повседневной карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.). Исследования. Материалы. Документы / Сост. О. П. Илюха. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. – С. 320–333.

216. Конкка, А. П. Великий Сюдю: святочный дух с ликом спасителя. Сяомзерский народный календарь / А. П. Конкка // На плечах Большой Медведицы. Избранные статьи (Юбилейный сборник к 65-летию и 45-летию собирательской деятельности). – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2015. – С. 91–124.

217. Кораблев, Н. А. Традиционные кустарные промыслы и ремесла Карелии: вторая половина XIX – начало XX в. / Н. А. Кораблев. – Петрозаводск : Издательский дом «ПетроПресс», 2009. – 63 с.

218. Кочкуркина, С. И. История и культура народов Карелии и их соседей (средние века). / С. И. Кочкуркина. – Петрозаводск : АУ РК «Информационное агентство «Республика Карелия», 2011. – 240 с.

219. Криничная, Н. А. Язычество и крестьянский быт: мифологические рассказы о лешем как покровителе диких животных и охотников / Н. А. Криничная // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии / Отв. ред. Т. В. Краснопольская. – Петрозаводск : Изд-во Версо, 1993. – С. 112–117.

220. Кузьмин, Д. В. К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте : материалы науч. симп. / Сост. И. И. Муллонен. – Петрозаводск : Ин-т яз., лит. и ист. КарНЦ РАН, 2007. – С. 20–89.

221. Лавонен, Н. А. Функциональная роль порога в фольклоре и верованиях карел / Н. А. Лавонен // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов: Сб. науч. трудов / Под. ред. Б. Н. Путилова. – Л. : Наука, 1984. – С. 171–189.

222. Лавонен, Н. А. Заговоры в кругу религиозно-магических представлений карел (по материалам экспедиций 1975–1984 гг.) / Н. А. Лавонен // Обряды и верования народов Карелии. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1988. – С. 130–139.

223. Лавонен, Н. А. Карельская скатерть: ее функции в народном быту и традиционных обрядах / Н. А. Лавонен // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск : РАН, КарНЦ, Ин-т яз., лит. и истории, 1994. – С. 82–102.

224. Лавонен, Н. А. Стол в верованиях карелов / Н. А. Лавонен. – Петрозаводск : Периодика, 2000. – 176 с.

225. Левкиевская, Е. Е. Знахарь / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 347–350.

226. Левкиевская, Е. Е. Икота / Е. Е. Левкиевская, С. М. Толстая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 402.

227. Левкиевская, Е. Е. Камень / Е. Е. Левкиевская, С. М. Толстая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 448–453.

228. Левкиевская, Е. Е. Металлы / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2004. – Т. 3. – С. 245–248.

229. Левкиевская, Е. Е. Ногти / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2004. – Т. 3. – С. 427–429.

230. Левкиевская, Е. Е. Пояс / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2009. – Т. 4. – С. 230–233.

231. Лесков, Н. Viändyöidy / Н. Лесков // Живая старина. Вып. 3–4. – СПб., 1894. – С. 514–517.

232. Лесков, Н. Представления кореляков о нечистой силе / Н. Лесков // Живая старина. Вып. 3–4. – СПб., 1894. – С. 415–419.

233. Линевский, А. М. Карелы / А. М. Линевский // Советская этнография. Вып. 5. – М., Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1941. – С. 89–109.

234. Логинов, К. К. Домашний мифологический «устав» / К. К. Логинов // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии / Отв. ред. Т. В. Краснопольская. – Петрозаводск : Изд-во Версо, 1993. – С. 125–126.

235. Логинов, К. К. Родильная обрядность и способы лечения младенческих недугов / К. К. Логинов // История и культура Сямозерья / Под ред. В. П. Орфинского, И. Е. Гришиной. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2008. – С. 247–254.

236. Логинов, К. К. Великие «тиедяд» Сямозерья на закате древней традиции / К. К. Логинов // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию пол-

ного издания «Калевалы» / Отв. ред. И. И. Муллонен. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2010. – С. 277–288.

237. Мазалова, Н. Е. (Грысык) Народная медицина в современной севернорусской деревне / Н. Е. Мазалова (Грысык) // Этнографическая наука и этнокультурные процессы. Способы взаимодействия (сб.статей). – СПб. : МАЭ РАН, 1993. – С. 99–112.

238. Мазалова, Н. Е. Человек в традиционных соматических представлениях русских / Н. Е. Мазалова; Рос. акад. наук. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб. : Петерб. востоковедение (ПВ), 2001. – 185 с.

239. Мазалова, Н. Е. Этнографические аспекты изучения личности «знающего» (XIX – начало XXI в.) / Н. Е. Мазалова. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2011. – 304 с.

240. Мазалова, Н. Е. «Знающие» Кенозера: магическая сила и «тайное» знание / Н. Е. Мазалова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2014. – № 6. – С. 25–34.

241. Мазалова, Н. Е. Социальный статус «знающих» в традиционном русском обществе (по материалам Поволжья XIX – начала XX в.) / Н. Е. Мазалова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. – 2016. – № 2(38). – С. 33–45.

242. Майнов, В. Поездка в Обонежье и Корелу / В. Майнов. – СПб, 1877. – 318 с.

243. Макаров, Г. Н. Из наблюдений над языком карельских пословиц / Г. Н. Макаров // Прибалтийско-финское языкознание (вопросы грамматики и лексикологии). – М. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1963. – С. 54–64.

244. Меркулова, В. А. Народные названия болезней (На материале русского языка) / В. А. Меркулова // Этимология. М. : Изд-во Наука, 1969 – С. 158–172.

245. Миронова, В. П. Фольклорные традиции Ведлозерья / В. П. Миронова. – Петрозаводск : Verso, 2013. – 414 с.

246. Муллонен, И. И. Формирование диалектной карты карельского языка / И. И. Муллонен // Истоки Карелии: время, территория, народы. Междисциплинарные исследования. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2015. – С. 149–167.

247. Народы Европейской части СССР / Под ред. В. Н. Белицер, Н. И. Воробьева // Народы мира. Этнографические очерки / Под общей ред. С. П. Толстова. – М. : Издательство «Наука», 1964. – Т. II. – 918 с.

248. Нестерова, Л. А. Морфологическое строение ландшафтов востока Ленинградской области / Л. А. Нестерова // Тихвинская водная система: 300 лет идее создания, 200 лет от начала эксплуатации: материалы межрегиональной научной конференции 10–12 октября 2011 г. (г. Тихвин) / Науч. ред. Е. М. Нестеров. – СПб., Тихвин : Русское географическое общество, РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. – С. 12–13.

249. Никольская, Р. Ф. Баня в быту карельского и финского крестьянства // Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии (Тезисы докладов) / Р. Ф. Никольская. – Тарту : ТГУ, 1979. Ч. 1. – С. 211–213.

250. Никольская, Р. Ф. Карельско-саамские этнокультурные связи // Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии (Тезисы докладов) / Р. Ф. Никольская. – Петрозаводск : Карельский филиал АН СССР, 1981. – С. 34–35.

251. Никольская, Р. Ф. Карелы (очерк) / Р. Ф. Никольская // В краю Калевалы: сборник / Сост. С. А. Панкратов. – М.: Современник, 1989. – С. 23–42.

252. Никольская, Р. Ф. Баня в семейном быту карел / Р. Ф. Никольская, Ю. Ю. Сурхаско // Обряды и верования народов Карелии. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1992. – С. 68–86.

253. Никольская, Р. Ф. О карельской народной медицине: рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании / Р. Ф. Никольская,

Ю. Ю. Сурхаско // Обряды и верования народов Карелии. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1994. – С. 103–121.

254. Никонова, Л. И. Традиционная медицина тюрских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения / Л. И. Никонова. – Рузаевка, 2000. – 156 с.

255. Никонова, Л. И. Народная (традиционная) медицина – один из источников изучения природных ресурсов Урало-Поволжского региона (по полевым материалам 1991-2000 гг.) / Л. И. Никонова // Источники по истории изучения природных ресурсов бассейна реки Волги: материалы научной конференции / Отв. ред. В. К. Рахилин. – М. : Институт истории и естествознания и техники им. С. И. Вавилова, 2001. – С. 116–127.

256. Никонова, Л. И. Как лечились народы Поволжья и Приуралья / Л. И. Никонова, И. А. Кандрина. – Саранск : Ковылк.тип., 2005. – 213 с.

257. Никонова, Л. И. Традиционная медицина народов Севера и Камчатки в межкультурном пространстве России: к актуализации изучения народной культуры / Л. И. Никонова // Рябининские чтения – 2007 / Отв. ред. Т. Г. Иванова. – Петрозаводск : Музей-заповедник «Кижы», 2007. – С. 248–256.

258. Никонова, Л. И. Традиционная культура сохранения здоровья народов, проживающих в Республике Мордовия: историко-этнографический аспект: монография / Л. И. Никонова, И. А. Кандрина, Л. Н. Щанкина / под ред. В. А. Юрченкова, Л. И. Никоновой. – Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия; Пенза : Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. – 528 с.

259. Никонова, Л. И. Магия и заговоры у мордвы: штрихи из жизни / Л. И. Никонова. – Saarbrücken, Germany : Изд-во LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 286 с.

260. Никонова, Л. И. Народная медицина мордвы: такая простая и загадочная / Л. И. Никонова, И. А. Кандрина, М. Н. Романова. – Саранск : Ковылк.тип., 2011. – 350 с.

261. Никонова, Л. И. «Будь крепким как дуб, нежным как береза»: традиционные способы сохранения здоровья у мордвы (историко-этнографический аспект) / Л. И. Никонова. – Saarbrücken, Germany : Изд-во LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 337 с.

262. Новак, И. П. Полевые аудиозаписи А. В. Пунжиной как источник информации о повседневной жизни тверской карельской семьи конца XIX – начала XX в. / И. П. Новак // Культура повседневной карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.). Исследования. Материалы. Документы / Сост. О. П. Илюха. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. – С. 69–84.

263. Орфинский, В. П. Традиционный карельский дом / В. П. Орфинский, И. Е. Гришина. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009. – 480 с.

264. Павлова, И. В. Из истории становления медицинского дела в Олонце / И. В. Павлова // Аланго – Алоньсь – Олоньсь – Олонец: сборник научных статей. В. 1. – Олонец : МУП «Спектр», 1999. – С. 26–32.

265. Павлова, М. Р. Веретено / М. Р. Павлова, Н. И. Толстой // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 340–342.

266. Петрухин, В. Я. Мифы финно-угров / В. Я. Петрухин. – М.: Астрель : АСТ: Транзиткнига, 2005. – 463 с.

267. Пивоев, В. М. Культура Карелии / В. М. Пивоев. – Петрозаводск : Verso, 2003. – 152 с.

268. Плотникова, А. А. Уголь / А. А. Плотникова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2012. – Т. 5. – С. 346–350.

269. Попов, Г. И. Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева / Г. И. Попов. – СПб. : Типография А. С. Суворина, 1903. 401 с.

270. Попов, Р. Народная этимология и культ святых / Р. Попов // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты

Ильича Толстого (1923-1996) / Отв. редактор С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2004. – С. 131–137.

271. Поповкина, Г. С. Посвящение как этап становления знахаря у восточных славян / Г. С. Поповкина // Россия и АТР. – 2003. – № 3. – С. 101–108.

272. Порозова, А. Д. Место традиционной народной медицины в современной жизни этноса (на примере Ульяновской области) / А. Д. Порозова // Современные наукоемкие технологии. – 2006. – № 7. – С. 59–62.

273. Потахин, С. Б. Историко-природно-хозяйственное районирование территории Карелии (XIX начало XX в.) / С. Б. Потахин // Истоки Карелии: время, территория, народы. Междисциплинарные исследования. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2015. С. 204216.

274. Пошман, А. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философском, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении...составленное в 1802 году / А. Пошман. – Архангельск : Губ.типография, 1866. – Т.1. – 196 с.

275. Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н.Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 2003. – 671 с.

276. Пьянкова, К. В. Соль / К. В. Пьянкова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2012. – Т. 5. – С. 113–119.

277. Рягоев, В. Д. Тихвинский говор карельского языка / В. Д. Рягоев. – Л. : Издательство «Наука», 1977. – 287 с.

278. Семакова, И. Б. Материалы по традиционной медицине вепсов (мифологический аспект) / И. Б. Семакова, В. В. Рогозина // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). – Петрозаводск : Изд-во КарНЦ РАН, 2006. – С. 302–314.

279. Семенцов, М. В. Использование средств и продуктов животного происхождения в народной медицине кубанских казаков / М. В. Семенцов // Итоги

фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2002 год. Дикаревские чтения (9): материалы Региональной науч. конф. – Краснодар : Изд-во «Крайбибколлектор», 2003. – С.75–90.

280. Симонсуури, Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов / Л. Симонсуури / Пер. с нем. Н. А. Прушинской. – Петрозаводск : Карелия, 1991. – 209 с.

281. Скачков, А. Приметы и суеверия о ноже (по материалам этнографических экспедиций) / А. Скачков // Сямозерские чтения: доклады и материалы первой и второй научно-практических конференций / Сост. А. А. Васильев. – Петрозаводск : Изд. Дом «Карелия», 2006. – С. 119–122.

282. Складьевский, Л. Я. Лекарственные растения в быту / Л. Я. Складьевский, И. А. Губанов. – М. : Россельхозиздат, 1968. – 220 с.

283. Соборнов, А. К истории культуры Олонецкой Карелы / А. Соборнов // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 1. – 1875–1876. – С. 123–138.

284. Степанова, А. С. Тунгудские карелы / А. С. Степанова // Фольклористика Карелии. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 1993. – С. 156–164.

285. Степанова, Ю. В. Тверские карелы в XVIII в.: территориально-демографическая характеристика / Ю. В. Степанова, А. И. Савинова // Carelica. – 2014. – № 2 (12). – С. 57–74.

286. Сурхаско, Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел: Конец XIX – начало XX в. / Ю. Ю. Сурхаско – Л. : Наука, 1985. – 170 с.

287. Сурхаско, Ю. Ю. Проявления двоеверия в традиционной семейной обрядности карел / Ю. Ю. Сурхаско // Православие в Карелии: история и современность: Атеистические очерки. – Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 1987. – С. 46–61.

288. Сурхаско, Ю. Ю. Карельские колдуны / Ю. Ю. Сурхаско // Учащимся о религии и атеизме / Под ред. М. П. Яковлевой. – Петрозаводск : Периодика, 1989. – С. 93–101.

289. Сушкова, Ю. Н. Этноправосудие у мордвы / Ю. Н. Сушкова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. – 576 с.

290. Тароева, Р. Ф. Материальная культура карел, населяющих северные районы КФССР (1917-1955 гг.) / Р. Ф. Тароева // Научная сессия, посвященная 10-летию деятельности Карело-Финского филиала Академии наук СССР и итогам научно-исследовательских работ за 1955 г. (тезисы докладов). – Петрозаводск : Карело-Финский филиал Академии наук СССР, 1956. – С. 1–3.

291. Тароева, Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): Этнографический очерк / Р. Ф. Тароева. – М., Л. : Издательство «Наука», 1965. – 225 с.

292. Титова, М. А. Карельский ведун «tiedoiniekkku»: социально-психологический портрет (на южно-карельском материале) / М. А. Титова // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии: Сб. науч. ст. / Под ред. П. М. Зайкова, Т. И. Старшовой. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2005. – С. 288–297.

293. Токарев, С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX в. / С. А. Токарев. – М., Л.: Изд. АН СССР, 1957. – 163 с. Толстая С. М. Воскресенье / С. М. Толстая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 444–445.

294. Толстая, С. М. Вторник / С. М. Толстая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 455–458.

295. Толстая, С. М. Хлеб / С. М. Толстая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2012. – Т. 5. – С. 412–421.

296. Толстая, С. М. Четверг / С. М. Толстая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2012. – Т. 5. – С. 534–536.

297. Толстиков, Г. А. Береза лечила и будет лечить / Г. А. Толстиков, А. Г. Толстиков // Береза: Сб. статей / Отв. редакторы Н. Н. Казанский, В. Т. Ярмишко. – СПб. : «Наука», 2015. – С. 83–127.

298. Топорков, А. Л. Решето / А. Л. Топорков // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2009. – Т. 4. – С. 432–437.

299. Топоров, В. Н. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера / В. Н. Топоров // Этимология. 1967. – М. : Изд-во Наука. – С. 11–21.

300. Торэн, М. Русская народная медицина и психотерапия / М. Торэн. – СПб : Литера, 1996. – 496 с.

301. Туюнен, С. В. К вопросу о влиянии христианства на фольклор (христианские элементы в карельских заговорах) / С. В. Туюнен // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии / Отв. ред. Т. В. Краснопольская. – Петрозаводск : Изд-во Версо, 1993. – С. 132–141.

302. Туюнен, С. В. Помощники заговаривающего / С. В. Туюнен // Фольклористика Карелии / Отв. ред. Э. С. Киуру. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1998. – С. 59–74.

303. Усачева, В. В. Грыжа / В. В. Усачева // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 568–569.

304. Усачева, В. В. Оспа / В. В. Усачева // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2004. – Т. 3. – С. 575–578.

305. Усачева, В. В. Падучая / В. В. Усачева // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2004. – Т. 3. – С. 611–616.

306. Филатова, В. Ф. Древнейшее население в природно-культурном ландшафте Карелии / В. Ф. Филатова // Истоки Карелии: время, территория, народы.

Междисциплинарные исследования. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2015. – С. 8–34.

307. Фишман, О. М. «Отче» и колдуны: образы жизни карельской старообрядческой общины / О. М. Фишман // Обряды и верования народов Карелии. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1994. – С. 132–143.

308. Фишман, О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы / О. М. Фишман. – М. : Издательство «Индрик», 2003. – 408 с.

309. Фишман, О. М. Символизация локальной культуры: старообрядческие группы тихвинских и тверских карел / О. М. Фишман // Рябининские чтения – 2003: Материалы Межд. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера / Отв. ред. Т. Г. Иванова. – Петрозаводск : Музей-заповедник «Кижы», 2003. – С. 260–262.

310. Фишман, О. М. Знающая – больная: из опыта полевой автобиографии / О. М. Фишман // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Сборник статей памяти Ю. Ю. Сурхаско. Гуманитарные исследования. Вып. 2 / Ред. А. П. Конкка. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2009. – С. 135–172.

311. Фишман, О. М. Факторы формирования природно-хозяйственного пространства микролокальной группы (тихвинские карелы) / О. М. Фишман // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Сер. : Общественные и гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (114). – С. 15–21.

312. Хайду, П. Уральские языки и народы. / П. Хайду. – М. : Прогресс, 1985. – 430 с.

313. Харузин, Н. Этнография: лекции, читанные в Императорском Московском Университете. Вып. 4 / Н. Харузин / Под ред. В. Харузиной. – СПб. : Государственная типография, 1905. – 295 с.

314. Чалая, И. П. Культурно-ландшафтное районирование Тверской области / И. П. Чалая, Ю. А. Веденин. – М. : Российское НИИ культурного и природного наследия, 1997. – 286 с.

315. Чернов, В. Н. Лекарственные растения Карелии / В. Н. Чернов. – Петрозаводск : Госиздат Карельской АССР, 1958. – 35 с.

316. Чернякова, И. А. Карельские волости и их обитатели как объект добрых намерений имперского правительства в XIX веке / И. А. Чернякова // *Carellica* : научный электронный журнал. – 2013. – № 1(10). – С. 70–81.

317. Шабаев, Ю. П. Баня в народной медицине пермских и волжских финнов / Ю. П. Шабаев, Г. И. Мальцев // *Этнографическое обозрение*. – 2004. – № 5. – С. 53–66.

318. Шикалов, Ю. Г. Здравоохранение в Кемском уезде в конце XIX – начале XX века / Ю. Г. Шикалов // *Народ, разделенный границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг. : эволюция национального самосознания, религии и языка: сборник научных статей / науч.ред. Ю. Г. Шикалов, Ю. Кокконен. – Joensuu, Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2011. – С. 97–115.*

319. Юдин, А. В. Персонифицированные болезни и способы борьбы с ними в народной культуре восточных славян / А. В. Юдин // *Studia Litteraria Polono-Slavica*, 6: *Morbus, medicamentum et sanus. Choroba, lek i zdrowie*. Warszawa : SOW, 2001. – С. 75–96.

320. Ясинская, М. В. Скатерть / М. В. Ясинская // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2012. – Т. 5. – С. 8–12.*

321. Astedt K. *Mytologisista nenä – yhdynnäisistä* // *Kalevalaseuran vuosikirja*. – № 40. Porvoo; Helsinki : WSO, 1960. – S. 307–322.

322. Genets A. *Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä*. – Helsinki : Suomi II:14, 1880. – S. 3–247.

323. Genets A. *Tutkimus Aunuksen kielestä*. – Helsinki : Suomi II:17, 1885. – S. 3–194.

324. Hakamies P. *Sauna ja kansanomaisen terveydenhoito* // *Kansa parantaa / Toim. P. Laaksonen, U. Piela*. – Helsinki : SKS, 1983. – S. 275–280.

325. Hakulinen L. Kielen näkymiä (kirjoitelmia suomen kielen tutkimuksen ja opetuksen alalta). – Helsinki : SKS, 1970. – 112 s.
326. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. – Helsinki : Otava, 1979. – 633 s.
327. Hautala J. «Käki tuo suven sanoman» (Muuttolintujen ym. pilauksesta) // Kalevalaseuran vuosikirja. – № 35. Porvoo; Helsinki : WSO, 1955. – S. 123–147.
328. Heikinmäki M-L. Varissaappaat ja teerenpilkut (Muuttolintujen pilauksesta) // Virittäjä. – 1976. – № 5. – S. 459–479.
329. Hämäläinen-Forslund P. Maammon marjat. Entisaikain lasten elämää. – Porvoo-Helsinki-Juva : WSOY, 1987. – 280 s.
330. Hänninen O. Kuppaus, elävää kansanparannustaitoa // Kansa parantaa / Toim. P. Laaksonen, U. Piela. – Helsinki : SKS, 1983. – S. 298–303.
331. Itkonen T. Välikatsaus suomen kielen juriin // Virittäjä. – 1983. – № 5. – S. 349–383.
332. Kalima J. Suomen rikki sanasta // Kalevalaseuran vuosikirja. – № 14. Porvoo; Helsinki : WSO, 1934. – S. 68–70.
333. Kalima J. Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat. – Helsinki : SKST, 1936. – 252 s.
334. Kalima J. Eräästä rokkotaudin nimestä // Kalevalaseuran vuosikirja. – № 29. Porvoo; Helsinki : WSO, 1949. – S. 41–44.
335. Karjalainen E, Takala V. Utjärven uljaat naiset. – Helsinki : WSOY, 2002. – 100 s.
336. Koski M. Värien nimitykset suomessa ja lähisukukielissä. – Savonlinna : WSOY, 1983. – 366 s.
337. Länsimäki M. Kun paha pieksää ja ihminen kuoleskelee (epilepsian kansanomaiset nimitykset) // Kielen kannoilla / Toim. R. Pitkänen, H. Suni, S. Tanner. – Helsinki : Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1996. – S. 202–212.
338. Lyytinen L. Priusan kolkkejaiset. – Kalevala; Uhtua : FINNPAP, 1996. – 55 s.

339. Manninen I. Kansanomaisen tautiopin alalta // Kalevalaseuran vuosikirja. – № 13. Porvoo; Helsinki : WSO, 1933. – S. 141-152.
340. Nirvi R. E. Eräistä likaa ja rikkaa merkitsevien sanojen käyttötavoista // Virittäjä – 1950. – № 54. – S. 398–424.
341. Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa / Toim. P. Laaksonen, U. Piela. – Helsinki : SKS, 1983. – S. 225–230.
342. Paulaharju S. Kolttain mailta: kansatieteellisiä kuvauksia Kuollan-Lapista. – Helsinki : Kustannusosakeyhtiö kirjan kirjapaino, 1921. – 202 s.
343. Paulaharju S. Kun korven tietäjät taikovat tauteja // Nuori Suomi: XXIX joulualbumi. – Helsinki : Uusi Kirjapaino Oy, 1919. – S. 136–157.
344. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. – Porvoo : WSO, 1924. – 186 s.
345. Paulaharju S. Karjalainen sauna. – Helsinki : SKS, 1982. – 109 s.
346. Pekkola A. Hammasta särkee. – Helsinki : Unigrafia, 2016. – 258 s.
347. Pelkonen R. Lääketieteen juurilla // Kalevalaseuran vuosikirja. Lönnrotin hengessä. – № 81. – Helsinki : WSO, 2002. – S. 157–169.
348. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). – Helsinki : SKS, 1971. – 388 s.
349. Piela U. Kansanparannuksen kerrotut merkitykset Pohjois-Karjalassa 1800-1900-luvuilla. – Joensuu : Kopijyvä, 2010. – 130 s.
350. Punttila M. Elimäkeläistä kansanelämää: Antti Kujalan muistiinpanoja vuosilta 1903–1915. – Helsinki : SKS, 1990. – 285 s.
351. Punttila M. Impilahden Karjalaa. – Helsinki : Kotimaisten Kielten Tutkimuskeskuksen Julkaisuja. 64, 1992. – 126 s.
352. Rautavaara T. Miten luonto parantaa. Kansanparannuskeinoja ja luontaislääketiedettä. – Porvoo; Helsinki; Juva : WSO, 1980. – 286 s.
353. Ruotsalainen A. Pikkulasten «harjakset» // Kalevalaseuran vuosikirja. – № 31. – Porvoo; Helsinki : WSO, 1951. – S. 179–199.

354. Ruotsalainen A. Korvatautien kansanomaisen lääkintä // Kalevalaseuran vuosikirja. – № 32. – Porvoo; Helsinki : WSO, 1952. – S. 155–177.
355. Ruutu M. Kansantapoja ja uskomuksia Karjalankannaksen itäosissa. – Helsinki : SKST. 186, 1931. – 135 s.
356. Siikala A-L. Miten vanhaa pohjaa on parantamisnäytelmän kaava? // Lännen maita ja Karjalan kyliä / Toim. S-L. Laatonen. – Porvoo-Helsinki-Juva : WSOY, 1978. – S. 291–301.
357. Stepanova A. Tunkuan karjalaisten kansanrunous // Kolme on Kovaa Sanaa: kirjoituksia kansanperinteestä. – Helsinki : SKS, 1991. – S. 251–256.
358. Strandberg H. Kuppari ja kuppaaaminen // Kansa parantaa / Toim. P. Laaksonen, U. Piela. – Helsinki : SKS, 1983. – S. 281–290.
359. Tšikalov J. Vienassa elettiin kyllä pitkään, – jos vain hengissä selvittiin // Karjalan heimo. – 2000. – № 11–12. – S. 154–156.
360. Tynni A. Käsä~käsä sana suomen murteissa // Virittäjä. – 1934. – № 38.– S. 267–269.
361. Veidemann A. Ruusutaudin hoitokeinot Virossa // Kansa parantaa / Toim. P. Laaksonen, U. Piela. – Helsinki : SKS, 1983. – S. 203–216.
362. Viljanto A. Salmi: Salmin pitäjän muistojulkasu. – Jyväskylä : Gummerus kirjapaino OY, 1991. – 384 s.
363. Vilkuna K. Käen ym. muuttolintujen pilauksesta // Kalevalaseuran vuosikirja. – № 9. Porvoo : WSO, 1929. – S. 110–116.
364. Virtanen L. Suomalainen kansanperinne. – Helsinki: SKST, 1999. – 319 s.
365. Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. – Porvoo; Helsinki : WSO, 1961. – 271 s.
366. Virtaranta P. Polku sammui. – Vammala : Vammalan Kirjapaino OY, 1972. – 263 s.
367. Virtaranta P. Tverinkarjalasta parannustietoa // Kansa parantaa / Toim. P. Laaksonen, U. Piela. – Helsinki : SKS, 1983. – S. 231–241.

368. Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. – Porvoo; Helsinki : WSOY, 1975. – 776 s.

369. Vuorinen H. Tauti(n)en historia. – Tampere : Vastapaino, 2002. – 375 s.

370. Ylinen H. Miten kansa paransi. – Joensuu : Puna Musta, 1990. – 104 s.

2.2. Диссертации и авторефераты

371. Андреева Л. Ю. Верхневолжские карелы: формирование и историческое развитие в условиях Российской Империи (XVIII – начало XX вв.): автореф.дисс. ...канд.истор.наук / Андреева Лилия Юрьевна. – М., 2011. – 25 с.

372. Булкин А. А. Географическая разобщенность и субэтносы карел: автореф.дисс. ...канд.географ.наук / Булкин Александр Анатольевич. – СПб., 2005. – 24 с.

373. Пашкова Т. В. Народные названия болезней в карельском языке: автореф.дисс. ...канд.филол.наук / Пашкова Татьяна Владимировна. – Петрозаводск, 2008. – 18 с.

374. Харитоновна В. И. Народные магико-медицинские практики, традиция и современность: Опыт комплексного системно-феноменологического исследования: автореф.дисс. ...док.истор.наук / Харитоновна Валентина Ивановна. – Москва, 2000. – 84 с.

2.3. Электронные публикации

375. Карело-русско-финский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://sanakniigu.onego.ru> (дата обращения: 25.09.2015).

376. Кириленко Е. И. Круг болезней в языковом сознании и медицинской традиции русских: опыт классификации по материалам словаря В.И. Даля [Электронный ресурс] // Медицинская антропология и биоэтика. Вып.3., 2012. URL: www.medanthro.ru/?page_id=1055 (дата обращения: 18.02.2016).

377. Логинов К. К. Колдовство, культы, обереги на территории Карелии [Электронный ресурс] // Сайт Воттоваара: Портал Людей Знания. URL:

<http://www.vottovaara.ru/koldovstvo-kulti-oberegi-na-territorii-karelii.html> (дата обращения: 5.07.2014).

378. Мазалова Н. Е. Русский колдун и его помощники [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-188-6/978-5-88431-188-6_21.pdf (дата обращения: 12.10.2016).

379. Юрчак О. Баня в быту и обрядах тихвинских карел (по материалам полевых исследований 2002 г.) [Электронный ресурс] // Сайт Олонец.ru: олонецкий городской портал URL: www.olonec.ru/banya.php (дата обращения: 19.01.2017).

380. Forsius A. Kuvauksia lääketieteen historiasta [Электронный ресурс]. URL: www.saunalahti.fi/arnoldus/haklaa.html (дата обращения: 15.06.2010).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Схема и карты диалектов карельского языка

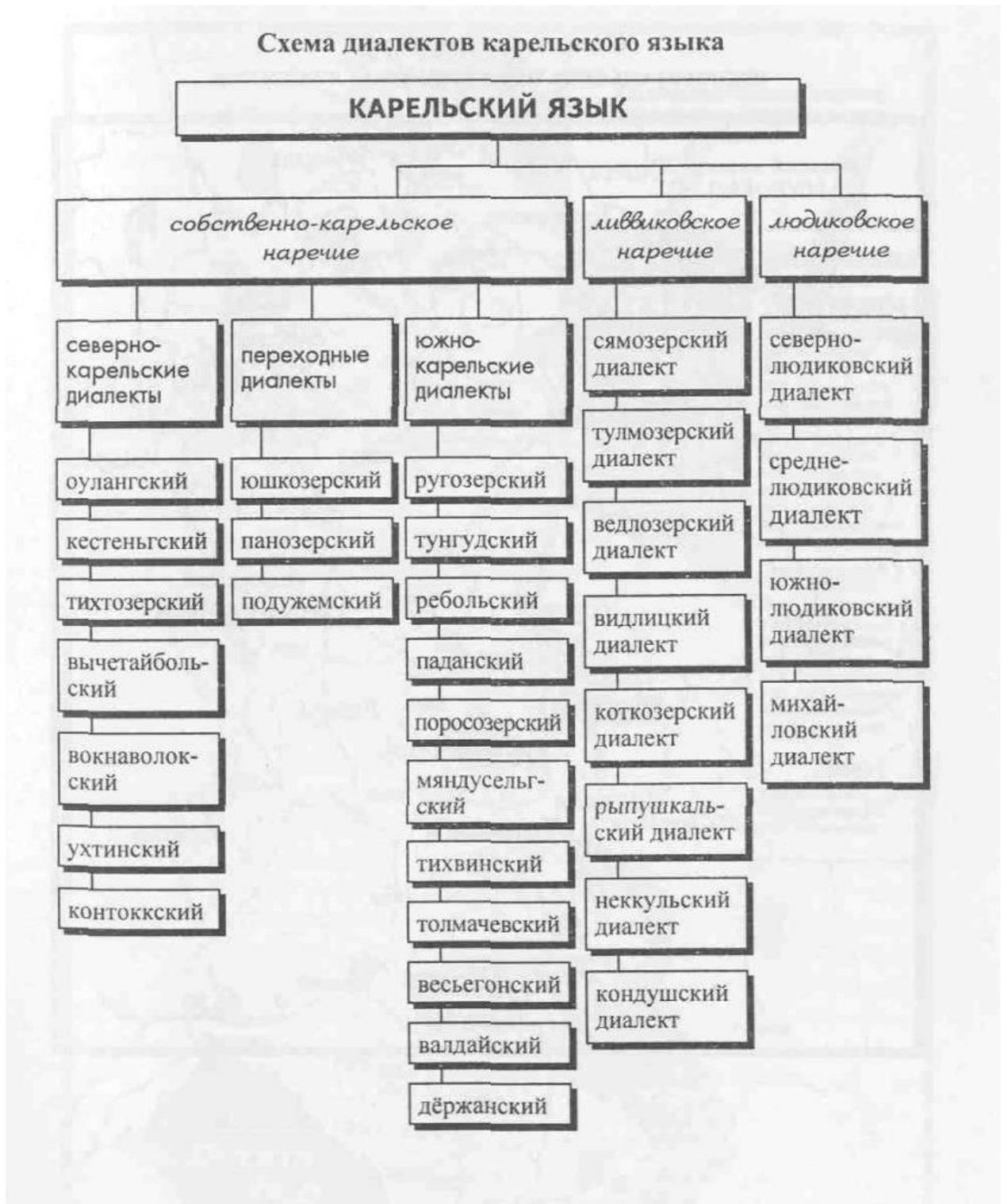

Рисунок 1 – Схема диалектов карельского языка [Зайков, 2000, с. 27]

Рисунок 2 – Схематическая карта южнокарельских периферийных диалектов

[Зайков, 2000, с. 28]

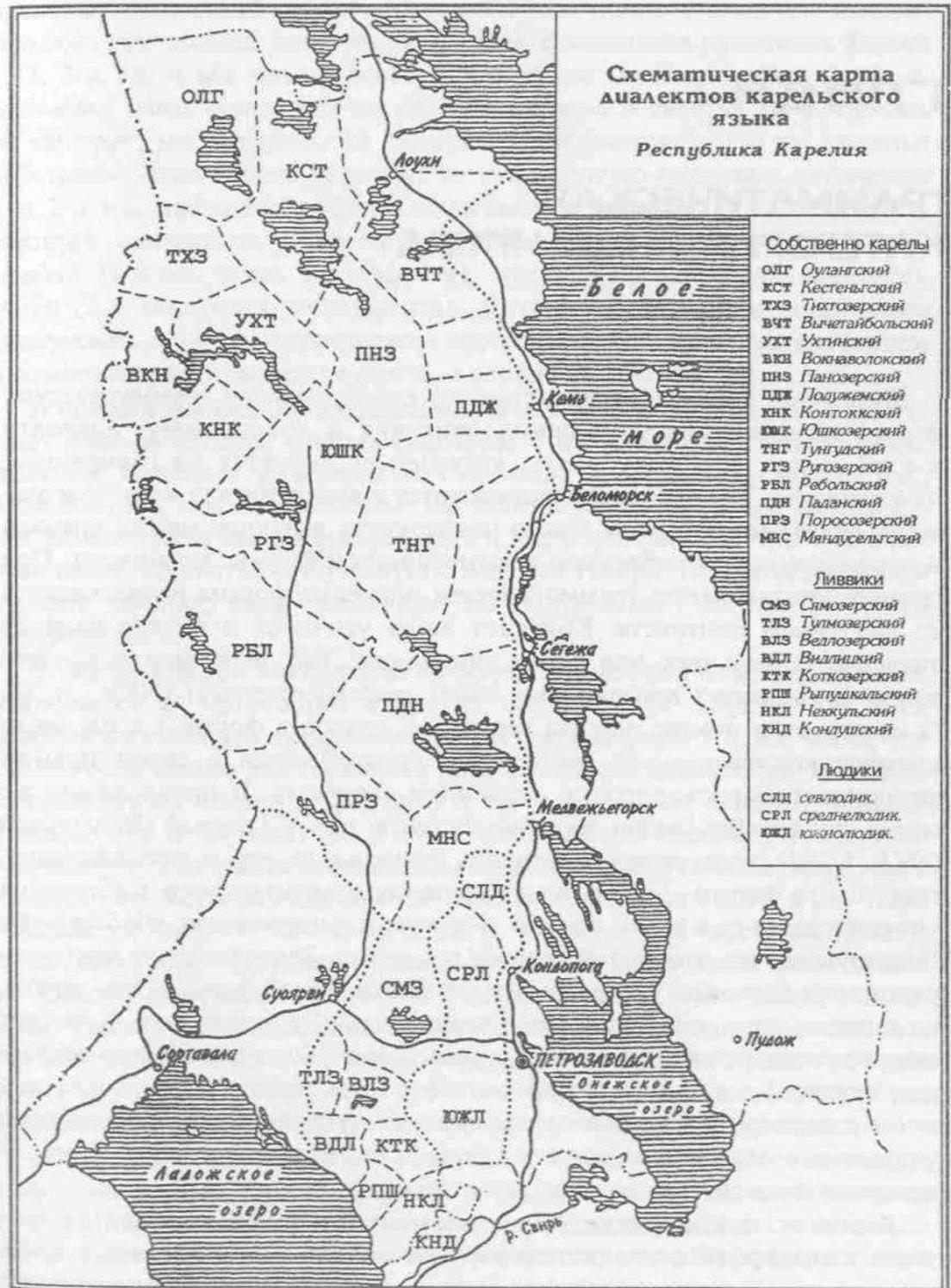

Рисунок 3 – Схематическая карта диалектов карельского языка Республики Карелия

Рисунокграфии по теме исследования.

Рисунок 4 – Ритуал раскрытия дверей во время родов [Paulahaarju, 1919, s. 147]

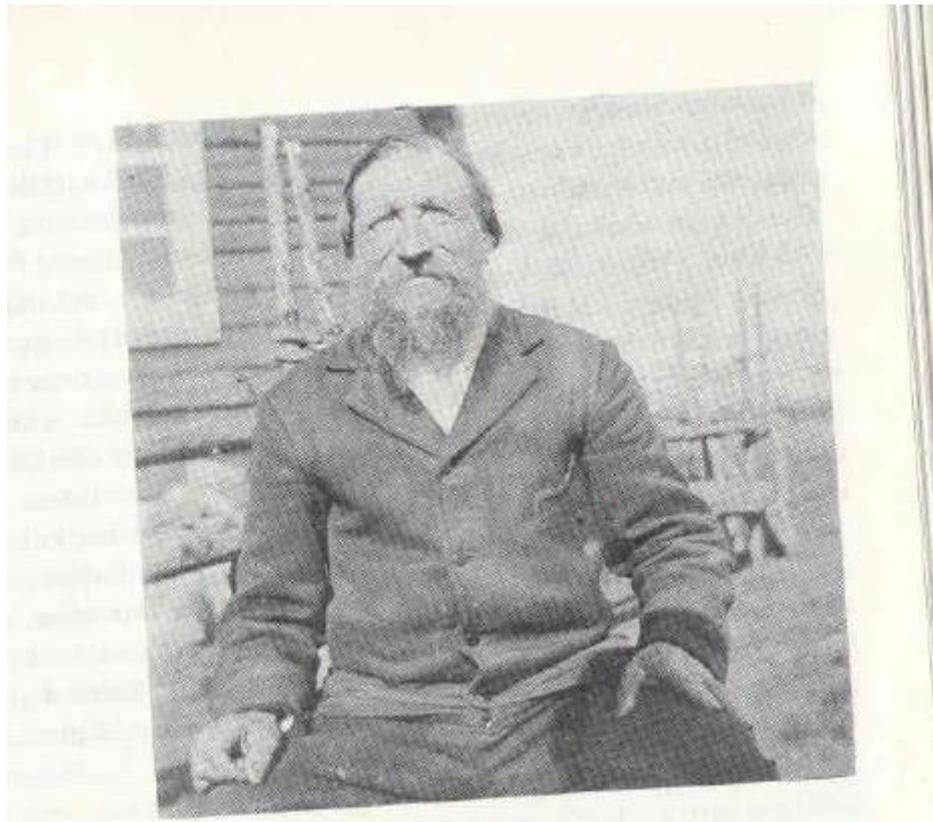

Рисунок 5 – Карельский знахарь д. Хиэдозеро Кимасозерский сельский совет Ругозерский район 1908 г. [Siikala, 1978, s. 297]

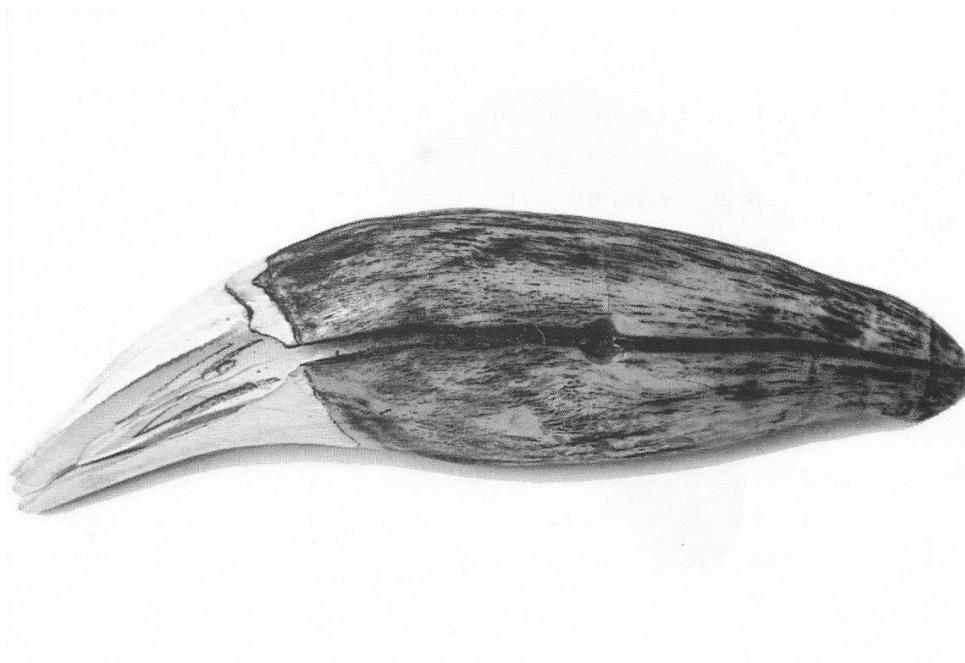

Рисунок 6 – Медвежий зуб [Ylinen, 1990, s. 93]

Рисунок 7 – Холщовый мешочек знахаря с магическими принадлежностями
[Ylinen, 1990, s. 25]

Рисунок 8 – Медвежий коготь [Ylinen, 1990, s. 32]

Рисунок 9 – Карельские бани в д. Нурмолицы Коверское сельское поселение Олонецкий район [Орфинский, Гришина, 2009, с. 8]

Рисунок 10 – Женщина набирает святую воду для лечения заболеваний в д. Утозеро
Олонецкий район [Karjalainen, Takala, 2002, s. 77]

Рисунок 11 – Кадр из фильма «Sarvilla parantain» 'Лечась рожком' (1974 г.)

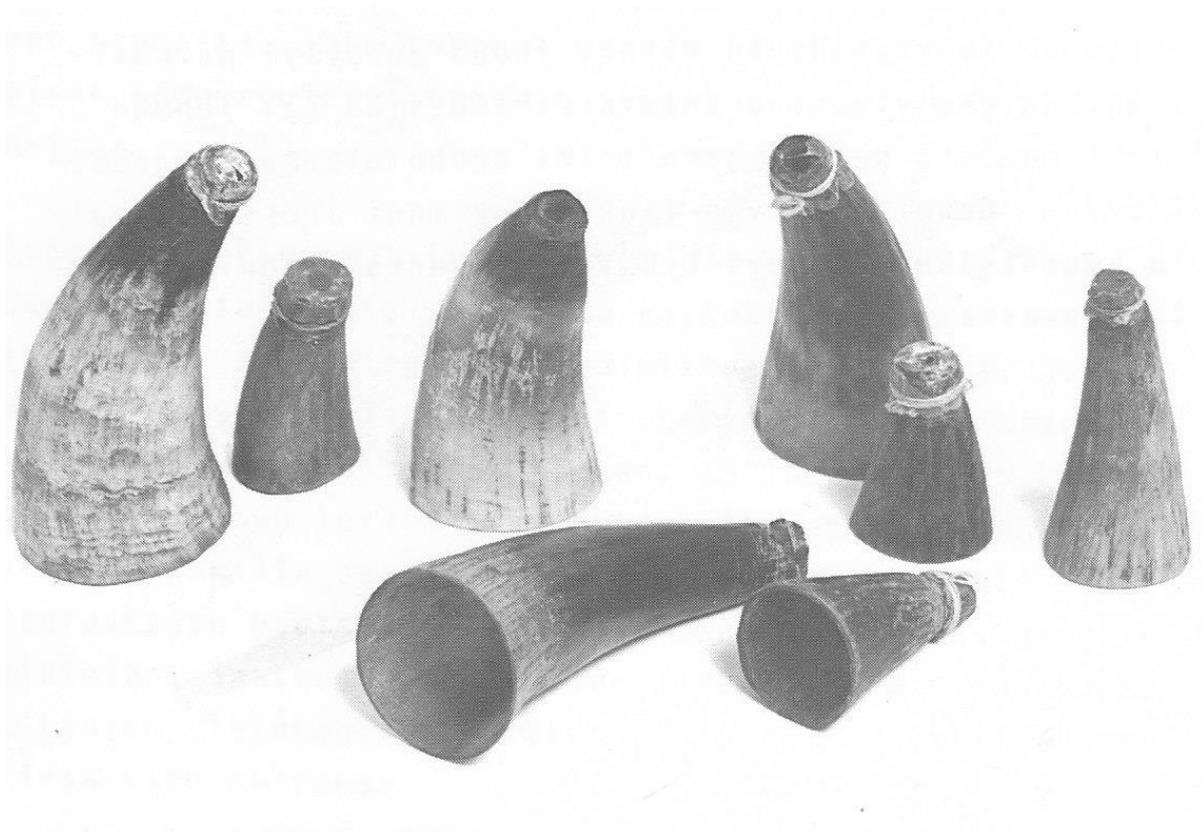

Рисунок 12 – Кровопускательные рожки [Ylinen, 1990, s. 66]

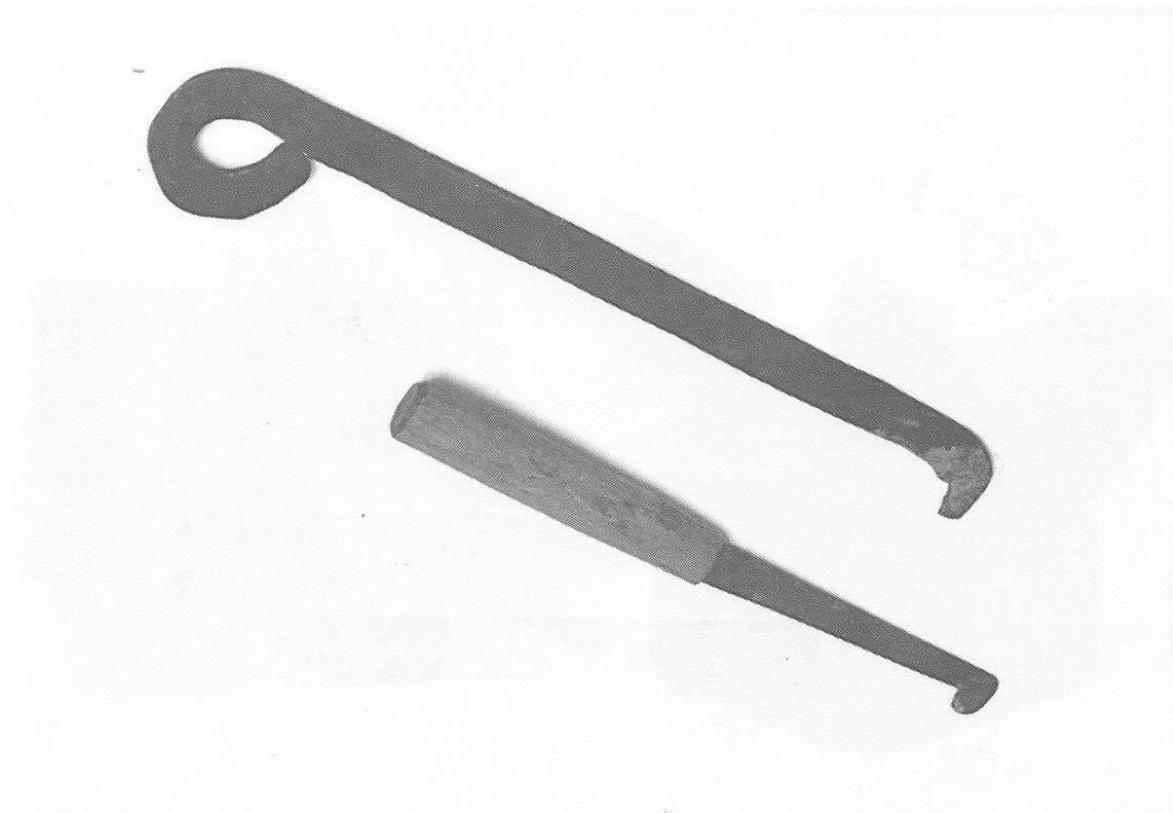

Рисунок 13 – Кровопускательные топорики [Ylinen, 1990, s. 67]

Рисунок 14 – Кровопускательные машинки [Ylinen, 1990, s. 68]

Рисунок 15 – Холщовый мешок и инструменты кровопускателя [Ylinen, 1990, s. 69]

Рисунок 16 – «Присасывание» кровопускательных рожков к телу [Ylinen, 1990, s. 75]

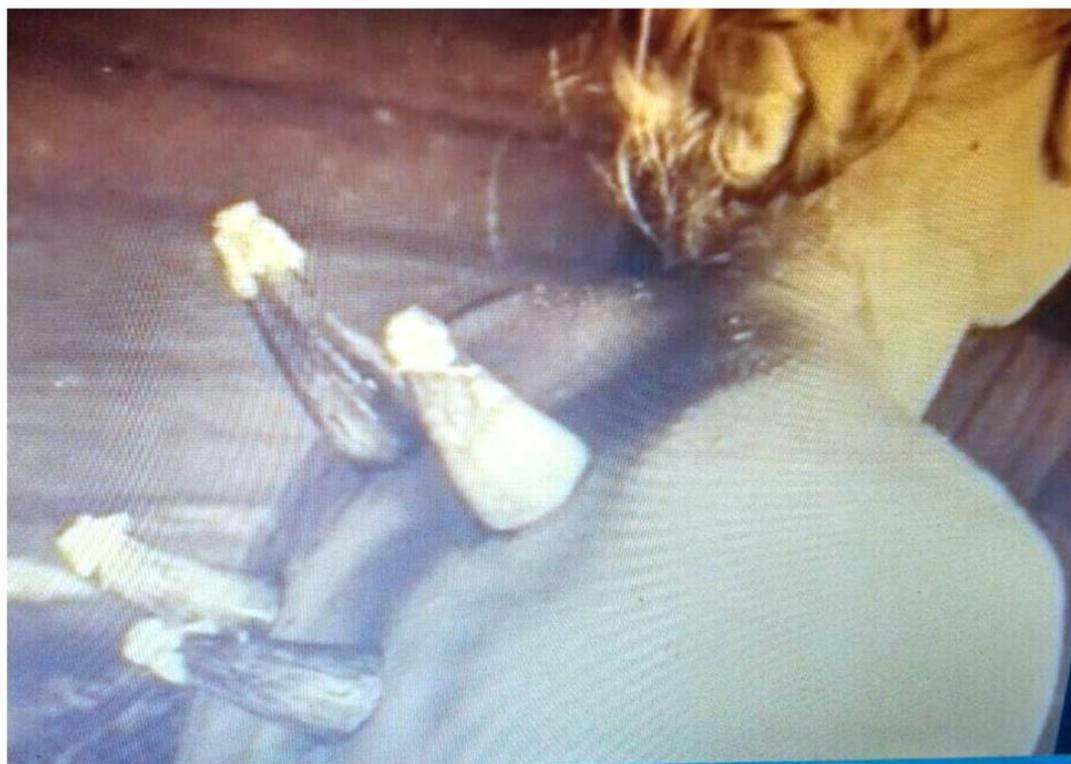

Рисунок 17 – Кадр из фильма «Sarvilla parantain» ‘Лечась рожком’ (1974 г.): установленные кровопускательные рожки на спине больной

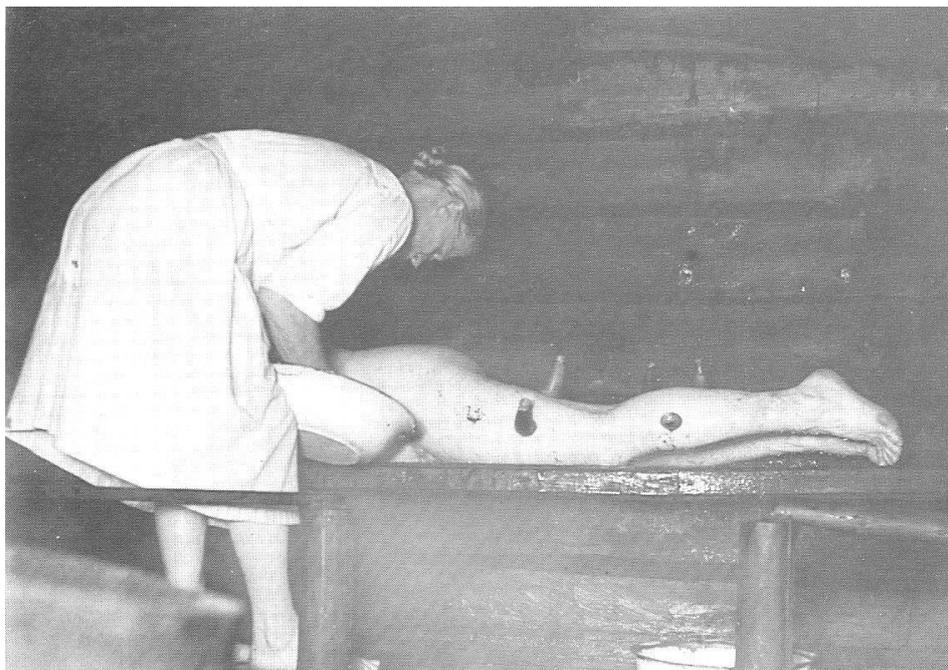

Рисунок 18 – Снятие кровопускательных рожков [Ylinen, 1990, s. 76]

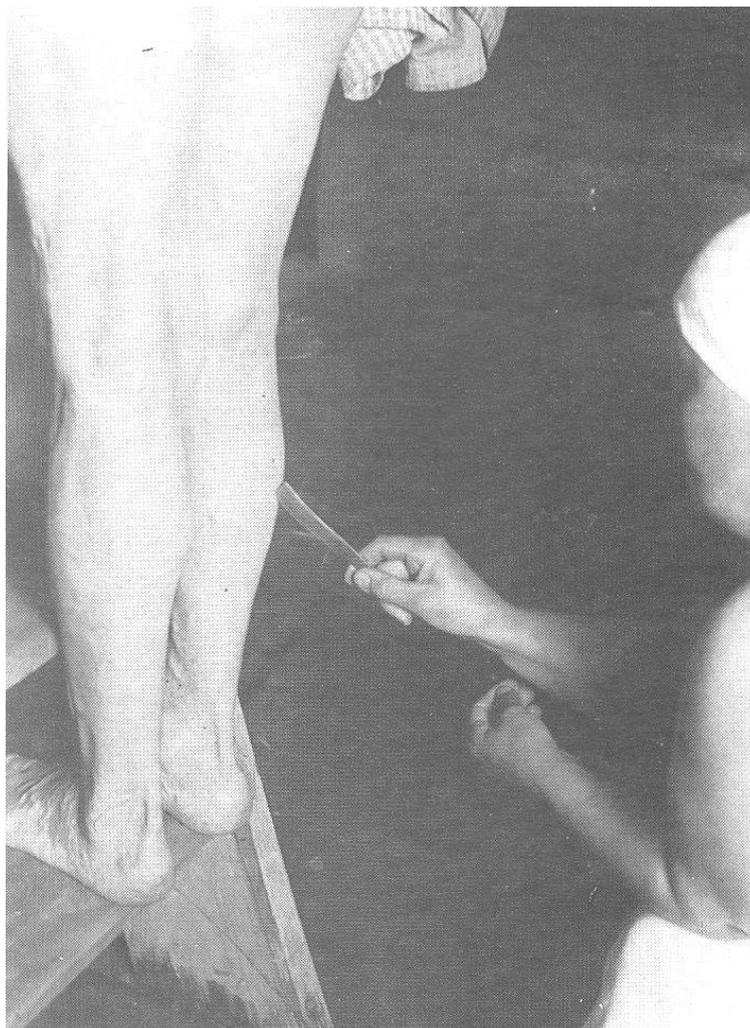

Рисунок 19 – Вскрытие вены на ноге [Ylinen, 1990, s. 77]

Рисунок 20 – Знахарка из д. Корбисельга определяет источник болезни с помощью решета [Ylinen, 1990, s. 21].

Рисунок 21 – Знахарь определяет источник болезни с помощью вина [Paulaharju, 1919, s. 149]

Рисунок 22 – Знахарка лечит *кулутиаһине* ‘экзема (сыпь), по поверьям, приставшая от бани’: берет по очереди три камня, прикладывает к больным местам, читая заговор, и затем кладет их обратно [Paulaharju, 1919, s. 151]

Рисунок 23 – Изготовление лекарства от запора пропусканием воды сквозь отверстие в скамье [Ylinen, 1990, s. 43]

Рисунок 24 – Магический предмет для лечения запора – *итіріи/итвіріи*: воду пропускали сквозь отверстие девять раз, затем ее выпивали [Ylinen, 1990, s. 42]

Рисунок 25 – Лечение радикулита топтанием ногами по спине больного
[Paulaharju, 1919, s. 150]

Рисунок 26 – Марина Такало читает заговор на открытую рану [Pentikäinen, 1971, s. 238]

Рисунок 27 – Знахарка завязывает шерстяную трехцветную нитку от растяжения
[Paulaharju, 1919, s. 151]

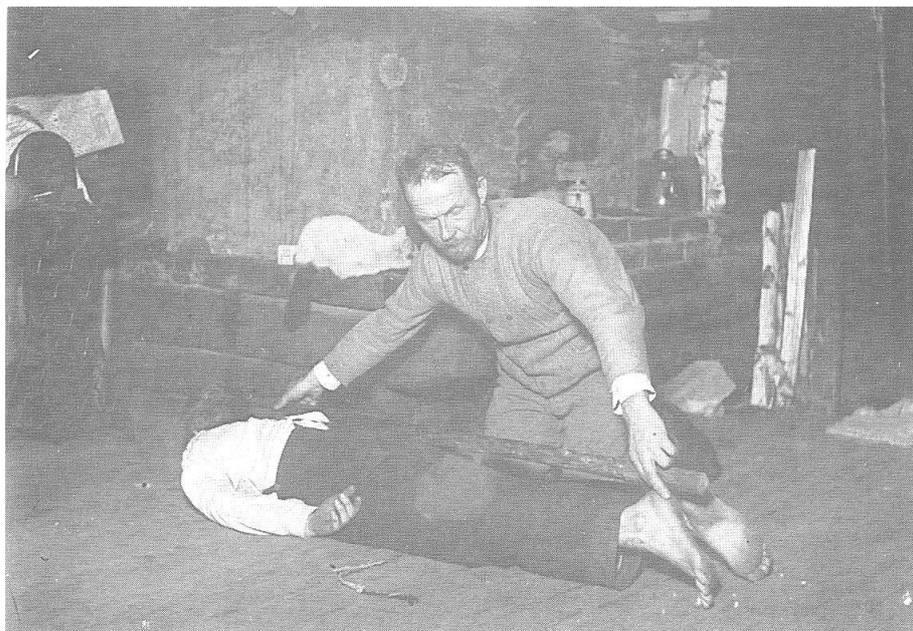

Рисунок 28 – Меряние больного лопатой [Ylinen, 1990, s. 51, 52]

Рисунок 29 – «Меряние» больного соединением за спиной левой руки и правой ноги
[Ylinen, 1990, s. 50]

Таблицы, содержащие способы народной медицины у карелов.

Таблица 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине¹⁶⁰⁴

Растение	Используемые части	Способ изготовления лекарства	Заболевания	Способ применения	В каких локальных группах применяли
дерево	любая часть дерева	свежие	хворь от дерева	прикладывание с произнесением заговора	Сев.
	листья	свежие	рахит	парение	Сев.
		с банного венника	экзема	прикладывание	Сев.
	смола	свежая	цыпки	смазывание	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
			нарыв / фурункул	смазывание	Сев.
			боль в ноге	смазывание	Ливв.
			свежая с добавлением снега	кашель	смазывание
	сучок	?	лишай	натираение	Твер.
		сухой, расположенный на бревне стены дома	нарыв / фурункул	кручение с произнесением заговора	Сев.

¹⁶⁰⁴ Таблица сделана автором на основе полевых материалов автора и используемых источников и литературы.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

	тапион-канто (выросший на три четверти пень около корней нового дерева)	-	хворь от леса	выливание воды под корни	Сев.
	щепка	подоженная	боль в ушах / отит	выдувание дыма	Люд.
		отломленная от внутренней стенки хлева	бородавки	натираание с произнесением заговора	Сев.
		высушенная	нарыв / фурункул	прокалывание	Ливв.
		выпаренная в воде	синяк	использование в магическом лечебном ритуале с произнесением заговора	Сев.
	щепка с отверстием от выпавшего сучка	сухая	рахит	обливание	Ливв.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

ветки (ведьмина метла - сильно густые ветвей деревя)	выпаренные	насланная погодом или вет- ром бо- лезнь	обливание	Ливв.
ветки	свежие	ночница	изготовле- ние веника	Ливв.
		проклятие	хлестание с произнесе- нием заго- вора	Сев.
	веник	корь	парение	Ливв.
	выпаренный веник	жар / го- рячка	вдыхание	Ливв.
	от банного веника	жар / го- рячка	держание во рту с про- изнесением заговора	Сев.
		растяже- ние	завязывание	Сев.
	палка	бородавки	нанесение зарубин, оставление на дороге с произнесе- нием заго- вора	Сев.
перелом			привязыв- ние	Ливв.
ствол	труха между бревнами стен	опухоль	посыпание	Держ.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

бальза- мин	листья, цветки	мазь	кашель	мазание	Ливв.
башма- нок	цветки, листья	отвар	жар / го- рячка	употребле- ние внутрь	Тихв.
береза	ветки (ведьмина метла - сильно густые ветвей деревя)	свежие	хворь от ветра (при симптоме - прыщи)	обливание	Ливв., Твер.
			сглаз (у мальчика)	обливание с произнесе- нием заго- вора	Ливв.
		вымачивание, выпаривание	головная боль про- студного характера	мытьё	Ливв., Сев.,
	ветки (ве- ник)	свежий, вымо- ченный	щетинка	парение	Ливв., Тихв.
		сухой, мягкий	сыпь / дет- ская че- сотка	парение	Сев.
	чага	заваренная	боль в животе	употребле- ние внутрь	Ливв.
			понос	употребле- ние внутрь	Ливв., Тихв.
	кора	высушенная	лишай	обворачива- ние	Ливв.
высушенная темно- красная кора, измельченная		обморо- жение	посыпание	Сев.	

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

		измельченная	кровотечение	посыпали	Ливв.
	листья	отвар	рахит (симптом отечность ног)	обливание, натирание	Сев.
		выпаренные	рахит (симптом отечность ног)	компрессы	Сев.
	почки	настойка	зубная боль	закапывание в больной зуб	Ливв.
			ревматизм	смазывание	Держ.
			порез	смазывание	Ливв., Твер.
			ожог	смазывание	Ливв.
			рана	смазывание	Ливв.
		настойка с добавлением деревянного масла	нарыв / фурункул	смазывание	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
	ствол, сучья	сок	кашель	употребление внутрь	Ливв.
			чахотка	употребление внутрь	Ливв.
	деготь	свежий	вши	мытьё головы	Ливв.
			чесотка	смазывание	Сев., Твер.
			обноготница (нагноение около ногтя)	смазывание	Тихв.
			нагноение / гной	смазывание	Ливв.
	заболонь	высушенная, истолченная	ожог	посыпание	Сев.
бого-родица	?	отвар	кашель	употребление внутрь	Ливв., Сев., Тихв.
		отвар с добавлением зверобоя и меда	кашель, боль в горле	употребление внутрь	Сев.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

брусника	ягоды	размешивание ножом для хлеба с произнесением заговора	жаба	употребление внутрь	Люд.		
		свежие	боль в ушах / отит	держание в ухе	Ливв.		
			цинга	употребление внутрь	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.		
		сок	кашель	употребление внутрь	Ливв.		
			молочница во рту у ребенка	употребление внутрь / смазывание	Сев.		
		морс	грипп	употребление внутрь	Ливв.		
			жар / горячка	употребление внутрь	Тихв.		
			изжога	употребление внутрь	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.,		
		листья, цветки	высушенные	жар / горячка	употребление внутрь	Твер.	
		водоросли		свежие	чесотка	хлопание с произнесением заговора	Сев.
		волчье лыко	ягоды	настойка с использованием табака, лука, вина / керосина	рахит	смазывание	Сев.
настойка с использованием серы, листьев табака, вина	рахит			смазывание	Сев.		

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

		мазь с использованием табачного масла	выпадение пупа (симптом - нагноение)	смазывание	Сев.
		мазь с использованием жира медведя, вина или грудного молока	грыжа	смазывание	Сев.
		мазь с использованием табака, лука, вина или лампадного масла	грыжа	смазывание	Сев.
		высушенные (без корки)	зубная боль	держание в больном зубе	Ливв., Люд.
		отвар, настойка	понос	употребление внутрь	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
гриб для соления	шляпка, ножка	свежий, вымоченный в постном масле	обноготница (нагноение около ногтя)	компресс	Тихв.
		свежий	ожог	компресс	Ливв., Сев.
гриб-дождевик	шляпка, ножка	иссохший	мозоль, натертость	сдавливали до пыли	Ливв.
		свежий	порез	компресс	Тихв.
дуб	кора	отвар	молочница во рту у ребенка	смазывание	Ливв.
		свежая	зобная опухоль	компресс	Ливв.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

	сердце- вина	измельчен- ная, сме- шанная в воде с золой	колотье	употребление внутри с про- изнесением заговора	Сев.
дуд- ник	корень	отвар	боль в животе	употребление внутри	Ливв.
душ- ман- ка	цветки	отвар	головная боль	употребление внутри	Ливв.
ель	ветки (ведь- мина метла - сильно густые пучки ветвей дерева)	свежие	ветрянка (у мальчика)	обливание с произнесени- ем заговора	Твер.
	живица / смола	варение с постным маслом и воском	нарыв / фурункул	смазывание	Ливв., Люд., Тихв.
		свежая	нарыв / фурункул	смазывание	Держ., Люд., Ливв., Сев., Твер., Тихв.
			чесотка	смазывание	Сев., Твер.
	труха / мучица из-под коры	-	опрелость	посыпание	Сев., Твер.
	мезга	свежая	потертость, натертость, сса- дина	смазывание	Тихв.
	шишка	свежая, вы- сушенная	ночница (если болел девочка)	клали под по- душку с про- изнесением заговора	Люд.
	хвоя	настойка	боль в животе	употребление внутри	Ливв.

жимо- лость	ягоды	высушенные	зубная боль	держание в больном зубе после обма- кивания в постное масло	Тихв.
зве- ро- бой	?	отвар	кашель	употребление внутри	Ливв., Сев., Тихв.
			молочница во рту у ребенка	смазывание	Ливв., Сев.
			боль в ногах, боль в пояснице	парение	Тихв.
		отвар с до- бавлением богородицы и меда	кашель, боль в горле	употребление внутри	Сев.
		настойка	жар / горячка	употребление внутри	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.,
зем- ля- ника	листья	настойка	цинга	употребление внутри	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
ива	кора	отвар	желтуха	обмывание	Ливв.
		сухая с се- верной по- ловины де- рева	нарыв	кололи с про- изнесением заговора	Сев.
		свежая	порез	компресс	Твер.
калган	корень	настойка	боль в животе	употребление внутри	Держ.
			зубная боль	закапывание в больной зуб	Ливв.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

			понос	употребление внутри	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
калина	ягоды	сок, отвар	боль в ушах / отит	закапывание	Ливв.
		сок	головная боль	употребление внутри	Ливв.
		отвар	золотуха	обмывание, употребление внутри	Ливв., Твер.
	кора	отвар	золотуха	обмывание, употребление внутри	Ливв., Твер.
кам- фора	ствол, ветки	камфорное масло	грудница	компресс	Твер.
		камфорное масло, раз- веденное в воде с наша- тырным спиртом, нюхатель- ным таба- ком, порош- ком из осн- новой коры	жар / горячка	употребление внутри	Ливв.
капу- ста	листья	-	головная боль	компресс	Ливв.
			грудница (воспа- ление грудной железы)	компресс	Ливв.
			гематома	компресс	Ливв.
		квашеная	ожог	компресс	Сев.
кар- тош- ка	цветки	выпаривание	кашель	употребление внутри	Ливв.
	чашели- стики	выпаривание	кашель	употребление внутри	Ливв.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

	корне- плод	свежий, из- мельченный	обноготница (воспаление около ногтя)	компресс	Тихв.
			нарыв / фурун- кул	компресс	Ливв.
		сырой, об- мороженный	обморожение	компресс	Ливв., Сев.
			крахмал	опрелость	посыпание
		сыпь / детская чесотка		посыпание	Сев.
		отваренный	насморк	вдыхание	Держ.
кис- лица	соцве- тия	отвар	боль в животе	употребление внутри	Твер.
	листья	отвар	боль в ногах, боль в пояснице	парение	Тихв.
кле- вер	цветки	настойка	головная боль	употребление внутри	Ливв.
клен	ствол, сучья	сок	кашель	употребление внутри	Ливв.
клуб- ника	листья	заваренные	кашель	употребление внутри	Ливв.
клюк- ва	ягоды	морс	кашель, грипп	употребление внутри	Ливв.
		сок с добав- лением меда	кашель	употребление внутри	Ливв.
		свежие	цинга	употребление внутри	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
		сок	экзема	обмывание	Ливв.
нарыв / фурун- кул	смазывание		Ливв.		
коло- коль- чик	лист	свежий	порез	компресс	Ливв.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

конопля	семена	масло	обморожение	смазывание	Сев.
			ожог	смазывание	Сев.
		обжаренные, измельченные	ожог	посыпание	Сев.
		мазь с добавлением соли и сливок	ожог	смазывание	Сев.
крапива	листья	отвар	прыщи	обмывание	Ливв.
			боль в ногах, боль в пояснице	парение	Тихв.
		свежие	кровотечение	компресс	Ливв.
		настойка	порез	смазывание	Ливв.
	листья, стебель	свежие	ревматизм	натираение парение	Держ Ливв.
кувшинка	листья	отвар	жар / озноб	употребление внутри	Ливв.
	цветок	свежий	ожог	компресс	Сев.
лен	стебель с листьями	свежий, высушенный	ночница	привязывание	Ливв.
		льноволокно / пакля льняная намыленная	опухоль	привязывание	Твер.
	стебель	очески	ночница (если болела девочка)	клали под подушку с произнесением заговора	Люд.
липа	цветки	отвар	боль в горле / ангина	употребление внутри	Ливв.
			кашель	употребление внутри	Ливв.
	листья	высушенные, измельченные	кровотечение	посыпание	Ливв.
лопух	листья	свежие	головная боль	компресс	Держ.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

			ожог, порез	компресс	Ливв.
луго- вая трава	стебли с листья- ми	свежая	простуда (симп- том - ломота)	прогревание в бочке	Сев.
лук	корне- плод	кашица	гематома	смазывание	Ливв.
			нагноение / гной	компресс	Держ.
		печеный	нарыв / фурункул	компресс	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
		мазь с ис- пользовани- ем табака, вина или лампадного масла	грыжа	смазывание	Сев.
мали- на	ягоды	варенье	боль в горле / ангина	употребление внутри	Ливв.
			кашель	употребление внутри	Ливв., Сев., Тихв.
			жар / озноб	употребление внутри	Ливв., Тихв., Твер.
		отвар	кашель	употребление внутри	Ливв., Сев., Тихв.
			жар / озноб	употребление внутри	Ливв., Тихв., Твер.
			боль в горле / ангина	употребление внутри	Ливв.
			грипп	употребление внутри	Ливв.
	листья	отвар	прыщи	обмывание	Ливв.
			грипп	употребление внутри	Ливв.
			прыщи	обмывание	Ливв.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

			жар / озноб	употребление внутри	Ливв., Тихв., Твер.
	чашели- стики	заваренные	кашель	употребление внутри	Дёрж.
			боль в горле / ангина	употребление внутри	Ливв.
	веточки	высушенные, заваренные	кашель	употребление внутри	Держ.
мать- и- ма- чеха	листья	свежие	грудница (воспа- ление грудной железы)	компресс на грудь	Ливв.
			опухоль	компресс	Ливв.
			нагноение / гной	компресс	Твер.
		вымоченные в теплой во- де и намы- ленные	нарыв/ фурун- кул	компресс	Тихв.
		заваренные	кашель	употребление внутри	Ливв.
		настойка	жар / горячка	употребление внутри	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.,
мож- же- вель- ник	ягоды	отвар	боль в сердце, опухоль, болезнь почек	употребление внутри	Твер.
мок- рица	листья	свежие	нарыв / фурун- кул	компресс	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
мор- ковь	корне- плод	тертая	грудница	компресс	Ливв.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

мо-рош-ка	чашели-стики	отвар	кашель	употребление внутри	Ливв., Сев., Тихв.
	ягоды	свежие	цинга	употребление внутри	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
мох (бе-лый)	?	свежий	нарыв / фурун-кул (на руке)	компресс	Ливв.
мох (крас-ный)	?	свежий	нарыв / фурун-кул	компресс	Сев.
му-хо-мор	шляпка, ножка	выпарива-ние в печи	ревматизм	смазывание	Твер.
мята	листья	настойка	боль в сердце	употребление внутри	Ливв.
		заваренная сухая	жар / горячка	употребление внутри	Тихв.
		отвар	боль в ногах, боль в пояснице	парение	Тихв.
ногот-ки	цветки, листья	мазь	обморожение	смазывание	Ливв.
оду-ван-чик	стебель	молочко	бородавка	смазывание	Ливв.
	цветки	отвар, настойка	прыщи	протираение	Ливв.
		отваренные в жире	бородавки	мазание	Ливв.
ози-мые зер-но-вые	молодые всходы	отвар	желтуха	обмывание	Ливв.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

олива	плод	деревянное масло	боль в глазу	мазание	Сев.
ольха	ветки (ведь- мина метла - сильно густые пучки ветвей дерева)	свежие	хворь от ветра (при симптоме - прыщи)	обливание водой боль- ных мест сквозь ветки растения	Твер.
			ветрянка (у де- вочки), сыпь на теле	обливание с произнесени- ем заговора	Твер.
	сережки	отвар, настойка	понос	употребление внутри	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
осина	щепка с отвер- стием от сучка	сухая	нарыв / фурункул	выдавливание	Держ.
	кора	измельченная разведенная в воде с нашатыр- ным спир- том, нюха- тельным та- баком, кам- форным маслом	жар / горячка	употребление внутри	Ливв.
	?	чай	закупорка вен	употребление внутри	Тихв.
отава	моло- дые всходы	отвар	желтуха	обмывание	Ливв.
перец	плод	настойка	порез	смазывание	Сев.
			кашель, жар	употребле- ние внутри	Сев.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

пи-куль-ник	листья	заварен-ные	кашель	употребление внутри	Сев.
по-до-рож-ник	листья	настойка	боль в животе	употребле- ние внутри	Сев.
			коклюш	употребле- ние внутри	Ливв.
			чахотка	употребле- ние внутри	Ливв.
			жар / горячка	употребле- ние внутри	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.,
		свежие	нарыв / фурун- кул	компресс	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
			опухоль	компресс	Твер.
			гематома	компресс	Ливв.
			кровотечение	компресс	Ливв.
			нагноение / гной	компресс	Твер.
			порез	компресс	Ливв.
			рана	компресс	Ливв.
		отвар	прыщи	обмывание	Ливв.
		сок	кашель	употребле- ние внутри	Ливв.
			нарыв / фурун- кул	смазывание	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
гематома	смазывание		Ливв.		
редь-ка	корне- плод	сок	радикулит	втирание	Ливв.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

		тертая	головная боль	компресс	Держ.
редь- ка чер- ная	корне- плод	настойка	кашель	употребление внутри	Ливв.
репа	корне- плод	выпаренная	кашель	употребление внутри	Ливв.
ре- пей- ник	корень	отвар	лишай	обмывание	Твер.
рожь	колос	квашеная ржаная мука / сыровец	кашель	употребление внутри	Ливв.
		разжеванная	порез во время жатвы	компресс	Твер.
		высушенный	нарыв / фурун- кул	использо- вание в магиче- ском лечеб- ном ритуале	Люд.
ро- маш- ка	цветки	отвар	боль в горле / ангина	полоскание	Тихв.
	цветки, листья	отвар, настойка	понос	употребление внутри	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
ря- бина	ягоды	настойка	головная боль простудного ха- рактера	употребление внутри	Ливв., Сев.
			жар / горячка	употребление внутри	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.,
		высушенные	боль в животе	употребление внутри	Ливв.
		свежие	боль в животе	употребление внутри	Ливв.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

		истолченные	бородавки	намазывание	Ливв.
свек- ла	корне- плод	сок	грыжа (детская)	употребление внутри	Твер.
си- рень	цветки	отвар	прыщи	обмывание	Ливв.
		кашица	прыщи	смазывание	Ливв.
соло- ма	стебель	теплая	свинка	компресс	Ливв.
		связанная тремя узла- ми	бородавки	натирание	Сев.
сосна	ветки (ведь- мина метла - сильно густые пучки ветвей дерева)	выпаренные	насланная пого- дой или ветром болезнь (при симптоме – ло- мота в суставах)	мытьё отваром	Ливв.
			сглаз (у девочки)	обливание с произнесени- ем заговора	Ливв.
	хвоя	настойка	боль в животе	употребление внутри	Ливв.
			головная боль	компресс	Сев.
		отвар	цинга	употребление внутри	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
		свежая	чесотка	компресс	Ливв.
	смола	свежая	чесотка	смазывание	Ливв.
			заноза	смазывание	Тихв.
			порез	смазывание	Сев.
	сук	-	нарыв / фурункул	использование в магическом, лечебном ри- туале	Сев.
табак	листья	настойка	лишай	обмывание	Твер.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

		свежие	укус змеи	натираение	Тихв.
		подожженный	боль в ушах / отит	выдувание дыма	Сев.
		мазь с добавлением ягод волчьего лыка	выпадение пупа (симптом - нагноение)	смазывание	Сев.
		отвар	вши	мытьё	Ливв.
		высушенные	жар / горячка	курение	Ливв.
		высушенный, измельченный	грыжа	посыпание	Сев.
трава луговая	стебель, листья	высушенная, выпаренная сенная труха	колотье	привязывание	Сев.
(?) трава, растущая на болоте	ягоды	высушенные	жар / горячка	употребление внутрь	Тихв.
(?) трава высокая, растущая на камнях	?	выпаривание, отвар	веснуха	употребление внутрь	Тихв.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

(?) трава от вы- виха (люд. hivel' hei букв. 'тра- ва от вы- ви- ха')	стебель, листья	выпаривание	вывих	компресс	Ливв., Люд., Сев.
травя- пла- вун	шишечки	пыльца	опрелость	посыпание	Твер.
(?) тра- ва- се- рёж- ки (бор- дово- ко- рич- невая трава с цвет- точ- ком на кон- це)	?	отвар	боль в животе	употребление внутри	Тихв.
тыся- че- лист- ник	листья	свежие	нарыв / фурункул	компресс	Ливв.
			кровотечение (из носа)	клали в ноздрю	Ливв.
			порез	компресс	Твер.
		настойка	нарыв / фурункул	промывание	Ливв.
		разжеванный	порез во время жатвы	компресс	Твер.
сок	насморк	закапывание	Ливв.		

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

фа- соль	стручки	настой	кашель	употребление внутри	Ливв.
хрен	листья	свежие	головная боль	компресс	Держ.
чере- да	листья	отвар	золотуха	обмывание	Ливв., Твер.
		настойка	цинга	употребление внутри	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
че- ре- муха	ягоды	высушенные	боль в животе	употребление внутри	Ливв.
		свежие	боль в животе	употребление внутри	Ливв.
		заваренные	понос	употребление внутри	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
	цветки	отвар	нагноение глаз	примочки	Ливв.
	? (не указано)	отвар	укус змеи	обрабатыва- ние	Ливв.
	кора	отвар, настойка	понос	употребление внутри	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
чер- ная смо- ро- дина	ягоды	сок	головная боль	употребление внутри	Ливв.
			зобная опухоль	употребление внутри	Ливв.
чер- ника	ягоды	высушенные	боль в животе	употребление внутри	Сев.

Продолжение таблицы 1 – Фитотерапия в карельской народной медицине

		настойка	понос	употребление внутри	Повсе- местно
чер- но- плод ная ря- бина	ягоды	свежие	цинга	употребление внутри	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
чес- нок	корне- плод	сок	бородавка	смазывание	Ливв.
		настаивание на молоке	боль в ушах / отит	закапывание	Ливв.
чи- сто- тел	листья	сок	бельмо	закапывание	Ливв.
			мозоль	смазывание	Ливв.
ши- пов- ник	плоды	настойка	цинга	употребление внутри	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
ща- вель	соцветие	отвар	боль в животе	употребление внутри	Твер.
	листья	отвар	боль в ногах, боль в пояснице	парение	Тихв.
	семена	заваривание	боль в животе	употребление внутри	Дёрж.
ща- вель кон- ский	сухие крупин- ки после цвете- ния	заваренные	понос	употребление внутри	Твер.
яч- мень	ядра	крупя	ветрянка	натираение	Твер.

Таблица 2 – Физиотерапия в карельской народной медицине¹⁶⁰⁵

Способ физиотерапии	Место проведения	Используемые материалы / слова	Заболевания	В каких локальных группах применяли	
прогревание	баня	-	насланная природой или магическим способом болезнь	Ливв.	
			зубная боль (у младенца)	Сев.	
			жар / горячка	Ливв.	
		ветки (ведьмина метла - сильно густые ветвей дерева)	сглаз / порча	Ливв.	
		мёд, белая мука, холст	щетинка	Ливв.	
		заговоренная земля	экзема	Сев.	
		ветки, заговор	жар / горячка	Тихв.	
	лежанка	-		насланная природой или магическим способом болезнь	Ливв.
				жар / горячка	Ливв.
	печь	ржаное тесто		рахит	Ливв., Сев.
				-	боль в животе
		-		зубная боль	Сев.
				грипп	Ливв.
	печная заслонка	-		мозоль	Ливв.

¹⁶⁰⁵ Таблица сделана автором на основе полевых материалов автора и используемых источников и литературы.

Таблица 2 – Физиотерапия в карельской народной медицине¹⁶⁰⁶

	бочка	луговая трава, горячие камни, муравьи	боль в руках и ногах при про- студе	Сев.
	дом	горячий котел, горячие камни, бутылка с ки- пячком	боль в животе	Тихв.
		крынка, пенька	выпадение пу- па	Тихв.
		стакан, свеча	выпадение пу- па	Сев.
		горшочки, льняная ткань, бумага	выпадение пу- па	Сев.
		пенька, бумага, горшочки	выпадение пу- па	Ливв., Сев., Тихв.
		горячие камни, полотенце	зубная боль	Сев.
		керасин, нож	кашель	Ливв.
		что-то нагретое	вздутие живота	Ливв.
		нагретая ткань	опухоль (при вывихе)	Твер.
		теплая зола	колики	Ливв.
		выпаренная сенная труха	колики	Сев.
		согревающие мази и жидко- сти	радикулит / прострел	Ливв.
		керасин, шер- стяной платок	радикулит / прострел	Ливв.
		теплые ком- прессы	ревматизм	Люд.
парение	баня	щенок	рахит	Ливв.
		деготь	простуда	Тихв.

¹⁶⁰⁶ Таблица сделана автором на основе полевых материалов автора и используемых источников и литературы.

Продолжение таблицы 2 – Физиотерапия в карельской народной медицине

		ветка от банного веника / березовая палочка	жар / высокая температура	Тихв.
		заговор, сливки	цыпки	Сев., Твер.
		-	боль в ноге кашель	Сев. Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв
			цинга	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
			грипп	Ливв.
			тиф	Сев.
			жар / горячка	Сев.
		заговор	головная боль	Твер.
			оспа	Твер.
		смола, снег, носок	кашель	Сев.
		красная ткань, сухой веник, закваска	корь, краснуха	Ливв.
		одежда из белого сукна	оспа	Сев.
		тонкая красная одежда, сухой веник	детская чесотка	Сев.
		кислое тесто, свежий веник, раскаленные камни	жар / горячка	Ливв.
массаж	не указано	заговор	болезнь жаба	Люд.

Продолжение таблицы 2 – Физиотерапия в карельской народной медицине

	дома	заговор	боль в горле / ангины	Люд.
			грыжа	Твер.
		вода с мылом	выпадение пупа	Тихв.
		маленький ребенок	боль в спине, прострел / радикулит	Ливв.
		-	вздутие живота	Ливв.
массаж			запор	Люд.
			опухоль (от вывиха)	Твер.
			вывих	Тихв.
		мутовка	выпадение пупа	Сев.
		нагретая медвежья лапа или морда	колики	Сев.
		нагретый свиной пяточок, заговор	колики	Ливв.
		взрослый человек, убивший ногой змею	прострел / радикулит	Ливв.
		размягченное мыло	вывих	Сев.
		баня	-	боль в ноге
меряние	баня	-	сглаз / порча, ночница	Ливв.
	дом	лопата, заговор	болезнь с недомоганиями	Сев.

Продолжение Таблицы 2 – Применение воды в физиотерапии

Откуда брали воду	Место проведения ритуала	Способ приготовления	Используемые предметы	Действия	Название болезни	В каких локальных группах применяли
вода (источник не указан)	дом	соленая	-	обмывание	ночница / крикса	Ливв.
		смешанная с менструальной кровью	-	обмывание	укус змеи	Тихв.
		держание во рту	-	опрыскивание	сглаз	Ливв.
		мытьё углов стола	-	промывание	сглаз	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
		мытьё углов стола, переливание через дверную ручку	-	обливание с произнесением заговора	сглаз	Твер.
		посуда		обмывание	сглаз	Ливв.
		стол		обмывание	сглаз	Ливв.
		дуршлаг, ложки, нож, вилки, образок		обливание	сглаз	Сев.
		щепка с отверстием от сучка		обливание с произнесением заговора	рахит	Ливв.

Продолжение Таблицы 2 – Применение воды в физиотерапии

	на месте стола	-	-	обливание с произнесением заговора	грыжа	Сев.
	перекресток дорог	холодная, заговоренная	-	обливание	жар / горячка	Ливв.
	расселина	ледяная	-	окунание	чесотка	Сев.
	конюшня	выпоенная лошадям	-	держание по струей, стекающей с морды лошади	бородавка	Сев.
?	разогретая		кусочек ткани	компресс	хворь от дерева	Сев.
			-	промывание	сглаз	Ливв.
	прокипяченная		-	обливание, выливание в лесу под корни тапионканто	хворь от леса	Сев.
	описание серебряных монет, мешание, крещение		но ж	смазывание	сглаз	Сев.

Продолжение Таблицы 2 – Применение воды в физиотерапии

			-	употребление внутрь	икота	Ливв.
		держание обручальных свечей	подвешенная скатерть	употребление внутрь	родичик	Сев.
		изготовление мази	водка, се-ребро, соль	смазывание	золотуха	Ливв.
		скаченная с дверной тяги	-	обмывание	ночница / крикса	Ливв.
		пропущенная через дверную ручку	-	обмывание	ночница / крикса	Держ.
		выпаренная с щепками	-	обмывание	синяк	Сев.
		с добавлением сердцевины дуба, золы	-	смазывание, употребление внутрь	колотье	Сев.
		мытьё икон	-	опрыскивание, употребление внутрь	родимчик	Сев.
		пропускание через гортань медведя	-	употребление внутрь	запор	Сев.
					боль в горле / ангина	Сев.
		пропускание через дверную петлю, переливание	-	употребление внутрь	запор	Сев.
		заговоренная	-	употребление внутрь	жар / горячка	Сев.

Продолжение Таблицы 2 – Применение воды в физиотерапии

		держание в стакане до полного отражения луны		смазывание	бородавка	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
		после мытья обеденного стола		смазывание каплями, которые стекали с краев стола с произнесением заговора	бородавка	Твер.
		кипячение долота / стамески		употребление внутрь	головная боль	Сев.
		смешивание с золой, выпаривание		смазывание	молочница во рту у ребенка	Держ.
		смешивание с сахаром или медом		смазывание	молочница во рту у ребенка	Ливв.
				обливание с произнесением заговора	сглаз	Люд.
				обливание, отнесение на кладбище	болезнь смерть	Сев.
				выливание	сглаз	Ливв.
				промывание желудка	рвота	Ливв.
				моргание, опустив лицо в воду	соринка в глазу	Ливв.
вода из водопада	водопад		камни, веник, рубаха	парение, обмывание с произнесением заговором	проклятие	Сев.

Продолжение Таблицы 2 – Применение воды в физиотерапии

		во время паводка	водоросли	выкидывание по течению с произнесением заговора	чесотка	Сев.
	дом		камень, ольховая лодочка	обмывание, пускание лодочки с заговором	проклятие	Сев.
вода из проруби	дом	-	-	обливание	сглаз	Сев.
дождевая вода	-	скопившаяся в выбоине камня после грозы	-	смазывание	бородавка	Сев.
испарина с окон	-	в первую пятницу месяца	-	смазывание	бородавка	Сев.
ключевая вода	баня		-	обливание с заговором	болезнь смерть (симптом – опухание тела)	Сев.
	лес	пропускание через гнездо синицы	серебро	промывание глаз, выливание воды в муравейник, гнездо и на ветки ели с произнесением заговора	хворь от леса (симптом: боль в глазу)	Сев.
	-	-	серебряная стружка	обмывание, выливание воды в муравейник	хворь от леса	Сев.

Продолжение Таблицы 2 – Применение воды в физиотерапии

		смешивание с икрой лягушки, овечьим пометом, мусором из муравейника, разогревание, держание во рту	-	обмывание с чтением заговора	оспа	Сев.
не-прочная лампа	дома	-	скатерть	выбрасывание одежды	родимчик	Сев.
озерная / речная вода	под дымовой трубой	обмывание икон, углов стола, оконных стекол, дверных скоб	решето	обливание	сглаз	Сев.
	под лестницей в подполье	зачерпывание с произнесением слов	-	обливание	сглаз	Сев.
речная вода	-	зачерпнутая иконой	-	опрыскивание, употребление внутрь	родимчик	Сев.
родниковая вода	дома	заговоренная	три камня	употребление внутрь	жар / горячка	Сев.
роса утренняя	-	скопившаяся в выбоине камня	-	смазывание	бородавка	Ливв.
святая вода		с погружением обеденной посуды	-	обмывание с произнесением заговора	сглаз	Ливв.

Таблица 3 – Средства животного происхождения в карельской народной медицине¹⁶⁰⁷

Млекопитающее / птица / насекомое / рыба	Используемые части	Способ изготовления лекарства	Заболевания	Способ применения	В каких локальных группах применяли
баран	помет	смешанный с жареным молоком	ожог	примочки	Сев.
барсук	мясо	приготовленное	чахотка	употребление внутрь	Ливв.
	жир	растопленный	чахотка	употребление внутрь	Ливв.
			мозоли (на ступнях)	смазывание	Держ., Ливв., Сев., Твер., Тихв
бобер	кожа	-	нарыв / фурункул	компресс	Ливв.
вошь	целая	прокалывание иглой	лишай	обведение больного места	Люд.
		живая	вши / педикулез	выбрасывание	Сев.
гусь	жир	растопленный	обморожение	смазывание	Ливв., Сев.
			ожог	смазывание	Твер.
дождевой червь	целый	настоенные	рожистое воспаление	смазывание	Ливв.

¹⁶⁰⁷ Таблица сделана автором на основе полевых материалов автора и используемых источников и литературы.

Продолжение таблицы 3 – Средства животного происхождения в карельской народной
медицине

жи- вотное (?)	кость	высохшая	бородавка	натира- ние с произ- несени- ем заго- вора	Сев.
	требуха	свежая	золотуха	ком- пресс	Держ., Ливв., Сев., Твер., Тихв
	шерсть	смоченная в сметане	нарыв / фу- рункул	ком- пресс	Твер.
			намыленная	щетинка	натира- ние
		-	натертость	ком- пресс	Тихв.
	жир	свежий	нарыв / фу- рункул	смазы- вание	Сев.
	навоз	свежий	экзема (при- ставшая во дворе)	смазыва- ние	Сев.
жук- плаву- нец	целый	-	грыжа	прокусы- вание	Твер., Новг.
заяц	моча	-	боль в ушах / отит	закапы- вание	Сев.
	шкурка	свежая	грудница	компресс	Ливв.
			нарыв / фу- рункул	привязы- вание	Тихв.
		нагноение / гной	привязы- вание	Ливв.	
змея	кожа	свежая	укус змеи	привязы- вание	Сев.
конский волос	целый	-	бородавка	обвяза- вание	Держ., Ливв., Сев., Твер., Тихв.
корова	молоко	горячее	боль в горле / ангина	употреб- ление внутри	Держ.
		парное	нагноение глаз	промы- вание	Ливв.

Продолжение таблицы 3 – Средства животного происхождения в карельской народной
медицине

		с добавлением заговоренного семенного масла	грыжа	смазывание	Люд.
	желудок, прямая кишка	высушенный, выпаренный	нарыв / фурункул	компресс	Тихв.
	помет	свежий	нарыв / фурункул	смазывание	Сев.
	жир	растопленный	ожог	смазывание	Сев.
кошка	шерстинка	продевание в ушко иглы	нарыв	протыкание	Ливв.
	хвост	-	насморк	обтирание	Ливв.
	целяя	внутренность	обморожение	держание внутри	Ливв., Сев.
	когти	сожженные	царапина	посыпание	Сев.
курица	яйцо	вареное	расстройство желудка (у детей)	употребление внутрь	Ливв.
		свежее	ожог	смазывание	Держ.
	жир	растопленный	ожог	смазывание	Держ.
кузнечик	выделяемая жидкость	свежая	хворь от камня	намазывание с произнесением заговора	Сев.
	целый	-	бородавка	прокусывание	
лошадь	помет	свежий	грудница	смазывание	Ливв.
			боль в глазу	компресс	Ливв.
			нарыв / фурункул	смазывание	Сев.
	моча	свежая	боль в глазу	компресс	Ливв.

	слюни с водой		бородавка	обмывание	Сев.
лебедь	сало	растопленное	обморожение	обработка	Сев.
лиса	сало	растопленное	обморожение	обработка	Сев.
лягушка	целая	живая	хворь от земли	надавливание с произнесением заговора	Сев.
	икра	смешанная в воде с овечьим пометом, мусором с муравейника	оспа	обмывание с произнесением заговора	Сев.
медведь	горло	высушенное	боль в горле / ангина	переливание	Сев.
			запор	переливание	Сев.
	коготь	соскобленная «мучица»	бельмо	посыпание с произнесением заговора	Сев.
	череп	высушенный	кашель	сплевывание с произнесением заговора	Сев.
	жир	растопленный	нарыв / фурункул, грыжа, ожог	смазывание	Сев.
			ожог	смазывание	Ливв.
натертость			смазывание	Ливв.	

Продолжение таблицы 3 – Средства животного происхождения в карельской народной
медицине

		смешивали с ягодами волчьего лыка и вином / грудным молоком	грыжа (у детей)	смазывание	Сев.
	лапа	высушенная, нагретая	колики	натира- ние	Сев.
муравей	муравей- ник	-	хворь от леса	вылива- ние во- ды	Сев.
				произне- сение привет- ствия	Сев.
			боль в глазу, оспа	вылива- ние во- ды	Сев.
	мусор с мура- вейника	смешанный в воде с лягуша- чьей икрой, овечьим поме- том	оспа	обмыва- ние с произ- несени- ем заго- вора	Сев.
	масло	-	боль в глазу	компресс	Сев.
	целый	выпаренные	ревматизм	смазыва- ние	Ливв., Тихв.
налим	жир	свежий	глазная бо- лезнь (?тра- хома), по поверьям, приставшая от бани	закапы- вание	Твер.
овца	черная шерсть	-	боль в ушах / отит	кляли в ухо	Сев.
			опрелость между паль- цами ног	обвяза- вание	Сев.

Продолжение таблицы 3 – Средства животного происхождения в карельской народной
медицине

			грыжа	прикладывание с произнесением заговора	Сев.
	помет	смешанный в воде с лягушачьей икрой, мусором с муравейника	оспа	обмывание с произнесением заговора	Сев.
	целяя	внутренность	обморожение	держание внутри	Ливв., Сев.
окунь	молоки	свежее	цыпки	смазывание	Сев.
оса	прополис	-	нагноение глаз	смазывание	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
	гнездо	высушенное	соринка в глазу	привязывание	Люд.
ракушка	моллюски	свежие	боль в глазу	протираание с произнесением заговора	Сев.
рыба	жир	растопленный	ревматизм, царапина	смазывание	Ливв.
свинья	сало	растопленное	щетинка	намазывание, парение	Сев.

Продолжение таблицы 3 – Средства животного происхождения в карельской народной
медицине

	пяточок	высушенный	грыжа	прикладывание с произнесением заговора	Ливв.
			колики	натираание с произнесением заговора	Ливв.
	подстилка		кровотечение	смачивание кровью больного	Ливв.
сеница	гнездо		боль в глазу	пропускание воды	Сев.
собака / щенок	целая		рахит	парение	Ливв.
				бросание в трубу	Ливв.
				сидение в углу во время парения ребенка	Тихв.
			хворь от собаки ./ укусы собаки	слизывание с произнесением заговора	Сев.

Продолжение таблицы 3 – Средства животного происхождения в карельской народной
медицине

			ячмень	облизывание, скармливание	Ливв., Твер.
			ячмень	скармливание	Держ., Тихв.
			нарыв / фурункул	слизывание	Ливв.
	зуб	-	хворь от собаки / укусы собаки	привязывание	Сев.
	хвост	-	ячмень	обтирание	Сев.
	кровь	-	грыжа	смазывание	Сев.
	шерсть	ввязанная в носки	ревматизм	прогревание	Ливв.
сорока	кровь	свежая	обморожение	смазывание	Держ., Ливв., Сев., Твер., Тихв.
тюлень	жир	растопленный, заговоренный	соринка в глазу (ость)	смазывание с произнесением заговора	Сев.
утка (черная)	жир	растопленный	обморожение	смазывание	Сев.
шершень	целый	смешанный с солью	колики	смазывание	Сев.
щука	целая	свежая	веснушки	протираание с произнесением заговора	Ливв.
	желчь	свежая	бельмо	закапыв.	Ливв.

Таблица 4 – Минеральные средства в карельской народной медицине¹⁶⁰⁸

Минеральные средства	Способ изготовления лекарства	Заболевания	Способ применения	В каких локальных группах применяли
сера	смешивание с волчьими ягодами, листовым табаком и вином	рахит	смазывание	Сев.
	смешивание с ртутью	вши	смазывание	Ливв.
сода	разведение в воде	боль в горле / ангина	полоскание	Ливв.
		изжога	употребление внутрь	Ливв.
	-	ожог	посыпание	Твер.
соль	заворачивание в тряпочку	сглаз / порча	клали под подушку	Ливв.
		зубная боль	привязывание	Сев.
	заворачивание в тряпочку с произнесением заговора	зубная боль	привязывание	Ливв., Сев.
	разведение в воде	сглаз / порча	обмывание	Ливв.
		рахит	обмывание	Сев.
		боль в горле / ангина	полоскание	Ливв., Сев.
	разведение в воде с добавлением молодых листьев деревьев	рахит	парение	Сев.
смешивание с водкой, серебром и водой	золотуха	смазывание	Ливв.	

¹⁶⁰⁸ Таблица сделана автором на основе полевых материалов автора и используемых источников и литературы.

Продолжение таблицы 4 – Минеральные средства в карельской народной медицине

	смешивание с кислой сметаной и крепким щелоком	чесотка	смазывание	Держ., Сев., Твер.
	смешивание с шершнями	колики	смазывание	Сев.
	смешивание семенами конопля и сливками	ожог	смазывание	Сев.
	заговоренная	сглаз / порча	?	Твер.
	посыпанная на хлеб	рвота / тошнота	употребление внутрь	Ливв.
глина	размятая	зубная боль (флюс)	примочка	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
		нарыв	примочка	Твер.
земля	начертание круга	хворь от земли	прикладывание с произнесением заговора	Ливв.
	заговоренная	укус змеи	смазывание	Сев.
		экзема	прикладывание	Сев.
	сухая	опрелость (между пальцами ног)	присыпание	Твер.
	разогретая	обморожение	компресс	Сев.
	вываренная	рана	присыпание	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
	-	хворь от земли	обведение вокруг больного места с произнесением заговора	Твер.
		грудница	прикладывание	Сев.

Продолжение таблицы 4 – Минеральные средства в карельской народной медицине

камень	кипячение в воде	хворь от воды	держание над паром от камней	Сев.
	горячий	родимчик	держание над паром от камней	Твер.
	держание в воде с произнесением заговора	жар / горячка	(вода) употребление внутрь	Сев.
		ожог	произнесение заговора	Сев.
	-	укус змеи	вставание на камень	Сев.
	вставание на камень с произнесением заговора		Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.	
купоросное масло	-	зубная боль	смазывание	Сев.
мел	-	щетинка	натираие	Ливв.
		боль в животе	употребление внутрь	Сев.
песок	горячий	рахит	прогревание	Сев.
		рожистое воспаление	смазывание	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.

Таблица 5 – Используемые средства в физиотерапии, народной хирургии и травматологии¹⁶⁰⁹

Вид средства	Способ изготовления	Заболевания	Способ применения	В каких локальных группах применяли
воск, ногти человека	скатывание в шарики	высокая температура, жар или очень плохая болезнь, напоминающая припадок (<i>otahine</i>)	закладывание в дверной косяк	Тихв.
дым	сжигание бересты, держание тряпки над дымом	хворь от огня	прикладывание с произнесением заговора	Тихв.
зола / пепел	горячая	боль в горле / ангина	привязывание в ткани	Твер.
	выпаренная	молочница во рту у ребенка	смазывание	Держ.
	теплая	колотье	прикладывание	Ливв.
	смешивание с водой	колотье	употребление внутрь	Сев.
	-	хворь от огня	прикладывание с произнесением заговора	Люд.
	оспа	смазывание с произнесением заговора	Сев.	

¹⁶⁰⁹ Таблица сделана автором на основе полевых материалов автора и используемых источников и литературы.

Таблица 5 – Используемые средства в физиотерапии, народной хирургии и травматологии

		бородавка	выбрасывание на север с произнесением заговора	Сев.
		мозоль	посыпание	Сев.
сажа	смазывание иглы	ветрянка	прокалывание	Сев.
	смазывание нитки	мозоль	протягивание	Сев.
	смазывание щепки	нарыв	прокалывание	Ливв.
	смешивание с водкой	расстройство желудка	употребление внутрь	Ливв.
	-	кровотечение	посыпание	Держ.
	-	порез	посыпание	Твер.
уголь	глеющий	хворь от огня	прикладывание с произнесением заговора	Сев.
	заговоренный	хворь от огня	прикладывание с произнесением заговора	Сев.
	смешивание с водкой	расстройство желудка	употребление внутрь	Ливв.
	-	хворь от огня	нажимание	Сев.
щелок	смешивание с серой, кислой сметаной	чесотка	смазывание	Держ., Сев., Твер.
	-	вши	мытьё	Ливв.
грудное молоко	подогретое	боль в ушах / отит	закапывание	Сев.
грязь	соскабливание с пятака	порез	смазывание	Ливв.
моча человеческая	-	боль в ушах / отит	закапывание	Ливв.

Продолжение таблицы 5 – Используемые средства в физиотерапии, народной хирургии и травматологии

		нагноение глаз	промывание	Ливв.
		золотуха	смазывание	Ливв., Люд.
		золотуха	закапывание	Ливв., Люд.
		родимчик	мытьё	Ливв.
		царапина	обрабатыва- ние	Ливв.
	смоченные мочой пеленки / тряпки	золотуха (у младенца)	заворачива- ние	Ливв., Люд.
		родимчик	компресс	Ливв.
		порез	перевязыва- ние	Ливв.
		ушиб	компресс	Ливв.
пот	соскабливание с подмышек	порез	смазывание	Ливв.
скопление между пальцами ног	-	кашель, насморк	нюхание	Сев.
слюна че- ловеческая	-	хворь от ог- ня / огневи- ца	плевание	Ливв., Твер.
		боль в глазу	облизывание	Ливв.
		соринка в глазу	слизывание	Держ., Ливв., Сев., Твер., Тихв.
		кровооче- ние	плевание	Ливв.
		порез	плевание	Ливв.
	смоченная слюной тряпочка	соринка в глазу	обтирание	Сев.
	смешивание с дрож- жами, жиром и му- кой	щетинки	смазывание	Держ., Ливв., Сев.
сопли	-	насморк	обмазывание дверной тяги	Ливв.
ушная сера	-	опрелость	смазывание	Сев.

Продолжение таблицы 5 – Используемые средства в физиотерапии, народной хирургии и травматологии

		трещина	смазывание	Люд.
		потертость / натертость	смазывание	Сев.
керосин	-	зубная боль	примочки	Сев.
		кашель	смазывание	Ливв.
		вши	втирание	Ливв.
		радикулит	натираение	Ливв.
		нагноение / гной	смазывание	Ливв., Тихв.
золото	кипячение в растительном масле	золотуха	смазывание	Ливв.
	серьги	золотуха	вдевание в мочки	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
медь	монеты	грыжа	прикладывание с произнесением заговора	Ливв., Сев.
ртуть	смешивание с серой	вши / педикулез	втирание	Ливв.
	-	боль в ушах / отит	закапывание	Сев.
		перелом / трещина	?	Сев.
серебро	стружка, накиданная в ключевую воду	хворь от леса	(вода) обмывание	Сев.
	смешивание с водкой, солью, водой	золотуха	смазывание	Ливв.
	стружка	хворь от леса (симптом: боль в глазу)	строгание в гнездо синицы с произнесением заговора	Сев.

Таблица 6 – Заговоры в карельской народной медицине¹⁶¹⁰

Место проведения ритуала	Кто проводит ритуал	Используемые предметы	Действия	Название болезни	В каких локальных группах применяли
баня	?	ключевая вода	обливание	болезнь смерть	Сев.
		сливки	смазывание	цыпки	Твер.
		?	парение	головная боль	Твер.
			парение, угощение	оспа	Сев.
	мать	ведьино помело, решето	обливание водой через решето	сглаз / порча	Сев.
		белая, цветная, черная лента	дарение подарков	хворь от бани	Твер.
		земля	прикладывание	экзема	Сев.
	знахарь	земля / пепел / мусор	сборание мусора, складывание мусора обратно	хворь от бани	Сев.
	знахарь, мать	собака / щенок	парение	рахит	Ливв.
	знахарь	собака / щенок	бросание щенка в трубу	рахит	Ливв.
баня, дом	-	веник, яйцо	парение, угощение	оспа	Твер.
	родители заболевшего	пироги, вино	поклоны, просьба о прощении, угощения, парение	оспа	Сев.
водоем (берег)	заболевший	щука	протираание, отпускание	веснушки	Ливв.
		лед	купание, натирание	чесотка	Сев.

¹⁶¹⁰ Таблица сделана автором на основе полевых материалов автора и используемых источников и литературы.

Продолжение таблицы 6 – Заговоры в карельской народной медицине

водоем (по поверьям – источник болезни)	знахарь, заболевший	пироги (сканцы, овсяные блины)	просьба о прощении, дарение подарков (пироги)	хворь от воды	Ливв.
	?	подарки	просьба о прощении, поклоны, дарение подарков	хворь от воды	Сев.
		посудина с водой, серебряная монета	просьба о прощении, крещение воды, смазывание	хворь от воды	Сев.
водопад	знахарь	веник	хлестание	проклятие	Сев.
	?	грязная женская рубаха, веник	парение веником, обливание водой	проклятие	Сев.
водопад, дом	?	камень, ольховая лодочка, вода из водопада, веник	парение веником, обливание водой, отправление лодочки	проклятие	Сев.
двор	заболевший	-	поклоны	болезнь смерть	Сев.
		портянки, льняное белье	сжигание, смазывание	оспа	Сев.
девятая жердь прясла для сушки сена	заболевший	-	-	боль в горле / ангина	Сев.
дом	заболевший	-	массаж	жаба	Люд.
		заговоренный жир тюленя	протирание	соринка в глазу	Сев.
	мать, член семьи	скамья, ко черга	перебирание мусора	ночница	Сев.

Продолжение таблицы 6 – Заговоры в карельской народной медицине

	?	веретено, прялка, шило, соха	втыкание в матицу	ночница	Твер.
		недовязан- ная рыбац- кая сеть, прялка, пу- чок льна, веретено	подвязыва- ние к люль- ке	ночница	Ливв.
		прялка, ве- ретено, очески льна, сетка, шишка	клали под подушку	ночница	Люд.
		ножницы, кусок тка- ни, игла, шило, ку- сок кожи	передача ра- боты	ночница	Твер.

Таблица 7 – Знахарство в карельской народной медицине¹⁶¹¹

Место проведения ритуала	Участники ритуала	Используемые предметы / вещества	Действия	Наличие заговора	Название болезни	В каких локальных группах применяли
баня	знахарь	земля, пепел, мусор	-	+	хворь от бани	Сев.
	знахарь, больной	листья банного веника	прикладывание	+	нарыв	Сев.
баня / двор	знахарь, больной	грязь / навоз	прикладывание	-	экзема	Сев.
баня, дом	знахарь, больной	прутья из веника, вода, коса	парение, «обкалывание» избы	-	ночница	Сев.
водопад	знахарь, больной	веник	хлестание	+	проклятие	Сев.
		ветки, грязная рубаха	парение, обливание	+	проклятие	Сев.
двор / лес	знахарь, больной	нож	очерчивание	-	нарыв	Сев.
дом	знахарь	мусор / ножницы для стрижки овец	расположение под кроватью	+	ночница	Тихв.
		камень, вода, ольховая лодочка	парение, обливание, «отсылание» болезни	+	проклятие	Сев.
	знахарь, больной	топор	делание меток	+	боль в спине	Держ.

¹⁶¹¹ Таблица сделана автором на основе полевых материалов автора и используемых источников и литературы.

Продолжение таблицы 7 – Знахарство в карельской народной медицине

		горшочки	вытягивание пупа	-	выпадение пупа	Повсеместно
		заговоренные веретено, скалка, нож	прикладывание + проворачивание по часовой стрелке	-	грыжа	Ливв.
		платок матери,	“кусание” грыжи	+	грыжа	Сев.
		ночная сорочка матери	“кусание” грыжи	+	грыжа	Ливв.
		пеленка, ключи, нож	“кусание” грыжи, проворачивание по часовой стрелке, “рисование” крестов	-	грыжа	Ливв.
		послед, моча, ножницы	мытьё, обвязывание головы последом, держание ножниц под подушкой	-	родимчик	Ливв.
		скисший квас, горячий камень	держание над паром	-	родимчик	Твер.
			“меряние”	+	болезнь с недомоганиями	Сев.

Продолжение таблицы 7 – Знахарство в карельской народной медицине

			массаж	-	вывих	Тихв.
дом / перекресток дорог	знахарь, больной	заговоренная вода	окатывание	-	жар / горячка	Ливв.
дом / порог	знахарь, больной	веретено	обкалывание	+	радикулит	Новг.
	исполнитель (знахарь), слушающий, больной	веник, топор	разрубание веника	+	радикулит	Держ., Ливв., Люд., Сев., Твер., Тихв.
дорога	знахарь, больной	скатерть, монеты, овес, ячмень, масло, сахар, чай, кофе	накрывание скатертью, дарение подарков	+	хворь от леса, хворь от огня	Люд.
ключ (источник)	знахарь, больной	серебряная стружка	обмывание лица, выливание воды в муравейник	-	хворь от леса	Сев.
лес	знахарь	-	-	+	хворь от леса	Сев.
огород	знахарь, больной	земля	обведение вокруг болячки	-	хворь от земли	Твер.
подпол	знахарь, больной	земля	обведение вокруг болячки	-	хворь от земли (симптом: боль в ногах)	Твер.
?	знахарь	-	просьба о помощи	-	хворь от ветра	Твер.
	знахарь, больной	холодная вода	окатывание	-	сглаз	Ливв.

Продолжение таблицы 7 – Знахарство в карельской народной медицине

		щепка с кладбища	ковыряние зуба до крови	-	зубная боль	Сев.
		заговоренная соль / ладан / воск / табачный лист	держание на больном зубе	-	зубная боль	Сев.
		заговоренная соль, вода	употребление внутрь	-	жар / горячка	Сев.
		лошадиный кал / моча	прикладывание	-	боль в глазу	Ливв.
		муравьиное / деревянное масло	прикладывание	-	боль в глазу	Сев.
		веретено, ножницы для стрижки овец, нож	держание над пламенем свечи	+	нарыв	Люд.
		вода после мытья икон / зачерпанная иконой	обливание	-	родимчик	Люд., Сев.

Именной указатель информантов

ФИО информанта	Место рождения	Год рождения	Место записи	Год записи
<i>Ливвиковские карелы</i>				
Андреева А. К.	д. Ковера	1932 г.	д. Самбатукса	2003 г.
Андреева К. И.	д. Печная Сельга	1958 г.	д. Куйтежи	2003 г.
Андреева П. В.	д. Печная Сельга	1932 г.	д. Куйтежи	2003 г.
Афанасьева А. С.	д. Вешкелица	1962 г.	г. Петрозаводск	2014 г.
Борисова Е. И.	д. Метчелица	1920 г.	д. Самбатукса	2003 г.
Букина В.Н.	д. Коткозеро	1963 г.	д. Коткозеро	2010 г.
Васильева С. Ф.	д. Коткозеро	1931 г.	д. Коткозеро	2010 г.
Гагарина А. В.	д. Ведлозеро	1938 г.	д. Ведлозеро	2014 г.
Гошкиев М. И.	д. Большие Горы	1928 г.	д. Большие Горы	2003 г.
Гошкиева А. М.	д. Большие Горы	1935 г.	д. Большие Горы	2003 г.
Графов И. П.	д. Ляпякке	1957 г.	д. Куйтежи	2006 г.
Графова З. И.	д. Печная Сельга	1961 г.	д. Куйтежи	2006 г.
Графова Ю. И.	д. Куйтежи	1980 г.	г. Петрозаводск	2015 г.
Гунько Ф. А.	д. Корбинаволоок	1932 г.	п. Кудама	2005 г.
Еремина Т. А.	д. Большие Горы	1958 г.	д. Большие Горы	2003 г.
Ефимова Л. А.	д. Ведлозеро	1927 г.	д. Ведлозеро	2014 г.
Ефремова З. Н.	д. Ведлозеро	1941 г.	д. Ведлозеро	2014 г.
Жуковская В. В.	д. Тукса	1946 г.	г. Сортавала	2013 г.
Зайцева К. С.	д. Коткозеро	1948 г.	д. Коткозеро	2010 г.
Зайцева Н. С.	д. Коткозеро	1952 г.	д. Коткозеро	2010 г.
Кабанов А. Н.	д. Юргилица	1972 г.	г. Олонец	2007 г.
Кабанова Г. П.	д. Царь-порог	1948 г.	г. Олонец	2007 г.
Кипрушев В. А.	д. Новинка	1942 г.	г. Сортавала	2013 г.
Кипрушева В. В.	д. Новинка	1945 г.	г. Сортавала	2013 г.
Кирьянова М. М.	д. Эссойла	1925 г.	д. Эссойла	2004 г.
Клементьев И. Н.	д. Большие Горы	1961 г.	д. Большие Горы	2003 г.
Клементьева С. В.	д. Большие Горы	1961 г.	д. Большие Горы	2003 г.
Леонтьева Г. М.	д. Мегрозеро	1957 г.	д. Куйтежи	2006 г.
Лобская Е. В.	д. Гавриловка	1931 г.	с. Видлица	2013 г.
Логинов Г. М.	д. Матчезеро	1957 г.	д. Ведлозеро	2013 г.
Логинова Н. К.	с. Вешкелица	1958 г.	с. Вешкелица	2014 г.
Малафеева Е. А.	д. Корбинаволоок	1930 г.	д. Чуйнаволоок	2005 г.
Молокова Н. И.	д. Ведлозеро	1930 г.	д. Ведлозеро	2004 г.
Петропавловская В.	д. Коткозеро	1933 г.	д. Коткозеро	2010 г.

В.				
Плешкова М. П.	д. Большие Горы	1928 г.	д. Большие Горы	2003 г.
Попова Е. Ф.	д. Матчезеро	1941 г.	д. Ведлозеро	2013 г.
Присошкова Л. И.	д. Вехкусельга	1952 г.	с. Вешкелица	2014 г.
Прокофьева З. И.	с. Видлица	1940 г.	с. Видлица	2013 г.
Родионова А. В.	д. Коткозеро	1933 г.	д. Коткозеро	2010 г.
Рослова О. Е.	д. Эссойла	1931 г.	д. Эссойла	2004 г.
Рухтоев И. П.	д. Эссойла	1939 г.	д. Эссойла	2004 г.
Серебрянникова О. Н.	п. Поросозеро	1975 г.	с. Вешкелица	2014 г.
Стафеева М. И.	д. Кинерма	1941 г.	д. Кинерма	2013 г.
Трофимов П. И.	г. Сортовала	1952 г.	г. Сортовала	2013 г.
Трофимова А. М.	г. Сортовала	1956 г.	г. Сортовала	2013 г.
Федулин И. Н.	д. Лахта	1951 г.	п. Кудама	2005 г.
Федулина З. А.	д. Корбинаволок	1926 г.	п. Кудама	2005 г.
Федулина З. Н.	д. Лахта	1950 г.	п. Кудама	2005 г.
Хаймоева Е. В.	д. Коткозеро	1959 г.	д. Коткозеро	2010 г.
Щербакова Т. В.	д. Тукса	1944 г.	г. Петрозаводск	2004 г.
<i>Людиковские карелы</i>				
Белов М. И.	д. Пряжа	1950 г.	д. Пряжа	2006 г.
Гречнев А. М.	д. Пряжа	1953 г.	д. Пряжа	2006 г.
Гришина М. И.	д. Пряжа	1930 г.	д. Пряжа	2013 г.
Ефимова Т. А.	д. Пряжа	1929 г.	д. Пряжа	2013 г.
Иванов В. Н.	д. Пряжа	1959 г.	д. Пряжа	2006 г.
Иванов Н. М.	д. Пряжа	1950 г.	д. Пряжа	2006 г.
Иванова Р. К.	д. Пряжа	1947 г.	д. Пряжа	2013 г.
Иммонен Л. И.	д. Пряжа	1949 г.	д. Пряжа	2013 г.
Капитонова А. Я.	д. Святозеро	1931 г.	д. Святозеро	2015 г.
Капшина П. И.	д. Святозеро	1934 г.	д. Святозеро	2015 г.
Капшина Р. Г.	д. Пряжа	1938 г.	д. Пряжа	2006 г.
Ковальчук Н. И.	д. Нюхово	1961 г.	д. Михайловское	2013 г.
Кулакова Л. Ф.	д. Пряжа	1959 г.	д. Пряжа	2006 г.
Макарова А. Е.	д. Пряжа	1941 г.	д. Пряжа	2006 г.
Малахова Т. Г.	д. Святозеро	1950 г.	д. Святозеро	2015 г.
Неволайнен В. Ф.	д. Пряжа	1955 г.	д. Пряжа	2013 г.
Поташова Л. И.	д. Михайловское	1945 г.	д. Пряжа	2006 г.
Прядихина Л. И.	д. Святозеро	1948 г.	д. Святозеро	2015 г.
Родионова А. П.	д. Пряжа	1979 г.	г. Петрозаводск	2014 г.
Савельева В. И.	д. Святозеро	1935 г.	д. Святозеро	2015 г.
Сазонов И. П.	д. Пряжа	1951 г.	д. Пряжа	2014 г.
Сергеев А. В.	д. Пряжа	1962 г.	д. Пряжа	2014 г.
Сергеева Т. В.	д. Пряжа	1961 г.	д. Пряжа	2014 г.
Силин Б. И.	д. Святозеро	1941 г.	д. Святозеро	2015 г.
Силина В. И.	д. Святозеро	1934 г.	д. Святозеро	2015 г.
Силкина В. А.	д. Пряжа	1937 г.	д. Пряжа	2013 г.
Таможникова З. А.	д. Пряжа	1949 г.	д. Пряжа	2014 г.

Тимошкина Н. В.	д. Пряжа	1962 г.	д. Пряжа	2014 г.
Филькина П. Н.	д. Святозеро	1952 г.	д. Святозеро	2015 г.
Фомина В. В.	д. Святозеро	1938 г.	д. Святозеро	2015 г.
<i>Собственно-карелы</i>				
Андреев Н. А.	п. Кестеньга	1942 г.	г. Петрозаводск	2015 г.
Андреева Л. И.	п. Кестеньга	1946 г.	г. Петрозаводск	2015 г.
Антипов Н. М.	п. Кестеньга	1962 г.	г. Петрозаводск	2015 г.
Ватанен Н. В.	п. Ухта (совр. Калевала)	1976 г.	г. Петрозаводск	2014 г.
Ватанен О. И.	п. Ухта (совр. Калевала)	1978 г.	г. Петрозаводск	2014 г.
Зайков П. М.	п. Кестеньга	1936 г.	г. Петрозаводск	2015 г.
Егоров И. С.	д. Войница	1980 г.	г. Петрозаводск	2014 г.
Егоров Л. С.	д. Войница	1982 г.	г. Петрозаводск	2014 г.
Егорова А. С.	п. Ухта (совр. Калевала)	1962 г.	д. Войница	2014 г.
Каргуева В. Н.	д. Вокнаволок	1930 г.	д. Вокнаволок	2003 г.
Карлова О. Л.	д. Вокнаволок	1976 г.	г. Петрозаводск	2015 г.
Кеттунен З. А.	п. Ухта (совр. Калевала)	1961 г.	д. Вокнаволок	2015 г.
Маликин В.С.	д. Войница	1947 г.	п. Куусиниеми	2014 г.
Маликина В. И.	г. Кемь	1945 г.	п. Куусиниеми	2014 г.
Лессонен А. И.	д. Войница	1949 г.	д. Войница	2014 г.
Лессонен В. С.	д. Войница	1948 г.	д. Войница	2014 г.
Ругоев И. М.	д. Ювалакша	1950 г.	п. Куусиниеми	2014 г.
Ругоева Л. В.	п. Калевала	1953 г.	п. Куусиниеми	2014 г.
Сапожникова А. Е.	д. Войница	1939 г.	д. Войница	2014 г.
Торвинен Л. П.	д. Толлорека	1948 г.	д. Вокнаволок	2015 г.
Трофимов Л. Н.	д. Войница	1951 г.	д. Войница	2014 г.
Трофимова Ю. Н.	д. Войница	1951 г.	д. Войница	2014 г.

Указатель населенных пунктов.

Собственно–карелы

Название населенного пункта на русском языке	Административное подчинение по списку населенных мест Олонецкой губернии и списку населенных мест Архангельской губернии 1905 г.	Административное подчинение по списку населенных КАССР 1926 г.	Современное положение
Беломорский район			
Кевятозеро	Тунгудская волость Кемского уезда	Кевятъозерский сельский совет, Тунгудский район	Сосновецкое сельское поселение, Беломорский район
Кучозеро	Тунгудская волость Кемского уезда	Тунгудский сельский совет, Тунгудский район	Сегежский район
Тунгуда	Тунгудская волость Кемского уезда	Тунгудский сельский совет, Тунгудский район	Сосновецкое сельское поселение
Калевальский район			
Аконлахти / Бабья Губа	Кондокская волость Кемского уезда	Бабьегубский сельский совет, Ухтинский район	Не существует
Войница	Вокнаволоцкая волость Кемского уезда	Войницкий сельский совет, Ухтинский район	Калевальский район
Воокинсалми / Воокинсалма	Кондокская волость Кемского уезда	Кондокский сельский совет Ухтинский район	Не существует
Калевала (до 1963 г. Ухта)	Ухтинская волость Кемского уезда	Ухтинский сельский совет, Ухтинский район	Калевальский район
Каменное озеро	Вокнаволоцкая волость Кемского уезда	Каменозерский сельский совет, Ухтинский район	Не существует
Мяркяваара		Бабьегубский сельский совет, Ухтинский район	Калевальский район
Сопосал(ь)ма	Юшкозерская волость Кемского уезда	Сопосалмский сельский совет, Ухтинский район	Калевальский район
Тихтозеро	Тихтозерская волость Кемского уезда	Тихтозерский сельский совет, Ухтинский район	Луусалмское сельское поселение Калевальский район
Ювялакша	Ухтинская волость	Ювялакшский	Калевальский

	Кемского уезда	сельский совет, Ухтинский район	район
Юшкозеро	Юшкозерская волость Кемского уезда	Юшкозерский сельский совет, Ухтинский район	Калевальский район
Кемский район			
Кемь	Кемская волость Кемского уезда	Кемский городской совет, Кемский район	Кемское городское поселение
Панозеро	Погостская волость Кемского уезда	Погостский сельский совет, Кемирецкий район	Кемский район
Кондопожский район			
Вохтозеро	Спасопреображенская волость Петрозаводского уезда	Вохтозерский сельский совет Петровского район	Кондопожский район
Кончезеро	Спасопреображенская волость Петрозаводского уезда	Кончезерский сельский совет Петровского район	Кондопожский район
Костомукшский городской округ			
Вокнаволоок	Вокнаволоокская волость Кемского уезда	Вокнаволоокский сельский совет, Ухтинский район	Костомукшский городской округ
Каркуярви	—	—	Костомукшский городской округ
Кондока	Кондокская волость Кемского уезда	Кондокский сельский совет, Ухтинский район	Не существует
деревня Костомукша	Кондокская волость Кемского уезда	Костомукшский сельский совет, Ухтинский район	Не существует
Ладвозеро	Вокнаволоокская волость Кемского уезда	Каменозерский сельский совет, Ухтинский район	Костомукшский городской округ (никто не проживает)
Минозеро	Ругозерская волость Повенецкий уезд	Лувозерский сельский совет, Ругозерский район	Костомукшский городской округ
Поньгогуба	Вокнаволоокская волость Кемского уезда	Понгалакшский сельский совет, Ухтинский район	Костомукшский городской округ
Суднозеро	Вокнаволоокская волость Кемского уезда	Понгалакшский сельский совет, Ухтинский район	Костомукшский городской округ
Толлорека	Вокнаволоокская волость Кемского уезда	Вокнаволоокский сельский совет, Ухтинский район	Костомукшский городской округ
Лоухский район			

Вычетайбола	Боярский сельский совет Кемского уезда	Боярский сельский совет Кестеньгский район	Не существует
Кестеньга	Кестеньгская волость Кемского уезда	Кестеньгский сельский совет, Кестеньгский район	Лоухский район
Кушеванда	Тихтозерская волость Кемского уезда	Кушевандский сельский совет, Ухтинский район	Лоухский район
Оуланка/ Оланга/ Оуланга	Олангская волость Кемского уезда	Олангский сельский совет, Кестеньгский район	Не существует
Тунгозеро	Кестеньгская волость Кемского уезда	Лайдосалмский сельский совет, Кестеньгский район	Лоухский район
Медвежьегорский район			
Мяндусельга	Мяндусельгская волость Повенецкого уезда	Мяндусельгский сельский совет, Медвежьегорский район	Медвежьегорский район
Паданы	Богоявленская (Паданская) волость	Паданский сельский совет, Сегозерский район	Медвежьегорский район
Юккогуба	Сяргозерский сельский совет	Паданский сельский совет Медвежьегорский район	Медвежьегорский район
Муезерский район			
Кимасозеро	Ребольская волость Повенецкого уезда	Ребольский сельский совет, Ребольский район	Муезерский район
Реболы	Ребольская волость Повенецкого уезда	Ребольский сельский совет, Ребольский район	Муезерский район
Ругозеро	Олангская волость Кемского уезда	Ругозерский сельский совет, Кестеньгский район	Муезерский район
Тикша	–	Ледмозерское сельское поселение	Муезерский район
Суоярвский район			
Поросозеро	Поросозерская волость Повенецкого уезда	Поросозерский сельский совет, Петровский район	Суоярвский район
Суоярви	Суоярвская волость Финляндского княжества Российской Империи	Поселение в составе Финляндии (до 1940 г.)	Суоярвское городское поселение Суоярвский район
Беломорокарельские деревни Финляндии			
Римпи	–	Вокнаволоцкий сельский совет Ух-	Финляндия

		тинский район	
Сухое озеро / Куйваярви	Спасопреображенская волость Петрозаводского уезда	Пялозерский сельский совет, Петровский район	коммуна Суомуссалми
Хиетаярви	–	Кимасозерский сельский совет, Ругозерский район	коммуна Суомуссалми

Новгородские карелы

Название населенного пункта на русском языке	Административное подчинение до 1940 г.	Административное подчинение до 2014 г.	Современное положение
Валдай			Валдайское городское поселение Валдайского района Новгородской области
Марково	Мытнецкий сельский совет Новгородского района Ленинградской области	Новоселецкое сельское поселение	Савинское сельское поселение Новгородский муниципальный район Новгородской области

Тверские карелы

Название населенного пункта на русском языке	Административное подчинение по списку Д. Рихтера 1873 г.	Современное положение
Зубцовский район		
Новое	Ивановская волость Зубцовского уезда Тверской губернии	Погорельское сельское поселение Зубцовский район Тверская область
Семеновское	Ивановская волость Зубцовского уезда Тверской губернии	Погорельское сельское поселение Зубцовский район Тверская область
Лихославльский район		
Большое Плоское	Дорская волость Новоторжского уезда Тверской губернии	Барановское сельское поселение Лихославльский район Тверская область
Пальцево	Толмачевская волость Бежецкого уезда Тверской губернии	Лихославльский район Тверская область
Толмачи	Толмачевская волость Бежецкого уезда Тверской губернии	Толмачевское сельское поселение Лихославльский район Тверская область
Калининский район		

Александровка	–	Михайловское сельское поселение Калининский район Тверская область
Васильевское	–	Михайловское сельское поселение Калининский район Тверская область
Максатихинский район		
Воздвиженка	Бежецкий уезд Тверской губернии	Ривицкое сельское поселение Максатихинский район Тверская область
Рамешковский район		
Заручье	Козловская волость Вышневолоцкого уезда Тверской губернии	Рамешковский район Тверская область
Морозовка	Козловская волость Вышневолоцкого уезда Тверской губернии	Рамешковский район Тверская область
Спировский район		
Пасынки	Козловская волость Вышневолоцкого уезда Тверской губернии	Спировский район Тверская область

Тихвинские карелы

Название населенного пункта на русском языке	Административное подчинение в 1905 г.	Современное положение
Бокситогорский район		
Коргорка	Тарантаевская волость Тихвинского уезда Новгородской губернии	Бокситогорский район, Ленинградская область Климовское сельское поселение
Селище	Тарантаевская волость Тихвинского уезда Новгородской губернии	Бокситогорский район, Ленинградская область Климовское сельское поселение
Тихвинский район		
Тихвин	Тихвинский уезд Новгородской губернии	Тихвинский район, Ленинградская область

Ливвиковские карелы

Название населенного пункта на русском языке	Административное подчинение по списку населенных мест Олонецкой губернии 1905 г.	Административное подчинение по списку населенных КАССР 1926 г.	Современное положение
Олонецкий район			
Большие Горы	Видлицкая волость Олонецкого уезда	Большегорский сельский совет, Видлицкий район	Видлицкое сельское поселение Олонецкий рай-

			он
Видлица	Видлицкая волость Олонецкого уезда	Видлицкий сель- ский совет Видли- цкий район	Видлицкое сель- ское поселение Олонецкий рай- он
Коткозеро	Коткозерская во- лость Олонецкого уезда	Коткозерский сельский совет, Олонецкий район	Коткозерское сельское посе- ление, Олонец- кий район
Мегрозеро	Неккульская волость Олонецкого уезда	Куйтежский сель- ский совет , Оло- нецкий район	Куйтежское сельское посе- ление, Олонец- кий район
Неккула / Некку- лицы	Неккульская волость Олонецкого уезда	Мегрецкий сель- ский совет, Оло- нецкий район	Олонецкий рай- он
Нинисельга	–	Тиверский сель- ский совет Оло- нецкий район	Коверское сель- ское поселение, Олонецкий рай- он
Олонец	Олонецкий уезд	Олонецкий сель- ский совет, Оло- нецкий район	Олонецкое го- родское поселе- ние, Олонецкий район
Печная Сельга	Неккульская волость Олонецкого уезда	Куйтежский сель- ский совет , Оло- нецкий район	Олонецкий рай- он
Рыпушкалица	Рыпушкальская во- лость Олонецкого уезда	Рыпушкальский сельский совет, Олонецкий район	Олонецкое го- родское поселе- ние, Олонецкий район
Самбатукса (ранее Пипелица)	Неккульская волость Олонецкого уезда	Куйтежский сель- ский совет , Оло- нецкий район	Мегрегское сельское посе- ление, Олонец- кий район
Тукса (ранее Тук- синская горка)	Рыпушкальская во- лость Олонецкого уезда	Туксинский сель- ский совет, Оло- нецкий район	Туксинское сельское посе- ление, Олонец- кий район
Питкярантский район			
Импилахти			Импилахтинское сельское посе- ление, Питкя- рантский район
Салми	Коткозерская во- лость Олонецкого уезда	Коткозерский сельский совет, Олонецкий район	Салминское сельское посе- ление, Питкя- рантский район
Прионежский район			
Шуя	Шуйская волость	Шуйский сельский	Шуйское сель-

	Петрозаводского уезда	совет Прионежский район	ское поселение Прионежский район
Ялгуба (до 1911 г. делилась на три деревни: Анхимовская, Окуловская и Емельяновская)	Шуйская волость Петрозаводского уезда	Ялгубский сельский совет, Прионежский район	Заозерское сельское поселение Прионежский район
Пряжинский район			
Ведлозеро	Ведлозерская волость Олонецкого уезда	Ведлозерский сельский совет, Видлицкий район	Ведлозерское сельское поселение, Пряжинский район
Иванисто	—	Кунгозерский сельский совет Сямозерский район	Пряжинский район
Корбинаволок	Сямозерская волость Петрозаводского уезда	Лахтинский сельский совет, Сямозерский район	Пряжинский район
Курмойла	—	Кунгозерский сельский совет Сямозерский район	Эссоильское сельское поселение Пряжинский район
Лахта	Сямозерская волость Петрозаводского уезда	Лахтинский сельский совет, Сямозерский район	Пряжинский район
Лиете	Сямозерская волость Петрозаводского уезда	Часовенский сельский совет, Сямозерский район	Не существует
Метчелица			Эссоильское сельское поселение Пряжинский район
Савиново	Ведлозерская волость Олонецкого уезда	Савиновский сельский совет, Сямозерский район	Ведлозерское сельское поселение, Пряжинский район
Сямозеро (ранее Сямозерский погост)	Сямозерская волость Петрозаводского уезда	Сямозерский сельский совет, Сямозерский район	Пряжинский район
Сяргилахта	Сямозерская волость Петрозаводского уезда	Вешкельский сельский совет, сямозерский район	Эссоильское сельское поселение Пряжинский район
Тулмозеро			Не существует
Эссойла	Сямозерская волость Петрозаводского уезда	Кунгозерский сельский совет, Сямозерский район	Пряжинский район

Юргилица	Ведлозерская волость Олонецкого уезда	Нялмозерский сельский совет, Видлицкий район	Ведлозерское сельское поселение, Пряжинский район
Суоярвский район			
Вешкелица	Сямозерская волость Петрозаводского уезда	Вешкельский сельский совет, Сямозерский район	Вешкельское сельское поселение Суоярвский район
Корбисельга	Сямозерская волость Петрозаводского уезда	Часовенский сельский совет Сямозерский район	Суоярвский район
Суйстамо	территория Финляндии	территория Финляндии	Лоймольское сельское поселение, Суоярвский район

Людиковские карелы

Название населенного пункта на русском языке	Административное подчинение по списку населенных мест Олонецкой губернии 1905 г.	Административное подчинение по списку населенных КАССР 1926 г.	Современное положение
Кондопожский район			
Галлезеро	Шуйская волость Петрозаводского уезда	Кончезерский сельский совет, Петровский район	Кончезерское сельское поселение, Кондопожский район
Олонецкий район			
Михайловское	Важинская волость Олонецкого уезда	Михайловский сельский совет, Олонецкий район	Олонецкий район
Пряжинский район			
Пряжа		Пряжинский сельский совет, Святозерский район	Пряжинское городское поселение, Пряжинский район
Святозеро		Святозерский сельский совет, Святозерский район	Пряжинское городское поселение, Пряжинский район

Карельский перешеек

Название населенного пункта на русском языке	Административное подчинение в 1905 г.	Современное положение
Лосево (ранее Кивиниеми)	Волость Саккола Выборгская губерния (Финляндия)	Выборгский район Ленинградская область